

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ, ФИЛОЛОГИИ, КУЛЬТУРЫ

JOURNAL OF HISTORICAL, PHILOLOGICAL
AND CULTURAL STUDIES

НАУЧНЫЙ РЕЦЕНЗИРУЕМЫЙ ЖУРНАЛ
ИЗДАЕТСЯ ПОД РУКОВОДСТВОМ
ОТДЕЛЕНИЯ ИСТОРИКО-ФИЛОЛОГИЧЕСКИХ НАУК РАН

1 (39)

Январь–Февраль–Март

Журнал выходит четыре раза в год

ОСНОВАН в 1994 г.

МОСКВА–МАГНИТОГОРСК–НОВОСИБИРСК
2013

Журнал издается в сотрудничестве с Институтом археологии РАН,
Институтом археологии и этнографии СО РАН
и Магнитогорским государственным университетом

Редакционный совет

член-корр. РАН *Р. М. Мунчаев* (председатель)

член-корр. РАН *Х. А. Амирханов*, член-корр. РАН *П. Г. Гайдуков*,
академик РАН *А. П. Деревянко*, академик РАН *С. П. Карпов*,
член-корр. РАН *Г. А. Кошеленко*,
член-корр. НАН Украины *С. Д. Крыжицкий*, академик РАН *Н. А. Макаров*,
д.и.н. *Ю. М. Могаричев*,
академик РАН *В. И. Молодин*, д.и.н. *Э. Д. Фролов*

Редакционная коллегия

д.и.н. *М. Г. Абрамзон* (главный редактор)

к.и.н. *В. А. Гаибов*, д.п.н. *О. В. Гневэк*,
д.и.н. *В. Д. Кузнецов* (зам. главного редактора),
к.и.н. *С. В. Мокроусов* (зам. главного редактора),
д.и.н. *И. В. Октябрьская* (зам. главного редактора),
д.и.н. *И. Е. Суриков*, д.филол.н. *С. Г. Шулешкова*,
к.и.н. *Л. И. Киреева* (ответственный секретарь)

Заведующая редакцией *Ю. А. Федина*

Editorial Board

M. G. Abramzon (Editor-in-Chief),

V. A. Gaibov, O. V. Gnevek, L. I. Kireyeva, V. D. Kuznetsov, S. V. Mokrousov,
I. V. Oktyabrskaya, S. G. Shulezhkova, I. E. Surikov.

Head of the Editorial Office *Yu. A. Fedina*

© Российская академия наук, 2013
© Магнитогорский государственный университет, 2013
© Редколлегия журнала
«Проблемы истории, филологии, культуры»
(составитель), 2013

ИСТОРИЯ

ИСТОРИЯ ДРЕВНЕГО МИРА

Древняя Греция и Рим

© 2013

Е. А. Венидиктова

К ВОПРОСУ О ДИНАСТИЧЕСКОЙ ПРЕЕМСТВЕННОСТИ АРГОССКИХ ЦАРЕЙ

В статье подробно рассматривается вопрос о династической преемственности аргосских царей. Уделяется внимание античным авторам, упоминавшим о царях. На основе проведенного анализа устанавливается, что в Аргосе XII до н.э. утвердился династия Теменидов, которая в определенный период времени была упразднена и представляла собой выборную должность. И лишь десятому потомку Темена Фидону временно удалось возродить династию, которая, очевидно, после бегства внука Фидона трансформировалась в магистратуру (VI в. до н.э.).

Ключевые слова: Аргос, Темениды, Фидон

В период расцвета государств Ахейской Греции Аргос считался одним из важнейших политических центров державы Агамемнона; именно в таком качестве он представлен в гомеровской «Илиаде»¹. Дорийское вторжение в Пелопоннес на рубеже XII–XI вв. до н.э. привело к крушению ахейских царств, однако Аргос, возможно, сохранил свое влияние в Греции в так называемый период «темных веков»², о чем свидетельствует достаточно активное участие аргосцев в колонизации Восточного Средиземноморья и в миграционном движении греков в XI–IX вв. до н.э.³ Вторжение дорийцев под пропагандистским лозунгом возвращения наследства Геракла его потомкам и захвата ими Аргоса привело к утверждению

Венидиктова Елена Александровна — кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры всеобщей истории и методики преподавания Казанского (Приволжского) федерального университета. E-mail: e_venidiktova@mail.ru

¹ См.: Allen 1909, 81–98; Fletcher 1941, 1–9; Drews 1979, 111–135.

² В целом об историческом развитии Греции в период «темных веков» см.: Фролов 1988, 56–93; Андреев 2003.

³ Согласно сообщениям древних авторов, аргосцами были основаны колонии Аспенд (Strabo. XIV. 4. 2; Mela I. 69), Фаселида (Mela I. 70) в Памфилии, Тарс (Strabo. XIV. 5. 12), Малл (Strabo. XIV. 5. 16), Сола (Polyb. XXI. 24; Mela I. 62; Strabo. XIV. 5. 8) в Киликии, Курион (Herod. V. 113; Strabo. XIV. 6. 3) на Кипре, а также поселения на Родосе (Polyb. XXI. 24; Thuc. VII. 57. 6). Об аргосской колонизации см. подробнее: Яйленко 1990, 152–153; Morgan 1991, 90.

в городе династии Гераклидов-Теменидов⁴. Поэтому одним из интереснейших моментов в истории Аргоса последующего архаического периода является реконструкция генеалогии этой династии.

При рассмотрении сообщений античных историков возникает вопрос о династической преемственности власти аргосских царей. Это связано с тем, что древние авторы при изложении материала упоминают о царях, принадлежность которых к династии Теменидов неизвестна. Не менее значимым является тот факт, что одного из наиболее важнейших представителей династии Теменидов, Фидона, античные авторы называют по-разному: царем или тираном, — что позволяет предположить восстановление им династии Теменидов, которая была пресечена после Медона. Кроме этого, современные исследователи чаще всего обращаются к последним Теменидам, не уделяя достаточного внимания началам их династической истории.

Информация о царях Аргоса известна из сообщений ряда античных авторов, однако их сведения в основном фрагментарны. Наибольший интерес представляет содержательный пассаж Павсания (II. 19. 1–2): «Темен явно отдавал предпочтение в качестве вождя во время битв Деифонту, сыну Антимана, внуку Фрасианора, правнуку Ктесиппа, праправнуку Геракла, перед своими сыновьями и во всем обращался к нему за советом; еще раньше он сделал его своим зятем, а из всех детей больше всего любил свою дочь Гернето. Сыновья стали подозревать, что он и царскую власть хочет передать ей и Деифонту. Поэтому против него был устроен заговор со стороны сыновей, и старший из них Кейс получил власть. Но так как аргосцы с древнейших времен привыкли к равноправию и самостоятельности, то права царской власти в сущности они настолько ограничили, что Медону, сыну Кейса, и его потомкам они оставили только имя царей, а десятого потомка Медона, Мельта, сына Лакеды, народ и совсем лишил власти, окончательно низложив его» (пер. С.П. Кондратьева).

Для того чтобы понять содержание данного фрагмента, необходимо обратиться к рассмотрению сообщений других древнегреческих историков по ранней истории Аргоса. В античной традиции общепринято считать первым аргосским царем именно Темена.

Наиболее ранними авторами, упомянувшими о Темене, являются Эфор (ар. Strabo. VIII. 8. 5) и Феопомп (ар. Diod. VII. 13. 17), которые сообщают, что основателем Аргоса после возвращения Гераклидов в Пелопоннес был именно Темен. Упоминание о Темене встречается также у Павсания и Аполлодора: имя Темена здесь связано с преданием о возвращении Гераклидов в Пелопоннес и их притязанием на Аргос (Paus. II. 18. 6–7; IV. 3. 3; Apollod. II. 8. 4). Разумеется, точную дату возвращения Гераклидов в Пелопоннес установить сложно. Т. Келли датирует данное событие 1069 г. до н.э., основываясь на сообщении Эфора⁵. Чаще всего же предполагается, что Гераклиды вернулись в Пелопоннес в XII в. до н.э.⁶

В источниках нет никаких сведений о деятельности Темена, и только лишь из сообщений Павсания (II. 28. 3) и Николая Дамасского (FGrHist. 90. F. 30) мы полу-

⁴ Andrews 1951, 39; Tomlinson 1972, 60; Jeffery 1976, 134–135; Koiv 2003, 216; Молчанов 2004, 153–154; Макаров 2007, 368, 372.

⁵ Kelly 1976, 108.

⁶ Макаров 2007, 376–377.

чаем информацию о том, что у Темена было четыре сына – Кейс, Фальк, Керин, Аргей, а также дочь Гернето, которая была замужем за Деифонтом⁷. Указанные авторы сообщают о конфликте в семье Темена: сыновья Темена стали подозревать своего отца в желании передать царскую власть Гернето и ее мужу Деифонту. Поэтому сыновья устроили заговор против Темена, в результате которого он был убит (Paus. II. 19. 1; Diod. VII. 13; 17; Nic. Dam. FGrHist. 90. F. 30). Следующим аргосским царем, согласно Николаю Дамасскому, должен был стать Деифонт, поскольку Темен успел назвать его своим наследником (Nic. Dam. FGrHist. 90. F. 30). Аполлодор в «Мифологической библиотеке» сообщает, что после убийства войско постановило передать царскую власть Гернето и Деифонту (Apollod. II. 8. 5). Однако из сообщений Павсания становится известно, что Гернето и Деифонт завладели Эпидавром и там обосновались (II. 26. 2; 28. 3). Кроме этого, Эфор и тот же Павсаний утверждают, что царская власть в Аргосе после Темена досталась его старшему сыну Кейсу (ар. Strabo. VIII. 8. 5; X. 4. 18; Paus. II. 19. 1–2).

Итак, следующим аргосским царем становится Кейс, у которого было три сына. Один из них, Алфемей, вместе с аргосцами предпринял поход для поселения на Крит и Родос (Strabo. X. 4. 18), второй, Флиант, поселился во Флиунте (Paus. II. 12. 6), третий же, Медон, по данным Павсания, унаследовал царскую власть в Аргосе. Однако, как следует из процитированного уже сообщения Павсания, власть Медона была ограничена аргосцами (Paus. II. 19. 2). На этом все сообщения античных авторов о царях династии Теменидов обрываются.

Очевидно, царская власть после Медона могла представлять собой уже выборную должность, хотя по всей вероятности пожизненную, без возможности наследования престола. И лишь из сообщения Страбона становится известно еще об одном аргосском царе Фидоне, десятом потомке Темена, который, очевидно, получив должность бацилея (такого мнения придерживается Н.Дж.Л. Хэммонд, который отмечает, что Фидон получил традиционную должность бацилея путем избрания⁸) восстановил династию Теменидов в Аргосе в VII в. до н.э. (Strabo. VIII. 3. 33; 6. 16)⁹.

Этот Фидон являлся одним из наиболее важных представителей династии Теменидов¹⁰. Его деятельность не оставила равнодушными не только античных авторов, но и современных исследователей. Античные историки считали Фидона крупным реформатором и военачальником (Hdt. VI. 127; Paus. VI. 22. 2). Фидону приписывается чеканка монет на Эгине и введение меры весов.

После насильственной гибели Фидона в результате заговора в Аргосе царскую власть получил его сын Лакед (Леокед). Однако некоторые современные исследователи предполагают, что Леокед был сыном Фидона II (около 610 г.)¹¹. Р.А. Томлинсон объясняет свое мнение тем, что Геродот спутал Фидона Аргосского с другим Фидоном, который жил в 600 г. до н.э. П.А. Евдокимов также предполагает, что Леокед был не сыном знаменитого Фидона, а его внуком, родившимся

⁷ Диодор не упоминает о младшем сыне Темена Аргее, но это, вероятно, не повод сомневаться в его существовании.

⁸ Хэммонд 2007, 403.

⁹ Об этом подробнее см. Венидиктова 2009, 109–114.

¹⁰ Вопрос о времени правления Фидона Аргосского является дискуссионным. Об этом наиболее подробно см. Венидиктова 2010, 29–38.

¹¹ Jeffery 1963, 157; Tomlinson 1972, 81.

во второй половине VII в. до н.э.¹² Оригинальную реконструкцию династической истории «последних» Теменидов предлагает Дж. Хаксли. Он считает, что знаменитый Фидон Аргосский передал власть сыну Лакеду, который царствовал в 700 г. до н.э., а тот, в свою очередь — своему сыну Мельту (660 г. до н.э.), которого народ лишил власти. Однако уже в 600 г. до н.э. царская власть в Аргосе принадлежала потомку Мельта — Фидону из Клеон, сын которого Аристид победил на Немейских играх в 560 г. до н.э., что позволяет отнести Фидона, упомянутого Геродотом, к 600 г. до н.э. Аристид же являлся современником Леокеда, который был женихом к Агаристе в 580 или 570 г. до н.э., а это означает, что они были сыновьями Фидона из Клеон¹³.

Утверждение о существовании Фидона II является не более чем остроумной гипотезой, позволяющей устранить противоречия в традициях в отношении датировки правления Фидона. Все источники единодушно свидетельствуют о существовании единственного Фидона. Поэтому, датируя царствование Фидона серединой — второй половиной VII в. до н.э., можно предположить, что его сын Лакед должен был править в Аргосе в конце VII — начале VI в. до н.э., что делает возможным его участие в сватовстве Агаристы (Hdt. VI, 126–127), хотя, конечно, уже в немолодом возрасте. Плутарх отзывается о Леокеде как о правителе с недостойной царя репутацией (Plut. Mor. 89e)¹⁴. Однако Т. Келли подвергает сомнению факт, что Леокед был царем Аргоса. Он обосновывает свое мнение тем, что Геродот даже не сообщает нам о Леокеде как о царе Аргоса, а только лишь упоминает, что он был сыном Фидона. И для того чтобы понять, был ли Леокед царем, нужно обратиться к Плутарху, так как он один из древних авторов утверждает, что Леокед был царем¹⁵.

Леокед передал царскую власть в Аргосе своему сыну Мельту, который царствовал в VI в. до н.э.¹⁶ Павсаний сообщает, что десятого потомка Медона, Мельта, сына Лакеды, народ лишил власти, окончательно низложив его (II. 19. 2). Причиной этому могли послужить надменность Мельта, последнего из Теменидов, и неповиновение ему народа (Plut. Lykurg. 7). Подтверждение тому, что царская власть Мельта была насильственно свергнута, мы находим в сообщении Феопомпа, который, описывая войну аргосцев с лакедемонянами, произошедшую в VI в. до н.э. под предводительством своего царя, отмечает, что народ порицал царя за то, что он их землю передавал изгнанникам, а не раздавал им по жребию. Именно из-за этого аргосцы восстали и напали на него. Мельт бежал в Тегею и там

¹² Tomlinson 1972, 81. П. Евдокимов также аргументирует свое мнение следующим образом. Если принимать за расчетный период возраст греческого представления об акмэ в 40 лет, то Леокед должен родиться ок. 610–600 г. до н.э., а Фидон соответственно — 640 г. до н.э., что делает последнего слишком молодым, чтобы быть участником событий 668 г. до н.э. На наш взгляд, данная аргументация является неубедительной, так как мы также можем предположить, что Фидон родился в 689 г. до н.э., следовательно, Леокед мог быть рожден в 630 г. до н.э., а это означает, что Фидон вполне мог быть участником событий 669 г. до н.э., а Леокед — быть в списке женихов к Агаристе (Евдокимов 2005, 98).

¹³ Huxley 1958, 597–601.

¹⁴ Koiv 2003, 217.

¹⁵ Kelly 1976, 107.

¹⁶ Однако Э. Эндрюс датирует Мельта концом VII в. до н.э. (Andrews 1951, 44).

жил, почитаемый теми, кто получил его благодеяния (Diod. VII. 13. 2)¹⁷. Однако Т. Келли не согласен с тем, что аргосская царская власть пришла к концу во втором поколении после Фидона, во время царствования Мельта. Свое мнение он обосновывает тем, что эту информацию мы получаем из сообщения Павсания, а он лишь один из древних авторов, который утверждает это¹⁸. Данное мнение является неубедительным; кроме Павсания о свержении царской власти во время царствования Мельта мы узнаем еще из сообщения Плутарха (Plut. Lykurg. 7) и Диодора (Diod. VII. 13. 2)¹⁹. На этом и пресеклась династия Теменидов.

Таким образом, вполне очевидно, что в Аргосе в XII до н.э. утвердилась династия Теменидов, основателем которой является Темен. В определенный период царская власть была упразднена и представляла собой выборную должность, без возможности наследования престола. И лишь десятому потомку Темена Фидону временно удалось возродить династию, которая, очевидно, после бегства Мельта, внука Фидона, трансформировалась в магистратуру в VI в. до н.э. (Hdt. VII. 149; Tod. I. 33; Plut. Mor. 369C).

ЛИТЕРАТУРА

Андреев Ю. В. 2003: Раннегреческий полис (гомеровский период). Избранные статьи. СПб.

Венидиктова Е. А. 2009: О тирании в Аргосе в VII–VI вв. до н.э. // Ученые записки КГУ. 151, 109–114.

Венидиктова Е. А. 2010: Политическое развитие Аргоса в архаический и классический периоды: дис... канд. ист. наук. Казань.

Евдокимов П. А. 2005: Элида и управление Олимпийским святилищем в VIII — V вв. до н.э.: дис... канд. ист. наук. М.

Макаров И. В. 2007: Историко-мифологическое предание о возвращении Гераклидов // Мнемон: Исследования и публикации по истории античного мира / Э.Д. Фролов (ред.). СПб., 367–378.

Молчанов А. А. 2004: Персеиды-Гераклиды-Темениды: идея непрерывной династической легитимности в официальных родословных античных монархов // Древнейшие государства Восточной Европы. М., 151–159.

Фролов Э. Д. 1988: Рождение греческого полиса. Л.

Хэммонд Н.-Дж.-Л. 2007: Пелопоннес // Кембриджская история древнего мира. Расширение Греческого мира VIII–VI века до н.э. / А.В. Зайков (пер.). М., 382–429.

Яйленко В. П. 1990: Архаическая Греция и Ближний Восток. М.

Allen T. W. 1909: Argos in Homer // The Classical Quarterly. 3, 81–98.

Andrews A. 1951: Ephoros Book I and the Kings of Argos // The Classical Quarterly. 1, 39–45.

Drews R. 1979: Argos and Argives in the Iliad // Classical Philology. 74, 111–135.

Fletcher F. 1941: Tyrris, Argos, Mycenae in Legend and Literature // Greece & Rome. 11, 1–9.

Huxley G. L. 1958: Argos et les derniers Temenidis // BCH. 82, 588–601.

Jeffery L. H. 1963: The local scripts of archaic Greece. Oxford.

¹⁷ Э. Эндрюс считает, что Мельт был изгнан и бежал в Тегею в VII в. до н.э. во время Второй Мессенской войны, и, таким образом, относит свержение царской власти в Аргосе к VII в. до н.э. (Andrews 1951, 44).

¹⁸ Kelly 1976, 107.

¹⁹ Andrews 1951, 40–41; Tomlinson 1972, 84; Koiv 2003, 218.

-
- Jeffery L. H.* 1976: *Archaic Greece. The City-States c. 700–500 B. C.* London.
Kelly T. 1976: *A History of Argos to 500 B. C.* Minneapolis.
Koiv M. 2003: *Ancient Tradition and Early Greek History: the origins of states in early-archaic Sparta, Argos, and Corinth.* Tallin.
Morgan C. 1991: *Pots and Politics: Ceramic Evidence for the Rise of the Argive State* // *American Journal of Archaeology.* 95, 79–108.
Tomlinson R. A. 1972: *Argos and the Argolid from the End of the Bronze Age to the Roman Occupation.* London.

ON THE DYNASTIC SUCCESSION OF KINGS OF ARGOS

E. A. Venidictova

The article regards the dynastic succession of kings of Argos. Special attention is given to the ancient authors mentioning the kings. It is argued that in Argos in the 12th century BC the Temenid dynasty has established. But in a certain period of time this dynasty has been removed and became no more than a public office. Only the tenth descendant of Temen Pheidon temporarily managed to revive the dynasty, which, obviously, after fleeing Pheidon's grandson Meltos, was transformed into eponymic magistracy in the 6th century BC.

Key words: Argos, Temenids, Pheidon

© 2013

Ю. Е. Краснобаева

ТЕРМИНОЛОГИЯ САКРАЛЬНОГО СЛУЖЕНИЯ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ ФИЛОНА АЛЕКСАНДРИЙСКОГО

Понятие «служения» не занимает большого места в произведениях Филон, но позволяет сделать некоторые наблюдения касательно эволюции этого понятия в грекоязычной литературе. Основной термин, который он использует для выражения этого понятия — *θεραπεύω*, *θεραπεία*, — традиционный для эллинской литературы. Однако термины слова *λειτουργέω*, *λειτουργία* и *λατρέω*, *λατρεία* используются в ветхозаветном значении культового служения, к античным значениям Филон здесь не обращается. Термины же *διακονέω*, *διακονία*, *διάκονος* едва ли не впервые, пусть редко и в виде аллегории, приобретают значение «служения Богу».

Ключевые слова: Филон Александрийский, раннехристианская церковь, понятие диаконии

Прежде чем перейти к основным рассуждениям статьи, вероятно, необходимо объяснить причину, по которой у автора, не способного причислить себя к специалистам-филоноводам, возникла необходимость обратиться к столь непростой

Краснобаева Юлия Евгеньевна — научный сотрудник, хранитель ГМИИ им. А. С. Пушкина.
E-mail: krasnobaeva@coins-and-medals.ru

сфере исследования, как тексты Филона. Задавшись вопросом о смысле понятия «служение» вообще и понятия диаконии в частности в произведениях Нового Завета и других немногочисленных христианских текстах конца I — II вв., нельзя не задуматься и над тем, каковы были истоки этих важных для христианства понятий. Каков был смысл, вкладываемый в понятие «служения» в античности, в классическом греческом языке? Какова была идея «служения» в текстах Ветхого Завета — той точке отсчета, которая дает начало христианской литературе? Насколько христианские смыслы являются особенностями раннехристианских текстов и существуют ли предпосылки, параллели и последствия того, что понятие «служения» возникло в его раннехристианской коннотации?

Что касается общих проблем различных терминов, обозначающих служение у греческих языческих авторов, в Ветхом Завете и раннехристианской литературе, то здесь можно обратиться к словарю TWNT и соответствующим статьям *διακονέω, διακονία, διάκονος; λατρεύω, λατρεία; λειτουργέω, λειτουργία; δουλέω, δουλεία; θεραπεύω, θεραπεία; ὑπηρέτew, ὑπηρέτης*¹. В общих чертах основной смысл эволюции этих понятий сводится к тому, что в античности главное место в обозначении сакрального служения занимали термины *θεραπεύω, θεραπεία*. «Сакральное значение этого слова, главным образом, состоит в выражении культового действия... Религиозное значение больше распространено в надписях и папирусах»². Переводчики Ветхого Завета отказываются от этих терминов и принимают для обозначения сакрального служения новые слова, поэтому немаловажное место в Септуагинте занимают термины *λειτουργέω, λειτουργία* в их новом культовом значении служения в храме, которое позже перейдет в христианство и станет обозначать привычную христианскую литургию³. Термины *δουλέω, δουλεία, δούλος*, помимо очевидного «рабствовать, состояние рабства, раб» приобретают значение общего понятия — принадлежности по религии к иудейскому народу. И наконец, понятия *λατρεύω, λατρεία*, означавшие первоначально служение по найму, становятся синонимами и для общего значения слова, и для культового служения, главным образом, до того, как возникла скиния собрания или вне ее. Новый Завет и другие произведения ранней христианской литературы отказываются и от античного, и от ветхозаветного значения слов, обозначающих служение, и принимают собственный, совершенно неожиданный термин *διακονέω, διακονία, διάκονος*, приобретший максимально абстрактное значение и ставший для исследователей поводом выдвинуть тезис о диаконическом характере раннехристианских общин⁴. Возникает вопрос, почему древние авторы, пишущие о религии, каждый раз отказывались от «готового» сакрального

¹ См. также Зом 2005, 164; Лебедев 2003, 35; Поснов 2005, 66; Еп. Кассиан 2003, 185; Daniel 1966; Афанасьев 1971, 192; Hilhorst 1989; Brandt 1963, 15–61; Краснобаева 2007, 251–271; 2010, 103–115.

² TWNT *θεραπεία, θεραπεύω*

³ Этимологические словари (Boisacq 1950; Chantraine 1977; Frisk 1966) считают это слово дериватом от существительного *λαός* — «народ». Этим определяется первоначальное светское значение глагола *λειτουργέω*, связанное с понятием общественного, всенародного служения: согласно словарю Liddell-Scott, этот глагол означает «исполнять общественные обязанности, служить людям или государству, τῇ πόλει», «стараться ради общественного блага», а чуть позднее, в Афинах, — «нести дорогостоящие общественные обязанности», также в пользу общества, государства, народа.

⁴ См. Brandt 1963, Schneemelcher 1963.

термина и предпочитали «изобрести» новый. В чем тогда исток раннехристианской диаконии, которая так прочно легла в основу целого церковного иерархического института?

Мы надеемся, что обращение к Филону поможет раскрыть некую грань эволюции этого понятия. Для нас интересно, как Филон с его своеобразным языком и уникальным положением между иудейской, эллинской и христианской культурой воспринимал сакральное понятие «служение».

О месте Филона в иудео-христианском мире замечательно сказал А. Мень: «К концу I века до н.э. робкие попытки диалога между эллинизмом и верой Библии сменились в Александрии зрелым философским синтезом... Ветхий Завет уже давно ждал человека, который принял бы на себя миссию выразить Откровение в умообразной форме. Таким человеком стал Филон. Он родился в столице Египта лет за 25 до н.э., а умер в 40-х годах I столетия. Современник евангельских событий и апостола Павла, Овидия и Сенеки, Филон стоял на том перекрестке истории, где сходились иудаизм и христианство, культуры Европы, Азии и Африки... Филон предпринял первый серьезный опыт решения той задачи, перед которой вскоре оказалось христианство: найти точки соприкосновения с греко-римским миром. Несмотря на свой вселенский характер, Библия все же оставалась книгой Востока. Поэтому евангельское благовестие остро нуждалось в универсальном языке эллинизма. И тогда церковь обратилась к Филону»⁵. Филон стоит между двумя мирами, являясь гражданином обоих, — такой образ мыслителя предлагает Дж. Никельсберг⁶.

Именно в свете «универсального языка эллинизма» мы предлагаем рассматривать понятие «служения» у Филона. Являясь толкователем Ветхого Завета, Филон, судя по всему, пользуется его греческим переводом. Исследователь трудов Филона В. Никипровецкий доказывает, что перевод семидесяти толковников был основой экзегетической деятельности Филона. На вопрос о том, знал ли Филон иврит, Никипровецкий отвечает развернутым сравнительным исследованием его текстов и признает, что обычно ученые несколько преувеличивают тяжесть филоновских ошибок, однако доказательства того, что Филон иврита не знал, оказываются все же более весомыми. Более того, гипотезы о том, что в некоторых местах он все же пользовался оригинальным текстом, при ближайшем рассмотрении не выдерживают критики⁷. Кроме того, возможно, что изучение Библии в александрийских синагогах сводилось в основном к Пятикнижию, поскольку Филон явно предпочитает Пятикнижие другим частям иудейского Писания⁸. И все же если в текстах Септуагинты понятие «служения» разнообразно и встречается весьма часто, то у Филона частота встречаемости пусть и переваливает за сотню, но в его богатейшем наследии не выглядит существенной. Поэтому справедливости ради надо сказать, что это понятие не относится к числу ключевых в философии Филона, но для общей картины развития термина «служения» анализ этих контекстов необходим, и они позволяют сделать некоторые интересные наблюдения. Для нас, глядящих на него из будущего, Филон стоит словно между Ветхим и Новым За-

⁵ Мень 1992, гл. 32: http://www.alexandrmn.ru/books/tom6/6_gl_32.html

⁶ Nickelsburg 2004, 60.

⁷ Nikiprowetzky 1977, 81.

⁸ Шенк 2007, 28 и прим. 11. В этой книге помещается и избранная библиография.

ветом. Его сочинения очень скоро перестали быть интересными эллинам, так и иудеям, однако христианская традиция отнеслась к ним в высшей степени заинтересованно.

Впервые о Филоне в конце II века говорит Климент Александрийский. «Климент упоминает Филона по имени четыре раза... и цитирует Филона или использует его текст довольно часто, более 200 раз... «Строматы» Климента — это первое упоминание о Филоне в христианской литературе. Фактически Филон вошел в христианскую литературу со страниц сочинений Климента»⁹. Начиная со времени Евсевия (нач. III в.), «на Филона смотрели если не как на христианина, то как на автора, очень близкого к христианству»¹⁰. Трактат «О жизни созерцательной» считался тогда повествованием о христианской общине. Иероним Стридонский (*De vir. ill.* XI) в список знаменитых мужей включает Филона под номером XI, замечая, что «он помещается среди церковных писателей, потому что, написав книгу о первой церкви евангелиста Марка в Александрии, с похвалою отозвался о наших». Как и некоторые авторы новозаветных текстов, Филон был иудеем диаспоры. Они, как минимум, обладали определенным сходством представлений и принадлежали к одной культуре. И сочинения Филона, и тексты первых христиан имеют общую точку отсчета — Ветхий Завет, а в отношении Павла и Иоанна — общую культурную среду — диаспору. Специалисты выявляют, по крайней мере, формальные и поверхностные параллели между сочинениями Филона с одной стороны и Посланиями Павла, Евангелием от Иоанна и, главным образом, Посланием к Евреям — с другой. Последнее даже дало исследователям повод думать, что Послание к Евреям могло быть написано последователем филоновской традиции, однако более разумным было бы признавать за автором Послания александрийское влияние¹¹. Более чем сомнительно, чтобы и Павел был непосредственно знаком с сочинениями александрийского толкователя. Новозаветные параллели с сочинениями Филона могут отражать основные течения в потоке эллинистического иудаизма. Эти параллели могут также происходить от других форм иудаизма, например, иудаизма апокалиптического. В любом случае, корпус сочинений Филона помогает нам лучше понять раннее христианство как религиозный феномен, поскольку, так же, как и оно, представляет собой синтез библейской религии и эллинистической культуры¹².

Теперь перейдем, наконец, к самому важному для нас понятию — диаконии. Стоит сразу отметить, что у Филона с одинаковой частотой, если не чаще, наряду с термином *διακονία*, *διάκονος* встречается столь не свойственный клас-

⁹ Афонасин 2001, 152.

¹⁰ Шенк 2007, 122.

¹¹ О соотношении раннехристианских текстов и сочинений Филона и вообще о месте Филона в христианской литературе см. работу Runia 1993. О проблеме связи между трудами Филона и Посланием к Евреям см. книгу Williamson 1970. Здесь автор подробно разбирает эти произведения в огромном количестве различных аспектов, анализирует идейные, тематические, ветхозаветные и, что особенно интересно для нас, лингвистические соответствия между этими текстами. В отношении терминологического анализа Вильямсон приходит к заключению, что, несмотря на формальные параллели, у нас нет оснований считать, что автор Послания к Евреям был знаком с сочинениями Филона. В то же время он указывает, что между александрийским толкователем и автором Послания к Евреям существуют существенные различия в идеях и экзегетических подходах. Они имеют общее основание — Ветхий Завет, — но выстраивают на нем разные конструкции.

¹² Nickelsburg 2004, 69.

сическому греческому языку термин ὑποδιάκονος¹³, который будет подхвачен позднее в христианстве. Когда в христианской церкви было твердо установлено, что количество диаконов не должно превышать семи, по образцу первых иерусалимских служителей (Act. 6.1–7), церковные общины были вынуждены назначать ὑποδιάκονοι. В произведениях Филона присутствует традиционное светское значение слов διάκονος и ὑποδιάκονος, как «слуга, прислужник» — (Post. 165. 5; Gig. 12, 4; Mos. 1. 84. 7; Spec. 1. 204. 4; 2. 91. 4; 3. 201. 2; Virt. 122. 3; Flacc. 113. 3). Сюда же относятся сцены трапез в трактате «О жизни созерцательной», где понятие диаконии имеет значение «прислуживания за столом» — (Contempl. 50; 71; 75). Например, в главе 71: «На этом священном пиршестве, как я уже сказал, нет ни одного раба. Прислуживают же свободные (ἐλεύθεροι δὲ ὑπηρετοῦσι), выполняя необходимые обязанности (τὰς διακονικὰς χρείας) не принуждаемые силой, не ожидая приказаний, но добровольно с поспешностью и усердием они предупреждают желания»¹⁴.

Остальные, пусть и немногочисленные, случаи впервые в греческой литературе близки по значению к сакральному смыслу. Тут все же необходимо вспомнить об экзегетическом методе Филона и об аллегорических аспектах значений многих слов. В этом свете даже те значения, которые, на первый взгляд, близки к религиозным, обретают аллегорический смысл. Сюда относятся в первую очередь «служители и подчиненные Бога» (ὑποδιάκονοι καὶ ὑπαρχοι или ὑπηρεταὶ τοῦ Θεοῦ) из (Abr. 115; 242; Decal. 178; Spec. 1. 31; 1. 66; 1. 116). И все же этот факт не должен остаться незамеченным. Непосредственное влияние Филона на раннехристианских авторов не доказано, но то, что ряд новозаветных сочинений имеет общую с Филоном традицию, не опровергнуто. При несомненном самостоятельном значении раннехристианской диаконии нельзя забывать о таком своеобразном ее предшественнике. Вероятно, что именно глагол διακονέω был выбран первыми христианами для выражения одного из ключевых понятий новой веры в том числе и потому, что уже использовался в александрийской среде в таком нетрадиционном значении.

Столь важное для Ветхого Завета понятие λειτουργία встречается в многочисленных сочинениях Филона от силы четыре десятка раз. Но здесь наш автор определенно наследует ветхозаветному значению — в основном, это традиционное для Священного Писания, а не для классического греческого языка, значение культового служения в храме¹⁵. Одним из самых интересных мест в этом смысле является (Virt. 74), где упоминаются ангелы-служители (ἄγγελοι λειτουργοί). Исследователи не без основания видят здесь одну из многочисленных формальных параллелей с Посланием к Евреям 1:13–14, где упоминаются ангелы как служебные духи (λειτουργικὰ πνεύματα)¹⁶.

¹³ Слово это в дохристианские времена, судя по всему, редкое: из ранних текстов, где оно встречается, можно назвать разве что «Танцовщиц» Посидиппа в передаче Афиней (Deipnosophistae IX, 20).

¹⁴ Здесь и далее перевод трактата «О жизни созерцательной» цитируется по изданию: Амусин 1971, 376–391.

¹⁵ Как в Leg. 3. 135; Post. 185; Her. 8; 84; Congr. 98; Somn. 2. 34; 2. 71; 2. 186; 2. 231; Mos. 2. 68; 2. 76; 2.94; 2. 138; 2. 145; 2. 149; 2. 152; 2. 154; 2. 276; Spec. 1. 83; 1. 96; 1. 98; 1. 113; 1. 117; 1. 124; 1. 152; 1. 242; 1. 249; 1. 255; 2.222; 4.191; Virt. 54; Legat. 296.

¹⁶ Шенк 2007, 139.

Культовое, храмовое служение левитов и философское его обоснование встречается в Sacr. 131–133. Позволим себе длинную цитату: «У Бога среди прочих высших Его сил есть одна, по ценности не уступающая прочим, — законодательная, ибо Он Сам — Законодатель и Источник Законов, а все частные законодатели суть последователи Его. Природа этой силы двояка: одной своей стороной, благодетельной, она обращена к тем, кто стремится жить правильно, другой, карательной, — к тем, кто грешит. Служитель первой — левит, ибо он совершает все обряды (τοῦ μὲν οὖν προτέρου τμήματος ὑπηρετής ὁ Λευίτης ἐστὶ τὰς γὰρ λειτουργίας ἀπάσας ἀναδέχεται), возложенные на высшее священство, посредством которого Бог узнает и понимает смертных, будь то жертва всесожжения, благодарственная жертва или покаянная, а вот служителями второй становятся виновные в непредумышленном убийстве, о чем свидетельствует Моисей: “Он не злоумышлял, а Бог попустил ему попасть под руки его” (Exod. 21:13), — так что руки убийцы суть орудие, а действует — невидимо — другой, Невидимый. Так пусть живут бок о бок слуги законодательства, служители обоих его видов (συνοικεῖτωσαν οὐ?ν δύο θεράποντες τῶν νομοθετικῆς ὑπηρετῶν δουρῶν εἰδῶν): левит — для поощрения, невольный убийца — для наказания»¹⁷.

Через слово λειτουργία обозначается у Филона культовое служение в общине терапевтов (Contempl. 82): «Ибо подобает, чтобы самая простая и самая чистая пища отдавалась жрецам в награду за службу (μερίδι λειτουργίας)».

Несколько раз литургия встречается у Филона в цитатах из Ветхого Завета. В Det. 63 и 66 используется почти дословная цитата из Num. 8, 24 — 26. Несколько раз возникают ветхозаветные параллели, где в Священном Писании термин «литургия» отсутствует, но у Филона возникает: Ebr. 2 (параллели с Lev. 10, 9) и Fug. 93 (явственные параллели с Exod. 21. 13).

Лишь единожды у Филона используется традиционное классическое значение литургии как общественной повинности — в Prob. 7, где речь идет о людях, которые «принимают участие в советах и судах и народном собрании, занимают должность агораномы или гимнасиарха и несут другие подобные обязанности (τὰς ἄλλας λειτουργίας ὑπομένοντας)».

Столь важное для Септуагинты понятие λατρεία в текстах Филона может считаться крайне редким — всего-навсего около десятка фрагментов, из которых один (Mig. 132) представляет собой точную цитату из Второзакония (10, 20): «Господа, Бога твоего, бойся и Ему одному служи, и к Нему прилепись». Все остальные контексты так же, как и в случае с λειτουργία, четко наследуют Септуагинте, и к античному значению Филон здесь не возвращается и не обращается¹⁸. Леонхардт, однако, рассматривает именно это слово, когда исследует отражение традиционного иудейского культа в произведениях Филона, среди вопросов о субботе, иудейских праздниках, жертвоприношении, священничестве, молитвах, храме... Предпочтение отдается ему, а не более частому у Филона термину λειτουργία, по той причине, что в Ветхом Завете λατρεία используется для обозначения иудейского культового служения вне храма, т.е. культового служения народа, а

¹⁷ Здесь и далее перевод толкований Ветхого Завета приводится по изд.: Вдовиченко, Витковская и др., Левинская. М. 2000.

¹⁸ Sacr. 85; Ebr. 144; Decal. 159; Spec. 1. 300; 2, 67; 2, 167; 3, 202; QE 2, 105.

не как выражение только культа священников и левитов¹⁹. Слово это здесь рассматривается в связи с Септуагинтой, а ключевым моментом является как раз то, что Филон использует его в ветхозаветном, а не в традиционном значении. Автор проводит сопоставление с Септуагинтой и разделяет употребление этого слова на две группы: служение господину в Особых Законах и Жертвоприношении... и на культовое служении Богу во всех остальных случаях²⁰.

Термин *δουλεία* встречается у Филона в значении «рабствовать, служить», но практически никогда в сакральном значении²¹. Хильхорст приводит пассаж в Cher. 107 как «выражение служения Богу через светское понятие»²²: «А очистившаяся мысль ничему не радуется более, чем исповедовать своим господином Предводителя мира. Ибо быть рабом Бога (*δουλεύειν θεῷ*) — это предмет величайшей гордости и сокровище ценнее не только свободы, но и богатства, и власти, и всего, что в почете у смертного рода».

Понятие *ὑπηρέτης* у Филона так же встречается нечасто, особенно в значении, близком к сакральному — в Conf. 174 речь вновь идет о служении ангелов, для характеристики которого опять же привлекается аллегория: «Но и в воздухе сплетается священный хоровод бестелесных душ, на языке пророчеств именуемых “ангелами”; они сопутствуют небесным сущностям. Так вот, все их войско, разбитое на соответствующие отряды, служит Строителю своему и Вождю (*ὑπηρέτην καὶ θεραπευτὴν εἶναι*), повинуюсь Ему, как военачальнику, по людскому обычаю и высшему закону, ибо дезертирство божественному воинству воспрещено». В Post. 92; Mut. 87; Deus 158; cf. Somn. I. 143 ангелы также выведены как *ὑπηρέται* Бога²³.

И наконец, совсем уж редким и несвойственным для Филона является слово *θρησκεία*. Если мы вспомним еще одного знаменитого иудея, написавшего свои труды по-гречески, — Иосифа Флавия, — то обнаружим у него слова с этим корнем более ста раз. Причем речь всегда идет исключительно об иудейской религии, культе, жертвоприношении, почитании Бога или в целом об иудейской религиозности и благочестии, о следовании Закону. У Филона употребление его можно перечесать по пальцам одной руки (Det. 21; Fug. 41; Spec. 1. 315; Legat. 232. 298), обозначает же оно, так же как у Флавия, культовое богослужение и благочестие — четырежды иудейское, в одном случае языческий культ.

Поэтическое античное *πρόπολος* у Филона встречается лишь дважды: в Decal. 66 (*θεῶν πρόπολοι τε καὶ θεραπευταί*) и в Spec. Leg. I. 242.

Наконец, мы подошли к тому, чтобы определить, какой же именно термин для Филона является наиболее частым и общим для обозначения понятия «служения». «Филон отождествлял философию с Законом Моисея, заимствовав из греческой философии лишь язык разума, помогавший ему исследовать аллегорические смыслы библейского текста»²⁴. Вот здесь и вступает в силу «универсальный язык эллинизма». Современник евангельских событий, иудейский философ Филон, разумеется, не может обратиться к новозаветной диаконии, но и ветхозаветная

¹⁹ Leonhardt 2001, 9.

²⁰ Leonhardt 2001, 11–17.

²¹ Leonhardt 2001, 9.

²² Hilhorst 1989, 180.

²³ TWNT ὑπηρέτης, ὑπηρέτης. 2. Philo

²⁴ Шенк 2001, 21–22.

λειτουργία, λατρεία и δουλεία не свойственны ему — он отходит от традиционного иудейского языка и говорит о служении, используя античное понятие θεραπεία. «Чаще всего именно θεραπεία используется у Филона для обозначения служения, но в более абстрактном, философском смысле почитания Бога, которое может найти выражение и в иудейском культе, но с тем же успехом может использоваться для обозначения языческого поклонения звездам»²⁵. Разумеется, у Филона имеется весь спектр его античных значений: и просто уважение и внимание, и забота, попечение, уход, наконец, врачебный уход и лечение. Но зачастую и во внесакральных значениях у Филона звучит более возвышенный мотив — исцеление, излечение являются аллегориями спасения души: «А кто предпочитает благое состояние тела, тому придется думать о здоровье и обо всем, что связано с ним, и точно так же надобно ухаживать за душевными добродетелями, если стремишься к благополучию души. Словом, всякая забота о внутреннем нашем составе сопряжена с неуклонным и неустанным трудом»²⁶ (Sacr. 39).

Обращение к такому аллегорическому приему, а также напрямую к сакральному значению, у Филона относительно нередко. Например, в Orif. 155: «Установив же эти пределы в душе, Он, подобно судье, стал смотреть, к чему она будет склоняться. Поскольку же Он увидел, что она тяготеет к злодеянию и пренебрегает богопочтением (ἀθεράπειντα) и святостью, от которых стяжается жизнь бессмертная, Он выставил ее, что было естественно, и прогнал из сада...»²⁷. Как θεραπεία у Филона характеризуется и левитское служение: «Ибо труд и преуспевание, олицетворенные в Иакове, берут начало в природной одаренности, которая и дала имя Рувиму, а созерцание Единственно Мудрого — то, на котором стоит Израиль, — имеет источником неукоснительное служение Ему, обозначаемое как “Левий” (Sacr. 120)» (θεραπείας δὲ ὁ Λεὺί ἐστὶ σημεῖον).

Слово θεραπεία используется и в отсылках к Ветхому Завету, в котором в свою очередь используется другая лексика, как в Conf. 94, где, помимо всего прочего, аллегорически формулируется разница между земным служением, прислуживанием, делающим более комфортным человеческое существование, и служением духовным, которое не принижает, а возвышает: «Но какая же свобода — самая прочная? Какая? Служение Единственно Мудрому (ἡ μόνου θεραπεία σοφοῦ), как свидетельствуют пророчества: “Отпусти народ мой, чтобы совершил Мне служение” (ἵνα με θεραπεύῃ)»²⁸. И обладают служители Сущего (ὁν θεραπευόντων) одной особенностью — не исполняют они дел земных, не бывают ни виночерпиями, ни хлебопеками, ни поварами, не вылепляют и не складывают никаких материальных предметов, подобных кирпичам, но путем рассуждений восходят к эфирным высям, поставив проводником своим Моисея, то есть род возлюбленных Богом».

²⁵ Leonhardt 2001, 9.

²⁶ ἀλλ' ὥσπερ τοῖς ψυχὴν τὴν ἑαυτῶν ἰλεων σπουδάζουσι λαβεῖν θεραπευτέον ἐξ ἀνάγκης τὰς ψυχῆς ἀρετάς, οὕτως καὶ τοῖς ἰλεων τὸ σῶμα ἔχειν προαιρουμένοις θεραπευτέον ὑγιειαν καὶ τὰς συγγενεῖς αὐτῇ δυνάμεις, καὶ δῆτα θεραπεύουσι μετ' ἀνηνύτων καὶ ἀπαύστων πόνων οἷς φροντὶς εἰσέρχεται τῶν ἐν αὐτοῖς δυνάμεων, ἐξ ὧν συνεκρίθησαν.

²⁷ То же можно сказать и о Cher. 95, Sacr. 37; 58; 87; 118.160 и о еще более чем сотне контекстов (см. соотв. термины в книге: Borgen, Fugelseth, Skarsten 2000).

²⁸ В Септуагинте в эпизодах, где Бог требует от народа совершить служение на горе (напр. в Exod. 3, 12), используется термин λατρεύω.

В то же время, согласно Филону, услужение, попечение и забота имеют часто решающее значение, но только лишь для человека — Бог не нуждается в такой заботе, ибо Он совершенен, служить Ему — означает выполнять Его повеления, всегда быть готовым откликнуться, когда Он призовет. Det. 55-56: «Однако относительно благочестия, хотя оно представляет собой заботу о Боге (θεοῦ θεραπείαν), недопустимо утверждать, что оно служит на пользу божеству. Ему ничто не служит на пользу, так как, во-первых, у него нет потребностей, и, во-вторых, не может вещь приносить благо Тому, что во всех отношениях ее превосходит, — напротив, божество постоянно и непрерывно помогает всем. Поэтому, когда мы говорим, что благочестие является заботой о Боге (θεοῦ θεραπείαν), мы имеем в виду что-то вроде службы рабов (ὑπηρεσίαν), умеющих незамедлительно выполнить повеление хозяев. Но и здесь будет то различие, что хозяева нуждаются в услужении, а Бог — нет (οἱ μὲν δεσπόται ἐνδεεῖς, ὁ δὲ θεὸς οὐ χρεῖος)».

Именно понятие θεραπεία используется у Филона в Срес. I. 21–345, где речь идет о «различных элементах Пятикнижия, большинство из которых связаны с иудейским храмовым культом, включая предписания о священниках и жертвоприношениях»²⁹.

Наконец, особое внимание следует уделить произведению, в котором описывается община, получившая название от термина θεραπεία. Как ни странно, но в трактате «О жизни созерцательной» встречается всего одиннадцать фрагментов с этим термином — почти все это названия для последователей учения — терапевты и терапевтриды. Лишь в 12-й главке общо говорится о вступлении на путь «служения Богу». Вспомним, что «использование этого слова у Филона включает не только медицинское значение, но также выражает заботу о душе»³⁰. Во 2-й главке кратко поясняется смысл названия и суть учения, причем в этом названии вновь аллегорически объединяются светское значение врачевания и сакральное значение служения Богу — понятие исцеления переносится здесь на человеческую душу, для которой это самое исцеление (θεραπεία) большее благо, нежели исцеление тела, спасение же души постигается путем почитания, служения (θεραπεία) Богу³¹: «Характер учения этих философов обнаруживается уже в их названии; их ведь называют терапевтами и терапевтридами (θεραπευταὶ γὰρ καὶ θεραπευτρίδες), может быть потому, что они предлагают искусство врачевания более сильное, чем в городах, поскольку там оно излечивает только тела, их же — души (ἡ μὲν γὰρ σώματα θεραπεῖει μόνον, ἐκείνη δὲ καὶ ψυχὰς), пораженные тяжелыми и трудноизлечимыми недугами, души, которыми овладели наслаждения, желания, печали, страх, жадность, безрассудство, несправедливость и бесконечное множество других страстей и пороков. А может быть — потому, что природа и священные законы научили их почитать Сущего (ἐκ φύσεως καὶ τῶν ἱερῶν νόμων ἐπαιδεύθησαν θεραπεύειν τὸ ὄν), который и лучше блага, и чище единицы, и первоначальнее монады».

Для сравнения, два других традиционных античных слова, обозначающих служителя в культовом сакральном смысле — πρόπολος и πρόσπολος — у Фи-

²⁹ Шенк 2007, 170.

³⁰ TWNT θεραπεία

³¹ См. о значении названия терапевтов также у комментатора Филона (Winston 1981, 42).

лона встречается лишь по одному разу: первое в Decal. 66, где говорится о тех, кто ошибается, служа солнцу, луне и всему небу и вселенной, словно богам (ἀλλ' ὅσοι μὲν ἡλίου καὶ σελήνης καὶ τοῦ σύμπαντος οὐρανοῦ τε καὶ κόσμου καὶ τῶν ἐν αὐτοῖς ὀλοσχερεστάτων μερῶν ὡς θεῶν πρόπολοι τε καὶ θεραπευταί, διαμαρτάνουσι μὲν — πῶς γὰρ οὐ;). Второе — в Spec. leg. I. 242, где говорится о трапезах священников и о том, что Бог не допустил бы своих слуг и служителей к трапезе (τοὺς προσπόλους αὐτοῦ καὶ θεράποντας), если бы не простил их.

Мы видим своеобразную роль произведений Филона в эволюции понятия «служение». Несмотря на то, что оно явно не входит в круг основных филоновских категорий, но дает возможность сделать некоторые наблюдения в рамках всей картины эволюции этого понятия. Как мыслитель античного мира и носитель греческого языка, он пользуется самым характерным эллинистическим термином для обозначения «служения» — *θεραπεία*. Однако, будучи иудеем и носителем иудейской образованности, толкователем Священного Писания иудеев, он использует слова *λειτουργέω*, *λειτουργία* и *λατρεύω*, *λατρεία* почти исключительно в ветхозаветных значениях. Очень важным нам кажется необычное для античной литературы использование терминов *διακονέω*, *διακονία*, *διάκονος* и, что еще интереснее, *ὑποδιάκονος*, которое практически предвосхищает расцвет этой лексики в христианской литературе конца I–II вв.

ЛИТЕРАТУРА

- Амусин И. Д. 1971: Тексты Кумрана. М.
 Афанасьев Н. 1971: Церковь Духа Святого. Paris.
 Афонасин Е. В. 2001: Положение «между». Филон Александрийский в раннехристианской философии // Универсум платоновской мысли: платонизм и античная психология. СПб., 152–160.
 Вдовиченко А. В., Витковская М., Матусова Е. и др. 2000: Филон Александрийский. Толкования Ветхого Завета. М.
 Зом Р. 2005: Церковный строй в первые века христианства. СПб.
 Краснобаева Ю. Е. 2007: Термин «служение» в Ветхом Завете, Новом Завете и раннехристианской литературе // *Antiquitas Inventae* / Е. В. Смыков, А. В. Мосолкин (ред.). Саратов, 251–271.
 Краснобаева Ю. Е. 2010: «Служение» в Постановлениях Апостольских // *Antiquitas Inventae* / Е. В. Смыков, А. В. Мосолкин (ред.). Саратов, 103–115.
 Лебедев А. П. 2003: Духовенство древней Вселенской Церкви. СПб.
 Мень А. 1992: История религии: в 7 т. Т. 6. На пороге Нового Завета: От эпохи Александра Македонского до проповеди Иоанна Крестителя. М.
 Поснов М. Э. 2005: История христианской Церкви (До разделения Церквей 1054 г.) М.
 Шенк К. 2007: Филон Александрийский. Введение в жизнь и творчество. М.
 Boisacq E. 1950: Dictionnaire étymologique de la langue grecque. Étudiée dans ses rapports avec les autres langues indoeuropéennes. Heidelberg; Paris.
 Borgen P. Fugelseth K. Skarsten R. 2000: The Philo Index: A Complete Greek Word Index to the Writings of Philo of Alexandria. Grand Rapids: Wm. B. Eerdmans.
 Brandt W. 1963: Der Dienst Jesu // Das diakonische Amt der Kirche / H. Krimm (heraus.). Stuttgart.
 Chantraine P. 1977: Dictionnaire étymologique de la langue grecque. Histoire de mots. Paris.

- Daniel S.* 1966: Recherches sur le vocabular du culte dans la Septante. Paris.
Frisk H. 1966: Griechisches etymologisches Wörterbuch. Heidelberg.
Hilhorst A. 1989: "Servir Dieu" dans la terminologie du judaïsme hellénistique et des premières générations chrétiennes de langue grecque. Göttingen.
Leonhardt J. 2001: Jewish Worship in Philo of Alexandria. Tübingen.
Liddell H. G., Scott B. 1996: A Greek-English Lexicon. Oxford.
Nickelsburg G. W. E. 2004: Philo among Greeks, Jewish and Christians // Philo und das Neuen Testament / Deines R., K. W. Niebur (heraus.), 53–72.
Nikiprowetzky V. 1977: Le commentaire de l'écriture chez Philon d'Alexandrie. Leiden.
Runia D. T. 1993: Philo in Early Christian Literature. A. Survey. Minneapolis.
Schneemelcher W. 1963: Der diakonische Dienst in der Alten Kirche // Das diakonische Amt der Kirche / H. Krimm (heraus.). Stuttgart.
Williamson R. 1970: Philo and Epistle to the Hebrews. Leiden.
Winston D. 1981: Philo of Alexandria: The Contemplative Life, the Giants and Selections. New York.

THE IDEA OF MINISTRY IN WORKS OF PHILO OF ALEXANDRIA

Yu. S. Krasnobaeva

The idea of ministry is not one of the main ideas in Philo's philosophy, but it is very important for us in the context of the whole history of this idea. Philo uses the term *θεραπεύω, θεραπεία* in the traditional meaning of ministry to God. But he uses also terms *λειτουργέω, λειτουργία* and *λατρεύω, λατρεία* in meanings usual for the text of LXX, not for Greek literature. The most important fact is that Philo uses the terms *διακονέω, διακονία, διάκονος* to express the idea of the ministry to God. These terms are not used very often and mainly with allegorical sense but they seem very important for evolution of *διακονία* in the New Testament where it become one of the basic conceptions of the new religion.

Key words: Philo of Alexandria, early christianity, idea of diaconia

© 2013

А. М. Фридманн

ПОГРЕБАЛЬНАЯ ПЕЛЕНА ИЗ МУЗЕЯ ХРАМА ХРИСТА СПАСИТЕЛЯ В МОСКВЕ: ИТОГИ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО ИЗУЧЕНИЯ*

Погребальная пелена из Музея Храма Христа Спасителя в Москве представляет собой поясное изображение девочки в двухцветной далматике с символом анх в правой руке. Пелена принадлежит так называемому антинопольскому типу, датируемому серединой — концом III вв. н.э. Известно более 20 подобных пелен, большая часть которых была найдена при раскопках некрополя Антинополя в 1896–1911 гг. Предварительное изучение

Фридманн Аполлинария Михайловна — аспирантка ЦЕИ РАН. E-mail: formail@email.com

* Автор выражает свою благодарность за возможность изучения пелены ключарю Кафедрально-го соборного Храма Христа Спасителя протоиерею о. Михаилу Рязанцеву и протоиерею о. Георгию Мартынову.

свидетельствует о том, что московская пелена была изготовлена в Антинополе во второй половине III в. н.э. Остается открытым вопрос изображения христианского «четырёхугольного нимба» на данной пелене и на некоторых пеленах антинопольского типа. Так как «четырёхугольные нимбы» коптских, а позднее и римских святых позднеантичного и раннесредневекового периода помещались на прижизненные портреты святых, определить, является ли задний фон погребальной пелены христианским нимбом, крайне сложно.

Ключевые слова: Антинополь; погребальная пелена; иконография

С периода Древнего Царства египетское искусство обслуживало погребальный культ, а целью его было сохранение изображения усопших для того, чтобы обеспечить им посмертное существование в загробном мире. Консервативность религиозных верований способствовала тому, что каноны и темы египетского искусства оставались неизменными в течение длительного времени. Покорение Египта Александром Македонским в 332 г. до н.э. и воцарение македонской династии Птолемеев подготовили благоприятную почву для взаимопроникновения греческого и египетского искусства, которое привело к синтезу двух художественных традиций, названному фон Биссингом “*Mischkunst*”¹. К III в. до н.э. греческий погребальный культ и архитектура начали абсорбировать египетские элементы и формы², а не позднее II в. до н.э. греческое население переняло у египтян практику мумифицирования³.

С началом римского правления, в первой половине I в.н.э., египетские погребальные маски были замещены живописными портретами, которые после адаптации римской художественной традиции веристического портрета приобрели индивидуальность. Ровно через столетие в погребальном культе появляются погрудные и поясные изображения умершего на погребальной пелене.

Работая с довольно небольшой поверхностью погребального изображения, художники римского Египта должны были уместить на ней всю необходимую информацию об умершем. Их основной задачей становилось не сходство портрета и оригинала, а создание образа «хорошей жизни», который являлся одной из составляющих культа предков, подчеркивал социальный статус покойного и, как считалось, обеспечивал ему благополучное загробное существование.

Большой интерес представляет для исследователей погребальная пелена девочки, хранящаяся в московском музее Храма Христа Спасителя (рис. 1, 1). К сожалению, ее детальное изучение на момент написания данной работы не представлялось возможным, поэтому автору пришлось ограничиться поверхностным анализом материала.

Точное происхождение пелены неизвестно; в 1983 г. она находилась в г. Мемфис, США, а в 1996 г. — в лондонской галерее Rupert Wace⁴.

Пелена размером 55 x 36 см представляет собой поясной женский портрет. Ее верх украшен орнаментом из уреев, окружающих крылатый солнечный диск, переходящим по бокам пелены в вертикальную рамку желто-зеленого цвета. Внутри нее находится еще одна рамка, желто-зеленая, образованная геометрическим орнаментом. В обе заключено само изображение, выполненное на серо-оливковом

¹ Riggs 2006, 5.

² Török 2005, 62.

³ Borg 1997, 28.

⁴ KAM 1996, 125.

фоне, который виден позади головы покойной. Портрет написан в технике темперы, скорее всего, посредством использования так называемого «византийского приема» — наложения льняного холста на доску. По-видимому, поясная пелена была соединена с расписным картонажем, покрывавшим нижнюю часть тела.

Круглое лицо девочки отличается натуралистичными красками: румянец обозначен розово-персиковым пигментом, а легкие тени под глазами придают ему пластичность. На щеках, скулах и вдоль носа положены световые блики. Узкая полоска лба резко ограничена коротким ежиком темных волос. Густые дугообразные черные брови, соединенные на переносице, могут свидетельствовать о примеси восточной крови. Большие черные выразительные глаза ребенка обведены жирным черным контуром. Тонкий небольшой нос, маленькие пухлые губы и по-детски круглые щеки подчеркивают юный возраст девочки.

Из украшений на усопшей ожерелье из желтых бусин с крупным зеленым камнем посередине (возможно, изумрудом) и серьги. Последние выписаны нечетко, но, скорее всего, представляют собой золотые кольца с подвесками-жемчужинами. Правая рука умершей поднята открытой ладонью вперед, а левая держит *анх*⁵ красного цвета.

Девочка одета в двухцветную далматику белого и пурпурного цвета с дугообразным вырезом, украшенную волнообразным мотивом, схожим с греческим спиралеобразным меандром. Далматика схвачена высоко на талии поясом — красной плиссированной лентой, скрепленной посередине при помощи петель круглой пряжкой. Концы ленты свободно ниспадают по обе стороны от пряжки. Окружность пряжки выписана желтым пигментом, имитирующим золото, и украшена миниатюрными жемчужинами. В центре вставлен крупный не ограненный изумруд, обозначенный зеленым пигментом с белым мазком блика вверх. Примеры подобных украшений можно увидеть на антинопольском погребальном портрете «Европейки» (Лувр, Инв. MND 2947 (P217), относящемся ко II в.н.э., на портрете ребенка из Антинополя 130–140 гг.н.э. (Туринский музей, Инв. 18.177), на антинопольской пелене женщины с венком и пшеничными колосьями середины II в.н.э.⁶ и на антинопольской пелене, датирующейся 200–250 гг.н.э., на которой изображена женщина с открытой правой ладонью и *анхом* (Лувр, Инв. AF 6487). Клаус Парласка отметил, что подобный тип драгоценностей характерен для изображений начала III в.н.э.⁷

Длина сохранившегося фрагмента — 55 см. Учитывая этот факт и изучив существующие аналоги, мы можем предположить, что длина пелены изначально составляла около 110–120 см, то есть рост умершей не превышал 120 см. Более того, учитывая короткую стрижку девочки, характерную для египетских детей, а также принимая во внимание тот факт, что они на погребальных портретах и пеленах, как правило, изображались гораздо старше своего возраста, мы можем прийти к выводу о том, что на момент смерти ей было около 8–10 лет.

⁵ «Анх» — египетский иероглиф, использовавшийся для написания слова «жизнь», символизирующий жизнь и возрождение. С «анхом» изображались многие божественные существа; многочисленные амулеты «анх» вкладывались в погребальные облачения мумий. Подробнее об «анх» см.: Derchain, LdÄ. Bd. I. 1975, 268–269.

⁶ Parlasca, Frenz, 2003, 159–202, Num. 675–1028, Serie 2003/IV, 38.

⁷ Parlasca, 1977, 61–120, Num. 247–496, Serie 1977/II, 389.

Клаус Парласка был первым исследователем, отметившим, что данная пелена датируется второй половиной III в.н.э. и стилистически близка группе памятников из Антинополя, эллинского центра, построенного по приказу императора Адриана в 130 г. н.э.⁸

Антинопольские пелены относятся к периоду второй половины III–IV вв.н.э. и отличаются высоким качеством. Они изготавливались с применением раскрашенного и позолоченного гипса, темперной и энкаустической техник. Отметим, что характерной чертой антинопольских пелен является поясная композиция. Изображенные на них усопшие, как правило, держат в руках определенные погребальные атрибуты: кубок с вином, венок из роз, *анх*, символ вечной жизни, или несколько пшеничных колосьев, символ богини Деметры, или оливковую ветвь.

На сегодняшний день антинопольская группа представлена несколькими десятками экземпляров, большинство из которых (луврская коллекция и один экспонат, хранящийся в лионском музее) было обнаружено А. Гайе при раскопках Антинополя в 1896–1911-х гг. и находилось до 1950-х гг. в музее Гуимэ⁹. Происхождение остальных отдельных пелен неизвестно, однако стилистически и иконографически они соответствуют так называемому «антинопольскому типу». Среди наиболее известных относящихся к нему примеров:

1. Пелена женщины с открытой правой ладонью и анхом. III в.н.э. (Музей Бенаки, Инв. GE 6877, темпера на льняном полотне, украшения проработаны гипсом).
2. Пелена девочки с открытой правой ладонью и венком. Первая треть III в.н.э. (Музей Манчестера, Инв. 1130, украшения изготовлены из раскрашенного гипса, прикрепленного к пелене)
3. Пелена женщины с открытой правой ладонью. Вторая половина III в.н.э. (Ватикан, Инв. 17953).
4. Пелена женщины (Лондонская Национальная Галерея, Инв. 1266).
5. Фрагмент пелены “Аммониуса” с венком и кубком. 225–250 гг.н.э. (Лувр, Инв. E 12581 (P 215), энкаустика).
6. Пелена “Аммона, сына Антиноя” с венком. 220–250 гг.н.э. (Лувр, Инв. AF 6490, энкаустика и темпера).
7. Пелена “Аполлона” с венком. 220–250 гг.н.э. (Лувр, Инв. AF 6482, энкаустика и темпера).
8. Пелена “45-летней Криспины” с открытой правой ладонью и анхом. Середина III–IV в.н.э. (Лувр, Инв. AF 6440, темпера).
9. Пелена женщины с открытой правой ладонью и анхом. 200–250 гг.н.э. (Лувр, Инв. AF 6487, энкаустика и темпера, украшения изготовлены из раскрашенного гипса, прикрепленного к пелене).
10. Пелена девочки с венком. Конец III в.н.э. (Лувр, Инв. AF 6486, энкаустика и темпера, украшения проработаны гипсом).
11. Пелена ребенка с гранатом, анхом и голубкой. Конец III в.н.э. (Лувр, Инв. AF 6488, энкаустика и темпера).
12. Пелена бородатого мужчины с пшеничным колосом и (оливковой?) ветвью. 250–300 гг.н.э. (Лувр, Инв. AF 6489, темпера).

⁸ Parlasca, Frenz 2005, 159–202, Num. 675–1028, Serie 2003/IV, 42.

⁹ См. Guimet 1912; Aubert, Cortopassi 1998.

13. Пелена пожилого мужчины. 250 г.н.э. (Лувр, Инв. AF 6493, темпера).
14. Пелена “сына Антиноя” с венком. Середина-конец III в.н.э. (Лувр, Инв. AF 6492, энкаустика и темпера).
15. Пелена женщины с открытой правой ладонью и венком. 180–200 гг.н.э. (Лувр, Инв. AF 6491, темпера, украшения изготовлены из раскрашенного гипса, прикрепленного к пелене).
16. Пелена кудрявой женщины с венком и пшеничными колосьями. 225–250 гг.н.э. (Лувр, Инв. AF 6484, темпера).
17. Фрагменты пелены женщины с открытой правой ладонью и венком. 225–250 гг.н.э. (Лувр, Инв. AF 6485).
18. Пелена женщины с венком и пшеничными колосьями (Нью-Йорк, частная коллекция, энкаустика)¹⁰ [10:38].
19. Пелена женщины с венком и пшеничными колосьями. III в.н.э. (Лионский музей искусств, Инв. 192.100).
20. Пелена бородатого мужчины с оливковой ветвью и венком. III в.н.э. (Музей д’Унтерлинден г. Кольмара, Инв. 93.1.4, энкаустика).
21. Пелена мужчины. Вторая половина III в.н.э. (Музей Бенаки, Инв. GE 6878, энкаустика).

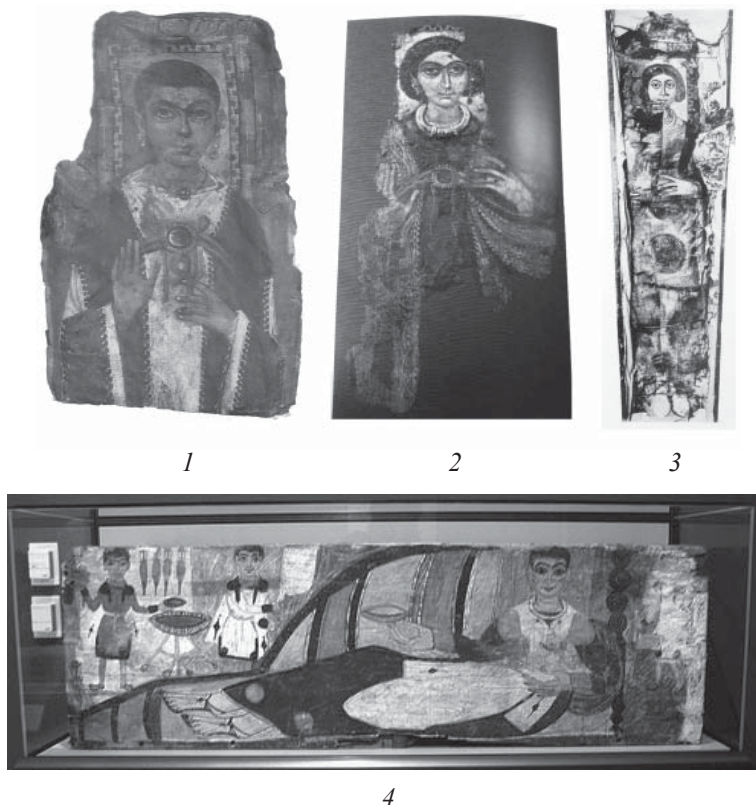

Рис. 1. 1 — пелена из Храма Христа Спасителя; 2 — пелена из Антинополя; 3 — пелена из Ватикана; 4 — пелена из Музея Пола Гетти (США).

¹⁰ Parlasca, Frenz 2003, 159–202, Num. 675–1028, Serie 2003/IV, 38.

Из антинополюских пелен наиболее похожи на представленную в музее Храма Христа Спасителя луврская пелена женщины с открытой правой ладонью и *анхом* (Инв. АФ 6487), найденная Гайе в 1899–1900 гг. (рис. 1, 2), и ватиканская пелена женщины с открытой правой ладонью (Инв. 17953), обнаруженная этим же исследователем в 1906–1907 гг. (рис. 1, 3).

АФ 6487 представляет собой поясное фронтальное изображение женщины средних лет. На ее круглом лице выделяются большие черные глаза с дугообразными сросшимися бровями; выразительность взгляда подчеркнута залегшими тенями. Узкий длинный нос и острый подбородок выделены белыми мазками. Густые темные волосы покойной разделены на прямой пробор и убраны назад; голову украшает узкий золотой ободок. Помимо него, на женщине надеты серьги-подвески с белыми и желтыми жемчужинами, на ее шее — позолоченный гипсовый обод, а на левой руке — золотой перстень с темным камнем. Усопшая одета в темный хитон с наброшенной сверху мантией, окантованной позолоченным волнообразным орнаментом. Как и на московской пелене, одежда покойной подхвачена красным поясом с пряжкой, правая рука выставлена открытой ладонью вперед, а левая держит красный *анх*. Несмотря на плохую сохранность верхней части пелены, на уцелевшем верхнем крае явно заметен желто-зеленый геометрический орнамент, идентичный присутствующему на московской пелене. Фон позади головы усопшей образует прямоугольник светло-серого цвета.

Ватиканская пелена 17953 на сегодняшний день представлена фрагментарным фронтальным изображением в полный рост размером 1,73 x 0,63 м. На ней изображена молодая женщина с прической, аналогичной той, которая характерна для умершей с луврской пелены: на ней узкий обруч, ее темные волосы разделены на прямой пробор и убраны назад. На ее округлом лице отсутствуют резкие тени и жесткие контуры, благодаря чему создается ощущение умиротворенности. Большие глаза под широкими дугообразными бровями подчеркнуты черным контуром, веки мягко приопущены. Светотень рисует овал лица мягко, но довольно четко. Небольшой прямой нос и приоткрытые пухлые губы завершают облик жительницы Антинополя. Пелена сильно повреждена: утерян значительный фрагмент в области нижней части лица и груди. Как и на женщинах, изображенных на АФ 6487 и московской пелене, на этой покойной характерные для римского Египта украшения: серьги-подвески, инкрустированные жемчужинами, ожерелье из продолговатых камней (на пелене оно изготовлено из раскрашенного гипса), позолоченный обод, браслет, а также перстень с камнем на левой руке. Женщина одета в красный хитон с продолговатым шейным вырезом, украшенный *orbiculi* — круглыми вставками-медальонами; на ее левое плечо наброшен черный плащ. Правая рука усопшей открыта ладонью вперед, а левая держит сосуд. Верх ватиканской пелены, как и московской, украшен изображением солнечного крылатого диска в окружении уреев, переходящим по бокам в вертикальную желто-зеленую рамку, и внутренним желто-зеленым геометрическим узором, обрамляющим серый фоновый прямоугольник позади головы женщины.

Как мы видим, все три пелены объединяют техника изображения, иконография, фоновое решение, атрибуты в руках усопших и надетые на них украшения. Таким образом, можно сделать вывод, что московская пелена принадлежит к «ан-

тинопольскому типу» и относится, как и 17953 и AF 6487, ко второй половине III в.н.э.

Так как Антинополь считается центром распространения раннего христианства, в научном сообществе до сих пор идут дебаты о том, могли ли антинопольские погребальные пелены принадлежать христианам. В пользу христианской версии свидетельствуют следующие факты.

1. Открытая правая ладонь — характерный жест для изображения праведников в христианской иконописной традиции. В христианской символике правая сторона, в отличие от левой, связывалась со счастьем, благополучием, праведностью, а открытая правая ладонь, так называемая «ладонь праведника», свидетельствовала о праведности изображаемого человека. Открытая ладонь также могла быть жестом отрицания всего земного и защиты от зла.

2. *Анх* использовался впоследствии коптами-христианами как *сгух ansata*, символ загробной жизни.

3. Просторные далматики с широкими клавами и длинными рукавами, подобные той, в которой нарисована умершая, впервые появляются в Египте приблизительно со II в. н.э.; считается, что далматика, в развернутом виде напоминающая крест, была популярна среди христиан. Однако красный пояс может быть также вариантом «узла Исиды» и свидетельствовать о том, что умершая была посвящена в таинства этой богини.

4. Парласка считает фоновый прямоугольник позади головы усопших на антинопольских пеленах «nimbus rettongolare»¹¹, четырехугольным нимбом, вариантом обычного круглого нимба, характерным для изображения ранних христиан.

Несмотря на то, что версия про христианскую природу данной погребальной пелены кажется чрезвычайно привлекательной, отсутствие на ней каких-либо надписей и тот факт, что мумия покойной так и не была обнаружена, делают практически невозможным построение каких-либо теорий о вероисповедании усопшей.

Остановимся подробнее на идее «четырёхугольного нимба». Кроме антинопольских пелен, Парласка обнаружил, что подобный тип нимба изображен на боковой панели деревянного гроба, датируемой второй половиной IV в.н.э. и хранящейся в музее Пола Гетти в Малибу, США (Инв. 82. AP. 75) (рис. 1, 4). По его мнению, перед нами первый образец «христианского» гроба.¹² На панели темперой нарисован юноша на погребальном ложе в окружении трех слуг; его имя, Аммониус, написано по-гречески на свитке папируса, который он держит в левой руке. Юноша одет в тунику с длинными рукавами, характерную для константинопольской моды IV в.н.э., а на его шее висит ожерелье — тяжелый золотой обод. Один из слуг готовится наполнить чашу Аммониуса вином, другой держит над усопшим опахало, третий протягивает ему папирус.

Это изображение так называемой «погребальной трапезы»¹³, характерное для заупокойной иконографии с III в.н.э. Оно было призвано подчеркнуть высокий социальный статус умершего и изобразить сцену «хорошей жизни». Погребальное ложе Аммониуса украшено вертикальными разноцветными полосами, образующими фон в виде зеленого прямоугольника позади головы усопшего. Так же как

¹¹ Parlasca 1977, 61–120, Num. 247–496, Serie 1977/II, 56.

¹² Parlasca 1977, 1996, 19, 189.

¹³ Török 2005, 55–56.

и в случае с антинопольскими пеленами, Парласка охарактеризовал прямоугольник как “*rechteckiger Nimbus*”.¹⁴ Наличие “четырёхугольного нимба” и отсутствие на саркофаге изображений каких-либо языческих символов или божеств привели Парласку к выводу о том, что Аммониус происходил из христианской семьи.

Четырёхугольные нимбы были характерны и для языческой иконографии — они обрамляли головы эллинских божеств или патронов¹⁵, однако в раннехристианской иконографии они свидетельствовали о прижизненном портрете святого¹⁶. В отличие от круглого нимба, изображавшегося золотым (или при помощи желтого пигмента), четырёхугольный нимб, как правило, был белым; символика белого цвета означала прижизненную святость человека.

Среди сохранившихся до нашего времени примеров четырёхугольных нимбов есть произведения как коптского, так и византийского и католического искусства, в частности настенный портрет св. Шенуты в часовне коптского Белого монастыря (Дейр эль-Абяд) и настенные росписи в коптском монастыре св. Симеона (известного также под названиями Дейр эль-Анба Симаан или Дейр эль-Анба Хадра), построенном примерно в IV в.н.э. в Асуане; мозаики церкви св. Димитрия в Фессалониках VII в.н.э. (“Св. Димитрий с епископом Иоанном и епархом Леонтием” и “Св. Димитрий с неизвестным диаконом”).

С VIII по XI вв.н.э. четырёхугольные нимбы белого, золотого и синего цвета были широко распространены в Италии — они присутствовали на изображениях римских пап¹⁷. История связывает появление в раннем Средневековье нимбов с именем Григория Великого (однако нельзя исключить возможность, что он выбрал четырёхугольную форму нимба для того, чтобы святые не походили на восточноевропейских императоров, изображавшихся с классическими круглыми нимбами)¹⁸. Изредка четырёхугольные нимбы могли также использоваться в изображениях женщин и детей.

Вопрос происхождения четырёхугольного нимба заслуживает отдельного изучения, однако из приведенных выше примеров следует, что изображенные с четырёхугольными нимбами священнослужители были живы на момент изготовления портретов. Таким образом, в данном контексте идея помещения четырёхугольного нимба, ассоциировавшегося с прижизненным изображением, на погребальные пелены или гробы кажется нам нелогичной. Однако пока не найдены доказательства, способные подтвердить или опровергнуть идею использования четырёхугольных нимбов в египетском погребальном обряде, равно как и пред-

¹⁴ Parlasca 1996, 19, 188.

¹⁵ Подробнее про истоки античной четырёхугольной символики см. Лосев 2000/1, 332–335.

¹⁶ Pyke, Davis, Bolman 2010, 18, 458.

¹⁷ См. например, портрет папы Григория Великого в монастыре св. Андрея в Риме; мозаичный портрет папы Иоанна VII 705–707 гг.н.э. в базилике св. Петра в Риме; мозаичный портрет папы Льва III 798–799 г.н.э. в Латеранском Дворце в Риме; мозаичные портреты папы Пасхалия I (817–824 гг. н.э.) и его матери Теодоры в церкви Санта Прасседе в Риме; фреска папы Льва IV. (847–855 гг. н.э.) в церкви Сан Клементе в Риме; иллюстрация папы Виктора III (Дезидерия из Монтекассино) 1086–1087 гг.н.э. в Codex Vaticanus Latinus.

¹⁸ Иоанн Дьякон в жизнеописании папы Григория Великого (540–604 гг. н.э.) утверждает, что последний просил изобразить себя при жизни с четырёхугольным нимбом, символом земного жития, а не короны: «circa verticem tabulae similitudinem, quod viventis insigne est, preferens, non coronam». Migne 1902/75, 461–462, Col.312.

положение о приверженности христианству усопших, изображенных на антинопольских погребальных пеленах.

ЛИТЕРАТУРА:

- Лосев А. Ф.* 2000: История античной эстетики. Ранняя Классика. Т. I. М.
- Aubert M.-F., Cortopassi R.* 1998: Portraits de l'Egypte romaine. Paris.
- Borg B.* 1997: The Dead as a Guest at table? Continuity an Change in the Egyptian Cult of the Dead // Portraits and Masks. Burial Customs in Roman Egypt. London, 26–32.
- Derchain Ph.* 1975: Anchzeichen // LdÄ. Bd. I. Wiesbaden, 268–269.
- Guimet E.* 1912: Les portraits d'Antinoé au Musée Guimet. Lion.
- Katalog KAM 37. 06–11.02. 1996: Schweizerische Kunst- und Antiquitäten-Messe. Zürich. 125.
- Migne J. P.* 1902: Patrologiae Latinae Cursus Completus. Vol. 75. Paris.
- Parlasca K.* 1977: Rittrati di mummie. Tavole 61–120 — Numeri 247–496 // Repetorio d'arte dell'Egitto Greco-Romano. Fondato da Achile Adriano a Cura di Nicola Bonacasa. Serie B. Vol. II. Roma.
- Parlasca K.* 1996: Mumienporträts: Neue Funde und Erkenntnisse // Archaeological Research in Roman Egypt. Proceedings of the Seventeenth Classical Colloquium of the Department of Greek and Roman Antiquities, British Museum / D. M. Baily (ed.), 187–190.
- Parlasca K., Frenz H.* 2003: Rittrati di mummie. Tavole 159–202 — Numeri 675–1028 // Repetorio d'arte dell'Egitto Greco-Romano. Fondato da Achile Adriano a Cura di Nicola Bonacasa. Serie B. Vol. IV. Roma.
- Pyke G., Davis S., Bolman E.* 2010: Shenoute and a Recently Discovered Tomb Chapel at the White Monastery // Journal of Early Christian Studies. 18. 3, 453–462.
- Riggs C.* 2006: The Beautiful Burial In Roman Egypt. London.
- Török L.* 2005: Transfiguration of Hellenism. Aspects of Late Antique Art in Egypt AD 250–700. Leiden; Boston.

FUNERAL CLOTH FROM THE MUSEUM OF THE CATHEDRAL OF CHRIST THE SAVIOUR (PRELIMINARY STUDY RESULTS)

A. M. Fridmann

The funeral cloth from the Museum of the Cathedral of Christ the Saviour is a bust-length portraiture of a girl wearing a bicolored dalmatic and holding the ankh in her right hand. It belongs to the so-called Antinoopolis type dating as far back as the 3rd century AD. There exist over twenty similar clothes, most of which were discovered at Antinoopolis necropolis excavation in 1896-1911. Preliminary study shows that the Moscow cloth was made in Antinoopolis in the second half of the 3rd century AD. It remains to investigate the problem of a Christian square nimbus on this and other shrouds of the Antinoopolis type. It is rather difficult to identify whether the shroud background displays a Christian nimbus as square nimbi of Coptic and then of Roman saints of late ancient and early medieval period were put in lifetime portraits of saints.

Key words: Antinoopolos, funeral cloth, iconography

Северное Причерноморье

© 2013

С. В. Ярцев

ХЕРСОНЕС И БОСПОР В ЭПОХУ КОНСТАНТИНА ВЕЛИКОГО

Статья посвящена сложной теме боспоро-херсонесских отношений в период единоличного правления Константина Великого. Автором подробно рассматриваются многочисленные аспекты, связанные с боспоро-херсонесским военным конфликтом, о котором рассказывает третий сюжет повествования о крепости Херсон Константина Багрянородного.

Ключевые слова: Северное Причерноморье, Римская империя

В третьем и четвертом сюжетах 53 главы сочинения Константина Багрянородного «Об управлении империей» на основе кратких сведений херсонесских хроник позднеантичного времени в беллетризованном виде рассказывается о войнах между Боспором и Херсонесом. Однако другие источники ничего не говорят об этом конфликте, что вызывает у исследователей справедливые сомнения в его достоверности¹. В такой противоречивой ситуации даже точные имена херсонесских и боспорских правителей из этого рассказа² не могут свидетельствовать в пользу историзма происшедших событий³. Единственной возможностью доказать реальность боспоро-херсонесских войн является комплексная, с привлечением всех имеющихся источников, историческая реконструкция соответствующего периода. При этом конфликт между Боспором и Херсонесом в восстановленной картине событий должен иметь причинно-следственные связи, подтверждаться косвенными данными и не противоречить другим источникам.

Начнем с того, что причина конфликта между двумя государствами наметилась сразу же после финальной схватки за власть Константина и Лициния. Основой его, по-видимому, стал изменившийся расклад сил на полуострове. Дело

Ярцев Сергей Владимирович — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник кафедры всеобщей истории и археологии Тульского государственного педагогического университета им. Л. Н. Толстого. E-mail: s-yartsev@yandex.ru

¹ О специфике данного сочинения и неоднозначном к нему отношении см. Ярцев 2008, 69–85; 2010, 34–46.

² Ярцев 2008, 80–81.

³ В первоначальном кратком документе они могли вообще отсутствовать. Это объясняет, почему имена из текста сочинения Константина оказались отчасти схожими с местной ономастикой конца II — третьей четверти III в. н.э. (Грацианская 2010, 128–137). Хотя не исключено, что в ряде случаев речь может идти не столько о заимствовании, сколько о простом совпадении имен.

в том, что на заключительном этапе событий, связанных с приходом к власти Константина — таких, как вторжение меотийских варваров Равсимода на дунайские провинции империи в 318–322 гг., нападение готов на Фракию и Мёзию в 323 г. и мятеж против Константина в «Скифии» в 324–325 гг. — участие в них приняли и воины из Херсонеса. В борьбе за власть между Лицинием и Константином жители причерноморского города решительно встали на сторону будущего императора. После победы Константина это предопределило Херсонесу особый статус на полуострове, в отличие от Боспора, оказавшегося на проигравшей стороне. Вот почему не такими уж далекими от исторической реальности выглядят слова Константина, сказанные им в Византии херсонесским протевонам: «”Поскольку и ныне вы добросовестно трудитесь ради нас, как и при благочестивых предках нашей божественности, то и мы, утверждая права свободы и избавления от налогов, уже данные вам в стране ромеев нашей царственной дланью, жалует вам также золотое изваяние с царской мантией и застежкой и золотой венец для украшения вашего города вместе с нашим документом о свободе и избавлении от налогов и вас, и ваших судов. Кроме того, по причине вашего благорасположения мы даем вам также золотые кольца с выбитыми нашими благочестивыми изображениями, с помощью коих вы, запечатывая при случае посылаемые вами нам донесения и просьбы, докажете нам, что послы являются подлинно вашими. К сему еще мы предоставляем вам ежегодно жилы и пеньку, железо и оливковое масло для изготовления ваших хироволистр и даем вам на ваше пропитание тысячу аннон, чтобы вы были стрелками из хироволистр [баллистариями], определив, что эти продукты и все обычно посылаемое мы должны ежегодно отправлять вам отсюда в страну херсонитов”. Херсониты, получая эти анноны и разделив их меж собою и своими сыновьями, снарядили [должное] число [воинов]. Таким образом, вплоть доныне их сыновья зачисляются в число сообразно с состоянием страции родителей» (Const. Porph. De adm. Imp. 53. 135–160)⁴.

Возможно, что помимо вышеперечисленных льгот и щедрот херсонитам было оказано еще одно благодеяние, о котором не сохранилось прямого упоминания в рассказе. Косвенно на него указывает содержание третьего сюжета повествования. Здесь в действиях сторон прослеживается несогласованность между самовольно поставленными херсонитами пограничными знаками в Кафе, где были разбиты боспоряне, и последующей клятвой последних, что они никогда не переступят «установленные меж ними границы» (Const. Porph. De adm. Imp. 53. 170–175). Это вызывает удивление, так как непосредственно сами боспоряне никаких границ не устанавливали и с херсонитами предварительно их не согласовывали. Возникает ощущение, что новая пограничная линия была перенесена в пользу Херсонеса несколько ранее наступившей войны и силой таких обстоятельств, изменить которые в тот момент было невозможно. На это указывают и сами военные действия, начавшиеся почему-то уже в районе будущих рубежей. Станным выглядит и довольно быстрое согласие боспорян на довольно значительную аннексию Херсонесом своей территории. Очевидно, что изменение границ и было главной причиной, вызвавшей военный конфликт.

⁴ Здесь и далее цитируется по кн.: Константин Багрянородный / Пер. Г. Г. Литаврина, А. П. Новосельцева. М., 1991.

Однако только одним вмешательством императора в политическую ситуацию на полуострове нельзя объяснить другие сложные моменты разгоревшегося конфликта. Самым трудным из которых является неясный статус земель, окончательно потерянных Боспором после военных действий. Считается, что по договору с Римом в конце II в. н.э. Боспорскому царству отошла территория вплоть до районов Юго-Западной Таврики. Здесь она ограничивалась на севере рекой Альмой⁵, а на юге, скорее всего, Хараксом⁶. Такие данные следуют из анализа античного импорта⁷ и ареала распространения монет. Восточнее римского Харакса количество боспорских монет в комплексах первых веков нашей эры (на святилищах под Ялтой⁸, на склоне Аю-Дага⁹, на перевале Гурзуфское Седло¹⁰, Алигор в Партените¹¹) резко возрастает, что может свидетельствовать в пользу наличия здесь зоны влияния Боспора¹². Однако политическая ситуация в данном регионе после середины III в. н.э. становится не очень понятной. При этом нумизматические источники уже мало могут помочь. Дело в том, что в связи с прекращением выпуска Херсонесом собственной монеты его рынок стал обеспечиваться за счет боспорского чекана¹³, а часто встречаемые на этой территории римские монеты приобрели статус «международных». Все это стало причиной утраты характера монет как индикаторов политической принадлежности¹⁴.

Единственное, о чем можно говорить с уверенностью, — это то, что в конце III — начале IV в. н.э. Феодосия продолжала оставаться под боспорским управлением (КБН 36, 64). В связи с этим более чем вероятно, что при Фофоре (285–308 гг.), учитывая сложившиеся с ним отношения¹⁵, Рим подтвердил права Боспора и на территорию Предгорного Крыма. В пользу данной версии свидетельствует восстановление в это время Белинского городища, которое и ранее выступало в качестве плацдарма для экспансии Боспорского царства в западном направлении¹⁶. То, что при возведении здесь крепостных стен особое внимание было уделено противотаранному компоненту фортификации, опять же косвенно указывает на Предгорный Крым, где еще от поздних скифов мог сохраниться опыт использования осадной техники¹⁷. Контроль же над важнейшими стратегическими пунктами скифской территории был, по-видимому, вновь возложен на варварские воинские контингенты, причем последние явно находились на совместном обеспечении как античных государств, так и Рима. Так, например, из погребений могильника Ай-Тодор (Харакс) происходит 16 боспорских монет диапазона 285–327 гг.¹⁸, а восточнее, на некрополе Чатыр-Даг, в зоне влияния Боспора, наблюда-

⁵ Зубарь 1998, 113.

⁶ Бертъе-Делагард 1907, 24–26.

⁷ Бертъе-Делагард 1907, 113–114.

⁸ Бертъе-Делагард 1907, 24–26.

⁹ Голенко 1963, 113–114.

¹⁰ Новиченкова 2002, 46–50, 170–171, 177.

¹¹ Мыц и др. 1997, 204.

¹² Мыц и др. 2006, 180.

¹³ Гилевич 1968, 16.

¹⁴ Мыц и др. 2006, 180.

¹⁵ Ярцев 2008, 79–80.

¹⁶ Зубарев 2009, 177–178.

¹⁷ Виноградов 1987, 86.

¹⁸ Труфанов 2011, 372.

ется обилие монет тетрархов, до Лициния (308–323 гг.) включительно¹⁹. Правда, более поздних монет здесь нет. Поступление их сюда прервалось, а люди вскоре покинули это место²⁰. Приблизительно в это же время, в 318–321 гг., некоторые районы Центрального и Юго-Западного Крыма также довольно резко вышли из зоны обращения античных монет. Самая поздняя монета в могильнике Дружное датируется 321–324 гг.²¹ Нет монет, отчеканенных после 318 года и в Нейзаце²². Схожая картина наблюдается и во всех других могильниках Юго-Западного Крыма, кроме расположенных рядом с Херсонесом (Айтодорский, Чернореченский, Севастопольский, Инкерманский)²³.

Не исключено, что в последние районы монеты могли попадать в какой-то мере в качестве вознаграждения варварам за службу Херсонесу и Риму²⁴. Однако источник поступления монет вглубь территории варварского Крыма, как справедливо заметил Н. И. Храпунов, остается неизвестным. Римских монет IV в. н.э. здесь действительно мало²⁵, а боспорских вообще единицы²⁶, нет вещей, позволяющих определить варваров в качестве римских союзников, нет и трофеев, привезенных с военной службы. В Дружном монеты вообще почему-то происходят только из женских и детских погребений²⁷. Все это говорит о том, что источник поступления монет в эти районы имел какой-то особый, специфический характер, не связанный с денежным обращением. По нашему мнению, он мог иметь отношение к функционированию сухопутного пути между Херсонесом и Боспором, проходившего через указанную варварскую территорию. При этом дорога, которую до середины III в. н.э. на землях, прилегающих к Херсонесу, контролировал римский военный пост на Алма-Кермене²⁸, позднее могли обеспечивать всем необходимым окрестные варвары. По мнению П. О. Карышковского, дороги играли не последнюю роль в поступлении античных монет на варварскую территорию²⁹. Вот почему из-за неразвитости в этих районах денежной формы товарообменных операций монеты, попадавшие сюда таким путем, очень быстро «оседали» на святилищах и некрополях³⁰. Следовательно, прерывание поступления монет на данную территорию с конца 310-х годов свидетельствует о прекращении функционирования здесь сухопутного пути. Хронологически это связано с событиями нападения варваров на Боспор и ухода наиболее активной их части во главе с Равсимодом к дунайским границам империи³¹. Именно с 317/318 г. Боспор резко увеличивает чекан монет (в 15–16 раз), что может указывать не только на начало

¹⁹ Мыц и др. 2006, 127.

²⁰ Мыц и др. 2006, 186.

²¹ Храпунов 2008, 348.

²² Храпунов 2009, 482–484.

²³ Храпунов 2010, 455–456.

²⁴ Шаров 2007, 35–39.

²⁵ Храпунов 2008, 352.

²⁶ Храпунов 2009, 487.

²⁷ Храпунов 2008, 352.

²⁸ Зубарь 2004, 122–125.

²⁹ Карышковский 1988, 127.

³⁰ Лысенко 2007, 188.

³¹ Ярцев 2010, 39. По уточненной дате монеты из ямы № 7, нападение на Белинское городище — западный форпост Боспора — произошло в интервале 318–322 гг. (Зубарев 2011, 246), что полностью соответствует времени дестабилизации в Юго-Западном и Центральном Крыму.

инфляции³², но и на какие-то события, ставшие причиной возросшей потребности в деньгах. Очевидно, что выход районов Предгорного Крыма из-под контроля Боспора и Херсонеса занимал в них далеко не последнее место.

Взаимоотношения между Боспором и Херсонесом, возможно, еще сохранялись какое-то время (в 318–327 гг.) по морскому пути. Единичные боспорские монеты 320, 324, 325 и 327 гг. из могильника Ай-Тодор (Харакс)³³, скорее всего, свидетельствуют именно о таком характере контактов. На интенсивность использования морских путей в данное время указывает «Таракташский» клад 1908 года из ближайших окрестностей Судака. К сожалению, нам неизвестен полный состав данного клада, поэтому дату тезаврации определить невозможно³⁴. Самые поздние боспорские монеты из той части клада, которая была определена, датируются 326 годом³⁵, а римские — временем правления Лициния и Константина³⁶. Наличие в кладе нескольких десятков римских монет необычно, ведь общеимперская монета не играла сколько-нибудь заметной роли в денежном обращении и экономике Боспора³⁷. Учитывая, что первые укрепления Судакской крепости (датируемые второй половиной III — началом IV вв.) являлись стратегическим портовым пунктом в этом районе боспорского побережья³⁸, монеты могли попадать сюда в первую очередь морским путем. На это, например, может указывать целая масса неопределимых боспорских монет III — IV вв., которые были обнаружены на дне портовой бухты³⁹. Конечно, мы не можем сказать точно, где в указанном районе пролегла граница между двумя государствами после первого конфликта. Однако боспорские и римские монеты данного времени встречаются вплоть до Старого Крыма⁴⁰. Все это может означать, что Юго-Восточный Крым, в то время как сухопутный путь в Херсонес уже не функционировал, продолжал оставаться под властью Боспора.

В связи с изучением «Повествования о крепости Херсон» нельзя сказать, чтобы катастрофа конца 310-х годов не привлекала внимание исследователей. Однако датировать этим временем события третьего сюжета херсонских рассказов Константина Багрянородного было бы не очень верно⁴¹. Это смещает хронологию событий рассказа во времена борьбы Константина с Лицинием и не оставляет место для похода херсонитов на Дунай в «Скифию».

Разумеется, у Константина было достаточно сил, чтобы навести порядок в Предгорном Крыму и без Боспора — хозяина этих мест. Но император должен был понимать, что любая попытка империи восстановить контроль над вышедшей из подчинения территорией в Юго-Западном и Центральном Крыму без боспорского царя явно провоцировала с ним конфликт. «Жития святых епископов

³² Исанчурина, Исанчурина 1989, 88–89.

³³ Труфанов 2011, 372.

³⁴ КБКМ I, 518–521.

³⁵ Исанчурина, Исанчурина 1989, 90–92; Фролова 1997, 175; Голенко 2006, 126–127; КБКМ I, 518–519.

³⁶ Абрамзон 2009, 7–8.

³⁷ Голенко, Шелов 1963, 26; Абрамзон 2009, 12–13; Фролова 1997, 171.

³⁸ Джанов 2006, 335.

³⁹ Джанов 2006, 333.

⁴⁰ Гаврилов 2001, 194.

⁴¹ Сидоренко 1994, 13–14.

Херсонских», известные в различных редакциях и вариантах⁴², но восходящие к единой первооснове⁴³, во всех своих версиях утверждают, что при Константине в Херсонес был направлен отряд римлян в 500 человек (когорта), сопровождавший посланного из Иерусалима епископа⁴⁴. В связи с тем, что Константин в это время участвовал в Первом Вселенском соборе в Никее (325 г.)⁴⁵, отправка войск в Таврику стала одной из самых первых и поэтому, безусловно, важных военных операций императора в период его единоличного правления.

Известно, что почти все сведения из указанных житий относятся к более позднему времени. Константин Багрянородный ничего не знает о епископах-мучениках, взятых, как сейчас представляется, из испанской церковной традиции⁴⁶. В пользу позднего происхождения данного источника также свидетельствует и ряд других фактов. Из них назовем такие, как упоминание в тексте Иерусалимской церкви, получившей статус патриархата только в V в.⁴⁷, необычное имя епископа Эферия, отождествляемого с одноименным участником II-го Вселенского собора (381 г.)⁴⁸, и даже сообщение о присутствии в Херсоне «преданных баллистариев», которые, судя по источникам, появились в городе только в конце IV — первой половине V в.⁴⁹

Правда, в последнем случае не совсем ясно, насколько обосновано отождествление упомянутых в херсонском повествовании баллистариев с римским отрядом, особенно когда римскими надписями пытаются обосновать дату появления этого специфического гарнизона в городе⁵⁰. Как следует из текста, такое ополчение не имело никакого отношения к регулярным имперским войскам, более являясь городской милицией, набиравшейся из местных жителей. Вот почему данное подразделение, как и сам Херсонес, не упомянуты в *Notitia Dignitatum*, хотя в этом документе перечислены и менее значимые пункты, в которых размещались римские войска. И это притом, что *Notitia Dignitatum* был создан в конце IV — начале V в., когда отряд баллистариев в Херсонесе уже, безусловно, существовал⁵¹. Следовательно, единственным аргументом для доказательства существования баллистариев в Херсонесе при Константине остается факт отсутствия здесь в это время римских войск⁵², что и подтверждает вышеназванный документ. Именно отсутствие возможности держать в Крыму постоянный воинский контингент стало причиной решения Константина обеспечить безопасность союзного города с опорой на местное ополчение.

Однако сомнительно, чтобы такой отряд мог в одиночку без римлян, даже с помощью союзных варваров, восстановить контроль над вышедшими из подчинения близлежащими территориями. Почти никто из ученых, принявших версию

⁴² Могаричев 2010, 166–167; Могаричев, Сазанов, Саргсян, Сорочан, Шапошников 2012, 9–131.

⁴³ Латышев 1906, 16.

⁴⁴ Айбабин 1999, 51–52.

⁴⁵ Могаричев, Сазанов, Саргсян, Сорочан, Шапошников 2012, 332.

⁴⁶ Могаричев, Сазанов, Саргсян, Сорочан, Шапошников 2012, 339, 359–364.

⁴⁷ Могаричев 2010, 168–169.

⁴⁸ Могаричев, Сазанов, Саргсян, Сорочан, Шапошников 2012, 364.

⁴⁹ Цукерман 1994, 545–561.

⁵⁰ Зубарь 1994, 130–140.

⁵¹ Зубарь, Сорочан 2004, 513–516.

⁵² Эпиграфические источники, свидетельствующие о римских войсках в Херсонесе обрываются на полстолетия, с начала IV в. до 370-х гг. (Цукерман 1994, 558).

о позднем характере событий, отраженных в «Житиях святых епископов Херсонских», не смог объяснить устойчивую связь имени Константина, в подавляющем большинстве редакций этого источника, с появлением римской когорты в Херсонесе. Мнение К. Цукермана, что имя этого императора появилось в тексте с целью возвышения Херсона⁵³, не убедительно. Гораздо правдоподобнее выглядит гипотеза Ю. М. Могаричева, который предположил, что в древнейшем Житии изначально все же значился Константин, но образованные составители синаксарных текстов, понимая этот нонсенс (Константин, о чем неоднократно упоминалось в историографии, несомненно, не мог отправлять военный контингент для насаждения христианства), «вмонтировали» сюжет в другую, более реальную историческую канву⁵⁴.

В действительности же император не только мог направить в союзный Херсонес римский отряд с целью восстановления порядка на полуострове, он просто обязан был это сделать. Это более чем соответствовало политике Константина, который никогда не боялся нестандартных мер, вопреки старому принципу имперской внешней политики не вмешиваться силой оружия во всякие распри. При нем императорская армия всегда приходила на помощь, когда считала нужным⁵⁵. Тем более сейчас, когда было принято решение о переносе и строительстве столицы империи на месте городка Византия, что самым серьезным образом меняло расстановку сил в Северном Причерноморье. В такой ситуации обосновавшиеся вдоль северных рубежей империи племена сразу же превращались в угрозу новой столице. С целью устранения этой опасности Константин должен был предпринять превентивные меры по укреплению римских границ и оттеснению варваров от Дуная. В связи с этим император даже решил восстановить римскую власть в Дакии⁵⁶. Возведение грандиозного каменного стационарного моста через Дунай в районе Сучидавы (введенного в эксплуатацию летом 328 года), постройка укреплений Дафна, Диерна, Дробета на левом берегу Дуная, организация паромной переправы через Дунай, строительство и ремонт дорог, ведущих из внутренних районов к границе — все это давало императору возможность в любой момент ударить по западному флангу Готии, легко перебросив туда значительные силы. Ведь только после обеспечения безопасности всего северо-причерноморского региона можно было приступить к возведению новой столицы, строительство которой и началось только в 328 году⁵⁷. Такие хорошо продуманные действия определенно свидетельствуют и о том, что Константин не мог проигнорировать сложную ситуацию в Таврике и не включить ее территорию в общий план по укреплению северных границ империи. Юго-Западному Крыму, безусловно, отводилась роль буферного района, население которого не должно было пропускать к Херсонесу враждебно настроенных варваров.

При работе с «Житиями святых епископов Херсонских» необходимо учитывать, что это довольно сложный источник. Помимо большого разнообразия дошедших до нас текстов, в житиях нашли свое отражение и разновременные со-

⁵³ Цукерман 1994, 546.

⁵⁴ Могаричев, Сазанов, Саргсян, Сорочан, Шапошников 2012, 328.

⁵⁵ Вольфрам 2003, 93.

⁵⁶ Колосовская 2000, 152–153.

⁵⁷ Колосовская 2000, 152; Вольфрам 2003, 94; Щукин 2005, 199–200.

бытия, слившиеся в сложную сюжетную линию. Одно из них вполне могло быть связано с отправкой Константином в Херсонес воинского отряда, истинные причины появления в Крыму которого впоследствии забылись. Разумеется, римляне нужны были на полуострове не для насильственной христианизации населения, а для восстановления контроля над прилегающей к городу стратегической территорией. Поэтому отряд, если и находился в Херсонесе, то только очень короткий промежуток времени. Вряд ли император стал бы держать в Херсонесе римских воинов, выполнивших уже к этому времени свою основную задачу, когда в 328–334 гг. ему приходилось вести военные действия на Дунае⁵⁸. Поэтому сведения житий о римлянах, оставшихся жить в городе после крещения херсонитов, скорее всего, не имеют отношение к эпохе Константина.

Археологически такой кратковременный визит римской когорты в Херсонес должен быть практически неуловимым, поэтому доказать реальность этого события сейчас очень трудно. Тем не менее обращают на себя внимание такие херсонесские находки, как большая чаша с крестом и надписью «Боже, помоги... Константину Великому»⁵⁹, ажурный щиток воинской пряжки IV в. с изображением двух животных и Т-образная солдатская фибула типа 2, по Э. Келлеру / Ф. М. Прёттелю, с отделкой ножки в виде стилизованных двойных волут и датированная 300/310–340/350 гг.⁶⁰ При этом две последние находки являлись элементами римского военного костюма. По справедливому замечанию Д. А. Костромичева, несмотря на то, что малочисленность выявленных артефактов и не позволяет сделать вывод о дислокации в Херсонесе римского отряда в первой половине IV в., подобное предположение нельзя отнести к невозможным⁶¹.

В любом случае земли, которые боспорский царь имел все основания считать своими, оказались для него потерянными. Трудно сказать, какие отношения в это время сложились у варваров Юго-Западного и Центрального Крыма с Херсонесом. Археологические данные говорят, что античный импорт продолжал сюда поступать и, судя по анализу столовой посуды, его источником был именно Херсонес⁶². Однако отсутствие здесь находок античных монет, в том числе и боспорских, которых в это время было много даже в самом Херсонесе⁶³, говорит о том, что движение по сухопутному пути через данную территорию между Херсонесом и Боспором так и не возобновилось. Мы не знаем, в какой степени боспоряне приняли такое положение дел и вынашивали ли они планы по возвращению утраченной территории. Однако открыто выступить против воли императора они не могли.

Всю сложность отношений с Римом наглядно иллюстрируют изображения на боспорских монетах интересующего нас времени. Так, вместо боспорской тамги (двузубца), Рескупорид VI на своих монетах стал размещать вначале изображения орла на сфере с венком в клюве, а затем, в 325–326 годах, — Нику на земном шаре с венком в правой руке, венчающую императора Константина. Такой реверанс

⁵⁸ Болгов 2010, 117, 3.

⁵⁹ Романчук, Соломоник 1987, 98–99.

⁶⁰ Костромичев 2008, 42, 48.

⁶¹ Костромичев 2008, 50.

⁶² Храпунов 2010, 456; Храпунов, Власов, Смокотина, Шапцев 2009, 25.

⁶³ Гилевич 1968, 16.

царя в сторону Рима и победившего императора в целом не вызывает вопросов, ведь Боспорское царство уже достаточно длительное время являлось союзником империи. Однако очень странно, что монеты с царскими тамгами выпускались только до 322/323 года, то есть исключительно при императоре Востока Лицинии⁶⁴. В связи с этим трудно не согласиться с О. В. Шаровым в том, что указанные изменения монетных изображений являются зеркальным отображением главных событий, которые произошли в Римской империи⁶⁵. При этом исчезновение с боспорских монет царской тамги не противоречит нашему выводу о взятом Константином курсе на ограничение боспорского влияния на полуострове.

Все это, несомненно, способствовало тому, что напряженные римско-боспорские отношения вскоре резко обострились. Не исключено, что это могло быть связано с событиями открытия моста через Дунай в 328 году, соединившего Эск с перестроенной при Константине римской крепостью Сучидавой, и началом римской военной экспансии в Дакию⁶⁶. Ведь именно тогда, когда Константин оказался сильно занят делами на Дунае, Боспор в 329 году резко прекратил свой чекан, что, безусловно, является сигналом о каком-то экстраординарном событии, произошедшем на полуострове. В 330–333 гг. Боспор предпринимает попытку восстановить чекан монет, однако сделать это ему не удастся. Возобновленная эмиссия в 330 году обрывается уже в следующем 331 году. Помимо ограничения чеканки одним типом, монета с датой 331 год до сих пор остается известной в единственном экземпляре. Чекан статеров в 332 году также был ограничен. Каждый из двух типов монет этого года представлен лишь одним экземпляром. Статеры Рескупорида VI 333 года также редки и известны только в одном экземпляре⁶⁷. Все это свидетельствует о том, что, несмотря на попытки Боспора восстановить чекан, урон государству в 328–329 гг. был нанесен непоправимый.

Некоторые из кладов интересующего нас времени несколько проясняют картину событий, произошедших в это время в Таврике. Так, четыре из них обнаружены на территории Европейского Боспора, причем два в районе Судака и Феодосии. Это уже упоминаемый выше «Таракташский», который, помимо боспорских монет, содержал и несколько десятков медных выпусков Лициния и Константина, и «Феодосийский»⁶⁸. Если обстоятельства, связанные с «Таракташским» кладом, не позволяют установить точную дату его сокрытия (последние из известных нам монет этого клада датируются 326 г.), то самая поздняя монета «Феодосийского» относится к 328 году, что и определяет дату тезаврации⁶⁹. Интересно, что данные кладов отражают степень военной опасности именно там, где, по данным Константина Багрянородного, и разыгрались драматические события боспоро-херсонесских войн. Любопытно и то, что самые поздние монеты кладов из Керчи 1961 и 1999 гг. и одного из кладов с территории Азиатского Боспора, обнаруженного на Ильичевском городище в 1977 году (район косы Чушка на Таманском полуострове), также датируются 327–328 гг.⁷⁰. Косвенно это говорит о том, что в указанное

⁶⁴ Исанчурина, Исанчурина 1989, 86; Фролова 1997, 123–126.

⁶⁵ Шаров 2009, 28–29.

⁶⁶ Колосовская 2000, 152–153.

⁶⁷ Фролова 1997, 130–131; Фролова, Куликов, Смекалова 2001, 63.

⁶⁸ Исанчурина, Исанчурина 1989, 90–92; Фролова 1997, 175; Голенко 2006, 126–127.

⁶⁹ КБКМ I, 518–521, 471–478.

⁷⁰ Фролова 1997, 174–175; КБКМ I, 468–470, 478–484; КБКМ II, 140–145.

время Боспорское царство было атаковано по всему периметру своих границ или же вся его территория была охвачена гражданской войной⁷¹.

Трудно сказать, могло ли резкое прекращение массовой чеканки и ухудшение качества последующих статеров оказаться связанным с приостановкой поступления римских субсидий или даже запретом на выпуск боспорских монет. Есть мнение, что в последнем случае Боспор разделил участь других провинциальных городов (подобно Херсонесу), в той или иной степени попавших под контроль Римской империи⁷². В пользу такого варианта разворачивания событий свидетельствует как довольно резкое прекращение чеканки, так и невозможность впоследствии восстановить докризисный чекан. Тогда редкие выпуски статеров плохого качества в 330–336 гг., как и совсем грубо выполненные боспорские монеты (так называемые варварские подражания, возможно чеканенные на Боспорском монетном дворе),⁷³ являлись незаконной по отношению к Риму эмиссией, признанной восполнить недостаток монетной массы в денежном обращении. Однако главное сейчас не это. Интерес вызывает то, что предпринятые экстраординарные действия Константина по отношению к Боспору в период беспрецедентных мер по укреплению северных рубежей империи должны иметь под собой достаточно веские основания. Даже если запрета Рима на чеканку боспорских монет не было, а санкции против Боспора коснулись только выплат, то все равно это свидетельствует о довольно серьезных проблемах в боспоро-римских отношениях. Другими словами, период дестабилизации 327–328 гг. на Боспоре был связан не только с военными действиями на полуострове, но и имел прямое отношение к Риму.

Однако точка зрения, что Рескупорид VI, используя обстоятельства (например, уход из Херсонеса римского отряда), силой захотел отнять потерянные земли, вряд ли может соответствовать действительности. Сложно сказать, на что бы смог рассчитывать боспорский царь, вступая на открытый путь конфронтации и противостояния Римской империи. Поэтому, скорее всего, не было никакой организованной борьбы Боспора с Херсонесом и Римом. По большому счету, и текст повествования о крепости Херсон не дает повода думать иначе. Если не обращать внимания на беллетристику третьего сюжета херсонесских хроник Константина Багрянородного, то мы видим, что в источнике имеется только описание пограничной стычки, которая более напоминает специально организованную провокацию, чем настоящую войну. Боспорский царь, без ясных на то причин, собрав «войско с Меотидского озера, поднялся на херсонитов», воевать против которых так и не решился. Первыми войну решили начать все те же херсониты, которые, действуя на опережение «и приготовясь к противоборству, сами встретились с Савроматом вне города, в местах, называемых Кафа, и сразясь с ним ... победили Савромата и прогнали его, поставя пограничные знаки в том самом месте под названием Кафа, где, сразившись, победили Савромата и где сам Савромат и оставшиеся у него люди принесли клятву, что никогда они не переступят ради войны установленные меж ними границы, но что каждая из стран владеет собственными местами, начиная от обозначенных пределов. Затем Савромат ушел в Боспор, а херсониты — к себе» (Const. Porph. De adm. Imp. 53. 160–180). Учיתי-

⁷¹ Зубарь 1998, 158; Голенко 2006, 126–127; Ščukin, Kazanski, Sharov 2006, 86.

⁷² Фролова 1997, 137.

⁷³ Фролова 1975, 55.

вая, что Рескупорид VI в результате данного конфликта не только ничего не приобрел, но и лишился последнего расположения императора, острое интриги было направлено исключительно против него. Похоже, что одновременно с Боспором начали войну и союзные Херсонесу варвары, напавшие на поселения Таманского полуострова. Возможно, именно это обстоятельство, вместе с нежеланием вступать в конфронтацию с Римом после пограничной стычки с херсонитами, и стало причиной быстрого ухода царя на Боспор.

По нашему мнению, вооруженный конфликт был выгоден только Херсонесу, так как он закреплял наметившийся незадолго до этого территориальный передел между двумя государствами. Но даже несмотря на это, судя по изображению императора на своих монетах, Рескупорид VI, вплоть до самых последних лет своего правления, продолжал сохранять союзнические отношения с Римом⁷⁴. Это еще раз свидетельствует о том, что боспорский царь не мог выступить против воли императора и умышленно спланировать военную операцию по изменению границ государств на полуострове.

Константин же, находясь на пике своего могущества, относился ко всем подвластным ему землям как к своей наследственной собственности. Известно, что в ходе административной реформы он разделил всю империю на четыре префектуры (Иллирии, Италии, Галлии и Востока). Херсонес, судя по одной поздней надписи (IOSPE, I², № 499), был отнесен к ведению префекта претория Востока, сосредоточившего в своих руках всю гражданскую власть⁷⁵. Кроме того, сыновья императора в 333 году также получили в управление разделенную на отдельные области империю: Констант — Африку, Италию и Иллирию, Константин — Испанию, Галлию и Британию, Констанций — азиатские провинции и Египет. Не оказались забытыми и два племянника Константина. Наибольший интерес для нас представляет один из них, по имени Ганнибалиан. Он получил от императора титул *Nobilissimus* и стал царем Армении и Понта (Amm. Marc. XIV.I).

Трудно сказать, насколько близким к исторической действительности является предположение Т. Моммзена о включении Боспора в состав «царства» Ганнибалиана. С одной стороны, это, казалось бы, проясняет причину прекращения боспорской монетной чеканки⁷⁶ и даже вооруженное изменение границ на полуострове⁷⁷, тем более что причины пойти на аннексию территории Боспора у Рима действительно были. Однако, с другой стороны, утверждать это с точностью мы не можем. Сомнительной остается и сама возможность кровавого передела границ между зависимыми клиентскими государствами в период единоличного правления Константина, не говоря уже о его сыновьях и племянниках (фактически соправителях императора).

Не стоит, по-видимому, преувеличивать и проблемы в римско-боспорских отношениях. Известно, что в последний год правления Константина Боспор все же сумел наладить чекан своих монет. Сейчас нам известно уже о десяти статерах 336 года⁷⁸, что позволяет говорить о получении в это время Боспором выплат от

⁷⁴ Болгов 1996, 40–41.

⁷⁵ Зубарь 1998, 159.

⁷⁶ Моммзен 1949, 268.

⁷⁷ Болгов 1996, 41; Болгов 2002, 16.

⁷⁸ Фролова, Куликов, Смекалова 2001, 64.

Константина или Ганнибалиана и восстановлении Боспорским царством денежной эмиссии⁷⁹. Другими словами, кризис боспоро-римских отношений к середине 30-х гг. IV в. был преодолен. Безусловно, во многом этому способствовало обострение обстановки в Северном Причерноморье в первой половине 30-х гг. IV в., но тем не менее данное обстоятельство свидетельствует и о том, что расхождения между Боспором и Римом если и были, то не являлись принципиальными и откровенно враждебными.

Обо всей серьезности сложившейся новой опасной ситуации на Боспоре свидетельствует не только полная невозможность чеканки монет в 334–335 гг.⁸⁰ Последние монеты клада боспорских статеров из Патрэя (1951 г.) с территории Азиатского Боспора датируются 336 годом⁸¹, что указывает на появление военной опасности в данный период. Об этом же говорит и хорошо известная надпись с Таманского полуострова, которая после сообщения о возведении в 335 году «при царе Рескупориде» оборонительной стены заканчивается словами «Победа города. Здравствуй» (КБН, 1112). Несмотря на то что мы не знаем, о каком городе идет здесь речь, в тексте данного эпиграфического памятника явно нашли отражения военные действия боспорян с напавшими на них врагами⁸².

Учитывая вышесказанное, события боспоро-херсонесской войны (третий и четвертый сюжет повествования о крепости Херсон) иногда пытаются связать с кризисом начала 30-х годов IV века⁸³. По мнению других ученых, финальное сражение данной войны надо датировать не ранее чем 336 годом, таким образом допуская, что она могла произойти в том числе и на заключительном этапе правления Константина Великого⁸⁴. Однако еще раз отметим, что вооруженный передел границ на территории, относящейся к ведению префекта претория Востока и сына императора или, при другом варианте, между Констанцием, опекающим Херсонес, и племянником императора Ганнибалианом, получившим в свое владение Боспор, причем с ведома Константина и на деньги Римской империи, просто невероятен. Последние события этой войны, о которых рассказывает четвертый сюжет херсонесских хроник, судя по тексту, привели к столь катастрофическим последствиям для Боспорского царства, что известные факты возобновления чекана в 336 и 341 гг. категорически не позволяют связать ее с 30-ми гг. IV в. Ведь очевидно, что заключительный этап боспоро-херсонесского противостояния (четвертый сюжет повествования) должен датироваться не ранее чем 341 годом, тогда как предыдущее военное столкновение Херсонеса и Боспора (третий сюжет хроники) более соответствует ситуации конца 20-х гг. IV в.

Что же касается кризиса первой половины 30-х гг. IV в., то Боспорское царство в это время вновь оказалось втянутым в войну с окрестными племенами. Судя по тому, что наибольшей опасности подвергся Азиатский Боспор, в этих врагах необходимо видеть, в первую очередь, сармато-аланские племена. Правда, не исключено, что период дестабилизации на Боспоре 334–335 гг. мог быть

⁷⁹ Правда, сразу же после смерти Константина и гибели Ганнибалиана в 337 году эмиссия была снова прекращена на несколько лет (337–340 гг.) (Фролова, Куликов, Смекалова 2001, 64).

⁸⁰ Фролова, Куликов, Смекалова 2001, 64.

⁸¹ Исанчурин, Исанчурин 1989, 90–92; Šćukin, Kazanski, Sharov 2006, 86; КБКМ I, 484–498.

⁸² Фролова 1997, 138.

⁸³ Гаврилов 2001, 194.

⁸⁴ Голенко, Юрочкин, Синько, Джанов 1999, 87; Голенко 2006, 129.

связан и с появлением в Северном Причерноморье варварской группировки Гебериха. Как известно, этот готский вождь после поражения от римлян в 332 году отказался, в отличие от Ариариха и Аориха, пойти на мирные отношения с империей и с боями через земли вандалов стал уходить от римских границ (Iord. Get. 112–113). Сам факт такого продвижения⁸⁵ не позволяет согласиться с версией о том, что нападение Гебериха на вандалов было согласовано с Римом⁸⁶. Скорее наоборот, именно вандалы, некоторых из которых после разгрома милостиво принял на своей территории Константин, и должны были не дать уйти враждебно настроенным по отношению к империи готам (Iord. Get. 115). Исходя из того что преемником этого предводителя оказался Эрманарих — известный правитель раннегосударственного образования на юге Восточной Европы (Iord. Get. 116), очевидно, что Геберих отошел в районы Северного Причерноморья, заселенные готами и другими выходцами с севера. Видимо, этот вождь предъявил претензии на все окрестные земли, занятые родственными племенами, включая и районы устья Танаиса, где жили меотийцы, тесно связанные с аланами-танаитами и Боспором⁸⁷. Если это так, то обострение ситуации в Северном Причерноморье должно было начаться именно с Приазовья и Азиатского Боспора, вызвав широкомасштабную войну варваров как между собой, так и с Боспорским царством. Возобновление выплат римских субсидий Рескупориду VI свидетельствует о довольно серьезной ситуации, сложившейся в это время на границах Боспорского царства. Последующее покорение Эрманарихом живших у Меотиды элуrow (Iord. Get. 117–118) может означать, что грейтунги с самого начала образования своего государства имели права на этот стратегически важный регион.

Однако, обращаясь к теме «готских королевств» в Северном Причерноморье, необходимо помнить об огромной роли не только войны, но и торговли в политогенезе таких раннегосударственных образований⁸⁸. Как бы ни относился Геберих к империи и к античному миру в целом, появившись в Причерноморье, он вынужден был в итоге установить мирные отношения с Херсонесом и Боспором. Не исключено, что причиной войны с Боспором являлось желание Гебериха добиться от Рескупорида VI наиболее выгодных для себя условий мирного договора. При этом он вполне мог использовать сложившиеся противоречия между двумя государствами и допустить участие своих отрядов в боспоро-херсонесском конфликте в качестве наемников. По нашему мнению, вероятность такого развития событий довольно высока. При наличии конфликтной ситуации с Боспором из-за Приазовья естественным союзником грейтунгов был Херсонес, тем более что договор Константина с готами на Дунае в 332 году, которым теперь разрешалось вести торговлю с империей и за денежное вознаграждение служить в римской армии⁸⁹, безусловно, способствовал изменению отношений с варварским миром и на территории полуострова.

Как бы то ни было, но именно предложенный ход событий может объяснить причины так называемой «черняховской» волны проникновения германцев

⁸⁵ Буданова 2001, 148.

⁸⁶ Šćukin, Kazanski, Sharov 2006, 49.

⁸⁷ Голенко, Юрочкин, Синько, Джанов 1999, 84–86.

⁸⁸ Мельникова 1995, 21.

⁸⁹ Буданова 2001, 146.

в Крым⁹⁰. Трудно не согласиться с В. Ю. Юрочкиным, что попасть на территорию Крыма специфическая черняховская керамика в результате импорта не могла. Находки данной посуды в основном сконцентрированы в Юго-Западном Крыму. Причем значительное количество предметов выявлено в комплексах, датированных монетами эпохи Константина или инвентарем, характерным для периода СЗ (вторая-третья четверть IV в.)⁹¹. В меньшей степени черняховская керамика также встречается на Боспоре⁹², у стен Феодосии⁹³, на берегах Приазовья⁹⁴, то есть везде, где, по нашему мнению, действовали отряды грейтунгов. Возможно, именно со службой этих варваров на территории Крыма в качестве наемников надо будет связать проникновение боспорских монет конца III — первой трети IV вв. в ареал черняховской культуры. Любопытно, но из шести выявленных здесь монет Фортиса и Рескупорида VI пока самой поздней является монета 332 года⁹⁵.

В заключение отметим, что эпоху единоличного правления Константина характеризуют глубочайшие изменения в политике империи как в отношении к античным государствам, так и к окрестным племенам. Уже в самом начале этого периода предоставление особого статуса Херсонесу и потеря Боспором расположения императора привели к осложнению отношений между этими двумя государствами. В дальнейшем, используя антибоспорские настроения варваров, Константин смог с опорой на херсонитов и римский отряд восстановить римское влияние на полуострове, в том числе и на территории, ранее принадлежавшей Боспору. Последовавший почти сразу же после этого вооруженный конфликт между античными государствами окончательно испортил отношения Константина с боспорским царем, чем закрепил аннексию большей части территории царства. Одновременно в 327–329 гг. Боспорское царство было атаковано союзными Херсонесу варварскими племенами по всему периметру своих границ. Контакты между двумя государствами были прерваны, а дорога между Херсонесом и Боспором окончательно перестала функционировать.

Начавшийся вскоре новый период дестабилизации 333–335 гг. вряд ли имел прямое отношение к боспоро-херсонесским войнам. Хронологически он сближается с событиями 332 г. на Дунае, где Константин, разбив готов, заставил часть из них отказаться от наступательной политики. Недовольные таким положением дел враждебно настроенные варвары отступили от римских границ и приняли решение удалиться в Северное Причерноморье. Судя по археологическому материалу, некоторые воинские отряды готов проникли и в Крым. Все это, безусловно, способствовало преодолению кризиса в боспоро-римских отношениях и возобновлению римских выплат Боспору.

Таким образом, несмотря на то, что сведения о первой войне Боспора с Херсонесом содержатся в достаточно позднем источнике, они хорошо вписываются в реконструкцию событий на полуострове в эпоху единоличного правления Константина. Более того, некоторые вопросы истории Северного Причерноморья

⁹⁰ Ščukin, Kazanski, Sharov 2006, 81.

⁹¹ Юрочкин 1999, 257–265.

⁹² Юрочкин 1999, 265.

⁹³ Голенко, Юрочкин, Синько, Джанов 1999, 87.

⁹⁴ Безуглов, Гудименко 1993, 172; Юрочкин 1999, 265; Голенко, Юрочкин, Синько, Джанов 1999, 84, 86.

⁹⁵ Бейдин, Мызгин 2009, 33–34.

позднеантичного периода находят свое объяснение только исходя из событий боспоро-херсонесского конфликта. Все это лишний раз свидетельствует в пользу исторической достоверности вооруженных действий между Боспором и Херсонесом в позднеантичный период.

ЛИТЕРАТУРА

- Абрамзон М. Г. 2009: Римские монеты в денежном обращении Боспора // X Боспорские чтения. Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Актуальные проблемы / В. Н. Зинько (ред.). Керчь, 5–14.
- Айбабин А. И. 1999: Этническая история ранневизантийского Крыма. Симферополь.
- Бертье-Делагард 1907: Случайная находка древностей близ Ялты // ЗООИД. XXVII, V, 19–27.
- Безуглов С. И., Гудименко И. В. 1993: Подвеска с выемчатой эмалью из дельты Дона // РА. 1, 169–174.
- Бейдин Г. В., Мызгин К. В. 2009: Находки боспорских монет в ареале черняховской культуры // X Боспорские чтения. Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Актуальные проблемы / В. Н. Зинько (ред.). Керчь, 31–35.
- Болгов Н. Н. 1996: Закат античного Боспора. Очерки истории Боспорского государства позднеантичного времени (IV–V вв.). Белгород.
- Болгов Н. Н. 2002: Проблемы истории, историографии, палеографии Северного Причерноморья IV–VI вв. Белгород.
- Болгов Н. Н. (пер.) 2010: Зосим. Новая история. Белгород.
- Буданова В. П. 2001: Готы в эпоху Великого переселения народов. СПб.
- Вольфрам Х. 2003: Готы. СПб.
- Виноградов Ю. Г. 1987: Вотивная надпись дочери царя Скилура из Пантикапея и проблемы истории Скифии и Боспора во II в. до н.э. // ВДИ. 1, 55–86.
- Гаврилов А. В. 2001: Новые находки античных монет в Юго-Восточном Крыму // БИ. I, 185–206.
- Гилевич А. М. 1968: Античные иногородние монеты из раскопок Херсонеса // НиС. 3, 3–61.
- Голенко В. К. 2006: Древний Киммерик и его округа. Симферополь.
- Голенко К. В. 1963: Находка монет у подножия горы Аю-Даг // НЭ. IV, 110–117.
- Голенко К. В., Шелов Д. Б. 1963: Монеты из раскопок Пантикапея 1945–1961 гг. // НиС. 1, 3–65.
- Голенко В. К., Юрочкин В. Ю., Синько О. А., Джанов А. В. 1999: Рунический камень с г. Опук и некоторые проблемы истории северопричерноморских германцев // ДБ. 2, 77–97.
- Грацианская Л. И. 2010: К хронологии античных херсонесских сюжетов Константина Багрянородного («De administrando imperio», cap. 53, lin. 1–492) // GAUDEAMUS IGITUR: Сборник статей к 60-летию А. В. Подосинова / Т. Н. Джаксон, И. Г. Коновалова (ред.). М., 128–137.
- Джанов А. В. 2006: Судакская крепость. Двести лет исследований // Елена Чеславовна Скржинская. Судакская крепость. История — археология — эпиграфика / Н. М. Куковальская, В. Н. Плешков (ред.). Киев; Судак; СПб., 322–357.
- Зубарев В. Г. 2009: К вопросу об этническом составе жителей сельских поселений Европейского Боспора в III — IV вв. н.э. (по материалам городища Белинское и его некрополя) // X Боспорские чтения. Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Актуальные проблемы / В. Н. Зинько (ред.). Керчь, 175–181.

- Зубарев В. Г.* 2011: К вопросу о западной границе Боспора во второй половине IV — начале V в. н.э. // БФ, 244–247.
- Зубарь В. М.* 1994: Херсонес Таврический и Римская империя. Киев.
- Зубарь В. М.* 1998: Северный Понт и Римская империя (середина I в. до н.э. — первая половина VI в.). Киев.
- Зубарь В. М.* 2004: Таврика и Римская империя. Киев.
- Зубарь В. М., Сорочан С. Б.* 2004: Историческое развитие Херсонеса в конце III — начале V в. // Херсонес Таврический в середине I в. до н.э. — IV в. н.э. / П. П. Толочко (ред.). Харьков, 493–519.
- Исанчурина Р. А., Исанчурина Е. Р.* 1989: Монетное дело царя Радамсада // НЭ. 15, 53–96.
- Карышковский П. О.* 1988: Монеты Ольвии (очерк денежного обращения Северо-Западного Причерноморья в античную эпоху). Киев.
- Колосовская Ю. К.* 2000: Рим и мир племен на Дунае. I–IV вв. н.э. М.
- Костромичев Д. А.* 2008: Детали оружия и военного костюма из «Цитадели» Херсонеса // МАИЭТ. XIV, 39–60.
- Латышев В. В.* 1906: Жития Святых епископов Херсонских. Исследования и тексты // ЗАН / В. В. Латышев (ред.). СПб., VIII, 3.
- Лысенко А. В.* 2007: Римские монеты конца 3 — начала 4 в. в южной части Таврики // Древняя Таврика / Ю. П. Зайцев, В. И. Мордвинцева (ред.). Симферополь, 187–192.
- Мельникова Е. А.* 1995: К типологии предгосударственных и раннегосударственных образований в Северной и Северо-Восточной Европе (Постановка проблемы) // Древнейшие государства Восточной Европы. 1992–1993 гг. / А. П. Новосельцев (ред.). М., 16–33.
- Могаричев Ю. М.* 2010: К вопросу о Житиях первых херсонских епископов // Сугдейский сборник / С. Д. Крыжицкий, А. П. Моця (ред.). Киев; Судак, IV, 166–172.
- Могаричев Ю. М., Сазанов А. В., Саргсян Т. Э., Сорочан С. Б., Шапошиников А. К.* 2012: Жития епископов Херсонских в контексте истории Херсонеса Таврического. Харьков.
- Моммзен Т.* 1949: История Рима. Т. 5. М.
- Мыц В. Л., Жук С. М., Лысенко А. В., Татарцев С. В., Тесленко И. Б.* 1997: Об охранных работах в Партените // АИК 1994 / В. А. Кутайсов (ред.). Симферополь, 202–204.
- Мыц В. Л., Лысенко А. В., Шукин М. Б., Шаров О. В.* 2006: Чатыр-Даг — некрополь римской эпохи в Крыму. СПб.
- Новиченкова Н. Г.* 2002: Устройство и обрядность святилища у перевала Гурзуфское седло. Ялта.
- Романчук А. И., Соломоник Э. И.* 1987: Несколько надписей на средневековой керамике Херсонеса // ВВ. 48, 95–100.
- Сидоренко В. А.* 1994: Федераты Византии в Юго-Западном Крыму: автореф. дис. ... канд. ист. наук. СПб.
- Труфанов А. А.* 2011: Боспорские монеты в погребениях варварского населения Крыма первых веков н.э. // XII Боспорские чтения. Боспор Киммерийский и варварский мир в эпоху античности и средневековья. Взаимовлияние культур / В. Н. Зинько (ред.). Керчь, 369–376.
- Фролова Н. А.* 1975: О времени правления боспорских царей Радамсада и Рискупорида VI // СА. 4, 45–56.
- Фролова Н. А.* 1997: Монетное дело Боспора (середина I в. до н.э. — середина IV в. н.э.). Монетное дело Боспора 211–341/342 гг. Т. 2. М.
- Фролова Н. А., Куликов А. В., Смекалова Т. Н.* 2001: Клад боспорских медных монет (I — середина IV в. н.э.), найденный в Керчи в 1995 г. // ВДИ. 3, 59–85.
- Храпунов Н. И.* 2008: Монеты из могильника Дружное // ПИФК. XXI, 336–356.

Храпунов Н. И. 2009: Находки монет в могильнике Нейзац (1996–2008 гг.) // X Боспорские чтения. Боспор Киммерийский и варварский мир в эпоху античности и средневековья. Актуальные проблемы / В. Н. Зинько (ред.). Керчь, 482–488.

Храпунов Н. И. 2010: Находки монет в могильнике у совхоза «Севастопольский» (Совхоз № 10) // XI Боспорские чтения. Боспор Киммерийский и варварский мир в эпоху античности и средневековья. Ремесла и промыслы / В. Н. Зинько (ред.). Керчь, 452–457.

Храпунов И. Н., Власов В. П., Смокотина А. В., Шапцев М. С. 2009: Поселение в Барабановской балке (по результатам раскопок 2007 и 2008 гг.). Симферополь.

Цукерман К. 1994: Епископы и гарнизон Херсона в IV веке // МАИЭТ. IV, 545–561.

Шаров О. В. 2007: Керамический комплекс некрополя Чатыр-Даг: Хронология комплексов с римскими импортами. СПб.

Шаров О. В. 2009: Боспор и варварский мир Центральной и Восточной Европы в позднеримскую эпоху (середина II — середина IV вв. н.э.): автореф. дис. ... док. ист. наук. СПб.

Щукин М. Б. 2005: Готский путь (готы, Рим и черняховская культура). СПб.

Юрочкин В. Ю. 1999: Черняховская керамика Юго-Западного Крыма // ХС. X. 257–274.

Ярцев С. В. 2008: Последний морской поход меотийских варваров // ПИФК. XXII, 69–85.

Ярцев С. В. 2010: Варвары Северного Причерноморья в борьбе Константина и Лициния // ПИФК. 4, 34–46.

Šćukin M., Kazanski M. et Sharov O. 2006: Des les Goths aux hunns: Le nord de la mer noire au Bas — empire et a l'epoque des grandes migrations / Archaeological Studies on Late Antiquity and Early Medieval Europe (400–1000 A.D.): Monographs I. British Archaeological Reports International Series 1535. Oxford.

CHERSONESE AND THE BOSPORAN KINGDOM IN THE EPOCH OF CONSTANTINE THE GREAT

S. V. Yartsev

The article deals with a complex issue concerning Bosporan-Chersonese relations under the reign of Constantine the Great. It dwells upon manifold aspects of Bosporan-Chersonese military conflict whose description is found in the third narrative about Cherson fortress of Constantine Porphyrogenitus.

Key words: the Northern Black Sea Region, the Roman Empire

БЛАГОУСТРОЙСТВО ГОРОДИЩА «БЕЛИНСКОЕ»

В статье рассматриваются основные элементы благоустройства и хозяйственные сооружения городища «Белинское», к которым относятся выбор места под застройку, водоснабжение, система улиц, водостоков, отопление, освещение и утилизация мусора, а также устройство подсобных помещений. Подробно описываются конструктивные особенности водостоков, печей и хозяйственных ям. Приводятся аналогии с другими поселениями Европейского Боспора первых веков н. э.

Ключевые слова: археология, Европейский Боспор, городище «Белинское»

Городище «Белинское» — одно из крупных, хорошо укрепленных поселений сельской территории Европейского Боспора, существовавшее с начала II до сер. V вв. н. э.¹ Оно располагалось вблизи Узунларского вала, на пересечении древних дорог². Все эти факторы в совокупности указывают на высокий административный статус городища, возможно, римского военного лагеря³, что в свою очередь не могло не отразиться на уровне его благоустройства.

Под благоустройством обычно подразумевается комплекс работ, направленных на создание здоровых и комфортных условий для проживания населения. К ним относятся выбор места под застройку, организация водоснабжения, устройство удобной сети улиц и дорог, озеленение, поддержание порядка и чистоты, визуально привлекательного образа зданий, отопление и освещение помещений⁴. Рассмотреть основные элементы благоустройства и хозяйственные сооружения на городище «Белинское» — цель данной публикации.

В первые века н. э. строительная деятельность на Европейском Боспоре, как и во всем Северном Причерноморье, испытывала на себе влияние римских провинциальных архитектурных традиций, что связано с появлением и расквартированием здесь римских войск⁵. Тем не менее, как отмечает С. Д. Крыжицкий, местные, сложившиеся еще в эллинистический период основы архитектуры в целом не были затронуты, а римское влияние проявилось в появлении некоторых новых типов поселений и сооружений⁶.

Одним из таких новых поселений, по-видимому, являлось городище «Белинское», изначально строившееся для размещения здесь военного контингента⁷. Учитывая это обстоятельство, выбор места под застройку был обусловлен, в пер-

Седых Екатерина Евгеньевна — аспирантка кафедры всеобщей истории и археологии Тульского государственного педагогического университета им. Л. Н. Толстого. E-mail: e.sedyh@inbox.ru

¹ Общая площадь распространения культурного слоя на городище свыше 12 га, внутри крепостных стен — около 9 га. В истории городища насчитывается три строительных периода: 1) к. I — 1-я четв. II — сер. — 3-я четв. III вв. н. э.; 2) 4-я четв. III — сер. IV вв. н. э.; 3) 3-я четв. IV — 1-я пол. V вв. н. э.

² Зубарев 2005, 284–285.

³ Зубарев 2008, 118.

⁴ Крыжицкий 1982, 185; Кудренко 1992, 61.

⁵ Крыжицкий 1993, 216–217.

⁶ Крыжицкий 1993, 218.

⁷ Зубарев 2008, 118–119; Зубарев, Седых 2012, 167.

вую очередь, военно-стратегическими задачами. Вегеций Ренат рекомендовал для лагеря выбирать место, укрепленное природой, расположенное на возвышенности, обрыве, окруженном морем, болотами или реками (Veget. IV. 1). Городище «Белинское», занимающее высокое плато, которое с трех сторон ограничено крутыми склонами долины реки Аджиэль, вполне соответствует этим рекомендациям.

Кроме того, следует отметить, что местность в районе городища подходит и для длительного проживания мирного населения, ведения сельского хозяйства, занятия ремеслами и торговлей. К западу от плато расположена равнина, пригодная для земледелия и выпаса скота⁸. Как уже упоминалось, неподалеку проходили дороги, ведущие к северу, в сторону столицы — Пантикапея, и к югу, в сторону Феодосии⁹. Таким образом, городище занимало не только выгодное стратегическое положение, но и отвечало основным требованиям античного городского строительства. В этой связи отметим советы римского архитектора Витрувия строить город на возвышенной местности, не обращенной к холодным ветрам, не туманной и не болотистой, обильной плодами для прокормления общины или обеспеченной удобным подвозом припасов по дорогам, судоходным рекам или через морские гавани (Vitr. 1. IV.1).

Близость реки решала и другую важную проблему — обеспечение населения питьевой водой. В низине, вдоль русла р. Аджиэль, были зафиксированы несколько колодцев, начало которым, возможно, было положено в античную эпоху¹⁰.

Многолетние исследования на городище показали, что оно застраивалось единовременно и по определенному плану, что подтверждается, в частности, устройством улиц¹¹. В северной части поселения выявлены три улицы. Две из них (Юго-Западная улица 1 и Юго-Западная улица 2) расположены перпендикулярно оборонительной стене и подходят к ней вплотную, третья (Северо-Западная) тянется параллельно куртине на расстоянии около 10 м (один дом) от нее. Выявленная длина улиц составляет 7,5, 25 и 22,6 м соответственно, ширина колеблется от 1,75 м до 5 м. Покрытие представляет собой плотный слой известковой крошки с примесью мелких камней, битой керамики и золы толщиной 0,1–0,25 м. Предположительно, сеть улиц, пересекающихся под прямыми углами, покрывала все городище, по крайней мере, в первый период его существования. Это подтверждается открытием в центральной части городища еще одной улицы — Центральной. Она имеет северо-западное направление (то есть параллельна оборонительной стене). Общая длина исследованной части улицы составляет 7,2 м, ширина до 3 м, покрытие — крошка желтого ракушечника, толщиной до 0,26 м, на слое бута¹². Аналогичная система улиц, пересекавшихся под прямым углом, открыта на Илурате. Среди улиц выделяются две главные, шириной 4,5 и 6 м, выходившие к воротам городища, остальные же имели ширину от 1 до 1,8 м¹³.

⁸ Зубарев 2000, 63; Зубарев 2003, 138.

⁹ Зубарев 2005, 284–285.

¹⁰ Зубарев 2003, 138.

¹¹ Зубарев, Седых 2012, 166.

¹² Зубарев 2010, 79.

¹³ Гайдукевич 1958, 31; Шургая 1975, 102–104.

Все улицы городища «Белинское» продолжали функционировать во II строительный период¹⁴, кроме Юго-Западной 1, на которой возникает культовое помещение 9, и часть улицы к северо-западу и к юго-востоку от него покрывается вымосткой. В III строительный период забрасываются Юго-Западная 2 и Центральная улицы, на их месте выкапываются хозяйственные ямы.

Помимо устройства улиц, продумана была также система водостоков. Во избежание разрушения крыш и фундаментов построек, размывания почвы вблизи зданий осадками, обильными на Керченском полуострове в осеннее и зимнее время, на городище были проведены каналы водостоков, которые позволяли организовать контролируемый отвод воды в нужном направлении. Частично исследованы три водостока. Первый, расположенный в северной части городища, открыт на участке длиной 5 м, его ширина составляет 0,5 м, высота образующих плит до 1 м¹⁵. Второй тянется в направлении с юго-запада на северо-восток в сторону восточного края плато, на котором расположено городище¹⁶. Длина исследованной части водостока составляет 1,7 м, ширина 0,7 м. Конструкция их довольно проста: два ряда плоских плит поставлены на ребро, под углом друг к другу. Размеры отдельных плит: 0,5×0,4 м, 0,7×0,34 м. Третий водосток расположен по линии юго-восток — северо-запад в западной части городища, вблизи Западной башни (рис. 1). Исследован на участке длиной 11,9 м. Интересны его конструктивные особенности, поскольку он выходит за линию оборонительной стены. Водосток проходит между стенами помещений 44 и 45. Дно его вымощено плоскими камнями. Длина водостока в данной части достигает 4,2 м, ширина 0,95 м. Перед оборонительной стеной водосток сужается, ограничивая вход в водоканал, проложенный в основании фундамента стены. Размер входного отверстия канала 0,4×0,8 м. Выступающий из кладки с правой стороны образует небольшую нишу размером 0,3×0,2 м, которая возвышается над дном водостока на 0,3 м (рис. 2). Линии водостоков также открыты на Илурате¹⁷, Артезиане¹⁸.

Помимо централизованного благоустройства, элементами которого являются улицы и водостоки, в жилищах чистота и комфортные условия поддерживались жителями самостоятельно. Сохранность строительных остатков на городище не позволяет судить о внешней и внутренней отделке помещений. Тем не менее, некоторые находки, в частности фрагменты мраморной облицовочной плитки, позволяют предполагать ее использование в оформлении зданий.

Внутреннее благоустройство жилища предполагало, в первую очередь, его отопление, особенно в холодное время года. Поэтому неотъемлемой составляющей любых жилых построек является очаг. Он необходим для приготовления пищи, отопления и отчасти освещения помещений¹⁹.

На Белинском городище в 45 помещениях в разное время были исследованы остатки 14 печей или очагов: 4 на уровне полов I строительного периода,

¹⁴ Археологически фиксируется наличие культурного слоя между слоями покрытия улицы I и II строительных периодов.

¹⁵ Зубарев, Седых 2012, 167.

¹⁶ Зубарев 2010, 81.

¹⁷ Гайдукевич 1958, 34.

¹⁸ Винокуров 2011, 46.

¹⁹ О культовой функции огня домашнего очага в настоящей статье мы не говорим, поскольку это является самостоятельной темой для исследования (см. Зубарев 2003; Зубарев, Крайнева 2004).

6 — II периода и 4 — III периода (табл. 1). В некоторых случаях археологически фиксировались только обломки печины или печные сбросы (куски печины, угли, зола, обгоревший мусор) в ямах. Вообще, следует отметить, что такие находки хоть и нередки на городище, но не повсеместны. В отличие, например, от Илурата и Семеновки, где устройства для разведения и поддержания огня обнаружены почти в каждом помещении²⁰. Скорее всего, это объясняется разрушениями и последующими перестройками на городище «Белинское», в результате которых остатки печей и очагов более ранних периодов были разобраны при ремонте помещений.

Рис. 1. Водосток, расположенный вблизи Западной башни. Юго-западный фас.

Рис. 2. Водосток, расположенный вблизи Западной башни. Участок, прилегающий к оборонительной стене.

²⁰ Гайдукевич 1958, 32, 76–77; Кругликова 1975, 4–81.

ПЕЧИ ГОРОДИЩА «БЕЛИНСКОЕ»

№ помещения (его функции)	Расположение в помещении	Размеры	Форма	Примечания
I строительный период				
раскоп Северный				
7 (жилое)	в 4 м от вост. угла, слева от входа	1,65x0,90	прямоугольная	рядом развал пифоса, связ. с ямой 10
10 (жилое)	в зап. углу	—	—	с дымоходом
13 (хоз.)	в зап. углу, справа от входа?	—	—	рядом развал пифоса
раскоп Западный				
45 (оборонит.)	в юго-вост. углу	0,7x0,4–0,5	прямоугольная	рядом фрагмент лепного сосуда
II строительный период				
раскоп Северный				
1 (хоз.)	в юж. углу	1,0x0,8	прямоугольная	
5 (хоз.)	в вост. углу	1,05x0,9	прямоугольная	
8 (складское)	в зап. углу слева от входа	1,5x1,2	прямоугольная	двухъярусная
10 (жилое)	в зап.	1,45x1,75	прямоугольная	двухъярусная с дымоходом
28 (?)	в юж. углу	—	прямоугольная	
29 (?)	в юж. углу	—	прямоугольная	рядом крышка зернотерки
III строительный период				
раскоп Северный				
10 (жилое)	в вост. углу	1,05x1,3	прямоугольная	
11 (?)	в сев. углу, слева от входа	0,88x0,72	—	
17 (культовое)	вблизи стены 44	1,28x0,43	—	(алтарь?), рядом светильник и жертвенник (0,6x0,46 м)
23 (?)	в вост. углу, справа от входа	1,25x1,05	прямоугольная	вокруг несколько светильников

Отапливаемыми были как жилые помещения (пом. 7, 10), так и хозяйственные: для содержания скота (пом. 1), складские (пом. 8), прочие (пом. 5, 17). Какие-либо закономерности в расположении печей не выявлены. Хотя следует отметить, что чаще всего печь располагалась в углу помещения справа или слева от входа. В конструктивном отношении печи городища «Белинское» единообразны. Почти все они прямоугольной формы и имеют размеры 0,7–1,65 м x 0,4–1,75 м, высота топки 0,35–0,45 м. Стенки образованы плоскими плитами белого известняка и желтого ракушечника, поставленными на ребро, с внутренней стороны обмазанными глиной, сверху печь перекрывалась такой же каменной или глинобитной плитой. Аналогичные печи открыты на Илурате²¹ и в Семеновке²². Кроме

²¹ Гайдукевич 1958, 32, 76–77.

²² Кругликова 1975, 4–81.

того, на городище зафиксированы двухъярусные печи (пом. 8, 10), относящиеся ко II строительному периоду²³. Кроме того, печи в помещении 10 в I и II периодах имели дымоход. Вероятно, это отличительная черта жилых помещений, хотя в других помещениях остатки дымохода не зафиксированы.

Для освещения помещений использовались различные светильники: сделанные из глины в форме и лепные²⁴. Первые представлены в основном группой А (по классификации Т.М. Арсеньевой²⁵) — с закрытым резервуаром. Лепные светильники разнообразнее. Группу А представляют одно-, двух- и многорожковые, а также однорожковые на ножке светильники. К группе Б (с открытым резервуаром) относятся светильники на ножке, ладьевидной и прямоугольной формы²⁶.

Рядом с жилыми всегда присутствуют различные хозяйственные и подсобные постройки. На городище «Белинское» исследованы некоторые помещения, которые, судя по находкам, могут быть интерпретированы как кухня (пом. 23), помещение для скота (пом. 1), кладовые, склады²⁷. Кроме того, внутри помещений, иногда и жилых, встречается хозяйственная часть, отгороженная неширокой стеной. Полы в хозяйственных помещениях, а также внутренних дворах многокамерных зданий вымощены плоскими плитами. Такое место обнаружено во II периоде в складском помещении 8. Его юго-восточная часть отделена загородкой, вымощена, а по углам (в южном и восточном) расположены две хозяйственные ямы (20 и 21), заполнение которых происходило синхронно.

Наиболее широко среди хозяйственных сооружений представлены различные ямы. За 1996–2012 гг. на городище «Белинское» исследовано 92 хозяйственные ямы²⁸. Стратиграфически ямы соответствуют трем строительным периодам городища, количественное соотношение их по периодам неравное: 34 (37%) соотнесены со слоем I строительного периода, 39 (42%) — II периода, 19 (21%) — III периода (табл. 2).

Таблица 2.

ХОЗЯЙСТВЕННЫЕ ЯМЫ ГОРОДИЩА «БЕЛИНСКОЕ»

№	Форма	Диаметр устья	Глубина	Диаметр дна	Примечания
I строительный период					
раскоп Северный					
1	подцилиндрическая	1,3х1,5	0,8	1,86	
2	цилиндрическая	1,8	1,54	1,1	
3	цилиндрическая	1,7	1,6	1,8	
4	грушевидная	2,5	1,9	1,5	

²³ Отметим, что в этот период указанные помещения являлись частью одного многокамерного здания.

²⁴ Зубарев, Крайнева 2004, 199.

²⁵ Арсеньева 1988, 12.

²⁶ Зубарев, Крайнева 2004, 201.

²⁷ Зубарев, Седых 2012, 167.

²⁸ Порядковый номер последней хозяйственной ямы — 102. Такое несовпадение объясняется тем, что всем выявленным ямным пятнам всегда присваивался порядковый номер, хотя при последующих раскопках они не всегда оказывались ямой.

№	Форма	Диаметр устья	Глубина	Диаметр дна	Примечания
5	грушевидная	1,5	0,75	1,45	
6	грушевидная	0,95	1	1,3	
7	грушевидная	1,2	2,7	2,3	связана с пом. 5 (хоз.)
10	цилиндрическая	1,8	1,5	1,8	в пом. 7 (жилое), связана с очагом
11	сложная	?	—	2	первоначально имела каменное перекрытие с отверстием в центре
14	цилиндрическая	4 — общее	0,67	1,7	на Северо-Западной улице, дно, боковые стенки имеют обмазку
14а	грушевидная		1,6	1,6	
16	грушевидная	0,4	1,5	1,8	дно имеет обмазку
17	цилиндрическая	1,9	1,52	2,15	дно имеет обмазку
18	цилиндрическая	1,6x1,8	0,53	1,8	дно и стены имеют обмазку
19	цилиндрическая	2	1	2	
70	цилиндрическая	1,9	0,9	1,8	в пом. 12
71	конусовидная	0,62	1,1	—	горловина в каменной обкладке, вырыта под пифос
75а	подцилиндрическая	0,63	0,17	0,35	
75б	цилиндрическая	2,5	3,45	2,45	на Юго-Западной улице
76а	цилиндрическая	2	1,7	2	на Юго-Западной улице
76б	цилиндрическая	1	1,7	1	на Юго-Западной улице
76в	грушевидная	1	2	1,6	на Юго-Западной улице
79	цилиндрическая	1,45	0,67	1,4	
80	цилиндрическая	1,09	1,8	1,21	северная часть горловины в каменной обкладке
81вост	сложная	3,65 — общее	1,93	2,22	горловина в каменной обкладке
81зап	сложная		1,4	1,05	
86	сложная, близкая к цилиндрической	2,38	1,65	1,92	в западной части ямы ступени, связана со святилищем
87	сложная	1,8	1,64	1,7	
89	цилиндрическая	1,28	0,35	1,12	
93	колоколовидная	0,7, затем 0,3	1,3, затем 1,7	1,1	горловина в каменной обкладке; функционирует во II период, горловина — глинобитный конус
98	подцилиндрическая	2,5–3,1	1,7	2,6	края обмазаны глиной
раскоп Центральный					
без номера	грушевидная	1,2	-	3,2	горловина в каменной обкладке, имела крышку

№	Форма	Диаметр устья	Глубина	Диаметр дна	Примечания
раскоп Южный					
94	цилиндрическая	1,8	0,6–0,8	-	восточная стенка укреплена каменной кладкой
раскоп Западный					
101	цилиндрическая	2,1	0,9–1,2	2,1	горловина в каменной обкладке
II строительный период					
раскоп Северный					
20	грушевидная	1,4	1,8	1,3	в пом. 8
21	цилиндрическая	1,6	1,17	1,7	в пом. 8 (складское)
22	грушевидная	2,2	1,67	2,5	в пом. 10 (жилое), связана с печью
23	грушевидная	1,6	1,3	1,8	
24	подцилиндрическая	2	1,1	0,9	в пом. 17 (культовое), связана с печью
25	конусовидная	1,1	1,43	0,2	
26	грушевидная	0,9	1,4	1,2	в пом. 17 (культовое)
27	цилиндрическая	1,15	0,3	1	в пом. 20
28	грушевидная	1,1	2,9	1,3	в пом. 16 (культовое)
29	сложная	2,6	1,63	1,6	в пом. 11
30	цилиндрическая	1,25	1,04	1	
31	подцилиндрическая	1,55	1,15	1,05	в пом. 16 (культовое), связана с алтарем
32	подцилиндрическая	1,15	2,77	-	в пом. 11
33	грушевидная	0,9	1,4	1,6	в пом. 11
34	грушевидная	0,95	0,6	0,7	в пом. 11
35	подцилиндрическая	0,85	0,3	0,85	в пом. 11
36	сложная	2,5	2,33	1,5	в пом. 11
39	цилиндрическая	1,35	2,09	1,65	в пом. 11, часть горловины имеет каменную обкладку
40	подцилиндрическая	1,1	0,85	0,7	в пом. 11
41	подцилиндрическая	1,15	0,5	0,6	в пом. 11
43	?	1,9	0,51		в пом. 23
44	грушевидная	1,82	2,09	2,18	
45	цилиндрическая	1,6	0,63	1,45	
48	подцилиндрическая	1,87	1,92	1,32	в пом. 23, связана с печью

№	Форма	Диаметр устья	Глубина	Диаметр дна	Примечания
56	грушевидная	1,88	2,39	2,35	в пом. 29, связана с печью
57	подцилиндрическая	1,88	1,48	1,28	
65	цилиндрическая	1,25	1,3	1,4	
66	подцилиндрическая	1,8	1,22	1,3	
68	грушевидная	3,57–3,71	1,6	3,71	в пом. 19
68	грушевидная	1,7	1,95	2,2	имела крышку
73	грушевидная	0,94	0,25	1,35	
74	цилиндрическая	0,96	0,96	1,2	
78	цилиндрическая	2	1,7	2	края обмазаны глиной, имела крышку
88	грушевидная	1,36	2,25	2,28	возм., связана с печью
90	цилиндрическая	1,3	1,2	1,3	края обмазаны глиной
91	цилиндрическая	2	1,7	2,1	края обмазаны глиной
92	цилиндрическая	1,5	1,6	1,5	
99	цилиндрическая	2	1,75	2,2	края обмазаны глиной, возм., связана с печью
15	грушевидная	1,2	1,9	1,5	горловина в каменной обкладке, связана с круглым сооружением; возм., продолжала существовать в III период
III строительный период					
раскоп Северный					
8	грушевидная	1,6	2,75	2,6	для сброса культовых вещей
12	цилиндрическая	2		2,2	имела крышку
13	грушевидная	1,6x1,4	2,4	2,2	имела крышку
37	цилиндрическая	1,8	1,7	1,5	в пом. 22, горловина в каменной обкладке
38	подцилиндрическая	2,45	0,93	1,8	
49	цилиндрическая	1,72	0,74	1,81	
50	сложная	1,2	1	1,25	имела проход к яме 60, заложенный строительными блоками
51	цилиндрическая	1,82	0,24	1,9	смежная с ямой 44 II периода
54	цилиндрическая	1,89	1,92	2,3	смежная с ямой 45
55	сложная	1,8	1,33	2	смежная с ямой 50
60	грушевидная	1,3	2,33	2,5	смежная с ямой 50
61	сложная	1,7	0,94	2	смежная с ямой 55

№	Форма	Диаметр устья	Глубина	Диаметр дна	Примечания
62	цилиндрическая	2,6	0,58	2,08	
63	сложная	3,3	2,02	1,6 и 2,44	
69	цилиндрическая	2,28	1,2	2,14	для выборки глины, после забита камнями и утрамбована
72	цилиндрическая	1	2,7	—	
100	цилиндрическая	2	0,6	2	горловина в каменной обкладке, имела крышку
раскоп Центральный					
95	грушевидная	0,4	1,9	—	горловина в каменной обкладке
раскоп Южный					
102	—	0,6	—	—	горловина в каменной обкладке

В плане ямы имеют разнообразную форму. Количественно преобладает цилиндрическая, немалый процент занимает грушевидная, в некоторых случаях встречается сложная форма. Крайне редки конусовидная и колоколовидная формы (рис. 3). Соотношение этих форм по строительным периодам, а также в целом приведено в таблице 3.

Таблица 3.

СООТНОШЕНИЕ ФОРМ ХОЗЯЙСТВЕННЫХ ЯМ ПО СТРОИТЕЛЬНЫМ ПЕРИОДАМ

Форма	Количество ям (по периодам)			Всего	
	I	II	III		в %
цилиндрическая, подцилиндрическая	19 (38%)	21 (42%)	10 (20%)	50	55%
грушевидная	8 (31%)	14 (54%)	4 (15%)	26	28%
сложная	5 (45%)	2 (18%)	4 (37%)	11	12%
конусовидная	1	1		2	2%
колоковидная	1			1	1%
форма не определена		1	1	2	2%
Всего				92	100%

В конструктивном отношении ямы всех периодов схожи между собой. Для предотвращения разрушения стенок ямы и осыпания грунта горловина ямы часто имела каменную обкладку (№№ 37, 39, 80, 95, 100, 101, 102 и др.) или сырцово-глиняную (№ 93 во II строительный период), а дно и боковые стенки покрывались глиняной обмазкой (№№ 14, 14а, 16, 17, 90, 91 и др.). Некоторые из ям закрывались крышкой — округлой плоской каменной плитой (№№ 12, 13, 68, 78, 106)²⁹.

Хозяйственные ямы могли располагаться как внутри помещения, так и за его пределами. В помещениях, как правило, кухонных находились помойные ямы, куда сбрасывался мелкий бытовой мусор, пищевые отходы и зола из печи

²⁹ Седых 2008, 174.

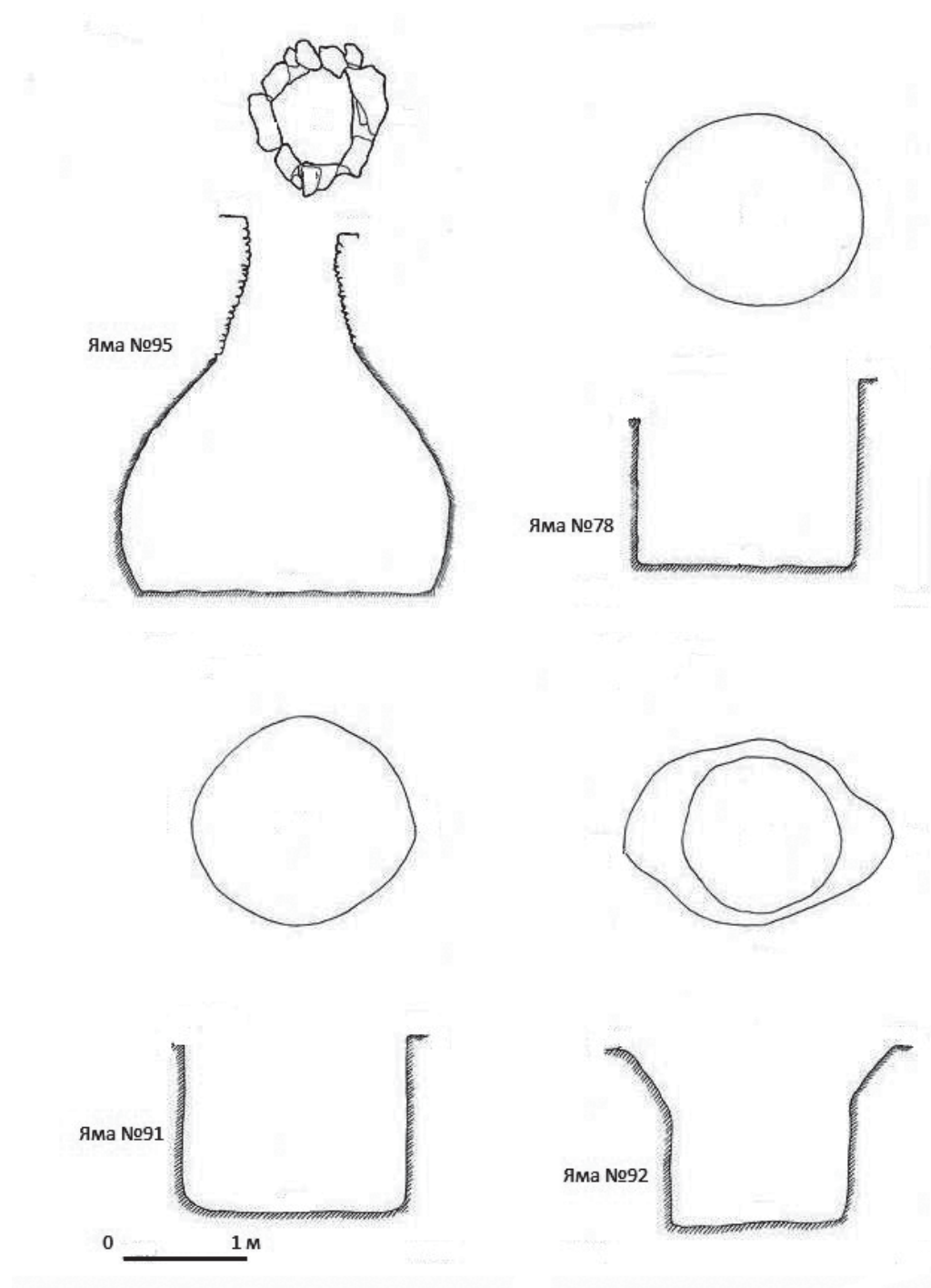

Рис. 3. Хозяйственные ямы городища «Белинское».

(№№ 10, 22, 48, 56, 88, 90). Периодически содержимое ямы сжигалось в санитарных целях. О таких ямах в римских домах упоминает О. Шуази, замечая, что они попутно являлись отхожим местом и по возможности сообщались с канализационной сетью³⁰. Кроме того, в кухнях или складских помещениях могли находиться ямы, выкопанные специально под пифосы или другие крупные лепные сосуды, которые служили хранилищем для продуктов (№№ 68, 71). Характер заполнения некоторых ям: светильники, курильницы, фрагменты терракот, переносные алтари и культовые тарапаны — указывает на их связь с домашними святилищами. Вероятно, они служили для утилизации отслуживших культовых вещей (№№ 23, 26, 28, 31).

За пределами помещений несколько ям обычно группируются в хозяйственные комплексы или дворики (в I период комплекс ям №№ 16, 17, 18, 19; во II — №№ 29, 30, 32, 33, 34, 35, 36, 39, 40, 41 и 23, 24, 25, 26, 27, в III период — №№ 53, 63, 67, 50, 51, 60, 55, 61, 49, 62). Точное функциональное назначение этих ям, как и многих других, определить сложно. В разное время они могли использоваться и как зерновые, и как мусорные. Судя по находкам, в верхнем слое заполнения: зольный грунт и плотный каменный завал — после прекращения функционирования ямы ее содержимое сжигалось и яма плотно забивалась камнями.

Заполнение ям представляет собой в большей степени обычный хозяйственно-бытовой мусор, образовавшийся в процессе жизнедеятельности населения городища: обломки тарной, столовой, краснолаковой и лепной посуды, кости лошадей, крупного и мелкого рогатого скота, птицы, раковины мидий, обломки точильных камней, зернотерки, грузила и пряслица и т. д. Изредка встречаются кремниевые орудия труда, монеты, фибулы. В верхнем слое заполнения встречается много строительного мусора, попадают фрагменты вооружения (железный наконечник дротика, втулка копья) и орудий (ядра для пращи).

Таким образом, городище «Белинское» имело достаточно высокий уровень благоустройства в целом. Элементы централизованного благоустройства (система улиц, водостоков) подтверждают наличие единого плана застройки городища и отражают, по-видимому, влияние римских провинциальных строительных традиций на архитектуру Европейского Боспора в первые века н. э. В то же время благоустройство жилых и хозяйственных помещений (печи, хозяйственные ямы), которое обеспечивалось местным населением, характерно для многих северопричерноморских поселений. Это говорит о сохранении в домостроительстве традиций, сложившихся еще в эллинистический период. Кроме того, следует отметить, что на протяжении существования городища наблюдается постепенная деградация основных приемов строительной техники.

ЛИТЕРАТУРА

- Арсеньева Т. М. 1988: Светильники Танаиса. М.
Винокуров Н. И. 2011: Гидротехнические сооружения античного городища Артезиан в Крымском Приазовье // ДБ. 15, 45–72.
Гайдукевич В. Ф. 1958: Илурат. Итоги археологических исследований 1948–1953 гг. // МИА. 85, 9–148.

³⁰ Шуази 1937, 564.

- Зубарев В. Г. 2000: Античное поселение у села Белинское (предварительные итоги раскопок в 1996–1999 годах) // ДБ. 3, 63–77.
- Зубарев В. Г. 2003: Некоторые особенности сакральной жизни населения сельской территории Европейского Боспора в первых веках н.э. (по материалам городища «Белинское») // ДБ. 6, 138–151.
- Зубарев В. Г., Крайнева А. А. 2004: Светильники городища «Белинское» // ДБ. 7, 199–216.
- Зубарев В. Г. 2005: Историческая география Северного Причерноморья по данным античной письменной традиции. М.
- Зубарев В. Г. 2008: Городище «Белинское» в системе фортификации Европейского Боспора в I–II вв. н. э. // IX Боспорские чтения. Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Militaria / В. Н. Зинько (ред.). Керчь, 116–122.
- Зубарев В. Г. 2010: Новые открытия на городище Белинское // СИМВОЛА. Античный мир Северного Причерноморья. Новейшие находки и открытия / А. А. Масленников (ред.). М.; Киев. 78–81.
- Зубарев В. Г., Куликов А. В. 2011: Монетные находки с городища «Белинское» // ДБ. 15, 173–178.
- Зубарев В. Г., Седых Е. Е. 2012: Городище «Белинское» во II — первой половине III вв. н. э. // XIII Боспорские чтения. Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Проблемы урбанизации / В. Н. Зинько (ред.). Керчь, 163–169.
- Кругликова И. Т. 1970: Раскопки поселения у дер. Семеновка // МИА. 155, 4–81.
- Крыжицкий С. Д. 1982: Жилые дома античных городов Северного Причерноморья. Киев.
- Крыжицкий С. Д. 1993: Архитектура античных государств Северного Причерноморья. Киев.
- Кудренко А. И. 1992: Благоустройство античных городов Северного Причерноморья: автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Киев.
- Седых Е. Е. 2008: Строительные комплексы городища «Белинское» // Середньовічні-старожитності Центрально-Східної Європи: Матеріали VII Міжнародної студентської наукової археологічної конференції / В. О. Дятлов (ред.). Чернигов, 174–175.
- Шуази О. 1937: История архитектуры. М.
- Шургая И. Г. 1975: Центральный район Илурата // КСИА. 143, 102–108.

IMPROVEMENT OF THE ANCIENT SETTLEMENT OF BELINSKOYE

Ye. Ye. Sedykh

The article considers principal amenities and household facilities in the ancient settlement of Belinskoye, construction site choice, water supply, street planning, sewage, artificial light(ing), and waste disposal, and utility area layout. It dwells upon structural peculiarities of sewage, stoves, and household pits. It also gives examples of similarity with other ancient settlements of European Bosphorus in the early centuries of Anno Domini.

Key words: archaeology, the European Bosphorus, Settlement of Belinskoye

ИСТОРИЯ СРЕДНИХ ВЕКОВ

© 2013

С. А. Куприенко

ИСТОРИОГРАФИЯ ОБЩЕСТВЕННО-ХОЗЯЙСТВЕННОГО УСТРОЙСТВА ИМПЕРИИ ИНКОВ

Статья посвящена проблемам историографии общественно-хозяйственного устройства империи инков. Проанализированы работы зарубежных и украинских историков. Выделены вопросы, которые нуждаются в дальнейших исследованиях.

Ключевые слова: историография, империя инков, Перу, Южная Америка, общественно-хозяйственное устройство

Вопрос общественно-хозяйственного устройства, без сомнения, является одним из самых важных в любых исторических исследованиях. Вопросы отнесения общества к тому или иному этапу развития и решения этих вопросов имеют принципиальный характер, поскольку дают возможность объяснять события определенным образом, и от изменения взглядов зависит в значительной степени и изменение логики самих исследований, равно как и сделанных по их результатам выводов. В контексте этого важным является решение вопроса об общественно-хозяйственном устройстве империи инков, существовавшего на территориях Андского региона Южной Америки в XV — начале XVI в.

Потому целью предлагаемой статьи является историографический анализ взглядов на эту проблему в зарубежной и отечественной историографии.

После того как в 1826 году Перу получило независимость, эта страна стала объектом пристального внимания европейской науки. В первой половине и в середине XIX века Перу посетили известные путешественники и ученые — А. Гумбольдт (1769–1859), И. Я. Чуди (1818–1889), А. д'Орбиньи (1802–1857), Е. Дж. Скуайер (1821–1888), Э. Миддендорф (1830–1908) и др. Составленные ими детальные описания самых крупных археологических памятников сохраняют свое значение и поныне¹.

Научное изучение инкской истории начал в XIX столетии В. Х. Прескотт (1796–1859), издавший в Нью-Йорке в 1847 году «Историю завоевания Перу»². В книге было подобрано большое количество прежде неизвестных документов

Куприенко Сергей Анатольевич — аспирант кафедры истории древнего мира и средних веков Киевского национального университета им. Тараса Шевченко: E-mail: creos@narod.ru

¹ Созина 2000, 12.

² Созина 2000, 74; Рубель 2005, 319; Prescott 1847.

из испанских архивов. Уже в ней высказывалась мысль о присутствии социалистических начал в инкской общественно-государственной системе³ и о ней как весьма патриархальной без следов социального неравенства. Эта идея была поддержана и развита некоторыми немецкими и французскими историками конца XIX — начала XX в.⁴

После Прескотта большой вклад в исследования истории инков сделал испанский ученый Маркос Хименес де ла Эспада (1831–1898), основатель Географического Общества в Мадриде и член испанской Исторической Академии, занимавшийся популяризацией истории инков и издавший рукописи путешественников и хронистов XVI–XVII веков: Педро де Сьесы де Леона, Хуана де Бетансоса, Фернандо де Сантильяна, Санта Крус Пачакути и Бернабе Кобо⁵. В то же самое время над проблемами истории инков работали английский ученый Клементс Роберт Маркхем (1830–1916), являвшийся президентом Королевского Географического Общества, разработавший первую классификацию источников по истории инков, и перуанец Мануэль Гонсалес де ла Роса (1841–1912), который, пользуясь архивами Старого Света, выдал многочисленные документы и хроники: Джованни Анелло Оливы, Титу Куси Юпанки, Кристобаля де Молины из Куско, Бернабе Кобо и др.⁶

Однако вообще следует заметить, что в 20-х годах XX в. продолжали существовать проблемы в изучении истории инкского общества. Так, испанские архивные документы оставались в массе своей неизвестными, инкские археологические памятники — нераскопанными, а сведения о доинкском прошлом Перу — незначительными. Поэтому исследователи того времени в своих выводах целиком зависели от материалов хроник и это неизбежно приводило к ошибкам, потому что непонимание многих традиций андского общества европейцами порождало искажение картины жизни инков. На выяснение реальной истории инков подвигнул перуанский журналист и социальный философ Хосе Карлос Мариатеги (1894–1930), заметивший, что «в цивилизации инков нас более всего интересует не то, что погибло, а то, что осталось жить»⁷, и «в империи инков, этом обществе земледельческих оседлых общин, более всего нас интересует их экономическая организация»⁸, хотя он и считал ошибочно, что общество инков было коммунистическим⁹. Однако его заслуга заключается в том, что он заинтересовался существованием андской общины «айлью» как составной части большой империи инков, а также доказал, что эта форма социальной организации относилась к наиболее древним традициям индейцев и существовала задолго до инков.

Тридцатые годы XX в. были отмечены тем, что академические диспуты относительно вопроса социалистического или коммунистического общественного устройства инков велись между боливийским социологом Хосе Антонио Арсе (1904–1955) и французским экономистом Луи Боденом (1887–1964). Последний в своей книге «Социалистическая империя инков», опубликованной в Париже

³ Prescott 1847.

⁴ Созина 2000, 74.

⁵ Hampe 1985, 6.

⁶ Hampe 1985, 6.

⁷ Созина 2000, 49.

⁸ Хосе 1963, 55.

⁹ Хосе 1963, 43.

в 1928 году, наиболее полно и последовательно попробовал внести ясность в вопрос об отношении древнеперуанского общества к социалистическому устройству¹⁰. Позднее этот идеализированный подход продолжали отстаивать перуанский историк и антрополог Луис Эдуардо Валькарсель (1891–1987) и боливийский писатель, этнограф и знаток истории Хесус Лара (1904–1980)¹¹. Валькарсель в 30-х годах XX в. предложил новое видение — сверить данные хроник с археологическими данными.

Еще одна проблема в изучении истории древних культур Южной Америки связана с этническими процессами. В начале 40-х годов XX века один из самых больших специалистов культуры Тавантинсуйу (так инки называли свое государство) Джон Хоулэнд Роу (1918–2004) обнаружил в долине Куско и в прилегающей к ней с севере долине Урубамбы новую культуру, существовавшую здесь за несколько столетий до инков. Эта культура получила название кильке, и от нее, вне сомнения, много позаимствовали инки, хотя происхождение этой культуры все еще остается неясным¹².

До конца 40-х годов XX века археологи открыли главные перуано-боливийские культуры, предшествовавшие инкам. Однако исследователи смутно представляли, где проходили и как менялись во времени границы этих культур, чем существенным одни общества отличались от других и, в конце концов, каким был их этнический состав.

В 40-х годах большое количество письменных источников под названием «Сообщение об Инках», касавшихся социальной организации инков, издал аргентинский историк и дипломат Роберто Левилье (1886–1969)¹³.

На 1950-е годы XX в. приходится деятельность перуанского историка, юриста и дипломата Рауля Поррас Барренечеа (1897–1960), исследовавшего перуанские хроники и времена завоевания Перу конкистадором Франсиско Писарро, и он выдал в Лиме в 1962 году самую важную свою работу «Хронисты Перу (1528–1650)»¹⁴, которая ввела в инкологию сведения о большинстве хронистов, что в свою очередь облегчило дальнейшее критическое исследование письменных источников.

В 1956 году американский лингвист Дж. Гринберг (1915–2001) выступил с так называемой «американдской» гипотезой и предложил генетическую классификацию индейских языков, согласно которой не менее половины южноамериканских языков оказалось объединенными в одну семью — андо-экваториальную. Позднее он отказался от этой точки зрения в пользу неродственности андских и экваториальных языков, потому что такая схема оказалась лучше привязанной с данными археологии и палеогеографии¹⁵. В свою очередь это ускорило привлечение лингвистического материала к историческим исследованиям империи инков.

В 50–60-х годах XX в. группа археологов Калифорнийского университета во главе с вышеупомянутым Дж. Х. Роу создала подробную относительную хроноло-

¹⁰ Зубарев 2009; Боден 2004.

¹¹ Созина 2000, 74.

¹² Зубарев 2009.

¹³ Зубарев 2009.

¹⁴ Намре 1985, 7.

¹⁵ Зубарев 2009; Greenberg 2007, 2.

гию ряда районов Перу, заложив основу для детальных хронологических сравнений давних культур. Тогда же в практике перуанской археологии был широко применен метод радиоуглеродного датирования. Тогда же создается и национальная школа перуанских археологов¹⁶.

С 60-х годов XX в. начинается современный этап изучения инкской истории и культуры сквозь призму этноистории. Основные открытия связаны с работами американского исследователя Т. Зойдемы (1927), считавшего, что корни инкского государства достигают империй Тиаванако (IV ст. до н.э. — XI ст. н.э.) и Уари (V–XII ст.) или их ближайших потомков¹⁷, и первым продемонстрировавшего огромную роль фратриальных структур в организации общины столичного города Куско, доказавшего мифологичность сведений, содержащихся в хрониках, о ранней истории инков. В его работах прослеживается (как и в работах других этноисториков последних лет) призыв к отказу от буквального переноса европейского опыта на ключевые моменты андской истории и подчеркивается «опасность искаженной интерпретации другой культуры с позиций западного менталитета»¹⁸. В 1971 году в работе «Видение побежденных» призвал отказаться от евроцентризма Натан Вахтель (1935), который, работая в Южной Америке, смог применить технику Леви-Стросса (1908–2009) в отношении далекой, а иногда и недавней истории перуанского общества на уровне мифов, родовых институтов и структур¹⁹.

Широкомасштабные археологические и этнографические исследования в 70-х годах XX в. в сочетании с выявленными в перуанских архивах отчетами испанских чиновников о состоянии дел в провинциях вице-королевства позволили по-новому посмотреть на ряд важных проблем Центральноандской цивилизации²⁰.

Пристальное внимание отводилось также вопросам преемственности между инкской цивилизацией и отдельными доинкскими культурами (развитие ротационной системы, привлечение к работе крестьян-общинников, хранение и передача информации, территориально-политическая организация, формирование идеологической общности и имперской инкской культуры). Так, американский археолог Марта Б. Андерс (1949–1990), исследуя территориальную организацию государства Уари, пришла к выводу, что эта организация аналогична инкской концепции «четверых суйу» (кечуа *Tawantinsuyu* — «четыре объединенных провинции»). Наличие ротационной системы привлечения к работе крестьян-общинников в государстве Мочика доказано в ходе археологического исследования ее столицы. Дальнейшее подкрепление фактами тезисов о преемственности развития Центральноандских культур связано с проведением новых археологических раскопок. Особенно актуально это по отношению к социально-хозяйственным институтам²¹.

Одним из самых важных направлений зарубежной историографии является исследование истории культуры инков. Активной разработке были подвергну-

¹⁶ Созина 2000, 13.

¹⁷ Созина 2000, 53.

¹⁸ Созина 2000, 75.

¹⁹ Wachtel 1971.

²⁰ Зубарев 2009.

²¹ Зубарев 2009.

ты разные стороны инкского общества: экономическая организация, социальная структура, территориально-политическая организация, административная система, методы эксплуатации, религия и т.д. Успехи, достигнутые в решении многих проблем, связаны с именами таких исследователей, как Дж. В. Мурра (1916–2006; настоящее имя Исак Липшиц — американец происхождением из Одессы), М.Б. Андерс, Т.Н. Д’Алтрой (1950), М. Ростворовски де Диес Кансеко (1915), Т. Зойдема, Г. Эртон (1946), А. Демарест, П. Дювиоль и другие²². Дж. Мурра изучал экономическую организацию инков, в том числе храмовое хозяйство. Ему принадлежит ряд обобщающих работ о хозяйстве и политических отношениях в Тавантинсуйу. В 70-х годах XX века Дж. Мурра первым предложил считать основной формой продуктообмена в Андах так называемый «вертикальный контроль», который обеспечивал общинам доступ к разным экологическим нишам с их специфическими ресурсами, что требовало рассеянной, а не концентрированной формы поселения, столь обычной для европейцев²³. Эту идею в дальнейшем развил один из ведущих специалистов по политэкономии древнего Перу Т. Д’Алтрой, доказавший существование преимущества вертикальных связей в инкском обществе как в организации государства, так и в идеологии и экономике²⁴. Он также, проводя с 1977 года археологические раскопки самого большого в Новом Свете складского комплекса в долине Верхнее Мантаро (Перу), насчитывающего около 2700 зданий, высказал предположение о существовании в государстве инков двух почти независимых уровней государственных доходов: продуктового (складировался и потреблялся в пределах провинции) и предметов роскоши (складировались и потреблялись в столичном Куско)²⁵.

Т. Д’Алтрой изучал и методы эксплуатации, характерные для Тавантинсуйу. По его мнению, во взаимоотношениях рядовых труженников с привилегированными слоями властвовал принцип «асимметрических взаимовыгодных актов дарения», который предполагает первоначальное изъятие государством земли и других ресурсов со следующим их возвращением непосредственным производителям при условии, что последние большую часть своего времени должны теперь работать на государство. Государство же берет на себя ритуальное руководство деятельностью работников и гарантирует ее безусловный успех²⁶.

Ряд исследований посвящены социальной структуре инков (М. Ростворовски де Диес Кансеко) и их политической организации (Дж. Мурра, М. Андерс, Дж. Шербонди и др.). Так, Дж. Шербонди и П. Дювиоль подвергли анализу управление на верхних уровнях иерархии инков. Полученные выводы не подтвердили существовавшее представление о главе инкского государства как о единоличном владыке. Существовали определенные институциональные ограничения власти правителя²⁷. Перуанский этноисторик Мария Ростворовски указывала на взвешенность подхода для понимания общества инков, потому что «значение инкской истории — в ее собственных андских истоках, а не в классических европейских

²² Terence 1985, 188.

²³ Созина 2000, 54.

²⁴ Зубарев 2009; Terence 1985.

²⁵ Terence 1985, 187–206.

²⁶ Terence 1985, 189.

²⁷ Зубарев 2009.

подходах»²⁸. Ряд перуанских историков оценивали инкское общество с позиций патриархального рабства или рабовладельческой деспотии, наподобие древнего Египта или Китая (К. Нуньес Анавитарте и Э. Чой). С другой точки зрения, инкское государство рассматривалось как феодальное или как такое, что было на начальной стадии развития феодализма (Х. Тимборн, Г. Валькарсель) или даже сеньориальным военным иерархическим режимом (Х. де ла Рива Агуэро). Последняя точка зрения наиболее полно раскрыта в работах современных историков К. Лассо и Х. Торда, считающих, что основной закон андской общины базировался на принципах коллективизма и трудовой повинности, а это исключало использование рабской работы²⁹.

С 80-х годов XX века среди зарубежных исследователей усиливается интерес к конкретному изучению отдельных провинций в составе инкского государства и их взаимоотношений с центром (Т. Д'Алтрой, С. Томка, С. Ромирес-Хортон и др.). Это позволило существенно дополнить картину организации управления на провинциальном уровне и уточнить систему отношений внутри привилегированных слоев инкского общества³⁰.

Характерным явлением для исторической науки становится публикация многочисленных сборников статей, объединенных общей проблематикой исследований. К наиболее значимым среди них принадлежат сборники «Инкское и ацтекское государства в 1400–1800 годах», «Этноистория инков», «Андская археология», «Экономика доисторических Центральные Анд», «Социальная и экономическая организация в доисторических Андах» и некоторые другие³¹.

Советская и российская историография истории империи инков существенным образом меньше по объему и хронологически охватывает сравнительно небольшой отрезок времени — последние десятилетия XX века. Однако большинство проблем, находящихся в центре внимания американистов, в той или иной мере разрабатываются российскими историками, вклад которых в решение этих проблем довольно значителен. Среди наиболее значимых работ середины 70-х годов XX в. следует отметить монографии «Община в Перу» И. К. Самаркиной и «Инки-Кечуа» Ю. А. Зубрицкого (1923–2007). Определенное влияние на оценку характера инкского общества на разных этапах его существования оказал формационный подход, царивший в тот период. Дискуссии о формационной принадлежности перуанского и подобных с ним древних обществ оказались не слишком плодотворными, и в целом уклад инкского государства определялся как незавершенный рабовладельческий, а само общество с одной стороны — как рабовладельческая деспотия подобно обществам Древнего Востока (Ю. А. Зубрицкий)³², а с другой — как коммунистическое с доминированием андской общины айлью, процесс порабощения которой еще не завершился на момент прихода испанцев в Перу³³. Единодушно советские историки указывали на то, что в инкском обществе шел активный распад институтов первобытнообщинного порядка, а само оно

²⁸ Созина 2000, 76.

²⁹ Созина 2000, 74.

³⁰ Зубарев 2009; Terence 1985.

³¹ Зубарев 2009.

³² Созина 2000, 75; Зубарев 2009.

³³ Schelchikov 2002, 213.

имело классовый характер. В. А. Кузьмищев (1925–1988) считал, что у инков «не было рабства в обычном понимании этого исторического явления, то есть индивидуального рабства, в положении коллективного раба оказалась самая родовая община»³⁴.

Другой подход предлагается в монографии Ю. Е. Березкина «Инки. Исторический опыт империи» (1991). Основой для реконструкции инкского общества послужила теория термодинамической энтропии в работе «Энергия и Структура: Теория Социальной Власти» (1975) американского антрополога Ричарда Ньюболда Адамса (1924), когда социальная власть базируется на первом и втором законах термодинамики, а следовательно, и на контроле над энергетическими процессами, и собственно инкское государство определяется как империя. Исходя из этого, Ю. Е. Березкин считает, что типологически инки «принадлежат к древнему миру... как цивилизация бронзового века... с четкими сословно-классовыми барьерами»³⁵. Предложенная реконструкция является на данный момент наиболее полной и систематизированной, однако страдает определенным модернизмом и заполитизированностью (выделение аспекта «тоталитарности» инкского государства)³⁶, что особенно заметно проявляется в сравнении с так называемыми «империями» XX века³⁷.

В историографии постсоветских стран, к сожалению, до сих пор нет никаких работ по истории инков, равно как и по доколумбовой истории целого континента — Южной Америки, кроме учебного пособия «История цивилизаций Доколумбовой Америки», изданного профессором В. А. Рубелем в Киеве в 2005 году, в которой инкам посвящен отдельный содержательный раздел³⁸, а также его статьи, где уточняется хронология войны инков с чанками, после которой начался имперский период в истории инков³⁹.

Анализируя работы обозначенной проблематики, нетрудно установить их заинтересованность в изучении социально-политических процессов инкского государства и теоретических соображений по поводу государственного устройства, имперских возможностей инков, становления и распространения инкской государственности, создания и усовершенствования хозяйственных механизмов, поиска оптимальной модели управления общественными процессами. Основное внимание исследователей обращено на общественные и хозяйственные институты, их взаимосвязи, а также проведен тщательный анализ с привлечением данных этнологии, лингвистики, социологии и других наук. При этом на современном этапе исследований данные письменных источников колониальной эпохи сравниваются с данными археологических раскопок. Тем не менее, в историографии остается много проблемных и дискуссионных вопросов. Слабо исследованными остаются вопросы классификации источников, положения привилегированной верхушки в хозяйстве, разновидностей и особенностей местного управления, его структурирования и их взаимодействие с имперскими структурами, положение

³⁴ Созина 2000, 75.

³⁵ Созина 2000, 75; Березкин 1991.

³⁶ Schelchikov 2002, 213.

³⁷ Зубарев 2009; Березкин 1991.

³⁸ Рубель 2005.

³⁹ Рубель 2002, 107–110.

пуриков/атунруна как основной прослойки населения, а также того, как оно облагалось налогами, какова была система организации труда. Учитывая это, можем сказать, что потребность в дальнейшем комплексном изучении общественно-хозяйственного устройства инков существует.

ЛИТЕРАТУРА

- Березкин Ю. Е.* 1991: Инки. Исторический опыт империи. Л.
- Боден Л.* 2004: Инки: Быт. Культура. Религия. М.
- Зубарев В. Г.* 2009: История древней Центральной и Южной Америки. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://tsput.ru/res/hist/history/index.html>.
- Рубель В. А.* 2002: Війна інків з чанками: проблема датування // Вісник Київського національного університету імені Тараса Шевченка. Історія. 59/60, 107–110.
- Рубель В. А.* 2005: Історія цивілізацій Доколумбової Америки. Київ.
- Созина С. А.* 2000: История Перу с древнейших времен до конца XX века. М.
- Хосе Л. М.* 1963: Семь очерков истолкования перуанской действительности. М.
- Greenberg J. H.* 2007: An Amerind Etymological Dictionary. Stanford. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.merrittruhlen.com/files/AED5.pdf>.
- Hampe M. T.* 1985: Sumaria bibliografía sobre los Cronistas del Perú (1945–1985) // Boletín de la Biblioteca Nacional. 93/94, 5–57.
- Prescott W. H.* 1847: History of the conquest of Peru with a preliminary view of the civilization of the Incas: In 2 v. New York.
- Schelchikov A.* 2002: Los estudios latinoamericanos en Rusia (y en la URSS) // Revista Europea de Estudios Latinoamericanos y del Caribe. 72, 205–220.
- Terence N. D.* 1985: Staple Finance, Wealth Finance, and Storage in the Inka Political Economy // Current Anthropology. V. 26 (2), 187–206.
- Wachtel N.* 1971: La Vision des vaincus. Les Indiens du Pérou devant la Conquête espagnole, 1530–1570. Paris.

HISTORIOGRAPHY OF SOCIAL AND ECONOMIC STRUCTURE OF THE INCA EMPIRE

S. A. Kuprienko

The article considers historiography issues of the Inca Empire social and economic structure based on the analysis of the works of foreign, Russian, and Ukrainian historians. It also sets off issues that need further consideration.

Key words: historiography, the Inca Empire, Peru, South America, social and economic structure

КАЛЕНДАРЬ ДОКОЛУМБОВЫХ ИНДЕЙЦЕВ АНД ПО СВЕДЕНИЯМ
ФЕРНАНДО ДЕ МОНТЕСИНОСА И БЛАСА ВАЛЕРЫ

Изучение календарной системы народов центральноандского региона Южной Америки, в частности календаря инков, продолжается более столетия. Однако до сих пор не достигнуто однозначных выводов по вопросам астрономической основы счета времени, начала года, наличия високоса, статичного или развивающегося характера календарной системы. В то же время в сочинении Фернандо де Монтесиноса (1644 г.) содержатся уникальные сведения по указанным вопросам, подтверждающиеся отрывками из утраченного сочинения авторитетного иезуитского автора конца XVI в. Бласа Валеры, которые позволяют объяснить ряд противоречий, содержащихся в других источниках.

Ключевые слова: Фернандо де Монтесинос, Блас Валера, календарь инков, Перу, инки, кечуа, аймара, центральные Анды

Источником информации об андской календарной системе являются почти исключительно свидетельства авторов колониальной эпохи, которые сами этим календарем не пользовались. Правда, Р. Т. Зойдема высказал предположение о календарном характере по крайней мере двух сохранившихся кипу (специфических носителей информации на основе шнуров и узлов) — из перуанских провинций Ика и Чачапойяс, — а также кипу, описываемого в предполагаемом сочинении Бласа Валера «*Exsul Immeritus*»¹. Однако и сама гипотеза Р. Т. Зойдемы, и в еще большей степени предложенные им толкования календарных кипу остаются спорными.

Колониальные свидетельства об андском календаре отличаются противоречивостью. Так, в разных документах приводится по меньшей мере четыре версии начала «обычного» года: декабрь (Хуан де Бетансос, Хуан де Веласко, Алонсо Рамос Гавилан), июнь (Диего Фернандес де Паленсия), май (Кристобаль де Молина «Кускенец»), январь — (Хосе де Акоста и Антонио де ла Каланча с примечанием, что Пачакути Инка Йупанки реформировал календарь, начав год с декабря). Точно так же не совпадают названия месяцев года: известны по крайней мере три разных полных списка: Х. де Бетансоса, 1-го Лимского собора (Поло де Ондегардо — Каланчи) и Фелипе Гуамана Пома де Айяла, не считая отдельных названий месяцев у других авторов, не встречающихся ни в одном из указанных списков². Кроме того, вследствие того, что индейские месяцы начинаются в середине европейских, авторы хроник дают разные соответствия названий месяцев инков испанским. Так, *Collaprossóyquis* — февраль для Бетансоса и январь для Веласко и Отца Мосси («Словарь языка кичуа»); *Umarayuti* — октябрь для Бетансоса и сентябрь для Мо-

Талах Виктор Николаевич — независимый исследователь. E-mail: talaky2012@yandex.ua

Куприенко Сергей Анатольевич — аспирант кафедры истории древнего мира и средних веков Киевского национального университета им. Тараса Шевченко: E-mail: creos@narod.ru

¹ Zuidema 2003; Zuidema 2004.

² José de Acosta 1590; Cristóbal de Molina 1873; Polo de Ondegardo 1906; Ramos Gavilán 1976; Antonio de la Calancha 1974–1981; Betanzos 2004; Гуаман Пома де Айяла 2011.

лины; *Aucay Cuxqui*, *Hatun Cosqui quillan*, *Haucay Llusqui* или *Cusqui* — июнь для Бетансосу и Фернандеса де Паленсия и май для Молины и Хуана де Веласко³.

Противоречивы сведения об астрономической основе счета времени в доиспанском Перу: велся ли он по Солнцу, по Луне или был комбинированным. С одной стороны, практически все авторы указывают, что начало года связывалось с движением Солнца (с солнцестояниями или равноденствиями). С другой стороны, названия месяцев, из которых состоит такой год, содержат термины из языка кечуа *quilla* или *-quis*, и в некоторых случаях из языка аймара *pacsi* (современный вариант *phakhsi*) — «Луна», «месяц»: в списках Х. де Бетансосу и Ф. Гуамана Пома де Айяла это имеет место во всех случаях, в списке Лимского собора — в двух случаях⁴. При этом механизмы согласования лунного и месячного счета совершенно неясны. Съеса де Леон и Поло де Ондегардо приводят сообщения о годе из 12 лун (354 дня?)⁵. Алонсо Рамос де Гавилан указывал, что индейский календарь состоял из 12 месяцев и 11 дополнительных дней⁶. Действительно, $365 - 11 = 354 = 29,5 \times 12$, то есть двенадцать синодических периодов Луны плюс одиннадцать суток равны целому числу суток в солнечном тропическом году. Однако простое добавление 11 суток по истечении 12 лунных синодических месяцев не может обеспечить согласование лунного и месячного счета времени, так как начало второго по счету солнечного года оказывается 11 числом 1-го лунного месяца, третьего — его 22-м числом, а начало четвертого — 3-м числом 2-го лунного месяца и т.д.

В так называемом *Pachaquipu*, рисунок которого приводится в тексте «*Exsul Immeritus*» из «Бумаг Миччинелли», 365 дней года распределены одновременно между 12 синодическими месяцами (им соответствуют 12 шнуров-подвесок, на 6 из которых по 29 узлов и на 6 — по 30) и 12-ю 30-дневными месяцами (им соответствуют цветовые последовательности узлов — по 15 красных и по 15 зеленых, повторяющиеся 12 раз)⁷.

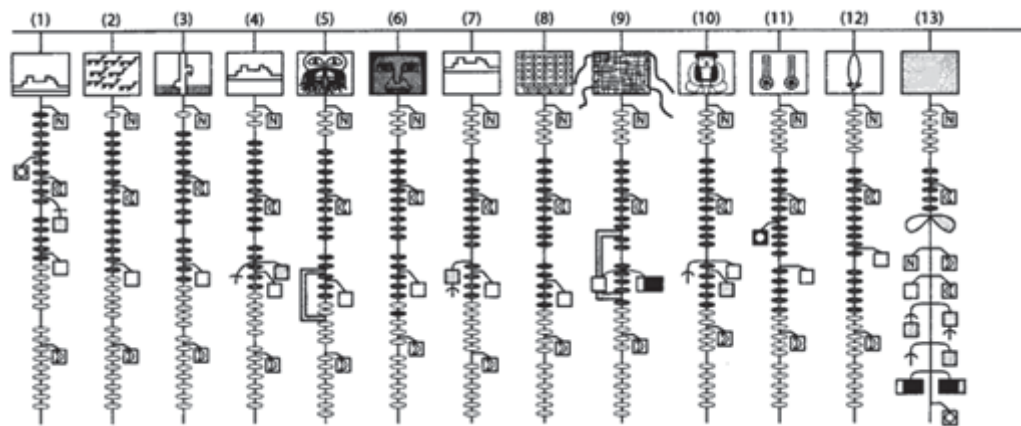

Рис. 1. *Pachaquipu* из рукописи *Exsul Immeritus* (по L. Laurencich Minelli).

³ Rivero y Ustáriz, Tschudi 1851, 127–133.

⁴ Bertonio 1879; Domingo de Santo Tomás 1560; González Holguín 1989; Polo de Ondegardo 1906, 213; Гуаман Пома де Айяла 2011.

⁵ Купрієнко 2012, 20; Cieza de León 2005.

⁶ Ramos Gavilán 1976, 78.

⁷ Laurencich Minelli 2007, 483–487.

Из сопроводительного текста следует, что 20 число 6-го синодического месяца в году, описываемом кипу (167-й день года), соответствует 16 ноября 1532 года (юлианскому). В этом случае первый день года приходится на 2 июня 1532 г. Такая дата хорошо согласуется со счетом лунных месяцев (астрономическое новолуние было 3 июня), но достаточно далека от летнего солнцестояния. Если *Pachaquipi* аутентично, оказывается, что солнечный 365-дневный год начинался не в день солнцестояния, а в ближайшее новолуние, предшествовавшее солнцестоянию. Однако уже для следующего 365-дневного года этот принцип оказывается нарушенным: он начинается 2 июня, то есть не в летнее солнцестояние, и на 11 сутки после новолуния. Кроме того, согласно I Лимскому собору, в 1551 г. начало месяца *Intip Raymi* было отнесено к 22 июня, по данным Поло де Ондегардо (1559 г.), начало года приходилось на 21 декабря, следовательно, шестой тридцатидневный месяц начинался 19 июня⁸. Предположение, что по каким-то причинам начало месяца перенесли на 17 или 20 дней назад в сравнении с принятым у индейцев ранее (а с учетом разницы между непрерывным счетом 365-дневных лет и юлианским счетом с високосами — даже на 24 дня), кажется искусственным. Все это вызывает серьезные сомнения в том, что приписываемое Бласу Валера *Pachaquipi* отображает действительный счет времени у инков, по крайней мере в части солнечного года. Можно предположить, что автор «*Exsul Immeritus*» дал неправильную атрибуцию года, который описывает *Pachaquipi*, и на самом деле это не 1532 г., а год, в котором новолуние и июньское солнцестояние были близки, например, 1525 (астрономическое новолуние приходилось на 20 июня, первое появление лунного серпа — на 21/22 июня), то есть первый лунный и первый 30-суточный месяц начинались в один день. Однако и в таком случае способ согласования лунного и солнечного года неясен.

Некоторые исследователи (например, Э. Авени со ссылкой на М. Циолковски) предполагают, что счет по Луне и Солнцу у инков согласовывался посредством обычной для лунно-солнечных календарей системы дополнительных вставных месяцев: «Используя данные из различных хроник, Циолковски сделал вывод, что административный календарь инков в период, непосредственно предшествовавший завоеванию, был строго лунно-солнечным с фиксированной последовательностью из 12 синодических месяцев, дополняемых бессистемным графиком вставки одного месяца один раз в два или три года»⁹. Но колониальные источники, описывающие календарь андских индейцев, не упоминают об интеркаляциях такого рода. Наоборот, Инка Гарсиласо де Ла Вега утверждает, что никакой системы согласования лунного и солнечного календарей не было, а моменты солнцестояний и новолуний определялись непосредственными наблюдениями¹⁰. Особые сооружения, служившие инструментами для определения положений Солнца в солнцестояния и равноденствия (*Susanca* и *Intihuatana*), известны как по многочисленным описаниям колониальных авторов (Сьеса де Леон, Х. де Бетансос, Аноним 1570 г., Сармьенто де Гамбоа, Х. де Акоста, Инка Гарсиласо, Б. Кобо,

⁸ De la Calancha 1974–1981; Polo de Ondegardo 1906, 213.

⁹ Aveni 1992, 71–72.

¹⁰ Инка Гарсиласо де ла Вега 1974, 120–121.

Ф. де Монтесинос), так и по данным археологии (в Писаке, Мачу-Пикчу, также, вероятно, в Тиауанако)¹¹, что косвенно подтверждает суждения Инки Гарсиласо.

Возникает вопрос: если счет солнечных лет велся независимо от фаз Луны, на основании привязки к солнцестояниям (равноденствиям), почему названия месяцев связаны с Луной? Если рассматривать андский календарь как статичную, раз и навсегда в неизменном виде созданную систему, объяснить это явление невозможно. Однако, неразрешимая в синхронии, эта проблема решается в диахронии, в случае, если рассматривать андский календарь как развивающуюся систему.

Подобный взгляд на андский календарь изложен во второй книге работы Ф. де Монтесиноса «Memorias antiguas i nuevas del Pirú», имеющей название «Las Memorias Antiguas historiales y políticas de Pirú» (датирована 1644 г.). В силу необычности приводимых сообщений текст Монтесиноса вызывал и вызывает значительное недоверие со стороны исследователей. Впрочем, как показала С. Хайленд, указанная часть сочинения Монтесиноса является минимально отредактированным текстом труда неизвестного автора, который исследовательница предлагает назвать «Рукописью из Кито» («Quito manuscript»)¹².

Относительно андского календаря важно отметить, что сообщения Монтесиноса по крайней мере один раз практически совпадают с данными, восходящими к Бласу Валера в изложении Дж. Анелло Оливы (табл. 1.):

Таблица 1. Сравнение текстов Монтесиноса и Оливы.

Montecinos	Anello Oliva
Ему унаследовал Капак Райми Амаута, тридцать седьмой перуанский царь. Этот царь устроил собрание своих мудрецов и астрологов, и все они вместе с царем, который много знал, точно определили солнцестояния... Так как этот князь был столь сведущ в движениях звезд, он назвал месяц декабрь, в котором родился, «Капак Райми», своим собственным именем, а затем назвали месяц июнь Ситок Райми, как если бы мы говорили о большом и малом [sic] солнцестоянии.	Капак Райми Амаута был царем Перу, который имел эти три имени и был очень мудрым философом. Он правил сорок лет во времена четвертого Солнца, до рождества Господня, нашел солнцестояния и назвал их Райми по своему имени и относительно декабря пожелал, чтобы он назывался Капак Райми — 'Великое солнцестояние', поскольку тогда в Перу наибольшие дни в году. О другом солнцестоянии, которое выпадает на июнь, он пожелал, чтобы оно называлось Инти Райми, или незначительное [Ynti raymi vel sullo] — 'Райми — малое солнцестояние', потому что тогда наименьшие дни в Перу ... В конечном счете, перуанцы называли декабрь месяц Капак Райми в память этого царя, который был тридцать девятым царем Перу.

Основные этапы развития календаря индейцев Анд содержатся в главах 7 и 11–13 «Las Memorias Antiguas historiales y políticas de Pirú», хотя изложены не в хронологическом порядке.

¹¹ Подробнее о практике наблюдений, связанных с определением солнцестояний и равноденствий см.: Zuidema 2007, 273–274.

¹² Hyland 2007, 4.

¹³ Hyland 2007, 125.

¹⁴ Anello Oliva 1895, 71.

При этом вопрос о достоверности исторических сведений о «царях Перу», при которых якобы происходили календарные реформы, лежит за пределами данного исследования.

Приводимые в тексте названия некоторых месяцев указывают, что источник Монтесиноса описывал вариант календаря, отличный от известных Бетансосу, Поло де Ондегардо, Каланче и Поме де Айяла (табл. 2):

Таблица 2. Название месяцев календаря инков в различных источниках.

Месяц	Монтесинос	Бетансос	I Лимский собор	Пома де Айяла
Март	Quira tosa corca	Pacha poccoiquis	Pacha Poccoy	Pacha Poccoy
Май	Lahuar Huquiz	Huacai quos quiquilla	Aymuray	Aymoray
Июнь	Çitoc Raymi	Hatun quosquiquilla	Intip Raymi	Haucay Cusqui
Сентябрь	Samay topa corca	Satuaiquis	Ccoya Raymi	Coya Raymi
Декабрь	Capac Raymi	Pucoy quillarai mequis	Ccapac Raymi	Capac Inti Raymi

По наиболее спорному пункту: был ли андский календарь лунным или солнечным, — источник Монтесиноса однозначно указывает, что первоначально андский календарь был чисто лунным, а затем, в результате календарной реформы, стал чисто солнечным: «Ему унаследовал Айай Манко, первый этого имени. Этот царь устроил в Куско общее собрание всех мудрых амаута для преобразования летоисчисления, счет которого был почти забыт в это время, и для того, чтобы привести его в соответствие со связями и положениями звезд в их движениях, и чтобы был упорядочен счет времени. И после многих дней, которые длилось собрание, определили, чтобы год не считался по луне, как было до того, но чтобы в каждом месяце было по тридцать постоянных дней, и чтобы недели были по десять дней, и пять дней, которые их превышают, были бы половиною недели, и в ней помещались бы високосы, которые они называют «алья кауки» [*Allacauquis*], и индейцы называют месяц из этой недели «месяц-малыш»¹⁵.

Таким образом, согласно «Las Memorias Antiguas», ссылки на Луну в названиях месяцев 365-дневного года были чистой данью традиции, а не отражением связи счета времени с фазами ночного светила. Правда, сочинение указывает, что солнечный календарь функционировал как государственный, тогда как общинники в своей повседневной практике продолжали пользоваться лунным, что в конечном счете было узаконено: «Виракоча ... разрешил также, чтобы земледельцы считали год лунными месяцами...»¹⁶.

В тоже время солнечный год сочинение Монтесиноса описывает как построенный по схеме:

$(10 \times 3) \times 12 + 5$, т.е., 36 декад, объединенных в 12 месяцев, и еще полдекады.

Х. де Бетансос относит подобную реформу календаря к временам правления Пачакутека Инки Йупанки (1438–1471). Однако Р. Т. Зойдема на основе изучения тканей культуры Уари (V–X вв. н.э.) пришел к выводу об использовании в обществе Уари именно такого календаря: «Календарь Уари насчитывает 12 месяцев по 30 дней и пять дополнительных дней»¹⁷.

¹⁵ Hyland 2007, 124–125.

¹⁶ Hyland 2007, 125.

¹⁷ Zuidema 2005, 78.

Таким образом, переход от лунного счета времени к солнечному, скорее всего, произошел в доинкские времена. Впрочем, в Куско лунный календарь в качестве государственного мог сохраняться до Пачакутека и при нем быть замененным на солнечный календарь Уари. Можно предположить, что ту же календарную реформу имеет в виду А. де ла Каланча в сообщении о переносе Пачакутеком начала года с января на декабрь¹⁸. Поскольку январь не связан ни с какими важными моментами в движении Солнца, можно допустить, что речь идет о переносе начала года с январского новолуния на ближайшее к нему декабрьское (летнее в южном полушарии) солнцестояние.

Кроме того, год делился на четыре части, границами между которыми были солнцестояния и равноденствия: «Тока Корка Апу Капак ... обнаружил равноденствия, которые индейцы называют «иклале» [*iglales*], и по этой причине они называют месяц март «Киратокакорка» [*Quiratocacorca*], как если бы мы говорили о весеннем равноденствии, а сентябрь — «Камайтопакорка» [*Camaytopacorca*], что означает осеннее равноденствие, и точно также он разделил обычный год на четыре части и времени года, согласно четырем моментам солнцестояний и равноденствий»¹⁹.

Впрочем, принимая во внимание сведения Рамоса де Гавилана и Инки Гарсиласо об 11-суточном периоде, находившемся вне счета месяцев, можно предположить существование промежуточного варианта, в котором месяцы сохраняли продолжительность, связанную с синодическим периодом Луны (29 и 30 суток), но их начала утратили связь с новолуниями, т.е. существовал год, членившийся по схеме: $(29+30) \times 6 + 11$.

Такой вариант мог, после замены всех месяцев тридцатисуточными, сохраняться как местный в Копакабана в бассейне оз. Титикака (Боливия), откуда стал известен А. Рамосу де Гавилану²⁰.

При описании календарной реформы, заменившей лунный календарь солнечным, «Las Memorias Antiguas» указывают на существование високоса, не раскрывая, правда, механизм его применения. Вероятно, подразумевалось, что он был тождественен юлианской системе: вставка одних суток каждые 4 года.

В дальнейшем, по свидетельству источника, система високосов была изменена, хотя достаточно странным образом: «Йавар Укис ... был великим астрологом и определил хороший способ, как должны считаться вставные дни или високосы каждые четыре года. Он приказал, чтобы для хорошего счета будущих времен каждые четыреста лет вставлялся один год и отказались бы из-за них от високосов, так как, согласно амаута астрологам, с которыми он имел большие собрания, царь выяснил, что таким образом счет лет достигнет точности. И старики в память об этом царе и о событии называют високос «укис» [*Huquiz*], хотя ранее называли его «алькаалька» [*Alcaallca*] ...»²¹.

На самом деле вставка целого года каждые 400 лет никоим образом не влияла на смещение начала года относительно астрономических явлений (не говоря уже о том, что в действительности за 400 лет по 365 суток накапливается погреш-

¹⁸ De la Calancha 1974–1981.

¹⁹ Hyland 2007, 126.

²⁰ Ramos Gavilán 1976.

²¹ Hyland 2007, 126.

ность в 96,8 суток, а не в 365) и с точки зрения практических потребностей счета времени была бессмысленной. Возможно, под «un año», т.е. «один год», который вставлялся, имелись в виду 100 дней, а возможно, таким образом источник Монтесиноса пытался объяснить отсутствие обычного для европейцев високоса, который не употреблялся, так как начало года согласовывалось с положением Солнца путем непосредственных наблюдений. При этом раз в четыре года возникала разница в дополнительные сутки, которые, возможно, и получили название *alca allca* или *huquiz*: «И также имели представление о високосе, вследствие наблюдений, которые астрологи совершали за разными положениями [apartamento] Солнца на линии [экватора], которую отметили как раз у Кито, где, как мы говорим, она проходит, при помощи неких огромных стен, которые и сегодня видно»²².

Отдельный интерес представляет термин, употребленный у Монтесиноса для обозначения високоса. Буквальное значение слова *allqa* в языке аймара — «контраст»; «смешанный»; то же, что и *ausa* — «противоположное», напр., день/ночь, мужчина/женщина, огонь/вода²³. Наряду с этим, в специальном значении *allqa* означает «встреча тени и света»; в отношении текстильных изделий (по данным этнографических исследований 1972–1975 гг. в айлью Ислуга региона Тарапака, чилийское Альтиплано) термин указывает на «сочетание максимально темного, т.е. черного (*ch'iara*), и максимально яркого, почти всегда белого (*janq'o*), ему сопутствующего, как если бы они были парой»²⁴. Таким образом, «алька-алька» может означать «день и ночь и еще раз день и ночь», что вполне сопоставимо с понятием «1 день + 1 дополнительный». Важно отметить, что термин «алька-алька» происходит из языка аймара, следовательно, из текста Монтесиноса следует, что первоначально система високосов, если она существовала, сложилась среди аймара. В дальнейшем аймароязычный термин был заменен на «укис», происходящий из другого языка (кечуа, пукина?), что указывает на заимствование календарной системы, использовавшей високос, иным этносом. Кроме того, употребление одного и того же термина «алька» для обозначения определенного характера ornamentации текстильных изделий и элементов календаря, может указывать на календарный характер определенного типа знаков на тканях инков, так называемых «токапу».

«Las Memorias Antiguas» Монтесиноса объясняют также противоречивые данные о начале солнечного года. По их сведениям, оно переносилось сначала с неуказанного момента на весеннее равноденствие, а затем с весеннего равноденствия на зимнее солнцестояние: «Он оставил своим наследником старшего сына Манко Капак Амаута, четвертого этого имени. Он был очень мудр и великий астролог, из-за чего его и прозвали «амаута». Он устроил собрание всех знатоков этой науки и, посоветовавшись с ними, сказал, что Солнце и Луна находятся в отличающихся [от должных] положениях [diferentes puestos]. Он приказал, чтобы начало общепринятого года приходилось на весну, что согласно нашему счету соответствует весеннему равноденствию <лакуна> марта»²⁵.

²² Hyland 2007, 118.

²³ Bertonio 1879.

²⁴ Cereceda 2004.

²⁵ Hyland 2007, 123.

«Манко Авито Пачакути [*Mancoavito Paachacuti*] ... отменил относительно счета лет то, что прежде определил Капак Амаута, и приказал, чтобы зимнее солнцестояние, которое выпадает на 27 сентября, было началом года, и чтобы *им* считалось 25 число этого месяца»²⁶.

В последнем случае, правда, месяц, в котором начинался год, указан неправильно: сентябрь вместо декабря, но у Б. Валеры в изложении Оливы он назван корректно, хотя сама реформа отнесена к правлению более позднего «царя Перу» Капак Райми Амауты: «Этот приказал, чтобы год начинался после декабрьского солнцестояния, хотя до его времен год начинался после мартовского равноденствия»²⁷.

Наконец, сочинение Монтесиноса содержит уникальные известия о наличии у инков абсолютной хронологии, основанной на строго десятичной системе: «Счет времени, который угасал, он [*Инти Капак* — В.Т., С.К.] возобновил таким образом, что с этого царя время считалось общепринятыми годами в 365 дней и часами, а затем декадами, определяя для каждого десяти по сто лет, и каждого десяти декад по сто — тысячу лет, называя их капаквата или интипватан, что означает «Большой год Солнца», и таким образом считали века и царствования великими солнечными годами»²⁸.

«[*Айай Манко* — В.Т., С.К.] приказал также, чтобы, подобно тому как существуют недели из десяти дней, у них имелись бы и годы таким способом, чтобы они насчитывали по десять обычных лет в одном, и затем каждые десять этих декад [*десятилетий*] — в другом, который был бы одним Солнцем, и половин, которую составляли бы 500 лет... Этот счет лет индейцы этого царства всегда сохраняли до прихода испанцев»²⁹.

Помимо Монтесиноса глухое упоминание о наличии в доколумбовом Перу счета «по Солнцам» известно только у Б. Валеры в уже упомянутом изложении Анелло Оливы³⁰.

В тексте Монтесиноса не только описывается система абсолютной хронологии в андском календаре, но и делается попытка синхронизировать ее с христианским летоисчислением от Рождества Христова:

«Амаута говорят, что на втором году правления Манко Капака завершалось четвертое Солнце от Сотворения, что чуть меньше четырех тысяч лет, и 20900 [*sic*] — столько после всеобщего потопа, и, считая год за годом, это был приблизительно первый год от рождества Христова, Господа нашего... Согласно счету этих перуанцев, не хватало сорока трех лет до полного завершения четырех Солнц, и я обнаружил не без удивления, что, согласно счету семидесяти переводчиков и тому, которому следует Римская Церковь, которая говорит, что Божественное Слово родилось из утробы Девы в 2950 году после потопа»³¹.

Впрочем, нельзя не отметить внутренней противоречивости приведенного сообщения. С одной стороны, из него следует, что от Рождества Христова до 2-го

²⁶ Hyland 2007, 124.

²⁷ Anello Oliva 1895, 71.

²⁸ Hyland 2007, 118.

²⁹ Hyland 2007, 125.

³⁰ Anello Oliva 1895, 71.

³¹ Hyland 2007, 127.

года Манко Капака, на который приходится конец IV-го Солнца, прошло 43 года, то есть конец IV-го Солнца впадает на 43 г. н.э., соответственно, начало I-го Солнца — на 3957 г. до н.э. С другой стороны, сопоставление начала потопа, согласно амаута будто бы имевшего место за 2900 лет до конца IV-го Солнца, с принятым католической церковью сроком в 2950 лет между потопом и Рождеством Христовым, можно истолковать как свидетельство в пользу того, что IV-е Солнце закончилось 43 годами ранее, а не позже Рождества, таким образом, от перуанского потопа до рождения Христова прошло $2900 + 43 = 2943$ года. Правда, комментатор мог просто не понять, что для определения срока между перуанским потопом и Рождеством Христовым 43 года от 2-го года Манко Капака до Р. Х. нужно не добавлять к 2900 годам между временем потопа и концом IV-го Солнца, а вычитать из них (следует отметить, что и в других местах «Las Memorias Antiguas» хронологические расчеты отличаются крайней путаностью).

В целом сведения Монтесиноса — Бласа Валеры, не имеющие аналогий в других источниках, отражают целостную систему представлений об андском календаре, предполагающую:

развитие календарной системы индейцев Анд, в частности, переход от счета времени по Луне к счету времени по Солнцу с сохранением дореформенных элементов как параллельных вариантов, что хорошо согласуется с выводами Елены Ортис Гарсии, указывавшей, правда, что такой переход произошел в период экспансии империи инков³²;

двукратный, по крайней мере, перенос начала солнечного года;

наличие в счете солнечных лет системы високосов, которая, по крайней мере, один раз реформировалась;

наличие абсолютной хронологии, построенной на десятичном принципе.

Существование элементов такой календарной системы подтверждается данными других колониальных авторов, анализом археологических артефактов и этнографическими исследованиями. В то же время, предметом отдельного исследования остается вопрос, действительно ли такая календарная система как целое существовала у индейцев Анд или она является плодом литературного творчества некоего колониального автора.

ЛИТЕРАТУРА

Гуаман Пома де Айяла Ф. 2011: Первая новая хроника и доброе правление (доколумбовый период). М.

Инка Гарсиласо де ла Вега. 1974: История государства Инков. Л.

Купрієнко С. 2012: Імперія інків. Кіпу з Чупачу: організація праці, календар і чисельність населення // Дні науки історичного факультету—2012: Матеріали V Міжнародної наукової конференції молодих учених. Київ. Вип.V, 19–21.

Anello Oliva J. 1895: Historia del Reino y Provincias del Perú, de sus Yncas Reyes, Descubrimiento y Conquista por los españoles de la Corona de Castilla e de otras singularidades concernantes a la Historia. Del manuscrito original de. P. Anello Oliva S. J. Lima.

Aveni A. 1992: Time among the Inca // Journal for the history of astronomy. Supplement: Archaeoastronomy. 17, 68–72.

Bertonio L. 1879: Vocabulario de la Lengua Aymara. Parte segunda. Leipzig.

³² Ortiz García 2012, 140.

- Betanzos J.* 2004: Suma y Narracion de los Incas. Madrid.
- de la Calancha A.* 1974–1981: Corónica moralizada del orden de San Agustín en el Perú, con sucesos egenplares en esta monarquia. T. 1–5. Lima.
- Cereceda V.* 2004: Semiología de los textiles andinos: Las talegas de Isluga // Chungara: revista de antropología chilena. Arica. Vol. 42 (1), 181–198.
- Cieza de León P.* 2005: Crónica del Perú. El señorío de los Incas. Caracas.
- de Molina C.* 1873: An account of the fables and rites of the yncas // Narratives of the rites and laws of the Yncas. New York, 3–64.
- González Holguín D.* 1889: Vocabulario de la lengua general de todo el Perú llamada lengua Quichua o del Inca. Lima.
- Hyland S.* 2007: The Quito Manuscript. An Inca History Preserved by Fernando de Montesinos. New Haven.
- de Acosta J.* 1590: Historia natural y moral de las Indias. Sevilla.
- Laurencich Minelli L.* 2007: Exsul immeritus Blas Valera populo suo e historia et rudimenta linguae piruanorum. Indios, gesuiti e spagnoli in due documenti segreti sul Perù del XVII secolo / [Blas Valera, Juan Antonio Cumis, Juan Anello Oliva]; A cura di L. Laurencich Minelli. Bologna.
- Ortiz García E.* 2012: Los incas y el Sol: métodos de observación solar y calendario incaicos // Revista española de antropología americana. Madrid. Vol. 42 (1), 127–143.
- Polo de Ondegardo J.* 1906: Los errores y supersticiones de los indios sacadas del Tratado y averiguación que hizo el Licenciado Polo // Revista histórica: órgano del Instituto Histórico del Perú. Lima, 207–230.
- Ramos Gavilán A.* 1976: Historia de Nuestra Señora de Copacabana. La Paz.
- Rivero y Ustáriz M. E., Tschudi J. J.* 1851: Antigüedades peruanas. Viena.
- de Santo Tomás D.* 1560: Lexicon, o Vocabulario de la lengua general del Peru. Valladolid.
- Zuidema R. T.* 2003: Los Días Epacta y Epagóminos en Calendarios Pre-Hispánicos del Perú y Según Opiniones de Cronistas // Acts of the Colloquium «Il Sacro e Il Paesaggio Nell' America Indigena», Oct. 2002, Bologna / D. Domenici, C. Orsini, S. Venturoli (ed.). Bologna.
- Zuidema R. T.* 2004: El Quipu Dibujado Calendárico Llamado Pachaquipu en el Documento Exsul Immeritus de la Colección Miccinelli // El Silencio Protagonista. El Primer Siglo Jesuita en el Virreinato del Perú 1567–1667. Acts of Symposium Hist–11, 51st Internat. Congress of Americanists. Santiago de Chile 2003 / L. Laurencich-Minelli, P. Numhauser Bar-Magen(ed.). Quito.
- Zuidema R. T.* 2005: The Inca Calendar, the Ceque system, and their representation in Exsul Immeritus. Bologna, 75–104.
- Zuidema R. T.* 2005: Solar and Lunar Observations in the Inca Calendar // Skywatching in the ancient world: new perspectives in cultural astronomy studies in honor of Anthony F. Aveni / C. Ruggles, G. Urton (ed.). Colorado, 270–285.

CALENDAR OF THE ANDES PRE-COLUMBIAN INDIANS ACCORDING TO FERNANDO DE MONTESINOS AND BLAS VALERA

V.N. Talakh, S.A. Kuprienko

They have been studying Calendar system of the peoples living in the central Andes area, Incas in particular, for over a century. Yet, there are no obvious conclusions concerning astronomical alignments of time measurement, year beginning, leap-year, and static or dynamic character of the calendar system. But Fernando de Montesinos' works (1644) contain unique information on the issues that is supported by extracts from the lost work of Blas Valera, a competent Jesuit

author of the late 16th century, which makes it possible to explain a number of contradictions in other sources.

Key words: Fernando de Montesinos, Blas Valera, Inca calendar, Peru, the Inca, Quichua, Aymaranakaja, the central Andes

© 2013

Р. В. Фурцев

ФРАНЦУЗСКИЙ ФАКТОР В ПОЛИТИКЕ ПОСЛОВ ИТАЛЬЯНСКИХ ГОСУДАРСТВ ПРИ ДВОРЕ МАКСИМИЛИАНА I В 1497–1498 гг.

В статье анализируется влияние французской политики в дипломатической практике послов итальянских государств при дворе Максимилиана I в период начальной фазы Итальянских войн. Автор раскрывает основные цели и задачи дипломатов, показывает способы их достижения и подчеркивает различия во взглядах и подходах к решению внешнеполитических проблем, главной из которых являлся вопрос военно-политического сдерживания Франции с опорой на союз с империей.

Ключевые слова: Франция, Максимилиан I, Фрайбургский рейхстаг, политика, дипломатия

В современных условиях европейской интеграции несомненный интерес вызывает исследование процесса политического становления и развития европейских государств, что неразрывно связано с изучением истории международных отношений на континенте. Конец XV в. стал важным рубежом в истории Европы: на смену средневековью приходит Новое время. В этот период изменяются границы, формируются новые коалиции, происходит кардинальная перестройка политического ландшафта. Аспекты внешней политики любой страны особенно четко вырисовываются во время международных конфликтов, что дает возможность более детально проследить весь ход дипломатических отношений. Знаковым событием в Европе в 1494–95 гг. стала итальянская кампания французского короля Карла VIII. Поскольку в ту эпоху одним из ключевых игроков на европейской политической сцене выступал Максимилиан I Габсбург, то многие государства Италии искали с ним союза ради сдерживания французской экспансии.

В этой связи одним из мест политических баталий и интенсивной дипломатической коммуникации стал Фрайбургский рейхстаг, который собрался в конце сентября 1497 г., намереваясь первым делом обсудить с участием монарха вопросы имперских реформ. Однако Максимилиан I вопреки неоднократным приглашениям сословий во время заседаний съезда в период с октября 1497 г. до июня 1498 г. пребывал в своей тирольской резиденции в Инсбруке. Но из-за новой

Фурцев Роман Витальевич — кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры романской филологии Московского городского педагогического университета. E-mail: freimann2025@rambler.ru

внешнеполитической ситуации, вызванной скоропостижной смертью французского короля Карла VIII в апреле 1498 г. и восшествием на престол Людовика XII, глава империи в конце концов посчитал нужным вернуться к прямому общению с представителями сословий. После своего торжественного въезда во Фрайбург Габсбург 23 июня 1498 г. официально открыл рейхстаг и попытался сообразно своим желаниям направить ход дискуссии в русло международной политики и проведения военных мероприятий¹. В итоге же без принятия каких-либо значимых решений в этих вопросах съезд завершил свою работу 4 сентября 1498 г. оглашением финальной резолюции.

Хотя сословия под руководством эрцканцлера Бертольда хотели заняться во Фрайбурге осуществлением и модификацией имперских реформ 1495 г., Максимилиан I в своем выступлении в ходе пленарного заседания рейхстага 25 июня и после беседы с курфюрстами 26 июня все же предложил включить в повестку дня преимущественно обсуждение внешнеполитических проблем и проектов. Поскольку монарх употребил всю силу своего авторитета, сословия поначалу согласились предоставить ему необходимые финансовые средства для войны с Францией с целью отвоевания имперских земель в Бургундии и Италии. Однако затем, в ходе последовавших в июле-августе консультаций об оказании имперской помощи рейхстаг по уже известному сценарию, опробованному в Вормсе в 1495 г. и в Линдау в 1496 г., стал затягивать принятие окончательных решений, чтобы тем самым добиться от короля больших уступок в вопросе имперских реформ. Правда, на собраниях и в комитетах съезда постоянно подчеркивалась в качестве непреложного факта номинальная принадлежность Арелата и Италийского королевства империи, но, с другой стороны, сословия, ассигновав Максимилиану I в общей сложности всего 15 тыс. гульденов, де-факто покрыли лишь малую часть неизбежных внешнеполитических расходов². Впрочем, вопрос о взыскании задолженности, согласно заключительной резолюции, был перенесен на следующий рейхстаг. Между тем король, используя главным образом миланские субсидии, начал военные действия против французов в Бургундии, однако вынужден был прекратить их в октябре 1498 г. по причине наступивших холодов, подписав с Людовиком XII трехмесячное перемирие.

Помимо борьбы против французского соперника на Западе, Максимилиан I перед представителями сословий пропагандировал также и крестовый поход против турок, религиозных противников на Востоке, которые на фоне перманентных боестолкновений на юго-восточных границах Европы представляли собой все более серьезную опасность для центральноевропейских стран. Папский легат кардинал Раймонд Перауди, отличавшийся особым проповедническим талантом, и совместное польско-венгерское посольство настойчиво поддерживали на Фрайбургском рейхстаге просьбы короля об оказании имперской помощи для противодействия османам, так что в резолюции съезда, по крайней мере, нашла свое отражение идея скорейшего предотвращения турецкой угрозы. Хотя дипломатические представители сословий и были отправлены в Рим для дальнейших переговоров с папой по данной проблеме, но принятие окончательного решения о крестовом

¹ Wiesflecker 1975, 130.

² Wiesflecker 1998, 732, №8812.

походе на Восток было перенесено на следующий рейхстаг, который должен был открыться 25 ноября 1498 г. в Вормсе³.

Подобные самостоятельные шаги сословий в сфере дипломатии, позволявшие предположить, что за ними якобы стоит реальная власть во внешнеполитических делах, в действительности лишь скрывали недостаточные политические возможности рейхстага в этом отношении. Тем не менее, имперские сословия в ходе борьбы за реформы последовательно наступали на суверенные права монарха, активно пользуясь в качестве традиционного средства давления своим правом на вотиrowание налогов, и в общении с иностранными державами все более подчеркивали свою роль автономного центра власти наряду с Максимилианом I. Убежденный в бессилии главы империи перед лицом сопротивления сословий в военных и внешнеполитических вопросах, кардинал-легат Перауди еще на Франкфуртском рейхстаге 1490 г. настоятельно советовал папе Иннокентию VIII поддерживать отдельные контакты с авторитетными лицами на имперском собрании, особенно с курфюрстами⁴. Теперь же сословия пытались использовать в собственных интересах потребности монарха на ведение войны с Францией и опасную ситуацию на юго-восточных границах империи, чтобы добиться от Габсбурга выгодных им законов о внутривполитических преобразованиях. Поэтому Фрайбургский рейхстаг значительный объем времени уделял международной политике и дипломатическим переговорам. Вместе с возросшим влиянием и широкой свободой действий укоренилось и «корпоративное мышление» сословий, проявлявшееся в виде показного чувства национального единства в общении с иностранными, главным образом папскими, послами. Заседания рейхстага проходили при закрытых дверях без допуска иноземных дипломатов, к которым причислялись и итальянцы, при этом особое внимание обращалось на то, чтобы к послам не просочилась никакая информация о состоявшихся дебатах.

Но присутствовавшим во Фрайбурге вопреки недвусмысленному желанию курфюрстов послам итальянских государств-членов лиги в их дипломатической практике мешала не только отрицательная и настороженная позиция князей. Французская дипломатия, конкурируя прежде всего с политикой миланских представителей, пыталась с помощью выгодных предложений привязать к интересам Франции влиятельных персон в имперском собрании. Помимо архиепископа Майнцского Бертольда, чья канцелярия в эти годы обладала обширными полномочиями во внешнеполитической сфере, в фокусе дипломатических оферт иностранных держав находилась преимущественно антигабсбургская княжеская оппозиция вокруг пфальцграфа Рейнского Филиппа.

Взаимообусловленность внешнеполитических интересов, факторов влияния и стремления сословий провести имперские реформы и межсословные распри существенно осложняли работу итальянских послов на Фрайбургском рейхстаге. На фоне боевых действий армии Максимилиана I в Бургундии французская дипломатия усиленно старалась вмешаться в ход событий съезда, соревнуясь с послами лиги за благосклонность имперских князей и придворных из ближайшего круга Габсбурга⁵. Между тем с лета 1498 г. стало очевидным, что и политика Ве-

³ Mertens 1998, 45.

⁴ Schrocke 1974, 17.

⁵ Gollwitzer 1979, 69.

неции все более склонялась в пользу Франции. Эта тенденция ускорилась, когда Максимилиан I немилостиво выдворил венецианского посла Джорджо Пизани за пределы империи, еще прежде, чем тот успел прибыть во Фрайбург. Следовательно, Республике Святого Марка было отказано в официальном представительстве во время работы этого рейхстага⁶.

Накануне созыва имперского собрания Пизани занимался главным образом юридическим представительством интересов Венеции в Герцском споре. Высшая общая цель итальянских государств, а именно сохранение системы пентархии и защиты Италии от поплзновений иностранных держав, была использована венецианской дипломатией исключительно для форсирования собственной партикулярной политики. Так, очевидно, надо истолковывать адресованную Лодовико Сфорце официальную просьбу правительства республики, согласно которой миланский герцог должен был бы ради сохранения Священной лиги уговорить Максимилиана I благосклонно отнестись к претензиям венецианцев в конфликте о Герцском графстве⁷. Незадолго до изгнания Пизани из империи в июне 1498 г., несмотря на растущее соперничество между государствами полуострова, миланская дипломатия на официальном уровне стремилась достичь приемлемого для обеих сторон компромисса. Но Пизани сообразно полученным инструкциям отклонил идею третейского суда под эгидой Милана в споре между синьорией и главой империи. В то время как миланский посол при дворе германского монарха Эразмо Браша, которому было поручено посредничество в Герцской тяжбе, при первых признаках боевых действий во Фриуле, напротив, постарался защитить интересы Сфорцы в ущерб Венеции⁸. Сходный двойственный путь Браша избрал и при отстаивании миланских интересов в связи с борьбой пизанцев за независимость от флорентийского господства. В конце концов в это противостояние как на военном, так и на дипломатическом уровне оказались напрямую втянуты герцог Лодовико и Венеция. В явном стремлении противопоставить Максимилиана I венецианцам Браша потребовал от Пизани совместных действий итальянцев в конфликте Пизы с Флоренцией ради предотвращения возможной агрессии со стороны Франции или империи. В переговорах с Габсбургом же миланец, наоборот, указывал на общие интересы и даже тесное сотрудничество Венеции и Франции в политике относительно Пизы. Наконец, в ходе консультаций в Ульме в мае 1498 г. Браша доказывал Максимилиану I и присутствовавшим имперским князьям, что ни в коем случае нельзя отдавать Италию под владычество Франции, а императорский титул — правящей французской династии.

Однако наиважнейшая задача миланских послов при королевском дворе накануне и во время Фрайбургского рейхстага заключалась в обеспечении власти Сфорцы над Миланским герцогством на фоне ожидавшегося вторжения французов на полуостров. Также и миланские резиденты в Брюсселе, Маффео Пировани, и в Женеве, Маффео де Пирола, снабжали в этом отношении Лодовико актуальной информацией из франко-немецких пограничных областей. Между тем Эразмо Браше в качестве королевского советника и близкого друга Максимилиана I выпала на долю нелегкая задача выяснить тенденции развития отношений мо-

⁶ Wiesfleckner 1998, 343, №6172.

⁷ Wiesfleckner 1998, 679, №8492.

⁸ Wiesfleckner 1998, 320, №6068.

нарха и курфюрстов с Францией и в соответствии с изменяющейся обстановкой направить французскую политику империи в пользу миланских интересов. Как правило, ему оказывали поддержку другие дипломаты Сфорцы, специально посылаемые в империю для решения какого-либо конкретного вопроса. Но подобно событиям вокруг заключения милано-французского договора в Верчелли в октябре 1495 г., также и в рассматриваемый период дипломатическая практика представителей Сфорцы обнаруживала неустойчивую политику лавирования, которая колебалась между курсом на сближение и форсированием войны. Так, еще в конце 1497 — начале 1498 гг. Браша с помощью своего брата Санкто работал на достижение примирения между Францией и главой империи⁹.

Из-за присоединения Милана и Венеции к заключенному в феврале 1498 г. испано-французскому перемирию — что явилось неприятным сюрпризом для главы империи — Максимилиан I начал демонстрировать холодность по отношению к своим итальянским союзникам по лиге, в особенности к Сфорце, и не скупился порой на скрытые угрозы в общении с миланскими послами. Поэтому герцогу Лодовико — наверняка по совету Эразмо Браши — показалось уместным в данной ситуации отрядить послом ко двору Габсбурга в Инсбрук маршала Гаспара ди Сансеверино, знатного аристократа и партнера Максимилиана I по рыцарским турнирам¹⁰. В качестве официального участника организованного в марте 1498 г. турнира Сансеверино должен был воспользоваться своим пребыванием при королевском дворе, чтобы разведать планы монарха относительно Франции и примирить его с Лодовико и миланскими нуждами. По-видимому, одаренный красноречием и действовавший весьма самоуверенно Сансеверино к великой радости Браши блестяще сумел выполнить свое поручение. Глава империи оказал ему особое внимание, осыпал его почестями и богатыми дарами¹¹. Неформальный характер этой краткосрочной дипломатической миссии скорее соответствовал прежнему, практиковавшемуся в прошлые века обычаю посольских сношений, ориентированных в основном на личные взаимоотношения и связи¹². Тем не менее маршалу удалось справиться с поставленной задачей, способствовав восстановлению доверия Габсбурга к Сфорце. Обещанные же миланским герцогом в ходе переговоров в Ульме и Фрайбурге субсидии для намечавшейся войны с Францией окончательно вернули согласие в отношения главы империи и правителя Милана.

Со вступлением в апреле 1498 г. на французский престол Людовика XII, который, самовольно приняв титул герцога Миланского, сразу же обозначил свои враждебные намерения относительно Сфорцы, первоочередной задачей миланских дипломатов в общении с Максимилианом I и курфюрстами стала политика форсирования наступательной войны империи против Франции. Эразмо Браша при поддержке других миланских послов Джованни Коллы и Раймондо де Раймундиса¹³ стремился прежде всего нейтрализовать антиитальянские тенденции в окружении монарха и на рейхстаге. Большая часть имперских князей, многие

⁹ Wiesflecker 1998, 247, №5598.

¹⁰ Zotz 1998, 156.

¹¹ Wiesflecker 1998, 295, №5910.

¹² Queller 1967, 150.

¹³ Hoflechner 1972, 257.

из которых получали пенсии от французского короля, поначалу противилась заслушиванию итальянских послов на съезде. В одном из донесений миланский дипломат писал, что архиепископ Майнцкий Бертольд в качестве главы сословной партии реформ хоть и являлся «самым умным и могущественным» человеком в империи, но из-за интриг и влияния противной ему группировки князей вокруг графа Генриха фон Фюрстенберга и курфюрста Фридриха Саксонского, входивших в состав придворного совета, он все более превращался в заклятого врага Максимилиана I¹⁴. Поэтому Браша в ходе своей дипломатической практики сблизился с влиятельными лицами из оппозиционной Бертольду партии князей и попытался посредством раздачи пенсионных денег и прочих подарков и обещаний привлечь авторитетного саксонского курфюрста на сторону Милана. Однако Фридрих Саксонский, настроенный скорее враждебно к итальянцам, особенно после заключения бургундо-французского соглашения от 20 июля 1498 г., открыто выступал в Королевском военном совете за мир с Францией и активно разрабатывал условия перемирия для Максимилиана I¹⁵. А потому совершенно не удивительно, что в результате Браша в октябре 1498 г. в послании к герцогу Лодовико заявил о бесполезности сотрудничества с саксонским герцогом и настоятельно советовал Сфорце прекратить с ним контакты¹⁶. Зато ему удалось через посредничество герцога Баварии-Ландсхута Георга подключить к лоббированию интересов Милана личного секретаря Максимилиана I Маттеуса Ланга, ставшего получателем миланских пенсий.

Однако после подписания франко-германского перемирия в октябре 1498 г. такая стратегически ловкая, но финансово затратная для Сфорцы политика Браши потеряла актуальность. Фактически монарх выполнил лишь одно значимое пожелание миланского правителя: он назначил на должность королевского генерал-капитана в Италии свояка Сфорцы, маркграфа Франческо Гонзагу, с помощью чего Лодовико надеялся косвенно получить доступ к командованию имперскими войсками на севере полуострова. Сам же Браша, кажется, выгодно использовал свое пребывание при дворе главы империи в ходе работы Фрайбургского рейхстага для укрепления своих личных доверительных отношений с Габсбургом, который, кроме того, пожаловал ему префектуру Триеста с годовым доходом в 500 золотых дукатов¹⁷.

Эразмо, будучи близким другом и советчиком Максимилиана I, досконально знал жизнь двора, прекрасно разбирался в хитросплетениях связей и интересов придворных группировок, поддерживал личные неформальные контакты с ведущими имперскими князьями и старался использовать свои возможности в этом отношении на благо интересов Милана. В то время как пребывание Джованни Коллы во Фрайбурге складывалось скорее по образцу официальной дипломатической миссии с четким выполнением установленных процедур. Колла был аккредитован как при Максимилиане I, так и при курфюрстах и других авторитетных лицах. В своей дипломатической практике он строго придерживался указаний Лодовико Сфорцы, не допуская самовольных действий. В инструкции от 12 июля

¹⁴ Wiesflecker 1998, 325, №6099.

¹⁵ Wiesflecker 1975, 138.

¹⁶ Wiesflecker 1998, 753, №8918.

¹⁷ Wiesflecker 1998, 752, №8908.

1498 г. ему было поручено заверить Габсбурга в том, что Милан окажет монарху финансовую и военную помощь в его войне с Францией¹⁸. Но все-таки основная задача посла состояла в выяснении военных возможностей Максимилиана I, а также готовности курфюрстов, герцога Бургундии Филиппа и влиятельного бургундского Правительственного совета сражаться против Франции. С целью привлечь бургундцев на сторону главы империи в борьбе против Людовика XII Колла в соответствии с директивой должен был добиваться поддержки казначея Бургундии и одновременно королевского советника Жана Бонтана, опираясь на сотрудничество с испанским послом и папским нунцием¹⁹. Ведь дипломатические представители Испании по причине родственных уз между Габсбургом и католическими королями, а нунций Кьерегати из-за особого положения апостолических послов при имперских собраниях, обладали лучшим доступом к информации из ближайшего окружения монарха.

Но вследствие бургундо-французского мирного договора от 20 июля 1498 г. желание большинства имперских князей нести на себе бремя расходов на войну Максимилиана I против Франции заметно ослабело. Кроме того, Испания всячески стремилась форсировать установление мира между главой империи и королем Франции. Поэтому с конца июля как князья, так и испанская дипломатия стали оказывать давление на Габсбурга, чтобы побудить его к скорейшему заключению перемирия с Людовиком XII. В этом отношении миссия Коллы не пошла впрок миланским интересам.

Также и посольства других итальянских государств — членов лиги при королевском дворе во время Фрайбургского рейхстага, неаполитанца Монтибуса и нунция Кьерегати не принесли пользу этим государствам в достижении их актуальных политических целей в контексте сохранения системы пентархии на полуострове. Любимец Максимилиана I Монтибус, географически и коммуникативно отрезанный от южноитальянского королевства и не имевший финансовой поддержки от неаполитанского короля, главным образом продолжал работать на миланского герцога, получая от него щедрые пенсии²⁰. В течение 1498 г. он за вознаграждение параллельно занимался и реализацией различных дипломатических поручений главы империи. В итоге привлеченный в качестве вспомогательной силы на службу другим государствам Монтибус в 1497–1498 гг. почти не использовал собственные политико-дипломатические возможности ради отстаивания интересов своего неаполитанского патрона.

Лионелло Кьерегати же в этот период, напротив, полностью осознавал свою роль неофициального лидера послов лиги, указывая на особое положение папы, и тщательно выполнял свою миссию на благо Святого престола. Нунций всеми средствами стремился сохранить единство альянса и добивался осуществления его целей и задач. В ходе дискуссий по поводу Герцского спора и Пизанского конфликта он, взяв на себя посредническую функцию, выступал, соответственно, на стороне венецианцев и миланцев. Дабы противодействовать угрожающему сближению Максимилиана I и имперских князей с Францией и таким образом воспрепятствовать очередному французскому вторжению на полуостров, Кьерегати

¹⁸ Wiesflecker 1998, 714, №8707.

¹⁹ Wiesflecker 1998, 714, №8708.

²⁰ Wiesflecker 1998, 450, №6703.

тесно сотрудничал во Фрайбурге с Джованни Коллой и снабжал его ценными сведениями, к которым у миланца не было доступа. Несмотря на формально особое положение папского представителя при имперских собраниях, ему так и не позволили лично присутствовать ни на пленарных заседаниях, ни в комитетах сословий по куриям. Однако посол Святого престола, естественно, смог черпать всю необходимую ему информацию о ходе дебатов на рейхстаге от присутствовавших на съезде церковных сановников. Архиепископ Майнцский Бертольд и Кельнский курфюрст действовали в роли духовного рупора Кьерегати и доносили до имперских сословий его аргументы и папские идеи и пожелания.

Таким способом нунций смог, по крайней мере, достичь определенного успеха в решении своей главной задачи — отражении французской угрозы для Италии и папства. В июле 1498 г. курфюрсты отвергли адресованное им и Максимилиану I предложение короля Франции о разделе полуострова на соответствующие сферы влияния. Приведенное ими обоснование, что подобные шаги негативно отразятся на положении понтифика и империи, очевидно, явилось следствием дипломатии Кьерегати, сумевшего убедить главу сословной партии Бертольда Майнского в исходящей от Франции опасности. После вступления на престол Людовика XII и изгнания из империи венецианского посла Пизани нунций в своих донесениях папе всесторонне указывал на крайне опасную ситуацию, связанную с оживлением агрессивной политики Франции в отношении итальянских государств, и всячески подчеркивал необходимость предотвращения сближения Венеции и имперских князей с Францией²¹. Поэтому Кьерегати советовал побудить Максимилиана I к наступательной войне против западного соседа на благо всей Италии и добиться на этот счет благосклонности и содействия со стороны немецких магнатов, прежде всего архиепископа Майнского. При этом нунцию пришлось противостоять антиитальянским и антипапским настроениям среди имперских князей, которые воспользовались Фрайбургским рейхстагом, в том числе и для того, чтобы высказать свои жалобы по поводу вмешательства римской курии в духовно-политические интересы германской церкви²².

Но старательно выстроенная антифранцузская пропаганда Кьерегати была подорвана политикой Александра VI. В то время как он месяцами не давал своему послу распоряжений и сведений из Рима и оставлял его в неведении относительно актуальных политических тенденций и целей, сам папа, особенно после прихода к власти Людовика XII, стал активно сближаться с французским двором. В июле 1498 г. понтифик отправил к королю Франции дипломатическую миссию, чтобы, как было официально заявлено, поздравить нового монарха с восшествием на престол и поспособствовать установлению мира между Францией и империей. Однако в тайных аудиенциях с Людовиком XII легаты Александра VI настойчиво продвигали идею заключения франко-папского союза и в ущерб другим членам лиги вели переговоры о партикулярных интересах понтифика²³. Эти события существенно поколебали авторитет Кьерегати в глазах Максимилиана I и князей, вынудили его давать объяснения и поставили под сомнение его договороспособность. По этой причине нунций не ограничивался переговорами с главой империи

²¹ Wiesflecker 1998, 340, №6160.

²² Wiesflecker 1998, 368, №6300.

²³ Wiesflecker 1998, 708, №8670.

и курфюрстами. Из его корреспонденции ясно следует, что он с помощью целенаправленной аргументации старался всеми силами привязать главу католической церкви к политическому курсу Священной лиги 1495 г. с ее антифранцузской составляющей, доказывая среди прочего, что положение было намного серьезнее, чем думали итальянцы и папа. Кьерегати давал понять Александру VI, что, по его мнению, главная причина такой опасной для Италии ситуации заключается в отсутствии должного единства среди правителей итальянских государств и их нежелании нести на себе бремя расходов на военные операции Максимилиана I. Согласно точке зрения папского дипломата, французы осознали слабость Италии и воспользовались случаем, чтобы укрепить антиитальянский настрой имперских князей и помешать им оказать Максимилиану I военную и финансовую помощь для ведения активной политики на полуострове²⁴. Нунций полагал, что для блага Италии и ради сохранения Священной лиги было крайне необходимо деятельно поддержать главу империи в его войне с Францией, дабы в последующем мирном договоре между двумя державами были учтены интересы итальянских государств²⁵.

В заключение стоит сказать, что Максимилиан I не располагал достаточными собственными ресурсами для осуществления активной внешней политики. Он мало мог надеяться на содействие различных группировок имперских князей, некоторые из которых были враждебно настроены к нему, другие же, как обычно, ставили собственные партикулярные интересы выше общегосударственных, блокируя внешнеполитические мероприятия монарха. Фактически Габсбург мог рассчитывать лишь на субсидии от миланского герцога Лодовико. Венеция в этот период все более устранилась от выполнения обязательств по договору о создании Священной лиги. Жизненные интересы республики были направлены теперь не на войну против Франции, а на отражение турецкой угрозы на юго-восточных границах венецианских владений. Поэтому в данных обстоятельствах союз с Францией представлялся синьории политически более выгодным делом. Так же и папа, несмотря на заклинания Кьерегати, в итоге отказался от «национально-итальянских» идеалов лиги ради расширения подвластных территорий, что позволило ему, опираясь на поддержку Людовика XII, приступить к проведению в Средней Италии экспансионистской завоевательной политики.

ЛИТЕРАТУРА

Gollwitzer H. (bearb.) 1979: Deutsche Reichstagsakten unter Maximilian I: Bd. 6 Reichstage von Lindau, Worms und Freiburg (1496–1498). Göttingen.

Hoflechner W. 1972: Die Gesandten der europäischen Mächte, vornehmlich des Kaisers und des Reiches 1490–1500. Wien.

Mertens D. 1998: Der Freiburger Reichstag in der Geschichte der Hof- und Reichstage des spätem Mittelalters // Der Kaiser in seiner Stadt. Maximilian I und der Reichstag zu Freiburg 1498/ H. Schadeck (eds.). Freiburg, 31–54.

Queller D. 1967: The Office of Ambassador in the Middle Ages. Princeton.

Schrocker A. 1974: Die Deutsche Nation. Beobachtungen zur politischen Propaganda des ausgehenden Jahrhunderts. Lubeck.

²⁴ Wiesflecker 1998, 375, №6333.

²⁵ Wiesflecker 1998, 376, №6337.

Wiesflecker H. 1975: Kaiser Maximilian I. Reichsreform und Kaiserpolitik (1493–1500). Munchen.

Wiesflecker H. (bearb.) 1998: Ausgewählte Regesten des Kaiserreiches unter Maximilian I: Bd. 2(1496–1498). Wien.

Zotz T. 1998: Der Reichstag als Fest: Feiern, Spiele, Kurzweil // Der Kaiser in seiner Stadt. Maximilian I und der Reichstag zu Freiburg 1498/ H. Schadek (eds.). Freiburg, 147–170.

FRENCH FACTOR IN THE POLICY OF ITALIAN AMBASSADORS AT THE COURT OF MAXIMILIAN I IN 1497–1498

R. V. Furtsev

The article presents the analysis of the French policy effect on Italian states diplomatic practice at the court of Maximilian I in the early stage of Italian wars. The author reveals ambassadors' goals and objectives and emphasizes different views and approaches to foreign-policy problems. The key problem concerned military and political control of France based on the alliance with the empire.

Key words: France, Maximilian I, Freiburg Reichstag, policy, diplomacy

ИСТОРИЯ НОВОГО И НОВЕЙШЕГО ВРЕМЕНИ

© 2013

К. А. Демичев

ИНСТИТУТ ПРИДВОРНОЙ ОХОТЫ И ЕЁ ФУНКЦИИ В СИКХСКОМ ГОСУДАРСТВЕ РАНДЖИТА СИНГХА

В статье рассматривается институт придворной охоты и её функции в сикхском государстве махараджи Ранджита Сингха. Анализируется процесс становления придворной охоты, а также выделяются её структурные элементы и виды. Особое внимание в статье уделено выделению функций придворной охоты, которые выходили далеко за пределы собственно охотничьей сферы и способствовали укреплению власти Ранджита Сингха.

Ключевые слова: Панджаб, сикхи, Ранджит Сингх

На протяжении нескольких тысячелетий институт придворной охоты являлся важным элементом политической и придворной культуры как на Востоке, так и на Западе. В полной мере этот институт был представлен и в политической культуре многочисленных государственных образований индийского субконтинента. Придворная охота несла в себе сложный культурный код, раскрывающийся в том числе и в тех разнообразных функциях, которые она выполняла. Выезд индийских правителей на охоту в окружении двора был не просто демонстрацией высокого статуса и возможностью проявить личную доблесть, но и сложным политическим инструментом укрепления своей власти. В настоящей статье мы остановимся на особенностях придворной охоты и её функциях в сикхском государстве Ранджита Сингха, так как именно в этом государстве традиции широкомасштабной придворной охоты сохранялись в неизменном виде дольше всего, в отличие от других государств Индии, завоёванных или попавших в зависимость от английской Ост-Индской Компании к концу первой четверти XIX в.

Становление института придворной охоты у сикхов тесно связано с процессом формирования двора сикхских гуру, что, в свою очередь, было совершенно неотделимо от сложного и длительного процесса складывания сикхской государственности в Панджабе. Сам факт возникновения двора и придворной культуры у сикхов свидетельствовал о коренных изменениях этого религиозного движения, что во многом определило генеральную линию дальнейшего развития всей сикх-

Демичев Кирилл Андреевич — кандидат исторических наук, заведующий кафедрой государственно-правовых дисциплин Нижегородского филиала Университета Российской академии образования. E-mail: kadem@mail.ru

ской общины. За два столетия сикхи прошли путь от сугубо мирного течения до предельно милитаризованного воинского братства — Хальсы, образование которого оформил последний десятый гуру Гобинд Сингх.

Первые упоминания придворной охоты относятся ко времени правления шестого сикхского гуру Хар Гобинда (1606–1638), который принял титул Сача Падишах (истинный государь — *К.Д.*) и сосредоточил в своих руках не только духовную, но и светскую власть. По свидетельству информаторов могольского императора Джехангира, «его (Хар Гобинда — *К.Д.*) слава в два или даже в четыре раза больше, чем у всех предыдущих гуру. Его предшественники сидели на скамьях, а он восседает на троне. Он носит оружие, именует себя истинным правителем, принимает дары как император, содержит армию из тысяч храбрых юношей и никого не признаёт»¹.

Из тех же источников известно и описание придворных охот сикхского гуру². Хар Гобинд отправлялся на охоту в сопровождении большой свиты и множества загонщиков, при этом охотился он, используя ручных гепардов, гончих собак и охотничьих соколов и ястребов. Таким образом, перед нами предстает выезд, который по своим масштабам мало чем уступал охоте самого могольского императора. Перенимая у моголов внешние атрибуты власти, в том числе и те, которые касались такого высокостатусного занятия, как придворная охота, Хар Гобинд стремился подчеркнуть свою политическую независимость от правителей Дели и подтвердить статус лидера сикхской общины. В связи с этим весьма показательным является и тот факт, что поводом к первому военному конфликту между Хар Гобиндом и могольским падишахом Шах Джаханом стала именно охота.

В самом начале своего правления Шах Джахан отправился на соколиную охоту по пути от Лахора к Амритсару. Любимый белый сокол падишаха, подаренный ему правителем Персии, далеко улетел от ловчих во время преследования утки и был пойман сокольничими Хар Гобинда, который охотился в это время в окрестностях Амритсара. На жёсткое и оскорбительное требование могольских охотников, посланных на розыски птицы, вернуть сокола сикхи ответили отказом, что привело к стычке, в ходе которой несколько слуг Шах Джахана были убиты³. В итоге разгневанный падишах направил против сикхов семитысячное войско во главе со своим наместником.

Последующий период развития сикхской общины был связан с суровыми испытаниями и кровопролитной борьбой, сначала с могольскими правителями, а позднее и с захватчиками из Афганистана. Однако в это тяжёлое для сикхов время традиции придворной охоты не ушли окончательно в прошлое. Сикхские вожди не забывали охоту, хотя, конечно, она уступала по своему великолепию и масштабам охотничьим выездам моголов и их наместников, а также гуру Хар Гобинда и Гобинда Сингха.

Освобождение сикхов из-под власти Могольской империи в середине XVIII в. не привело к созданию единой сикхской державы. Панджаб был разделен на двенадцать военно-территориальных объединений — мисалов, которые были связаны только ежегодными двухразовыми съездами Сарбат Хальса в священном

¹ Macauliffe 1909, 10.

² Macauliffe 1909, 45, 70, 79, 192.

³ Macauliffe 1909, 79–81.

городе сикхов Амритсаре⁴. *Сардары*, стоявшие во главе мисалов, стремились подчеркнуть своё величие и самостоятельность для чего нередко устраивали большие, в том числе и облавные, охоты. Впрочем, эти охотничьи мероприятия не только были призваны продемонстрировать высокий статус их организаторов, но и являлись хорошей тренировкой для сикхских воинов, которые оттачивали как мастерство конного взаимодействия в большой группе, так и свои индивидуальные воинские навыки.

На принципиально новый качественный уровень придворная охота вышла в Панджабе только после объединения страны под властью махараджи Ранджита Сингха (1799–1839). В течение ряда лет в конце XVIII — начале XIX вв. Ранджит Сингх сумел подчинить большую часть независимых сардаров и подавить сепаратистские выступления в отдельных регионах страны⁵. За достаточно короткий период махараджа не только укрепил собственную власть, но и создал разветвленную военно-административную систему, преодолев негативные последствия периода государственной раздробленности. В сложившихся условиях охота приобрела при дворе махараджи Ранджита Сингха не только широкий, доселе невиданный размах, но и весьма многофункциональный характер.

Ранджит Сингх был страстным поклонником охоты и регулярно устраивал широкомасштабные придворные выезды, чаще всего в охотничьи угодья, расположенные в междуречье Рави и Сатледжа⁶.

Главными объектами добычи придворной охоты были дикие кабаны, олени, лани, антилопы и газели, а также зайцы и, конечно, тигры и, в значительно меньшей степени, львы. Из птиц наибольшим охотничьим значением обладали черные куропатки и перепёлки, в изобилии водившиеся во всем Пятиречье.

Ведущее место в королевской охоте занимала добыча тигров и львов как охота наиболее опасная, сопряженная с огромным риском для жизни охотников и, следовательно, весьма уважаемая. Непредсказуемое и очень агрессивное поведение тигра превращало охоту на него в азартное и смертельно опасное мероприятие, во время которого жизнь охотников, независимо от их статуса, находилась в прямой зависимости от их удачи, решительности и сноровки.

Однажды во время посещения города Вазирабада Ранджит Сингх устроил большую охоту в прилегающих к городу джунглях, где жили два тигра-людоеда, держащих в постоянном страхе всю округу и регулярно задиравших людей и скот. Во время этой охоты нападению огромного тигра подверглись двое охотников из свиты Ранджита Сингха, которые сопровождали своего правителя, едущего на слоне. Тигр выскочил неожиданно и одним ударом лапы сломал хребет коня Джагата Сингха Аттаривалы, а затем бросился на легендарного сикхского полководца Хари Сингха Налву. Несмотря на то, что тигр успел схватить когтями Хари Сингха, тот сумел хладнокровно зарубить зверя одним ударом сабли⁷.

После возвращения в Вазирабад, куда туша мертвого тигра была доставлена на слоне, Ранджит Сингх щедро наградил своих охотников. Хари Сингху были пожалованы золотые браслеты с руки махараджи, а Джагату Сингху новый конь

⁴ Malcolm 1812, 120.

⁵ Cunningham 1849, 139–144.

⁶ McGregor 1846, 222.

⁷ Hugel 1845, 254.

и две тысячи рупий⁸. Следует отметить, что после этого случая с тигром популярность полководца возросла многократно, так как сикхи умели ценить не только военные заслуги, но доблесть, проявленную на охоте. Данный факт находит свое подтверждение в том, что после этой примечательной охоты при дворе получили распространение портреты Хари Сингха Налвы, убивающего тигра⁹.

По воспоминаниям лейтенанта Александра Бёрнса, побывавшего с особой дипломатической миссией при дворе Ранджита Сингха в 1831 г., правитель Панджаба не забывал и рядовых охотников, проявивших отвагу во время охоты на тигра. Во время одной из таких охот несколько сикхов были сброшены со своих коней во время атаки тигра. Однако один из охотников лишь с одной саблей в руках бросился на зверя, который тут же вцепился в его плечо. Когда огромный зверь, чья длина превышала десять футов, а рост был выше бедра человека, был убит, раненый сикх получил достойное вознаграждение. Ранджит Сингх не только даровал ему коня, но и увеличил ежегодное жалование на сто рупий, то есть практически вдвое. В этом вопросе нельзя не согласиться с Александром Бёрнсом в том, что «такое отношение делает этих людей (сикхов — *К.Д.*) самыми храбрыми из индусов»¹⁰.

Во время придворных охот нередкими были случаи, когда после того, как тигр был окружён, Ранджит Сингх запрещал стрелять и отдавал приказ своим воинам в одиночку убить зверя, вооружившись лишь щитом и саблей¹¹. Иногда для охотников это заканчивалось гибелью или получением тяжёлых травм.

О большом значении и высокой степени опасности охоты на тигров свидетельствует и традиционная практика лечения ран, нанесенных этими животными. Охотнику, получившему такую рану, в течение нескольких дней не давали спать и отключаться, так как считалось, что во сне к нему явится тигр, который остановит сердце и тем самым доведёт до конца незавершённое убийство¹². Для поддержания раненого в сознании ему давали сильные наркотические стимуляторы и алкоголь¹³.

Практика единоборства с тигром имела давнюю историю в традициях сикхской охоты. У истоков её стоял шестой гуру Хар Гобинд, который лично одержал победу над несколькими тиграми¹⁴. Поэтому, по всей видимости, единоборство с тигром во время придворных охот Ранджита Сингха было не только проявлением доблести, обязательной для любого сикха, но и воспроизводством своеобразного мифа, истории из жизни гуру, являющегося моральным ориентиром и эталоном поведения для каждого члена *Хальсы*.

Гораздо менее распространенной была охота на львов, что, впрочем, было связано только с тем, что эти животные представляли во времена Ранджита Сингха большую редкость. Из придворных хроник 30-х гг. XIX в. совершенно ясно, что охоты на львов были редки и чаще всего не давали положительного результата¹⁵.

⁸ Singh 1980, 26.

⁹ Hugel 1845, 254.

¹⁰ Burnes 1834/III, 139–140.

¹¹ McGregor 1846, 222–223.

¹² McGregor 1846, 223.

¹³ Burnes 1834/III, 140.

¹⁴ Macauliffe 1909, 18, 97.

¹⁵ Suri 1961, 124.

Зверя просто не удавалось найти, хотя в его поисках охотники во главе с махараджей зачастую проводили по несколько дней. Лишь иногда такая охота приносила результаты. Так, например, известно, что в конце марта 1831 г. Ранджит Сингх сумел добыть большого льва и двух львиц¹⁶.

Высокий статус тигриной и львиной охоты и её особое место в системе придворной охоты в целом подтверждает тот факт, что при дворе Ранджита Сингха она была в первую очередь высокостатусным занятием и своего рода элитарным развлечением, сопряженным с высокой степенью опасности и сильными ощущениями для всех её участников.

В структуре придворной охоты можно выделить несколько основных направлений: псовая охота, охота с ловчими птицами, прежде всего соколами и ястребами, ружейная охота со специально установленных платформ, а также охота с помощью ловушек. Отдельным направлением, как уже было показано выше, была охота на тигров и львов. При дворе Ранджита Сингха также имелись обученные гепарды, однако подробного описания использования их на охоте не сохранилось. По всей видимости, это было связано с тем, что гепарды не часто применялись во время придворных охот сикхского правителя.

Об охотничьем оружии из письменных источников известно не очень много. При этом главная сложность заключается в том, что отделить охотничье оружие от боевого, за исключением некоторых типов ружей и луков, не представляется возможным. Типологически образцы охотничьего и боевого оружия схожи, а отличие, если таковое присутствует, заключается только в орнаментации и украшениях. Английские коллекции Музея Виктории и Альберта и лондонского Тауэра сохранили до наших дней великолепные образцы охотничьего вооружения Пятиречья, на которых изображены сцены охоты и отдельные виды диких животных и птиц¹⁷.

Во время придворной охоты Ранджита Сингха использовались многочисленные виды вооружения. Оружие ближнего боя составляли различного рода кинжалы, мечи, сабли — тальвары и шамшеры, алебарды, копья, как простые бамбуковые длиной 12–15 футов, так и специальные боевые длиной 8–9 футов, резе топоры и булавы — гарц. Вооружение дальнего боя — лук — каман, специальный охотничий бамбуковый лук — гюлель для стрельбы шариками, а также различного вида ружья и мушкеты¹⁸. Необходимо отметить, что наряду с боевыми ружьями использовались и чисто охотничьи образцы. Иногда это были ружья английского производства, купленные или подаренные представителям сикхского двора. Однако гораздо чаще это были специальные ружья для охоты на дичь — бандук, которые изготовлялись в Панджабе по английским образцам¹⁹.

Комплекс защитного охотничьего вооружения был значительно менее представительным. Состав его чаще всего ограничивался небольшим цельнометаллическим или кожаным щитом, а также наручами²⁰. Ранджит Сингх и его придворное окружение считали постыдным использовать на охоте более серьёзную

¹⁶ Suri 1961, 19.

¹⁷ Egerton 1880, 130, 132.

¹⁸ Egerton 1880, 130–133.

¹⁹ Egerton 1880, 133.

²⁰ Burnes 1834/I, 23–24.

защиту, так как это могло бы быть воспринято как проявление трусости. Кроме того, использование тяжёлого защитного вооружения было попросту неудобным, так как охота зачастую могла продолжаться в течение всего светового дня в условиях сильной жары на протяжении нескольких дней.

Для выезда на придворную охоту использовались слоны, верблюды и лошади. При этом слоны, как правило, использовались лишь для доставки правителя Панджаба и некоторых его приближенных к месту охоты²¹. Что касается личных предпочтений Ранджита Сингха, то до самой старости он предпочитал охотиться на коне, тем более что коней сикхский правитель любил и хорошо в них разбирался²². По свидетельству австрийского путешественника барона Карла Хюгеля, махараджа совершенно преображался в седле, «наполняясь совершенно особым духом и приобретая определенное изящество», которое от него было трудно ожидать²³. Даже после паралича, который затронул левую сторону его тела, Ранджит Сингх много ездил и управлял своим конём с лёгкостью и непринужденностью. Единственно, на что повлияла частичная парализация, так это на то, что теперь махараджа не мог самостоятельно сесть на коня²⁴.

Королевские охоты чаще всего организовывались в равнинных или предгорных районах страны, поэтому к качеству и свойствам лошадей предъявлялись особые требования. Для охоты требовались лёгкие, быстрые и выносливые лошади, не боящиеся диких зверей и крови.

Повышенное внимание к качеству лошадей, использовавшихся на королевской охоте, тем не менее, не привело к созданию специальных охотничьих конюшен. Кроме того, не представляет сомнения, что для охоты зачастую использовались те же лошади, что и в бою, тем более что последние были уже приучены к шуму, крикам и выстрелам.

Характерной чертой придворной охоты махараджи Ранджита Сингха было сочетание её различных элементов в рамках одного охотничьего выезда. Разумеется, проводились охоты, которые были направлены на поимку конкретного зверя, чаще всего тигра, льва и леопарда²⁵, или же представляли охоту строго определенного вида. Однако чаще всего все эти элементы успешно комбинировались и использовались комплексно.

Важное место в системе придворной охоты по праву занимала псовая охота и охота с ловчими птицами. При этом необходимо отметить, что чаще всего эти виды совмещались, так как местность, в которой велась охота, позволяла их успешно сочетать.

Псовая охота была одним из любимейших видов охоты Ранджита Сингха, тем более что этот вид был неотделим от облавной охоты, которая традиционно была широко распространена в Пятиречье.

Во время облавной охоты охотники и загонщики расходились крыльями на весьма значительном расстоянии, образуя круг. По сигналу труб они начинали постепенно сжимать круг с тем расчетом, чтобы звери, обложенные со всех сторон,

²¹ Osborne 1840, 182; Burnes 1834/I, 24.

²² Steinbach 1846, 85.

²³ Hugel 1845, 381.

²⁴ Prinsep 1834, 181.

²⁵ Vigne 1840, 14; Moorcroft 1841, 30.

бежали в ту сторону, где находился Ранджит Сингх и его ближайшее окружение²⁶. Считалось, что махараджа должен был первый начать истребление зверей, а рядовые охотники лишь добить тех, кто избежал выстрелов и сабель его окружения. Впрочем, в тех случаях, когда была велика вероятность ухода зверя, охотники могли и сами убить добычу, не опасаясь гнева своего правителя, который всегда был верен демократическим традициям Хальсы и высоко ценил личную охотничью удаль.

Безусловно, что охотничьи собаки были просто незаменимы при облавной охоте. Своры борзых и гончих собак помогали охотникам загонять дичь, преследовали и выматывали её, не давая уйти за границы территории облавы.

Помимо загона дичи во время облавной охоты, собаки использовались и для травли, то есть для преследования зверя верхами²⁷. Травля могла как органично включаться в систему облавной охоты, так и носить самостоятельный характер.

Травили собаками, как правило, кабанов, оленей и зайцев. Найдя зверя, псарі спускали свору, а охотники начинали верховую травлю. Затравленного зверя добивали чаще всего саблей, реже копьём, а иногда пристреливали из лука. Высоко ценилась те борзые собаки, которые во время травли могли сопровождать коня без своры, при этом не убегая и слушаясь приказов охотника. В таких случаях травля превращалась в увлекательное состязание, во время которого борзая становилась верным напарником охотника.

Обучению охотничьих собак при сикхском дворе уделялось немало времени, причем в этом процессе принимал участие и сам махараджа. Особое внимание уделялось обучению травле. Для этого использовались кабаны, пойманные живьём, которые и становились объектами травли. Зверей привязывали за одну ногу к дереву или крепко вкопанному столбу, после чего спускали и натравливали собак²⁸. Тот факт, что кабан сохранял определенную свободу движения, делал такое обучение весьма действенным. Собаки приучались не только к агрессивному поведению, но и к риску, который делал их незаменимыми во время настоящей охоты.

В псарнях Ранджит Сингха содержались борзые и гончие собаки персидских, синдских, бухарских и местных пород²⁹. Особо ценились среднеазиатские породы борзых, которые приобрели хорошую охотничью репутацию далеко за пределами среднеазиатского региона, в том числе и в России. Собак этих пород отличало оптимальное сочетание силы, выносливости и скорости, в чём они, по мнению англичан, лишь немногим уступали английским или итальянским борзым³⁰.

О том, что охотничьи собаки имели высокую ценность при сикхском дворе, свидетельствует тот факт, что они нередко входили в состав официальных даров, которые преподносились Ранджиту Сингху посланниками — *вакилами* других государств. Сикхская придворная хроника «Амдат ут-таварих» («Хроника времён» — *К.Д.*) упоминает, что весной 1831 г. вакил наваба Бхавальпура преподнес в дар сикхскому правителю не только пятьдесят тысяч рупий, трёх коней, три пер-

²⁶ Burnes 1834/I, 24.

²⁷ McGregor 1846, 222.

²⁸ Burnes 1834/I, 25.

²⁹ Burnes 1834/I, 24.

³⁰ McGregor 1846, 222.

сидских ружья, меч и сто тридцать два рулона красного шелка, но и пять охотничьих собак³¹. Показательно, что и английский резидент Лудхианы капитан Клод Уэйд преподнес махарадже в том же году пять охотничьих собак и двух лошадей с бархатными сёдлами, которые, вполне возможно, также предназначались для охоты³².

Охота с ловчими птицами, наряду с псовой, также получила широкое распространение при сикхском дворе. В качестве ловчих птиц использовались соколы и ястребы, которые были выношены, то есть специально приучены к ловле зайцев и других мелких животных, а также диких птиц с налёта.

У охотников высоко ценились соколы, добытые в горных районах Пятиречья. Эти птицы были хорошо обучаемы, послушны и чаще всего побивали дичь в один или несколько приёмов, при этом не поедая её, а удерживая на земле до подъезда охотников. Показательно, что вопрос поимки молодых соколов контролировался лично Ранджитом Сингхом, который требовал от своих добытчиков и чиновников, ответственных за территории, где производился отлов, представлять ему детальные отчеты³³.

При охоте на зайца одновременно могли использоваться и ястребы, и собаки. После того как заяц был выслежен, охотники пускали ястреба, который должен был его ранить, после чего он становился лёгкой добычей собак³⁴.

За воспитание и содержание ловчих птиц отвечали сокольничьи, хотя и сам Ранджит Сингх, и многие представители сикхского двора, владеющие собственными птицами, лично занимались их обучением и притравливанием. Сущность обучения заключалась в том, что молодых соколов и ястребов натравливали на мёртвую, а затем и живую пойманную дичь. Когда дичи под рукой не было, для притравки использовали живую домашнюю птицу, ей же кормили уже обученных ловчих птиц³⁵. Соколов и ястребов приучали слушаться команд ловчих, которые подавались свистом или сигналом рога. Хорошо обученная ловчая птица должна была беспрекословно слушаться приказов ловчего, не улетать без команды, бить дичь с лёту, при этом не поедая и унося её далеко от места охоты. Такие птицы чаще всего не убивали своих жертв, а прижимали к земле, где и удерживали их до условного звукового сигнала или подъезда охотников³⁶.

Во время придворных охот Ранджита Сингха соколы и ястребы сидели на кулаках конных или пеших сокольничих³⁷. Следует отметить, что руки сокольничих были далеко не всегда защищены плотными кожаными перчатками, хотя острые птичьи когти могли нанести охотникам серьёзные травмы. Ноги ловчих птиц, так же как и в Европе, были скреплены вместе с помощью шёлкового шнура. К каждой ноге было прикреплено по колокольчику, которые своим звоном давали знать ловчим, где находится птица во время травли дичи³⁸. Показательно, что во время охотничьих выездов завязывание глаз соколов и ястребов чаще всего не практико-

³¹ Suri 1961, 30.

³² Suri 1961, 81.

³³ Suri 1961, 107.

³⁴ McGregor 1846, 222.

³⁵ Hugel 1845, 213.

³⁶ Hugel 1845, 86.

³⁷ Burnes 1834/I, 24.

³⁸ Hugel 1845, 86.

валось, что говорит о хорошей выучке и подготовке ловчих птиц, а также мастерстве сокольничих.

Использовались во время придворных охот и специальные ловушки для ловли кабанов, причем, по свидетельству военного секретаря генерал-губернатора Уильяма Осборна, такие ловушки более нигде не применялись в Индии. На кабаньих тропах устанавливали веревочные растяжки, крепившиеся к замаскированным сетям с тяжёлыми противовесами. Пробегая по тропе, кабан задевал растяжку, освобождал противовес и попадал в сеть, которая приподнимала его над землёй³⁹. Положительной стороной такого способа лова было то, что охотники получали живую добычу, которая могла быть использована для притравливания собак или же отпущена на свободу, если другие виды охоты обеспечивали в тот выезд достаточное количество добычи.

Охота на кабанов была любимым видом охоты у сикхов. При этом во время облавных охот звери добывались не только с помощью ловушек. Зверей как отстреливали, так и зарубали с коня саблём во время преследования, что бывало гораздо чаще⁴⁰. В отличие от англичан, для добычи кабана сикхи никогда не использовали копья, относясь к такому виду охоты с большим недоверием и неодобрением.

О высоком значении охоты на кабана свидетельствует и тот факт, что для этих животных создавались специальные охотничьи заповедники — рамна недалеко от столицы сикхского государства — Лахора. Вокруг заповедника, по распоряжению Ранджита Сингха, высаживали злаки и сахарную свёклу для того, чтобы кабаны могли не тратить время и силы на поиск корма⁴¹.

Стрелковая охота с платформ была наименее распространена в системе придворной охоты по сравнению с другими её видами. Сущность такой охоты сводилась к тому, что на одной из границ будущей зоны отлова строилась высокая деревянная платформа, где располагался Ранджит Сингх и его ближайшее окружение. После того как начиналась облава, загонщики сжимали круг, выдавливая дичь в сторону стрелковой платформы. При появлении зверя, спасающегося от загонщиков и собак, охотники во главе с махараджей открывали стрельбу⁴². Те звери, которые не были застрелены с платформы, добывались загонщиками или отпускались.

Ведущей функцией придворной охоты при Ранджит Сингхе продолжала оставаться досугово-развлекательная функция. Этот вид охоты динамично развивался по той простой причине, что сикхский правитель очень любил свою придворную охоту и уделял ей достаточно большое количество времени⁴³. Кроме того, для Ранджита Сингха охота была одним из способов продемонстрировать двору и всей сикхской общине свою силу, доблесть и воинскую сноровку. Даже когда телесные силы оставили махараджу на исходе его жизненного пути, он все равно не перестал любить охоту, продолжая совершать охотничьи выезды.

Ранджит Сингх был тонким знатоком охотничьего искусства и умел ценить охотничьи успехи своих подданных. Во время придворных охот он всегда лично

³⁹ Osborne 1840, 183.

⁴⁰ McGregor 1846, 223.

⁴¹ Osborne 1840, 167.

⁴² Stronge 1999, 104.

⁴³ McGregor 1846, 222.

осматривал добытые трофеи. Самой высокой похвалы панджабского правителя удостаивались те из его охотников, кто всего лишь одним выстрелом или точным ударом могли сразить любую добычу⁴⁴. Убить добычу одним ударом было важно ещё и потому, что согласно сикхской традиции, только такие животные могли быть употреблены в пищу, в отличие от тех, кто умер от длительного истечения крови, согласно мусульманской традиции — халал.

За проявленную точность и меткость рядовые охотники обычно вознаграждались махараджей десятью рупиями, что равнялось размеру месячного жалования пехотинца регулярной армии⁴⁵. Следует отметить, что любой серьёзный охотничий успех, доблесть и бесстрашие, проявленные во время охоты, достойно вознаграждалась сикхским правителем. Особенно щедро махараджа вознаграждал своих придворных⁴⁶. Известно также, что Ранджит Сингх очень переживал, когда кто-то из его приближенных, как, например, это случилось с его первым министром Дхиан Сингхом, получал на охоте травму, и всегда поддерживал своего соратника, как словами личного участия, так и богатым подарком⁴⁷.

Как и во всем мире, важнейшей функцией придворной охоты было поддержание авторитета и высокого статуса венценосной особы. Охота демонстративно подчеркивала перед подданными и правителями соседних земель величие, власть и богатство сикхского двора. В охотах, которые иногда длились более недели, принимали участие ближайшие сподвижники Ранджита Сингха, его военачальники, придворные, представители прославленных сикхских, мусульманских и индусских родов Панджаба, не считая большого количества сокольничьих, псарей, лесников и загонщиков. О статусном характере придворных охот свидетельствует и тот факт, что от своих приближённых Ранджит Сингх требовал являться в исключительно богатых одеждах и дорогих украшениях⁴⁸. Только охотники на самых хороших и выносливых лошадях, блистающие дорогими одеждами, снаряжением и великолепным оружием могли составить достойную свиту правителя Пятиречья.

Дата и время запланированной королевской охоты определялась Ранджитом Сингхом при помощи своих придворных астрологов и предсказаний, полученных при произвольном открытии священного писания сикхов Ади Грантх, куда были вложены соответствующие записки⁴⁹. После определения благоприятной даты выезда начиналась подготовка к охоте. Охотники проверяли оружие, слуги чистили лошадей, а сокольничьи и псари притравливали своих подопечных.

В качестве загонщиков во время королевских охот нередко использовались солдаты регулярной армии численностью до полка⁵⁰. Кроме того, в охотничьих выездах Ранджита Сингха, как правило, сопровождали многочисленные слуги, музыканты и танцовщицы, которые не принимали непосредственного участия в самом процессе охоты, но были призваны скрасить отдых своего правителя и его сподвижников.

⁴⁴ Osborne 1840, 168.

⁴⁵ Osborne 1840, 168.

⁴⁶ Burnes 1834/I, 24–25.

⁴⁷ Suri 1961, 20.

⁴⁸ Hugel 1845, 301; Masson 1842, 443.

⁴⁹ Suri 1961, 115.

⁵⁰ McGregor 1846, 222; Burnes 1834/I, 24.

Выезд придворной охоты на десятках богато украшенных слонах, сотнях лошадей и верблюдов, был подобен выдвижению в поход большой и блистательной армии, что не могло не внушать уважения, а иногда и страха подданным сикхского владыки.

Придворные охоты Ранджит Сингха устраивались в различных районах Пятиречья. В силу этого обстоятельства дальние выезды махараджи обладали не только сугубо охотничьими функциями, но и функцией инспекционной проверки подконтрольных земель. Ранджит Сингх лично контролировал все ветви власти военно-административной системы своей страны. Он никогда не выпускал бразды правления из своих рук и даже на охоте продолжал принимать государственные решения, рассылая гонцов, доносивших до его министров и чиновников волю правителя⁵¹.

Во время дальних охот он заодно проверял, как осуществляется управление и сбор налогов, уровень коррупции чиновников на местах, а также каким образом и как быстро выполняются его распоряжения. При этом на ночь махараджа останавливался, как правило, не в крепостях и дворцах своих чиновников, а в специально построенных к его приезду охотничьих домиках, которые располагались вдали от больших и шумных городов⁵². В эти временные резиденции Ранджита Сингха мог явиться любой из его подданных и лично, в обход всех местных чиновников, обратиться с просьбой или жалобой к своему владыке. Иногда у жалобщиков получалось обратиться к махарадже с требованием правосудия прямо во время охотничьего выезда. В этом случае, несмотря на явное нарушение придворного этикета, Ранджит Сингх требовал от своей охраны не причинять такому человеку какой-либо вред и благосклонно выслушивал просителя⁵³.

К числу важнейших функций придворной охоты относилась и дипломатическая функция. На охоту регулярно приглашались посланники иностранных государств, и в первую очередь представители английской Ост-Индской Компании, с которой на протяжении всей своей жизни махараджа Ранджит Сингх всеми силами, вопреки существенному противодействию со стороны части своего окружения, сохранял дружеские отношения⁵⁴.

Праздничный и азартный характер придворной охоты способствовал установлению неформальных отношений с иностранными послами. При этом проницательный сикхский правитель стремился выяснить истинные мотивы и цели иностранных визитёров. Он умел расположить собеседника к себе, чтобы в дальнейшем использовать эту симпатию при проведении официальных переговоров. Проведение придворных охот с участием иностранных представителей было действенным инструментом развития дипломатических отношений, а приглашение к участию в такой охоте свидетельствовало о том, что сикхская сторона высоко ценит дружбу и всячески стремится к её развитию. По этой причине совершенно неудивительно, что и капитан Бёрнс, и капитан Осборн, и другие официаль-

⁵¹ Suri 1961, 4.

⁵² Suri 1961, 114.

⁵³ Burnes 1834/I, 21–22.

⁵⁴ Osborne 1840, 100–101.

ные представители английской Ост-Индской Компании становились участниками придворных охот, организованных Ранджитом Сингхом в честь их прибытия⁵⁵.

Роскошные придворные охоты организовывались сикхской стороной и по случаю проведения англо-сикхских встреч на высшем уровне. Так, например, вслед за переговорами по афганскому вопросу в 1838 г. последовала целая серия совместных охот, в которых с английской стороны участвовал генерал-губернатор Ост-Индской Компании Джордж Иден лорд Окленд, а также его родная сестра мисс Эмили Иден⁵⁶.

Регулярные дипломатические сношения с сикхским государством — Саркар Хальсаджи — англичане осуществляли посредством политического резидента в пограничном городе Лудхиане, находящегося на левом берегу Сатледжа. На протяжении 18 лет, с 1823 по 1840 гг., эту важнейшую должность бессменно занимал капитан, а позднее полковник Клод Мартин Уэйд, который, являясь заядлым охотником, сумел вывести англо-сикхские отношения на новый уровень. Придворные хроники 30-х гг. XIX в. нередко упоминают о совместных охотничьих выездах Ранджита Сингха и британского резидента. Причем бывало, что такие охоты длились по шесть дней⁵⁷. Показательно, что и сами придворные летописцы оценивают такие встречи как мероприятия, необходимые для поддержания дружеских отношений между «двумя великими правительствами»⁵⁸.

Охотничья тема была настолько важна в системе отношений с британским политическим резидентом, что Ранджит Сингх считал необходимым извещать Клода Уэйда, который считался «близким и искренним другом» махараджи, обо всех крупных успехах своей придворной охоты в официальных письмах⁵⁹.

Перечисленные выше функции придворной охоты являлись основными, однако не исчерпывали всего их разнообразия и не были единственными.

Второстепенное значение продолжала играть и такая функция, как функция военной подготовки. Безусловно, что в рассматриваемый период, особенно в условиях активного формирования регулярной армии, эта функция не играла такой роли, как в прошлом. Элитарный характер придворной охоты Ранджита Сингха обуславливал тот факт, что определённые воинские навыки в ходе её проведения приобретались и оттачивались лишь незначительной частью воинов. В первую очередь, это касалось представителей знатных родов и приближённых махараджи, которые, как правило, в конном строю совершенствовали свои навыки в обращении с ружьём, саблей и копьём⁶⁰. В меньшей степени это касалось рядовых участников охоты — загонщиков из свиты придворных, а также солдат регулярной армии. Несомненно, что и они получали полезные навыки, которые были им необходимы и военном деле. Однако их численность, которая могла превышать и тысячу человек, была несопоставимо мала с общей численностью армии Хальсы, насчитывающей только в своей регулярной части более 30 тысяч воинов⁶¹.

⁵⁵ Burnes 1834/I, 23–25; Osborne 1840, 166–168, 182–183.

⁵⁶ Shahamat 1847, 7; Eden 1866, 271.

⁵⁷ Suri 1961, 125.

⁵⁸ Suri 1961, 117.

⁵⁹ Suri 1961, 20.

⁶⁰ Burnes 1834/I, 24.

⁶¹ Griffin 1905, 141–142.

В отличие от облавных охот в Средней Азии, которые на протяжении многих веков имели огромное промыслово-хозяйственное значение, придворная охота в Панджабе не обладала аналогичной функцией. Тем не менее, вся охотничья добыча, за исключением тигров, львов и леопардов, шла в пищу и вносила определённое разнообразие в меню сикхского двора. При этом мясо, в том числе и кабанина, издавна любимая сикхами⁶², не заготавливалась впрок. Звери, пойманные живыми сверх необходимого для придворной кухни количества, отпускались на волю, чтобы стать объектом охоты в следующие выезды⁶³.

В целом придворная охота играла важнейшую роль в жизни махараджи Ранджита Сингха и всего сикхского двора. Она была неотъемлемой частью придворной культуры, обладала сложившимся ритуалом и целым комплексом традиций. Охота выполняла целый комплекс полисемантических функций, которые выходили далеко за пределы собственно охотничьей сферы и способствовали укреплению власти панджабского правителя. На протяжении всей первой половины XIX в. Панджаб оставался последним регионом Индии, где на тот момент сохранилась широкомасштабная придворная охота, не испытывавшая влияния со стороны англичан.

ЛИТЕРАТУРА

Burnes A. 1834: Travels into Bokhara; being the account of a Journey from India to Cabool, Tartary, and Persia; also, Narrative of a Voyage on the Indus, from the Sea to Lahore, with presents from the King of Great Britain; performed under the orders of the supreme Government of India, in the years 1831, 1832, and 1833: in III vols. London.

Cunningham J. D. 1849: A History of the Sikhs. From the Origin of the Nation to the Battles of the Sutlej. L.

Egerton W. 1880: An illustrated Handbook of Indian Arms; being a classified and descriptive Catalogue of the Arms exhibited at the Indian Museum: with introductory Sketch of the Military History of the India. London.

Eden E. 1866: Up The Country: Letters Written to Her Sister from the Upper Provinces of India: in II vols. Vol. I. London.

Griffin L. H. 1905: Ranjit Singh and the Sikh barrier between our Growing Empire and Central Asia. Oxford.

Hugel Ch. 1845: Travels Kashmir and the Panjab, containing a particular account of the Government and Character of the Sikhs, translated from German by Major T. B. Jervis. London.

McGregor W. L. 1846: The History of the Sikhs; Containing Lives of the Gooroos; The History of the independent Sirdars, or Missuls, the Live of the Great Founder of the Sikh Monarchy, Maharajah Runjeet Singh: in II vols. Vol. I. London.

Macauliffe M. A. 1909: The Sikhs Religion. It's Gurus, Sacred Writing and Authors. In VI vols. Vol. IV. Oxford.

Malcolm J. 1812: Sketch of the Sikhs; & Singular Ration, who inhabit the Provinces of the Penjab, situated between the Rivers Jamna and Indus. London.

Masson Ch. 1842: Narrative of Various Journeys in Balochistan, Afghanistan, and the Panjab; including a Residence in those Countries from 1826 to 1838: in III vols. Vol. I. London.

Moorcroft W., Trebeck G. 1841: Travels in the Himalayan Provinces of Hindustan and the Panjab; in Ladakh and Kashmir; in Peshawar, Kabul, Kunduz and Bokhara, by mr. William

⁶² McGregor 1846, 223.

⁶³ Burnes 1834/I, 25.

Moorcroft and Mr. George Trebeck, from 1819 to 1825 / Prepared for the Press from Original Journals and Correspondence by H. H. Wilson: in 2 vols. Vol. I. London.

Osborne W. G. 1840: The Court and Camp of Runjeet Sing, with an introductory Sketch of the Origin and Rise of Sikh State. London.

Prinsep H. T. 1834: Origin of the Sikh Power in the Punjab and political of Maharaja Ranjeet Singh. With an account of the Religion, Laws and Customs of the Sikh. Calcutta.

Shahamat Ali. 1847: The Sikhs and Afghans in connexion with India and Persia immediately before and after the death of Ranjeet Singh from the Journal of an expedition to Cabool through Punjab and the Khaiber. London.

Singh H. 1980: Maharaja Ranjit Singh. New Delhi.

Steinbach H. 1846: The Punjaub; being a brief account of the Sikhs; Its Extent, History, Commerce, Productions, Government, Manufactures, Laws, Religion, Etc. London.

Stronge S. 1999: The Arts of the Sikh Kingdoms. London.

Suri, Lala Sohan Lal 1961: An outstanding original source of Panjab history. Umdat-ut-Tawarikh. Daftar 3 Pt. (1–5): Chronicle of the reign of Maharaja Ranjit Singh, 1831–1839. Delhi.

Vigne G. T. 1840: A Personal Narrative of a Visit to Ghuzni, Kabul, and Afghanistan, and of a Residence at the Court of Dost Mohamed with notices of Runjit Sing, Khiva, and the Russian expedition. With illus. from drawings made by the author on the spot. London.

SIKH ROYAL HUNTING INSTITUTION AND ITS FUNCTIONS IN THE SIKH STATE OF RANJIT SINGH

K. A. Demichev

The article deals with Sikh royal hunting institution and its functions in the Sikh state of Maharaja Ranjit Singh. It presents the analysis of royal hunting pioneering days with particular emphasis on its types and structural elements. It highlights royal hunting functions that went far beyond hunting sphere and helped to foster the power of Ranjit Singh.

Key words: Punjab, Sikhs, Ranjit Singh

© 2013

С. С. Фильчиков

ПУТЬ ДОБЛЕСТИ: ИНДЕЙЦЫ В АРМИИ США

Статья посвящена вопросу о коренных американцах (индейцах), служивших в армии США на протяжении XIX и XX веков. Индейцы стали служить в американских войсках с первых годов становления США как государства. Но эта страница истории как самих индейцев, так и США, в российской литературе почти не освещена.

Ключевые слова: индейцы, навахо, армия США, Первая и Вторая Мировые войны

Фильчиков Сергей Сергеевич — аспирант кафедры культурологии Русской христианской гуманитарной Академии. E-mail: sx198@rambler.ru

Армия практически почти любого государства многонациональна. Это относится и к армии США. В армии США присутствуют не только белые люди разных наций — голландцы, англичане, французы, немцы и т.д. Также это афроамериканцы и латиноамериканцы. О присутствии этих наций можно судить не только по армейским статистическим данным, но и по литературе и кино.

Но есть еще одна нация, присутствие которой в американской армии в XX веке стало привычным и постоянным, — это индейцы, коренные жители американского континента. Несмотря на столетия войн с европейцами, постоянный обман и нарушение договоров, а также истребление и поселение на голодных землях в резервациях¹, индейцы нашли в себе силы стать частью США.

Индейцы начали служить в армии США, начиная с периода Гражданской войны, вливаясь в американскую армию в качестве скаутов-разведчиков. Эли Паркер (1828–1895), индеец из племени Сенека, ставший к концу войны полковником, — самый известный из индейских ветеранов Гражданской войны². Но первые боевые соединения, сформированные из индейцев, появились лишь в 1862 году. Это были небольшие мобильные отряды скаутов, многие из которых прекратили свое существование в 1865–1866 годах³. Наиболее известна из этого ряда военная часть, сформированная в 1864 году⁴. Называлась она «Батальон пауни» и состояла из воинов этого племени. Боевая доблесть этого батальона и его эффективность получила широкую известность в США. Армии на тот момент были нужны хорошие следопыты для ведения боевых действий с враждебными по отношению к США индейцами. Первый набор составлял 75 воинов, но в дальнейшем это количество было увеличено до 200 человек. Среди пауни был первый индеец, награжденный Почетной медалью за боевые заслуги — сержант Ко-Рукс-Ти-Чод-Иш (Безумный Медведь), заслуживший ее в бою 8 июля 1869 года⁵. Генерал Джордж Крук «... с восхищением относился к скаутам пауни, но больше не имел фондов для оплаты их услуг»⁶. В мае 1877 года «Батальон пауни» был расформирован.

Еще с 1866 года отряды индейских скаутов в составе армии США получили официальный статус. Последний такой отряд был упразднен лишь в 1947 году, когда на церемонии в форте Уачука, штат Аризона, скаутов отправили в почетную отставку⁷.

Индейцы приняли участие и в последующем испано-американском конфликте, в основном служа в кавалерийском полку, набранном лично Теодором Рузвельтом (будущим президентом). К примеру, индеец пауни Уильям Поллок был полковым знаменосцем⁸.

С начала Первой Мировой войны в 1914 году США присматривались к ходу боевых действий, но сами стали в них участвовать лишь с 1917 года. Многие индейцы пошли добровольно служить в армии и воевать на фронтах Европы, сами

¹ Яковлев 1989, 26–29.

² EVA, 49.

³ Native Americans in the Civil War.

⁴ Стукалин 2009, 79.

⁵ ENAWW, 203.

⁶ Стукалин 2009, 90.

⁷ 20th Century Warriors.

⁸ Encyclopedia of the veteran in America 2009, 49.

при этом, даже не являясь гражданами США. За весь период войны в армии отслужило около 12 тысяч индейцев⁹, а по другим данным — около 16 тысяч¹⁰, что на тот момент составляло около 25% всего мужского населения индейских племен¹¹. Например, группа индейцев-команчей служила на Западном фронте в качестве разведчиков и гонцов¹². Но вскоре армейское командование, заинтересованное в том, чтобы их сообщения не могли понять немцы, стало использовать индейцев в качестве шифровальщиков. Первое известное использование индейцев как связистов произошло во время битвы на Сомме в 30-м пехотном подразделении, где было около 40 индейцев-ирокезов¹³. В 142 полку 6-й пехотной дивизии США, начиная с 26 октября 1918 года, в качестве связистов использовали индейцев чоктавов¹⁴. Пятеро индейцев Ассинибойнов служило связистами в 163-м пехотном подразделении¹⁵. Несмотря на работу связистами, количество жертв среди индейцев превышало в 5 раз аналогичный показатель среди белых солдат американской армии¹⁶. Некоторые из индейцев, принимавших участие в войне, позже были признаны национальными героями — сержант Альфред Бэйли, капрал Николас Браун, Джозеф Оклахомби и др.¹⁷

Но лишь год спустя после окончания Первой Мировой войны, в 1919 году, Конгресс США признал важность вклада индейских солдат в ход войны¹⁸, да и то лишь как простых участников. Был издан закон, согласно которому все ветераны войны смогли получить американское гражданство (гражданство всем индейцам было дано в 1924 году по закону Снайдера). Но использование индейцев в качестве шифровальщиков держалось в тайне. Подобный способ шифрования использовался США и во Второй Мировой войне, только там главную роль сыграли индейцы навахо и команчи. Секрет был раскрыт лишь в 1968 году, когда американское командование официально признало важную роль индейцев навахо в качестве шифровальщиков в военных операциях на Тихом океане¹⁹. Что же касается команчей, то их вклад не был официально признан до 1989 года, когда правительство Франции вручило оставшимся из них в живых ордена за помощь в освобождении Франции от фашистской оккупации. Последний из связистов-команчей этой войны, Чарльз Чибити, умер в 2005 году²⁰.

Участие индейцев во Второй Мировой войне уже было настолько обширно, что позже стало частью американской культуры и фольклора. Около 44 тысяч индейцев (при индейском населении США на тот период в 350 тысяч человек) прошли военную службу за эти 5 лет. Еще около 50 тысяч молодых индейцев пошли работать на военные заводы. Есть интересная история среди индейцев племени «черноногих» (часто приписываемая и другим племенам), когда в момент призы-

⁹ 20th Century Warriors.

¹⁰ Sonneborn 2007, 248.

¹¹ Meadows 2002, 7.

¹² Rollings 2005, 91.

¹³ EVA, 51.

¹⁴ Gilbert 2008, 9.

¹⁵ EVA, 51.

¹⁶ EVA, 41.

¹⁷ Sonneborn 2007, 248.

¹⁸ Rollings 2005, 92.

¹⁹ Rollings 2005, 94.

²⁰ Gilbert 2008, 60.

ва в армию и набора новобранцев толпы желающих воевать стали кричать, чтобы бросали жребий для борьбы — кто в поединке побеждал, тот и шел на фронт²¹.

Но при этом со стороны белых американцев к индейцам существовало презрение и непонимание, что вызывало много разочарований. Еще во время Первой Мировой войны как среди самих американцев, так и среди европейцев (особенно немцев, противников США) усиленно массировалось представление о жестокости индейцев²². А после войны многие годы американские СМИ писали о той же жестокости индейцев и повальном среди них алкоголизме, на фоне которого они якобы совершают злодеяния²³. Многие из американского командования считали, что индейцы не надежны, а использование их в качестве связистов и шифровальщик может быть даже опасно²⁴. Везде сказывались годы бедности, неграмотности и плохого здоровья среди индейцев, как и бюрократическое пренебрежение белых американцев, хотя процент вербовки в армию достигал во многих племенах 70%, не смотря на низкий вес и туберкулез²⁵. Как пишет Томас Морган, один «индеец чиппева был разъярен, когда его не взяли в армию по причине отсутствия зубов. «Я не хочу их кусать, — говорил он. — Дайте мне лишь стрелять в них!» Другой индеец, отстраненный, так как был толстым, чтобы бегать, сказал, что он приехал не для того, чтобы бежать, а чтобы сражаться»²⁶.

Существовавшая в армии «дедовщина» особенно ярко проявлялась по отношению к индейцам — их заставляли выполнять самую грязную и неприятную работу²⁷, хотя прямой расовой дискриминации, по мнению тех же авторов, не существовало²⁸. Также, в отличие от афроамериканцев, которые чаще всего служили и воевали в отдельных подразделениях, для индейцев таких подразделений не создавали, но намеренно распределяли их среди белых солдат²⁹. Это было обусловлено политикой правительства США по отношению к коренным американцам, начиная с 1897 года. И даже после окончания Второй Мировой войны индейцы подвергались дискриминации — многим не давали право голосовать (разрешили лишь с 1948 года), запрещали продавать и употреблять спиртные напитки (запрет сняли только после 1953 года) и т.п.³⁰

Первый бой во Второй Мировой войне для индейцев состоялся на Филиппинах при обороне Батаана и Коррехидора в 1941 году. Более 300 индейцев, включая апачей с потомком знаменитого вождя Джеронимо, приняли участие в бою³¹. Эдвард МакКлиш, индеец чоктав из Оклахомы, служивший на Филиппинах и раненый в начале боевых действий с японскими войсками, избежал плена и начал организовывать партизанское движение. Он сумел собрать более трех полков, и в результате действия партизан за три года японцы потеряли только убитыми

²¹ Morgan 1995, 22–23.

²² EVA, 40.

²³ EVA, 51.

²⁴ Meadows 2002, 41–42.

²⁵ Gilbert 2008, 13.

²⁶ Morgan 1995, 23.

²⁷ Gilbert 2008, 16.

²⁸ Gilbert 2008, 28.

²⁹ Meadows 2002, 8.

³⁰ Meadows 2002, 175–176.

³¹ Morgan 1995, 25.

около 4000 солдат. Позже партизанские отряды МакКлиша присоединились к наступающей американской армии³². За проявленный героизм МакКлиш был произведен в полковники.

Многих индейцев привлекали к десантно-диверсионной работе, ведь, в конце концов, их предки это и придумали. Они лучше переносили жажду и голод, имели более острое восприятие и превосходную выносливость. Индейцы были лучшими в рукопашном и штыковом бою, разведке, патрулировании и снайперской стрельбе. Один из воинов сиу-дакота, Кеннет Скайсон, стал лучшим снайпером-убийцей немецких солдат среди американских командос³³.

Индеец сиу, Вудро Вильсон Кибли, был отличным стрелком, состоявшим в 164-м пехотном полку. В бою за Гуадалканал он получил Пурпурное сердце, проявив особую храбрость — индейцы называют это *wowaditaka* (вовадитака) — «быть смелее того, кто страшит тебя»³⁴. Уже позже, в 1951 году, в звании сержанта, Кибли продолжил службу в Корее. В 2008 году посмертно он был награжден медалью Почета.

Наиболее известны индейцы как радисты. Радисты из команчей высаживались 6 июня 1944 года в Нормандии³⁵ и обеспечивали связь. Для этого была набрана небольшая группа индейцев из племени команчей в 17 человек. Команчи стали использовать для передачи сообщений свой родной язык, который немцы не были в состоянии понять³⁶. Около 17 индейских языков³⁷ использовались армией США для передачи данных — ассинибойны, шайенны, дакота, кайова, лакота и т.д. В 302-м разведотряде с 1942 по 1945 года использовались связисты-шифровальщики из индейцев Сиу (Лакота) — обращаясь по радио, они называли друг друга «таханси» (кузены)³⁸. Другой пример: в результате наступления на «линию Зигфрида» (европейский фронт) небольшая группа американских войск оказалась среди большого количества немецких войск, будучи при этом незамеченной. В случае раскрытия их положения группе грозило уничтожения. Чтобы сообщить командованию и вызвать подкрепление, воспользовались индейцем из племени Команчи, которого звали Элгин Красный Лось. Используя свой язык и шифровальный код команчей, он сообщил о ситуации, что дало возможность обойти немецких шифровальщиков. Подкрепление пришло вовремя, группа была спасена³⁹.

Но особенно отличились навахо, о которых известно и написано больше всего и язык которых немецкие и японские шифровальщики расшифровать совершенно не могли. Идею использовать язык навахо предложил Филипп Джонсон, сын миссионера, живший среди навахо. Язык отличался необычайной сложностью, и, что самое важное, он не имел письменности⁴⁰. Трудность заключалась в отсутствии необходимых слов в языке навахо, которые приходилось придумывать⁴¹. Впервые

³² Guerilla Leader in World War II.

³³ Morgan 1995, 25.

³⁴ First Sioux to Receive Medal of Honor.

³⁵ Meadows 2002, XI.

³⁶ Rollings 2005, 94.

³⁷ EVA, 50.

³⁸ Meadows 2002, 70.

³⁹ Meadows 2002, 129–130.

⁴⁰ Indians in the War.

⁴¹ Morgan 1995, 25.

радисты-навахо использовались в конце 1942 года на Гуадалканале. Позже были Окинава и Иводзима. Майор Коннор, офицер-сигнальщик 5-й дивизии морской пехоты на Иводземе, говорил, что если бы не навахо, то американцы никогда бы не взяли Иводзиму. У него в подчинении было 6 радистов-навахо, которые в первые два дня сражения работали круглосуточно, отправив и получив более 800 сообщений без единой ошибки⁴². Индейцы были и среди тех, кто водружал флаг победы над Иводзимой⁴³.

Капрал Кельвин Флиинг, индеец сиу, 29 и 30 ноября 1944 года в течение 48 часов (без сна, пищи и посторонней поддержки) под непрерывным вражеским огнем проверял линии связи и поддерживал их в рабочем состоянии⁴⁴, находясь на европейском фронте. Лерой Хэмлин, индеец юта, был в составе небольшого отряда, и этот отряд оказался первым, который встретился с русскими войсками на Эльбе весной 1945 года. А другой индеец юта, Харви Найчис, был первым американским солдатом, который попал в центр Берлина. В книге «Индейцы на войне» (выпуск 1945 года) приведены списки индейцев, получивших награды за героические подвиги на войне, а также неполные списки погибших⁴⁵.

Для индейцев Вторая Мировая война стала знаковым моментом ухода от прошлого, переломным моментом в их истории. Многие из воевавших индейцев впервые могли себе позволить нормальное проживание, получить образование, в том числе и университетское⁴⁶. Война дала многим из них стабильную работу, деньги и статус. Военная экономика и военная служба выдернули множество индейцев из своих резерваций в мир белого человека⁴⁷.

В 1950-х годах индейцы, в том числе и ветераны Второй Мировой войны, пошли воевать в Корею, где их отслужило за весь период войны около 29 700 человек⁴⁸, а во Вьетнаме их воевало более 42 тысяч, при том, что 90% из них были добровольцами⁴⁹. Среди военнообязанных белых во Вьетнаме отслужил каждый 12-й. Среди индейцев — каждый 4-й. Но именно здесь, кроме неуволимого и хитрого врага, индейцам противостоял и другой враг — расизм. Цинизм, насмешки, издевательства и наказания за малейшую провинность. Многие из них так и не смогли понять, за что они воевали. Профессор Аризонского университета Том Холм пишет: «Мне часто доводилось слышать, как вьетнамцы называли индейских солдат братьями. То, что приходилось совершать налеты на мирные деревни, захватывать жителей, сажать за колючую проволоку, сгонять с родных мест... слишком напоминало индейцам их собственную горькую историю». Злодеяния против вьетнамцев вызывали отвращение у индейских солдат, которые часто отождествляли себя с ними. Постепенно многие индейцы начинали понимать, что сражались не на той стороне⁵⁰.

⁴² Неизвестная Вторая Мировая: радисты-навахо.

⁴³ EVA, 52.

⁴⁴ Indians in the War.

⁴⁵ Indians in the War.

⁴⁶ Meadows 2002, 176–177.

⁴⁷ Morgan 1995, 25–26.

⁴⁸ EVA, 44.

⁴⁹ 20th Century Warriors.

⁵⁰ «Сильные телом, раненные духом...».

Начиная с Вьетнамской войны, и особенно после Иракских войн, многие индейцы все более и более задумываются о своем участии в войнах США. Эти войны непопулярны среди индейских племен, даже таких воинственных, как сиу. Желая участвовать в войнах становится все меньше, возникает двойственное отношение и даже отвращение⁵¹. Некоторые из ветеранов после этой войны нашли для себя выход в политической деятельности Движения Американских индейцев (ДАИ). Уделом же многих стал алкоголизм и наркотики. Корейская и вьетнамская войны стали своеобразным катализатором для возникновения к 60–70 годам XX века борьбы индейцев за свои права внутри самих США⁵².

В период войн в Персидском заливе, где участвовало около 3000 индейцев⁵³, многие из них проводили явные параллели конфликта с Ираком со своей собственной историей, в результате чего многие индейские солдаты относились с симпатией к противнику⁵⁴. Возвращающиеся домой ветераны критиковали войну.

Отдельно надо сказать несколько слов об участии индейских женщин в войнах. Об их вкладе известно очень мало. Во время Первой Мировой войны 14 индейцев служили медсестрами на фронтах Франции. Во время Второй Мировой войны уже более 800 индейцев служило в американской армии, и это не считая медсестер. Эльва (Тапедо) Уолл из индейцев кайова служила в армейском корпусе на авиационной базе. Ола Милдред Рексрут из оглала-сиу служила в ВВС США. Перл Росс, индейка из арикара, также служила в ВВС, но в качестве врача-специалиста. Как доброволец она прошла и Вьетнам. Дарлин Йеллоуклуд служила в частях в Корее. Этот перечень можно продолжать. С каждым 10-летием количество женщин-индейцев в американской армии увеличивалось. На 1994 год в американских войсках несло службу 1509 индейцев⁵⁵.

В США на данный момент проживает около 190 тысяч индейцев-ветеранов. По числу военнотружущих индейцы далеко обгоняют все национальные меньшинства США, хотя индейцы мало чем отличаются от других людей, выбравших для себя карьеру военного. За этим феноменом стоят особые культурные ценности, одна из которых — воинская традиция. С одной стороны, это желание вступить в бой с врагом. Один майор американской армии сказал в 1912 году: «Что делает индейца таким великолепным солдатом? Горячее желание воевать!»⁵⁶ Сильное чувство внутренней духовной силы — неотъемлемая часть индейского национального характера. Раньше индейцы проводили свою жизнь на природе, часто в удаленных и оторванных от остального известного им мира местах, воспитывая в себе созерцательность и особый (можно сказать, философский) образ мышления. Но теперь возможность воспитать в себе эту внутреннюю духовную силу у них есть лишь в армии и на войне, хотя традиционные верования индейцев учат, что война противоестественна и подрывает основы общества⁵⁷.

С другой стороны, это целый комплекс, объединяющий такие понятия, как Сила, Честь, Верность и т.п. Для индейцев быть воином — значит превосходить

⁵¹ EVA, 37.

⁵² EVA, 44.

⁵³ ENAWW, 204.

⁵⁴ EVA, 56.

⁵⁵ Native American Women Veterans.

⁵⁶ 20th Century Warriors.

⁵⁷ EVA, 37.

врага во всем: физически, духовно, интеллектуально. Воину необходимо встретить смерть лицом к лицу и одолеть врага. Один старейшина из племени виннебаго сказал: «Мы ценим наших ветеранов не только за то, что они проявили отвагу и мужество — они видели на поле боя Смерть, и только они знают истинную цену Жизни»⁵⁸.

Принимая участие в войнах, индейцы таким способом получали уважение соплеменников⁵⁹. При отправлении на службу или возвращении домой воинам оказывают почести в семьях и на общественных церемониях. Многие семьи, ожидая возвращения домой воинов (еще с 1919 года), организовывали празднества по принципу старых военных танцев победы. Были написаны новые песни, введена традиция несения флага США. Произошло частичное переосмысливание военных традиций и представлений в племенах⁶⁰. Многие ветераны Второй Мировой войны, возвращаясь домой, везли с собой трофеи — нацистские флаги и плакаты. Бросая их на землю, они совершали танец победы над ними⁶¹. «Мой народ уважает воинов. Когда я уходил на войну, мои родственники устроили праздник и благодарили каждого, кто молился за мое счастливое возвращение. Мы плясали, и я помню, что когда мы закружились вокруг барабана, чувство гордости наполнило меня. Мне было хорошо, так как мои близкие, народ кайова, говорили, что одобряют меня», — говорил индеец племени кайова, ветеран Вьетнама⁶². Война издавна была неотъемлемой частью индейской культуры.

Служба в армии дает индейцу возможность выполнить святой долг предков — сражаться за родную землю. Индейцы рассматривают своих воинов как людей, сделавших свой личный и тяжелый выбор — отдать себя в жертву для блага племени⁶³. Они с готовностью отдают свои жизни за счастье соплеменников и жизнь индейской культуры, так как смерть — ничто, а душа воина будет жить вечно. Поэтому индейцы не боятся смерти — она для них скорее способ отдать долг перед своим народом и перед своими предками, за то, чтобы их культура продолжала жить дальше. Это стало важно, так как молодежь племени потеряла смысл существования, ведь земля, хоть и осталась родной, но теперь в руках европейских поселенцев. Теперь через службу в армии молодые воины получили цель жизни — стать воинами и заслужить уважение в племени. Индеец чероки, ветеран Вьетнама, писал: «Когда я вернулся домой, мои дядя пришли ко мне, раскурили трубку и начали расспрашивать, что я видел на войне. Один из них участвовал во Второй Мировой и знал, что такое война. Мы беседовали долго — о том, что пережили, что приходилось убивать и видеть смерть, о том, как легко оборвать человеческую жизнь. И затем дядя сказал, что божьи законы — против войн. Раньше они никогда не говорили со мной о таких вещах»⁶⁴.

Индейцы по своим наклонностям, особенностям культуры и в свете сложившейся исторической ситуации призваны воевать. Это их особое, отличительное качество. Но это не какая-то уникальность — подобные случаи в истории нам

⁵⁸ 20th Century Warriors.

⁵⁹ Rollings 2005, 101.

⁶⁰ Meadows 2002, 33.

⁶¹ Meadows 2002, 174.

⁶² 20th Century Warriors.

⁶³ Encyclopedia of the veteran in America 2009, 47–48.

⁶⁴ 20th Century Warriors.

известны: спартанцы, римляне, германцы и многие другие народы в определенные этапы развития их истории. Мы можем лишь сказать, что участие индейцев в войнах XX века обусловлено сложным комплексом причин⁶⁵ — традиционными культурными побуждениями (культура войны), культурным влиянием европейцев, экономическими факторами и исконным патриотизмом (защита родной земли, которой сейчас стали США). Здесь вопрос в другом: имеет ли значение для индейцев где, за кого и как воевать? Исходя из всего выше сказанного, можем сказать, что да, хотя и не для всех индейцев. Для индейцев воевать — значит защищать свой народ и свою землю.

ЛИТЕРАТУРА

- «Сильные телом, раненные духом...». Индейцы во Вьетнаме. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.mezoamerica.ru/indians/north/warriors_xx02.html.
- Неизвестная Вторая Мировая: радисты-навахо. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.mezoamerica.ru/indians/north/warriors_xx04.html.
- Стукалин Ю. В. 2009: На просторах прерий. Трубка мира и топор войны (Другая история). М.
- Яковлев Н. Н. 1989: Война и мир по-американски: традиции милитаризма в США. М. 20th Century Warriors: Native American Participation in the United States Military. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.history.navy.mil/faqs/faq61-1.htm>.
- Colonel Edward E. McClish. Guerilla Leader in World War II. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.history.army.mil/html/topics/natam/mcclish.html>.
- First Sioux to Receive Medal of Honor. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.army.mil/article/7566/first-sioux-to-receive-medal-of-honor>.
- Gilbert E. 2008: Native American code talker in World War I. Oxford.
- Indians in the War. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.history.navy.mil/library/online/indians.htm>.
- Meadows W. C. 2002: The Comanche code talkers of World War II. Austin; University of Texas.
- Morgan T. D. 1995: Native Americans in World War. Washington.
- Native American Women Veterans. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.womensmemorial.org/Education/NAHM.html>.
- Rollings W. H. 2005: The Comanche. Philadelphia.
- Sonneborn L. 2007: Chronology of American Indian history. New York.
- Native Americans in the Civil War. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.history.army.mil/html/topics/natam/natam-civwar.html#1>.

THE PATH OF VALOR OF RED INDIANS IN THE US ARMY

S. S. Filchikov

The article deals with Native Americans (Indians) who served in the US army in the 19th — 20th centuries. Indians began to serve in the US army since the pioneering days of the US state. But this chapter of both red Indians and US history gets little, if any, coverage in Russian literature.

Key words: Indians, Navajo, US army, World War I, World War II

⁶⁵ Meadows 2002, 86.

ИСТОРИЯ РОССИИ

© 2013

Г. Н. Гарустович

КАТОЛИЧЕСКАЯ ПРОПАГАНДА В ВОЛГО-УРАЛЬСКОМ РЕГИОНЕ В ЭПОХУ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

В статье рассматривается малоизученная проблема взаимодействия западноевропейской и мусульманской цивилизаций в регионе Урало-Поволжья в эпоху средневековья (в XI–XIII веках). Католическая церковь прилагает в это время значительные усилия в поисках путей сюда с целью закрепиться в регионе, для последующего проведения миссионерской деятельности, т.е. христианской пропаганды среди башкир и булгар.

Ключевые слова: христианская пропаганда, католическая церковь, Волжская Булгария, Великая Венгрия (Башкирия), доминиканцы, мусульмане, башкиры, папа римский

По сем приходиша немцы, и ти хвалять закон свой
Никоновская летопись

В статье мы хотим обратить внимание на забытый эпизод из истории Башкортостана, происходивший в XI — начале XIV века. На протяжении этого времени, видимо, даже не желая того, жители Южного Урала становятся объектом хитро-сплетений большой международной политики на востоке Европы. Посланники папской курии, монахи-латиняне в названный период вели упорную многолетнюю пропаганду христианской религии, в том числе непосредственно на территории Башкортостана.

Миссионерскую деятельность западных клириков на Южном Урале никак нельзя считать частным явлением в деятельности какой-то малой группы импульсивных правителей. Объективно говоря, мы здесь сталкиваемся с реализацией целого направления в папской политике на Востоке. Поэтому мы выделяем три этапа в пропагандистской деятельности католиков в нашем регионе, но в данной работе остановимся на рассмотрении содержания первого этапа — времени поиска возможностей проникновения в Урало-Поволжье, попыток налаживания связей с местными жителями и с их политическим руководством.

Гарустович Геннадий Николаевич — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела археологических исследований Института истории, языка и литературы Уфимского научного центра Российской Академии наук. E-mail: garustovich03@mail.ru

I этап пропаганды (подготовительный) приходится на XI — начало XIII века. Это было время поиска путей в Предуралье, и его можно назвать периодом сложения предпосылок католической пропаганды в регионе.

Католики стремились на восток еще задолго до появления монголов в Восточной Европе. Первоначально, видимо, задача «несения слова божьего» в Волго-Уральском регионе не считалась первостепенной. Главное для западных христиан было узнать дорогу в эту область и под любым предлогом попытаться закрепиться здесь. В 1008–1009 гг. в письме германскому императору Генриху II архиепископ Бруно написал: *«И дела божии нужно возвещать и разъяснять... Именно по вашим внушениям я сделался епископом, и... распространяю евангелие Христово между языческими народами. Вот уже целый год прошел, как мы, после долгого, но бесплодного пребывания в Венгрии (в Паннонии — Г.Г.), оставили эту страну и направились к печенегам — самым злым язычникам. Русский государь (князь Владимир — Г.Г.)... удерживал меня у себя целый месяц и противился моему предприятию, стараясь убедить меня — не ходить к этому дикому народу, среди которого невозможно отыскать ищущих спасения... Но он не мог отклонить меня от моего намерения»*¹. Бруно не называет своих спутников, но он был не один. В степи проповедники пробыли пять месяцев, *«объехали три части их страны; до четвертой же не могли дойти, ...Обративши к христианской вере... около 30 душ. Поставивши во епископы одного из монахов наших, мы отправили его... в глубь печенежской земли»*². Спрашивается, какое отношение данная цитата может иметь к нашему региону? Мы не знаем, куда направился «епископ печенегов», поставленный Бруно. Но в «Летописи» болгарского эмира Гази-Бараджа (окончена в 1246 г.) написано о том, что после 1006 года, *«баджанаки (печенеги — Г.Г.)... вынуждено приняли христианство франгского толка из рук Борына»* (т.е. епископа Бруно — Г.Г.). Сын князя Булымера (Владимира — Г.Г.) — Яучы (Святополк? — Г.Г.) «опирался на них в своей борьбе за уруссский престол, и после поражения ушел с ними в Маджарское государство (т.е. в Венгрию; на самом деле — в Польшу — Г.Г.)». *«А Борын прислал своего проповедника и в Булгар, в желании склонить булгар к нечестивой вере фарангов (франков — Г.Г.)»*³.

Епископ Бруно покинул Русь в 1009 г. (об этом он лично писал в своем «Письме»), в борьбе за власть на Руси он участия не принимал. Но можно предполагать, что монахи появились у волжских булгар не случайно. Видимо, это «епископ печенегов» назван в «Тарихы» «нечестивым проповедником Аутун», появившийся в г. Биляре, *«который нашел деньги на строительство караван-сарая «Бухар Йорты» и устройство балика для христиан «Бата-Балик», за что он получил разрешение на возведение деревянной церкви для христиан Буляра. Ее стали называть «Бура-Кала», «и в ней Аутун говорил, что грянет время принятия великим восточным народом христианства и наказания всех грешников по всему миру... Аутун... остался в Буляре служить своей церкви, которая сильно пострадала... в 1183 году»*⁴. Видимо, эта католическая церковь обслуживала главным образом волжских купцов-христиан в Биляре, но о попытках ведения западноевропейски-

¹ Кочин 1936, 74–77.

² Кочин 1936, 77.

³ Бахши Иман 1993, 105–106.

⁴ Бахши Иман 1993, 106.

ми монахами пропаганды христианства на Средней Волге здесь также говорится совершенно определенно.

Обращаем внимание на то, что церковь «Бура-Кала» просуществовала как минимум до конца XII века, то есть более 150 лет. Следовательно, на протяжении этого времени была преемственность священнослужителей для этой церкви, а также паствы. О том, что в Болгаре и Биляре домонгольского времени были улицы заселенные христианами («Саклан урамы» — «Восточноевропейская улица», и др.), мы можем прочитать в «Тарихы» Гази-Бараджа⁵. Правда, скорее всего здесь речь идет о православных христианах. В Патриаршей летописи под 1229 годом говорится об убийстве в Волжской Булгарии христианина Авраамия (*«бысть же сей иногo языка на русскаго, но христиан сый»*). *«Христьяне же вземше тело его и положиша во гроб на месте, идеже и прочих христиан погребяху в земли Болгарьстей»*⁶. Еще ранее Гази-Барадж рассказывает, что при набеге русских войск на Ошель, болгары среди взятых ими пленных *«обнаружили балынского (г. Балын — Суздаль — Г.Г.) попа Абархама, которого Чельбир (булгарский правитель — Г.Г.) тут же освободил. Но он пожил еще несколько лет в Державе (Волжской Булгарии — Г.Г.) и послужил священником христиан Болгара»*⁷. Следовательно, христианская община в Булгарском государстве была достаточно представительной, и они здесь имели свои особые кладбища и храмы.

Описанный выше эпизод христианской пропаганды на Средней Волге следует считать единичным для своего времени. Хотя... Необходимо вспомнить еще одну историю из XII века, которая, как нам представляется, может иметь непосредственное отношение к нашей теме.

Об этой истории коротко написал эмир Гази-Барадж. *«Белебей был франгским (католическим) попом, попавшимся в плен во время набега наших (т.е. болгар — Г.Г.) на хана Чишму. Он все время твердил о том, что миру грозят невиданные бедствия с Востока, и слыл за блаженного. Кан (правитель болгар — Г.Г.), милостивый к таким людям, разрешил ему его чудачества — строить дома с башней, выходящей прямо из середины крыши... Многие простые люди по окраинам поддались его проповедям и стали возводить такие дома в своих аулах. Муллы пытались разрушать их, но в результате темный народ еще более поверил Белебею...»*⁸. Половецкий хан Чишма был сыном хана Боняка. Он часто совершал набеги на территорию Волжской Булгарии и в 1180 (или в 1181) году был убит во время карательного рейда болгар (Бахши Иман 1993, 132, 134–135). То, что в его становище был захвачен католический священник, позволяет говорить о том, что эмиссары Запада пытались проводить христианскую пропаганду в половецких кочевьях. В нашем регионе фанатичный монах также занимался религиозными пророчествами, не случайно именно муллы пытались с ними бороться. В Учели (Казань) скандинавские купцы постоянно останавливались в доме Белебея⁹. Далее мы узнаем, что Белебей несколько раз через этих купцов посылал петиции на Запад: *«Оказывается, одна из грамот Белебея дошла до Авари (Венгрии — Г.Г.)*

⁵ Бахши Иман 1993, 155, 169.

⁶ Бычков 1965, 98.

⁷ Бахши Иман 1993, 155.

⁸ Бахши Иман 1993, 148.

⁹ Бахши Иман 1993, 148, 150.

благодаря садумскому (скандинавскому — Г.Г.) купцу Кендеру»¹⁰. О чем писал монах Белебей в Европу, мы можем только гадать. Однако Гази-Барадж именно с этими посланиями связывал появление католических посланников на Южном Урале.

Так или иначе, но с начала XIII века интерес католиков к восточным землям и народам становится регулярным. Основываясь на записи венгерского священника Юлиана, С. А. Аннинский говорил, что в 1231–1232 гг. на восток двинулась миссия венгерских доминиканцев из четырех человек. В течение трехлетних странствий трое монахов умерли, и лишь четвертый, брат Отто, смог вернуться на родину. Причины, приведшие к организации путешествия, прозвучали так: монахи *«пожалели, что венгры (т.е. «восточные венгры»-башкиры — Г.Г.), от которых, как они знали, сами они произошли, все еще остаются в заблуждении неверия»*¹¹. Брат Отто «побывал, повидимому, где-то в киргизских (казахских — Г.Г.) степях близ Волги, получил некоторые сведения о восточных венграх и, хотя уже на девятый день по возвращении умер «сломленный многими трудами», но перед смертью успел рассказать о пути в «Великую Венгрию (Башкирию — Г.Г.)»¹².

Опасности пути не испугали фанатичных клириков, и по следам первой миссии («стремясь к обращению неверных») доминиканский орден отправляет еще одну, в 1235 году. Группу из четырех монахов возглавил брат Юлиан из Венгрии, а оплачивал путешествие наследник престола и будущий венгерский король Бела IV. Историки предполагают, что Юлиан ранее (в 1228 г.) входил в состав доминиканской миссии, направленной римским папой Григорием IX (1227–1241) проповедовать католическую религию среди кыпчаков¹³. На этот раз монахи проследовали через Адрианополь, Константинополь, Крым, пересекли Волгу. Голодая зимой, клирики даже попытались продать в рабство двоих братьев из своего числа, чтобы получить средства для дальнейшего путешествия. Однако, не сумев это сделать, Юлиан и Герард отправили этих двух монахов обратно в Венгрию. В мае 1236 г. в пути умирает брат Герард, но Юлиан все же добирается до Волжской Булгарии, а, затем и до Предуралья.

В 1236 году доминиканский священник Юлиан побывал на реке Итиль (на р. Белой), посетил «восточных венгров» (башкир), которые *«оставались в неверии, как и доньше остаются язычниками»*¹⁴. Эта встреча произошла не на территории Волжской Булгарии, как предполагают некоторые исследователи¹⁵, а именно в Предуралье, на коренных землях «восточных венгров». Юлиан писал: *«Они — язычники, не имеют никакого понятия о божестве, но не почитают и идолов, а живут как звери. Земли не возделывают, едят мясо конское, волчье и тому подобное; пьют лошадиное молоко и кровь»*¹⁶.

Жителей Великой Венгрии (Башкирии) и население Волжской Булгарии Юлиан относит к язычникам (также как и его предшественник — брат Отто — Г.Г.),

¹⁰ Башки Иман 1993, 173.

¹¹ Аннинский 1940, 77.

¹² Аннинский 1940, 72.

¹³ Гатин, Абзалов, Юрченко 2008, 236.

¹⁴ Аннинский 1940, 77.

¹⁵ Эрдели 1998, 13.

¹⁶ Аннинский 1940, 81.

хотя их соседей — «страну Вела» (южная часть Волжской Булгарии — Г.Г.) называет «страной сарацинов», то есть мусульман¹⁷. Как это обычно было принято у католических проповедников, он старательно преувеличивал стремление населения Волго-Уральского региона попасть в «лоно святого престола». Даже о булгарах Юлиан писал: *«В том царстве говорят в народе, что вскоре они должны стать христианами и подчиниться римской церкви, но дня, как говорят, они не знают, а слышали так от своих мудрецов»*¹⁸. При этом у него проскользнула мысль о том, что *«если языческие царства и русская земля... услышат, что тех призывают к вере католической, будут недовольны»*¹⁹.

Несмотря на то, что жители Предуралья *«старательно спрашивали о короле и королевстве братьев своих христиан (т.е. Венгрии — Г.Г.), и все, что только он хотел изложить им, и о вере и о прочем, они весьма внимательно слушали»*²⁰, свою пропагандистскую миссию Юлиан выполнить не смог. Ему для этого просто не хватило времени и сил, поскольку нужно было возвращаться домой, да и опасение готовившегося нашествия татар торопили путешественника. Зимой 1237 года Юлиан вернулся из Волго-Уральского региона, его доклад заслушали и венгерский король, и папа, а текст доклада был записан братом Рихардом²¹.

Для воссоздания реальной исторической канвы событий очень важна имеющаяся у нас возможность сравнивать сообщения обеих сторон, участвующих в переговорах. В «Тарихы» болгарского эмира Гази-Бараджа говорится: *«Перед нападением (монголов в 1236 г. — Г.Г.) ко мне приехал Юлай — посол верховного главы христиан Франгистана «Баба» (римского папы — Г.Г.). Оказывается, одна из грамот Белебея дошла до Аварии (Венгрии — Г.Г.) благодаря садумскому купцу Кендеру, и моджарские папазы по приказу «Баба» отправилась в Державу (Волжскую Булгарию — Г.Г.) сразу же после набега Субятая, для подтверждения слухов о христианстве татар. Бадри помог им добраться от Сакланских (Кавказских) гор в Банджу (у Юлиана — г. Бунда=«Муромский городок» в Самарской обл. — Г.Г.)... Оттуда их вывез в Буляр сеид Гали... Алтынбек (правитель Булгарии) не хотел пропускать Юлая ко мне, но... он смог добраться до Уфы. Говорил я с Юлаем по-альмански (по-немецки) и на языке моей матери — байгульской сэбэрячки (по-башкирски), и он неплохо понимал меня, ибо был моджаром... А у меня была печать великого хана, и я отправил с Юлаем грамоту беку Аварии (королю Венгрии — Г.Г.) с призывом мирно подчиниться мэнхолу... А Иштяка (башкирского бия, дядю Гази-Бараджа — Г.Г.) настолько взволновал рассказ Юлая о жизни моджар, что он стал подумывать о переселении туда»*²².

Как видим, Юлиан, несмотря на все трудности и неудачи христианской пропаганды, сумел успешно разведать пути на Южный Урал. Потом ситуация в Восточной Европе кардинально меняется. Племена Предуралья подверглись монгольскому завоеванию, а значит, во многом перестали быть хозяевами своей судьбы. Венгерский священник еще летом 1236 года обратил внимание на сложность по-

¹⁷ Аннинский 1940, 80–81.

¹⁸ Аннинский 1940, 81.

¹⁹ Аннинский 1940, 82.

²⁰ Аннинский 1940, 81.

²¹ Аннинский 1940, 73–74.

²² Бахши Иман 1993, 166.

литической ситуации в Башкортостане в связи ожиданием нашествия монголов. *«Татарский народ живет по соседству с ними (т.е. с башкирами — Г.Г.)... В этой стране венгров сказанный брат нашел татар и посла татарского вождя, который знал венгерский, русский, куманский, тевтонский, сарацинский и татарский [языки] и сказал, что татарское войско, находившееся тогда там же по соседству, в пяти дневках оттуда, хочет идти против Алемании»*²³. Историки как-то обходят вниманием эту цитату очевидца событий. А ведь Юлиан явно лично общался с этим загадочным послем. Откуда среди монголов, пришедших с востока, появился такой знаток множества языков? Едва ли он был среднеазиатским купцом, поскольку знал не только восточные (арабский, тюркский, монгольский), но различные европейские (славянский, угорский, германский) языки. Теперь мы можем совершенно определенно ответить на этот вопрос.

Булгарский эмир Гази-Барадж, сын Азана, внук Арбата, талантливый автор «Летописи», получил приставку к имени в память о своей матери, происходившей из башкирского рода барадж²⁴. Естественно, он говорил по-булгарски и по-башкирски. О том, что Гази-Барадж владел несколькими иностранными языками, мы знаем из его собственных слов в «Тарихы»: *«Я читал эти поэмы (т.е. поэзию Низами Гянджеви — Г.Г.), ибо знал фарси. А кроме хорасанского языка я, конечно же, знал арабский и наш булгарский тюрки. Отец еще в детстве научил меня наречию ульчийцев (т.е. русских — Г.Г.), а один садумский (скандинавский — Г.Г.) торговец, лечившийся у старшего брата Гали, ... — альманскому (немецкому — Г.Г.). А языки давались мне легко, и я испытывал даже необходимость в их изучении. В заключении (т.е. в плену на Руси — Г.Г.) я прочитал немало урусских книг»*²⁵. Гази-Бараджа в начале XIII в. согнали с престола Волжской Булгарии, и он ушел к монголам. Вот какого непростого человека встретил Юлиан в Башкортостане в ранге монгольского посла!

Весной 1237 г. в Великую Венгрию через Русь было отправлено еще одно посольство. Мы знаем о нем из «Письма», подготовленного Юлианом для папского легата и епископа Перуджи. В нем кратко говорится о неудачной католической миссии. *«Пока я вновь находился при римском дворе, [на пути] в Великую Венгрию меня опередили четверо братьев моих. Когда они проходили через землю суздальскую, им на границах этого царства встретились некие бежавшие перед лицом татар венгры-язычники, которые охотно приняли бы веру католическую, лишь бы добраться до христианской Венгрии. Услышав об этом, вышеуказанный князь суздальский вознегодовал и, отозвав вышеуказанных братьев, запретил им проповедовать римский закон упомянутым венграм, а вследствие того изгнал вышеуказанных братьев из своей земли, однако без неприятностей. Те, не желая воротиться повернули к городу Рецессуэ (Рязань? — Г.Г.), ища пути, чтобы пройти в Великую Венгрию, либо к мордуканам, либо к самим татарам. Оставив там двоих братьев из своего числа и наняв переводчиков, они в день апостолов Петра и Павла, недавно прошедший(?), пришли ко второму князю мордуканов, который, выступив в тот же день, когда они пришли, со всем народом... подчинился татарам. В дальнейшем что случилось с этими двумя братьями: умерли*

²³ Аннинский 1940, 81.

²⁴ Бахши Иман 1993, 150, 173.

²⁵ Бахши Иман 1993, 166.

ли они или были отведены к татарам сказанным князем, совершенно неизвестно. Двое остальных братьев, удивляясь промедлению тех, в день [святого] Михаила недавно отпразднованный(?), послали некоего переводчика, желая удостовериться о их жизни, но мордуканы напав убили его»²⁶.

Со времени русского князя Владимира, который в начале XI века сам провозжал епископа Бруно до границ Руси, многое изменилось. Между восточной и западной церквями произошло полное размежевание. В XIII в. католические прелаты не без основания рассматривались на православном Востоке как агенты Рима и как недоброжелатели. Да и сами они вели себя не очень дипломатично. Поэтому резкое отношение к ним русского князя (который «запретил им проповедовать римский закон... и изгнал... братьев из своей земли») нас уже не удивляет. Из данной цитаты становится понятным, что забота о душах восточных родственников-венгров было для католических клириков не более чем поводом. Если не было возможности «нести слово божье» им, то для проповеди подходили и другие народы, мордва или татары.

Некоторые подробности об этом загадочном посольстве добавляет Гази-Барадж: «Бадри, между тем, встретил в Рази-Субе (близ границ с Русью — Г.Г.) новое посольство «Баба» (римского папы — Г.Г.). Одного посла, по его просьбе, Аблас-Хин пустил в Банджу (город на юге Волжской Булгарии — Г.Г.), но Боян перехватил его и казнил. Двое других послов, пробивающихся ко мне с ответом «Баба», добрались до Нур-Сувара (г. Сувар — Г.Г.). Я держал их при себе...»²⁷. Бадри и Аблас-Хин были доверенными лицами Гази-Бараджа, а Боян — это болгарский бек Бургаса. Позднее Боян вместе с Джику (сыном Гази-Бараджа) возглавлял восстание болгар против татар. Сколько времени послы пробыли у Гази-Бараджа (фактически — в монгольском плену), неизвестно. Но в одном месте своей «Тарихы» (под 1241 г., в ходе похода татар в Венгерское королевство) болгарский эмир (и слуга монголов) упомянул об отправке домой (т.е. в Волжскую Булгарию) одного из «послов «Баба»²⁸. Был ли это последний участник рассматриваемого нами посольства либо какой-то другой европейский посланник, установить уже невозможно.

О том, что монахи были, по сути, лазутчиками, прямо говорится в послании (от 10 апреля 1242 г.) вацкого епископа в Венгрии своему парижскому коллеге: «Я полагаю, ими (т.е. татарами — Г.Г.) были убиты проповедники и братья-минориты и прочие послы, которых отправил для разведывания король Венгрии (Бела IV — Г.Г.)»²⁹. Современные авторы и у нас, и в Европе также не сомневаются в том, что эти путешествия неизменно имели разведывательные задачи³⁰.

Отметим, что защитнику интересов монголов — Гази-Бараджу — католические послы нужны были для доставки в Европу писем, с требованием не оказывать сопротивление и добровольно подчиниться завоевателям. Слова о стремлении монголов на запад произвели подобающий эффект в европейском обществе. В «Хронике» Albert Tri um Fontium под 1237 годом говорится: «Распространи-

²⁶ Аннинский 1940, 89.

²⁷ Бахши Иман 1993, 176.

²⁸ Бахши Иман 1993, 186.

²⁹ Гатин, Абзалов, Юрченко 2008, 303–304.

³⁰ Гекеньян 2001, 87; См. также: Пашуто 1977, 211.

лись слухи, что татары намереваются захватить Команию и Венгрию, поэтому четыре проповедника путешествовали в течение ста дней и дошли до Старой Венгрии (Башкортостана — Г.Г.) и, вернувшись, они утверждали, что татары уже вторглись в Старую Венгрию и подчинили ее своему господству»³¹. Под 1238 годом Матвей Парижский записал: «С северных гор устремилось некое племя человеческое, чудовищное и бесчеловечное, и заняло обширные и плодородные земли Востока, опустошило Великую Венгрию (Башкирию — Г.Г.) и с грозными посольствами разослало устрашающие послания»³².

Уже в начале 1237 года европейцы знали о кровавом завоевании монголами территорий Волжской Булгарии и Башкортостана, но это их не остановило. Успешное путешествие Юлиана и доброжелательное отношение к нему населения Предуралья не остались незамеченными церковными властями. И осенью 1237 году он был вновь отправлен на Южный Урал («в силу вмененного мне послушания»), по короткому пути (т.е. через территорию Руси). Но в это время монголы «хана» Бату двинулись на завоевание стран на западе. Территория Волжской Булгарии лежала в развалинах, уже в пределах Владимиро-Суздальского княжества Юлиан встретил беженцев с Волги и Урала («русские, венгры и болгары, бежавшие перед ними (т.е. перед монголами)»). Понятно, что в то тревожное время, когда доминиканцы выехали на восток, перед ними были поставлены не только религиозные задачи, но и политические. Нужно было как можно больше узнать о татарах, об их планах и военных возможностях.

В свое второе «восточное» путешествие Юлиан отправился «с братьями, данными мне в спутники», он дошел до восточных пределов Владимиро-Суздальского княжества. Информация «о том, что все те, что называются венгры-язычники, и болгары и множество царств совершенно разгромлено татарами» полностью подтвердилась³³. Юлиан засвидетельствовал, что монголо-татары, «обратившись к западу, в течение одного года... завладели пятью величайшими языческими царствами: Сасцией (Саксином — Г.Г.), Фулгарией (Булгарией — Г.Г.)... Кроме того, они напали на Ведин (видимо, на чувашей, которых татары называют «веда»³⁴ — Г.Г.), Меровию (марийцев — Г.Г.), Пойдовию (? — Г.Г.), царство морданов (мордвы — Г.Г.)»³⁵. Доминиканцы «видя, что страна вся занята татарами, ...и успеха дела не предвидится, возвратились в Венгрию»³⁶. Вернувшись весной 1238 года в Европу, Юлиан пишет отчет о путешествии, в котором приводит доступную ему информацию о монголах, четырех их армиях, ждущих, когда замерзнут реки и готовых двинуться на Русь, Венгрию, «на завоевание Рима и дальнейшего». Суздальский князь передал Юлиану письмо монголов к королю венгерскому, взятое у задержанных русскими послов («самых послов даже я видел со спутниками, мне данными»). В письме монгольский хан призывал короля Венгрии добровольно покориться, и выдать «рабов моих куманов». Ибо «куманам ведь легче бежать, чем тебе, так как они, кочуя без домов в шатрах, может

³¹ Шастина 1957, 231, 139.

³² Гатин, Абзалов, Юрченко 2008, 290.

³³ Аннинский 1940, 83.

³⁴ Закиев 2010, 105.

³⁵ Аннинский 1940, 85.

³⁶ Аннинский 1940, 89–90.

быть, и в состоянии убеждать; ты же, живя в домах, имеешь замки и города: как тебе избежать руки моей?»³⁷. Видимо об этих «татарских послах» говорил вацкий епископ в Венгрии: «Выслали они вперед нескольких лазутчиков в Руссию; из них двое были схвачены и отправлены к государю королю Венгрии (Беле IV — Г.Г.), и были они у меня под стражей»³⁸.

Поскольку брат Юлиан был очевидцем описываемых им событий, к его сообщениям в Западной Европе отнеслись со всей серьезностью, и даже явные преувеличения (например, о питье крови и поедании волчьего мяса) были приняты за истину. И эти литературные штампы пошли гулять по Европе, поскольку они полностью соответствовали представлениям католиков «о дикости татар». Легенда о причинах монгольского нашествия также оказалась востребованной. Например, ее пересказывал в своей хронике Фома Сплитский³⁹. К свидетельствам монахов обращались Матвей Парижский, Альберих фон-Труа-Фонтен, Плано Карпини, Вильгельм Рубрук, папа Иннокентий IV (1243–1254) и другие.

Брат Юлиан — личность, несомненно, незаурядная, он, по меткому замечанию венгерского исследователя L. Bendeffy, прошел территорию, примерно равную Австралии. «Стремление автора к непредвзятым оценкам очевидно... Юлиан — первый западный автор, сообщивший о притязаниях монголов на мировое господство»⁴⁰.

Когда мы говорим о неудачах европейской дипломатии в Восточной Европе по основным вопросам (они не сумели превратить в католиков русских, половцев, болгар и башкир), нужно иметь в виду и побочный эффект их политики. Все же, упорство латинян было вознаграждено в отдельных аспектах. В конце XIII и в начале XIV веков они добились у завоевателей разрешения на проведение католической пропаганды на землях Золотой Орды, улуса Чагатай и на территории империи Юань. И эта деятельность составила содержание II этапа католической миссии на Востоке.

ЛИТЕРАТУРА

Аннинский С. А. 1940: Известия венгерских миссионеров XIII–XIV вв. о татарах и Восточной Европе // Исторический архив. III. М., 71–94.

Бахши Иман 1993: Гази-Барадж тарихы («Летопись Гази-Бараджа») // Бахши Иман. Джакфар тарихы («История Джакфара») / Р.Ш. Шарипов (глав. ред.). I. Оренбург, 7–186.

Бычков А. Ф. 1965: Никоновская летопись. М.

Гатин М. С., Абзалов Д. Ф., Юрченко А. Г. (сост., вступ. ст., комм.) 2008: Матвей Парижский. Большая хроника // Образование Золотой Орды. Улус Джучи Великой Монгольской империи (1207–1266). Источники по истории Золотой Орды: от выделения удела Джучи до начала правления первого суверенного хана. Казань, 289–310.

Гатин М. С., Абзалов Д. Ф., Юрченко А. Г. (сост., вступ. ст., комм.) 2008: Образование Золотой Орды. Улус Джучи Великой Монгольской империи (1207–1266). Источники по истории Золотой Орды: от выделения удела Джучи до начала правления первого суверенного хана. Казань.

Гатин М. С., Абзалов Д. Ф., Юрченко А. Г. (сост., вступ. ст., комм.) 2008: Фома Сплитский. История архиепископов Салоны и Сплита // Образование Золотой Орды. Улус Джучи

³⁷ Аннинский 1940, 86, 88–89.

³⁸ Шастина 1957, 303.

³⁹ Гатин, Абзалов, Юрченко 2008, 383–384.

⁴⁰ Гекеньян 2001, 88–89.

чи Великой Монгольской империи (1207–1266). Источники по истории Золотой Орды: от выделения удела Джучи до начала правления первого суверенного хана. Казань, 375–390.

Гекенъян Х. 2001: Западные сообщения по истории Золотой Орды и Поволжья 1223–1556 // Источниковедение истории Улуса Джучи (Золотой Орды). От Калки до Астрахани. 1223–1556 / М. А. Усманов (отв. ред.). Казань, 82–110.

Закиев М. З. 2010: Проблемы оценки исторической роли Золотой Орды // Проблемы востоковедения. 1 (47), 99–110.

Кочин Г. Е. 1936: Письмо архиепископа Бруно к германскому императору Генриху II // Памятники истории Киевского государства IX–XII вв. Л., 74–77.

Паицто В. Т. 1977: Монгольский поход в глубь Европы // Татаро-монголы в Азии и Европе / С. Л. Тихвинский (ред.). М., 210–227.

Шастина Н. П. (ред.) 1957: Гильом де Рубрук. Путешествие в восточные страны // Путешествия в восточные страны Плано Карпини и Рубрука М., 84–194, 222–245.

Эрдели И. 1998: Волжские болгары и венгры // Finno-Ugrica. 1(2), 13–14.

CATHOLIC CHURCH PROPAGANDA IN THE MEDIEVAL VOLGA-URAL REGION

G. N. Garustovich

The article raises a little-studied issue of the interaction between West European and Muslim civilizations in the medieval Ural-Povolzhye region (11th — 13th centuries). Catholic Church put much effort to find ways and means of infiltrating into the region to carry out missionary work, i.e. Christian propaganda, among Bashkirs and Bulgars.

Key words: Christian propaganda, Catholic Church, the Volga Bulgaria, Magna Hungaria (Bashkiria), Dominicans, Muslims, Bashkirs, the Pope

© 2013

О. Ю. Стародубова

ШВЕДЫ НА ГОРНО-МЕТАЛЛУРГИЧЕСКИХ ЗАВОДАХ УРАЛА: К ПРОБЛЕМЕ ИСТОЧНИКОВОЙ БАЗЫ

С XVIII века в Россию эмигрируют иностранные специалисты, среди которых видную роль играли шведские предприниматели и инженеры. В изучении роли шведов в становлении металлургического производства на Урале важную роль играет ряд документов из центральных и региональных архивов. Он позволяет выявить причины, побудившие шведов участвовать в модернизации уральских заводов, оценить эффективность их деятельности, особенности управления и пребывания в исследуемом регионе.

Ключевые слова: Россия, Швеция, Урал, металлургические заводы

Стародубова Олеся Юрьевна — кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России Магнитогорского государственного университета. E-mail: olesenka1981@mail.ru

Эффективность развития горно-металлургической промышленности зависит от определенных факторов. Одним из таких выступает наличие профессиональных кадров, благодаря которым достигается результативность производства. С XVIII века в Россию эмигрируют иностранные специалисты, среди которых видную роль играли шведские предприниматели и инженеры.

Русско-шведские отношения имеют давнюю историю. Важнейшим периодом взаимодействия стала переориентация Петром I внешней политики России на балтийское направление. Подписание Фридрихсгамского мирного договора способствовало установлению в том числе и экономических связей со Швецией. В 1724 г. Петр I повелел собрать команду из 16 русских учеников и под руководством В. Н. Татищева отправил их в Швецию для изучения организации и функционирования горнозаводских предприятий. Так в XVIII в., в частности благодаря шведскому опыту, в стране образуется целая сеть железоделательных и горных производств. На Урале функционировали Невьянский, Алапаевский, Уктусский, Каменский, Белорецкий, Тирлянский заводы.

В XVIII в. управление заводами осуществляла Берг-коллегия и подчиненные её горные правления. В 1775 г. после утверждения «Учреждения о губерниях» данный центральный орган управления был закрыт и местное управление казенными горными заводами и надзор за частными был передан в ведение горным экспедициям казенных палат. Внушительный массив документов по вопросам организации и функционирования горного и металлургического производств отложился в Российском государственном архиве древних актов (РГАДА). Фонд Берг-конторы (Ф. 271) содержит ведомости о количестве казенных и частных медеплавильных и железоделательных заводов, находящихся в её ведении¹, отчетную документацию по кадровому составу, списки десятинных и оброчных выплат с уральских заводчиков² и др. Поскольку в течении рассматриваемого периода административно-территориальное деление страны претерпевало изменения, то документы по деятельности Екатеринбургской заводской конторы, приказы, промемории, рапорты, доношения главного правления заводских контор, книги выдачи денег и провианта мастеровым людям содержатся в фонде Канцелярии главного правления Сибирских и Казанских заводов (Ф. 298)³.

В ноябре 1796 г. правительство возобновило деятельность Берг-коллегии. С её восстановлением надзор за деятельностью казенных и частных уральских заводов был возложен на канцелярию Главного правления заводов в Екатеринбурге, при которой в 1802 г. было образовано горное начальство. Если рассматривать процедуру управления, то в начале XIX в. в горном ведомстве установилась мелочная опека коллегии над местными горными начальствами, что обеспечило рост бумажного делопроизводства⁴. В 1804 г. Министерство финансов составило «Историческое описание горных дел в России», которое предоставляло аналитические сведения о состоянии заводов. Среди недостатков были отмечены ветхость заводских строений и прудов, наличие неэффективной техники, недостаток ква-

¹ РГАДА. Ф. 271. Оп. 2. Д. 102.

² РГАДА. Ф. 271. Оп. 2. Д. 360. ЛЛ. 1–231.

³ РГАДА. Ф. 298. Оп. 1. Д. 75.

⁴ Ерошкин 2008, 423.

лифицированных специалистов, низкая выработка⁵. В целом был отмечен упадок горной промышленности. В силу этого властью было решено подготовить так называемую горную реформу. Осуществление данного мероприятия стало возможным в 1806 г. Реформа касалась вопросов организации управления, где взаимоотношения горных правлений с владельцами частных заводов заключалось в установлении производительности частных заводов, выдаче разрешений на постройку новых заводов, надзоре за выполнением «Горного положения»⁶.

В 1830 году Горное правление было переведено в Екатеринбург. С 1833 г. председателем горного правления был назначен главный начальник горных заводов Уральского хребта. В 1834 г. горное ведомство получило военное устройство; были милитаризованы местные горные учреждения, в которых должностными лицами являлись генералы и другие чины военизированного Корпуса горных инженеров. На заводах и рудниках были размещены воинские горные и соляные команды.

Военизация горного ведомства могла до известных пределов сдерживать проявление недовольства горнозаводских рабочих, но она не могла повысить производительности горных заводов⁷. Еще одной причиной кризиса стало низкое качество производимой продукции, сказывалось неумение русских мастеровых эффективно очищать от различных примесей железную руду, в результате чего правительство было заинтересовано в компетентных кадрах, способных решить стоящую перед российской промышленностью проблему. Такие специалисты нашлись в Швеции. Следует отметить, что во второй половине XIX в. данная страна переживала промышленный подъем. Причиной этого служило введение новых форм организации заводов, свободная торговля железом и использование уникальных по тем временам способов производства железа и чугуна (кричный, бессемеровский, мартеновский). Но бурное развитие промышленности имело и негативные моменты: Швеция была не в состоянии поглотить переизбыток рабочей силы. Так, безработица коснулась рабочих горнодобывающего района Бергслеген, которые были вынуждены искать применение своих знаний за границей. В Швеции началась массовая эмиграция. До 1930 г. Швецию покинуло около 1,2 млн. человек⁸.

В середине XIX в. население Швеции насчитывало 3,5 млн. жителей. Преобладающим сектором экономики в стране было сельское хозяйство. В 60-х годах XIX в. русский историк В. И. Гурье в своей работе «О сословиях в Швеции» так проанализировал сложившуюся в стране ситуацию: «В настоящее время в Швеции... только 73 города, так что приходится по одному городу на 40 кв. миль. Народонаселение этих городов весьма малочисленно. В двадцати четырех городах число жителей не достигает и одной тысячи. В двадцати двух городах менее двух тысяч жителей. И в целой Швеции только 4 города, в стенах которых живут более 10 000 человек. Число жителей всех городов, взятых вместе, простирается только до 250 000, и в это число включены, кроме того, чиновники, духовные лица и дворяне, проживающие в городах. С этой скудностью городского населения сто-

⁵ Высочайшие утвержденные доклады и другие сведения о новом образовании горного начальства и управления горных заводов. 1807, 172–173.

⁶ Ерошкин 2008, 424.

⁷ Ерошкин 2008, 425.

⁸ Мелин 2002, 263.

ит в связи и бедность городов»⁹. Вероятнее, это и стало причиной эмиграции, повлекшей отток около 1 млн. шведов. Центром стали США, но в зависимости от специализации шведы выбирали и иные районы. Во второй половине XIX в. интересы нуждавшихся в работе шведских специалистов и русских заводчиков совпали. В 1878 г. немецкие владельцы Белорецкого и Тирлянского металлургических заводов командировали в Швецию (провинция Вермланд, Деренгрос) своего управляющего, инженера, шведа по национальности А. Э. Гассельблата. Целью поездки было приобретение чертежей новых горнов доменных печей и поиск специалистов, способных организовать по ним металлургическое производство¹⁰. В итоге на Тирлянский завод было привезено около 100 мастеровых¹¹.

Заинтересованные в шведских специалистах правительство и заводчики предоставляли им хорошие условия для работы. На территории заводского поселка им выделялось бесплатное благоустроенное жилье, провиант и предоставлялся ежегодный отпуск на родину. Размер жалования составлял от 2000 до 25 000 рублей в зависимости от квалификации, объемов производства, прибыли¹². Для эффективного развития металлургического производства было налажено промышленное сотрудничество между двумя странами. Помимо передачи опыта, прибывшие на Урал шведы овладели новыми для себя специальностями, например, прокатчик стального листа.

Следует отметить, что согласно архивным данным, первые шведские специалисты появились в Российской Империи в 1765 г. По разрешению Берг-коллегии барон Борегард привез их в страну¹³. Сферой деятельности иностранцев было по преимуществу сельское хозяйство. Правительством было решено образовать колонии-поселения, управление которыми осуществляла, созданная при Сенате 22 июля 1763 г. на правах коллегии, Канцелярия опекунов иностранных (РГАДА Ф. 283). В компетенцию данного органа входил вызов иностранных специалистов, устройство их на местах поселения, организация труда, обеспечение порядка и законности. Для вызова и устройства иностранцев правительство ежегодно выделяло 200 000 рублей. С 1797 г. делами иностранцев занималась созданная при Сенате Экспедиция государственного хозяйства, опекунов иностранных и сельского домоводства¹⁴.

В XIX в. контроль за иностранными специалистами, прибывшими в Россию, взяло на себя созданное 26 декабря 1837 г. Министерство государственных имуществ. Проблемами колонистов занимались 1 и 4 отделения¹⁵. Данное учреждение выпускало свой журнал, в котором нашла отражение информация о применении опыта иностранцев, в том числе и шведов, их достижения в сельском хозяйстве и промышленности.

Документы, свидетельствующие об интересе шведов к России, в настоящий момент находятся в Российском государственном архиве древних актов (РГАДА) и Российском государственном историческом архиве (РГИА). Немало сведений

⁹ Гурье 1862, 757.

¹⁰ Новичкова 2012, 252.

¹¹ Тирлян — чисто российские истории 2012, www.tirlyan.magnitogorsk.org/index13.php.

¹² Шильникова 2009, 25–40.

¹³ РГАДА. Ф. 283. Оп. 1. Д. 56. Л. 1–3.

¹⁴ РГАДА. Ф. 1467. Оп. 1. Д. 119.

¹⁵ Шафранов 1904, 105–106.

о деятельности шведских предпринимателей и инженеров, внесших вклад в развитие металлургической промышленности в России, содержатся в РГИА. Среди документов Горного департамента (Ф. 37) и Штаб-корпуса горных инженеров Министерства финансов (Ф. 44) содержатся донесения о шведской горнодобывающей и металлургической промышленности, дела о командировании русских горных инженеров в Швецию и их отзывы о ней. Интерес к развитию данной отрасли подкрепляется целым корпусом документов, хранящихся в фондах Министерства торговли и промышленности (Ф. 23), Министерства финансов (Ф. 560), Комитета министров (Ф. 1263), которые содержат материалы о деятельности шведских компаний в России, прошения шведов о выдаче ссуд на устройство фабрик и разрешения на деятельность шведских торгово-промышленных обществ и компаний. При изучении становления горной промышленности особую ценность представляют разрешения шведским подданным разрабатывать горные промыслы в России¹⁶. Шведский опыт всегда пользовался интересом русской стороны, поэтому данные фонды содержат донесения русских консулов о состоянии шведской промышленности в XIX — начале XX вв., документы об участии шведов в Политехнической выставке в Москве 1872 г.

Помимо документов центральных архивов, информацию о шведских специалистах, условиях их пребывания содержат материалы Государственного архива Свердловской области (ГАСО). Фонды Уральского горного управления (Ф. 24), Канцелярии Главного начальника Уральских заводов (Ф. 43), а также фонды уральских казенных и частных заводов предоставляют материалы по вопросам управления, кадрам и организации производства.

В развитии уральских заводов немаловажную роль играли компетентные управленческие кадры. Примером грамотного руководства металлургическим производством служит деятельность Акселя Эмильевича Гассельблата (ок. 1847–1901 гг.). Под его руководством была осуществлена модернизация металлургического производства Кагинского и Узянского чугуноплавильных заводов. С 1888 г. он проектировал и консультировал строительство нового чугуноплавильного Зигазинского завода¹⁷.

Важным для раскрытия темы представляется использование статистической документации рассматриваемого периода: количества прибывших на уральские заводы шведов, число вернувшихся обратно, размеры жалованья и прочих выплат. Но при её выявлении возникает ряд трудностей, связанных с организацией предоставления такого рода данных в Центральный статистический комитет при Министерстве внутренних дел.

Во второй половине XIX в. статистические комитеты существовали во всех губерниях Российской Империи. Сведения о движении населения, заводах и фабриках должны были сообщаться ежегодно. Для получения сведений о заводах полиция выборочно раздавала владельцам специальные бланки. Сообщавшиеся предпринимателями сведения не подвергались проверке. Поэтому точность такого рода данных является сомнительной¹⁸. Автор настоящей статьи столкнулся с проблемой их отсутствия.

¹⁶ Берсенов 1998, 95–96.

¹⁷ Гассельблат 2003, 9–17.

¹⁸ Никитин 1940, 71–72.

Информативным источником, рассказывающим о быте и деятельности шведских специалистов, является устная история. Данный исторический источник позволяет сохранить свидетельства непосредственных участников исторических событий, «маленьких людей», которые в официальных источниках фигурируют только в качестве статистических единиц, а чаще всего оказываются забытыми. Устная история обеспечивает трансляцию систем ценностей и культурно-семантического кода от поколения к поколению. Благодаря устной истории прошлое предстает через мировоззрение рядовых участников исторического процесса¹⁹. Ценным для раскрытия темы является интервьюирование, проведенное аспиранткой исторического факультета Магнитогорского государственного университета К. А. Новичковой потомков шведских специалистов, прибывших в XIX в. на Тирлянский завод. Данный источник позволил выявить личности мастеровых, проследить их биографию, процессы ассимиляции и культурного взаимодействия.

Таким образом, при изучении вопросов деятельности шведов по развитию и совершенствованию металлургического производства на Урале во внимание исследователей попадает целый пласт архивной документации центральных и региональных архивов. Использование данных материалов позволяет выявить причины, побудившие шведов участвовать в модернизации уральских заводов, оценить эффективность их деятельности, особенности управления и пребывания в исследуемом регионе.

ЛИТЕРАТУРА

Берсенева В. 1998: Материалы по истории русско-шведских отношений в Российском государственном историческом архиве // Шведы на берегах Невы /А. В. Кабак (ред.). Стокгольм, 93–98.

Гассельблат Г. В. 2003: Аксель Эмильевич Гассельблат — организатор модернизации южно-уральских заводов в родственном окружении (фрагмент 500-летней истории рода Гассельблат) // Сплетались времена, сплетались нравы. 25, 9–17.

Гурье В. И. 1862: О сословиях в Швеции // Русский Вестник. 4, 755–806.

Ерошкин Н. П. 2008: История государственных учреждений дореволюционной России. М.

Васильев А. И. (ред.) 1807: Высочайшие утвержденные доклады и другие сведения о новом образовании горного начальства и управления горных заводов. СПб.

Мелин Я. 2002: История Швеции. М.

Макарова Н. Н., Чернова Н. В. (ред.) 2008: Методические рекомендации по архивной практике. Магнитогорск.

Никитин С. А. 1940: Источниковедение истории СССР. XIX в. М.

Новичкова К. А. 2012: История появления шведских переселенцев в поселке Тирлянский в последней четверти XIX в. // Наука и образование в развитии промышленной, социальной и экономической сфер регионов России. IV Всероссийские научные Зворыкинские чтения / Н. В. Чайковская (ред.) Муром, 252–255.

¹⁹ Макарова, Чернова 2008, 5.

SWEDES AT URAL METALLURGICAL ENTERPRISES: RESEARCH SOURCE ISSUES

O. Yu. Starodubova

The 18th century witnessed foreign specialists' immigration to Russia, with Swedish entrepreneurs and engineers playing a prominent role. Documents from central and regional archives are essential for the study of the Swedes role in developing metallurgical industry in the Urals, which make it possible to identify the reasons for their participation in updating Ural plants, to assess their performance, peculiarities of their management techniques and their sojourn in the region under study.

Key words: Russia, Sweden, the Urals, metallurgical plants

© 2013

Н. Н. Макарова

ШВЕДСКИЕ ВОЕННОПЛЕННЫЕ НА УРАЛЕ В ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XVIII ВЕКА

В статье рассматриваются проблемы русско-шведских взаимоотношений в первой четверти XVIII в. Северная война привела к пленению значительного числа шведов (каролингов), что в свою очередь потребовало решать проблемы переселения пленных в восточные регионы России, их размещения, материального обеспечения и т.д. Автор рассматривает особенности определения численности пленных шведов, влияние на их повседневную жизнь российского и шведского законодательств. Он отмечает отсутствие жестокости по отношению к шведам и влияние отдаленности уральского региона от центральных городов России.

Ключевые слова: Россия, Швеция, Урал, Северная война, каролинги, плен

В последние годы произошли кардинальные изменения в международных отношениях. Существенно выросли масштаб и многообразие культурных связей. Деловые и туристические поездки за границу стали нормой для многих граждан России. Все большее число студентов из России отправляется на учебу за границу. Вместе с тем растет осознание того, насколько недостаточны наши знания даже о ближайших соседях по «европейскому дому», об их культурной самобытности, о системе ценностей, наконец, об их повседневной жизни. У Швеции и России много общего в исторических судьбах. Процессы возникновения русского и шведского государств шли в тесном взаимодействии. Взаимовлияния происходили по целому ряду направлений.

Взаимоотношения России и Швеции в новое время прошли в своем развитии ряд этапов. Первый этап охватывает вторую половину XVII века. В этот период

Макарова Надежда Николаевна — кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России Магнитогорского государственного университета. E-mail: makarovanadia@mail.ru

Россия была практически полностью отрезана от океана и находилась в состоянии полувражды со Швецией. Важную страницу в истории взаимоотношений России и Швеции представляет Северная война 1700–1721 гг., которую в шведской историографии именуют Великой Северной войной. Эта война стала для Швеции началом конца эпохи великодержавия, а для России — точкой отсчета для перехода к имперскому этапу развития. Несомненно, что период 1700–1721 гг. представляет собой второй этап в развитии русско-шведских отношений. Третий период — 1721–1809 гг. — время нестабильности в русско-шведских отношениях, когда с одной стороны проявлялась враждебность, с другой — стремление к миру и добрососедству. Изменился статус обеих держав. Россия стала империей, а Швеция потеряла статус таковой. За эти годы Россия и Швеция пережили три войны (1741–1743 гг., 1788–1790 гг., 1808–1809 гг.). В результате последней Россия приобрела Финляндию. Следующий этап — краткий, но крайне важный в истории стран (1809–1815 гг.). В эти годы враждебность сменилась отношениями союзничества. Александр Первый неоднократно напоминал своим дипломатам о невмешательстве в дела Швеции. Пятый период (1815–1905 гг.) характеризовался стабильностью во взаимоотношениях двух стран. Хотя некоторые осложнения в них и были. Так, до 1834 г. Швеция придерживалась союза с Россией, а затем заняла позицию нейтралитета. Некоторое ухудшение во взаимоотношениях произошло во время Крымской войны, когда Швеция под давлением европейских партнеров подписала договор о военном союзе против России. Наконец, последний этап охватывает время с 1905 по 1917 гг. В эти годы взаимоотношения государств были стабильными, хотя некоторая часть правящих кругов Швеции ориентировалась на Германию.

Русско-шведские отношения, несомненно, являлись предметом пристального изучения на протяжении многих десятилетий. По «вопросу плена» исследований довольно много, однако большинство из них написано по материалам Сибири. Урал же остается вне рамок внимания исследователей. Несмотря на такое положение вещей, в исследованиях, посвященных Сибирскому региону, встречаются сведения и о пленных Урала. Одной из старейших работ по истории военнопленных стал труд И. Голикова «Деяние Петра Великого», изданный в конце XVIII столетия. В 1840–1841 гг. было опубликовано сочинение В. Бергмана «История Петра Великого», в котором автор дал оценку последствий пребывания пленников шведов в России и в частности в Сибири. Оценка В. Бергмана, сугубо положительная, акцентировала внимание на вкладе шведов в развитие хозяйства и культуры региона. Однако названные работы не ставили своей главной целью изучение жизни шведского населения в России. В отличие от них в работе Я.К. Грота¹ исследуется именно процесс прибытия шведов в Россию, а также пленение шведов под Полтавой и Переволочной, доставка шведов в Москву, их участие в триумфальном шествии, высылка пленников в восточные регионы страны и т.п. Важно также отметить, что автор впервые привлек для написания работы дневники пленников шведов. В 1890 г. И. Тыжнов опубликовал исследование, посвященное анализу иностранных известий о Сибири, где была приведена подробная биография Ф.И. Страленберга.

¹ Грот 1853, 145–178.

После 1917 г. разработка проблематики продолжалась. В научный оборот были введены новые источники, что способствовало появлению новых сюжетов в исследованиях ученых В. Шерстобаева, М. Алексеева, С. Копыловой, А. Андреева и др.² Появляется значительное число работ, посвященных положению военнопленных в России. Значительный вклад в развитии данной проблематики внес Ю. Гессен. Исследователю удалось успешно начать разработку проблемы положения военнопленных на территории России. Авторы уделяли внимание изучению биографий отдельных пленников, которые внесли значительный вклад в культуру и историю России. Так, исследователь М. Новлянская в 1966 г. опубликовала работу, посвященную Ф. Страленбергу. В последние годы интерес к русско-шведским отношениям усиливается. Так, в 1997 г. в Кирове состоялась международная конференция, посвященная русско-шведским отношениям³. Регулярно публикуется издание «Скандинавский сборник», в котором представлен широчайший перечень статей по проблемам взаимоотношений России и Швеции, а также развития этих стран.

Несомненно важным этапом развития русско-шведских отношений является вопрос миграции шведов в России. В течение XVIII века шведы пребывали в Россию по ряду причин, важнейшие из которых — приглашение российскими монархами шведских специалистов для строительства и эксплуатации металлургических заводов и пленение в ходе военных кампаний.

Учитывая, что в первой четверти XVIII века в России и на Урале, в частности, бурными темпами развивалась металлургия, то плененных каролингов⁴ преимущественно направляли на Урал. Конечно, кроме уральского региона пленные солдаты, офицеры, а вместе с ними женщины, дети и слуги «оседали» в различных регионах страны, но на Урале шведский контингент сыграл особую роль. Более того, миграция шведов на Урал продолжалась весь XVIII век, незначительные потоки наблюдались в XIX веке и даже в 20–30-е гг. XX века.

В данной статье мы попытаемся рассмотреть весь период пребывания шведских военнопленных на Урале в первой четверти XVIII века. Пребывание шведов на Урале условно можно разделить на ряд этапов. Первый — высылка шведских военнопленных из центральной полосы России. Второй — перевод части шведского населения в более восточные районы России, в частности в Западную Сибирь. Третий этап — время возвращения на Родину после подписания Ништадского мирного договора.

Процесс адаптации каролингов к инокультурной среде, а также к постоянно меняющимся условиям плена, выживание в чужой стране был крайне сложным и неоднозначным. Военнопленные вместе с семьями оказывались в суровом уральском крае не по своей воле, а в результате ссылки — одной из форм наказания, зафиксированной еще в Соборном Уложении 1649 г. Ссылные должны были использовать максимум возможностей, чтобы выжить. По мнению историка Г. Б. Шебалдиной, «только большая изобретательность и практичность могли обеспечить им более или менее достаточный прожиточный уровень»⁵. Отсутствие

² Шерстобаев 1956; Андреев 1965; Копылова 1978.

³ Низов 1997.

⁴ Каролинги — собирательное наименование воинов армии Карла XII.

⁵ Шебалдина 2003, 18.

в большинстве государств Европы законодательства в отношении военнопленных усугубляло положение и судьбы последних. Самым крупным источником пополнения контингента пленных в ходе Северной войны стали Полтавская битва 27 июня 1709 г. и пленение остатков разгромленной армии под Переволочной спустя несколько дней. Контингент военнопленных в ходе описанных выше битв оценивается историками в диапазоне от 15000⁶ до 18000⁷ человек. Шведские историки указывают еще более внушительные цифры от 20000 до 25000⁸ человек. Обращение к первоисточникам не делает картину более ясной. Так, «Журнал, или Поденная запись» сообщал в 1879 г., что всего в июне 1709 г. в плен попало 18476 человек⁹. Рапорты на имя царя Петра Великого гласят, что в плену оказалось 2977 человек под Полтавой, перед Переволочной — 16274 человека, что в сумме составляет 19251 человек¹⁰. Современный шведский историк П. Энгмунд оценивает число пленных в районе 20000 человек¹¹.

Пленные шведы были распылены в близлежащие города (в частности, весомая доля пленных была направлена в Киев) и уже оттуда часть пленных каролингов была направлена на Урал. Так, в мае 1710 г. в Уфу и Симбирск была направлена группа пленных в количестве 49 и 96 человек соответственно¹². В течение 1710 г. в Соликамск прибыло 100 человек шведов¹³. В 1711 г. началась массовая высылка пленных шведов в район уральских гор. В частности, 23 мая 1711 г. было предписано отправить в Соликамск 1000 человек, в Верхотурье — 600 человек, на железные заводы — 1500 человек, в Туринск — 1000 человек, Сургут — 100 и на заводы Никиты Демидова 500 человек¹⁴. Кроме Н. Демидова, специальное рапоружение о направлении пленных шведов на заводы получил тобольский воевода И.Ф. Бибииков. Из общего числа пленных на Урале 78,6% были офицерами, 18,2% — урядники, рядовые и хлопцы, 1,6% — пасторы, 1,3% — лекари, 0,3% — конюшие¹⁵. Известно, что вместе с военнопленными в уральские города прибыло «женского полу». Для содержания последних также было выдано местным воеводой «из остального солдатского хлебного запаса... для печения хлебов осемнадцать четвертей муки ржаной, ... пока шведов не отправят от Соли Камской в дорогу до Верхотурья»¹⁶.

В целом сведения о численности пленных шведов на Урале отрывочные. Показать целостную картину прибытия шведов на Урал и возвращения на Родину сложно. Осложняет изучение данного вопроса и тот факт, что пленные постоянно перемещались по территории России по разнообразным причинам. Кроме того, Урал оказался перевалочным пунктом на пути следования шведских военнопленных из центральной полосы России в Сибирь и обратно. Те шведы, которые

⁶ Ростунов 1987, 83.

⁷ Жуков 1968, 287.

⁸ Вейбуль 1997, 34.

⁹ Романов 1994, 236.

¹⁰ Андреев 1957, 262.

¹¹ Энгмунд 1995, 266.

¹² РГАДА. Ф.96. Оп. 2. Д. 36. Л. 3–8.

¹³ Берх 1821, 216.

¹⁴ РГАДА. Ф. 214. Оп. 5. Д. 2090. Л. 21–27.

¹⁵ РГАДА. Ф. 248. Оп. 4. Кн. 156. Лл. 366–366 об.

¹⁶ РГАДА. Ф. 248. Оп. 4. Кн. 1554. Л. 40; Чагин 1997, 203–203.

в уральских городах оставались на длительный период, имели веские причины. В частности, многие ввиду болезней просто не могли идти дальше в Сибирь, писали прошения на имя воеводы Соликамска И. И. Щербатова и даже самого Петра Великого с просьбой разрешить остаться здесь и не идти далее. У многих пленных были дети — таким семьям тоже разрешали оставаться в уральских городах. Широко известно также, что часть шведов не пожелала уезжать в Швецию, они остались на Урале, женились на местных женщинах, поступили на службу и т.д. В момент получения указа о возвращении шведов на Родину в конце 1721 г. в Соликамске проживало 186 человек.

Прибывавших на место ссылки пленных размещали особым образом. За проживанием шведов на Урале следил сибирский губернатор М.П. Гагарин. Он в апреле 1711 г. издал указание соликамскому воеводе И. И. Щербатову, «чтоб шведам, которые привезены будут с Вятки..., давать корму по две деньги на день и хлеба, только б их не поморить». Особенности размещения были обусловлены необходимостью создания безопасной обстановки, введением контроля за содержанием и деятельностью каролингов и, конечно, материальными возможностями конкретной местности. Так, в Соликамске пленные шведы в количестве 97 человек были расселены в пустовавшие дома местных солепромышленников (А. В. Ростовщикова, А. Бабушкина, Ф. Мячина), а также во двор «мирской»¹⁷.

Практически во всех мемуарах существенное внимание уделено неудовлетворительным социально-бытовым условиям (темные, грязные помещения, антисанитарные условия, большая скученность и т.п.), в которых приходилось жить шведам. Кроме того, денежного и натурального пособия, получаемого шведами из казны не хватало. Неслучайно поэтому многие шведы пытались улучшить условия своей жизни. Многие шведы вынуждены были заниматься ремеслом, торговлей, работать по найму. Так, секретарь королевской походной канцелярии Ефим Дитмер, высланный в Тобольск, благодаря знанию русского языка оказался приближен губернатором и стал посредником между властью и пленными шведами¹⁸. Некоторые шведы организовывали мастерские по изготовлению украшений из камня, меди, золота и т.п. Многих шведов привлекали к реконструкции или строительству храмов. Некоторым шведам из городской казны выдавали подъемные деньги для организации своего дела. Например, шведский военнопленный полковник Гаствер получил в 1717 г. 50 рублей¹⁹. Эта сумма по меркам XVIII века была довольно существенной.

Среди военнопленных шведов, поселившихся в Соликамске, имелись довольно образованные люди. В 1720 г. В.Н. Татищев купил у одного из шведов Библию на французском языке. Среди пленных оказались специалист в области горнорудного дела Юхан Берглин, представленный В.Н. Татищевым на должность начальника Егошихинского²⁰ медеплавильного завода, которым он руководил 15 лет (1723–1738 гг.)²¹. Двенадцать лет в ссылке в городе Тобольске пробыл капитан шведской армии Филипп Иоганн Табберт фон Страленберг. В Тобольск он при-

¹⁷ РГАДА. Ф. 214. Оп. 5. Д. 1538. Л. 141–142.

¹⁸ Шебалдина 2003, 73.

¹⁹ РГАДА. Ф. 214. Оп. 5. Д. 2336. Л. 22.

²⁰ В 1781 г. поселок Егошиха переименовали в город Пермь.

²¹ Чупин 1860, 52.

был через Соликамск. В будущем он станет известным историком. Еще в плену он проявил большой интерес к истории Урала и Сибири, общался с В. Н. Татищевым, Г. Новицким, С. У. Ремезовым. Швед принял участие в экспедиции Д. Г. Мессершмидта, организованной Петром Великим. В 1730 г. он опубликовал книгу «Северная и восточная части Европы и Азии»²².

Вопрос взаимоотношений пленных шведов с местным населением и властями традиционно изучался в исторической науке и России, и Швеции. Общий вывод обеих историографических школ касается эмоциональной стороны проблемы. В мемуарах военнопленных часто описываются ссоры с местными жителями, вызванные разным мировосприятием и религиозными аспектами. Сложности во взаимоотношениях местного населения со шведскими военнопленными вызывала и строгая охрана, которая в соответствии с правовой системой того времени была обязательной. Для местного населения охрана пленников была обременительной задачей, никто не хотел караулить шведов и терпеть постоянные унижения от своих подчиненных.

В целом статус военнопленного был связан с множественными ограничениями (свобода передвижения, свобода переписки и выбора занятий). Формально данные ограничения касались всех пленных на всей территории России, но на практике удаленность Урала от центра и долгие годы ссылки вносили определенные коррективы в режим ссылки. Со временем механизм охраны пленных был упрощен. Шведы получили значительную свободу в перемещении по территории города (поселения), в котором проживали, возросли возможности общения между пленниками. Йоахим Лют, проживший в Соликамске долгие годы, отметил в своем дневнике, что 2 ноября 1716 г. пленные были освобождены от охраны²³. Это в свою очередь дало каролингам возможность в течение всего лета работать в пригороде на местных крестьян. Несмотря на официальное запрещение вести переписку с родственниками, шведские военнопленные находили способы передавать родным сведения о себе. В основном это была пересылка записок с чужим письмом. Так, капитан Х. Споре из Тобольска в ноябре 1719 г. отправил записку невесте в одном конверте с письмом в Петербург Карлу Блофелю.

Вопросы вероисповедания для шведов были одними из наиболее важных. Большинство пленных каролингов продолжали исповедовать религию и соблюдать все религиозные традиции и обряды даже в плену. Петр Великий еще в 1702 г. провозгласил свободу вероисповедания иностранцами, поэтому местные власти терпимо относились к просьбам каролингов о присылке священников для проведения служб. В Тобольске в 1713 г. была открыта религиозная кафедра. Проповедники призывали приспособляться к условиям плена и выдержать все испытания. Но, с другой стороны, часть военнопленных приняла православие. Данные об этом содержатся в рапортах соликамского воеводы: «Карл Шедал воспринял благочестивую православную веру греческого вероисповедания и поженился российского народу на свободной девке и в нынешнем 1721 г. оной военнопленный с женою от Соли Камской взят в Сибирь на Уктусские заводы»²⁴.

²² Чагин 1997, 205.

²³ Шебалдина 2003, 78.

²⁴ РГАДА. Ф. 248. Оп. 4. Кн. 155. Л. 1058.

Важную роль в поддержании контактов между пленными шведами и шведским правительством с одной стороны и пленными шведами и русскими властями с другой имел фельд-комиссариат, учрежденный в Москве по приказу Карла XII. Именно данное учреждение осуществляло контроль за режимом содержания шведов в России и обеспечивало денежное финансирование офицеров, оказавшихся в плену. Законодательство Швеции XVIII в. предполагало материальную помощь пленным офицерам. Однако на практике материальное обеспечение шведских офицеров в России было минимальным и нерегулярным, что заставляло пленных искать дополнительные способы финансирования.

После подписания Ништадского мира в 1721 г. началась подготовка возвращения каролингов на Родину. По мнению историка Г. Н. Чагина, следует отметить продуманный процесс отправки шведов на Родину. Составлялись поименные списки с указанием чинов, подбирались люди для сопровождения, выделялись подводы и «погонные деньги»²⁵. Механизм отъезда в Швецию выглядел следующим образом. Военнопленных формировали в колонны и направляли в столицы губерний, где они получали денежные средства и лошадей. Затем шведы добирались до Москвы или Петербурга, где проходили проверку законности отъезда из России, получали паспорта и отправлялись в Швецию. В частности, из Соликамска шведов группами направили до Кайгородска с декабря 1721 по февраль 1722 г. на 74 подводах и выделили «прогонных денег на каждую подводу по 23 алтына по 4 деньги — того 644 рубля»²⁶.

Таким образом, изучение проблем пребывания шведов в плену на Урале и сама жизнь каролингов были обусловлены следующими особенностями. Во-первых, определить точно численность шведских военнопленных на Урале крайне сложно. Источники называют различные данные. Констатировать можно лишь то, что контингент военнопленных на Урале был значительным, некоторая часть каролингов не пожелала возвращаться на родину после 1721 г. Во-вторых, важное значение для повседневной жизни военнопленных играло российское и шведское законодательство первой четверти XVIII века. В частности, законы в сфере вероисповедания и материального обеспечения пленных. В-третьих, уральский плен не отличался жестокостью. Длительность плена вынуждала и каролингов, и местное население приспосабливаться к вынужденному соседству. В-четвертых, существенное влияние на жизнь плененных на Урале оказывала удаленность уральского региона от центральных городов России. Специфика географического положения формировала особый, более снисходительный режим содержания военнопленных. В-пятых, ключевой проблемой для каролингов было более или менее качественное бытовое и материальное содержание в плену. Именно это вынуждало многих пленных поступать на русскую службу. Наконец, в-шестых, пребывание шведов на Урале стало определенным этапом в развитии Уральского региона. Конечно, говорить о цивилизаторской роли шведов на Урале не стоит, однако некоторое влияние на местное население каролингами несомненно было оказано.

²⁵ Чагин 1997, 203.

²⁶ РГАДА. Ф. 248. Оп. 4. Кн. 155. Л. 1061.

ЛИТЕРАТУРА

- Андреев А. И.* 1965: Очерки по источниковедению Сибири 18 века. М.; Л.
- Берх В. Н.* 1821: Путешествие в города Чердынь и Соликамск для изыскания исторических древностей. СПб.
- Вейбуль Й.* 1997: Краткая история Швеции. Стокгольм.
- Грот Я. К.* 1853: О пребывании шведов в России при Петре Великом // Журнал министерства народного просвещения. М., 145–178.
- Романов П. А.* 1994: Журнал или Поденная запись // Морские сражения русского флота. Воспоминания, дневники, письма / В. Г. Оппоков (сост.). М., 218–187.
- Ростунов И. И.* (ред.) 1987: История Северной войны. М.
- Копылова С. П.* 1978: Каменное строительство и кадры строителей Сибири. Новгород.
- Андреев А. И.* (ред.) 1887: Письма и бумаги Петра Великого. СПб.
- Жуков Е. М.* (ред.) 1976: Советская историческая энциклопедия. М.
- Чагин Г. Н.* 1997: Шведы в Северном Прикамье в первой четверти 18 века // Шведы и русский Север: историко-культурные связи (к 210-летию Александра Лаврентьевича Витберга) // Материалы международного научного симпозиума / В. В. Низов (ред.) Киров, 203–209.
- Чупин Н. К.* 1860: Библиотека В. Н. Татищева // Московские ведомости. 203, 49–58.
- Низов В. В.* (ред.) 1997: Шведы и русский Север. Киров
- Шебалдина Г. Б.* 2003: Шведские военнопленные в Сибири в первой четверти XVIII в. М.
- Шерстобаев В. Н.* 1956: Илимская пашня. Иркутск.
- Энгмунд П.* 1995: Полтава. Рассказ о гибели одной армии. М.

SWEDISH PRISONERS OF WAR IN THE URALS DURING THE FIRST
QUARTER OF THE 18TH CENTURY*N. N. Makarova*

The article considers Russian-Swedish relations during the first quarter of the 18th century. The Great Northern War resulted in capturing a great number of Swedes (Carolingians), which entailed the problem of relocating prisoners of war to eastern regions of Russia, providing accommodation, material security, etc. The author considers the issue of a number of captive Swedes, their impact on Swedish and Russian daily legal practice. He marks that there was no cruelty towards Swedes, and states the effect of a great distance between cities of central Russia and the Ural region.

Key words: Russia, Sweden, the Urals, the Great Northern War, Carolingians, captivity

СПЕЦИАЛИСТЫ — «НА ЭКСПОРТ»: ШВЕДЫ НА УРАЛЬСКИХ ЗАВОДАХ

В статье рассматривается использование шведского опыта в организации железнорудного производства на Урале в период с XVIII по XX вв. Северная война резко повысила спрос на железо, что ещё больше ускорило строительство заводов как за счёт казны, так и на средства крупных предпринимателей. Быстро развивавшаяся горнозаводская промышленность России нуждалась в специалистах. Источниками формирования на Урале корпуса шведских специалистов были как пленение шведов во время войн, так и приглашение шведов на работу в Россию для организации производственных процессов на металлургических заводах.

Ключевые слова: Россия, Швеция, древесно-угольная металлургия

Ускоренное развитие крупной горной и металлургической промышленности стало одним из важнейших направлений широко задуманной программы Петра I о государственных и экономических преобразованиях выхода страны на международную арену. В первой половине XVIII в. Швеция была ведущей европейской страной по экспорту железа. Россия переняла у Швеции ее фундаментальное открытие, легкую артиллерию, и сумела остановить нашествие в ходе Северной войны. Вместе с артиллерией был заимствован весь сопровождающий ее экономический и культурный комплекс — металлургические заводы и технические школы, регулярная армия и новое административное устройство. «Император Петр... во всем намеревался подражать устройству шведов», — писал генерал Манштейн — хотя и добавлял, что это не всегда удавалось. Как бы то ни было, перенимая шведскую технику и культуру, Россия присоединялась к шведскому культурному кругу, становилась европейской страной¹.

В Швеции не существовало ограничений на образование. Однако небольшая страна была не в состоянии обеспечить всех специалистов работой. В XVIII–XIX вв. примерно четвертая часть шведского населения покинула родину в поисках работы. В Россию из Швеции ехали физики и химики, инженеры и механики, ученые и промышленники, открывая широкий полигон для профессиональной деятельности. Развитие промышленности Урала изначально шло при немалом участии шведских специалистов. Во-первых, в результате Северной войны на Урал отправлялись пленные шведы. В ведомости Сибирского приказа, в ведении которого находилась не только Сибирь, но и Приуралье, направленной в 1711 г. в только что учрежденный правительствующий Сенат, сообщалось, что к 1710 г. на Урал прибыло до 17 тысяч пленных шведов. За проживанием шведов на Урале и в Сибири следил сам сибирский губернатор М. П. Гагарин. Некоторых пленных сразу стали использовать на государственной службе. Многие из шведских пленных остались в России на Урале и стали работать по своей профессии.

Фролова Наталья Станиславовна — кандидат исторических наук, доцент, заведующая кафедрой истории России Магнитогорского государственного университета. E-mail: rushist@masu.ru

¹ Козлов 1981, 27.

Во-вторых, уральские металлургические заводы строились с учетом технических достижений и опыта лучших металлургических заводов Западной Европы, в том числе и Швеции. Известно, что у куратора казенных уральских заводов Татищева среди помощников были шведы (Шейнстром, Гаммер, Баск, Шульц), которые помимо металлургии занимались и вопросами строительства.

В-третьих, правительство Петра I довольно часто практиковало посылку своих агентов для найма иностранных мастеров на русскую службу. Так, осенью 1724 г. было решено послать в Швецию, располагавшую хорошо развитой металлургической промышленностью, В. Н. Татищева. Знакомство с финансовыми делами в Швеции позволило Татищеву изучить техники и технологии металлургических заводов Швеции, что способствовало росту качества продукции уральских предприятий. Татищев собрал чертежи многих шведских машин, что облегчило ему реконструкцию оборудования на уральских заводах в 1730-е годы, знакомство со шведскими рудниками позволило ему организовать разработку уральских рудников. Наличие опытных квалифицированных кадров руководителей металлургических предприятий и учебных заведений, готовящих подобные кадры — вот, по мнению В. Н. Татищева, в чем заключалась одна из причин успехов шведской железоделательной промышленности. Идеи В. Н. Татищева о необходимости приглашения мастеров из Швеции и обучении там русских учеников оставались актуальными и в начале XIX в.²

18 июля 1762 г. Берг-коллегия разрешила построить Белорецкий доменно-молотовый завод на р. Белой. Мощный завод с одной домной и 14 молотами начал действовать в 1767 г. Основанный тремя братьями Твердышевыми и их зятем Мясниковым Белорецкий горный округ к началу XIX в. состоял из Белорецкого и Тирлянского заводов, а также Кагинского и Узянского.

Мощность только Белорецкого завода по производству чугуна определялось в 1769–1773 годах до 122 тысяч пудов в год. Число рабочих составляло 871 человек³. Белорецкий доменно-молотовый завод стал одним из крупнейших заводов не только в компании Твердышевых-Мясникова, но на всем Южном Урале.

Быстро развивавшаяся горнозаводская промышленность России нуждалась в специалистах, которых явно не хватало. В 1873 г. на Южный Урал механиком Тирлянского металлургического передельного завода торгового дома «Воган и Ко» был приглашен горный инженер, финский швед лютеранского вероисповедания, сын военного врача из города Выборга, Аксель Эмиль Гассельблат (Аксель Эмильевич, Алексей Иванович). Изумительная природа «русской Швейцарии», неисчислимые богатства недр и возможность реализовать свои знания в освоении края на всю жизнь привлекли внимание молодого инженера, ставшего родоначальником уральской ветви рода Гассельблат.

Весной 1876 г. представитель нерентабельного металлургического Пашковского завода на Урале Алексей Гассельблат посетил один из первых и наиболее передовой металлургический завод Дегерфорса в Швеции. На заводе Дегерфорса в то время продолжали использовать ковку двойными печами. А. Гассельблату удалось пригласить для работы на Урале кузнеца Олафа Фриберга и Юхана

² Юхт 1985, 163.

³ Краткий очерк Белорецкого горного округа, Верхнеуральского уезда Оренбургской губернии 1896.

Скуга — рабочих завода Дегерфорса и получить чертежи современных шведских печей. После их приезда на Тирлянский завод были построены печи шведского Лагерхельмского-Нанфельдского типа.

В связи с устаревшей технологией производства металла, заводы более 40 лет были убыточны. Предстояло менять технологические процессы, внедрять современные шведские методы выплавки и обработки чугуна и железа. Шведская новая технология трудно приживалась на заводе, где русские рабочие привыкли к традиционной, устаревшей технологии. В 1878 г. Фриберг был командирован на завод Дегерфорса для вербовки специалистов на Тирлянский завод. Ему удалось подписать контракты с 18 шведскими мастерами.

Новая технология постепенно внедрялась, что давало значительный рост производства и увеличение зарплат. В первое время на новых печах работало по три шведа, затем — два шведа и русский мастер, затем — один швед и два русских рабочих.

В дальнейшем в Тирлян и Белорецк приезжали новые шведские специалисты. А. И. Гассельблату удалось создать шведскую колонию, в которой жило более 100 человек. Заводское население, состоящее в XVIII в. из выходцев разных губерний, было довольно сплоченным, связанным с данной местностью. Помимо работы на заводах они все занимались сельским хозяйством. Каждый рабочий получал от завода землю для обработки и сенокосы. Заводоуправление, заинтересованное в шведских специалистах, даже предлагало им дома. Работая на заводах, рабочие и их семьи пользовались бесплатным лечением и лекарствами. На Белорецком, Тирлянском и Кагинском заводах были даже свои больницы. Для детей устраивались школы. Шведы, создавшие семьи в Тирляне, принимали российское подданство⁴.

При участии шведских специалистов и мастеровых на Белорецком заводе в 1888 г. было произведено переоснащение передельного производства с заменой старых горнов на 12 ланкаширских (шведских). С постройкой второй печи в 1897 г. увеличилась выделка мартеновского металла, увеличилось вдвое производство литого металла, а вот пудлинговое и кричное производства было сокращены.

На Тирлянском заводе прокатные станы старой системы были не в состоянии переработать весь даваемый чугун, поэтому было решено начать подготовительные работы по постройке нового прокатного стана с соответствующей машиной; предполагалось поставить два стана с 6-ю парами валков и машиной в 450 л.с. Прокатывать предполагалось до 400 тысяч пудов листового железа, что значительно увеличило производительность труда на заводе⁵.

Поле деятельности для Акселя Эмиля было огромно. В 1882 г. Торговый дом «Воган и Ко» приобрел с торгов соседний Кагинский горный округ с остановленными ещё в 1861 года Кагинским и Узанским чугуноплавильными заводами и 22 545 десятинами земли, который вошел в состав Белорецкого горного округа. Управляющим округом был назначен А. И. Гассельблат. Сразу же началась коренная перестройка и этих заводов. В 1884 был пущен Кагинский завод, на котором

⁴ Краткий очерк Белорецкого горного округа, Верхнеуральского уезда Оренбургской губернии 1896, 42.

⁵ Гаврилов 1992, 102.

была построена новая доменная печь и гвоздарно-волочильная фабрика, переведенная с Белорецкого завода. После выдувки домны осенью 1896 года на Кагинском заводе увеличилась выплавка литейного чугуна, предназначенного для продажи.

В 1889 г. пущен в эксплуатацию Туканский рудник Зигагинско-Комаровского месторождения железной руды, перестроены обе доменные печи Белорецкого завода. В 1890 г. построена новая, третья доменная печь. На всех трех печах заменено устаревшее оборудование, механизированы вспомогательные процессы, увеличено энерговооружение. В результате среднесуточная выплавка чугуна на Белорецком заводе возросла соответственно до 1500, 1200 и 700 пудов. В 1891 г. на железорудном месторождении горы Магнитной начался переход на планомерную добычу руды.

А. И. Гассельблат применил свой опыт на многих уральских заводах. С 1888 г. проектировал и консультировал строительство нового чугуноплавильного Зигагинского завода, был приглашен франко-русским «Урало-Волжским металлургическим обществом» в качестве руководителя строительства нового Лемезинского чугуноплавильного завода на р. Лемеза в Уфимском уезде Уфимской губернии. Аксель Эмильевич, отдавая всего себя строительству и модернизации заводов Южного Урала, снискал себе добрую славу.

Сын Акселя Эмиля горный инженер Виталий Алексеевич Гассельблат, окончив С.-Петербургский горный институт и Высшую горную школу в Швеции (1909 г.), сделал много для развития металлургической промышленности Урала. Являясь управляющим Саткинского металлургического завода (1912–1916 гг.), он полностью его реконструировал. За несколько месяцев спроектировал и построил доменную печь, на которой был установлен мировой рекорд среднесуточной выплавки чугуна на древесном угле. С 1916–1918 гг. он управлял одним из крупнейших на Урале многопрофильным Лысьвенским горным округом. В советское время в 1919 г. командирован на Урал, в комиссию В. Я. Чубаря по восстановлению уральской промышленности. Под его руководством модернизировалась промышленность Урала и планомерно воссоздавалась после гражданской войны. «Форменный воротила на Урале» — отзывался о его деятельности советский вождь В. И. Ленин⁶.

В 1924 г. Гассельблат организует первую опытную ковку на сибирском коксе. Разрабатывает фундаментальную программу коренной реконструкции всей уральской промышленности путем строительства трех заводов-гигантов: Магнитогорского металлургического на базе месторождений железной руды горы Магнитной, Уральского машиностроительного для производства металлоемкого оборудования реконструируемых предприятий Урала и Уральского вагоностроительного в г. Нижний Тагиле для обеспечения крупных перевозок кокса, руды и металла. В 1925 г. им осуществлена поездка в Швецию, где он посещал заводы, рудники и проектные организации, там же им был заключен контракт на поставку оборудования для обогатительной фабрики для рудников горы Благодать. По его инициативе при Главметалле ВСНХ СССР создан Государственный институт по проектированию новых металлургических заводов в Ленинграде, филиалом кото-

⁶ Гассельблат 1991, 23–30.

рого в 1926 г. стал Уралгипромез. Один из руководителей проектирования Магнитогорского металлургического завода. Поскольку строительство велось с помощью американских проектировщиков, Гассельблат (как автор экономического обоснования) направляется в США в командировку. По возвращению из командировки он был арестован по обвинению в руководстве уральской промпартией. Сохранилась последняя его записка, тайно переданная жене: «Дорогая моя, знай, что я никогда сознательно не вредил, ни в каких организациях не был, денег не брал... Все мои показания — результат психоза, который ты поймешь. Понимая, простишь меня. Помни, что я всегда с тобой».⁷

Говоря о Нижнетагильских заводах, деятельность которых связана с известной русской промышленной династией Демидовых, следует отметить, что там в 1850–1870-е гг. все механическое производство возглавляли шведские специалисты. Один из них, К. Беккер, построил в механическом заведении Н.-Тагильского завода в 1858 г. самую сильную в то время на Урале воздуходувную машину, а еще через два года — пароход «Опыт» с железным корпусом. С 1854 г. помощником Беккера был К. Гультман, также швед.

Небольшой опыт работы малыми крицами в Н. Тагиле имелся еще с 1750 г. В то время от такой технологии отказались в связи с повышенным расходом топлива. Вновь к малокричным вариантам обратились в 1825–1826 гг. На Н.-Тагильском заводе под руководством кричного установщика Саввы Желвакова прошли опыты выделки железа по шведской методе, при которой чугуны в кричном горне превращались не в большую железную крицу, а в относительно небольшие, примерно по пуду каждый, куски пористого металла — «жуки». Желваков изучал этот вариант во время поездки в Швецию летом 1825 г.⁸

Эксперимент удался: качество железа повысилось, уменьшился расход топлива. Облегчился труд кричной бригады, так как исчезла необходимость переносить и рубить большие крицы. Однако имелся и один недостаток: чугуны для этой технологии необходимо было предварительно переправлять в вагонках или отражательных печах. С 1827 г. малокричный способ выделки железа стал использоваться наряду со старонемецким. А через 21 год по всем заводам округа уже в качестве основного вводится еще один более совершенный вариант малокричной технологии — контуазский.⁹

В 1859 г. тагильские сталеплавильщики впервые получили сталь по способу Генри Бессемера. Позднее, в 1864 г., работу с бессемеровской технологией возобновил управляющий Нижнетагильскими заводами шведский подданный К. Вольшted, причем около 9 лет он занимал пост директора Нижнетагильского округа.

Интересно, что этому предшествовало обращение государственных органов. В 1862 г. Главное управление Нижнетагильских заводов получило послание из штаба генерал-фельдцейхмейстера: «Принимая живое участие в развитии сталеного производства в России, ЕИВ Генерал-Фельдцейхмейстер изволил обратить особенное внимание на Тагильские заводы как находящиеся в особенно выгодных условиях для развития бессемеровского производства и поручил обратиться

⁷ Белорецкий рабочий 6.09.2008.

⁸ Корматов, Семенов, Устьянцев, Хлопотов 1996, 216.

⁹ Колтовский 1846, 335.

в главное управление: «не предпримет ли оно исследование бессемеровского способа с целью применить его к изготовлению артиллерийских орудий».

В письме, адресованном директору Нижнетагильского округа К. Вольштеду, говорилось: «Зная постоянное ваше стремление к улучшению действия вверенных Вам заводов и их производительности, я вполне уверен, что вы сами сознаете огромную пользу для управляемых Вами заводов от введения на них приготовления по бессемеровскому способу, который при отличном качестве Тагильских железных руд может доставить превосходную и вместе с тем очень недорогую сталь. Если бы опыты о которых вопрос вероятно уже к вам доставлен увенчались полным успехом, то Тагильские заводы получили бы значительный заказ орудий»¹⁰.

В случае надобности артиллерийское ведомство было готово предложить управлению содействие офицера, знающего техническую часть дела и сведующего в химии и металлургии.

В этот период из заграничной поездки в Швецию возвратился штабс-капитан Скиндер, цель командировки которого туда состояла именно в изучении на различных заводах бессемеровского способа изготовления стали. Главное управление заводов Демидова просило уведомить, находит ли К. Вольштедт необходимым, чтобы Скиндер в звании приемщика был командирован на срок около одного года на завод для «содействия при производстве опытов над бессемеровской сталью»¹¹. Вольштедт подтвердил генерал-лейтенанту Одинцу о командировании на Н.-Тагильский завод опытного артиллерийского офицера, знакомого с бессемеровским производством. Одновременно с этим тагильским служащим была предоставлена возможность осмотреть опытный бессемеровский цех Верхне-Туринского завода.

К. Вольштедт построил бессемеровскую реторту вместимостью в 90 пудов чугуна. Вместо обычных тогда семи она имела одно сопло для продувки, но большего диаметра. При этом фурма размещалась не на дне реторты, но в стенке на 7 дюймов выше. Вся операция производства стали продолжалась 17–18 минут. Реторта с хорошими результатами работала около года и была остановлена только по причине отсутствия заказов на бессемеровский металл. Лишь в 1875 году в округе начал действовать первый на Урале крупный бессемеровский цех, но построен он был на Нижнесалдинском заводе¹².

В целом, говоря о сотрудничестве России и Швеции, нельзя не упомянуть имена шведов, внесших заметный вклад в развитие металлургии Урала. Среди них — пушечный мастер Э. Дебре, металлург, механик, служивший на Урале с 1788 г., автор научных трудов И. Норберг, консультант горных заводов графа Строганова по доменному производству Х. Хустгавель. В частности, на Добрянском заводе была построена сыродутная печь его системы (1880–1889 гг.), на опыты с сыродутными печами он истратил все свои средства. Кроме того, трудились в России рудознатец Ольсон, работавший на рудниках в Нижней Туре, и великолепный механик-рационализатор Тагильского завода К. Оберг.

¹⁰ ГАСО. Ф. 643. Оп. 2. Д. 1727. Л. 11–12.

¹¹ Горный журнал 1875, 293–294.

¹² Корматов, Семенов, Устьянцев, Хлопотов 1996, 224.

Труд шведских ремесленников и технических специалистов, постоянно приглашавшихся в Россию и передававших свое умение русским, способствовал ускорению промышленного развития Уральского региона.

ЛИТЕРАТУРА

- Козлов А. Г.* 1981: Творцы науки и техники на Урале XVII–начала XX вв. Свердловск.
- Юхт А. И.* 1985: Государственная деятельность В. Н. Татищева в 20-начале 30-х годов XVIII в. М.
- Краткий очерк Белорецкого горного округа, Верхнеуральского уезда Оренбургской губернии. 1896. М.
- Гаврилов Д. В.* 1992: Социальная организация металлургической промышленности Урала в преиндустриальный период // Металлургические заводы и крестьянство: Проблемы социальной организации промышленности России и Швеции в раннеиндустриальный период / Н. А. Миненко, Р. Торстендал (ред.). Екатеринбург, 102–113.
- Гассельблат Г. В.* 1991: Уральские горные инженеры — потомки шведов // Наука Урала. 19, 23–30.
- Корматов Ю. С., Семенов И. Г., Устьянцев С. В., Хлопотов С. И.* 1996: Памятники индустриальной культуры Урала. Нижнетагильский металлургический завод XVIII–XX вв. Екатеринбург.
- Колтовский В.* 1846: Кричное производство в Нижне-Тагильском заводе. г. Демидовых // Горный журнал. 9, 330–345.
- Корматов Ю. С., Семенов И. Г., Устьянцев С. В., Хлопотов С. И.* 1996: Памятники индустриальной культуры Урала. Нижнетагильский металлургический завод XVIII–XX вв. Екатеринбург.

‘IMPORT’ EXPERTS: SWEDES AT THE URAL PLANTS

N. S. Frolova

The article deals with Swedish expertise in Ural ironwork engineering from the 18th to the 19th c.c. The Great Northern War considerably increased demand for iron, which brought forth more rapid construction of ironworks in the Urals at the expense of both treasury and large-scale entrepreneurs. Fast-growing mining industry in Russia had a great need for experts. The corps of Swedish experts included both prisoners of war and Swedes hired to set up production at ironworks.

Key words: Russia, Sweden, wood-charcoal metallurgy

ФИЛОЛОГИЯ

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

© 2013

Н. Г. Комар

ИССЛЕДОВАНИЕ ДРЕВНЕРУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ В КАЗАНИ: ПЕРВЫЙ ЭТАП*

Статья посвящена изучению древнерусской литературы в Казанском университете в первый период развития науки о литературе. В данном исследовании анализируются учебные программы и работы казанских ученых, позволяющие определить их вклад в изучение древнерусской литературы.

Ключевые слова: Казанский университет, древнерусская литература, учебные программы, академическое литературоведение

Отечественное литературоведение в переходные моменты своего развития всегда стремилось систематизировать, оценить все, сделанное ранее, и наметить перспективы для дальнейшего развития. Например, в конце XIX — начале XX вв. в трудах А. С. Архангельского, А. А. Котляревского, В. Ф. Переверзева, Н. К. Пиксанова, В. В. Сиповского и др. подводились итоги развития науки о литературе в России. Так было и в 70–80-е гг. XX в., когда вышел целый цикл работ, посвященных академическому литературоведению.

Начало XXI вв. не является исключением: об этом свидетельствуют научные конференции по вопросам истории и современного состояния литературоведения¹, появление монографических работ, сборников, статей и учебных пособий по проблемам истории и теории литературоведения².

Среди этих исследований особое место занимает изучение университетских литературоведческих школ, у истоков которого стоит труд Н. К. Гудзия «Изучение русской литературы в Московском университете (дооктябрьский

Комар Наталья Геннадьевна — кандидат филологических наук, ассистент кафедры истории русской литературы Института филологии и искусств Казанского (Приволжского) федерального университета. E-mail: Bellenkaja@yandex.ru

*Исследование выполнено при поддержке Министерства образования и науки Российской Федерации, соглашение 14.A18.21.0536 «Региональная модель формирования и развития русского академического литературоведения: Казанская научная школа». На английском языке: FundingThe study was supported by The Ministry of education and science of Russia, project 4.A18.21.0536.»

¹ «Литературоведение на пороге XXI в.» (Москва), «Российская словесность: эстетика, теория, история» (Санкт-Петербург); переиздание трудов выдающихся филологов XIX в. (Ф. И. Буслаева, А. Н. Веселовского, М. И. Сухомлинова и др.).

² К. А. Баршт, А. С. Курилов и т.д.

период)» (1958 г.). Активно работают в этом направлении литературоведы Санкт-Петербурга, Саратова, Самары, Твери. Большое внимание изучению истории регионального литературоведения и критики уделяется филологами Казанского университета³. В 2012 г. научная группа под руководством Л. Я. Вороновой выиграла грант с названием «Региональная модель формирования и развития русского академического литературоведения: Казанская научная школа».

В статье мы рассматриваем изучение древнерусской литературы в трудах казанских филологов в первый период развития науки о литературе в Казани.

Центром изучения древней отечественной словесности, наряду с другими университетами, в начале XIX в. стал Казанский, и с первых лет его открытия в 1804 г. преподавание русской литературы занимало одно из ведущих мест на отделении словесных наук⁴. Преподаванием и изучением русской литературы занималась кафедра красноречия, стихотворства и языка русского. Уже само название кафедры говорит о синкретизме: здесь уделялось внимание как общетеоретическим вопросам искусства слова, так и проблемам, связанным со спецификой русской литературы, рассмотрение вопросов литературы и языкознания тесно переплетались, не было еще четких граней между понятиями, терминами, которые находились в своем становлении.

Преподаватели, организаторы учебного процесса, столкнулись с огромными трудностями: все в университете находилось под строгим контролем, например, прежде чем приступить к преподаванию, профессора обязаны были представить конспекты своих лекций для проверки. Другие проблемы были связаны с неразработанностью программ, отсутствием опытных профессоров, недостатком необходимых книг и т.д., — то есть еще не была сформирована целостная система преподавания.

Первым профессором словесного отделения был Григорий Николаевич Городчанинов (1772–1852, преподавал в Казанском университете в 1806–1829 гг.). М. Я. Мохначева считает его одним из основателей литературного и научного движения в Казани.

С первых дней пребывания в Казани Городчанинов принялся за учебно-методическую работу, ему принадлежит одна из первых программ для преподавания «Российской Поэзии» за 1826 г. Под поэзией он подразумевает словесность, которую отделял от красноречия. Основой программы является рассмотрение видов и родов «Российской Поэзии». К сожалению, программа была очень сжатой и по ней сложно судить обо всем курсе, но нужно учитывать, что преподаватели не имели учебников, пособий и им приходилось самим разрабатывать курс.

Двумя годами позже, в 1828 г., адъюнктом Михаилом Самсоновичем Рыбушкиным (1792–1849) были предложены программы по преподаванию славянского языка и теоретической части риторики, в основу которых легла его большая работа — «Славянская грамматика», написанная в 1828 г.⁵

³ Можно отметить работы Л. Я. Вороновой, Б. И. Колмакова, Н. Г. Комар, Н. И. Недашковой (Н. И. Макаровой), М. М. Сидоровой, в которых рассматривается деятельность крупнейших представителей казанского литературоведения, научных литературных обществ в Казани, а также некоторые аспекты изучения и преподавания древней отечественной словесности в Казани.

⁴ НА РТ. Ф. 977. «Распределение». Оп. Ист.-фил. фак. Д. 281. 9 с.

⁵ НА РТ. Ф. 977. «О славянской». Оп. Ист.-фил. фак. Д. 50. 42 с.

В этом труде еще нет четкой грани между литературоведческим и лингвистическим анализом, в одном разделе переплетаются история, теория словесности, языкознание, хотя Рыбушкин пытается все-таки их разделить на отдельные параграфы, которые имеют свои названия: «История словесности», «Теория словесности», «Риторика», «Стихотворство» и др.

Для нас особый интерес представляет пятая глава, посвященная «Славяно-Российской словесности». В ней русская словесность разделена на три периода: 1) с древнейших времен до Иоанна Грозного; 2) от Иоанна Грозного до Петра I; 3) от Петра I до наших дней. Заметим, что в это время еще никто из исследователей не обращал внимание на период Иоанна Грозного в литературе. В работах, например, Н. И. Греча, М. А. Максимовича и др. выделялся только татаро-монгольский период. А между тем XVI в. — это очень важный этап в истории отечественной литературы, кроме того, он тесно связан с историей Казани.

Программы Рыбушкина более подробные и содержательные, чем у Городча-нинова. В разделе «О дошедших до нас памятниках» уделяется внимание договорам Олега и Игоря; «Русской Правде»; летописям Нестора и Иоакима Корсу-нянина, первого епископа Новгородского; произведениям болгарского епископа Константина и митрополита Киевского Иоанна (в сравнительных аспектах), «По-учению» Владимира Мономаха, «Хождению игумена Даниила», «Слову о полку Игореве» и др.

В программе Рыбушкина по-прежнему большое место занимают положения о жанрах, видах, родах литературы, которые значительно дополнились, полнее разработана теория выразительных средств, огромное внимание уделяется переводной литературе, особо выделен перевод Священного Писания с болгарского на русский.

С каждым годом программы становились более емкими, но в них прослеживается преемственность. Так, в программе адъюнкта А. Ф. Хламова за 1838 г. в периодизации истории русской словесности отдельно выделяется эпоха Иоанна Грозного и добавлена эпоха татаро-монгольского ига.

В 1841 г. Карл Карлович Фойгт (1808–1873), хотя преподавал общую словесность и был специалистом по классической филологии, подготовил основательную программу, вернее, вопросы из истории русской литературы и славянских наречий для испытания кандидата В. И. Григоровича на степень магистра. Она включала и общетеоретические вопросы, и вопросы, касающиеся специфики русской литературы, ее требовалось рассмотреть по периодам в сравнении с другими славянскими литературами: с болгарской, сербской, чешской, польской и др. Периодизация была следующей: 1) с древних времен до XIV в.; 2) XV–XVI вв.; 3) XVII — первая половина XVIII в.; 4) первая четверть XIX в.⁶

Из архивных документов видно, что в первые десятилетия формирования университета делались попытки устранить недостатки современной системы преподавания. Особое внимание уделялось развитию самостоятельного творческого начала у студентов, приобщению их к научно-исследовательской работе. С этой целью была разработана система поощрений наиболее талантливых студентов. В 1822 г. вышло важнейшее поручение Отделению Словесных Наук — «состав-

⁶ НА РТ. Ф. 977. «Программные». Оп. Ист.-фил. фак. Д. 319. 65 с.

ление инструкции для такового путешественника, который бы занялся собранием древностей в памятниках, рукописях <...>⁷. Таким студентом стал Виктор Иванович Григорович (1815–1876), и в 1844–1847 гг. его отправили в научную командировку по славянским землям. Григорович занимался изучением истории славянских языков и литературы, изданием и редактированием памятников славянской письменности, впоследствии он стал профессором славянских наречий, выдающимся славистом, стоявшим у истоков Казанской школы славяноведения и сравнительного литературоведения.

Григорович отличался великолепным преподавательским талантом, который многими был отмечен (преподавал в Казанском университете с 1838 по 1864 гг.). Среди его лучших учеников были М. П. Петровский, А. И. Соколов, П. А. Ровинский, А. П. Щапов и др., внесшие значительный вклад в развитие славистики как науки.

В 1848 г. Григорович представил программу по славянским наречиям. Одним из требований к программе со стороны факультета было взять за основу программу по славянской филологии И. И. Срезневского (СПб., 1849 г.) и усилить исторический аспект. Однако программа Григоровича значительно отличается от базовой программы: у Срезневского акцент сделан на языки, у Григоровича же богаче представлены не только языки, но и исследование славянских литератур. Стоит заметить, что Срезневский в качестве учебной литературы называет и труд Григоровича «Опыт изложения литературы словен в её главнейших эпохах» (1843). Григорович большое значение придает изучению славянского богослужения, чего нет у других исследователей⁸.

В 1855 г. Григорович разработал целый курс по изучению языков и литератур славян, в него входили следующие программы: «Славянские наречия», «Обозрение славянских языков», «Древний славянский язык», «Славянские древности», «История литературы славянских наречий». В трудах Григоровича славянские литературы и древнерусская словесность стали предметом специального изучения. Почва же, напомним, готовилась предшественниками, и первым исследователем собственно древнерусской литературы можно считать К. К. Фойгта, который предлагал изучать древнерусские произведения по своим собственным запискам. На его программы ориентировались многие последующие казанские ученые, в том числе и Н. Н. Булич.

С приходом на кафедру Николая Никитича Булича (1824–1895), как писала М. М. Сидорова, изменилась жизнь факультета. В работе Сидоровой о Буличе, историке русской литературы, профессоре Казанского университета, члене-корреспонденте Академии Наук, не рассматривалось изучение древнерусской литературы казанским исследователем, так как она не являлась специальной областью исследований ученого. А между тем Булич преподавал древнюю отечественную словесность и разработал свои программы по этому предмету. Булич впервые выделил древнерусскую литературу в отдельный курс, что отразилось в программах за 1864–1865 гг., тогда как его предшественники рассматривали ее в общем курсе истории отечественной словесности.

⁷ НА РГ. Ф. 977. «Протоколы». Оп. Ист.-фил. фак. Д. 67. 33 с.

⁸ НА РГ. Ф. 977. Оп. Ист.-фил. фак. Д. 554: 4.

Бурная преподавательская деятельность Булича началась с 1850-х гг. Особый интерес для нас представляют его программы по истории древнерусской литературы. Первая его программа за 1852 г. мало чем отличалась от программы К. К. Фойгта: у него дана та же периодизация, изучение дается по хронологии, памятники делятся по тематическому принципу и т.д.

В 1854–1855 гг. Булич, будучи уже экстраординарным профессором, разработал свою программу, которая носила научный характер. В ней появились новые разделы: «Источники истории русской литературы. Понятие о библиографии и важнейшие библиографические труды в России». Он вводит русскую литературу в более широкий исторический и культурный контекст. В ней изменилась и периодизация русской литературы: ученый включил еще и «татарский» период, выделявшийся только в программе А. Ф. Хламова за 1838 г., а XVI в. стал называть периодом книгопечатания, вернувшись к определению, которое давал еще Рыбушкин, что свидетельствует об изучении им программ своих предшественников. Особое значение Булич уделил изучению начала христианства в России и его распространения. Его интересуют и духовенство, и религия, и иночество, и путешествия по святым местам⁹.

После Булича свою программу по русской словесности представил Виктор Гаврилович Варенцов (1825–1860), адъюнкт русской словесности Казанского университета, педагог и собиратель произведений народного творчества. Несмотря на краткое и трудное время работы в Казанском университете, этот период оказался одним из самых плодотворных для ученого. Кроме переводов сербских песен и нескольких педагогических статей, можно отметить печатные труды¹⁰, а также программы по русской литературе, к которым мы и обратимся в первую очередь.

В программе 1857–1858 гг. Варенцов ориентируется на своих предшественников: К. К. Фойгта и Н. Н. Булича, однако, у него подробнее освещается фольклор. Он выделяет былины, песни, духовные стихи, загадки, пословицы, в этом же разделе появляются переводные и русские повести, в частности «Повесть о Горе-Злочастии»¹¹.

В следующем году Варенцов предложил еще одну программу, состоящую из двух частей: в первой представлена древнерусская словесность, во второй — литература XVII–XVIII вв. Интересно, что по сравнению с программами предшествующих годов формулировка первой части была изменена: «Программа для студентов I-го курса историко-филологического факультета в чтении и объяснении памятников древнерусской словесности на 1859–1860 гг.»¹². До этого древнерусская литература рассматривалась в общем курсе истории русской словесности. Уже из названия программы видно, что внимание преподавателя сосредоточено

⁹ А РТ ф. 977. Оп. Ист.-фил. фак. Д. 725.7 об.

¹⁰ «Заметка о рукописи XVII в., хранящейся в библиотеке Казанского университета» (1859), «Сборник русских духовных стихов» (1860), публичная лекция «Тредиаковский и характеристика нашей общественной жизни в первой половине XVIII столетия» (1860).

¹¹ «Повесть о Горе-Злочастии» относится к демократической литературе, а не к фольклору. Скорее всего, отнесение Варенцовым этого произведения к фольклору произошло из-за ее особой популярности.

¹² НА РТ ф. 977. Оп. Ист.-фил. фак. Д. 751:172.

на самих памятниках и их толковании, в чем студентам предоставлялась полная свобода для творчества.

В этом курсе он предложил изучать древнерусскую литературу по персоналиям, чего не было в предыдущих программах. Например, вопросы звучали так: «Жизнь и деятельность святого Кирилла, епископа Туровского, его «Слова» по изданию Калайдовича», «Геннадий, епископ Новгородский» и т.д. В связи с этим на передний план было выдвинуто изучение агиографии. Варенцов использует свой термин — «литература аскетическая, или жития святых». В курсе предполагается рассмотрение жития Бориса и Глеба, Авраамия Смоленского и др., а также Киево-Печерского патерика, при изучении которого учитывались его состав и редакции. Однако при этом в программе есть и тематическая классификация памятников: догматические, исторические, произведения религиозного характера и т.д. По-прежнему, особое место отводится эпохе Иоанна Грозного, что всегда было актуально для Казани. В конце программы Варенцов представил два вопроса, посвященные фольклору, который предполагалось изучать в сравнительном аспекте: «Народная поэзия и ее отношение к литературе <...>», «Былины и исторические песни»¹³.

Взаимодействие фольклора и древнерусской литературы — проблема, особо интересовавшая ученого, ей и посвящены основные его работы, например, статья «Сборник русских духовных стихов», где специальным интересом является сам процесс проникновения и взаимодействия религиозного и народного начал, при слиянии которых рождаются апокрифы¹⁴.

Таким образом, изучение древнерусской литературы в Казанском университете имело длительную историю. На первых порах оно было тесно связано с развитием других теоретических дисциплин, но именно древняя литература послужила базой для изучения отечественной словесности в целом. В исследованиях казанских ученых в это время можно отметить формирование общей методологии изучения и преподавания отечественной литературы. Каждый последующий преподаватель, продолжая традиции предшественников, в то же время старался усовершенствовать свои лекции. Стоит заметить, что такие особенности казанского литературоведения, как внимание к переводной литературе, особый интерес к славянским литературам в сравнительном аспекте и др. были заложены на начальном этапе изучения древнерусской словесности. И если бы не усилия первых деятелей словесного факультета Казанского университета, не смог бы состояться блестящий период второй половины XIX в., связанный с деятельностью М. П. и Н. М. Петровских, И. Я. Порфирьева, А. С. Архангельского, С. П. и Д. П. Шестаковых и др.

ЛИТЕРАТУРА

Загоскин Н. П. (ред.) 1904: Биографический словарь профессоров и преподавателей императорского Казанского университета. Казань.

Варенцов В. Г. 1860: Сборник русских духовных стихов. СПб.

Мохначева М. Я. 2001: Г. Е. Городчанинов — первый казанский профессор русской словесности, член-корреспондент кружка А. И. Мусина-Пушкина // 200 лет первому изданию «Слова о полку Игореве». Ярославль; Рыбинск, 285–290.

¹³ НА РТ ф. 977. Оп. Ист.-фил. фак. Д. 751: 173.

¹⁴ Варенцов 1860, 4.

Астафьев В. В. (ред.) 2002: Очерки истории Казанского университета: К 200 летию Казанского университета. Казань.

Сидорова М. М. 1997: Н. Н. Булич как исследователь русской литературы: дис. ... канд. филол. наук. Казань.

KAZAN OLD-RUSSIAN LITERATURE ANALYSIS (THE FIRST STAGE)

N. G. Komar

This is a survey of Old Russian literature of the initial period of philological study at Kazan University. The article presents the analysis of curricula and works of Kazan scholars, which make it possible to identify their contribution to Old-Russian literature study.

Key words: Kazan University, Old-Russian literature, curricula, academic literary study

© 2013

Е. А. Ломакина

ОСОБЕННОСТИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ПРИЕМА МАСКИ НА ПРИМЕРЕ ЛИЧИНЫ ОСТРОУМЦА ЭПОХИ РЕСТАВРАЦИИ

В статье приведен образец функционирования художественного приема маски на примере Хорнера — одной из самых ярких масок комедии У. Уичерли «Деревенская жена». Эта комедия является одной из самых ярких, колоритных драматургических произведений эпохи Реставрации.

Ключевые слова: литературоведение, английская литература эпохи Реставрации, У. Уичерли

Творчество Уильяма Уичерли (William Wycherley) (1640–1716) принято относить к качественно новому этапу в развитии европейской комедиографии, представляющему собой целое направление английской драматургии конца XVII — начала XVIII столетия, называемое комедией Реставрации.

Маска является одним из основных приемов, определяющих характер образов пьес. Она предстает в произведениях У. Уичерли во всем многообразии своих функций: как средство, личина, схема в процессе достижения искомого результата. Маски У. Уичерли — это говорящие маски-типажи, они вмещают в себя знаковые признаки жизни конца XVII столетия. Выступая в роли своеобразного зеркала, в котором отражена фальшь, ханжество и одновременно порочное лице-

Ломакина Екатерина Александровна — кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков Магнитогорского государственного университета. E-mail: leakaty@mail.ru

мерие эпохи, каждая из масок нанизывает на себя петли иных личин, вплетая их в хитроумный узор собственной лжи.

Маска-язык, маска-костюм, маска-поведение переплетаются между собой и обуславливают многоуровневость действия, когда каждый из персонажей становится носителем нескольких масок одновременно, что является вполне естественным для «века-маскарада»¹. Сами же маски поочередно становятся своего рода доминантами, определяющими характер речи, действий и, наконец, сознание героев, их отношение к самим себе и к окружающим.

Наиболее ярким примером подобного «маскарада» является комедия «Деревенская жена» («Country Wife»), в которой каждый из персонажей последовательно предстает в той или иной личине, зависящей от созданных автором обстоятельств и его собственных целей. «Деревенская жена», частично основанная на эпизодах из «Школы жен» и «Школы мужей» Мольера, как отмечает П. Вернон, является шедевром по своему драматическому замыслу. Автор выстраивает сюжет своей пьесы таким образом, что он сам становится главным доказательством основного тезиса произведения: современный Уичерли брак содержит в себе «семена разрушительной природы, что не может не привести к неверности»².

Драматург рассматривает два типичных для своего времени брака. Один из главных действующих лиц Пинчвайф, женившийся на деревенской простушке, придерживается того убеждения, что невежественное неведение жены обязательно предполагает ее покорность и верность. Другой персонаж, сэр Фиджет, намеренно ограничивает общественную жизнь супруги приемлемой с его точки зрения компанией, чтобы обезопасить себя от рогов.

Каждый из персонажей пьесы наделен остроумием (иными словами, маской-языком или маской-речью), что позволяет автору каждый раз высвечивать своих героев в разном качестве в зависимости от обстоятельств сюжета: например, носителя-пользователя такой маски либо обличителя, использующего остроумие (маску) для разоблачения масок других персонажей. У Уичерли такие слова, как честь, невинность, добродетель, репутация, благородство, воспитание в соответствии с авторским замыслом появляются в ситуациях, которые снижают их значение. Говоря иначе, они используются в качестве языковых и поведенческих масок, за которыми скрываются их противоположные качества (антиподы) — бесстыдство, искушенность, порок, подлость, ханжество.

Кроме того, Уичерли использует традиционный прием говорящих имен, иначе говоря, прием масок-характеристик³. Перевод английских эквивалентов имен Спаркиша (Sparkish), Пинчвайфа (Pinchwife), Фиджета (Fidget), Сквимиш (Squeamish), Дэйнти (Dainty), Алитеи (Alitheia) дает великолепную первоначальную характеристику их носителей, предопределяя их стиль, манеру общения, а также поступки. В самом деле, Sparkish, от англ. spark — искриться, искрится от собственного самодовольства; Pinchwife от англ. pinch — ограничивать, причинять страдания — мучитель и тиран собственной жены; имена Dainty (от англ. привередливый, разборчивый) и Squeamish (от англ. избирательный, щепетильный) синонимичны и по значению, и по выражаемым ими характеристикам. Alitheia — от

¹ Именно так называет свое время сам У. Уичерли (цит. по: Brawney 1969, 89).

² Vernon 1965, 25.

³ Подробно о приеме имени-маске см.: Томашевский 2003, 199–200.

греч. *Althaea* — Алтея значит истина (truth). *Fidget* — от англ. суетливый, беспокойный человек, обеспокоен тем, как оградить себя от рогов и собственными делами, *Narcourt* — от англ. court — двор, является истинным придворным-острословом. Говорящие имена-маски указывают на основные особенности носящих их персонажей, однако это не исчерпывает всей глубины художественного функционирования приема маски. Иногда на имя надевается еще одна маска, и в результате мнимый импотент Хорнер наставляет рога, как и предписано ему именем (*Hornet*, от англ. horn — рог), в то же время за привередливостью и щепетильностью мисс Дэйнти и Сквимиш скрывается желание плотских утех, даже Алитея, несмотря на свое *правдивое* имя-маску и искренность, не избежала личины, порождаемой не столько самой героиней, сколько царящими вокруг нравами в отношении брака, любви, взаимоотношений мужчины и женщины.

Центральной маской комедии является, на наш взгляд, маска Хорнера (*Hornet*) — квинтэссенция самой эпохи. Не будучи выделенным в заглавии пьесы, Хорнер включен во все без исключения хитросплетения сюжета. Появление Хорнера в его маске «евнуха-импотента» делает явными все прежде скрытые пороки. Хорнер провоцирует срывание одних масок и возникновение других (так, лицемерная маска стыдливости, ношение которой требовалось мужьями и родителями женщин, падает, тогда как простая деревенская женушка (*simple country wife*) в своем стремлении соединиться с объектом страсти проявляет невиданную хитрость, присущую скорее утонченной городской даме).

Как справедливо отмечает Р. Бевис, при рассмотрении образа Хорнера практически неизбежно возникает аналогия с понятием «кары господней»: у Уичерли Хорнер — это «плохой» человек, используемый во благо высшей силой, его зло оборачивается добром, подобно злу Сатаны в теологии кальвинизма⁴. Конечно, мы вряд ли можем быть совершенно уверены в том, что сам драматург видел смысл своего персонажа именно в таком свете. Однако мы полагаем, что предпринятое Бевисом сопоставление в любом случае способствует лучшему пониманию роли Хорнера в развитии сюжета. Можно сказать, что он является своего рода орудием автора (подобно Сатане или Ассириянину).

Будучи не роконосцем, но персоной, «наставляющей рога», Хорнер тем не менее сам обладает совершенно оригинальным их вариантом (от англ. *horn* — рог): рогами дьявола-искусителя в маске евнуха. Все те искушения, которым Хорнер подвергает своих жертв, в конечном счете оборачиваются благом — обличением поистине дьявольской двуличности, царящей в нравах общества. В этой связи обратим внимание на еще одну особенность имени этого персонажа: омофоном слова «Хорнер» (*Hornet*) является английское «honour» (честь). Таким образом, автор обличает фальшивую честь своих героев при помощи чести *буквальной*, которая, вероятно, являлась в ту эпоху всеобщего бесчестья единственно подлинной и несомненной.

Уичерли представляет Хорнера в совершенно оригинальной по своей сути маске, которая становится самостоятельным средством изображения действительности и позволяет ему оперировать ею, исходя из своих собственных интересов.

⁴ Исследователь проводит параллель между Хорнером и персонажем Ветхого Завета — Ассириянином, которого Бог посылает в наказание порочному лицемерному народу как «бич гнева своего» (Bevis 1986, 85–86).

Итак, Хорнер — яркий типаж галантного остроумца-распутника эпохи, что подразумевает под собой утонченную четкость мыслей, изощренную гибкость ума, практическую точность использования большого жизненного опыта. Это, по сути дела, и явилось основой для создания его маски евнуха. При создании своей маски-личины он идет от противного: так, лекарь, нанятый для распускания слухов о его импотенции, удивляется тому, что «молодые щеголи не раз платили мне за то, что я врал про них, будто они что надо. Вы первый, кто самолично распускает про себя слух, будто он не годен для женщин» (I). Но Хорнер слишком умен, чтобы опускаться до тривиального хвастовства, ведь хвастовство — та же маска вербального притворства с присущим ей свойством приукрасить и преувеличить реальное положение вещей.

Хорнер противопоставляет преувеличению явное занижение указанного выше качества, и это заведомо умышленное противопоставление раскрывает механизм действия маски. Он убежден:

<...> в любви, как и в медицине, недолго навредить себе лишним бахвальством. Добрую славу хвастовством не приобретешь, а женщину, как и честь, похвалой не добудешь. Поверьте мне, хороший законник никогда не выдаст до срока своих замыслов, богач не проговорится о своих сокровищах, а заядлый картежник — о своих козырях (I)⁵.

Умный законник, богач, картежник или бабник до срока не снимет свою маску и не выдаст своих явных намерений. Явная маска хвастовства, по мнению Хорнера, фальшива и недействительна изначально, кроме того, здесь необходимо терпение: «<...> в любви как на охоте: больше времени уходит, чтобы выследить дичь, чем поймать ее. Тут нужен особый нюх» (I). А нюх у Хорнера превосходный: прекрасно ориентируясь в мотивах человеческих отношений, он делает ставку на время и схему действия маски. Хорнер представляет собой большую угрозу и обладает при этом огромной властью, скрывающейся за кажущейся беспомощностью: в то время как над ним публично насмеваются, он тайно торжествует. Здесь мы сталкиваемся не просто с коварной стратегией — это само зло. Хорнер относится к сексу так же, как Вольпоне Б. Джонсона к золоту (для него процесс игры значит не меньше, чем получение выигрыша). Хорнера не трогает пренебрежительное к нему обращение мужей, навязывающих ему компанию своих жен для сплетен и карт. Ведь их невольное содействие (co-operation) и есть вершина изощренности его маски. Хорнеру даже в большей степени, чем Вольпоне, недостает честолубия (в его традиционном понимании): «он хотел бы казаться импотентом, так же, как и виртуозный игрок — неумехой, а искусный дипломат — тупицей»⁶. Скрывая свое истинное лицо за противоположной по своей сути личиной, они добиваются успеха каждый в своем деле, основываясь на обмане. Будучи маниакально одер-

⁵ Уичерли 1981 (пер. Р. Померанцевой). Данный перевод на русский язык является единственным существующим в настоящее время. В русском варианте отсутствует разделение на сцены, таким образом, в настоящей работе приводится деление согласно актам пьесы. В дальнейшем, кроме специально оговоренных случаев, текст пьесы цитируется по данному изданию. По нашему мнению, данный перевод в достаточной мере передает смысл оригинала.

⁶ Kronenberg 1976, 69.

жимым своей идеей, Хорнер платит за успех слишком высокую цену, однако в его глазах это оправдано. Фактически это оправдывается общим развитием сюжета.

Перед тем как насладиться будущими плодами, Хорнер собирается воспользоваться преимуществами своей новой личины, в его интерпретации — «нового положения»:

Хорнер. Во-первых, я избавлюсь от прежних любовниц, а это самые ненасытные из кредиторов, что врываются к вам по утру. Во-вторых, я тем легче заведу новую связь, чем скорее освобожусь от старых обязательств: платить по любовным векселям — самое скучное дело! (I)

Озвученные преимущества, в свою очередь, обозначают появление «новой связи» через механизм включения новой маски и, соответственно, новой (и первой) жертвы маски-личины — сэра Джаспера Фиджета. Последний попадает на фальшивую приманку «невинной» личины, поступая согласно четко спланированной схеме действия маски, в которой, по выражению, самого Хорнера:

<...> этот серьезный человек, глядя на меня, поверил в истинность молвы и оставил у меня жену да еще пригласил к себе, раньше этот аргус ни за что бы не познакомил меня с ней! (I)

По мнению сэра Джаспера, Хорнер стал теперь «безобиднее ягненка», он «самый подходящий партнер» для его «благоверной», чтобы составить компанию, отобедать и сыграть в карты. Простой расчет Хорнера оказался верен, хотя и невероятен и противоречив по своей сути. Однако именно противоречивая дерзость замысла открывает ему все двери:

Хорнер. Теперь, когда всем известно, что я кастрат, я могу позволить себе некоторые вольности: могу преспокойно сидеть ранним утром в будуаре, в часы, когда там прилично бывать лишь мужу; могу целовать девиц на глазах у их женихов и родителей. Словом, буду, вхож всюду (I).

Маска евнуха на поверку оказывается более *правдоподобной*, чем маска друга, очевидно, также знакомая Хорнеру: «Прикидываться другом бессмысленно они все равно тебя раскусят! Нет, в столице этот номер не пройдет!» (I). По его мнению, «тут надо придумать, чтонибудь новенькое», и он придумал, хотя и не особо «новенькое», в чем признается: «Он (случай — *Е.Л.*) не так-то нов. *Probatum est.*» (I). Хорнер не первым апробировал маску евнуха, что, впрочем, не умаляет оригинальности решения вопроса: оно найдено в маске притворства. Причем ее действенность очевидна с первых строк пьесы: ее смысл (позор, а не тщеславное бахвальство) непонятен глуповатому лекарю, который, вероятно, сам не прочь приврать насчет своих снадобий. Ее якобы «подлинность» проверяется и удостоверяется уже первой жертвой (сэр Джаспер, удостоверившись в «истинности молвы», позволяет Хорнеру ухаживать за своей женой). В то же время маска презираема теми, на кого она направлена — женщинами.

С одной стороны, выдаваемое отчуждение, презрение вполне объяснимо самим фактом импотенции от болезни, грубым равнодушием Хорнера к светским дамам, с другой — фальшивая холодность маски Хорнера провоцирует появление другой маски — «ханжеской добродетели». Леди Фиджет (Fidget), клонув на провокационную наживку, немедленно выставляет напоказ свою маску мнимой добродетели:

Леди Ф. <...> ненавижу честных и благородных дам за их верность мужьям...! Когда женщина только на мужа и смотрит, это злит их не меньше, чем когда она смотрит им в карман (I).

Психологически это заявление объяснимо как бессознательное проецирование скрытых мотивов и желаний на вызывающий их объект. Леди Фиджет зла на саму себя за «верность» супругу, однако ее маска добродетели предписывает ей директивы ограничивающие поведение. По ее мнению, «эти господа готовы простить женщине любое притворство, однако не простят ей ее добродетели» (I). Это значит, что для нее позволительно и даже будет оправдано любое притворство, кроме добродетели, которая при этом является ее собственной маской. Хорнер, будучи сам под маской, пытается поддеть фальшивую маску леди Фиджет. И ему это блестяще удастся. Более того, он мастерски, посредством игры слов, выстраивает и обвинение, и защиту:

Хорнер. Но добродетель — худшее из ваших притворств, сударыня!

Леди Ф. Наглец! Он еще будет порочить мою честь!

Хорнер. Увы, это не в моих силах. <...>

Сэр Джаспер Ф. (Jasper Fidget) Нет, клянусь честью, ему никак не опозорить вашей чести! Ведь он, бедняга — <...> просто евнух! (I)

Horner. Because your virtue is your greatest affectation, madam.

Lady Fidget. How you saucy fellow! Would wrong my honour?

Horner. If I could. <...>

Sir Jasper Fidget. No, he can't wrong your ladyship's honour, upon my honour; he, poor man — <...> a mere eunuch. (I,1)⁷

Игра слов имеет в данном случае двойное значение: с одной стороны, Хорнер говорит о своем якобы бессилии, что делает его в принципе не опасным для чести женщины (при этом устремления носителя маски евнуха направлены как раз на «честь» Леди Фиджет (Fidget)). С другой стороны, он подразумевает при этом отсутствие истинной добродетели у дамы, а значит, ничто не может понастоящему опорочить фальшивую честь. В этой связи нельзя не обратить внимание на смысловое значение грамматической конструкции в оригинале пьесы. Так, в фразе Хорнера: Если бы я мог... (опорочить вашу честь — *Е.Л.*) оригинал: If I could... (wrong your honour — *Е.Л.*) <перевод наш — *Е.Л.*> имеет значение *воображаемой нереальной* в действительности ситуации, которое и подчеркивает двойной смысл, вкладываемый в него Хорнером. Кроме неоднозначности смысла, игра слов маски имеет вполне определенную цель — вскрыть фальшь показной

⁷ В некоторых случаях перевод Померанцевой не в полной мере передает игру слов оригинального текста пьесы, который мы приводим по изданию: Wycherley, 1973.

добродетели и чести. Хорнер озвучивает свое открытие лекарю, открывая тем самым принцип действенности его маски:

Хорнер. Светские дамы так обходительны, что не всегда поймешь, где любовь, а где просто любезность; вот мы и попадаем впросак. А теперь я доподлинно знаю, что те, кому я особенно мерзок, — большие охотницы до этого дела. Взять, к примеру, родственниц Фиджета — распутницы, ручаюсь вам! (I)

Таким образом, механизм маски выявляет одну фальшь посредством другой. Разница лишь в том, что маска евнуха — это игра в притворство, в то время как маска мнимой добродетели — личина, за которой скрывается подлинная сущность нравов эпохи. Неправомерным было бы утверждение, что У. Уичерли оправдывает маску Хорнера. Она — также заведомый обман, однако маска внутреннего «Я» Хорнера противопоставлена окружающему его лицемерному ханжеству. Маска Хорнера подобна карнавальной маске; надевая ее, он в то же время остается самим собой. Тогда как маска-личина «честных» леди вскрывает все лицемерие подобных персонажей: «Эти честные женщины, как вы любите называть их, пекутся только о своем добром имени и ни о чем другом. Они не мужчин боятся, а сплетен» (I). Леди Фиджет искусственно (надев маску) стала такой, какой ее видят другие; при обращении к ее персоне на ум приходит изречение: «Лицемером является тот, кто не знает, что он является таковым»⁸. Так же, как кто-то, улыбаясь, желает зла, леди Фиджет, содрогаясь от непристойности слова «нагота», мечтает о непристойности.

Хорнер, надев маску евнуха с одной целью (обманывая мужей, соблазняя жен), не утрачивает остроты ума, зоркости внутреннего зрения в восприятии притворства и искусственности. Несмотря на собственную маску-личину, он не лицемерит, но видит лицемерие в других:

Ну, их всех подальше, этих кривляк, которые из кожи вон лезут, чтобы казаться не тем, чем создала их природа. Искусственность всегда противоестественна (I).

Друзья Хорнера, остроусловы Харкорт (Harcourt) и Дорилент (Dorilant), не менее наблюдательны, ведь «как часто люди кажутся не тем, что они есть на самом деле»: задира оказывается трусом, лекарь — губителем, процентщик — бедняком, а моты — богачами. Внешнее впечатление часто бывает обманчивым, искусственным, смоделированным. Искусственность не только противоестественна, смешна (доказательством тому служит якобы остроуслов (would be wit) Спаркиш (Sparkish), но часто оказывается противоположна по своим внешним проявлениям внутренней сути. Так, по словам Хорнера:

Завзятый мошенник может оказаться вашим наперсником в нужном деле. Ревнивец — величайшим из рогоносцев. Священник —

⁸ Kronenberg 1976, 66.

безнадежным атеистом, а шумливый и бойкий остряк безмозглым фатом и тупым ослом... (I)

Ирония Уичерли, выраженная в маске Хорнера, направлена не только на «противоестественную искусственность», но и на ханжеское благочестие представителей церкви, а также на глупое тщеславие якобы острословов, созвучна иронии самой эпохи. Помимо явно ироничного восприятия притворства, в данном фрагменте присутствует намек Хорнера на его собственную маску и ее цели: представляясь евнухом-импотентом, он является абсолютно здоровым мужчиной, а благородные леди — мишень его маски — оказываются распутницами. Более того, в какой-то мере данная фраза предваряет последующие события пьесы: будучи мошенником в маске, Хорнер, тем не менее, помогает своему другу Харкорту добиться благосклонности Алитеи и делает ревнивца Пинчвайфа величайшим из рогоносцев.

Маску мнимой добродетели Хорнер выявляет через свою собственную личину, причем обратного свойства: мнимая импотенция противопоставлена явному, но тщательно скрытому под маской благопристойности распутству. Маска Пинчвайфа вскрывается Хорнером без помощи его нового облика евнуха. Здесь достаточно, прозондировав причинно-следственные связи нынешнего семейного положения бывшего распутника и найдя «ахиллесову пяту» жертвы — ревность, показать истинное лицо маски ревнивого супруга. Как говорит Хорнер, «женитьба на деревенской» — это просто «пустая предосторожность», лучше вообще не жениться, но коли женился, то почему, если она «дурна, глупа и невоспитанна?» Может быть, она богата? А если снова нет, то не лучше ли завести любовницу. Логика Хорнера в данном случае идеально отображает нравы эпохи:

Женщины, как ты (Пинчвайф — *Е.Л.*) верно сказал, — те же солдаты: они преданны и послушны только за деньги; договоры и клятвы здесь мало чего стоят. А посему я бы посоветовал обзаводиться содержанками (I).

Так, устроив блиц-опрос Пинчвайфу (Pinchwife), Хорнер выразил общепринятые в XVII столетии взгляды на брак, женитьбу, отношения между мужчиной и женщиной. Если жениться, то на деньгах, содержать — так любовницу, быть бабником — так до конца. Пинчвайф, с одной стороны, будучи из одной когорты с Хорнером, с другой — не обладает подобной изворотливостью и быстротой ума. Кроме того, ему мешает маска, небрежно надетая им самим, а потому легко поддающаяся напору Хорнера. Хорнер сам, будучи ярким представителем эпохи, без труда вычисляет расчет маски Пинчвайфа. Итак, маска Хорнера, создана Уичерли в комедии «Деревенская жена», являет собой яркий пример использования драматургом художественного приема маски в драматургическом произведении, с тем чтобы показать культуру, нравы, ценности эпохи Реставрации.

ЛИТЕРАТУРА

Томашевский В. Б. 2003: Теория литературы. Поэтика. М.

Уичерли У. 1981: Деревенская жена. М.

Bevis R. W. 1986: Mask and Veil: Comedy // Richard W. Bevis. English Drama. London.

Brawney W. C. 1969: Wycherley. New York; London.

Kronenberg L. 1976: The Threat of Laughter. New York.

Vernon P. F. 1965: William Wycherley. London.

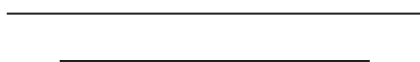
Wycherley W. 1973: The Country Wife // Restoration and the 18th century comedy. New York.

RESTORATION WISECRACKER EMBODIMENT AS A MASK TECHNIQUE EXAMPLE

Ye. A. Lomakina

The article presents Horner, a most vivid mask of W. Wycherley 's comedy "The Country Wife", to illustrate mask technique functions. The comedy is one of the most brilliant plays of the Restoration.

Key words: literary criticism, English literature of the Restoration period, William Wycherley

© 2013

Т. Е. Абрамзон

«РАЗГОВОР В ЦАРСТВЕ МЕРТВЫХ ЛОМОНОСОВА С СУМАРОКОВЫМ» (1777 г.): ПОЭТИКА КУЛЬТУРНОЙ РОЛИ ЛОМОНОСОВА

Статья посвящена исследованию малоизвестного, но любопытного по истории создания и поэтике произведения последней трети XVIII века. В диалоге двух российских поэтов в царстве мертвых, сочиненном на кончину Сумарокова, выявлены поэтологические особенности европейских «разговоров в царстве мертвых» и своеобразные черты русской поэзии эпохи Просвещения.

Ключевые слова: русская поэзия XVIII века, жанр «разговоры в царстве мертвых», поэтика жанра, Ломоносов, Сумароков, Херасков

Спустя несколько лет после смерти Ломоносова появляются произведения, в которых личность и творчество великого русского осмысляются в ином ракурсе и с иным пафосом, нежели в «плачах», написанных непосредственно на его кончину. О Ломоносове начинают писать без скорби и чувства утраты, исследуя

Абрамзон Татьяна Евгеньевна — доктор филологических наук, профессор кафедры русской литературы Магнитогорского государственного университета. E-mail: ate71@mail.ru

феномен ломоносовского гения в новых условиях и по новым критериям. Эти сочинения представляют собой некие «переходные» тексты — от произведений инициальных и ритуальных по своему характеру, оплакивающих и провожающих Ломоносова в мир иной, к текстам, в которых смерть становится просто фактом биографии Ломоносова или вообще не попадает в поле зрения авторов, пишущих о нем.

В этой группе произведений Ломоносов выступает в новой «роли» — роли жителя царства мертвых. Отметим, что фольклорный сюжет сошествия в преисподнюю, впервые запечатленный в гомеровской «Одиссее» (XI), вероятно, следует считать первым литературным прообразом жанра, выделившегося из поэмы и использованного многими авторами древности, средневековья и Нового времени. В знаменитых «Диалогах» Платона выстраиваются философские концепции, а в «разговорах мертвых», восходящих к гомеровским поэмам, происходит взаимодействие мира земного и подземного, живого и мертвого. В «Разговорах богов», «Разговорах гетер», «Морских разговорах» Лукиана переосмысляются старые мифы: боги решают свои небесные споры, которые под пером сатирика лишаются высокого сакрального смысла и приобретают все слабости земного мира, мира людей. Диалогические сценки позволяют автору наделить персонажей речью. Жанр «разговоров»/«диалогов» получил новую жизнь в Новое время, став одной из востребованных форм популярного изложения научного знания («Разговор о множестве миров» Фонтенеля) или построения исторических, политических и этических концепций («Разговоры в царстве мертвых» Фенелона).

Вслед за европейскими российские авторы второй половины XVIII века также находят возможности жанра «Разговоров в царстве мертвых» привлекательными и «оживляют» героев далекого и не очень далекого прошлого. Одним из участников этих «разговоров» является Ломоносов. Он помещен в царство умерших, где получает вторую, а точнее вечную жизнь, проходя своеобразную культурную реинкарнацию. Когда Л. Сичкарев в «Надгробной песне» рисует Ломоносова живущим на небесах, он предполагает, что Ломоносов и там сочиняет торжественные оды («И новых имнов уж в Сионе стал творец»). Однако Сичкарев ошибся — у Ломоносова в мире загробном иная роль, исследованию которой и посвящена данная статья.

О том, как «Разговор с Анакреонтом» Ломоносова превратился в «разговор в царстве мертвых». Начнём с произведения, которое, как кажется, не относится к данному жанру, однако может стать таковым при определенном взгляде на него. «Разговор с Анакреоном» при жизни Ломоносова опубликован не был. Точное время его создания точно неизвестно, предположительно он написан между второй половиной 1758 и 1761 годом¹. «Разговор» не вошел ни в первое (1751), ни во второе (1758) прижизненные издания Ломоносова. Особость «Разговора» в ломоносовском наследии состоит в том, что это чуть ли не единственное произведение, в котором поэт формулирует свои эстетические и этические позиции. Ломоносов переводит четыре оды, которые в его время приписывались древнегреческому поэту Анакреонту², и затем дает «ответы», свои, оригинальные. Впервые

¹ О датировке ломоносовского «Разговора с Анакреоном» см. подробнее: Ломоносов VIII, 1959, 1164.

² Эти оды были написаны подражателями Анакреонта более ста лет спустя после его смерти.

этот ставший знаменитым поэтический диалог, входящий в число наиболее цитируемых ломоносовских произведений, был напечатан в 1771 году в литературном альманахе «Российский Парнасс»³, издаваемом М. М. Херасковым. Перед нами один из ранних примеров создания и существования «ломоносовского текста» — публикация неизданных либо новонайденных произведений Ломоносова с комментариями или без них.

В «Предуведомлении» к первому выпуску инициатор издания так объясняет его замысел: «Некоторое собрание, имея во своем хранении, разные стихотворные и прозаические сочинения, вознамерилось издавать их в свет <...>. Собрание уверяет своих читателей, что оно употребит возможное рачение, чтоб выбор сочинений забавен и приятен был читателям, и что кроме переводов из стихов во стихи, других не выдаст разве оные покажутся особливых достоинств. <...> при каждом выходе объявлено будет, сколько листов напечатано, в продолжение первой части; доколе по разсуждению собрания оная не окончится, и другая часть начнется». В первом выпуске первой части помещены «Селим и Селима. Поема» и «Стихи к будущей любовнице». На титуле второго выпуска первой части читаем: «Разговор Ломоносова с Анакреонтом». В Санкт-Петербурге. 1773 года»⁴. Заглавие, непосредственно предворяющее текст ломоносовского диалога, выглядит иначе: «Славного Российскаго стихотворца разговор с Анакреонтом». И в том, и в другом заглавиях возникает двусмысленность: не вполне ясно, принадлежит ли текст Ломоносову и он сам разговаривает с Анакреонтом, или некто, не желавший указать своего имени, сочинил этот разговор между великими поэтами — древнегреческим и российским. Далее следует ломоносовский «Разговор», имеющий некоторые разночтения с публикациями в двух других посмертных изданиях Ломоносова⁵.

Нам важно отметить другое. Когда Ломоносов «вел» диалог с Анакреонтом, он обращался из мира живых к условному собеседнику в мире мертвых через толщу времен, через двадцать два века, «дискутируя» с ним о поэзии, смысле жизни, жизненных приоритетах и устанавливая таким образом историческую связь между двумя культурами. В то время, когда произведение было наконец опубликовано, Ломоносов уже находился в том же исключенном из текущего времени пространстве, по ту же сторону Стикса, что и Анакреонт, и потому этот разговор вполне мог быть истолкован как разговор в царстве мертвых.

В роли личного авторского приложения к «Разговору» выступает стихотворение, адресованное Ломоносову, — «От искреняго почитателя Сочинителевой славы»⁶, каковым являлся Херасков. Стихотворение, отделенное от ломоносовского диалога звездочками, является репликой третьего собеседника, которому известен итог поэтических свершений великого современника. Херасков продолжа-

³ Российский Парнасс 1, 1771, 26–34.

⁴ Нумерация страниц продолжается с 26 страницы (с. 26–34), с того же номера, каким закончен первый выпуск.

⁵ Покойного статского советника и профессора Михайлы Васильевича Ломоносова собрание разных сочинений в стихах и прозе 1778. Кн. II., 228–235; Полное собрание сочинений Михайлы Васильевича Ломоносова с приобщением многих его еще нигде не напечатанных творений. В Санктпетербурге иждивением Императорской Академии Наук, 1784. Ч. I., 239–246.

⁶ Российский Парнасс 1, 1771, 75. В издании вместо с. 35 ошибочно значится с. 75.

ет размышлять о творчестве, но уже переводя разговор о Ломоносове в прошлое время:

Великий Ломоносов,
Ты долго прославлял,
Гремящей лирой Россов,
И всех нас удивлял,
Российскую державу,
Ея Монархов славу;
Взнесши к небесам,
Взлетел туда и сам,
Когда ЕЛИСАВЕТУ,
Певал ты перед ней,
Всему вещал ты свету,
Спокойство наших дней <...>

Декларируемое в «Разговоре с Анакреонтом» предпочтение патриотической и героической поэзии любовной лирике было в полной мере воплощено в поэтической практике Ломоносова, и Херасков это констатирует. Он противопоставляет смертность Ломоносова бессмертию его творений и вечной памяти потомков:

Рок лютый разрушает,
Художеств трудный дар,
Но в век не потушает,
Пиитов сильной жар,
Твоих героев вечно,
Свет будет почитать,
И будет бесконечно,
Стихи твои читать <...>

Далее следует необходимое для «освящения» текста имя царствующей императрицы Екатерины II, вплетенное в мотив сожаления о том, что Ломоносов не прославляет ныне правящую императрицу:

Почто еще и ныне,
На свете не живешь,
Почто ЕКАТЕРИНЕ,
Похвал ты не поешь,
Твоя гремяща лира,
Достойною была,
Для всех пределов мира,
Воспеть Ее дела <...>

Завершают стихотворение строки, свидетельствующие о том, что данное стихотворение написано «ad hoc» — непосредственно к публикации ломоносовского произведения:

Когда Анакреону,
Ответы делал ты,
Его имел корону,
Его в руках цветы;
В стихах его погудки,
Приятно повторял,

К любви прибавя шутки,
В свирели ты играл,
И лира и свирелки,
И важность и безделки,
Чрез твой священный глас,
Пленять умели нас.

Херасковский Ломоносов предстает в этих строках «русским Анакреоном», наследующим древнегреческому лирику, причем Ломоносову приписываются символы поэзии как героической («лира»), так и любовной, пасторальной («свирелка»), соответствия которым даны в самом тексте — «и важность и безделки».

Любопытно, что херасковское восприятие интонации стихотворения как игривой и шутливой («К любви прибавя шутки») почти дословно совпадает с впечатлением читателя более позднего времени. Историк Н. Д. Чечулин видел в ломоносовском «Разговоре с Анакреоном» «поэтическую шутку, по остроумию исключительную во всей допушкинской поэзии», считая, что «тонкость и изящество шутки — это позже других созревающий плод умственного развития»⁷.

Г. А. Гуковский справедливо относил Хераскова к сумароковской поэтической школе, придавая особое значение херасковскому журналу «Полезное увеселение» в борьбе между ломоносовской и сумароковской системами⁸. Однако смерть одного из литературных соперников свела к нулю актуальность этого противостояния, а сам Херасков, как и большинство других российских поэтов, с искренним пиететом относился к личности и творчеству Ломоносова, чей портрет украшал кабинет Хераскова. Публикация не изданного при жизни поэта «Разговора» и «стихотворное приложение», прославляющее Ломоносова все еще с интонациями сожаления о его смерти, хотя уже и несколько отстраненно-прохладными, демонстрируют один из механизмов порождения и бытования «ломоносовского текста» в русской культуре. Посмертная публикация с двусмысленным заглавием позволяет прочесть эту диалогическую сценку как беседу двух великих поэтов в мире ином, как диалог в царстве мертвых. Возможно, именно эта публикация спровоцировала появление нескольких «Разговоров» с участием Ломоносова, об одном из которых речь пойдет далее.

О том, как подружались Михаил Васильевич и Александр Петрович в царстве мертвых. Октября 1 дня 1777 года в Москве скончался главный «ревнователь» ломоносовской славы — Александр Петрович Сумароков. Одним из откликов на это печальное для русского литературного сообщества событие стал выход в свет небольшого формата и объема книжицы (в 13 страниц), включавшей «Известие о смерти г. Сумарокова с приложением надгробных надписей сочиненных ему в Москве», две надписи, подписанные инициалами «В. М.» (В. И. Майков) и «Н. Н.» (Н. П. Николев). И некролог, и надгробные надписи выступают в роли приложения к основному произведению — к «Разговору в царстве мертвых Ломоносова с Сумароковым» (1777), напечатанному анонимно, без титульного листа, в Петербурге, в типографии Военной коллегии, где служил Майков.

⁷ Чечулин 1917, 78–79.

⁸ Гуковский 2001, 65–66.

По свидетельству Н.Е. Струйского⁹, возможно ошибочному, автором этого диалога был Федор Григорьевич Карин (1730–40-е?–1800)¹⁰. Последний получил образование в Академической гимназии при Московском Университете, хорошо успевал в латинском и французском языках. По окончании курса Карин поступил на военную службу, по выходе в отставку был награжден чином армейского поручика. Баловень судьбы, обладавший приличным состоянием, приятной наружностью и изящными манерами, он был вхож в аристократические салоны и знаком со многими литераторами своего времени. Так, именно Карин просватал дочь Сумарокова за Я. Княжнина. Сам же являлся родным дядей графа Дмитрия Ивановича Хвостова¹¹. Карин не был картежником и волокитой, но был страстным поклонником псовой охоты.

Не исправила его и женитьба¹², к концу жизни Карин приобрел подагру и попал под опеку, в числе опекунов его был Ю.А. Нелединский-Мелецкий. Из всех его литературных трудов¹³ наибольшего внимания заслуживает «Письмо к Н.П. Николеву о преобразителях российского языка на случай преставления А.П. Сумарокова», напечатанное в Москве 8 января 1778 года. Поводом к сочинению этого «Письма», появившегося на свет без имени автора, послужило послание к нему Николева¹⁴, переполненное восторженными похвалами Сумарокову. «Письмо» Карина представляет собою любопытное явление, будучи одним из первых у нас опытов литературной критики. Карин, следуя примеру Николева, принес дань памяти Сумарокова, причислив последнего к разряду великих людей. В числе «преобразителей» русского языка названы Феофан Прокопович, Ломоносов и Сумароков. Таким образом, принадлежность «Разговора в царстве мертвых Ломоносова с Сумароковым» перу Карина выглядит вполне вероятной и даже закономерной, если бы не переиздание «загробного диалога» спустя десять лет под именем Алексея Дружерукова, чиновника, служившего в 1760–1770 годах в канцелярии московского генерал-губернатора П.М. Волконского. Однако третье издание произведения (1789) вновь вышло в свет анонимно. Оставим про-

⁹ Струйский 1, 1790, 190.

¹⁰ Основные сведения почерпнуты нами из биографии Ф.Г. Карина, написанной В.И. Саитовым, см. подробнее: Саитов 1893, 3–15.

¹¹ В 1755 году сестра Ф.Г. Карина Вера Григорьевна вышла замуж за гвардейского офицера Ивана Михайловича Хвостова. От этого брака родился известный впоследствии поэт, по именованию современников — метроман, граф Дмитрий Иванович Хвостов, приходившийся, таким образом, родным племянником Ф.Г. Карину.

¹² 13 мая 1772 г. Карин вступил в брак с княжной Анной Михайловной Голицыной (1748–1813), дочерью князя Михаила Алексеевича (1687–1775), известного шута при дворе Анны Иоанновны, и его четвертой жены, Аграфены Алексеевны, рожденной Хвостовой (1723–1750).

¹³ Из литературных трудов Карина известны следующие: Рассуждение о добродетели и награждениях», соч. Гиацинта Драгонетти. Перевод с французского перевода Панжерона. СПб., 1769; Нравоучительные мнения, взятые из свойств гр. М.В. Салтыковой. М., 1771; Слово на торжество мира с Портою Атаманскою, написанное по случаю годовщины Кучук-Кайнарджийского мира. М., 1775; «Письмо к Н.П. Николеву о преобразителях русского языка на случай преставления А.П. Сумарокова» М., 1778; «Слово» по случаю открытия Владимирского наместничества. М., 1779; Фанелия, или заблуждения от любви. Драма в 5 действиях. 1785, СПб.

¹⁴ Николев 4, 1797, 102–103.

блему авторства нерешенной и обратимся непосредственно к «Разговору»¹⁵ между Ломоносовым и Сумароковым в мире ином¹⁶.

Драматическое по своей структуре произведение небогато действием и разнообразием положений. Сцена изображает встречу Ломоносова и Сумарокова в потустороннем мире в тот самый момент, когда Сумароков только прибывает в него после своей смерти. Прологом следует считать «первое явление», в котором появляется *«Ломоносов один в размышлении»* и произносит монолог о потустороннем мире:

Пристанище людей, о коль спокойно ты!
Здесь не тревожат нас мирския суеты.
Нет вредной пышности, нет злобы здесь тиранства,
Нет варварства, клевет, нет хитрости, нет чванства,
Не смеют ни один порок явиться к нам?
Спешите смертные к сим вечности стенам!

Характеристика морализаторского толка построена на приеме отрицания: описывается то, чего нет в царстве мертвых. Интонация речи там-живущего Ломоносова меняется, когда он видит Сумарокова:

Но что я зрю?.... не мраком ли глаза покрылись,
Знакомья черты лица вообразились.
Не Сумарокова ль я вижу образ здесь?..
Стремительно бежит, и задыхаясь весь...
Во все страны свой взор со любопытством мечет,
И полными огня очами всюду блещет.
Останавливается, в восторг приходит дух!
Летит с объятием, се точно он мой друг!

Эта — вторая — часть монолога по стилю очень «ломоносовская». Вряд ли можно сказать, что она построена мастерски, потому что автор использует высокие одические топосы и формулы для описания встречи Ломоносова с якобы другом — с Сумароковым. Но имитация высокого ломоносовского стиля, пусть и не вполне искусно выполненная поэтом, делает вечного Ломоносова узнаваемым. Лексика, топосы и формулы торжественного дискурса Ломоносова становятся его визитной карточкой, рожденный им стиль способствует созданию фигуры Ломоносова и после его смерти. Соперники и недруги при жизни — Ломоносов и Сумароков — предстают в «Разговоре» лучшими друзьями. Они обнимают друг друга при встрече, приветствуют восклицаниями и признаниями в искренней любви и дружбе: и Сумароков «щастлив стал», и Ломоносов не может выразить, «сколь рад» ему. Ломоносов признается в любви к Сумарокову:

Душа моя к тебе, и здесь любовь хранила.
Со нетерпеньем ждал радостный сей час,

¹⁵ Здесь и далее текст цитируется по след. изд. без указания страниц: Разговор в царстве мертвых Ломоносова с Сумароковым. СПб., тип. Военной коллегии, 1777. [8] с. В этом издании страницы не нумерованы. В двух следующих изданиях «Разговора» (М., Сенат. тип., у В. Окорокова, 1787; СПб., 1789) эпитафии В. И. Майкова и Н. П. Николева на смерть А. П. Сумарокова отсутствуют.

¹⁶ Возможно, не без влияния «Разговора» Н. П. Николев спустя несколько лет сочинит «Оду к премудрой Фелице от старого русского Пииты из царства мертвых» (Николев 4, 1797, 5). В стихотворении, написанном от лица В. К. Тредиаковского, пародийно используются характерные для того времени грамматические формы, обороты речи и архаическая лексика.

Чтоб зреть тебя.

Конечно, такая жаркая встреча двух непримиримых в мире земном литературных врагов выглядит в мире ином более чем странно. Автор, будь то Карин или Дружеруков, как и все их современники, были в курсе истинных, очень сложных взаимоотношений Ломоносова и Сумарокова. И если не знать о глубоком почитании таланта Сумарокова и Кариным, и Дружеруковым, то этот «Разговор» вообще мог бы быть понят как издевка над Сумароковым. Однако это не так. Автор изображает теплую дружескую встречу двух литературных соперников на небесах. Думается, что это своеобразный культурный обряд инициации: «Разговор» оповещает о смерти Сумарокова, все земные распри и обиды в «селенье райском» забыты, великие преобразователи русского языка ныне и во веки веков дружны и счастливы. Вечный Ломоносов выступает знатоком загробного «мироустройства». Когда только что прибывший в рай и восхищенный прекрасным пейзажем Сумароков немедленно хочет запечатлеть его в слове («Сей час писать начну Идиллию...»), Ломоносов резко прерывает его порыв:

Ломоносов.

Молчи!

Покорствуя во всем Царя Всевышня воле,
Не можем уж писать мы ничего здесь боле,
Со Аполлоном здесь Парнаских Дев весь лик,
Немолчно славит то, что Юпитер велик.
Во всех делах своих колико превосходит;
Глас смертных похвалы ему здесь негоден;
Не можем ни когда достигнуть мы того,
Что бы приятней Муз могли воспеть Его.
Смотри моя давно лежит без действия Лира,
Таланты нам даны, те были лишь для мира,
Прославясь заслужить, дабы почтенье там,
А здесь спокойство взять в награду по трудам.

Оказывается, в царстве мертвых действует запрет на сочинительство, которому подчиняются все его «жители». Запрет этот придуман не российским автором. Ближайшим претекстом «Разговора» были диалоги не античные, а Нового времени, в частности, «Nouveaux dialogues des morts, avec de Contes et fables composées par l'éducation d'un prince» Фенелона, переведенные на русский язык «Новые разговоры мертвых, также Повести и басни, сочиненные для воспитания молодого государя, Франциском Салиньяком де ла Мотом Фенелоном, учителем детей короля французского, а потом Архиепископом князем Камбрейским, и переведенные с французского языка Иваном Остолоповым»¹⁷. К примеру, фенелоновский Цицерон на слова Августа о том, что Цицерон напишет на него «филиппическую речь жесточайшую», отвечает: «Нет, я оставил Красноречие, переездя чрез Стикс» («Разговор XLIII. Цицерон и Август»)¹⁸.

¹⁷ Новые разговоры мертвых, также Повести и басни, сочиненные для воспитания молодого государя, Франциском Салиньяком де ла Мотом Фенелоном, учителем детей короля французского, а потом Архиепископом князем Камбрейским, и переведенные с французского языка Иваном Остолоповым. В Санктпетербурге. При морском шляхетном кадетском корпусе. Ч. I. 1768.

¹⁸ Новые разговоры мертвых 1768, 175.

Схожей по типу участников с ломоносовско-сумароковским диалогом является беседа Горация и Вергилия о достоинствах и погрешностях в творчестве каждого из них, написанная Фенелоном. Оба поэта благожелательно настроены друг к другу, высоко ценят художественный уровень произведений и в целом хвалят друг друга, при этом мягко и осторожно указывают друг другу на «погрешности», которые могли бы быть изъяты из произведений:

«Разговор XLVIII. Гораций и Вергилий. *Спокойство сих двух стихотворцев*»:

«Вирг. Сколь мы спокойны и благополучны, будучи на сих всегда цветущих травах, на берегах сих ясных вод, при сих благовоние испускающих лесах.

Горац. Естли ты не остережешься, то вдруг сочинишь еклогу. Тени не должны оных сочинять. Посмотри на Гомера, Гезиода, Феокрита венчанных лаврами, они только слушают, как поют их стихи, а не делают уже их больше. <...>

Вирг. Я с удовольствием слышу, что твои стихи, по прошествии толиких веков, служат ко увеселению ученых людей. Ты не обманулся, когда в своих одах так уверительно сказал: <...> *всем не умру*.

Горац. Правда, что мои сочинения прошествии толь многого времени не потеряли своей чести, но надобно тебя столько любить как я, чтоб не завидовать твоей славе, тебя считают вторым после Гомера.

Вирг. Наши Музы не должны одне другим завиствовать. Роды их сочинений суть различны <...>¹⁹.

Российский автор «Разговора», следуя за Фенелоном, устанавливает те же законы потустороннего мира, из которых актуальным для поэтов является запрет на сочинительство: их тени могут созерцать красоту, наслаждаться благодатью райских селений и... лишь слушать свои произведения. Однако в фенелоновских «Разговорах», участниками которых являются поэты, так или иначе речь заходит об их творчестве. Гораций с Верлигием обсуждают поэтические достоинства и несовершенства своих произведений, сравнивая свои творения с вершинными произведениями античности. Таким образом, подобные диалоги («Гораций и Вирлигий», «Гомер и Ахиллес», «Цицерон и Август» и др.) включают в себя эстетическую и литературно-критическую темы. О чем же говорят тени российских поэтов?

Вечный Сумароков признается в невыносимости своей земной жизни, в том,

¹⁹ Новые разговоры в царстве мертвых 1768, 188–191.

Карин мог читать фенелоновские «Разговоры» как в переводном варианте, так и в оригинале: «LI. Horace et Virgile» Caractères de ces deux poètes:

Virgile. — Que nous sommes tranquilles et heureux sur ces gazons toujours fleuris, au bord de cette onde si pure, auprès de ce bois odoriférant!

Horace. Si vous n'y prenez garde, vous allez faire une églogue. Les ombres n'en doivent point faire. Voyez Homère, Hésiode, Théocrite: couronnés de laurier, ils entendent chanter leurs vers; mais ils n'en font plus» <...>

Virgile. — J'apprends avec joie que les vôtres sont encore après tant de siècles les délices des gens de lettres. Vous ne vous trompiez pas quand vous disiez dans vos odes, d'un ton si assuré: Je ne mourrai pas tout entier.

Horace. Mes ouvrages ont résisté au temps, il est vrai, mais il faut vous aimer autant que je le fais pour n'être point jaloux de votre gloire. On vous place d'abord après Homère.

Virgile. Nos muses ne doivent point être jalouses l'une de l'autre; leurs genres sont si différents! Ce que vous avez de merveilleux, c'est la variété. (Fénelon. Dialogues des morts. Avec une introduction et des notes par (Galusky, Roger 1898, 241–243).

что он сам просил Парку прервать нить его жизни. Сочувствующая ему тень Ломоносова просит «порядочнее» изъяснить причины такого бедственного положения. После этого следует длинная (в 57 стихов!) жалоба Сумарокова, распадающаяся на две части. В первой говорится о счастливом жизненном, творческом и карьерном пути Ломоносова и о посмертной памяти и чести, которой тот удостоился после смерти. В монологе Сумарокова автор выстраивает историю Ломоносова-поэта:

По днях щастливых тех, Петр ввел когда науки,
Как скоро раздались везде Лир Росских звуки,
Со удивлением тогда весь свет внимал,
Твой громкой Лиры глас, ты коей прославлял,
Взлетая до Небес со Пиндаром, Гомером,
Что ПЕТР великий ПЕТР Монархам был примером,
Что добродетелью сияв ЕЛИСАВЕТ,
Как солнце щедрости лияла в Русский свет,
Что мудрой правимы рукой ЕКАТЕРИНЫ,
Блаженны зрят свои Россияне судьбины,
В тебе великаго всяк мужа признавал,
Достойное тебе почтение являл.

Дух Сумарокова вновь, как в 1747 году в «Епистоле о стихотворстве», сравнивает Ломоносова с Пиндаром (и Гомером), ставит в заслугу Ломоносову две песни поэмы о Петре Великом. Не забывает упомянуть он и о ломоносовском «премудром Меценате» Иване Ивановиче Шувалове, который, «быв покровителем, являл свои щедроты» и был всегда «представителем у Трона» за Ломоносова. Поминает Сумароков и о щедротах «премудрой Паллады» — Екатерины Великой, и о памятной стеле на могиле Ломоносова, установленной другим покровителем и Меценатом — Михаилом Илларионовичем Воронцовым:

Любя творения разумнейших людей,
Оплакав горестно, твоих кончину дней
Усердия тебе по смерти знак оставил,
На прах твой Воронцов Надгробную поставил <...>

В речи там-живущего Сумарокова путь Ломоносова предстает удачным и легким, буквально усыпанным розами: «Как в жизни был любим, по смерти славен так, / Почтение и днесь к тебе являет всяк». В этой «картине жизни» Ломоносова основными критериями успеха являются «почтение», признание, «щедроты» и «награды». О Ломоносове-ученом не говорится ни слова. Ломоносовскому успеху тень Сумарокова противопоставляет свое «бескуражие». Автор декларативно выдвигает на первый план сумароковскую борьбу с пороками и представляет Сумарокова-драматурга:

А я, о времена! досад моих нет меры,
Бывали ль таковы на свете где примеры?
Пороков не любя, тщась злобу истребить,
Всем к добродетели стараясь путь открыть.
Явил все таинства, колико лъзя явити,
Чтоб Мельпомены храм в России утвердити.
Какое заслужил почтение себе?

Основное внимание сосредоточено именно на последнем этапе жизни Сумарокова, действительно тяжелом и безысходном. Горестные признания тени Сумарокова очень личны и сокровенны: он жалуется на несчастья и болезни, на одиночество и тоску, на то, что его «прославили» «другом Бахусу», о своем ожидании смерти, о том, что и по смерти, в отличие от Ломоносова, он не получил должного почтения:

Но мог ли смертию конец я сделать злобе,
Лежащего меня без чувства во гробе,
Ни кто не восхотел в последней раз узреть,
Ни жалости о мне естественной иметь.
Архаров с Юшковым лишь только то явили,
По смерти что они любовь ко мне хранили.
В Актерах я нашол чувствительны сердца
Узнавши смерть они Семирина творца,
Стоная горестно, потоки слез пролили,
Со жалостью мой прах в земной утробе скрыли.

Завершается «Разговор» утешительной репликой Ломоносова, смысл которой в том, что «здесь» — в раю — Сумароков получит награды и венец от самого Юпитера, к которому тени двух российских поэтов и отправляются.

Таким образом, центральной темой «Разговора» являются два жизненных пути — Ломоносова и Сумарокова. При этом автор выражает взгляд определенной группы современников на двух поэтов, группы младших современников (к примеру, Карин родился тогда, когда Ломоносов уже служил в Академии Наук), которым Сумароков был ближе не столько по возрасту и даже не по эстетической программе, сколько потому, что он еще был жив. Спустя двенадцать лет после смерти Ломоносова жизненный и творческий путь последнего выглядел безоблачным и очень успешным, в то время как сумароковские несчастья тех лет были «на глазах» и вызывали жалость и сочувствие современников. Ломоносов-поэт в «Разговоре» изображен любимцем монархинь и меценатов, современников и потомков, а Сумароков — не в пример ему несчастным, обиженным и власть имущими, и близкими. Зачем же тогда нужен этот «Разговор», в котором один поэт вновь оказывается в очень выгодной позиции, а другой — вновь униженным и оскорбленным? Очевидно, что автор относился к Сумарокову с искренним уважением, и эта книга с «известием» и двумя эпитафиями в первую очередь дань памяти Сумарокову. Ломоносов же, которого писатель изображает «другом» Сумарокова, необходим как главный российский авторитет, теперь уже в загробном мире. Отсутствие распрей в раю выступает залогом того, что два поэта *должны быть* друзьями. Но по иронии судьбы немногословный Ломоносов и на небесах выступает главным, тем, кто первым прибыл в мир иной, знает его законы, покровительствует Сумарокову, признавая за ним талант и право на венец, выслушивает его жалобы и обещает бывшему сопернику блаженство в раю.

ЛИТЕРАТУРА

- Гуковский Г. А. 2001: Ранние работы по истории русской поэзии XVIII века. М.
Ломоносов М. В. 1959: Полное собрание сочинений: в 10 т. Т. VIII. М.; Л.

- Николев Н. П.* 1797: Творения. Ч. 4. М.
 Российский Парнасс 1771. Ч. 1. СПб.
Саитов В. И. 1893: Федор Григорьевич Карин. Один из малоизвестных писателей второй половины XVIII в. С.-Петербург.
Струйский Н. 1790: Сочинения. Т. 1. СПб.
Чечулин Н. Д. 1917: Предсказание Карамзиным рождения Пушкина, в шуточном стихотворении «Пророчества на 1799 год, найденные в бумагах Нострадамуса» // Старина и новизна. Кн. XXII, 72–97.
Galusky C., Roger S. 1898: Librairie Ch. Delagrave. Paris.

“CONVERSATION IN THE ABODE OF THE DEAD BY LOMONOSOV AND SUMAROKOV” (1777): POETICS OF LOMONOSOV’S CULTURAL ROLE

T. Ye. Abramzon

This is a study of a little-known but rather interesting due to its origin and poetic character work of the last third of the 18th century. The dialogue of two Russian poets commemorating Sumarokov reveals poetological properties of European ‘conversations in the abode of the dead’ and peculiarities of Russian poetry of the Age of Enlightenment.

Key words: Russian poetry of the 18th century, ‘conversations in the abode of the dead’ genre, poetics of the genre, Lomonosov, Sumarokov, Kheraskov

© 2013

А. Н. Пашкуров, Р. А. Бакиров

А. С. ПУШКИН В КАЗАНИ: ПРОЛОГ МУЛЬТИМЕДИЙНОГО ПРОЕКТА*

В статье представляется проект мультимедиа-диска, посвященного приезду в Казань А. С. Пушкина. Кратко характеризуются основные разделы диска и логика их расположения в дисковом меню. Авторами раскрывается необходимость создания подобного проекта в контексте формирования поля литературной культуры Казани.

Ключевые слова: А. С. Пушкин, Казань, литературная культура, краеведение, мультимедиа-диск

Одной из наиболее актуальных и регулярно обновляющихся в разных своих аспектах проблем истории литературной культуры Казани является кратковременное пребывание в ней, с 6 по 8 сентября 1833 года, А. С. Пушкина. В преддверие

Пашкуров Алексей Николаевич — доктор филологических наук, доцент кафедры истории русской литературы Института филологии и искусств Казанского (Приволжского) федерального университета. E-mail: anp.72@mail.ru

Бакиров Ринат Альбертович — аспирант кафедры истории русской литературы Института филологии и искусств Казанского (Приволжского) федерального университета. E-mail: r1nt@mail.ru

* Статья подготовлена при финансовой поддержке Российского Гуманитарного научного фонда. № проекта: 12–04–0021

180-летия этого события насущной необходимостью представляется создание мультимедийного проекта и выпуск диска, посвященного приезду в Казань Пушкина. Как ни странно, несмотря на достаточный имеющийся материал¹, подобный диск еще не был создан, хотя необходимость в нем давно назрела. Такой проект позволил бы в доступной форме ознакомить с этой темой не только учащихся школ и вузов, но и более широкие слои населения (как туристов, так и самих казанцев). При этом, разумеется, уделяя внимание «просветительской» стороне вопроса, нельзя забывать и о научно-исследовательской его составляющей, то есть о вводе в содержимое диска в том числе и ранее неизвестной или доступной лишь узкому кругу специалистов информацию.

Создание подобного мультимедийного диска мы и поставили себе целью. В данной статье мы раскроем содержание основного меню диска, в первую очередь, его «несущих» структурных элементов и логики их построения (в «синхроне» будут представлены наиболее характерные примеры из основного содержимого дискового «контента», соответствующие определенной конкретной теме).

Итак, первый раздел диска носит вводный характер и является наименьшим по объему представленной в нем информации — I. «Пушкин в Казани: цитаты классика».

Здесь наиболее важным является, как нам кажется, передача общего представления об отношении к Казани Александра Сергеевича. С одной стороны, Пушкин в своих письмах и высказываниях неоднократно упоминал Казань (как до, так и после посещения города). Впечатления от казанской поездки оформились у писателя не только в его эпистолярии и высказываниях, но и в сугубо художественной форме — так, например, многие исследователи видят даже в сказочном пушкинском «острове Буяне» реализацию впечатлений поэта от вида и истории острова-града Свияжска, находящегося близ Казани; имеются в творчестве Пушкина и прямые упоминания татарского города и «казанских» мотивов.

С другой стороны, одна из самых глубоко мифологизированных деталей литературной истории Казани — слова, произнесенные Пушкиным в кабинете хозяйки казанского литературного салона Александры Андреевны Фукс у портрета ее дяди, известного казанского писателя — Гавриила Петровича Каменева: «Этот человек достоин был уважения; он первый в России осмелился отступить от классицизма. Мы, русские романтики, должны принести должную дань его памяти...»². Примечательно здесь то, что эти слова писателя транзитом через весь девятнадцатый век и век двадцатый вплоть до современности стали определяющими характеристиками при анализе учеными разных направлений личности и творчества Г. П. Каменева — именно Каменеву как «первому русскому романтику» посвящены большинство подобных исследований (здесь в одном ряду по

¹ См. обзорное его представление в (1–6).

² Синхрон: портрет Каменева, даты его жизни, первые строки баллады «Громвал», а также: а) из письма Пушкина графу А. Х. Бенкендорфу: «Мне необходимо месяца два провести в совершенном уединении, дабы отдохнуть от важных занятий и кончить книгу, давно начатую... это роман, коего большая часть действия происходит в Оренбурге и Казани...» (конец июля 1833 года); б) из беседы с проф. К. Ф. Фуксом: «Как вы добры... как дружелюбно и приветливо принимаете нас, путешественников!...» (7 сентября 1833 года); в) из прощального письма-поклона А. А. Фукс: «Примите изъявление моей глубокой признательности за ласковый приём путешественнику, которому долго памятно будет минутное пребывание его в Казани...» (8 сентября 1833 года), и др.

отношению к «пушкинскому контексту» стоят не только краеведы Н. И. Второв и Г. Залкинд, но и представители казанской школы академического литературоведения А. С. Архангельский, Н. Н. Булич, Е. А. Бобров, а также современные литературоведы В. Э. Вацуро, Р. М. Лазарчук, А. Н. Пашкуров, Э. Н. Валеев). Даже подобная мимоходом брошенная фраза оставила глубочайший след в литературной истории города. Таким образом, отпадает необходимость какого бы то ни было дополнительного обоснования и следующего раздела нашего проекта — хроники пребывания в Казани Александра Сергеевича.

Второй раздел, логично центральный и наибольший по объему представленного материала, разворачивается согласно хронологии пребывания Александра Сергеевича в Казани. Каждый пункт «заполняется» в диске архивными и научными материалами, позволяющими с наибольшей точностью установить местопребывание писателя в каждый конкретный момент времени — II. «Пушкин в Казани: хроника событий». Вокруг этой панорамы разворачиваются:

1. Приезд Пушкина из Нижнего Новгорода, 5 сентября 1833 года, после 11 часов ночи (гостиница для дворян в Петропавловском переулке — ныне: ул. Рахматуллина, д. 6)³. И неожиданная встреча с Е. А. Боратынским (следующим в имение тестя, Л. Н. Энгельгардта, Каймары — через Казань)⁴. Евгений Абрамович — творческий рефрен казанского путешествия Пушкина, потому и в письме к жене от 8 сентября будет: «Здесь Баратынский, — вот он ко мне входит...»;

2. Уже наутро: с 7 часов утра до 2 часов дня — в планах Пушкина поездка в Суконную слободу. Здесь поэт направляется в тупичок улочки «Маленькое поле» — и любимое место собраний и бесед казанских суконщиков «Горлов кабак», в котором происходит беседа Пушкина со старым суконщиком В. П. Бабиным⁵. Дома и кабаки Егорьевской улицы и Суконной слободы — примерно так можно очерково обрисовать панораму мест пребывания Пушкина на этом отрезке времени;

3. Вечером 6 сентября 1833 года Евгений Боратынский, повергнув хозяйку известного казанского салона Александру Андреевну Фукс в потрясение и смятение, сообщает ей о том, что в Казани — Александр Пушкин⁶. Подробной картины хронологии пребывания Пушкина в Казани все еще нет, открытия еще впереди: ведь фактически целых два дня классик, получается, живет в нашем городе, для светского культурного общества, — инкогнито. «Что он видел, о чем думал, с кем встречался еще?» — для исследователя обрисовывается целое поле нерешенных вопросов. Не случайно, что все еще продолжают даже споры и о том, где же Пушкин останавливался? Так, например, Александр Семенович Архангельский, авторитетный казанский филолог конца XIX — начала XX века перебирает в своем исследовании «А. С. Пушкин в Казани (5–8 сентября 1833 года). Несколько заметок о пребывании А. С. Пушкина в Казани, с присоединением относящихся к этому литературных материалов» (1899) такие гипотетические адреса:

— дом Л. Н. Энгельгардта (на Грузинской улице),

³ Синхрон: вид дома.

⁴ Синхрон: картина Ю. Лысогорского «Встреча А. С. Пушкина с Е. А. Боратынским».

⁵ Синхрон: картина Р. Нурмухаметова «Беседа А. С. Пушкина с суконщиком В. П. Бабиным в «Горловом кабаке»».

⁶ Портреты Е. А. Боратынского и А. А. Фукс.

- дом Э. П. Перцова (на углу улиц Рыбнорядской и Мало-Проломной),
- «гостиничные номера» (уже: без-адресно).

Первые два адреса Архангельский, опираясь на последующие воспоминания очевидцев и их семей, отвергает. Третий для него — «растворяется», теряется на довольно обширной площади исторического центра Казани;

4. Утром 7 сентября 1833 года (около 7 часов) известный всему городу университетский профессор Карл Федорович Фукс, супруг Александры Андреевны, едет провожать Боратынского и встречает Пушкина;

5. Пока классик еще не попал «в орбиту» тех домов и встреч, которые будут потом нам известны достоверно и неопровержимо: круг его пути — предельно широк: окрестности города, прежде всего, конечно, связанные с историей похода Пугачева. А. А. Фукс первой попробовала восстановить маршрут Пушкина в первой половине этого дня — он, по ее мнению, таков: одиночное путешествие к Троицкой мельнице (на тройке) по Сибирскому тракту, за 10 верст от города — к месту лагеря вождя повстанцев; далее же — объезд Арского поля, «экскурсия» по крепости. Однако современные данные краеведов и историографов корректируют картину в более конкретных деталях — казанский маршрут Пушкина в первой половине дня 7 сентября представляется таким:

а) за 10 км от Казани — Троицкая мельница, деревня Троицкая Нокса (место главной ставки войска Пугачева);

б) место сражения у села Царицыно;

в) Сибирский тракт и возвращение в город,

г) середина дня — осмотр Казанского Кремля (около 11 часов)⁷;

6. От двух часов пополудни и до шести вечера Пушкин обедает в доме Э. П. Перцова в сообществе К. Ф. Фукса⁸, с которым, по свидетельству его жены, в первые же полчаса беседы сошелся удивительно накоротке. «Перцовский срез» Казанского Пушкинского мифа сразу же влечет за собою и еще одно значимое в истории и культуре нашей Казани имя — Михаил Самсонович Рыбушкин — издатель известного в Поволжье журнала «Заволжский муравей» и автор первой оригинальной и очень популярной некогда книги «История города Казани» (1834). Книгу эту он подарит Пушкину, о чем классик вспомнит потом не без удовольствия в одном из позднейших писем к А. А. Фукс;

7. Около 6 вечера Пушкин прибывает в дом Фуков⁹. Основная тема беседы здесь, конечно же, литература. В частности, при знакомстве с поэтессой Фукс, Пушкин говорит известные слова: «Нам не нужно с вами рекомендоваться: музы нас познакомили заочно, а Баратынский еще более...»;

8. После чая Карл Фукс и гость отъезжают на встречу с казанским старожилем Леонтием Филипповичем Крупенниковым, в юности побывавшим в плену у самого Пугачева. «Патриархом казанского купечества» назовет позднее Крупеникова Александр Архангельский¹⁰;

9. После восьмого часа — профессор, по возвращении, отправляется к боль-

⁷ Синхрон: картина Ю. Васильева, гравюра Турнерелли.

⁸ Синхрон: портрет Перцова, вид дома (Профсоюзная, 23).

⁹ Синхрон: давний и современный вид дома Фукса.

¹⁰ Синхрон: портрет, вид дома, картина Е. Симбирова: «А. С. Пушкин у купца Л. Крупенникова».

ному, а Александр Сергеевич — погружается в общение с Александрой Андреевной, которой в альбом с удовольствием писали и Боратынский, и Языков, и Ознобишин. Вот как Е. А. Боратынский легким росчерком обрисовал ее портрет: «Вы дочь Евы, как другая: / Как перед зеркалом своим / Власы роскошные вседневно убирая, / Их блеском шелковым любуюся пред ним». Пушкин слушает в исполнении прекрасного автора сказку «Жених». Собеседники размышляют и о «духе нынешнего времени» и о его влиянии на словесность. При этом, вспоминая еще вышеприведенную цитату из письма Пушкина Бенкендорфу, любопытно здесь возвращение к мотиву отдыха и откровенности — Александре Андреевне Пушкин скажет: «Смотрите, сегодняшний вечер была моя исповедь...»;

10. В 10 часов вечера — приезжают Карл Федорович и Эраст Петрович Перцов. Пушкин переходит в кабинет А. А. Фукс и у портрета Г. П. Каменева произносит известный панегирик «первому русскому романтику»;

11. Дружеский ужин сопровождается, по странной причуде хозяйки, беседой о магнетизме. Далее происходит еще одна короткая беседа в ее кабинете — о стихах, прозе и своеобразии талантов, отдающих предпочтение тому и другому (поводом к возвращению разговора в родное для гостя и хозяйки литературное русло послужило рассматривание книги сочинений «одного казанского профессора»). И уже около часа ночи Александр Пушкин прощается с домом Фуков в Татарской слободе;

12. Последние мгновения пребывания Александра Сергеевича в Казани проходят весьма стремительно:

а) 8 сентября в пять утра Александра Андреевна пишет оду — подношение Пушкину;

б) 8 сентября в шесть утра Пушкин прощается с Боратынским и уезжает, через Лаишевскую почтовую дорогу, в Симбирск и Оренбург;

в) того же дня в 8 утра стихотворный поклон Александры Андреевны с опозданием прибывает в гостиничные номера, где останавливался Пушкин¹¹.

Заключительный уровень панорамы нашего проекта представляет историю и перспективы изучения темы — III. «Пушкин и Казанский университет: из XIX в XXI век». Один из наиболее высоко оцененных Пушкиным казанцев — профессор Казанского университета Карл Фукс¹². К. Ф. Фукс был любимцем населения Казани. Это был человек редкостной эрудиции: врач, натуралист, археолог, нумизмат, этнограф, ученый-путешественник, ориенталист, краевед, литературно образованный человек. Кроме того, Фукс был большим библиофилом, обладателем прекрасной библиотеки и полиглотом (кроме немецкого и русского языков, он хорошо знал еще восемь: английский, французский, итальянский, латинский, греческий, арабский, турецкий и татарский). Также современник классика — казанское «Общество любителей русской словесности»¹³, безоговорочно принимавшее Пушкина как первейшего русского поэта.

¹¹ Синхрон: из «пушкинской» оды А. А. Фукс: «Он небесный наш поэт. / В честь его на Геликоне / Аполлон нам пир давал... / ...Что там было, всё запело, / Гимны разнеслись в горах; / Имя Пушкина гремело / В их небесных голосах...».

¹² Синхрон: портрет Фукса и слова Пушкина: «...умный и учёный... он одолжил меня очень, и я рад, что с ним познакомился...» (из письма Пушкина супруге).

¹³ Синхрон: снимок первой страницы устава Общества.

Уже в середине XIX века к осмыслению феномена Пушкина обратится выдающийся казанский литературовед, ректор Казанского университета и один из основателей Казанской филологической школы — Николай Никитич Булич¹⁴. Требование исторического изучения творчества писателя звучит здесь в рамках культурно-исторической школы русского литературоведения, ярким представителем которой был Булич: «Никогда мы не поймем Пушкина, содержание его произведений и всемогущество его таланта без знакомства с духом его времени...». В контексте продолжающего жизнь казанского Общества ревнителей словесности звучат и исследования другого корифея Казанской литературоведческой школы — Александра Семеновича Архангельского¹⁵. Ученому принадлежат идеи некоего популяризаторства творчества Пушкина: «Пожелаем, чтобы возникающая ... пушкинская народная аудитория возможно скорее открыла ... этот светлый идеальный мир поэзии Пушкина; чтобы каждого ... входящего в нее наделяла этим талисманом — разом раздвигающим... тесные пределы времени и пространства, в которых до тех пор обращалась мысль!» (из работы «А. С. Пушкин как писатель народный»).

А уже на рубеже XX–XXI веков в Казанском университете проводится Международная конференция «А.С.Пушкин и взаимодействие национальных литератур и языков» (май 1998 года). Один из главных ее вдохновителей — заведующий кафедрой русской и зарубежной литературы — профессор Валерий Николаевич Коновалов, много труда отдавший исследованию разных сторон пушкинского творческого гения и, что важно в контексте темы нашего проекта, — развитию пушкинского мифа в русской культуре¹⁶. В данном случае мы вообще можем говорить о последовательном развитии в научном творчестве казанского литературоведа пушкинской темы. В. Н. Коновалова интересует не только определенный частный момент творчества Пушкина (Пушкин-историк, Пушкин-критик), но философско-эстетическое значения пушкинских идей, вкуче с проблемой формирования общенационального мифологического поля вокруг образа писателя (одной из составляющих которого представляется, в том числе, и пушкинский «казанский текст»). И одновременно можно выделить несколько иной пласт современной литературной культуры Казани — ежегодные Пушкинские дни Поэзии¹⁷. Также отдельным подразделом диска предполагается вид Пушкинских мест сегодня¹⁸. А неким постскриптом общей картины, предполагающим самостоятельное изучение данной темы — «Пушкин в Казани: что прочитать»¹⁹.

¹⁴ Синхрон: портрет ученого и названия двух наиболее важных работ: «значение Пушкина в истории русской литературы (введение в изучение его сочинений)» (1855) и «В память пятидесятилетия смерти Пушкина» (1887).

¹⁵ Синхрон: портрет ученого и название работы «А. С. Пушкин как писатель народный» (1899).

¹⁶ Синхрон: портрет ученого и цитата: «Пушкинский миф имеет сложную структуру: в нем многое зависит от времени, социальных и художественных потребностей общества, но за всеми внешними атрибутами, вызванными обстоятельствами<...>, остается главное, что делает поэта особым явлением русской жизни: ощущение живой связи его творчества с жизнью новых поколений, «лелеющая душу гуманность», сознание того, что Пушкин — своеобразный гарант духовного и физического единства русского народа».

¹⁷ Синхрон: фоторепортаж.

¹⁸ Синхрон: видеоряд с современными видами Казани.

¹⁹ Синхрон: избранная библиография по истории вопроса.

Думается, диск и включенные в него материалы пробудят, двинут дальше возникший в начале нового века и тысячелетия новый взлет интереса к имени А. С. Пушкина и литературной культуре Казани.

ЛИТЕРАТУРА.

- Архангельский А. С.* 1899: А. С. Пушкин в Казани. (5–8 сентября 1833 года). Казань.
Егоров В. В. 1956: Дома, связанные с пребыванием А. С. Пушкина в Казани. Казань.
Калинин Н. 1942: Пушкин в Казани. Казань.
Славянский Ю. Л. 1980: Поездка А. С. Пушкина в Поволжье и на Урал. Научно-популярный этюд. Казань.
[http:// history-kazan.ru/2010/07/aleksandr-sergeevich-pushkin-v-kazani](http://history-kazan.ru/2010/07/aleksandr-sergeevich-pushkin-v-kazani). [Электронный ресурс]. — Режим доступа: свободный.
[http:// www.ksu.ru/pushkin/pushkin.htm](http://www.ksu.ru/pushkin/pushkin.htm). [Электронный ресурс]. — Режим доступа: свободный.

A. S. PUSHKIN AND KAZAN (PROLOGUE TO MULTIMEDIA PROJECT)

A. N. Pashkurov, R. A. Bakirov

This is a multimedia disk project devoted to A.S. Pushkin's visit to Kazan. It presents a survey of the disk principal parts and the disk logic menu. The authors stress the necessity to set up a project of the kind within the framework of Kazan literary culture sphere.

Key words: A.S Pushkin, Kazan, literary culture, local geography and history study, multimedia CD

© 2013

Л. А. Сапченко

ПРОСТРАНСТВЕННЫЙ ОБРАЗ ЦЕРКВИ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ Н. В. ГОГОЛЯ

Церковь как пространственный образ является одним из наиболее значимых в художественном мире Гоголя. Эстетическое предпочтение готической церкви трансформируется в доминирующую идею высоты, которая пребывает главенствующей при изображении золотых куполов («верхушек») православной церкви, затем проявляется в образах небесного видения, блеска, свечения и получает завершение в символике духовного строительства. Стремление ввысь как доминанта церковного здания, вознесенность взгляда вверх при его созерцании отменяют пространственные характеристики образа и ведут к превращению его в образ динамический, обладающий семантикой духовного роста и нравственного возрождения.

Ключевые слова: литературоведение, Н. В. Гоголь, церковь как пространственный образ, символика образа

Сапченко Любовь Александровна — доктор филологических наук, профессор кафедры литературы Ульяновского государственного педагогического университета им. И. Н. Ульянова. E-mail: ssj-sla@mail.ru

Главная в творчестве Н. В. Гоголя тема — духовный путь человека — находит воплощение не только в символике дороги, но также в целом ряде образов, обладающих семантикой **строения** — как здания и как духовного строительства. Не касаясь огромного комплекса проблем, связанных с изучением религиозных воззрений Н. В. Гоголя, обратим внимание на пространственный образ церкви в его произведениях и попытаемся выявить некоторые особенности его художественного воплощения. Хотя, предполагая говорить лишь о пространственных измерениях и характеристиках, все-таки вряд ли возможно отсечь обобщенную символику образа храма или даже здания вообще, особенно у Гоголя, который метафорически соотносил семантику стройности или нестроения (руин, развалин) с состоянием души человеческой.

Теоретические труды по поэтике пространства, определяя типы пространственных локусов, называют приватные локусы (жилища персонажей), социальные (департамент, присутствие), природные (степь, море), комплексные (бал, игра в карты), динамичные (дорога)¹, но не выделяют церковь как особый тип художественного пространства. Пространственный образ церкви, в последнее время обративший на себя внимание исследователей творчества Некрасова, Чехова и др., теоретически не осмыслен.

При множестве работ, посвященных Гоголю как художнику и мыслителю, в том числе религиозному, церковь как пространственный образ нечасто становится предметом специального рассмотрения². Между тем, в сравнении с классиками русской литературы, писавшими до и после Гоголя, образ церкви характеризуется у него высокой частотностью, присутствует в большинстве его творений, выполняет принципиально значимую сюжетно-композиционную функцию и вообще является одним из наиболее существенных в художественном мире произведения.

Своеобразным эстетическим манифестом предстает, с этой точки зрения, статья Гоголя «Об архитектуре нынешнего времени». В статье главенствует образ готического храма. Рассматривая различные направления и стили, автор отдает решительное предпочтение архитектуре готической, которую «нужно употреблять только в церквях и строениях, высоко возносящихся». «Слово ширина должно исчезнуть. Здесь одна законодательная идея — высота»³. Сквозной мотив статьи — устремленность в небесную высоту, получающая неотразимое подкрепление в многочисленных архитектурных деталях: лес стрельчатых сводов, угольные столбы, поднимающиеся вверх, как стрелы, как тополи, как сосны, огромные узкие окна, воздушная, легкая резьба, улетающая вместе с тонким шпиком на небо. «Со мною согласится всякий, — утверждает автор, — что нет величественнее, возвышеннее и приличнее архитектуры для здания христианскому богу, как готическая»⁴.

«Языческие, круглые, пленительные, сладострастные формы»⁵ куполов предстают в статье поначалу прельстительными и неподобающими христианству.

¹ Прокофьева 2011, 87–94.

² См.: Гуревич 2003, 87–95; Денисов 2006, 258–273; Дмитриева 2011, 291–305.

³ Гоголь VIII, 1937–1952, 65.

⁴ Гоголь VIII, 1937–1952, 65.

⁵ Гоголь VIII, 1937–1952, 58.

В идеальной модели пространства явное предпочтение отдается вертикали перед горизонталью. «Стремление ввышину» — важнейшая характеристика храма. По Гоголю, церковь должна, как и любое создание художника, выражать идею своего назначения.

Более сложным выглядит отношение к прямизне и кривизне, округлости линий. Критерием оценки становится здесь благородство вкуса, единство мысли, гармония частей, пропорция между размером купола и самого строения.

Нарушение пропорции, отмечает Гоголь, привело к исчезновению главного назначения — вызывать благоговение: «... куполы стали походить на грибы»⁶. В подобном сравнении актуализируется семантика не духовного, а материального, земного начала, губительного отступничества от идеи Бога.

Но сам автор не может устоять перед обольстительной красотой купола. «...Это лучшее, прелестнейшее творение вкуса, сладострастный, воздушно-выпуклый»⁷, он равно и «прельщение» (этот мотив многократно повторяется в тексте), и небесный свод.

В то же время прихотливый изгиб наводит на мысли о творческой свободе: «Неужели все то, что встречается в природе, — восклицает автор, — должно быть непременно только колонна, купол или арка? Сколько других еще образов нами не тронуто! Сколько прямая линия может изгибаться и изменять направление, сколько кривая выгибаться, сколько новых можно ввести украшений, которых еще ни один архитектор не вносил в свой кодекс!»⁸.

Архитектура здания мыслится Гоголем как композиция литературного произведения. Эстетическая установка при этом одна и та же — на господствующую мысль, на единство целого, не отменяющее при этом разнообразия самих принципов создания.

Подчеркивая важность башни для христианских церквей, писатель настаивает, с одной стороны, на непреложности определенной дистанции для созерцания церкви, а с другой, — указывает на необходимость высокой точки в самом здании, для того, чтобы взгляд устремлялся, «по крайней мере, на полтораста верст во все стороны»⁹, — во имя предвидения и пророчества.

Статья об архитектуре выражает идейно-эстетическое кредо Гоголя, в котором величие автора, сила его вдохновения определяется колоссальностью задуманного им творения, соотносимого со всей безграничностью пространства (в соответствии с будущим грандиозным замыслом «Мертвых душ»: «Вся Русь явится в нем!») и с неостановимым стремлением вперед и ввысь.

* * *

Опираясь на изложенные писателем принципы и законы, «им самим над собою признанные», обратимся к образу церкви в его художественных произведениях.

Создавая зримый образ России, Гоголь помещает в русский пейзаж (сельский или городской) церковь. Как лицо земли определяет несметное множество пле-

⁶ Гоголь VIII, 1937–1952, 59.

⁷ Гоголь VIII, 1937–1952, 59.

⁸ Гоголь VIII, 1937–1952, 74.

⁹ Гоголь VIII, 1937–1952, 62.

мен, поколений, народов, так лицо России для автора поэмы определяет «несметное множество церквей, монастырей с куполами, главами, крестами»¹⁰. Из русских классиков только у Гоголя церковное сооружение является едва ли не самой заметной, почти непрменной частью открывающегося пред глазами читателя пейзажа, организуя его по вертикали и своеобразно взаимодействуя с пространственной горизонталью.

Образ церкви переживает у Гоголя определенную динамику, соответствующую творческой эволюции писателя, и при этом отражает сложное идейно-эстетическое соотношение католического и православного храмов.

В гоголевских описаниях готических соборов можно видеть поразительную красоту интерьеров, чудо витражей, слышать «величественный рев органа»¹¹, только там появляются у Гоголя молящиеся фигуры («Тарас Бульба», «Рим»). Однако Андрий соблазнен и прелестью прекрасной полячки, и великолепием католического храма¹². Автор приходит к идее губительности красоты, в том числе и красоты готической церкви.

Изображение православной церкви подчиняется иным художественным закономерностям. Кресты и купола более всего привлекают взгляд автора. Гоголь рисует не общий вид и не интерьер, а предпочитает изобразить верхнюю часть здания.

Если же писатель обращается к более подробному описанию, образ церкви распадается на несколько пространственных локусов: окна, двери, углы, купола. Образно-символическая структурность церковного здания получает у Гоголя избирательное отображение. Вознесенности куполов противостоит в ранних повестях Гоголя обратная вертикаль: могилы, подземелья, монастырские подвалы. Элементы «готической» поэтики в гоголевских повестях участвуют в создании нового художественного единства, воплощающего высоты и бездны человеческого духа, выси и подземелья душевного храма.

Наиболее сюжетно значимым оказывается образ проема (в стене) — т.е. окон, дверей, вообще — входа (что характерно для всего гоголевского творчества). В структуре здания они являются в известном смысле границей, проницаемой, однако, для разного рода нечисти, посягающей на внутренние помещения церкви. Отверстость, уязвимость церковного пространства, проницаемость стен особенно сильно выражена в «Кровавом бандуристе», в вариантах «Вия». Окна и двери становятся своего рода «функциональными полями», «сюжетными локусами»¹³, где происходят необратимые события.

Детальное изображение внутреннего убранства православного храма чаще отсутствует, однако здесь появляется особый мотив — живопись в церкви («Ночь перед Рождеством», «Портрет»). Героем повествования при этом становится не священник и даже не прихожанин, в строгом смысле слова, а художник, что связано с романтической идеей «религии от искусства»¹⁴.

В отношении населенности этого сакрального пространства также обнару-

¹⁰ Гоголь VI, 1937–1952, 109.

¹¹ Гоголь II, 1937–1952, 97.

¹² Дмитриева 2011, 292–293.

¹³ Лотман 1997, 623.

¹⁴ См. об этом: Дмитриева 2011, 309.

живаются парадоксы. Персонажи «Вечеров на хуторе близ Диканьки» и «Миргорода» приходят в церковь не для молитвы. Автор показывает, что в доме божьем они остаются во власти тех же суетных забот земной жизни — зависти, жадности, кичливости, вождения и пр., все это вместе может быть определено как ситуация «черт в церкви».

Так, во время рождественской службы богобоязненного Вакулы нет в храме, зато всем заметна там разряженная Солоха, при виде которой дьячок не мог не воскликнуть «Черт-баба». В церковь, куда насильственно помещен Хома Брут, врываются чудовища. Отнюдь не божественными помыслами охвачены в храме Иван Иванович и Иван Никифорович. В Казанском соборе набожно отвешивает поклоны *нос* в мундире статского советника.

Внутри церкви не царит благоговение, не слышатся молитвы. В «Кровавом бандуристе» монастырь оглашается выстрелами и непристойной бранью. В «Вие» пространство церкви наполнено производимым нечистой силой отвратительным царапаньем, свистом и звоном в окнах. Вошедший наутро священник «не посмел» произнести в поруганном храме «слова божьего». В повести «Нос» собор становится местом выяснения отношений между майором Ковалевым и его собственным носом.

Нельзя не заметить, что в «Вие» обреченный на поругание храм еще до вторжения дьявольской силы несет в своем внешнем облике признаки разрушения и запустения, окончательной гибели. При этом все еще заметно авторское неприятие купола, как формы, не соответствующей содержанию, искажающей, извращающей саму идею высоты. «Церковь деревянная, почерневшая, убранный зеленым мохом, с тремя конусообразными куполами, уныло стояла почти на краю села. Заметно было, что в ней давно уже не отправлялось никакого служения»¹⁵. Уединенный монастырь в «Гетьмане» «стоял почти в конце города, на косогоре. Нижняя половина церкви была каменная и, можно сказать, вся состояла из трещин, обожжена, закурена порохом, почерневшая, позеленевшая, покрытая крапивою, хмелем и дикими колокольчиками, носившая на себе всю летопись страны, терпевшей кровавые жатвы. Верх церкви с теми изгибистыми деревянными пятью куполами, которые установила испорченная архитектура византийская, еще более изуродованная варваризмом подражателей, был весь деревянный. Новые доски, желтевшие между почернелыми старыми, придавали ей пестроту и показывали, что еще не так давно она была починена богомольными прихожанами»¹⁶ (символическое выражение попыток восстановления погибающей веры).

В «Вие» и в «Кровавом бандуристе» изначальная стройность церкви теряется за кривизной и изгибами скрывающих ее трав, цветов, деревьев, пустивших «корни по стенам ее». В обоих случаях актуализируется символика утраты истинного пути и духовного центра: церковь стоит на краю села, дорога к ней почти забыта, а то и совсем утеряна. В «Кровавом бандуристе» взамен устремленности здания ввысь создается обратная вертикаль, ведущая в преисподнюю.

В результате православный храм с навеки «завязнувшими в дверях и окнах чудовищами», обросший «лесом, корнями, бурьяном, диким терновником»¹⁷, вы-

¹⁵ Гоголь И., 1937–1952, 200.

¹⁶ Гоголь И., 1937–1952, 302.

¹⁷ Гоголь И., 1937–1952, 217.

зывает ассоциации с видом готической церкви. «В готической архитектуре, — пишет Гоголь, — более всего заметен отпечаток, хотя неясный, тесно сплетенного леса, мрачного, величественного, где топор не звучал от века. Эти стремящиеся нескончаемыми линиями украшения и сети сквозной резьбы не что другое, как темное воспоминание о стволе, ветвях и листьях древесных»¹⁸. Посрамленная православная церковь превращается в карикатуру готической с ее химерами и горгульями. «Химеры представляли грехи человеческие или дьявольские силы, для которых освященное пространство непроницаемо, и потому всегда находились вне храма. Гномы “Вия” легко проникают в пространство “темного храма” и здесь же остаются, а согласно редакции 1835 г., они завязнули не только “углах”, в отверстиях окон и дверей, но и в самом куполе, который, как известно, символизирует небо»¹⁹. Первоначальные восторги автора перед «законодательной» идеей готики — высотой — сменяются пониманием того, что святость не обладает недостижимым физическим пространством, ей остается только сфера духа. Обнаруживается тотальная проницаемость земного мира для сил зла. Пространство церкви как материальный объем дискредитируется.

* * *

В «Мертвых душах» получают продолжение те принципы создания образа церкви, которые проявились в повестях Гоголя, но намечаются и новые тенденции.

Церковь также остается в «Мертвых душах» первой попадающей в поле зрения чертой российского пейзажа: «луна, неведомый город, церкви со старинными деревянными куполами и чернеющими остроконечьями»²⁰. Это либо высокая, узкая деревянная колокольня (вертикаль, организующая образ пространства) и широкая, темная деревянная старая церковь, либо — не характерная для предшествующих произведений — «выбеленная, как снег, новая церковь»²¹ и вознесенный над нею обитый белым листовым железом круглый, правильный купол (очевидна символика чистоты и правильности). Появление или исчезновение (при взгляде назад) белых верхушек церквей создает образ движения. Храм предстает как веха на пути, а не как объем или интерьер. Преданный идее высоты, автор неизменно акцентирует внимание на верхней, излучающей свет, части церковного сооружения.

В 1 томе «Мертвых душ» все же доминирует образ необиженной, старой церкви: «опустевшей деревянной» или «каменной с желтенькими стенами, испятнанной, истрескавшейся»²². В 1 томе поэмы, так же, как в повестях Гоголя, в церквях происходит не то, что подобало бы: ни служба, ни уединенная молитва. Мирские заботы по-прежнему проникают в храм: поспешное венчание, эффектные наряды дам, корыстолюбие попа, перевенчавшего лабазника Михайла на куме, желание присмотреть выгодную партию... Иронией окрашены связанные с церковью топонимы: деревня Трухмачевка, храм Николы на Недотычках...

¹⁸ Гоголь VIII, 1937–1952, 63.

¹⁹ Денисов 2006, 262.

²⁰ Гоголь VI, 1937–1952, 221.

²¹ Гоголь VI, 1937–1952, 110.

²² Гоголь VI, 1937–1952, 112.

Как справедливо утверждает П. Гуревич, о ссылке на И. А. Есаулова, архитектурные образы церквей у Гоголя имеют двоякое значение: «они сакрализуют художественное пространство <...>, и они же участвуют в «художественном изображении апостасии (нового отступничества от Бога)»²³. Особая жанрово-родовая природа «Мертвых душ» актуализирует обе эти художественные функции.

В конце 1 тома снова возникает и получает во 2 томе дальнейшее развитие мелькнувшая в «Вечерах...» и в «Миргороде» характеристика церковного пространства как светоносного: «рассвет загорался, и блестили золотые главы вдали киевских церквей». В Киевскую Лавру («Вечер накануне Ивана Купалы») скрылась высохшая от горя Пидорка, принеся с собой «оклад к иконе божьей матери, исцеченный такими яркими камнями, что все зажмуривались, на него глядя»²⁴. Подобно этому, и в «Мертвых душах» храм постепенно утрачивает свойства материального объекта и превращается в лучезарное небесное видение: «... как звезда, блесит в стороне крест сельской церкви»²⁵.

Во 2 томе многократно происходит метонимическое замещение пространственного объема. Вместо здания в целом авторский взгляд замечает только его верх — купола, главы и кресты, что придает образу символический смысл, соотносимый с главной идеей гоголевского творчества — стать выше духом.

Взор автора с любовью останавливается на не «старой», как прежде, а теперь уже «старинной» церкви, на ее пяти позлащенных играющих верхушках. Тема купола редуцируется. Деревянная или каменная, церковь у Гоголя все более дематериализуется, воссоздается в безграничности, в просторе, на фоне неба, и, отражаясь в воде, оказывается между двух бездонных небесных пространств. «И над всем этим собранием дерев и крыш возносилась свыше всего своими пятью позлащенными играющими верхушками старинная деревенская церковь. На всех ее главах стояли золотые прорезные кресты, утвержденные золотыми прорезными же цепями, так что издали, казалось, висело на воздухе ничем не поддержанное, сверкавшее горячими червонцами золото. И всё это в опрокинутом виде, верхушками, крышками, крестами вниз, миловидно отражалось в реке»²⁶. По словам Ю. М. Лотмана, «в творчестве Гоголя устойчиво представление об отраженном (перевернутом) пейзаже как образе простора: отражение, дополняющее небесный свод над головой его образом под ногами, снимает ограничительную поверхность, замыкающую пространство снизу, и является, вместе с мотивом полета, выражением инвариантной пространственной модели безграничности»²⁷.

Церковь в произведениях Гоголя, пространственный в основе своей образ (здание, архитектурное сооружение), переходит в образ световой, бестелесный. Полуразрушенный, ветхий православный храм ранних повестей сменяет в «Мертвых душах» новая (белая) церковь с золотыми куполами и светящимися крестами. Отменяются и объем, и линия (прямая ли, кривая), остается только свечение. Светоносность куполов и крестов предстает как маяк, вежа, ориентир на духовном пути человека.

²³ Гуревич 2003, 92.

²⁴ Гоголь I, 1937–1952, 150.

²⁵ Гоголь VI, 1937–1952, 222.

²⁶ Гоголь VII, 1937–1952, 8.

²⁷ Лотман 1997, 642

В соответствии с грандиозным авторским замыслом многогранный образ церкви в поэме символизирует прошлое (заброшенное строение), настоящее (новый храм) и движение к будущему России (лучезарное видение, золотое свечение). Как отмечает Н. П. Сысоева, «сама композиция задуманной величественной трилогии не могла не соответствовать ее пафосу преображения русской души, ее “воскрешению из мертвых”. <...> Гоголевское видение и изображение русского мира точно соответствовало онтологической по своему масштабу, метафизической по своей задаче сущности жанра высокой эпической поэмы: изображать жизнь и человека на границе прошлого и предстоящего бытия»²⁸.

В «Выбранных местах из переписки с друзьями» церковь осмыслена не как пространственный образ, а как православная вера. Защищая ее от «западных католиков», Гоголь пишет: «Они говорят, что церковь наша безжизненна. — Они сказали ложь, потому что церковь наша есть жизнь; но ложь свою они вывели логически, вывели правильным выводом: мы трупы, а не церковь наша, и по нас они назвали и церковь нашу трупом. Как нам защищать нашу Церковь?

<...> Только и есть для нас возможна одна пропаганда — жизнь наша. Жизнью нашей мы должны защищать нашу церковь, которая вся есть жизнь; благоуханием душ наших должны мы возвестить ее истину»²⁹.

Современные исследователи, раскрывая динамику перехода писателя от художественного к духовному творчеству, рассматривают первый, второй тома «Мертвых душ» и «Выбранные места...» «как единую книгу творений Гоголя»³⁰.

Во 2 томе «Мертвых душ» образ церкви постепенно утрачивает не только пространственные характеристики, зримые очертания и даже само свечение, становясь все более образом тайной, внутри себя совершаемой духовной работы, самостроения, созидания себя. В совете Муразова Хлобуеву собирать на церковь, которая должна воздвигнуться взамен разрушенного строения, автор, уже прошедший испытания «Выбранных мест...», реализует метафору воздвижения, возрождения мертвой души.

От первоначального предпочтения готической церкви сохраняется только идея высоты, которая пребывает главенствующей и при изображении золотых куполов (верхушек) православной церкви, воплощающих в себе «идею глубокого молитвенного горения к небесам, через которое наш земной мир становится причастным потустороннему богатству»³¹, затем поднимается до образов небесного видения, блеска, свечения и наконец, полностью теряя материальность, получает завершение в символике духовного строительства.

Иными словами, стремление ввысь как доминанта видимого церковного здания, вознесенность взгляда вверх при его созерцании отменяют характеристики образа как пространственного и ведут к превращению его во временной, точнее, динамический, обладающий семантикой нравственного восстановления, духовного роста.

Говоря словами самого Гоголя, сказанными им о державинской поэзии, «его

²⁸ Сысоева 2003, 158–159.

²⁹ Гоголь VIII, 1937–1952, 245–246.

³⁰ Сысоева 2003, 161; Гончаров 1997, 222.

³¹ Трубецкой 1991, 9.

поэтические образы, не имея полной окончательности пластической, как бы теряются в каком-то духовном очертании и оттого приемлют еще более величия»³².

В итоге, человеческой духовности, возвышению человека соответствуют у Гоголя образы архитектурного совершенства, стройного сооружения. Бездуховности, нравственному падению — образы подземелий и развалин, заброшенной церкви. Устойчивая образно-символическая парадигма строения присутствует у Гоголя в охвате всего Божьего Творения, в понимании государственного устройства, в теме искусства и художника-творца, в осмыслении писателем состояния души человеческой, а также в описании церкви как пространственного образа и как духовной субстанции — «иной действительности, того небесного будущего, которое манит к себе, но которого в настоящее время человечество еще не достигло»³³.

ЛИТЕРАТУРА

- Гоголь Н. В.* 1937–1952: Полное собрание сочинений: в 14 т. М.
- Гончаров С. А.* 1997: Творчество Н. В. Гоголя в религиозно-мистическом контексте. СПб.
- Гуревич П.* 2003: Роль образов пластических искусств в художественном мире Гоголя (на материале художественной прозы) // Гоголь как явление мировой литературы. М., 87–95.
- Денисов В. Д.* 2006: Мир автора и миры его героев (о раннем творчестве Гоголя). СПб.
- Дмитриева Е. Е.* 2011: Н. В. Гоголь в западноевропейском контексте: между языками и культурами. М.
- Лотман Ю. М.* 1997: Художественное пространство в прозе Гоголя // Ю. М. Лотман О русской литературе. СПб., 621–659.
- Прокофьева В. Ю.* 2011: Категория пространство в художественном преломлении: локусы и топосы // Вестник ОГУ. 11, 87–94.
- Сысоева Н. П.* 2003: Русский стихотворный эпос второй трети XIX века (жанровая эволюция). Оренбург.
- Трубецкой Е. Н.* 1991: Три очерка о русской иконе. М.

CHURCH SPATIAL IMAGE IN N. V. GOGOL'S WORKS

L. A. Sabchenko

Church as a spatial image is the most significant one in Gogol's artistic world. Esthetic preference for Gothic church transforms into the notion of height that is the chief one in depicting Orthodox Church golden domes. Then it manifests itself in heavenly images, brilliance, glow, and culminates in symbolic spiritual creation. The church rising, high and one raising eyes to contemplate it, all that reveals spatial characteristics of the image and transforms it into a dynamic image that acquired the sense of spiritual growth and moral revival.

Key words: literary criticism, Gogol, church as a spatial image, image symbolism

³² Гоголь VIII, 1937–1952, 374.

³³ Трубецкой 1991, 8.

ПРОБЛЕМА ДЕГУМАНИЗАЦИИ ЛИЧНОСТИ В ПЬЕСЕ Г. ГАУПТМАНА «ШЛЮК И ЯУ»

Статья посвящена исследованию образов главных героев в комедии Герхарта Гауптмана «Шлюк и Яу». Магистральной проблемой его сложного и противоречивого творчества стала проблема дегуманизации личности и духовного одиночества человека в буржуазном обществе. Писатель-гуманист Гауптман, болезненно ощущая кризис нравственно-этических норм, ставит вопрос о ценности человеческой личности и с гуманистических позиций страстно ее защищает. Анализируя это произведение, постараемся выявить также наличие мотивов, заимствованных у Шекспира из пьесы «Укрощение строптивой».

Ключевые слова: английская литература XIX в., Г. Гауптман

Центральной проблемой всего сложного и противоречивого творчества Г. Гауптмана стала проблема дегуманизации личности и духовного одиночества человека в буржуазном обществе. Писатель, болезненно ощущая кризис нравственно-этических норм, поднимает вопрос о ценности человеческой личности и с гуманистических позиций страстно защищает эту личность.

Герхард Гауптман — крупнейший драматург Германии конца XIX — начала XX века. Лауреат Нобелевской премии, признанный мастер драматического искусства, он после Шиллера снова вывел немецкий театр на международную арену. Гауптман в течение нескольких десятилетий остро осознавал проблемы своей бурной эпохи и сумел в лучших драмах поставить вопросы, выдвигаемые самой жизнью.

Как мы уже указали выше, основной проблемой его творчества стала проблема дегуманизации личности в буржуазном обществе. Как очень точно отметил шекспировский Гамлет: «Что есть человек, когда он занят только сном и едой? Животное, не больше».

Для дегуманизации характерны: 1. Пренебрежение к личности как таковой или отдельным общностям людей (нациям, расам, группам по половому и религиозному признаку); 2. Обесценивание человеческой жизни; 3. Лояльное, порой позитивное отношение к насилию; 4. Категоричность мышления в том, что касается отрицания высших проявлений человечности. Психологическую основу дегуманизации образует, по — видимому, уязвленное чувство самолюбия, неспособность преодолеть комплекс неполноценности на путях подлинно созидательной активности, на что указывает, в частности, А. Адлер¹.

Гауптман был во многом близок натурализму. Он, например, разделял мысль о пассивности человека и невозможности противостоять общественному злу. Такая позиция часто приводила писателя к политическому нейтралитету в решающие моменты немецкой истории, к созданию художественных образов, лишенных

Кожевников Михаил Васильевич — доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой культурологии и зарубежной литературы Магнитогорского гос. ун-та. E-mail: mihvasko@mail.ru
Абдулина Айслу Муратовна — аспирантка Магнитогорского гос. ун-та. E-mail: aislou.83.solnishko@mail.ru

¹ Адлер 1997, 288.

активности, героического начала. Порой Гауптман переоценивал значение биологических факторов и пытался только ими объяснить поступки человека и его психологию. Ярким образцом стала трагикомедия Г. Гауптмана «Шлюк и Яу» (1900, Schluck und Jau).

В истории мировой литературы существует огромное количество произведений, восходящих к шекспировским сюжетам. Чаще всего — это вариации на ту же тему или интерпретации пьес великого английского писателя. Наибольшее число переосмыслений и интерпретаций шекспировских сюжетов связано с его трагедиями («Гамлет», «Макбет»). Пьеса Герхарта Гауптмана «Шлюк и Яу», одна из немногих, восходящая к комедии Шекспира «Укрощение строптивой».

Сюжет комедии имеет длинную историю. Он отображен ещё в сборнике «Тысяча и одна ночь». Чтобы отблагодарить купца Гассана, калиф приказывает перенести его, спящего, во дворец, где Гассана уверяют, что он калиф. Гассан успевает использовать свою власть, отправив золото матери (отсюда выражение «Калиф на час»). Есть предание, что тиран Дионисий проделал такую шутку над льстецом Дамоклом. Есть другое сказание у бургундских историков, будто бы такую комедию с одним пьяным бедняком сыграл король Филипп Добрый. Этот же мотив использовали и Шекспир в «Укрощении строптивой», и Кальдерон в драме «Жизнь есть сон».

Гауптман в пьесе «Шлюк и Яу» не переделывал Шекспира². Он, основываясь на шекспировском сюжете, отобразил свои рассуждения тщетности и эфемерности людских стремлений к богатству и власти, т.е. к тому, что люди называют счастьем. Жанр своей пьесы автор обозначил как «представление на смех и глумление» («Spiel zu Scherz und Schimpf»).

В качестве эпиграфа немецкий драматург берёт последние реплики из пролога к «Укрощению строптивой». Но эта отсылка лишь обозначает источник. К тому же у Гауптмана главное действие начинается там, где заканчивается шекспировский пролог и начинается собственно «Укрощение строптивой». Он поднимает занавес там, где Шекспир его опускает и далее к сюжету, заявленному в прологе, не возвращается. Гауптман дописывает эту сюжетную линию, превращая ее в самостоятельную пьесу.

Прообраз гауптмановских Шлюка и Яу — шекспировский медник Слай. Гауптман как бы раздвоил его. Справедливо некоторые критики видят это в самих именах гауптмановских героев. В немецком переводе шекспировский герой Sly (англ. имя Slay — лентяй, бездельник) именуется Schlaу. Гауптман как бы разбил это имя надвое, использовав его и для Шлюка и для Яу.

В немецкой пьесе говорится о том, что владетельный князь Ион Рандт, окруженный друзьями, весело коротает дни в своем замке, предаваясь пирам, охоте и флирту. Но это веселье — только внешнее: эти люди, не знающие ни в чём недостатка, богатые и, казалось бы, счастливые, — в сущности глубоко несчастны в своей неудовлетворённости. Более всех чувствует это, конечно, тот, кто серьезнее других относится к жизни и глубже её понимает; это ближайший друг Иона Рандта — Карл, который с грустью признаётся:

² Известно, что Гауптман не раз обращался к Шекспиру. Ему принадлежат две переделки «Гамлета». Первая — 1927 года (Hamlet/ Neu übersetzt und eingerichtet von Gerhart Hauptmann). Вторая — «Гамлет в Виттенберге» — 1935 года (Gerhart Hauptmann, «Hamlet in Wittenberg»).

Ты, Ион, от скуки хочешь умереть?
Ты именно от скуки и умрешь.
Тебе едок паштетов роет яму!
Паштеты вы едите по утрам,
паштеты те же вечером и днем,
день — изо — дня паштеты да паштеты.
И ваше мясо ведь не мясо больше:-
паштет; ваш мозг- паштет; паштет — и сердце;
притом ничем ни разу не согретый³.

И вот, чтобы хоть чем то наполнить свою тоскливо-праздничную жизнь, чтобы дать понять своему господину, чем тот является на самом деле, если лишить его внешней мишуры власти и из повелителя превратить в подчинённого, Карлу приходит в голову шальная мысль — под видом шутки сказать ему горькую правду о жизни и о нём самом.

Во время охоты перед воротами замка они находят двух пьяниц Шлюка и Яу, переносят их во дворец и, по совету Карла, ради забавы делают Яу, находящегося в совершенно невменяемом состоянии, князем на один только день. Этот бродяга просыпается в роскошных покоях дворца, на богатой кровати под балдахином, окруженный слугами, которые держат наготове серебряные подносы с разными напитками и сладостями. Ион Рандт, превратившийся в придворного медика, вместе с Карлом наперебой стараются убедить его в его высоком происхождении, которое он будто бы забыл в скверном сне после попойки, и так в этом преуспели, что этот пьяница убеждается в истинности их слов и начинает чувствовать себя настоящим князем.

Мысль Сенеки, что наслаждаться и радоваться может только человек благородный, справедливый и воздержанный, была близка и Шекспиру, и Гауптману. Этот идейный смысл пьесы отчетливо проявляется в финале, где ошалевший и озверевший от сознания власти Яу превращается из добродушного и растерянного бродяжки в тирана и деспота. Шутки заходят так далеко, что постепенно вошедший в свою роль Яу становится не в меру груб, нагл и жесток, как истинный повелитель, и, когда на его требование целовать у него каблук, распластавшись в ногах, Ион Рандт решается указать ему, что этого у них не требует и сам король, взбешенный Яу восклицает: «Король! Что мне тут король! Ему у меня сапоги смазывать: я ему за это пяточек на чай дам. Да в моем мизинце больше власти, чем у целого короля сверху до низу! Вот с этим самым зобом, что у меня на шее, в какие-нибудь четыре недели я натворю дел больше, чем король в семнадцать лет»⁴.

Едва ли можно согласиться с теми критиками, которые увидели в «Шлюке и Яу» протест драматурга против грубых жизненных контрастов и несправедливости судьбы, против насилия над человеческой личностью. Эта трагикомедия наглядно иллюстрирует суетность человеческого величия и человеческой власти. Невыспавшийся пьяный шут равен королю. Власть равно опьяняет обоих. Различие положений не так уж огромно. Нет разницы в том, кто сидит на золоченном

³ Гауптман 1, 1902, 235.

⁴ Гауптман 1, 1902, 331.

кресле — высокородный властелин или пропойца-босяк, вчера вытащенный из канавы. И когда владелец замка осознает это, то решает положить шутке конец:

Снотворного! пора кончать, друзья!
Животное, толкующее грезы,
бедняга — человек, увы, так часто
теряет ключ от мира снов своих,
и вот, нагой, на стуже мироздания
перед своею ж дверью он стоит
и горько страждет⁵.

Снова просыпается Яу, но уже перед воротами замка, там, где его нашли в первый раз. Снова рядом с ним Шлюк, тщетно старающийся привести его в чувство и убедить в том, что он не князь, а просто Яу. Снова перед ним Ион Рандт со своей блестящей свитой, но теперь он слышит совсем другие слова:

Спокойствие, мой друг! ты просто грезил,
и я, кого ты видишь пред собой,
сам князь наш, и охотники его,
и вся его бесчисленная челядь-
мы грезим все, но каждый знает час-
в течение дня он часто нас пугает,-
когда себе приходится сказать:
теперь проснись — ты грезил до сих пор!
Вот золото, возьми, дружок, утешься.
По существу, и я - бедняк, как ты.
И если ты со скрежетом смеёшься
за чаркой водки в грязном кабаке,
то смех твой очень родствен моему,
каким я, бедный блюдолиз, порою
за княжеским столом смеяться должен.
Иди своей дорогой, пей и думай:
во сне твоём плыла худая бочка,
тебя дождём мускатным оросила.
Что ж? вспоминай и радуйся, коль хочешь, —
но к облакам, приятель, не тянись⁶.

Внезапно в Яу просыпается чувство человеческого достоинства, и он, прозревая, начинает постигать истинное положение вещей. «Стало быть, у меня кружилась голова, я просто — напроосто бредил? Нет! — Да! — Нет! — Нет, говорю. — да пусть я тут же на месте... Ну, так что же! — И пусть! — Что было, то было! Ну? Скажи-ка, без шуток, разве я меньше, чем он? У него хороший желудок: у меня тоже. Пожалуй, ещё почище, чем у него-то! У него два глаза — хорошо-с! Да я-то нешто слеп? Да у него-то четыре глаза, что ли? Ну? Шесть глаз у него? Сон у меня хороший, сивуху свою тянуть я могу. Дышать я умею так же хорошо, как он! Ну? Не моя правда? Ежели у него кой-чего там и побольше: так это кошке под хвост. Ударь меня по скуле, Шлюк, и ему влепи здоровую затрещину, тут-то уж у нас обоих полетят зубы изо рта. Пусть он возьмется за свой хохол! Эй, вы!

⁵ Гауптман 1, 1902, 337.

⁶ Гауптман 1, 1902, 348.

возьмитесь-ка за голову. Что на ней волосы то прилизаны, так эту самую голову вместе с бархатным картузом в конце — то концов черви сожрут! Сожрут, попадись только! Так же дочиста, как и мою! Я, брат, знаю! Это я всегда знал! Я это очень хорошо понимаю! Все на одно и выходит. Нашего брата они не проведут».

Это и есть основная мысль пьесы, её на разные лады на протяжении всей пьесы излагает и сам Карл. Когда Ион Рандт выражает опасение, как бы Яу, вернувшись к прежнему своему состоянию, не лишился рассудка, — он его успокаивает:

Помилуй Бог! Сними с него, Ион Рандт,
все это пестро вышитое платье,
и он скользнет опять в свои лохмотья,
что в узелке припрятал кастелян.
Пойми, мой друг, ведь платье- только платье!
Его — чуть-чуть потерто, но зато
оно ему удобно, по плечу.
И раз оно из той же самой ткани,
как сны,- его и наше платье, Ион,-
и раз к вещам, среди которых бродим,
не ближе мы стоим, чем к снам своим,
ничуть не ближе, чем скиталец Яу,-
то он из наших призрачных небес
уйдет не очень многим меньше нас
в родное царство низости своей.
Что? Как? да разве ты пред жизнью больше,
чем голый воробей? чем этот Яу?
Не думаю! В душевной глубине
и мы и Яу — почти одно и то же:
и наше счастье лучшее, Ион Рандт,
игра пустая мыльных пузырей.
Мы образуем их — дыханьем сердца,
пестрим их роем воздух голубой,
пока они не лопнут: так и Яу.
Он волен впредь, как волен был доныне,
забаве этой вечной предаваться⁷.

Шутка Карла удалась на славу, и совершенно ясно, что хотел сказать он Иону Рандту. Он насмехается над властью и богатством, которыми так кичится его повелитель. Однодневное правление пьяного бродяги, вытщенного из канавы, который быстро усваивает все властные привилегии, а потом просыпается в той же канаве, — это прообраз эфемерности всей человеческой жизни, ее суетных желаний, которые вдруг разлетаются в прах в тот единственный момент жизни, когда человек впервые становится лицом к лицу к Вечности, и когда сама жизнь вдруг окажется мимолетным сном, за которым неминуемо следует пробуждение.

В ситуации «пробуждения» оказывается не только Яу, но и Ион Рандт, который совершенно неожиданно для себя обнаруживает, что различия между ним и двумя нищими пьяницами условны. Таким образом, не только Яу «раскалывает-ся надвое», но и казавшийся идеально упорядоченным мир Иона Рандта тоже даёт

⁷ Гауптман 1, 1902, 316.

трещину. Потому что гармония, основанная на строгой разграниченности и упорядоченности, не более чем иллюзия, игра. Шутка Гауптмана далеко не так беззаботна, как это заявляет в прологе охотник, открывающий комедию. Здесь есть не только чему посмеяться, — есть и над чем задуматься.

Идейный замысел этой пьесы многогранен, а по яркости натуралистической окраски Шлюк и Яу справедливо могут быть отнесены к одним из самых удачных реалистических фигур немецкого драматурга. Гауптман подчеркивает их реальность силезским наречием, на котором говорят оба персонажа на протяжении действия всей комедии, в отличие от остальных действующих лиц.

Он использует языковой контраст в речи героев пьесы. Согласно лингвистическим данным, типичным для большинства силезских диалектов является употребление собственных (имеющих славянские корни) слов: Plotsch вместо Dummkopf (глупый), Ruusch вместо Wald (лес).

И нахал Яу, в котором пробуждается зверь только от соприкосновения с золотом и властью, который, сидя на золоченом стуле, предпочитает первосортному вину привычное пиво, и Шлюк, опустившийся и циничный, выписаны с обычным гауптмановским мастерством, и здесь автор наиболее самобытен. Все остальное в пьесе лишено подобной красочности. Рандт, Карл, Мальмштейн, фрау Аделуц — образы статичные, без ярко выраженных индивидуальных черт. Рядом с этими реальными и грубыми образами, что проявляется и в нечасто встречающейся у Гауптмана грубости и вульгарности их речи, представлен поэтический и нежный образ Зидзелили.

Немецкая критика часто сравнивает героиню с Раутенделейн из «Потонувшего колокола». С этим нельзя не согласиться. Дымка грусти, какую овевает прекрасная, счастливая и тем не менее вечно тоскующая принцесса, несомненно роднит ее со светлой феей из сказки.

Влияние Шекспира проявляется и в обрисовке образа Шлюка, и в особенностях его остроумия и речи, в переходах от стихов к прозе, и в непривычной для Гауптмана вульгарности речей Яу. Это влияние видно и в некоторых монологах, например, рассуждения о «голом воробье» или описании любви Рандта к Зидзелили:

Привет сердечный, кошечка моя!
Владычица прекрасная! Кому
Известны тайны чар, что новым зноом
Воспламеняют пепел отгоревший,
В пустыне мертвой шлаковых полей
Расцвет их будят, вечный и волшебный,-
Что стаям рыб немых дают дар речи
И камням пение! Кто знает чары,
Что сочную листву из мертвой палки
И свежие побеги извлекают,-
А в мельнице такие будят звуки,
Что как бы ни гремели жернова,
Нам слышится игра певучей флейты⁸.

⁸ Гауптман 1, 1902, 252–253.

Влияние Шекспира чувствуется и в языке Шлюка и Яу. Растерянно-неврастеническая речь Шлюка с частым повторением одного и того же слова («милостивая государыня») и т. д. напоминает манеру речи Слая и других комических персонажей шекспировских пьес, в частности, Спида и Ланса из «Двух веронцев».

В пьесе Гауптмана много юмора. Шлюк и Яу комичны, особенно в сцене опьянения Яу властью и встрече с переодетым Шлюком. К слабым сторонам пьесы относится сильная её растянутость. В самом деле, для сравнительно маленького сюжета шести актов слишком много. Слишком пространно говорят Шлюк и Яу. Слишком много философствуют Рандт и Карл в ущерб живому действию комедии. Только бьющая ключом веселость могла бы оправдать множество картин, показывающих чванливого Яу.

Все это стало причиной сценического неуспеха пьесы. Зритель оживляется только в некоторых местах, где Гауптман изображает реальные образы двух гуляк.

Соглашаясь с критикой, что «Шлюк и Яу» — произведение мало самобытное и «совершенно в шекспировском духе», нельзя не увидеть, что внес сюда Гауптман. Рабского подражания здесь нет. А в рассуждения Шлюка и Яу Гауптман вложил такое осознание человеческого достоинства и ценности каждого создания, которые вряд ли могли родиться в шекспировские времена. Проблема чисто социального характера превратилась под его пером в проблему общечеловеческого значения, в грустную сказку, полную раздумий о жизни и смерти, о человеке и трагикомедии его земного существования.

В этом произведении Г. Гауптман со своих гуманистических позиций защищает ценность человеческой личности, давая нам ясно понять, что проблема дегуманизации была и остаётся весьма актуальной в любое время.

ЛИТЕРАТУРА

- Адлер А. 1997: Наука жить. Пер. с англ. Е. О. Любченко. Киев.
 Гауптман Г. 1902: Собр. соч.: в 2 т. М.
 Евлахов А. М. 1917: Герхарт Гауптман. Путь его творческих исканий. Ростов на Дону.
 Журчева, Т. В. 2006: Проблема размыwania границ и трагикомическое мироощущение: опыт анализа пьесы Г. Гауптмана «Шлюк и Яу» // Поэтика рамы и порога: функциональные формы границы в художественных языках. 4, 332–338.
 Шекспир В. 1902–1904: Полное собрание сочинений: в 5 т. СПб.

DEHUMANIZATION OF THE INDIVIDUAL IN BOURGEOIS SOCIETY AS DEPICTED IN G. HAUPTMANN COMEDY “SCHLUCK AND JAU”

M. V. Kozhevnikov, A. M. Abdulina

The article presents the study of the principal characters of G. Hauptmann's comedy “Schluck and Jau”. Dehumanization of the individual and his spiritual loneliness in bourgeois society become a key issue of his complex and contradictory creative work. Aware of ethic and moral norm crisis Hauptmann as a humanist writer raises a question concerning the individual value and fiercely defends him in the context of humanism. The study is also an attempt to reveal motifs borrowed from Shakespeare's “The Taming of the Shrew”.

Key words: English literature of the 19th century, G. Hauptmann

КИРКЕГОРОВСКАЯ КОНЦЕПЦИЯ ТРУДА, ТАЛАНТА И ПРИЗВАНИЯ В ПОВЕСТИ А. П. ЧЕХОВА «МОЯ ЖИЗНЬ»

В статье обнаруживается и раскрывается связь между этической концепцией труда датского философа С. Киркегора и повестью Чехова «Моя жизнь». Основываясь на киркегоровском представлении о таланте и призвании, автор статьи убедительно доказывает, что заметка на стр. 65 из I записной книжки А. П. Чехова о «бездарном ученом» и «переплетчике», не атрибутируемая ранее учеными, относится к работе над повестью «Моя жизнь».

Ключевые слова: литературоведение, Киркегор, А. П. Чехов, этическая концепция

Знакомство русского читателя с Киркегором началось с представлений датского писателя о роли и значении эстетического и этического начал в жизни человека. В 1885 году Л. Я. Гуревич поместила в своем журнале «Северный Вестник» ганзеновский перевод большого отрывка книги «Или — или» (1843) (трактат «Гармоническое развитие в человеческой личности эстетических и этических начал», под названием переводчика). В 1894 г. издательство М. М. Ледерле выпустило книжку «Наслаждение и долг» в серии «Моя библиотека»¹.

В трактате Киркегора была изложена философско-психологическая концепция двух основных поведенческих установок — эстетического и этического способов человеческого существования. Один из важнейших вопросов, имеющих непосредственное отношение к этической позиции, поставленный философом, — проблема отношения к труду, роль и значение труда в жизни человека, представление о *таланте* и *призвании*. В трактате подробно освещается киркегоровская *этическая* концепция труда.

В конце XIX века сочинения Киркегора не произвели сильного впечатления на русскую критику и для массовой читательской публики также прошли почти незамеченными. Анонимный рецензент журнала «Русское богатство» (1894, № 6), например, заявлял даже, что «взгляды Киркегора в значительной степени устарели и представляют, скорее, исторический интерес... Вся этика Киркегора не может удовлетворить современного читателя. В ней всецело отсутствует общественный элемент»²! На самом деле размышления датского философа, как часто это бывает с гениальными творениями, представляли не «исторический интерес», а интерес будущего: они опередили свое время и оказались реально востребованными в России только в начале XX века, когда остро была осознана экзистенциальная ответственность каждого индивида. И хотя философия Киркегора в восьмидесятые — девяностые годы XIX века не стала достоянием широкого круга русской публики, уже в то время нашлись проницательные читатели, способные оценить ее по достоинству.

Зайцева Татьяна Борисовна — кандидат филологических наук, доцент кафедры русской литературы Магнитогорского государственного университета. E-mail: tbz@list.ru

¹ Лунгина 1996, 168.

² Лунгина 1996, 173.

Знаменательно, что учением Киркегора об эстетическом и этическом началах человеческой жизни заинтересовался Лев Толстой. В 1890 г. писатель близко познакомился с некоторыми трудами философа благодаря П. Г. Ганзену и настоятельно рекомендовал переводчику издать книгу Киркегора с подробным описанием его жизни и сочинений³. Этическая концепция труда Киркегора оказалась созвучна размышлениям автора «Исповеди» (1882), где остро прозвучал вопрос о разделении нравственной жизни людей по социально-классовому признаку: «Для того чтобы понять жизнь, я должен понять жизнь не исключений <...>, а жизнь простого трудового народа, — того, который делает жизнь, и тот смысл, который он придает ей»⁴. Антиэстетические (в киркегоровском духе) взгляды Л. Н. Толстого, а точнее, его трудовая эстетика получила свое воплощение и в трактате «Что такое искусство?» (1897): «Жизнь трудового человека с его бесконечно разнообразными формами труда <...>, с его отношениями ко всем экономическим вопросам не как к предметам умствования или тщеславия, а как к вопросам жизни для себя и семьи, с его гордостью самодовления и служения людям, с его наслаждениями отдыха, со всеми этими интересами, проникнутыми религиозным отношением к этим явлениям, — нам, не имеющим этих интересов и никакого религиозного понимания, нам эта жизнь кажется однообразной в сравнении с теми маленькими наслаждениями, ничтожными заботами нашей жизни не труда и не творчества, но пользования и разрушения того, что сделали для нас другие»⁵.

Этические представления датского философа о труде, таланте и призвании скорее всего были известны А. П. Чехову по первым русским переводам П. Г. Ганзена. Многие поступки главного героя повести «Моя жизнь» Мисаила Полознева, у которого не было никаких выдающихся талантов, и для которого «неинтересный» труд маляра стал истинным призванием, получают свое объяснение благодаря этической концепции труда, изложенной Киркегором.

В книге датского философа создается гипотетическая ситуация. Если бы самый обыкновенный, «простой» человек, равнодушный к своей судьбе, но не имеющий социальных привилегий, позволяющих ему быть праздным и не думать о куске хлеба, пришел к эстетике и этике за помощью, какие бы ответы он получил на важнейшие жизненные вопросы о смысле жизни, собственном предназначении, подлинных ценностях человеческого существования?

Следует заметить, что разделение людей на классы, социальные группы, общественное положение «простого» человека не имели для Киркегора первостепенного значения, в отличие от Л. Н. Толстого, ведь таким обыкновенным человеком и скромным тружеником предстает в книге «Наслаждение и долг» прежде всего сам «автор» трактата, ассессор Вильгельм.

Этическая позиция Мисаила — это не толстовское «опрощение». Чеховская этика труда отличается от толстовской тем, что акцент в ней ставится не на социально-классовых противоречиях между людьми, а так же, как у Киркегора, на различии способов человеческого существования, различии *экзистенциальных позиций*. Мисаил Полознев противопоставлен Маше Должиковой и доктору Бла-

³ Ганзен 1917.

⁴ Толстой XVI, 1983, 152.

⁵ Толстой XV, 1983, 100–101.

гово, эстетикам (с точки зрения философии Киркегора), как человек, сознательно и решительно выбравший экзистенциальную позицию этика.

Слово «опрощение» употребляет по отношению к Мисаилу Маша Должикова, но сам герой сопротивляется такому определению своих поступков. Для Мисаила его рабочая одежда — рабочая одежда и не более, для Маши — это знак, атрибут, театральный костюм для роли опрощенного⁶. Физический труд, опрощение в глазах привилегированных слоев общества возвращали интеллигенцию к простому человеку, к народу. Для этика в киркегоровском смысле главное не это. Нравственное значение труда для истинного этика — *возвращение к самому себе через приобщение к общечеловеческому*. Мисаил стремится не к опрощению, а к тому, чтобы жить, одеваться, есть — «по средствам», т.е. жить своим трудом, как большинство людей, никого не обременять, быть честным во всем и справедливым.

Киркегор отмечает, что эстетик воспринимает труд как рабство, вынужденную утомительную обязанность, лишаящую жизнь человека красоты. Эстетик лелеет свою теорию о значении талантов: только реализация особого таланта, выделяющего человека из толпы обыкновенных людей, позволяет возвыситься над грубой действительностью. «На талант этот, разумеется, не следует смотреть как на доску, на которой можно вынырнуть из волн житейского моря, но как на крыло, которое может высоко поднять человека над миром; талант не «рабочая кляча», но «кровный скакун»⁷.

Что же делать человеку, лишенному выдающихся способностей, окрыляющих талантов? Обычному человеку, живущему на самостоятельно заработанные средства, эстетик мог бы посоветовать два пути: нескучные авантюрные способы разбогатеть, чтобы стать независимым от унылых обстоятельств, — жениться на богатой, попытать счастья в лотерею, эмигрировать в Америку и т.д.⁸ или же смириться с судьбой, со своим прозаическим положением, со своей бесталанностью и распрощаться с радостями жизни.

В полемике с эстетиком киркегоровский этик, Вильгельм, демонстрирует преимущества этического воззрения на жизнь и неподлинность эстетической экзистенции, в основе которой лежит скука, отчаяние и презрение к обычному, ничем не выдающемуся человеку, «чернорабочему в жизни»⁹.

Вильгельм подчеркивает двойное преимущество этического воззрения на труд. «Во-первых, оно соответствует действительности и выясняет общую связь и смысл последней, тогда как эстетическое воззрение носит в себе отпечаток случайности и не объясняет ничего. Во-вторых, оно дает необходимый критерий, благодаря которому мы можем рассматривать самого человека с точки зрения истинного совершенства и истинной красоты»¹⁰. Труд служит, с одной стороны, выражением общечеловеческой обязанности, а с другой — совершенства и свободы, поскольку именно труд освобождает человека, делает его господином природы.

⁶ Чехов IX, 1974–1983б, 236.

⁷ Кьеркегор 1998, 336.

⁸ Кьеркегор 1998, 324.

⁹ Кьеркегор 1998, 336.

¹⁰ Кьеркегор 1998, 334.

Киркегор уверен, что тот скромный труженик, который обладает огромным мужеством, чтобы быть обыкновенным человеком, тот трудящийся человек, у которого есть «верный кусок хлеба и жена», — имеет полное право называться героем. Потому что важно даже не то, *что* совершает человек, а то, *как* он это совершает¹¹. Невозможно не процитировать еще одно высказывание датского философа, звучащее, на наш взгляд, остро современно: «Вообще желательно, чтобы люди имели в этом отношении побольше мужества: ведь причиной того, что так часто слышатся эти громкие презренные речи о всемогуществе и мировом значении денег, является до некоторой степени недостаток этического мужества у людей трудолюбивых, но стесняющихся громко указывать на великое значение труда, а также недостаток у них этического убеждения в этом значении»¹².

В отличие от эстетика, этик считает, что человек, основывающий свою жизнь лишь на таланте и воображающий себя выше других, нередко требует к себе особого отношения, особых условий для успеха и процветания своего таланта, т.е. «усваивает себе взгляды и наклонности хищника, грабителя», становится эгоистом.

Вместо таланта, который всегда случаен, этик на первый план выводит такое понятие, как «призвание». Призвание — «печать общечеловеческого»¹³. Не у каждого есть талант, но у каждого есть свое призвание, наполняющее труд высоким смыслом, способное удовлетворить все личные нравственные запросы человека. Главное — найти свое призвание и «выбрать его этически-сознательно»¹⁴, а это может сделать только сам человек. Но когда это произойдет, он сможет сказать: «Если мое призвание, мой труд и скромны, я все же могу быть верным ему и вследствие этого равным даже тому, чье призвание имеет величайшее значение, и измени я своему призванию, я совершил бы такой же грех, как и человек с величайшим призванием»¹⁵. В смысле призвания все люди равны, поскольку «каждый человек совершает, в сущности, одинаково много»¹⁶. «Самый колоссальный талант есть также только призвание»¹⁷. «Все, что совершает или может совершить каждый человек, — это делать свое дело в жизни»¹⁸. Этическая концепция труда примиряет человека с жизнью, так как призвание тесно приобщает человека к человечеству и высоко оценивает значимость каждого.

Самосознание этика не зависит от превратностей случая или судьбы. Жизнь и поведение этика, согласно концепции Киркегора об этическом, определяются реалистическим осознанием своих собственных возможностей. «С этой точки зрения успех или неуспех человека в жизни не зависит от того, осуществил ли он свои проекты. Единственно важная вещь — это полное отождествление себя с этими проектами, здесь ценны не видимые результаты выполненных действий, а настроение, энергия и искренность, с которыми человек делает свое дело»¹⁹.

¹¹ Кьеркегор 1998, 344–345.

¹² Кьеркегор 1998, 326.

¹³ Кьеркегор 1998, 339.

¹⁴ Кьеркегор 1998, 338.

¹⁵ Кьеркегор 1998, 340.

¹⁶ Кьеркегор 1998, 341.

¹⁷ Кьеркегор 1998, 339.

¹⁸ Кьеркегор 1998, 341.

¹⁹ Гардинер 2008, 81–83.

Нечто подобное, как нам представляется, имел в виду и Чехов, когда критиковал критика Мережковского за рутинный взгляд на человека: «Пора бы бросить неудачников, лишних людей и проч. И придумать что-нибудь свое. Мережк<овский> моего монаха, сочинителя акафистов, называет неудачником. Какой же это неудачник? Дай бог всякому так пожить: и в бога верил, и сыт был, и сочинять умел... Делить людей на удачников и на неудачников — значит смотреть на человеческую природу с узкой, предвзятой точки зрения...»²⁰. Успех или неуспех, удачник или неудачник — ярлыки, привычные для эстетика, оценивающего жизнь и людей с точки зрения внешних обстоятельств.

Вопрошающий человек — «первый встречный индивидуум», похожий на большинство людей и, с другой стороны, изображающий собою «определенную индивидуальность»²¹, из трактата Кьеркегора «Гармоническое развитие в человеческой личности эстетических и этических начал» словно приобретает конкретный жизненный облик, воплощаясь в лице Мисаила Полознева. Начало повести «Моя жизнь» перекликается с книгой датского писателя. «Я побывал уже и в вольноопределяющихся, и в аптеках, и на телеграфе, всё земное для меня, казалось, было уже исчерпано», — с иронией замечает Мисаил²². Герой сразу противопоставляется людям, подобным тем, которые, по словам Кьеркегора, испытывают «болезненный страх», когда говорят «об ужасном положении человека, не находящего себе места в жизни. Подобный страх указывает на то, что человек ожидает всего от места и ничего от самого себя»²³. Не обладая каким-либо «благородным талантом», не выделяясь среди других людей ничем особенным, Мисаил ничего не ожидает «от места» и решает добывать кусок хлеба физическим трудом, как это делают миллионы. Перепробовав многие виды деятельности, герой наконец-то находит дело себе по душе.

Любой эстетик с презрением отнесется к выбору Мисаила, который стал маляром. Утонченному взору интеллектуала такой поступок может показаться вынужденным и даже глупым. Например, Благово возмущается: «А не находите ли вы, что если все, в том числе и лучшие люди, мыслители и великие ученые, участвуя в борьбе за существование каждый сам за себя, станут тратить время на битие щепня и окраску крыш, то это может угрожать прогрессу серьезною опасностью?»²⁴. Очевидно, что доктор, как типичный эстетик, отделяет предназначение «благородных талантов», дающих наслаждение, от презренных занятий обычных людей. Однако Мисаил обладает достаточным этическим мужеством, чтобы искренне сознаться себе самому: «Ничто мне так не нравилось, как красить крышу»²⁵.

Первые заметки, свидетельствующие о замысле повести «Моя жизнь», появились в записных книжках Чехова в 1895 г. Исследователи относят к ним четыре записи в I-й записной книжке: «Тля ест растения, ржа металлы, а лжа душу» (№ 6 на странице 65)²⁶, — с небольшими изменениями это выражение стало

²⁰ Чехов III, 1974–1983а, 54.

²¹ Кьеркегор 1998, 322.

²² Чехов IX, 1974–1983б, 192.

²³ Кьеркегор 1998, 298.

²⁴ Чехов IX, 1974–1983б, 220.

²⁵ Чехов IX, 1974–1983б, 245.

²⁶ Чехов XVII, 1974–1983б, 41.

любимой фразой старого маляра Редьки и своеобразным лейтмотивом повести. Частично использована в повести запись (№ 8 на странице 65) «Держи права, желтоглазый!»²⁷, связанная с образом Маши. Заметка о Чепракове (№ 4 на 66 странице), который ненавидит и страшно боится свою мать²⁸, текстуально не совпадающая с повестью, несомненно, намечает его отношения со скрягой-мамашей. Наконец, фраза (№ 1 на странице 67), ставшая убеждением Мисаила: «прав тот, кто искренен»²⁹.

Однако на странице 65 есть еще одна заметка (№ 3), которая, на наш взгляд, тоже относится к повести «Моя жизнь»: «Бездарный ученый, тупица, прослужил 24 года, не сделав ничего хорошего, дав миру десятки таких же бездарных узких ученых, как он сам. Тайно по ночам он переплетает книги — это его истинное призвание; здесь он артист и испытывает наслаждение. К нему ходит переплетчик, любитель учености. Тайно по ночам занимается наукой»³⁰. Ученые не пришли к единому мнению, относится ли эта запись к работе над пьесой «Дядя Ваня» либо, поскольку «не вяжется с образом Серебрякова», имеет самостоятельный характер, и «потому была перенесена в числе нереализованных» в IV-ю записную книжку³¹.

Что же позволяет нам связать данную запись с повестью «Моя жизнь»? Во-первых, по смыслу заметка явно перекликается с отношением Мисаила к труду, собственному *истинному* призванию, с его отказом играть чуждую социальную роль и его мужеством быть обыкновенным человеком, не прячась в искусственно созданный мир, как герои микросюжета записной книжки, переплетчик и ученый, которые только по ночам ощущают себя живущими настоящей жизнью. Во-вторых, запись была частично реализована в повести «Моя жизнь»: но не в образе Мисаила, а в образе его отца, упрямого и бездарного архитектора, который больше двадцати лет наугад планировал для города скучные, уродливые дома, в соответствии со своим угнетающим все живое стилем. О тайном же его занятии, по-видимому, важном для него и малопонятном для близких, Чехов говорит как будто мельком: «отец вот уже тридцать лет складывал в ней [хиларке] свою газету, которую для чего-то переплетал по полугодиям и не позволял никому трогать»³². Возможно, в глубине души этого деспотичного, догматичного, самоуверенного человека тщательно подавляется сомнение и неуверенность: зачем он так бездарно тратит свою жизнь, прикрываемые маской успешного почтенного члена общества. Возможно, в глубине души бесталанного архитектора живет переплетчик. И как страшно вырывается наружу эта личностная нереализованность: старший Полознев загоняет в тиски «переплета» не только жизнь своей семьи, но и жизнь всего города, безжалостно «обрезая» все, что хоть как-то выделяется из общей массы.

Мисаил — один из немногих героев Чехова, кто обладает огромным мужеством, чтобы, будучи обыкновенным человеком, быть самим собой, делать дело,

²⁷ Чехов XVII, 1974–19836, 41.

²⁸ Чехов XVII, 1974–19836, 41.

²⁹ Чехов XVII, 1974–19836, 41.

³⁰ Чехов XVII, 1974–19836, 40–41.

³¹ Долотова 1980, 282.

³² Чехов 1974–19836, IX, 199.

в котором видишь свое истинное *призвание*. Этическая концепция труда помогает чеховскому герою не только определить, но и этически-сознательно *выбрать* пределы своего земного бытия, помогает *быть*.

ЛИТЕРАТУРА

- Ганзен П. Г. 1917: Пять дней в Ясной Поляне // Исторический вестник. 1 (январь), 140–161.
Гардинер П. 2008: Кьеркегор. М.
Долотова, Л. М. 1980: Примечания к записным книжкам (1894–1896) // Кьеркегор С. 1998: Наслаждение и долг. Ростов на Дону.
Лунгина Д. А. 1996: Узнавание Кьеркегора в России // Логос. Философско-литературный журнал. 7, 168–183.
Толстой Л. Н. 1983: Собр. соч.: в 22 т. М.
Чехов А. П. 1974–1983а: Полное собрание сочинений и писем: в 30 т. Письма: в 12 т. М.
Чехов А. П. 1974–1983б: Полное собрание сочинений и писем: в 30 т. Сочинения: в 18 т. М.

KIERKEGAARD'S CONCEPT OF LABOR, TALENT AND VOCATION
IN A. P. CHEKHOV'S NARRATIVE "MY LIFE"*T. B. Zaitseva*

The article reveals the connection between the ethic concept of S. Kierkegaard, Danish philosopher, and A. P. Chekhov's narrative "My Life". The author proves that the note on page 65 from the first notebook of A. P. Chekhov about 'a talentless scholar' and 'a bookbinder', not attributed to any work earlier, is related to his work at the narrative "My Life".

Key words: literary criticism, S. Kierkegaard, A. P. Chekhov, ethic conception

© 2013

Т. А. Таянова

ЭСТЕТИЧЕСКИЕ ЗАКОНЫ И ИХ ПРЕОДОЛЕНИЕ В ЛИТЕРАТУРЕ
РЕЛИГИОЗНОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ

Установка религиозного писателя — служение Идеалу, а миссия — передача Откровения современникам и новым поколениям. Писательство приобретает статус проводника Истины. Неизменные всеобщие истины Откровения сочетаются в произведениях религиозно ориентированных авторов с частными, индивидуальными мнениями о вопросах

Таянова Татьяна Александровна — кандидат филологических наук, зав. лабораторией научных исследований в области информационно-коммуникационных технологий лица при МаГУ. E-mail: tayanova8@mail.ru

веры. Перед нами не столько мирское, светское отношение к искусству, сколько попытка высказать художественным языком сакральное. Происходит слияние религиозного канона (конфессиональной, дидактической, церковно-ораторской литературы, агиографии и т.д.) и чисто художественных критериев прекрасного, в результате чего законы художественности подвергаются существенной трансформации.

Ключевые слова: литература религиозной направленности, религиозное мышление, абсолют, форма и содержание, условность

Установка религиозного писателя, его художественная и *сверххудожественная* задача — служение Идеалу, сохранение его чистоты, а миссия — передача Откровения большому кругу современников и новым поколениям. В этом заключается посредничество пророка — проводника Истины. И пусть неизменные истины Откровения сочетаются в его произведениях с «необязательными» частными мнениями о вопросах веры, это не столько мирское, светское отношение к искусству, сколько попытка высказать художественным языком сакральное, поделиться таинственной благодатью, сливая религиозный канон (черты конфессиональной, дидактической, церковно-ораторской литературы, агиографии и т.д.) и художественные критерии прекрасного. В результате чего законы художественности подвергаются определенной трансформации.

Творчество и религию роднит их эмоционально-смысловая сфера. «*Боль жизни* гораздо могущественнее *интереса к жизни*. Вот отчего религия всегда будет одолевать *философию*», — утверждал В. Розанов в «Уединенном»¹. Он же отмечал, что религия (таинственная речь Библии, Евангелия) вечна и всегда будет тянуть человека углубиться, проникнуться, так как отвечает на самые болезненные вопросы — о жизни совести, о загадке покаяния, о возрождении души. Отмечая уникальность тем, проблем и смыслов, которые сообщает человеку религия, Р. Белла писал: «Опыт смерти, зла и страданий приводит к постановке глубоких вопросов о смысле всего этого, на которые не дают ответа повседневные категории причины и следствия. Религиозные символы предлагают осмысленный контекст, в котором этот опыт может быть объяснен благодаря помещению его в более грандиозную мирозданческую структуру и предоставлению эмоционального утешения, путь даже это будет утешение самоотреченности... Что делать и что думать, когда отказывают другие способы решения проблем, — вот сфера религии»². Выход за рамки «повседневных категорий причины и следствия», отказ от эмпирического пути постижения жизни, ее боли и утешений отличает и творчество религиозной направленности. Смысловой спектр и картина мира религиозно окрашены. Главное в представлении о мире, как и в религии, — Божественный сверхъестественный компонент (он обязателен). Эмоциональный спектр, выявляющий и окрашивающий его, может быть очень широк, ведь религиозное чувство (как и сознание) индивидуализировано: от тоски по Абсолюту, жажды Идеала до экзальтированного славословия, умиления и благодарной молитвы.

Смысловые сферы религии и религиозно окрашенного творчества совпадают. Охарактеризуем их в общих чертах.

¹ Розанов 2009.

² Белла 1972, 266–267.

1) *Представление о Боге. Чувство Абсолюта. «Духовное постижение в мире Творца Вседержителя»*³. Когда-то все это мощно прозвучало в оде «Бог» Г. Р. Державина: «Ты есть! — природы чин вещает, // Гласит мое мне сердце то, // Меня мой разум уверяет, // Ты есть — и я уж не ничто!»⁴. Абсолют — факт, он в каждом из нас, — убеждает Кароль Войтыла в своем стихотворении «Бездна» (сборник «Крипта»): «Для тебя бездна — пространство, // пронизанное каскадами воздуха, // блеском стеклянных осколков, рассеянных, словно зерна, // в далеких скалах. // Но прошу тебя, заметь, наконец, другую пропасть, // полную отблесков глаз. Она есть в каждом человеке; // собравшись вместе, люди несут ее, // как лодку на плечах. И в этом великом движении нет ничего, что мог бы ты миновать, // когда ты лучом распахнутых глаз, как пером, пишешь свой знак. // Если разум не видит бездны, // не думай, что ее вовсе нет. // Пусть блеск не достигает глаз, // но лодка-то — // уже на плечах: // бездна облекается в плоть, // чтоб стать // фактом в каждом из нас»⁵. Религиозно ориентированный писатель стремится выразить мотив реального постоянного присутствия Божия, потому для него центральными темами часто оказываются общение человека с высшей реальностью, его духовные стремления. Шмелев в «Путьях небесных» сказал об этом так: «Близость Бога»⁶, и М. Дунаев, словно вторя автору, написал о главной задаче позднего шмелевского творчества: «показать, что *везде* — *Христос*»⁷. Господствующим пафосом духовного реализма, являющим себя, в частности, в «Богомолье», «Лете Господнем», «Путьях небесных» Шмелева, становится «голод по священному»⁸, жажда праведности, «жажда Бога» (И. Ильин) и чувство его присутствия в жизни, а также чувство «той жизни». Так, Ваня в «Лете Господнем» восклицает: «и с нами Христос, везде...»⁹. Ему же принадлежат следующие откровения: «есть у людей такое... выше всего на свете... — Святое, Бог!»¹⁰; «И все во мне связывается с Христом»¹¹. «У ребенка, — пишет М. Дунаев о шмелевском Ване, — живет в душе ощущение и сознание *личного* общения с Богом, с миром святости. Он воспринимает все события церковной жизни как реальное взаимодействие человека и тех, кто приходит на землю из той жизни... Ребенок ощущает *личное* присутствие Бога во всяком событии»¹². В главе «Яблочный Спас» «Лета Господнего» читаем: «Необыкновенно, весело — будто гости, и церковь — совсем не церковь. И все, кажется мне, только и думают об яблоках. И Господь здесь со всеми, и Он тоже думает об яблоках: Ему-то и принесли их — посмотри, Господи, какие! А Он посмотрит и скажет всем: «ну и хорошо, и ешьте на здоровье, детки!» И будут есть уже совсем другие, не покупные, а церковные яблоки, святые. Это и есть — Преображение»¹³. Здесь Шмелев созвучен Ильину, который был уверен,

³ Дунаев V, 1999, 712.

⁴ Державин 1987, 31–32.

⁵ Войтыла 2003.

⁶ Шмелев 1999, 5, 7 (доп.), 289.

⁷ Дунаев V, 1999, 704.

⁸ Дунаев V, 1999, 681.

⁹ Шмелев 4, 1998, 59.

¹⁰ Шмелев 4, 1998, 173.

¹¹ Шмелев 4, 1998, 58.

¹² Дунаев V, 1999, 6, 678–679.

¹³ Шмелев 4, 1998, 95.

что «так как Божественное действительно есть во всем и во всем присутствует, искусство имеет право петь обо всем; и даже ничтожное и пошлое озаряется при этом Божиим лучом»¹⁴. Чувство, что у всего один центр, исток и причина чудесным образом единит бытие, делает его прочным, цельным, нестрашным, родным, причем не только в детском восприятии. Герой «Путей небесных», словно вторя ребенку, произносит: «Все истекает из одного Истока, во всем чувствуется глубокий Смысл»¹⁵.

2) *Воля Бога, Его Завет и требования по отношению к людям. Религиозная этика.*

Размышляя о религиозной этике искусства, Иван Ильин писал: «Самое существенное в искусстве: *ответственное служение и раскрытие прорекующейся тайны*»¹⁶; «*прозрение высших духовных закономерностей и совершенных связей*»¹⁷; ведь «талант, лишенный Божьего огня, есть лишь соблазн. Ибо без Божьего огня — какое же искусство?»¹⁸. В позднем шмелевском творчестве религиозной этикой обладает даже ребенок. В главе «Крестный ход. «Донская»» («Богомолье») передано удивительное состояние Вани — чувство ответственности перед Богом, жажда послужить ему: «Слезы мне жгут глаза: радостно мне, что это наши, с нашего двора, служат святому делу, могут и жизнь свою положить, как извозчик Семен, который упал в Кремле за ночным Крестным ходом, — сердце оборвалось. Для Господа ничего не жалко. Что-то я постигаю в этот чудесный миг... — есть у людей такое... выше всего на свете... — Святое, Бог!»¹⁹. А Любимудров отмечал, что Шмелев глубоко и полно воссоздал суть православной аскетики и целостное православное мировоззрение, одна из черт которого — умение за случайностями прозревать знаки Промысла.

3) «*Зависящие от представления о Боге представления о человеке, обществе, мире*»²⁰. В частности, об искушении, борьбе с соблазнами (грехом), о конце мира, о «путях небесных», Промысле, о способах спасения, потустороннем мире, жизни после смерти, воскрешении. В центре «духовного романа» «Пути небесные» — борьба с искушениями плоти, страстями и греховными помыслами (духовная брань). Дунаев утверждает, что «Лето Господне» — это произведение о «промыслительной Божией помощи человеку в деле его спасения»²¹.

4) «*Представления о должном порядке культа*»²², *жизнь Церкви, ее взаимоотношения с миром (связь клир — мир), церковный быт, тема монашества, тема молитвы и т.д.* Религиозные авторы, как правило, не посягают на миссию иконописца — «писать Бога», но очень часто изображают то, как человек к Нему обращается (молитва, а не Тот, к Кому молитва). В.В. Розанов писал: «Религиозность заключается в неудержимой потребности молитвы, — в том, что в некоторых обстоятельствах жизни, или трагических, или особенно высокого, «небесно-

¹⁴ Ильин 6, I, 1996, 150.

¹⁵ Шмелев 5, 1998, 358.

¹⁶ Ильин 6, I, 1996, 116.

¹⁷ Ильин 6, I, 1996, 117.

¹⁸ Ильин 6, I, 1996, 91.

¹⁹ Шмелев 4, 1998, 173.

²⁰ Мечковская 1998, 33.

²¹ Дунаев V, 1999, 676.

²² Мечковская 1998, 33.

го» счастья, душа человеческая, душа личности человеческой, «вся превращается в молитву», так что в ней, кроме молитвы, ничего и нет, ни размышления, ни чувства, ни воли, ни объектов желания или стремления...»²³. Многие исследователи, в частности, М. Любомудров, М. Дунаев, указывали на то, что Шмелев был мастером изображения молитвенных состояний. Молитвы его героев всегда духовно осмыслены, даны как предельная концентрация души, духа, тела и нередко осознаны как большой труд и даже подвиг (образ Дариньки Королевой в романе «Пути Небесные»). Удивительны молитвенные состояния ребенка в «Лете Господнем», они полны трепета, нежности, доверия, восхищенного любования Божьим миром, удивления перед его малыми чудесами (земными, но с призывом неба). В главе «Пасха» читаем: «Ночь. Смотрю на образ, и все во мне связывается с Христом: иллюминация, свечки, вертящиеся яички, молитвы, Ганька, старичок Горкин, который, пожалуй, умрет скоро... Но он воскреснет! И я когда-то умру, и все. И потом встретимся все... и Васька, который умер зимой от скарлатины, и сапожник Зола, певший с мальчишками про волхвов, — все мы встретимся там. И Горкин будет вырезать винограды на пасочках, но какой-то другой, светлый, как беленькие души, которые я видел в поминаньи. Стоит Плащаница в Церкви, одна, горят лампы. Он теперь сошел в ад и всех выводит из огненной геенны. И это для Него Ганька полез на крест, и отец в Кремле лазит на колокольню, и Василь-Василич, и все наши ребята, — все для Него это! Барки брошены на реке, на якорях, там только по сторожу осталось. И плоты вчера подошли. Скучно им на темной реке, одним. Но и с ними Христос, везде... Кружатся в окне у Егорова яички. Я вижу жирного червячка с черной головкой с бусинками-глазами, с язычком из алого суконца... дрожит в яичке. Большое сахарное яйцо я вижу — и в нем Христос...»²⁴. Кажущиеся наивность и детскость высказывания не отменяют сложности молитвенного состояния, которое в подтексте содержит главные постулаты христианства: Божье присутствие во всем, мысль о спасении, надежда. Текст известной православной молитвы, исполняемой хором братии Валаамского монастыря, полностью созвучен прозрению семилетнего мальчика: «С нами Бог, разумеете языцы, и покаяйтесь: яко с нами Бог».

В поиске ответов на самые значимые вопросы бытия и религия, и духовное искусство обращаются не столько к логике и эмпирическому опыту человека, сколько к воображению, интуиции, чувствам, желаниям, совести, вере — к самым сложным, тонким, интимным областям духа и души, к «боли жизни» (В. Розанов). В данном случае особую нагрузку приобретают внерациональные, интуитивные «каналы связи»²⁵, способные приоткрыть тайну, дать почувствовать бесконечность. Вот почему так велика и в религии, и в религиозно окрашенном творчестве роль символа, иносказания с их недоговоренностью и размытием границ конкретики и логики.

Общение с читателем религиозного автора несводимо к формуле «поэт и чернь/толпа», в нем есть приметы не только художественной, но и религиозной коммуникации. Н.Б. Мечковская пишет: «В религии есть два главных направления коммуникации: 1) от Бога — через пророка (наставника, священника) —

²³ Розанов 1993, 153.

²⁴ Шмелев 4, 1998, 58–59.

²⁵ Мечковская 1998, 197.

к людям; 2) от людей — через пророка (наставника, священника) — к Богу»²⁶. Вот, собственно, откуда интерес религии к жанрам Откровения, проповеди, молитвы. Они с полным правом могут быть названы фундаментальными, исходными, первичными жанрами религиозной коммуникации. Религиозно устремленный художник отчасти действует как пророк, именно потому периодически появляются осуждающие характеристики то Гоголя, то Толстого, то Шмелева, то Рериха, то Андреева, намекающие на прельщение (прелесть), соблазн, искушение, гордыню — самовозвышение.

Л. П. Кременцов называет три потребности человека, которые влекут его к литературе, шире — искусству: потребность в самопознании, в самовыражении (творчестве) и потребность в прекрасном — истине, гуманизме, нравственности, эстетическом совершенстве²⁷. Религиозный автор посредством творчества хочет приблизиться к духовному совершенству, Абсолюту и донести его свет средствами искусства до своих читателей. Эта потребность — художественная. В. И. Тюпа выделяет следующие законы искусства, или «каноны» художественности²⁸:

Целостность, полнота, избыточность как знаки *единства формы и содержания*. Условность или опосредованность «переживания переживания», а не его прямота. Адресованность. Индивидуализация, творческая оригинальность, полнота самовыражения писателя (отстаивание и настойчивое внедрение авторской «самости» в текст), свобода творчества, которая с величайшей ясностью и прямотой была определена А. С. Пушкиным: «Никому // Отчета не давать, себе лишь самому // Служить и угождать; // для власти, для ливреи // Не гнуть ни совести, ни помыслов, ни шеи...»²⁹. Забегая вперед скажем, что «власть» и «ливрея» как знаки прислуживания и мнимого возвышения — это одно, а «велению Божию, о муза, будь послушна»³⁰ — несколько другое. Генерализация, или закон творческой *типизации*, предельная мера обобщения личностного опыта присутствия индивидуального человеческого я в мире (как писал Шеллинг, чем оригинальнее произведение, тем оно универсальнее). Эти художественные законы в связи с религиозно окрашенным творчеством несколько трансформируются.

Единство формы и содержания уступает место усилению тенденции и идейности. Идейность есть приверженность определенной целостной системе идей и соответствующему ей идеалу; последовательная верность им в теории и на практике. Потому увеличивается значимость содержания, прослеживается его заметное верховенство над формой. Так, в романном творчестве Шмелева и Зайцева ощущаются ноты проповедничества, а сюжетно-композиционная, языковая сфера их произведений подчас служит лишь способом объяснения аксиом: христианство — безусловная ценность, этой связи обращает на себя внимание феномен ярко выраженной оценочности: открытое проявление авторской позиции как способ Бог — есть. Творчество — форма аргументации их подлинности. В максимально правдивой, достоверной и доказательной трактовки характеров и ситуаций (в том числе иррациональных). Очень ярко все это проявляется в шмелевской

²⁶ Мечковская 1998, 224.

²⁷ Кременцов 2007, 128–132.

²⁸ Тюпа 2000, 465–467.

²⁹ Пушкин 1992, 68.

³⁰ Пушкин 1992, 66.

«публицистике чудесного» — художественно-документальных рассказах «Глас в ночи», «Куликово поле», «Милость преподобного Серафима» и др.

Условность становится *сверхусловностью*. Ведь художественное откровение религиозного художника есть опосредованное переживание не этой, а иной реальности, попытка высказать несказанное, выразить невыразимое, как следствие — ярко проявленная символизация (символотворчество). Отказ от сугубо эмпирического видения в постижении реальности, увеличение в текстах роли и доли чудесного, необъяснимого.

Адресованность приобретает двунаправленный характер. Мысли верующего художника обращены не только к читателю, но и к Богу. В его текстах мы встречаем общение, контакт с Высшим. Отсюда, кстати, отличающие духовный реализм молитвенный пафос и пафос откровения. Например, стихотворение Рериха «Бездонно» (цикл «Цветы Мории», 1918):

Ты, Могущий, везде и во всем.

Ты пробуждаешь нас к свету.

Нас усыпляешь во тьме.

Ты ведешь нас в блуждании³¹.

Авторская самость (самоутверждение личности посредством творчества), яркая *индивидуализация* в текстах религиозного художника недопустимы. Более того, мы видим свободное (ведь это личный выбор) сдерживание авторской индивидуальности. Обычный художник руководствуется установкой на вымышленность, смоделированность ситуации рассказывания, для Шмелева она идейно неприемлема, как и непереносимо отношение к искусству словно к «самовитой» выдумке, фантазии и игре. Религиозно настроенный автор обязан быть подлинным, достоверным, потому часто использует форму исповеди, форму от первого лица — «формы личного участия» (Е. А. Черева), с ними ложь невозможна. Религиозно мыслящий писатель никогда бы не одобрил слова В. Набокова, уравнившего в творчестве «божественное» и «игру», самочинно сравнившего и в чем-то даже уподобившего писателя и Бога: «Искусство — божественная игра. Эти два элемента — божественность и игра — равноценны. Оно божественно, ибо именно оно приближает человека к Богу, делая из него истинного полноправного творца. При всем том искусство — игра, поскольку оно остается искусством лишь до тех пор, пока мы помним, что в конце концов это всего лишь вымысел»³². Игра для Набокова — максимальное проявление свободы художника, предельно индивидуалистическое, «самостное» творческое действие. А религиозный писатель, как правило, подчиняет себя задачам сверх и вне авторской компетенции — высшим (служение, озарение, мистические прозрения, визионерство). Неслучайно И. А. Ильин писал о Шмелеве: «Шмелев сосредоточен на том, что ему надо сказать: *главное о главном*; он неразвлеченно и неотступно плывет в главном русле своего сказуемого Предмета и ведет главную линию повествования, и лишь в эту меру вспыхивают огни его стиля»³³. Как некий «категорический императив» или «безусловное повеление», вера определяет и позицию, и мировоззрение, и откровения автора. Этика и эстетика религиозного художника неавтономны. Он не их

³¹ Рерих 1992, 27.

³² Набоков 1996, 185.

³³ Ильин 6, II, 1996–1999, 150.

самостоятельный источник, скорее — проводник. (Вот исток постоянно ведущихся споров о «медиумичности» религиозного творчества.) Потому индивидуализация, оригинальность, полнота самовыражения — именно *само-* — не являются для него определяющими художественными установками.

Типизация характерного оборачивается типизацией нехарактерного. Если говорить грубо, отталкиваясь от мнения о тенденциозности религиозного автора, о «заказе» свыше, который он обязан исполнить, то происходит «подгонка» реальности под религиозный идеал. Отсюда наличие в текстах религиозно мыслящих писателей и поэтов воодушевляющего идиллического модуса художественности (иногда он становится константой, как в позднем творчестве Шмелева, например, но чаще является доминантой, т.е. преобладающим, но не единственным пафосом). Что он в себя включает? Умиление как важную составляющую атмосферы текста (в православном контексте — дар умиленных благодатных, благодарных или покаянных слез). Идиллическую цельность персонажа, нераздельность «я — для — себя и я — для — других»³⁴, «я — для — Бога». Ослабление и смягчение граней между индивидуальными жизнями, или, как пишет В. Тюпа, слияние личности с «текущими силами мировой жизни»³⁵, т.е. мироощущение сродни тютчевской строке: «Все во мне и я во всем» («Тени сизые смешались...»). Это, наверное, и есть совершенство.

Эстетические законы, которыми веками живо искусство, как видим, не являются абсолютами для религиозно окрашенного творчества. Л. П. Кременцов считает, что их размытие или несоблюдение чревато утратой таланта. В частности, размышляя в своей книге «Русская литература в XX веке. Обретения и утраты» о оставших на путь утраты художественности, он пишет: «Вступив на путь предвзятости, заданности, любой художник рискует своим талантом»³⁶. О «Выбранных местах из переписки с друзьями» Гоголя Кременцов говорит с нескрываемым сокрушением: «Большинство писем носило нравственно-религиозный нравоучительный характер. От Гоголя ждали произведения искусства — он дал проповедь»³⁷. Поздняя установка Н. Гоголя на показ путей и дорог к высокому и прекрасному, жажда дать «живой говорящий пример» (Н. В. Гоголь), способный сильно подействовать (второй том «Мертвых душ» — Русь и человек на пути к исправлению, третий том — Русь и человек идеальные, Божьи), кажется Л. Кременцову чем-то сродни «падению» таланта А. Н. Толстого, который выбрал ложь «проповеди» социализма, «перешел из мира гуманитарных идей в мир идей диалектического материализма»³⁸, упал в пропасть идеологизированных упрощений и схем соцреализма. И далее Кременцов утверждает, что, «когда эстетические проблемы отодвигаются в сторону, художник перестает быть художником...», ведь «...главная движущая сила любого творческого процесса — стремление к истине, к совершенству, к прекрасному»³⁹. Вопрос, правомерно ли сближать творческие пути религиозного автора Н. В. Гоголя, преодолевавшего «правду действитель-

³⁴ Тюпа 2000, 477.

³⁵ Тюпа 2000, 477.

³⁶ Кременцов 2007, 121.

³⁷ Кременцов 2007, 116.

³⁸ Кременцов 2007, 120.

³⁹ Кременцов 2007, 122.

ности» во имя Высшей Правды, и идеологизированного писателя А. Н. Толстого, отдавшего во служение новому строю и «правду действительности», и «правду художественную»? Неужели тенденциозность творчества, размывающая, разъедающая его основы, одинаково пагубно являет себя в духовном реализме и в соцреализме? Свобода творчества — ценность ложная или непреложная, если речь идет о служении Богу и выражении веры средствами искусства? Ответы, конечно же, не должны быть последними и однозначными.

ЛИТЕРАТУРА

- Белла Р. Н.* 1972: Социология религии // Американская социология: Перспективы, проблемы, методы / Г. В. Осипов (ред.). М., 265–281.
- Войтыла К.* 2003: Стихи из сборника «Крипта». [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.nesterova.ru/apif/apif9.shtml>.
- Державин Г. Р.* 1987: Сочинения: Стихотворения; Записки; Письма. Л.
- Дунаев М. М.* 1998–2000: Православие и русская литература. В 6 частях. М.
- Ильин И. А.* 1996–1999: Собр. соч.: в 10 т. М.
- Кременцов Л. П.* 2007: Русская литература XX века. Обретения и утраты. М.
- Мечковская Н. Б.* 1998: Язык и религия. М.
- Набоков В. В.* 1996: Лекции по русской литературе. М.
- Пушкин А. С.* 1992: Избранные сочинения. М.
- Рерих Н. К.* 1992: Цветы Мории; Пути Благословения; Сердце Азии. Рига.
- Розанов В. В.* 1993: М. В. Нестеров // Философия русского религиозного искусства XVI–XX вв. Антология / Н. К. Гаврюшин (ред.). М., 151–158.
- Розанов В. В.* 2009: Уединенное. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://magister.msk.ru/library/philos/rozanov/rozav023.htm>.
- Тюпа В. И.* 2000: Художественность // Введение в литературоведение. Литературное произведение: Основные понятия и термины / Л. В. Чернец (ред.). М., 463–482.
- Шмелев И. С.* 1998–2000: Собр. соч.: в 5 т. М.

ESTHETIC LAWS AND THEIR TRANSFORMATION IN RELIGIOUS LITERATURE

T. A. Tayanova

A religious writer's aim is to serve the Ideal, and his mission is to pass The Revelation to his contemporaries and new generations. He acquires the status of a champion of truth and combines in his books eternal general truths of the Revelation with his individual vision of belief issues. We witness not so much secular attitude to art as an attempt to express the sacred in artistic terms. Religious canon (characteristic of confessional, didactic, and church oratory literature, hagiography, etc.) merges with purely artistic criteria of the beautiful, which brings forth essential transformation of artistic merit laws.

Key words: religious literature, religious thinking, the absolute, form and content, conventionality

ЭЗОТЕРИЧЕСКАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ РАННЕЙ ПРОЗЫ С. Д. КРЖИЖАНОВСКОГО: ТЕКСТ КАК ЧАСТЬ ПОСВЯТИТЕЛЬНОГО РИТУАЛА

В статье рассматривается ранняя проза С. Д. Кржижановского как ориентированная на эзотерическую традицию, где текст встраивается в систему ритуальной литературы, становится частью посвяtitельного ритуала. Раннее творчество писателя оказывается под влиянием эзотерических идей (что подтверждается тематикой, проблематикой, сюжетным построением, образной системой его ранних произведений). Они оказываются для писателя первой ступенью на пути к возможному обретению желанной целостности — через возвращение к природе и растворение в ней. Целью данной статьи является анализ ранних текстов Кржижановского; возможное их соотнесение с мистериальным текстом и, таким образом, исследование эзотерического подтекста, скрытого в них.

Ключевые слова: русская художественная литература 1920-х гг., С. Д. Кржижановский, эзотерическая традиция, мистерия, новелла, подтекст

Ключевым в эзотерической философии является понятие посвящения, уподобляемое ритуальному действию — мистерии¹. Основные метафоры посвящения — это смерть и новое рождение. Адепт совершает путешествие к центру бытия, где получает информацию об устройстве мира, и возвращается обратно, полный нового знания. Путь героя сопровождается непрерывным познанием мироустройства в его пространственно-временной последовательности, от низших миров к высшим, из Микрокосма в Макрокосм. Таким образом, путь движения адепта обозначается: из точки в бесконечность (маршрут Микрокосм — Макрокосм) — и соответствующим этому направлению математическим знаком <.

С. Д. Кржижановский присутствует в литературном процессе 1910–20-х годов косвенно, поскольку большую часть им написанного опубликовать при жизни не удалось. Однако и его имя, и его произведения хорошо знают в литературно-театральных кругах того времени (домашние литературные салоны Г. Шенгели, М. Тарловского, «Никитинские субботники» и т.д.). Среди слушателей авторских чтений писателя М. Булгаков, О. Форш, М. Волошин, А. Белый. Список членов

Ливская Евгения Валентиновна — кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры иностранных языков и межкультурных коммуникаций Калужского филиала Финансового университета при Правительстве Российской Федерации. E-mail: evgenia_livskaya@yahoo.com

¹ Из наиболее содержательных работ по оккультной проблематике в русском символизме отметим следующие: Богомолов Н. А. 1999; Бонецкая Н. К. 1995, 15–26; Обатнин Г. 2000. См. также: Кравченко В. В. 1997. Из современных исследований наиболее значительные — монографии Ф. Йетс, работа «Anna-Rudolph» Н. А. Богомолова, посвященная А. Р. Минцловой, статья М. Карлсон «Иванов — Белый — Минцлова: Мистический треугольник», третья глава («Розенкрейцерство и русский символизм») диссертации Е. В. Глухой «“Посвяtitельный миф” в биографии и творчестве Андрея Белого», а также статьи венгерской исследовательницы Л. Силард — «Роман Андрея Белого между масонством и розенкрейцерством» и «Дантов код русского символизма» (последняя совместно с П. Барт).

«субботников»² (на 1 янв. 1930 г.) насчитывает 128 человек, и среди них Антокольский, Белый, Вересаев, Гудзий, Городецкий, Л. Гроссман, Иванов, Инбер, Ивнев, Кржижановский, Леонов, Луговской, Новиков-Прибой, Пешковский, Пиксанов, И. Розанов, Романов, Сельвинский, Сейфуллина, Телешов, Федин, Шенгели, Шершеневич, Шишков, Цявловский, Юон, а в иные годы были Бабель и Вольнов, Булгаков и Пришвин, Асеев и Веселый.

Знакомство Кржижановского и Волошина состоялось в марте 1924 года, во время поездки Волошина в Москву. Первого июля Сигизмунд Доминикович пишет из Коктебеля в Одессу к Анне Бовшек: «Житие мое у Максимилиана Александровича протекает, по сравнению с ожидаемым, менее ярко, но зато более мирно и спокойно. Встретил он меня радушнее, чем я мог рассчитывать, и относится ко мне, поскольку могу судить, тепло и по-хорошему. Сам он — обаятельное сочетание мудрости и наивности, язвительности и любви; огромный и грохочущий, он напоминает мне «Воскресенье»³, окруженное нами — приезжающими и уезжающими — «днями». И я опять человек, к<ото>рый был, кто знает, м<ожет> б<ыть>, и Четвергом. По вечерам тут устраиваются иногда чтения: читал и я — как будто бы с успехом»⁴.

Чтений в Коктебеле у Кржижановского было три. О первом ничего, кроме этого упоминания, неизвестно. Второе состоялось девятого июля. Из дневника литературоведа и книговеда И. Н. Розанова узнаем, что была прочитана повесть «Странствующее “Странно”» (1924). Третье — тринадцатого или четырнадцатого — новелла «В зрачке». «Рассказ произвел впечатление более сильное, чем можно было ожидать. По окончании я увидел себя окруженным глазами с пристальностью и хорошим долгим молчанием. Затем Волошин, вообще скупой на баллы, заявил, что это “великолепно и безжалостно”»⁵ (Письмо к А. Бовшек, 18.07.1926).

Эта оценка была чрезвычайно важна для Кржижановского, мучительно переживавшего свою «неизданность». Однако и для Волошина проза Кржижановского стала открытием. Вот явное тому свидетельство: «В мастерской Максим<илиана> Ал<ександровича> по утрам дочитал ему — с глазу на глаз — «Клуб убийц букв» и прочел «Швы». С радостью выслушал и похвалу, и осуждение: вижу — мне еще много надо поработать над отточкой образа — и, если жизни мне осталось мало, то воли — много...»⁶ (Письмо к А. Бовшек, 02.08.).

Это чтение наедине говорит о серьезном интересе Волошина к прозе Кржижановского, подобных свиданий удаивались немногие — по утрам обыкновенно «мастерская» была наглухо закрыта для посетителей: хозяин Дома работал; письмо вносит уточнение в датировку новеллы «Швы» (1927–1928), видимо, речь идет о первом ее варианте, позднее переработанном (в частности, как следует из пись-

² Список приводится по книге Д. М. Фельдмана «Салон-предприятие: писательское объединение и кооперативное издательство «Никитинские субботники» в контексте литературного процесса 1920–1930-х годов». См.: Фельдман 1998, 130.

³ Описание хозяина Дома Поэта — намек-ссылка на роман Честертона «Человек, который был Четвергом», инсценировка которого, сделанная им и поставленная Таировым, шла в 1923–1924 годы на сцене Камерного театра.

⁴ РГАЛИ. Ф. 2280. Оп. 1. Ед. хр. 71.

⁵ РГАЛИ. Ф. 2280. Оп. 1. Ед. хр. 72.

⁶ РГАЛИ. Ф. 2280. Оп. 1. Ед. хр. 71.

ма, по волошинским замечаниям). К слову, оба упомянутых сочинения — более ста тридцати страниц машинописи, т.е. примерно пять часов «чистого» чтения.

С А. Белым Кржижановский был знаком благодаря членству в «Никитинских субботниках». «Молодые писатели Гликберг и Бугаев, превратившие себя по требованию титулблата в Чёрного и Белого, совершенно правильно использовали место, отведённое типографией под имена, для передачи того внутреннего освещения, точнее, того подлинного имени, которое звучит сквозь все их строки», — пишет Кржижановский в «Поэтике заглавий»⁷. Сопоставление по «цветовому» контрасту этих двух поэтов обусловлено тем, что для Кржижановского они являлись полюсами, между которыми расположена вся русская поэзия начала XX в. Стоит обратить внимание и на общую дату рождения — подобные хронологические совпадения не раз служили Кржижановскому импульсом к размышлению.

Теперь проясняются истоки той концепции любви, исходя из которой Кржижановский пытается оспаривать соловьевское понимание ее «смысла». Любовь-познание, творящая вещи, которая есть одновременно и любовь-жертва, безусловно, имеет отношение к жертвенной любви розенкрейцеров, понятие о которой могло быть воспринято автором из его окружения.

Художественно писатель осмысляет эти ключевые идеи в новелле «Странствующее “Странно”» (1924). Это история движения сознания, воплощенная в трех путешествиях героя-рассказчика, современного ученика чародея, с помощью волшебного эликсира побывавшего внутри пространства, времени и человеческого существа. Маршрут, который маг-наставник избирает для героя, — < (меньше): «... в большее — лишь один путь: через меньшее; возвеличение — сквозь умаление»⁸. Мотив умаления-увеличения пройдет красной нитью и через зрелое творчество писателя. Сам Кржижановский называл себя сатириком — в свифтианском понимании этого обозначения. Герой его творчества периода расцвета оказывается либо слишком мал, либо слишком велик для окружающих. И потому неприкаян в «дивном новом мире». И в повести возникает образ волшебных тинктур, обладающих огромной силой стяжения.

Выпив содержимое тинктуры, герой из физического, или телесного, Макрокосма трансформируется в физический же Микрокосм, который и служит исходной точкой его маршрута. И сама сцена умаления тела героя, исключения из земного бытия условно соответствует символу физического умирания, принятому в ритуальных текстах⁹.

Первое путешествие, проделанное героем, — это познание себя и мира в гигантизированном пространстве. Второе разворачивается на циферблате наручных часов его возлюбленной — т.е. во времени, персонифицированном в виде бацилл времени. Наконец, местом третьего путешествия становится тело соперника, с которым герою изменила неверная подруга, точнее, кровеносная система врага. Древние народы часто сравнивали вселенную с великим человеком, а человека — с маленьким миром. Согласно их представлениям, человек аналогичен Вселенной. Следовательно, чтобы изучить движение жизни во вселенной, т.е. получить тайное знание, достаточно изучить жизненное течение в человеке. Таким обра-

⁷ Кржижановский 1931, 146.

⁸ Кржижановский 2001, 282.

⁹ Ливская 2012, 26.

зом, собственно путь адепта в повести воплощается в трех путешествиях главного героя¹⁰.

Композиционный рисунок всех путешествий составляют два взаимосвязанных мотива¹¹: вольное, порой хищническое отношение героя к познаваемому им миру и его обитателям и, как следствие, неприятие миром героя-рассказчика. Уже во время первого путешествия пространство восстает против героя, персонифицируясь в образах Злыдней, которые, прознав про существование умаленного человека, сталкивают его в термометр, где он едва не погибает. В другом случае противником героя становится время, которое подвергает его «мучительнейшей из пыток: пытке длительностями», воплощенной в беге героя вдоль циферблата, «привязанным к заостренному концу секундной стрелки»¹².

Таким образом, узловую точку маршрута представляет борьба героя-рассказчика с отторгающим его Макрокосмом. Победа героя обуславливает следующий этап пути — возрождение в новом качестве, в вооружении тайным знанием. А затем — участие в так называемом Великом Делании (еще один из центральных терминов розенкрейцерской доктрины), т.е. преобразование мира — Макрокосма на основе полученного знания. Путешествие «умаленного человека» внутри пространства заканчивается в термометре со спиртом. Термометр случайно разбивают — таким образом, смерть вещи обуславливает освобождение героя и в свою очередь является откликом обновленного мира на его преображение. Вещной смерти предшествует еще одно умирание — оно и становится косвенной причиной «гибели» термометра и освобождения героя. За некоторое время до этого умирает старый профессор, термометр разбивается во время уборки и перестановки вещей в его кабинете.

Второе — во времени — путешествие героя снова результируется в смерти. Выбраться из наручных часов возлюбленной ему удастся только в конторе часовщика после их поломки — т.е. умирания вещи. Но эта смерть не единственная: незадолго до обретения свободы погибает внутри часового механизма друг героя — песочный человечек.

Во время третьего путешествия герой, одержимый ненавистью к гигантскому врагу, агитирует угнетаемых эритроцитов сократить рабочий день до восьми часов кровообращения. Революционное бурление приводит к гибели соперника, и освобождение героя совпадает с моментом похорон. Последний пузырек, который предстояло выпить ученику мага, — красного цвета. Очевидно, это «рубеда» — третья стадия Великого Делания. Таким образом, познание адептом устройства мироздания каждый раз становится вольной, или невольной попыткой его «дикарского» уничтожения¹³.

Мотивацией первого путешествия становится любопытство исследователя, но уже тогда к нему примешивается едва уловимое, дразнящее желание — возможной встречи с той, которая, «прошуршав мимо героя шелками юбок», напол-

¹⁰ Ливская 2012, 30.

¹¹ Первая работа, посвященная исследованию раннего периода жизни и творчества Кржижановского, — это статья Е. Воробьевой «Неизвестный Кржижановский». Реконструкция литературного и религиозно-философского контекста раннего творчества писателя в данной главе опирается на статью этого автора. См.: Воробьева 2002, 290.

¹² Кржижановский 2001, 197.

¹³ Элиаде 1999, 15.

няет «полутьму запахом «Шипра» и терпкой тревогой». Полученное знание герой каждый раз использует как средство на пути к женскому сердцу. И Вселенная, которую он стремится познать, замыкается в теле маленькой женщины, чувство к которой, пульсирующее на стыке: любовь — ненависть — постепенно заполняет жизненное пространство героя и становится определяющей его маршрутов.

Фантастическим отражением любовной истории героя становится вставная новелла о короле червей с двумя сердцами: ««Мое большое сердце любило маленькую женщину; мое маленькое сердце любило великий народ»¹⁴. Одно нужно было удалить, но которое из двух? Малое в большом король предпочел большому в малом. Однако, освободившись от малого сердца, он одновременно потерял и самое понятие «трехмерности», т.е. полноты бытия, а само Королевство Червей из могущественного государства превратилось в карточную масть.

Смысл истории двух картонных сердец герой постигает только после третьего путешествия, когда «я, микрочеловек, познал макрочеловека до конца: мы соприкоснулись — не кожей о кожу, а кровью о кровь»¹⁵. Очевидно, что человек как относительная единица, заключен в абсолютную единицу Великого целого; Микрокосм во всем его многообразии и сложности — неотъемлемая часть Макрокосма. И развитие, и жизнь каждого возможна только в осознанно гармоничном сосуществовании обоих.

Снова добравшись до «стеклянного знака»¹⁶, превратившего героя в самого себя, он расстается с возлюбленной. Испытания, которые прошел герой, вкупе с зеркально повторяющей его собственную историю карточного короля, подготавливают его душу к третьей тинктуре — и последнему маршруту на пути совершенствования себя. Рассказ героя на этом обрывается, однако ответ на вопрос о действенности последнего путешествия дается в беседе героя, уже старика, со своим юным учеником, которая и обрамляет историю трех путешествий. Меняется его сакральный статус — из ученика, адепта «путем трудной и длительной техники умаления»¹⁷ он достигает вершинной стадии познания — становится магом, и теперь уже его история звучит как урок-предостережение для нового ученика.

Новелла «Странствующее “Странно”» (1924) — это первая крупная вещь, написанная Кржижановским. Перед нами три путешествия «Нового Гулливера», и сам метод «литотизации», преуменьшения, применяемый писателем, в точности соответствует его же анализу метода Свифта. Английский прозаик неслучайно сделал своего Лемюзля Гулливера сначала хирургом, а только потом — «капитаном нескольких кораблей». Хирург — это врач, «путешествующий» внутри человека: он лилипут внутри Макрокосма и великан в своем Микрокосме. Повесть о микроскопическом герое, идущем путями крови, показывает, что замысел Свифта Кржижановский уяснил верно.

Одновременно замкнутость («круг») каждого из путешествий наводит на ассоциацию с Данте, с нисхождением — по кругам — в «ад», который, согласно Евангелию, есть в душе каждого. С другой стороны, очевидна связь «кругов» путешествий с мифологическим уроборосом — мировым змеем, обвивающим

¹⁴ Кржижановский 2001, 294.

¹⁵ Кржижановский 2001, 297.

¹⁶ Кржижановский 2001, 295.

¹⁷ Кржижановский 2001, 300.

кольцом землю, ухватив себя за хвост, — одним из первых символов бесконечности в истории человечества. То, что один бок змеи изображает светлым, а другой темным, отражает извечную борьбу Добра и Зла. Известно, что печать Международного теософического общества, основанного Еленой Блаватской, имела форму увенчанного короной уробороса, внутри которого были расположены другие символы, включая шестиконечную звезду и свастику.

Двадцать пятый год, год написания новеллы, представляет для нас особенный интерес: в Коктебель, к М. Волошину, приезжают Р. Бартини, М. Булгаков, А. Грин и Л. Леонов. Кржижановский читал им новеллу «Странствующее “Странно”» (1924), в которой есть очень любопытные строчки: «Сейчас, когда вся моя эзотерическая библиотека давно уже выменена на муку и картофель, я не могу с книгой в руках показать вам те сложные формулы и максимы, которые руководили нами, магами, в годы наших ученических странствий. Но суть в следующем: самое имя Magus — от потерявшего букву (редуцированного, как говорят филологи) слова magnus, большой. Мы, люди, почувствовавшие всю тесноту жилплощадных площадей, захотевшие здесь, в малом мире, мира большего. Но в большее лишь один путь — через меньшее: в возвеличение — сквозь умаление»¹⁸. И далее: «Правила нашего магического стажа — поскольку они хотят сделать нас большими среди меньших, великанами среди лилипутов, естественно, — стягивают линии наших учебных маршрутов, вводя нас в магизм, то есть в возвеличение, лишь путем трудной и длительной техники умаления...»¹⁹.

Бартини говорил о том, что мир материи — дно Вселенной и добровольная тюрьма духа. О модернизации тюрьмы заботится ее хозяин, а единственно возможный прогресс, предлагаемый человеку, — личное осознание происходящего и постепенное освобождение из плена увлекательной иллюзии. Предположим, что изначально ученик примеряет на себе те или иные ощущения Адама. Он накапливает знания, осматривает владения, учится управлять собой и окружающими, знакомится с ближними соседями по галактике. Затем ему вручается «ключ» — умение входить в себя, в свою «карманную» вселенную.

Кржижановский употребляет два математических знака, известных каждому школьнику, — $>$ и $<$, но поворачивает их так, чтобы вершины были направлены вверх или вниз (как, например, у Булгакова — M и W)²⁰. По сути, это один знак-перевертыш, он изображен на каком-то таинственном пузырьке и действует в зависимости от своего положения. Весьма вероятно, что формула, которую «не смог» показать старый маг, составлена из этих двух элементов, наложенных друг на друга таким образом: XX. Нижняя половина символа — буква M. Верхняя, зеркальная — W. Сделав первого гостя воландова бала «очень недурным алхимиком»²¹, Булгаков надеялся, что внимательный читатель попытается расположить эти буквы одну над другой: знак XX в алхимических гримуарах означал амальгаму, иначе говоря — зеркало. В романе М. Булгакова «Мастер и Маргарита» (1940) Маргариту очень удивили размеры помещения: «Как в передней обыкновенной московской квартиры может помещаться эта необыкновенная не-

¹⁸ Кржижановский 2001, 282.

¹⁹ Кржижановский 2001, 283.

²⁰ Булгаков 1997, 178.

²¹ Булгаков 1997, 190.

видимая, но хорошо ощущаемая бесконечная лестница?»²² Затем она выпивает из кубка — и грандиозные залы снова «съеживаются», становятся скромной гостиницей ювелирши. На самом деле перед балом уменьшается сама Маргарита, и квартира кажется ей огромной: «Внизу, так далеко, как будто бы Маргарита смотрела обратным способом в бинокль, она видела громаднейшую швейцарскую с совершенно необъятным камином, в холодную и черную пасть которого мог свободно въехать пятитонный грузовик»²³.

Подобное «умаление» героини происходит в гофмановском «Щелкунчике» — в тот момент, когда Мари становится ростом с елочную игрушку. Алиса Л. Кэрролла стремительно уменьшается, выпив что-то из стеклянного пузырька. Затем она открывает золотым ключиком крохотную дверцу — вход в Страну Чудес. То же самое случилось с ней в Зазеркалье: девочка уменьшается, и шахматные фигурки не только оживают, но делаются на полголовы выше Алисы. В конце сказки Алиса становится королевой и хозяйкой на праздничном обеде — как и булгаковская Маргарита.

Бартини предложил простейшую модель связи человека и Мира: капелька ртути, плавающая в центре зеркальной сферы. Все отражается в ней, и она — во всем. Вспомним, герои Булгакова летят в прозрачных пузырях, из стеклянного пузырька пьет Алиса, Воланд предлагает мастеру уподобиться Фаусту и «вылепить нового гомункула» в реторте, а гетевский Фауст делает маленького человечка, летающего в стеклянном пузыре реторты.

Сто лет спустя Стругацкие задают читателям загадку такого же рода: герой повести «Град обреченный» вырывается из «страны чудес» сквозь зеркальную стену. В «Миллиарде лет до конца света» астроном Малянов (умалившийся) пытается проникнуть в тайну неких пузырей: «Так и назову: пузыри. Нет, наверное, лучше “полости”. Полости Малянова. “М-полости”...»²⁴. Ученому кажется, что сама Вселенная ополчилась против него, не допуская к тайне рождения звезд. Он сдается, — и этим заканчивается повесть. Разгадка — в двух словах телеграммы. Эти слова повторяются дважды и все-таки кажутся бессмысленными: «гомеопатическое мироздание». Гомеопатия — лечение микродозами лекарств, а само слово происходит от греческого «гомеос» — «подобие». Микродоза... мироздания? Но это и есть Микрокосм («М-полость») — маленький космос, подобный большому и вложенный в него.

В романе «Пирамида» Л. Леонова эта мысль выражена еще более отчетливо: герой романа путешествует по мирам, входя в микроскопическую вселенную, уместившуюся на ладони. Вот что наблюдается при отбытии леоновского «ангела»: «Помнилось только, что сперва в несколько сильнейших рывков, как оно наблюдается при росте кристаллов, Дымков стал раздаваться во все стороны, главным образом ввысь, попутно туманясь и утрачивая сходство...»²⁵. Леонов выбрал для своего романа название «пирамида» — т.е. лестница, сужающаяся кверху, символ восхождения через уменьшение.

²² Булгаков 1997, 286.

²³ Булгаков 1997, 290.

²⁴ Стругацкий 1993, 56.

²⁵ Леонов 1984, 136.

Стало быть, нужно отыскать дверь в свой Микрокосм, пройти через его зеркало, уменьшиться и стать повелителем нового мира. Вспомним, в «нехорошую квартиру»²⁶ в романе «Мастер и Маргарита» (1940) входят тремя способами — в дверь, из зеркала и через камин, — но это не что иное, как карнавальные маски Философского Камня, открывающего «дыру» в зеркальном шарике Микрокосма.

Еще одной «дверью», открывающей путь в другие миры, по мнению Кржижановского, являются любовь и творчество. И здесь ассоциация с зеркалом также уместна. Ср.: «Искусство — зеркало, отражающее того, кто в него смотрится, а вовсе не жизнь»²⁷ (О. Уайльд, «Портрет Дориана Грея»). Именно об этом Кржижановский пишет в статье «Любовь как метод познания»: «Познание любовью не только отражает бытие вещей, — оно отзвук самого акта их творения, потому что, утверждая воспринятый мир, любовь высказывает волю к бытию любимых, приемлемых ею вещей и отраженно как бы повторяет и завершает самый акт их созидания. Любовь к каждой данной вещи вторично создает ее, потому что всякая вещь была призвана к бытию Великой Любовью. Здесь мы подходим к религиозной тайне о Любви творящей...»²⁸. Этот мотив лег в основу новеллы «Поэтому»²⁹ (1922). Здесь прослеживается несколько планов повествования:

— конкретно-бытовой, с элементами сатиры: «превращение» романтического поэта, пишущего «Сонеты Весне»³⁰, в солидного критика — разоблачителя;

— сказочно-символический, ассоциативно связанный с романтическими новеллами Гофмана: история поэта — энтузиаста, тонкого художника, не понятого и презираемого филистерами;

— наконец, сакральный, эзотерический — история становления рыцаря духа.

Уже в самом начале новеллы закрепляется особый статус героя. Особый — и в контексте эзотерической философии, ибо итогом посвячительного пути адепта становится приобщение к духовному рыцарству, задачей которого является творческое преображение мира и борьба со злом. Если раньше зло персонифицировалось в образах драконов и колдунов, то в современном мире надевает личины обывательской пошлости, эгоизма, низменных страстей и неспособности к творческому порыву — прорыву в тонкие, скрытые миры. Ему и противостоит духовное рыцарство — посвященные — художники, преображающие, творчески преобразующие мир.

В новелле путь героя к высшему знанию осуществляется в самом его творчестве, тем самым, герой своим интуитивным предвидением тонких миров приближается к Великому Деланию. Так же, как и в новелле «Странствующее “Странно”» (1924), «движущей силой» маршрута — жизни героя становится любовь. Однако чувство Поэта к сказочно-мифической Весне не имеет ничего общего с эгоистичной страстью умаленного человека. Любовь воплощается в творчестве Поэта и обуславливает преображение мира. С другой стороны, становится мето-

²⁶ Булгаков 1997, 184.

²⁷ Уайльд 2000, 266.

²⁸ Кржижановский 1931, 20.

²⁹ Подробно новелла «Поэтому» анализируется в статье Е. В. Ливской 2007: «Метафизика бытия в новеллистике С. Д. Кржижановского» // Вестник МГГУ им. М. А. Шолохова. 3, 50–57.

³⁰ Кржижановский 2001, 258.

дом познания высшего бытия, таким образом, заменяет собой ритуал посвящения³¹.

Намеком на его проведение может рассматриваться символическая сцена извлечения из сердца Поэта «остробуквого “поэтому”» — в контексте новеллы: символа обыденности, размеренности, опошляющего конформизма без творческого полета и преображения. Таинственный старик — врачеватель запущенных сердец, кому сама Весна приходится внучкой, воспринимается и в ритуальном смысле, как ритор, т.е. человек, руководящий посвятельным обрядом. Возникающий образ скальпеля становится семантически близким образу меча, который считался неотъемлемой частью ритуального действия. Наконец, сама операция воспроизводит семантику посвятельной смерти, за которой следует мгновенное второе рождение.

Первым новым ощущением возрожденного поэта становится острая лезвийная боль в сердце. Затем — проснувшаяся жажда творчества: «Поэту хотелось назад — в свет лампы, к открытой чернильнице и стихам...»³². И, откликаясь на его преображение, изменяется, сакрализуется пространство вокруг него: «Травы низко кланялись... сучья не смели не то что царапнуть, даже коснуться его»³³.

Кульминацией становится встреча с Весной, в образе которой ощутимы отголоски образа Прекрасной Дамы³⁴. Она олицетворяет собой таинственный мир природы, открывающийся очам посвященного. Сам мотив венчания Поэта с Весной представляет собой достижение адептом высших сфер бытия, постижение священного знания.

Знаменательно, что граница между земным и сакральным, вещным и вечным совпадает с границей человеческой жизни во временном смысле: «Иди за мной», — прозвучало поэту. «Куда?» — «От вещного к вечному»³⁵. Путь поэзии — познания ведет в смерть, оборачивающуюся для Поэта вечной жизнью.

Герой возвращается в сверхчувственный мир, отголоски и тени которого он предугадывал в своих сонетах, но его стихи растворяются в природе, становятся голосами бытия. Таким образом, обращение к оккультному мифу посвящения оказывается для писателя первой ступенью на пути к возможному обретению желанной целостности — через возвращение к природе и растворение в ней. Однако он не смог дать главного, к чему стремился молодой писатель, — чувства осмысленности и одухотворенности бытия.

Размышляя о причинах отхода С. Д. Кржижановского от эзотерической мифологии, рассмотрим найденную в одном из номеров еженедельной киевской газеты «Жизнь» за 1919 год (№ 2) наряду с текстами О. Мандельштама, И. Эренбурга, Ал. Дейча, В. Асмуса под псевдонимом Frater Tertius прозаическую миниатюру Кржижановского «Сказочка об Истине».

«Сказочка об Истине» — это не что иное, как переделка сюжета народной кумулятивной сказки типа «Рукавичка», «Теремок» или «Лошадиная (вариант:

³¹ Штайнер 1992, 100.

³² Кржижановский 2001, 192.

³³ Кржижановский 2001, 191.

³⁴ Отдельно история создания новеллы «Поэтому» и ее генетическая и поэтическая преемственность со стихотворением А. Блока «Муза в уборе весны...» (1918) рассматривается в монографии Е. В. Ливской «Проза С. Д. Кржижановского». См.: Ливская 2012, 165.

³⁵ Кржижановский 2001, 193.

«мертвая») голова». В первоначальном варианте этой сказки в поле (или в лесу) лежит голова-рукавичка-теремок, который становится жилищем зверей. Кумуляция заключается в постепенном — по ходу развития сюжета — нарастании как количества зверей, так и их размера.

В сказке такого типа финальная катастрофа заключается в том, что самый крупный зверь — как правило, медведь — приходит и всех давит, тем самым уничтожая самый источник сюжетных событий и их нарастания. Сюжет кумулятивной сказки здесь прочитывается как сюжет о сотворении некоторого случайного, неустойчивого, открытого мирка, где в самом процессе сотворения уже заложено его уничтожение — он должен быть аннулирован потому, что продолжает складываться, открыт к привнесению все новых и новых элементов, но это не исключает и неминуемости катастрофы.

Кржижановский в «Сказочке об Истине» совершает подстановку: строго следуя сюжетной схеме, он подставляет на место зверей — участников действия абстрактные понятия, оставляя за ними ту же функцию в сюжете и, следовательно, их персонифицируя. Вместо мышки-норушки появляется Мысль, вместо лягушки-квакушки — Любовь, вместо зайца — Печаль. Причем он выбирает тот вариант сказки, где фигурирует мертвая голова, и последовательно поселяет в этой голове Мысль человеческую, Печаль тихоструйную, Любовь, мыслишки-трещотки, цитатки-побирушки, Радость-непоседу, Вдохновение лученосное, Веру-затворницу. Они «живут-поживают, зла не чают». И наконец, финальное событие сюжета, его логикой обусловленное:

«Только слышат раз, темной ночью, по лесу топот да гул пошел, точно падают все деревья столетние, точно молния щепит их, да вихрь рвет с корнями!

— Стук-стук-стук, кто в голове живет?

Отвечает Мысль тихо: «Я — Мысль, да Печаль тихоструйная, Любовь, Радость, Вера-затворница, мыслишки-трещотки, цитатки-побирушки... Живем — зла не чаем. А ты кто?»

— Я — Истина мира — всех вас «Давишь».

Наступила на голову: голова — хрясь!!»³⁶

«Истина мира» выполняет тут ту же функцию завершителя сюжета, носителя и исполнителя неминуемой катастрофы, что и Медведь (кстати, ей, в отличие от других участников сюжета, дается то же дополнительное наименование, что и в народной сказке, — «Всех вас «Давишь»).

Тому, кто читал написанные семью годами ранее тексты того же автора, бросается в глаза, что выбор тех ценностей, тех абстрактных компонентов внутреннего мира человека, которые он так скрупулезно перечисляет, неслучаен. Он соотносен с логикой элементов рассмотренной выше метафизической системы. Но если раньше Мысль, Любовь, Вдохновение, Радость и даже Печаль, то есть весь сложный мир человеческих переживаний, составляющий душевную жизнь человека, в конце концов приводил к узрению Истины, к экстазу, оправдывающему и усиливающему «жизнь» в человеке, избавляющему его от власти «нежити» — злыдней, то теперь Истина, наоборот, становится равнозначна смерти человека («голова — хрясь»), уничтожению его внутреннего мира.

³⁶ РГАЛИ. Ф. 2280. Оп. 1. Ед.хр. 72.

Налицо действительно пересмотр прежних убеждений, и в этом смысле «Сказочка...» — свидетельство мировоззренческого кризиса, переживаемого автором в этот период. Если в 1910-е годы Кржижановский в своих эссе, работая с текстами того или иного жанра, риторизировал их, подчиняя авторитетному слову религиозно-философского дискурса, то теперь он использует жанр сказки именно в своем литературно-художественном (эстетическом) статусе как средство пародийного показа, развенчания своего прежнего мировоззрения и его языка.

Проведенное нами исследование позволяет с уверенностью сказать, что в сознании Кржижановского в ранний период его творчества само понятие сказки было тождественно понятию мистерии, так же как миф о поэте тождествен оккультному посвятившему мифу, а гностические устремления отождествлены с эстетическими. Причем литературное начало в этом симбиозе было подчинено религиозному (оккультному), ибо само творчество мыслилось не чем иным, как орудием посвящения, средством выражения религиозных настроений.

Молодого автора интересует проблема Гнозиса, он проникнут верой настолько, что посвятивший сюжет оказывается для него метасюжетом литературы в целом, границы которой отождествляются для него с границами сказки. Но пройдет всего несколько лет, и «сказка», являющая истину, превратится в «Сказочку об Истине». А «посвятивший сюжет» получит сложное переосмысление в «Сказках для вундеркиндов».

ЛИТЕРАТУРА

- Богомолов Н. А. 1992: Оккультные мотивы в творчестве Гумилева // Материалы научной конференции 17–19 сентября 1991 года. СПб., 15–19.
- Богомолов Н. А. 1999: Русская литература начала XX века и оккультизм. Материалы и исследования. М.
- Бонецкая Н. К. 1995: Русская софиология и антропософия // Вопросы философии. 7, 15–26.
- Булгаков М. А. 1997: Собр. соч.: в 10 т. М.
- Воробьева Е. И. 2002: Неизвестный Кржижановский: Заметки о киевском периоде творчества писателя // Вопросы литературы. 6, 274–318.
- Воробьева Е. И. 2001: Сигизмунд Кржижановский в контексте русского символизма // Русская литература XX века: итоги столетия. СПб., 10–16.
- Ганзя Ю. 1998: Многоликость слова: Образы и принципы их построения в прозе Сигизмунда Кржижановского // Русский язык в школе. 1, 69–76.
- Гаспаров М. 1990: Мир Сигизмунда Кржижановского // Октябрь. 3, 201–203.
- Гречаник И. В. 2003: Религиозно-философские мотивы русской лирики рубежа XIX–XX столетий. М.
- Делекторская И. Б. 1998: Кржижановский Сигизмунд Доменикович // Культурология XX век. Энциклопедия. СПб., 330–335.
- Йейтс Ф. 1999: Розенкрейцерское Просвещение. М.
- Калмыкова В. 2008: Поэзия и «тайна личности»: случай Сигизмунда Кржижановского [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.utoronto.ca/tsq20/kalmykova20.shtml>.
- Кравченко В. В. 1997: Мистицизм в русской философской мысли XIX — начала XX вв. М.
- Кржижановский С. Д. 1931: Поэтика заглавия. М.

- Кржижановский С. Д.* 2001–2005: Собр.соч.: в 5 т. СПб.
- Леонов Л.* 1984: Собр.соч.: в 10 т. М.
- Ливская Е. В.* 2007: Метафизика бытия в новеллистике С. Д. Кржижановского // Вестник МГГУ им. М. А. Шолохова. Серия «Филологические науки». 3, 21–25.
- Ливская Е. В.* 2012: Проза С. Д. Кржижановского: Монография. Калуга.
- Нефедьев Г. Ф.* 2001: К истории одного «посвящения»: Вячеслав Иванов и розенкрейцерство // НЛЮ. 40, 15–21.
- Нефедьев Г. Ф.* 2002: Русский символизм и розенкрейцерство // НЛЮ. 56, 28–35.
- Обатнин Г.* 2000: Иванов-мистик. Оккультные мотивы в поэзии и прозе Вячеслава Иванова (1907–1919). М.
- Перельмутер В. Г.* 1994: Литературоведение Сигизмунда Кржижановского // С. Д. Кржижановский. «Страны, которых нет». Статьи о литературе и театра. Записные тетради. М., 15–24.
- Перельмутер В. Г.* 1989: Хроника жизни и творчества Сигизмунда Доминиковича Кржижановского // С. Д. Кржижановский Сказки для вундеркиндов. М., 5–20.
- Подина Л. В.* 2001: Микропоэтика С. Кржижановского-прозаика и ее смысл // Поэтика русской литературы. М., 121–125.
- Семенов А. Н.* 2004: Пространство прозы Сигизмунда Кржижановского // Гуманитарные науки Югории. Ханты-Мансийск, 35–41.
- Синицкая А. В.* 2003: Метафора как хронотоп: К вопросу о поэтике Сигизмунда Кржижановского // Вестник Самар. гос. ун-та. Гуманит. выпуск. Философия. Социол. История. Литературоведение. Унив. жизнь. 1, 85–96.
- Стругацкий А., Стругацкий Б.* 1993: Собр.соч.: в 12 т. М.
- Уайльд О.* 2000: Собр.соч.: в 3 т. М.
- Фельдман Р.* 1998: Салон-предприятие: писательское объединение и кооперативное издательство «Никитинские субботники» в контексте литературного процесса 1920–1930-х годов. М.
- Штайнер Р.* 1992: Мистерия и миссия Христиана Розенкрейца. Лекции 1911–1912 гг. СПб.
- Элиаде М.* 1999: Тайные общества. Обряды инициации и посвящения. М., СПб.

ESOTERIC COMPONENT OF S. D. KRZHIZHANOVSKY'S EARLY PROSE: TEXT AS A PART OF INITIATION RITUAL

Ye. V. Linskaya

The article considers S. D. Krzhizhanovsky's early prose that is based on esoteric tradition whereby the text integrates into the system of ritual literature and becomes a part of an initiation ritual. The writer's early works are strongly influenced by esoteric ideas, which are confirmed by its themes, problems, plot structure, and imagery. They are the first stepping stones on his way to acquire cherished integrity through returning to nature and fusing with it. The article aims at analyzing Krzhizhanovsky's earlier texts, their possible identifying with a mysterial text, hence its esoteric subtext study.

Key words: Russian fiction of the 1920s, S. D. Krzhizhanovsky, esoteric tradition, mystery, novella, subtext

ХУДОЖЕСТВЕННОЕ ВОПЛОЩЕНИЕ ОБРАЗОВ СОВРЕМЕННОКОВ В ПОВЕСТИ ТАЛХЫ ГИНИАТУЛЛИНА «УНЫЛЫЕ ДНИ»

В статье исследуется художественное воплощение писателем образов современников в стиле, возникшем в современной литературе путем трансформирования классического реализма. Одна из главных особенностей прозы Т. Гиниатуллина — изображение подлинного, не приукрашенного внутреннего мира персонажей — рассматривается в контексте идейно-эстетического, художественного содержания произведений.

Ключевые слова: башкирская литература, Талха Гиниатуллин «Унылые дни», образы современников, стиль

Одна из форм реализма рубежа XX–XXI веков, трансформированного от традиционной реалистической художественной системы, предполагает совершенно новую точку зрения на окружающую действительность. Она в своей основе реалистична, однако синтезирует в себе также модернистские, экзистенциальные тенденции, что находит отражение и в изображении человека. В современной башкирской литературе она представлена именем Талхы Гиниатуллина. Его творчество тяготеет к классической западноевропейской литературе второй половины XIX века, в которой наблюдались такие свойства реалистического искусства, как объективный, беспощадно трезвый социально-психологический анализ, отсутствие каких бы то ни было иллюзий, надежд и упований на будущее, ощущение устойчивости социального бытия.

В воспроизведении человека Т. Гиниатуллин ориентируется не на создание типичных конкретно-исторических характеров, а скорее на раскрытие внутренних, социально-психологических основ поступков и деятельности современника. Такая особенность прослеживалась в творчестве Л. Толстого и Ф. Достоевского. Изучая их творчество, литературовед А. М. Гуревич писал, что «реализм этих писателей может быть назван «сверхтипическим», или «универсальным», ибо свою главную задачу они видели не столько в создании исторически конкретных социальных типов, но в том, чтобы добраться до корней человеческих поступков, до первооснов и первопричин наблюдаемых и воссоздаваемых процессов и явлений — причин социальных, психологических, духовно-нравственных»¹. В своей повести «Унылые дни» (2002) писатель поднимает такие социально-психологические вопросы, как безответственность, равнодушие и безразличие людей друг к другу, к окружающим и к своему будущему. Эти негативные моменты писатель воплощает в характерах героев и раскрывает их внутреннюю сущность с помощью резкой и прямой характеристики. В основу сюжета положены два события: исчезновение в селе маленькой девочки и организация ее поиска. В отношении к этой ситуации раскрываются, главным образом, вышесказанные качества в характерах героев. К примеру, для секретаря райкома — это «маленькая,

Янтилина Гульсия Гибадатовна — аспирант отдела литературоведения ИИЯЛ УНЦ РАН. E-mail: yantilina88@mail.ru

¹ Гуревич 2003, 495.

несвоевременная ситуация”, его волнуют более “важные” проблемы, такие как выполнение планов по посеву, ремонт техники и т.д.

В повести наиболее сложным и противоречивым является образ председателя Ильясова. Он изображен как умный, энергичный и полный прогрессивных идей и стремлений человек; его намерения оптимистичны и помыслы светлы. Мечта Ильясова — способствовать качественному развитию колхоза, выдвинуть его в передовики и организовать труд наилучшим образом. Работает он не покладая рук, старается, суетится. На фоне всех остальных — колхозников, замов, сельчан — по характеру он явно отличается. Люди вокруг него привыкли к вялой, спокойной и беззаботной жизни. На председателя Ильясову, который день и ночь работает и старается достичь чего-то, они смотрят с некой ухмылкой, издевательским взглядом. Однако мечты и планы председателя, с которыми он приходит в колхоз, рушатся в самом начале жизненного порыва без борьбы. Причина, по мнению автора, в социально-экономическом укладе и в пороке поколения этой эпохи, которое он обобщает в образе Ильясова. Трагическая судьба героя — это трагедия всего поколения, поколения нереализованных возможностей. Слабые управленческие качества и слабохарактерность героя обуславливают то обстоятельство, что он не может изменить отношение своих подчиненных к работе и к себе. Ему не удастся вести за собой тех людей, у которых уже выработалась психология потребителя, психология человека эпохи капитализма. Заблудившаяся в лесу девочка не найдена из-за того, что председатель должным образом не организовал ее поиски. Ильясов оказывается “рабом” системы, которая держит героя на коротком поводке, ограничивает его действия, загружает делами, которые вовсе не нужны. Эту истину высказывает сам герой: «Многие дела в колхозе он взял бы на свои руки, если бы не было необходимости постоянно ехать в райсовет, в райком, участвовать в бесконечных заседаниях»². Идея писателя кроется в том, что пора отвыкать от старого, что новой системе нужны новые методы управления. Во-первых, ограниченный, завязанный жесткими узлами системы человек не может проявить свою социальную активность, свою мощь в полном объеме. Во-вторых, в нынешнем обществе, в управлении и организации труда необходимы новые методы. Кроме цели, нужны стереотипы, навыки, «орудие», которыми герой должен обладать для реализации этой цели. В качестве примера хорошего руководителя автор дает характеристику бывшего председателя Худайбирды, работавшего в послевоенные трудные времена: «Он работал, не жалея ни себя, ни людей; матерился, ругался, но выдвинул колхоз в передовики, оказавшегося под угрозой разорения... человек самостоятельный и имеющий свое личное мнение»³. В характере Антила Байкалова (Н. Мусин, «Двое мужчин и женщина», 1992)⁴ подобные стереотипы также присутствовали, несмотря на то, что они противоречили нравственно-этическим принципам. Он специально вырабатывает в своем характере жестокость, хладнокровие, ловкость, благодаря которым добивается “успеха”. Ильясов прекрасно понимает это, понимает, что нужно сделать для получения хорошего результата («действительно работаем «спустя рукава», в людях теперь

² Гиниятуллин 2007, 292.

³ Гиниятуллин 2007, 295.

⁴ Мусин 2011, 202–295.

нет хозяйского отношения к делу»⁵). Но проявить какую-нибудь инициативу ему сразу же мешают, сбивают с ног, и эти препятствия исходят со стороны чиновников. Трагедия его и его поколения заключается, по мнению автора, именно в этом: в антагонизме личности и государства.

Не менее значительную идейную нагрузку несет в себе образ парторга Наиля, представляющий собой сложный и противоречивый характер. Наиль не любит свою профессию, не предан ей душой, в связи с чем и не может достигнуть в своей работе высоких результатов. Он сам признается: «От меня толку было бы больше, если бы я работал простым зоотехником»⁶. Нелюбимая работа, знание своей неспособности, слабости, немоги и ненужности также угнетает и подавляет героя, приводя к разочарованию, бездействию, «хандре» и скуке. Ему плохо в этом мире, его стремления и мечты не реализуются, и здесь нет конкретного виновного, кроме него самого и нынешнего социального уклада. Герой чувствует себя «не в своей тарелке», ущемленным. В этом образе можно проследить умение писателя обрисовать тонкий психологизм, порождающий тщательной продуманностью. Осознав свою беспомощность, Наиль начинает успокаивать себя ложными мыслями: возможно, девочка не заблудилась в лесу, а просто ее украли, и она в данный момент находится не в темном лесу, а среди людей. Не только он один, но и все персонажи повести в конце концов приходят к такому выводу, тем самым снимаю с себя вину и ответственность.

Исключением является Хафиз, один из персонажей повести, называемый сельчанами «придурковатым» и «недалеким». Но, в отличие от «адекватных» людей, он один не равнодушен к трагедии пропавшей девочки. Подобный литературный тип в башкирской литературе встречается довольно редко и в некотором роде схож с маскарадным героем или трикстером из западной литературы. В мировой литературе, в русских сказках юродивые, блаженные и убогие изображались весьма широко. Они представляют собой отдельную категорию персонажей, которые также несут определенную идейную нагрузку. Общие моменты между этими образами и образом Хафиза в том, что эти образы-персонажи предстают некими героями, которые общество списало со счетов. Они не проявляют глупости в нашем привычном понимании; показывается их смекалка, ум и сообразительность. Находясь, казалось бы, среди интеллигентных и образованных начальников и чиновников, они проявляют больше инициативы, чем все эти «адекватные» люди, проявляют гуманность. Их функция в произведениях — бичевание несправедливостей, пороков в системе, прямой показ людям их недостатков в плане нравственности. «Они неправы, нелепы — с точки зрения вымороченной, формализованной, псевдоадминистративной жизни. Но по высокому человеческому счету — истина на их стороне»⁷, — пишет Г. А. Белая. Думается, они специально введены писателями в сюжет повести, исходя из мнения: что непозволительно умному, легко прощается дураку.

Кроме всего этого, характер Министра писатель обогатил временным и национальным колоритом. Это человек наших дней, живущий в современном социально-психологическом климате. Его столкновение с внешним миром, с несправед-

⁵ Гиниятуллин 2007, 345.

⁶ Гиниятуллин 2007, 309.

⁷ Белая 1983, 102.

ливостями и жестокостями, которого автор показывает в ситуации исчезновения маленькой девочки, мучительно и драматично. С глубоким пониманием и состраданием он относится к данной трагедии, нежели все остальные. Именно Министр, в отличие от остальных «нормальных» людей, обнажает свою суть, его действия выбиты из привычной колеи, и в этом моменте ясно прослеживается эксцентрика Т. Гиниятуллина.

Таким образом, в персонажах повести «Унылые дни» Т. Гиниятуллин воплотил различные — порой сложные, порой противоречивые — характеры современников. Автор нашел новые художественные средства изображения героев и событий. Создавая эти образы, писатель не воображал жизнь, а рисовал ее такой, какой она являлась в действительности. Одним из важных моментов в произведении является усиление аналитического и индивидуального начал в изображении характеров, которое заметно усиливается за счет объективности и натуралистичности изображения. Отодвигая в сторону бытовые элементы, историю жизни героев, Т. Гиниятуллин сосредотачивает внимание на их внутреннем мире, подробно раскрывая мотивы, побудившие того или иного героя на какие-либо поступки.

ЛИТЕРАТУРА

- Аминев А. М.* 2007: Ирмель нашей прозы (обзор произведений Т. Гиниятуллина) // Агидель. 7, 87–119.
- Белая Г. А.* 1983: Художественный мир современной прозы. М.
- Гиниятуллин Т. Ю.* 2007: «Унылые дни»: Повесть / Гиниятуллин Т. Ю. Вот кончится война. Повести, рассказы. Уфа
- Гуревич А. М.* 2003: Три стадии русского реализма. К спорам о литературных направлениях // А. Н. Островский, А. П. Чехов и литературный процесс XIX–XX в.в. // А. А. Ре-вякина (отв.ред.). М., 480–495.
- Мусин Н. С.* 2011: Избранные произведения. Т. VII. Роман, повести. Уфа.

LITERARY EMBODIMENT OF OUR CONTEMPORARIES IN TALKHA GINIATULLIN'S SHORT NOVEL "CHEERLES DAYS"

G. G. Yantilina

This is a study of our contemporaries artistic embodiment in a style that was formed in present-day literature through classical realism transformation. A key property of G. Ginatullin's prose consists in depicting genuine, unadorned inner world of characters. The article considers this property within the framework of ideological, esthetic, and artistic message of his works.

Key words: Bashkir literature, Talkha Ginatullin's "Cheerless Days", contemporaries' images, style

ИТЕРАТИВНЫЙ ПРИНЦИП МЕТАТЕАТРАЛЬНОСТИ В РУССКОЙ ДРАМЕ 2000-Х ГОДОВ (на материале пьесы Э. Радзинского «Палач»)

В статье исследуется реализация феномена метатеатральности. Классическая и давно существующая в драматургической практике модель существования в пьесе вторичных текстов (театр в театре) с середины XX века начинает усложняться как формально, так и семантически, обретая новые функции и новые смыслы. На примере пьесы Э. С. Радзинского, подчеркнуто эксплуатирующей указанную модель, демонстрируется интерпретационный потенциал метатеатра на современном этапе развития отечественной драматургии.

Ключевые слова: театр в театре, метатеатральность, театрократия, театрализация, новая драма

Изучение метатеатральности в драматике созвучно важнейшей проблематике драматического текста, основным свойством которого, по выражению И. П. Зайцевой¹, является ориентация на разыгрывание, т.е. в потенциале этого рода литературы всегда находится его театральная репрезентация. Любой драматический текст так или иначе включается в определенные отношения со своей репрезентацией, задавая определенные характеристики соотношения текста и его сценического воспроизведения («спектакля»). При всей важности и неопределенности указанной проблемы отношения между текстом и его репрезентацией вскрываются, по большому счету, только театральными критиками, которые не всегда владеют литературоведческим аппаратом на должном уровне. Ситуация еще более усложняется, когда, как в нашем случае, представления (в самом широком смысле слова) включены в тексты пьес как часть сюжета.

Давно известно, что театр наиболее репрезентативно свидетельствует о «двухфокусности оптики искусства»², совмещая в себе свойства предельной материальности и телесности с нарочито условным делением на игровой и обзревающий эту игру локусы. В театре наличествуют две территории — вымысла (актерской игры) и рефлексии по поводу вымысла (зрительского восприятия). В общем виде, такое деление характерно для *спектакля*, а не для пьесы; для текста драматургического, а не драматического. Однако в тех случаях, когда организация театрального пространства (разделение персонажей текста на демонстрирующих и наблюдающих) и коммуникация между локусами (речевая и физическая активность демонстрирующих направлена друг на друга, а не прямо на наблюдающих) на какой-то период становятся частью сюжета, мы должны говорить о наличии метатеатрального элемента или о том, что в данном тексте диагностируется феномен метатеатральности³.

Макаров Антон Владимирович — аспирант кафедры филологии Новосибирского государственного технического университета. E-mail: a.makarov@exlinguo.com

¹ Зайцева 2002, 41.

² Прозорова 2012, 15–16.

³ Причины использования именно этого термина: Макаров 2011, 145–150.

Метатеатральность современной драмы не может быть в полном объеме сведена ни к отношениям «драма в драме», ни к отношениям «театр в театре». Первый тип требует существования вторичного драматического текста, обладающего всеми необходимыми функциями: осязаемой сменой языкового кода, сменой субъектов повествования, структурная отграниченность⁴. Второй претендует на наличие рефлексии по поводу театра как такового или как минимум рефлексии зрителей в спектакле—2 об увиденном в спектакле—1. Ключевыми в характеристике *метатеатральности* современной драмы следует называть обнажаемый процесс фикционализации, процесс игrania ролей, становящийся значимым не для достижения персонажем определенной цели (мы знаем, что «героями драматических произведений весьма часто оказываются люди, склонные к игре»⁵), но значимый сам по себе, своего рода «играние как рефлексия собственной игры».

Пьесы, организованные по классической схеме «театр в театре», являющейся частным случаем реализации метатеатральности в драме, — не редкость для современной российской драматургии. Среди пьес 2000–2010 гг. можно вспомнить «Убийство драматурга» Г. Акбулатовой, «Антракт» А. Мардана, «Ад Станиславского» О. Богаева, «Две пьесы для двух актрис» И. Мухаметовой и др. Такой прием характерен для драматического творчества Э. Радзинского и по-разному воплощался на протяжении всей его активной творческой деятельности. Наиболее яркими примерами могут служить пьесы «Театр времен Нерона и Сенеки» (1982) и «Я стою у ресторана...» (1986). В пьесе «Палач: разговоры по пути на гильотину» (2007) драматург радикально усложнил систему театральной коммуникации, введя несколько театральных пространств по принципу *mise en abyme*.

Пьеса Э. Радзинского (1) «Палач» написана о сценических исканиях Мейерхольда (2), сюжет жизни которого в пьесе прямо сравнивается с сюжетом пушкинской маленькой трагедии «Моцарт и Сальери» (3); сам Мейерхольд при этом ставит пьесу о французской революции конца XVIII века (4). Эта постановка у Мейерхольда опирается, главным образом, на воспроизводимые записки палача Сансона (5), которые часто в тексте цитируются (а еще чаще некоторым репликам придаётся статус цитат). Персонажи пьесы о Великой французской революции в определенный момент играют фрагмент пьесы Бомарше «Женитьба Фигаро» (6).

Перед нами, таким образом, случай пятикратной итерации (5 «вложений» в текст «Палача» Э. Радзинского). Обозначим некоторые особенности каждой из них.

Первая итерация:

В экспозиции пьесы Мейерхольд говорит о том, что «хотел бы поставить пушкинского Моцарта»⁶, но вместо музыканта из Зальцбурга за клавишином сидел парижский палач. Появлением «настоящего» Моцарта и цитатой знаменитого «либретто» к реквиему («Представь себе... кого бы?») из «Моцарта и Сальери» А. С. Пушкина пьеса оканчивается. Примечательно, что в первом появлении среди живых Моцартом оказался Сансон — палач, а во втором Моцарт был уже са-

⁴ Рыбальченко 2002, 262.

⁵ Хализев 1988, 16.

⁶ Радзинский 2007, 11

мим собой: «Входит человек в парике. На этот раз — это Моцарт <...> обращаясь с улыбкой к лежащим»⁷).

Подмена происходит на самом высоком уровне и имеет метафорический смысл. Поиск идеала, желание приобщиться к «высокому» в театрокра­ тическом мире обречено на встречу с палачом. Отметим, что Моцарт Радзинского отличается от других интерпретаций этого исторического прототипа. Моцарт у него — не воплощение гуманизма и не эмблема во всех отношениях «положительного» гения. В одноименном произведении («Моцарт») он циничен, несколько пошл, неверен жене. Леопольд Моцарт (его отец) говорит о нем: «Мальчик обожает га­ ерничать. К примеру, в Мюнхене ночью солдаты на каждом шагу воинственно окликают «Кто идет?!» И он неизменно отвечает им в ответ: «Накось выкуси!»⁸.

Появление Моцарта — этого веселого, легкого, обогащенного собственно пушкинскими чертами характера — состоялось на сцене, где уже произошло огромное число убийств. И появляется он только для того, чтобы сыграть ре­ кви­ ем. Обращаясь к лежащим, Моцарт говорит пушкинскими словами: «Представь себе... виденье гробовое, // Внезапный мрак иль что-нибудь такое»⁹. «Представь себе» после того, как были убиты практически все действующие лица пьесы. Остались лишь Пьеро, Коломбина и Моцарт, три человеческих типа: грустный, несколько коварный, не очень удачливый Пьеро, к началу XX века уже отчетливо напоминающий «рыцаря печального образа», красавица Коломбина и Моцарт, ставший эмблемой гениальности. Понятно, что Моцарт должен в такой компании исполнять роль Арлекина, тем более что эпоха Мейерхольда любила этот треу­ гольник, «стремительно, с захватом новых художественных территорий насыщая его новым богатством мотивов»¹⁰. Такое отождествление чистой гениальности с inferнальным существом, королем фантастических трюков, исчезновений, полетов, превращений, как кажется, имеет определенное значение. В театро­ кра­ тическую эпоху, в которую жили, по мнению Радзинского, и Людовик XVI, и Моцарт, и Мейерхольд, в которую живём и мы, ключевой является не фигура гения, но фигура Арлекина, способного создавать гениальные *фальшивки реальности*, в том числе из самого себя.

Вторая итерация:

Следующий срез «Палача» — пьеса о Мейерхольде, в которой основными действующими лицами оказываются сам Мейерхольд, его жена (Зинаида Райх) и некий персонаж, олицетворяющий «народ», именуемый в афише как «Маляр». В пьесе также указано, что Мейерхольд и Райх должны быть одеты в костюмы Пьеро и Коломбины.

Пьеро возникает как персонаж еще в XVII веке и представляет собой тип ловкого слуги. Много позднее в его характере стали преобладать черты печального любовника, неудачливого соперника Арлекина. Традиционный костюм Пьеро — белая рубашка с жабо: известны две картины, изображавшие Всеволода Эмильевича как персонажа французского ярмарочного театра. Портрет кисти А. Я. Головина, где Мейерхольд изображен в красной турецкой феске, отражающимся

⁷ Радзинский 2007, 158.

⁸ Радзинский 2001, 326.

⁹ Радзинский 2007, 158–159.

¹⁰ Зоркая 2010, 29.

в зеркале. И портрет Н. П. Ульянова, на котором Мейерхольд с высоко поднятой головой в широчайшем жабо смотрит как бы поверх голов зрителей. Связь Мейерхольда в пьесе Радзинского с Пьеро имеет прямые исторические основания, однако это не снимает нового усложнения структуры пьесы, в которой Мейерхольд, как выясняется, тоже играет роль — роль Пьеро, будучи при этом несостоявшимся режиссером пьесы о Моцарте-Арлекине и вполне состоявшимся создателем драмы о Великой французской революции.

Внутри этой итерации прослеживается еще одна — то, что происходит на сцене симультанно, перед зрителем — события Великой Французской Революции — очень похлже на исторические события сталинской эпохи, которые, в свою очередь, чрезвычайно напоминают театрализованное действо, игру (или партию), разыгрываемую Сталиным, — персонажем, занимающим Радзинского в 2000-ые годы. И присутствие «Его», как часто называет его сам Радзинский, в пьесе, ни разу не поименованным, настойчиво ощущается. Маленький пример. В «Палаче» атрибуция реплик Мейерхольда соотносится с «голосом режиссера М.» — с фигурой умолчания, сокрытия имени. В 1940 году, как известно, Мейерхольд был расстрелян, и Радзинский, как бы памятуя об этом факте, не называет имен, продолжает советскую игру в «замолчанку», когда неожиданно ставшие врагами народа стираются из памяти населения. Происходит это, однако, без всякого эксплицитного насилия над людьми, которые с радостью кричат и «Да здравствует король» и «Смерть королю».

Приведем красноречивый эпизод:

Ф у к ь е. Нелегко говорить, Шарло, но те, кого мы считали своими друзьями — неистовыми революционерами... кого народ так ласково прозвал бешеными... они...

С а н с о н. Тоже?!

Ф у к ь е (вздыхая). Тоже. Плели тайно подлый заговор. Как повезло, что нас ведет Неподкупный. Он вовремя разоблачил негодяев. Трибунал уже сегодня разбирает их дело...

С а н с о н. Два десятка «бешеных» повез я на гильотину.

Мы выехали из ворот тюрьмы и всё было как всегда.

К р и к и т о л н ы. Смерть ублюдкам! Шарло, постриги им головы! Предатели! Обратни!¹¹

Врагом народа в 40-ых годах оказался и Мейерхольд.

Г о л о с р е ж и с с е р а М. А как всё начиналось! <...> В обмотках красноармейца, в шинели стою на трибуне. Я объявляю низложенным буржуазное искусство! <...> Да здравствует Великий Октябрь Искусств!

Ж е н а (говорит по телефону). Его арестовали в Ленинграде. Его — символ нового искусства... И никто — ничего!¹²

О том, что революция «как бог Сатурн убивает своих детей» говорит не только Верньо, говорит об этом и Радзинский-повествователь в «Сталине»:

«На XIV съезде Сталин страстно защищает Бухарина: «Крови Бухарина требует? Не дадим вам его крови!» (Аплодисменты.)

¹¹ Радзинский 2007, 134–135.

¹² Радзинский 2007, 157.

Через тринадцать лет идущий на расстрел Бухарин вспомнит эти слова. <...> Сталин уже тогда знал, что расправится с правыми под овации орущего зала»¹³.

Перед нами совершенная идентичность ситуаций, разделенных в истории ста пятьюдесятью годами. Связь между второй и третьей итерацией самая тесная. Это «одно и то же представление», но если события Великой Французской революции поданы во всей их полноте, с большим количеством действующих лиц, с отчетливой хронологией, то трагедия Мейерхольда дана очень сжато.

Более того, это не трагедия, а комедия. «Комедия — лучший рассказ о человеке в моем положении», но она не подразумевает ни хохота, ни смеха; в своей жанровой принадлежности относится к чеховским «комедиям»: «Чехов был очень веселый... Забавно, когда читаешь теперь о нем — «такой печальный», а он все время хохотал. С ним невозможно было разговаривать»¹⁴.

Третья итерация.

Сюжетная линия о революции во Франции XVIII века занимает, как уже было сказано, большую часть текстового пространства и фактически определяет событийную канву всей пьесы. Именно с изображения тех событий начинается структурное деление пьесы на акты. Суперпозиция (более 80 % текстового пространства) этой итерации подразумевает, что все остальные вложения, так или иначе, имеют с ней корреляции. Поэтому при исследовании этой итерации мы обратим внимание на различные, заявленные в тексте пьесы репрезентации элементов театрализации, среди которых выделяется «маскирование», переодевание как экспликация идентичности театра-жизни. В первом акте мотив переодевания, действительно, явлен как смена одежды. Переодевается Сансон, чтобы в нем не узнали палача. Переодеваются все «царицы света и полусвета», потому что жизнь воспринимается как непрекращающийся маскарад, театральное представление, игра. Переодевание свойственно и высшей власти. Мария Антуанетта предстает перед нами в первом акте в образе «изящного маленького домино» и служанки Розины из пьесы Бомарше.

Но невинная игра в переодевания в первом акте превращается в *разоблачения*. На сцене появляется Фигаро — вечный резонер, одновременно льстец, шут, революционер и буржуа. «Этот Фигаро говорит там восхитительно-возмутительные вещи, которые хотят услышать все. <...> Сопrotивляется один глупый король... Он один понял то, чего не понимают наши умники»¹⁵. После Фигаро игрой в разоблачения увлекутся все революционеры, деятельность которых будет представать в совершенно противоположных освещениях, в них увидят «истинные контрреволюционные сущности». Переодевание станет насильственным. Произойдет не «разоблачение», а «облачение», произвольное наделение участников исторического процесса (реальных или осмысленных художественным текстом) необходимыми в данный исторический момент качествами — по сути та же самая маскарадная игра в переодевания, но с реальными историческими последствиями.

Классический театральный мотив переодевания, таким образом, вырождается в тексте пьесы в фарс. Одним из подтверждений фарсового начала в репрезен-

¹³ Радзинский 2004, 267–268.

¹⁴ Радзинский 2007, 16.

¹⁵ Радзинский 2007, 39.

тации этого мотива станет смешение в тексте персонажей, имеющих исторические прототипы (Робеспьер, герцог Орлеанский, Мейерхольд и т.д.), и персонажей — героев других произведений (Фигаро, Коломбина, Пьеро). Происходит фальсификация реальности происходящего. Театральные элементы яростно врываются в жизнь, и могут управлять ей.

В тексте пьесы рассыпано множество деталей, доказывающих это смешение жизни и театра. Создание гильотины — машины для убийства, решившей проблемы революции, — подается как появление в античном театре «бога из машины»; главным героем пьесы становится не революционер, не деятель, а исполнитель, слепо подчиняющийся сценарию — палач; декорации в театре Мейерхольда устроены так, что они одновременно и эшафот, и театральные подмостки, и площадка для бала; паяц Жако, помощник Сансона, — является своеобразной комбинацией образов Фигаро и шекспировского шута. Он говорит правду, как шут, но, одновременно, ловко и ревностно служит общей идее, как персонаж комедии Бомарше.

Революция, таким образом, становится спектаклем, который разыгрывается в истории разными актерскими труппами, но всегда по одному и тому же сценарию.

Четвертая итерация.

Введение в текст документа — дневников Сансона — преследует, как нам кажется, две основные цели. Первая из них — прозаизация текста. Вторая — установка на документальность изображаемых событий.

Появление Сансона на сцене вообще очень примечательно:

И из глубины этого бала выезжает стена, увешанная мечами. И на сцену выходит палач Шарль Сансон. Он поднимает гусиное перо

Г о л о с режиссера М. И пишет — прямо по воздуху...

С а н с о н. Мои «Записки»... Меня уже не будет... но из-под земли я буду говорить в них с вами¹⁶.

Перед нами три голоса: автора, Мейерхольда и Сансона. При этом фраза Мейерхольда завершает фразу автора; снимается напряжение между репликой и ремаркой, объединяющихся в одну синтагму. Реплики Сансона отчетливо делятся на два типа: обращенные к персонажам пьесы и обращенные вовне.

Если для монологизированного диалога характерна «подчеркнутая коммуникативная двунаправленность — и на собеседника, и на читателя-зрителя»¹⁷, то в репликах Сансона второго типа направленность на собеседника, находящегося внутри пьесы, исключается полностью. По функциональному назначению это чаще всего «реплики в сторону», т.е. высказывания, отражающие истинные представления субъекта речи о происходящих событиях. Появление подобных реплик может: 1) Предварять знакомство зрителя с персонажем; 2) Иметь профетическую функцию; 3) Комментировать события, происходящие вне сценического пространства.

«Записки палача» организуют фабульное время пьесы. Эта организация подчиняется требованиям хроникальности, временной последовательности событий. Автор записок — типичная маска писателя-мемуариста. Между моментом пись-

¹⁶ Радзинский 2007, 18.

¹⁷ Борисова, Гадышева 2000, 157.

ма и изображаемыми событиями уже есть некоторая временная дистанция, что ставит повествователя в позицию всеведения: он и непосредственный участник событий и тот, кто их анализирует. Отсюда возможность нарушений хронологии: забегания вперед, обозначение причинно-следственных связей между разновременными событиями и т.д.

В этой четвертой итерации Радзинский добивается прозаизации драматургического материала, что позволяет ему перейти от «показа» событий к их прямой оценке, субъектом которой является автор прозаического текста Сансон. Такой переход автобиографичен: Радзинский-драматург на рубеже XX-XXI веков уступил место Радзинскому-историку.

«Прозаизирующим элементом» выступает здесь один герой — Сансон, которому, в отличие от абсолютного большинства героев пьесы о революции, «дозволено» воспроизводить историю. Второй такой персонаж — мистический¹⁸ писатель Жак Казот, однако, если последний говорил о том, чем всё *закончится*, то Сансон описывал, чем всё *закончилось*. Провидческая функция Казота оказывается менее важной для Радзинского, поскольку обладание сверхспособностями есть некий непередаваемый и необъяснимый дар, тогда как результаты размышлений палача о событиях последнего десятилетия XVIII века чрезвычайно важны. Именно в них содержится урок истории, который по силам усвоить каждому. Однако Сансон не совсем «учительствующий» персонаж — он сам охвачен театрократической реальностью.

Казалось бы, перед нами тот самый непосредственный «свидетель истории», который знает нечто большее, чем все остальные; человек, обладающий тайным, сокровенным знанием смерти, знанием о том, как вели себя в последние секунды великие мира сего. Его мысли «запротоколированы», нет смысла сомневаться в его искренности, так как писал он для потомков с единственной целью, рассказать, *как было*. Мейерхольд в пьесе косвенно указывает на ценность именно этого знания Сансона: «Мне будет, что представить в камере... и, главное, с кем беседовать! Беседы с палачом!»¹⁹.

Не будем забывать, что пьеса «Палач: разговоры по пути на гильотину» относится к позднему периоду творчества Радзинского, к моменту ее первого издания уже были написаны «Наполеон: жизнь после смерти», «Потаенный Бомарше», «Казанова» и, самое главное, «Прогулки с палачом» — произведения, так или иначе затрагивавшие проблему французской революции. И Радзинский не мог не знать, что ни сам Шарль-Анри (прототип палача), ни его внук Клеман Сансон — последний из династии палачей, приписавший себе авторство «Записок» — не имеют к ним никакого отношения. Авторство шеститомных «Запискам палача» приписывают даже Оноре де Бальзаку, но этот факт достоверно не установлен. «Записки палача» — литературная мистификация, а у Радзинского она становится мистификацией в квадрате; установка на достоверность оказывается намеренно опрокинутой.

¹⁸ В сравнении с прозаическими «Прогулками с палачом» мистический элемент в пьесе практически устранен. Если в «Прогулках...» Э.Радзинский говорит о таинственной связи Людовика XVI и Николая II, Антуанетты и Алике Гессенской — Александры Федоровны, то в пьесе подлинным мистическим элементом остается только предсказание Жака Казота.

¹⁹ Радзинский 2007, 16.

Голос палача, который в пьесе напрямую обращается к зрителям, нарушая тем самым классическую драматическую коммуникацию, оказывается голосом неизвестного беллетриста, выдавшего себя за знаменитого парижского Шарло.

В образе Сансона воплощена постмодернистская цепь сходства-подобия, где нет оригинала, чего-то исходного, от чего можно было бы оттолкнуться. Репертуар имен, которыми называют Сансона в пьесе, очень велик: «палач», «шевалье де Лонгеваль», «Шарль», «Шарло», «Сансон»; он предстаёт в образе дворянина, палача, маляра, даже Моцарта. При этом, будучи вполне реальной исторической фигурой, в пьесе он говорит от своего имени, но с чужих слов.

Сансон в пьесе не фальсифицирует театрократическую реальность, он «пишет» ее с некоторой дистанции, участвуя в ней и анализируя ее; одновременно с этим, «пишут» его, говорят о нем, выводят на театральную сцену. Смысл подобной структуры — демонстрация Личности в Театре Истории и самого этого Театра, правильное понимание которого в пьесе, как мы уже говорили, чрезвычайно важно.

Стоит отметить, что мистификация, запутанность цепочки голосов, Радзинским не подчеркивается. «Те же, но и другие» — ключевое определение не только слов Сансона в разных интерпретациях, но и двух революций — В России и во Франции. Универсальная формула революции, поиск которой — одна из творческих задач Радзинского, — это нечто общее, объединяющее события разных эпох. Выявление и выделение общего из исторического процесса — необходимое условие исторического письма, тогда как поиск различий, внимание к индивидуальной судьбе, к персонажу в истории — задача гуманиста и драматурга.

Человек для Радзинского предстает и как фигура (или роль), и как личность (исполнитель роли). Фигуры — исторические константы, их ролевой репертуар ограничен, они обладают свойством вечного повторения. Именно фигурами, а не личностями полна история в каждый момент времени в силу того, что мир представляется в пьесах как вновь и вновь возобновляемое театральное представление.

Поэтому абсолютно логичным выглядит появление в пьесе «Палач: разговоры по пути на гильотину» Фигаро — персонажа комедий П. Бомарше.

Пятая итерация

Инкорпорированная в текст пьеса Бомарше («Безумный день, или Женитьба Фигаро») не имеет какого-то серьезного значения в фабуле пьесы. Назначение ее скорее символическое. «Восхитительно-возмутительные вещи», которые в пьесе говорит заглавный герой, имеют тот же «провидческий потенциал», что и видения мистика Казота. Слуга, одурачивший своего Хозяина, — это метафора, последовательно реализующаяся во всех прочих итерациях. Реализации этой метафоры многообразны: чернь бунтует против королевской фамилии, а потом и против Республики; палач, находящийся в подчинении у короля, отрубает ему голову. Фигаро — это Арлекин, причины «возвышения» которого Н. Зоркая видит именно в том, что «поднимало голову третье сословие»²⁰.

Как слуга Фигаро часто является жертвой обстоятельств, претерпевает со стороны сильных мира сего, что рождает в нем желание бунта (в интерпретации

²⁰ Зоркая 2010, 27.

Э.Радзинского Фигаро (т.е. народ) хочет воли, хлеба и зрелищ и шесть франков за выкрик любой дерзости). Но Фигаро — сам сочинитель комедий, сам и режиссер (театрализованное представление, устроенное им для графа Альмавивы в «Севильском цирюльнике»), что вносит в пьесу дополнительные композиционные усложнения.

«Повышенная» интертекстуальность пьесы «Палач» связана не только с именем Бомарше и многочисленными автоцитациями Радзинского, но и со многими другими авторами. В пьесе достаточно много реплик, взятых из самых разных документальных источников, записей, записок, других художественных текстов. Словами из собственных (или, якобы собственных) произведений говорят Сансон, Маркиз де Сад, Мейерхольд, большинство деятелей Великой французской революции.

В пьесе создается подлинное многоголосие разных точек зрения и «правд». Но ситуации спора не рождается. И не потому, что в доводах сторон нет противоречий, просто стороны не слышат друг друга. Они предпочитают убивать, считая, что созданный ими сценарий — лучший, и все должны следовать именно ему.

В пьесе идея равенства (лежащая в основе эпического мироощущения), которое, якобы, породили октябрьская и французская революции последовательно отвергается. Равенство это было мнимым, неустойчивым и недолговечным: «А как все начиналось <...> Троцкий и Ильич постелили газеты прямо на полу и легли спать... А рядом спали на стульях все остальные вожди Революции... нынешние преступники. Всех прибрал Усатый <...> Блок сказал мне уже в двадцатом: «Революция превратилась в грудную жабу»²¹. Овация и приветственные крики толпы, венчающие первый акт пьесы, звучат в честь фразы Верньо: «Поздравляю всех нас! Отныне равенство — и на эшафоте!»²². Но это равенство мнимое, заключавшееся только в том, что любого могли гильотинировать (или расстрелять). Чернь при этом оставалась чернью, а аристократы даже на фонарях были аристократами. «Единение» народа проводилось извне, будь то коллективизация в России или зрелище публичной казни в Париже, так что ни о какой этнической аксиологии говорить нельзя. Даже внутри одной социальной формации — например, в среде революционеров — нет никакого подобия *fraternité*. Брат, убивающий брата, — это кошунственное надругательство над тем «светлым будущим», за которое бо-ролись Робеспьер, Марат, Демулен.

Подытожим сказанное.

Структура пьесы «Палач» имеет итеративную метатеатральную природу. Три итерации, определяющие фабульную канву пьесы, подобны друг другу настолько, что это подобие позволяет Радзинскому вывести некую формулу происходящих событий, создать универсальную модель революции.

Исторические деятели — фигуры в театре истории — способны иметь сколько угодно большое число исполнителей, носящих разные имена и одежды, но действующих одинаково. Возникает навязчивое сравнение с театром: жизнь оказывается подчиненной театральным законам: в обществе оказывается возможным существование агрессивного игрового поля, которое втягивает в себя всех. В отличие от ранних пьес, в «Палаче» нет законченной фигуры театрократа (Сталин

²¹ Радзинский 2007, 12.

²² Радзинский 2007, 57.

в пьесе, как мы уже сказали, не появляется), «театрократическая» реальность *уже* подменила собой «реальную», субституция уже произошла. Единственным способом сопротивления этой театрализованной реальности становится ее «вскрытие». Мейерхольд ставит пьесу о Франции конца XVIII столетия, имея в виду современные ему события. Вне времени остаются итерации о Фигаро и Моцарте, которые вместе со всей пьесой Радзинского претендуют на универсальность и вневременность.

Вместе с тем, логика предъявления драматического материала соответствует тенденциям, выявляемым нами в корпусе пьес 2000-ых годов и представляет собой частный случай репрезентации метатеатральности в драме, которую принято называть «театром в театре».

ЛИТЕРАТУРА

Борисова М. Б., Гадышева О. В. 2000: Структура диалога драмы как проявление идеологии писателя // Предложение и слово: парадигматический, текстовый и коммуникативный аспекты / О. В. Мякшева (ред.). Саратов, 154–163.

Зайцева И. П. 2002: Поэтика современного драматического дискурса. М.

Зоркая Н. М. 2010: Кино. Театр. Литература. Опыт системного анализа. М.

Прозорова Н. И. 2012: Философия театра. СПб.

Радзинский Э. С. 2007: Палач. М.

Радзинский Э. С. 1997–2003: Сочинения: в 7 т. М.

Рыбальченко Т. Л. 2002: Структура «текст в тексте» в современном романе // Проблемы литературных жанров: Материалы X междунар. науч. конф. Ч. 2. / Т. Л. Рыбальченко (ред.). Томск, 262–270.

Хализев В. Е. 1988: Драматическое произведение и некоторые проблемы его изучения // Анализ драматического произведения / В. М. Маркович (ред.). Л., 6–27.

ITERATIVE METATHEATRE PRINCIPLE IN RUSSIAN DRAMA OF THE 2000-s (BASED ON E. RADZINSKY'S PLAY "EXECUTIONER")

F. V. Makarov

This is a study of metatheater phenomenon. Secondary texts (theater in theater), classical and old-established in drama, have become formally and semantically more sophisticated, thus acquiring new functions and new meanings. E. S. Radzinsky's play that extensively employs the model displays metatheater interpretational potential of the present-day Russian drama.

Key words: theater inside theater, metatheter, theaterocracy, stage adaptation, new drama

ЛИНГВИСТИКА

© 2013

С. Г. Шулежкова

НЕПРОТИВЛЕНИЕ ЗЛУ НАСИЛИЕМ И НЕ МОГУ МОЛЧАТЬ (КРЫЛАТЫЕ ВЫРАЖЕНИЯ Л. Н. ТОЛСТОГО)

В статье анализируются процессы формирования и этапы лексикографического описания корпуса крылатых выражений (КВ) Л. Н. Толстого, в том числе толстовских КВ, имеющих библейские корни; делается попытка ответить на вопросы несоответствия богатейшего наследия классика русской литературы XIX столетия и относительной немногочисленности толстовских крылатых выражений, освоенных русской языковой системой.

Ключевые слова: крылатая единица, крылатография, афористичность, словарь, толстовский, библейские корни

Наиболее ёмко сущность фонда толстовских крылатых единиц (КЕ) выражают два его девиза: *Не противься злу насилеи*! и *Не могу молчать*! Первый из них — перефразированный фрагмент евангельского текста, второй представляет собой заглавие публицистической статьи Л. Н. Толстого 1908 г. И если первый девиз призывает к христианскому смирению, то второй, как и «почти всё созидательное, живое творчество Толстого — это единый, жгучий, захватывающий призыв: *противьтесь злу!*»¹.

Изучая язык Толстого, испытываешь двойственное чувство, знакомое, вероятно, каждому, кто прикасался к творчеству великого писателя и пытался его понять или оценить. С одной стороны, как пишет Ю. Айхенвальд, «жутко приближаться к Толстому — так он огромен и могуч: и в робком изумлении стоишь у подножия этой человеческой горы. Циклопическая постройка его духа подавляет исследователя»². Всё время не покидает ощущение, что перед вами гений, говоря словами М. Дрюона, «необъяснимый, неподражаемый. Гений, который подавляет вас, который возвышается над вами и от которого у вас захватывает дыхание, как это бывает, когдаходишь в Сикстинскую капеллу»³. Мы ставили перед собой достаточно скромную задачу: выявить те выражения Толстого, которые стали крылатыми и среди них установить пласт крылатых единиц, имеющих библейские корни.

В своё время Ю. Айхенвальд писал: «...привыкнув к Толстому, русское общество не всегда ценило его счастливое присутствие, не всегда дорожило своей

Шулежкова Светлана Григорьевна — доктор филологических наук, профессор-консультант кафедры русского языка и общего языкознания Магнитогорского государственного университета.
E-mail: cathphil@masu.ru

¹ Фейхтвангер 1965, 190.

² Айхенвальд 1994, 217.

³ Дрюон 1965, 174.

народной драгоценностью и больше вникало в его смертные слабости, чем в его бессмертную силу»⁴. А слабости, как правило, критики находили в языке Толстого. Исследователей конца XIX — начала XX столетия, как только заходила речь о языке Толстого, гораздо больше интересовали «непричёсанность» его стиля, громоздкость его синтаксических конструкций. Они выискивали в его прозе курьёзные обороты типа «Накурившись, между солдатами завязался разговор», «что что-то не то, что что-то», «выражение ужаса, выражающееся на его лице» и пр. Признавая «стихийную мощь» языка великого писателя земли русской, многие критики не могли отказаться от соблазна этак снисходительно похлопать Толстого по плечу, чтобы назвать язык его писаний «топорным»⁵, обвинить его в том, что у него «нет чувства слова»⁶. Тот же Ю. Айхенвальд в очерке о Толстом пишет: «Забота о слоге для Толстого не существует, она в его глазах — кощунство. Забота о слове — грех против Слова; о технике он не думает и себя как писателя не ощущает, не замечает. У него, к счастью, нет чувства слова как слова; орудие, которым он выковыливает свою мысль и свои образы, отличается гениальной грубостью. Кажется, что эта благословенная мужичья рука пишет трудно, кажется, что этому живописцу легче держать не кисть, а косу... Вы не обидите его, если назовёте язык его писаний топорным»⁷. Д. Мережковский в работе «Лев Толстой и Достоевский» отмечает «нарушения грамматических правил» в «Войне и мире», ошибки, которых не сделал бы даже гимназист 3-го класса, «бессовестные сочетания звуков типа «уж муж был жалок» с «безобразным шипящим и жужжащим соприкосновением трёх *ж*»⁸. Мережковский говорит о том, что язык Толстого «падает», как только начинается «философствование» или «умствование»: «Нет зрелища более жалкого и поучительного, чем эта борьба великого писателя с собственным языком»⁹; «... язык его как будто сразу истощается, изнемогает, бледнеет, обессиливает, хочет и не может, судорожно цепляется за изображаемый предмет и всё-таки упускает его, не схватив, как руки человека, разбитого параличом»¹⁰. В этих высказываниях содержится квинтэссенция многочисленных оценок слога Толстого конца XIX — начала XX столетия не только в отечественной, но и в зарубежной науке.

Идущая не в последнюю очередь от религиозных убеждений моральная чистоплотность, которая проявляется и в языке Толстого, законодателями литературной моды часто воспринималась как некая ограниченность: уже более 100 лет нет-нет да и раздаются голоса, упрекающие Толстого в интеллектуальной примитивности, в том, что он поверхностно-рационален, неповоротлив и прямолинеен. Д. Мережковский как вполне очевидное не уставал повторять: «Он недостаточно умен для своего гения...». Однако изучение корпуса крылатых единиц, обязанных своим происхождением Л. Н. Толстому, свидетельствует о другом: великий русский писатель в совершенстве владел всеми богатствами русского языка и мог формулировать важнейшие для себя мысли безупречно. На это обстоятельство

⁴ Айхенвальд 1994, 217.

⁵ Айхенвальд 1994, 220.

⁶ Айхенвальд 1994, 220.

⁷ Айхенвальд 1994, 220.

⁸ Мережковский 1995, 86.

⁹ Мережковский 1995, 86.

¹⁰ Мережковский 1995, 85.

отечественные лингвисты обратили внимание лишь в 1930-е годы. Традиционный хор упрёков в адрес языка Л. Н. Толстого «умолк» после того, как в двух томах «Литнаследства» была опубликована блестящая работа В. В. Виноградова «О языке Толстого»¹¹. По языку Толстого начали защищаться диссертации; издательство «Высшая школа» выпустило даже специальное пособие для студентов «Язык Толстого»¹². В Туле регулярно стали проходить конференции, посвящённые исследованию языка и стиля Л. Н. Толстого, уже несколько лет ведётся работа над созданием фразеологического словаря писателя.

В 1978 году в Лодзи проходила конференция «Лев Толстой — писатель и мыслитель», посвящённая 150-летию со дня рождения автора «Войны и мира». Один из докладов этой конференции был назван так: “Lwa Tolatoja mysl aforistyczna” («Афористическая мысль Толстого»). Докладчицы М. Бернацка и А. Ражны, предвидя заранее недоумение учёной публики по поводу причисления Толстого к европейским писателям-афористам, вынуждены были оправдываться за то, что рискнули поставить имя Толстого в один ряд с такими именами, как Ларошфуко, Шамфор, Ницше, Карл Крауз, Оскар Вильде, Козьма Прутков и Станислав Ежи Лец¹³. Доклад Бернацки и Ражны — одна из не очень многочисленных работ XX столетия, где рассматривался вопрос о непосредственном вкладе Льва Толстого в русскую языковую систему и в мировую сокровищницу афористики. В конце XX — начале XXI в. интерес к этой сфере наследия Толстого активизировался в связи с развитием крылатографии в России и за рубежом. В словарях этого периода читатель вполне резонно ожидает найти ответ на вопросы о том, какие крылатые единицы (КЕ) восходят к произведениям Л. Н. Толстого или к его высказываниям и как языки Западной Европы и других континентов отреагировали на всемирную славу Толстого. И результат оказывается парадоксальным. Существует вопиющее противоречие между богатейшим наследием Толстого, из которого можно черпать и черпать бесценные фразы, достойные стать крылатыми, и мизерностью реального списка тех толстовских оборотов, которые вошли в русскую языковую систему и в языковые системы других народов мира.

Назовём только некоторые факты из истории фиксации толстовских крылатых единиц.

Начало XX века. Слава Толстого достигла своего зенита. В России Толстого знают и чтят. Его авторитету может позавидовать сам русский император. И вот в 1902–1903 гг. выходит фундаментальный двухтомник М. И. Михельсона «Русская мысль и речь. Свое и чужое. Опыт русской фразеологии». В этом справочнике можно найти десятки крылатых выражений (КВ) А. С. Пушкина, А. С. Грибоедова, А. П. Чехова и других писателей XIX столетия — и только три КЕ, связанные с именем Толстого: *власть тьмы*¹⁴, *непротивление злу*¹⁵ и *непротивленка*¹⁶.

Середина XX века. Произведения Толстого прочно вошли в культурный канон всех стран Варшавского договора: они включены в школьные и вузовские об-

¹¹ Виноградов 1939.

¹² Кожин и др. 1979.

¹³ Бернацка, Ражны 1978, 65

¹⁴ Михельсон 1, 1912, 108.

¹⁵ Михельсон 1, 1912, 671.

¹⁶ Михельсон 1, 1912, 871.

разовательные программы, издаются многомиллионными тиражами, переводятся на языки народов СССР и стран Восточной Европы; по романам и повестям Л. Н. Толстого создаются художественные фильмы, его пьесы ставятся в крупнейших театрах мира. А в 1955 г. увидел свет справочник Н. С. и М. Г. Ашукиных «Крылатые слова», получивший высочайшую оценку в филологических научных кругах и несколько раз переиздававшийся. О чём же свидетельствует этот справочник? Число зафиксированных толстовских КЕ значительно возросло. Супруги Ашукины в 3-м издании своей книги описывают 16 КЕ Толстого (4: Б–69, В–63, В–112, Д–64, Ж–17, И–43, К–33, Н–43, Н–80, О–17, О–32, О–53, П–26, П–32, Т–45. Ч–19)¹⁷. Для писателя-прозаика это серьёзное достижение. Однако цифра 16 кажется не очень внушительной, если сравнить её, например, с числом КЕ других прозаиков — А. П. Чехова (21 КЕ), М. Е. Салтыкова-Щедрина (51 КЕ) или Н. В. Гоголя (65 КЕ), — отмеченных в том же справочнике.

Конец XX века. Издательством «Русские словари» инициирован выпуск «Большого словаря крылатых слов русского языка» (БМШ), куда вошло около 4 000 словарных статей¹⁸. Толстовских КЕ здесь также 16, и в основном это те же обороты, которые были отмечены в своё время С. Г. Займовским и супругами Ашукиными. Все справочники, которые выходили в промежуток времени между этими изданиями, а также после БМШ, оказались ещё скромнее по отношению к толстовским КЕ. Так, в «Русско-норвежском словаре крылатых слов» В. П. Беркова¹⁹ и «Русско-английском словаре крылатых слов» И. Уолш и В. П. Беркова²⁰ упомянуто только 10 интересующих нас единиц. В энциклопедии 2000 г. «Современные крылатые слова», предназначенной для юношества²¹, Е. А. Грушко и Ю. М. Медведев сочли возможным поместить лишь 8 КЕ Л. Толстого. В книге «Крылатые слова» из серии «Золотые страницы», вышедшей в 2001 г. в Минске²², отмечено 11 толстовских КЕ. Современные словари, естественно, зафиксировали лишь некоторые КЕ, восходящие к творчеству Л. Толстого. Перечислим их ниже.

Было гладко на бумаге, / Да забыли про овраги, / А по ним ходить. Это строчки из сатирической солдатской песни «Как четвёртого числа нас нелёгкая несла», слова к которой Л. Н. Толстой написал, когда воевал на Кавказе²³. В песне поётся о поражении русских войск на Чёрной речке в Крымскую войну (1853–1856). Царь Александр II решил тогда во что бы то ни стало занять Федюхины высоты. Отвесные, скалистые Федюхины горы, на которых укрепился неприятель, были почти неприступны для русских солдат: горы окружал глубокий ров, наполненный водой; через Чёрную речку с её топкими берегами нельзя было переправить артиллерию. Было ясно, что, даже добравшись до цели, на вершине горы, в тылу врага, удержаться русским было невозможно. Главнокомандующий М. Д. Горчаков поддержал царя, хотя и считал операцию безнадёжной затеей. В сражении погибли тысячи русских солдат и офицеров, устлавших своими телами Федюхины горы. Бессмысленное, страшное побоище на Чёрной речке ускорило сдачу Сева-

¹⁷ Ашукины 1966.

¹⁸ Берков, Мокиенко, Шулежкова 2000.

¹⁹ Берков 1980.

²⁰ Уолш, Берков 1984.

²¹ Грушко, Медведев 2000.

²² Крылатые слова 2001.

²³ Срезневский 1928, 562.

стополя и вызвало возмущение русского офицерства на Кавказе. Песня быстро распространилась среди севастопольских солдат и офицеров, попала в столицу, а затем была опубликована в одном из сборников журнала «Полярная звезда», издававшихся А. И. Герценом за границей и распространявшихся в России нелегально. Песня начиналась куплетом: «Долго думали-гадали, / Топографы всё писали / На большом листу. / Чисто было на бумаге, / Да забыли про овраги, / А по ним ходить!» «И звонкая рифма, и бойкий народно-песенный ритм, сливаясь воедино, служат отличным аккомпанементом сатирическому содержанию фразы...»²⁴. Вариант «гладко было на бумаге» вместо «чисто было на бумаге (чисто вписано в бумаги)» — результат устного бытования песни. В современном русском языке крылатым выражением Было гладко на бумаге, / Да забыли про овраги, А по ним ходить характеризуют авантюристические действия и поступки, которые заканчиваются провалом из-за полного незнания реальной обстановки. Одним словом, хорошо и просто было на бумаге, в замыслах, а на деле ничего не получилось. Оборот описывается в большинстве современных эптографических справочников²⁵. Ср.: Шохов не зря считал себя опытным строителем, верным учеником Мурашки. И не такие калечки и чертежи держал в руках, да не все они, ох, далеко не все воплотились в реальные строения. **Гладко было на бумаге, да забыли про овраги!** — так и говорилось, когда чуть ли не в последний момент (а до последнего так и ещё тысячу и один раз) менялся замысел. Ох, да что говорить, всяко могло ещё тут повернуться. О. Приставкин. Городок; — Всё имеет свою цену, — тихим голосом объясняет народу заместитель губернатора области Олег Полухин, прибывший на сход в качестве почётного гостя <...> Написано в договоре аренды: арендатор обязуется использовать землю по назначению для выращивания сельскохозяйственной продукции <...> прекрасно! **Ладно было на бумаге, да забыли про овраги** <...> Батурин, не стеснясь высказал на заседании областного правительства: «Компания наша строится на нескольких основополагающих принципах, один из которых — никакой жалости к людям, потому что все — пьяницы, лодыри и воры. Мы должны всех выгнать, расчистить площадку и только тогда создать новое суперсовременное производство». Г. Сапожникова. Жена Лужкова стала помещицей. Комсомольская правда, 07.07.2004.

К этой же сатирической песенке восходит оборот **Туда умного не надо, / Вы пошлите-ка Реада**. Реад — фамилия неопытного и бездарного генерала-неудачника, получившего скандальную известность после сражения на Чёрной речке. Оборот используется, когда для решения какого-либо вопроса, совершения какого-либо дела специально направляются молодые, неопытные исполнители, которые не в состоянии сделать что-либо существенное, допускают просчёты, ошибаются²⁶. В современном русском языке это КВ встречается редко и может быть отнесено к числу устаревших. Зато во 2-й половине XIX — начале XX в., пока в памяти народной ещё живы были воспоминания о бездарно проигранной

²⁴ Гладышева 1978, 15.

²⁵ См., напр., Ашукины 1966, 72; Берков 1980, 45–46; Уолш, Берков 1984, 40; Афонькин 1985, 53; Шулежкова 2, 1993, 14–15; Берков, Мокиенко, Шулежкова 2000, 61; Шулежкова 2003, 78–79; Хлеба, Мокиенко, Шулежкова 2003, 74; Серов 2003, 78–79; Берков, Мокиенко, Шулежкова 1, 2008, 134 и др.

²⁶ Берков, Мокиенко, Шулежкова 2000, 501.

Крымской войне, оно использовалось достаточно активно, особенно в публицистике. Например, Г. В. Плеханов в работе «К вопросу о развитии монистического взгляда на Россию» пишет: ... ни одно из светил официальной науки не решается атаковать «Капитал». Светила предпочитают посылать в атаку молодых, неопытных, нуждающихся в повышении «приват-звонарей». **Туда умного не надо, / Вы пошлите-ка Реада, / А я посмотрю.**

Два описанных выше КВ уникальны потому, что представляют собой фрагменты поэтического текста Л. Толстого. Прочие КВ в большинстве своём являются извлечениями из художественной ткани его прозаических произведений или названиями драматических сочинений. «На литературном знамени Л. Толстого, по словам В. В. Виноградова, был девиз: простота и правда»²⁷. И пять оборотов — *Всё образуется, Писали, не гуляли, дубина народной войны, Всё смешалось в доме Облонских, Все счастливые семьи похожи друг на друга, каждая несчастливая семья несчастлива по-своему* — характерные образцы стиля великого русского писателя.

Восходят они к двум крупнейшим произведениям Л. Н. Толстого — романам «Война и мир» и «Анна Каренина». Выражение *Писали, не гуляли* — фраза из романа «Война и мир» (1869). Толстой описывает сборы перед отъездом из имения Болконских княжны Марьи, чья деревня Богучарово оказалась между русскими и французскими войсками и могла быть в любой момент занята неприятелем: «Мужики оживлённо выносили и укладывали на подводы господские вещи. И Дрон, по желанию княжны Марьи выпущенный из рундука, куда его заперли, стоя на дворе, распоряжался мужиками. — Ты её так дурно не клади, — говорил один из мужиков, высокий человек с круглым улыбающимся лицом, принимая из рук горничной шкатулку. — Она ведь тоже денег стоит. Что же ты её так-то вот бросишь, или под верёвку — а она потрётся. Я так не люблю. А чтоб всё честно, по закону было. Вот так-то, под рогожку, да сенцом прикрой, вот и важно. Любо! — Ишь книг-то, книг, — сказал другой мужик, выносивший библиотечные шкафы князя Андрея. — Ты не цепляй! А грузно, ребята, книги здоровые. — Да, *писали, не гуляли!* — значительно подмигнув, сказал высокий круглолицый мужик, указывая на лексиконы, лежавшие сверху» (Война и мир, 3, 2, 14). Сейчас фразой *Писали, не гуляли* с иронией оценивают чью-либо бесполезную бумаготворческую деятельность или писательский труд невысокого качества²⁸: *Когда в областном управлении писали инструкцию об искусственном опылении ржи, пыль столбом стояла в кабинетах. «Писали – не гуляли». Вдохновенно писали. А когда написали, подписали, запечатали, отправили, пыль улеглась, рожь отцвела. А. Ерохин. Бумагокопнитель. Пр., 16.07.1947. – Откуда у тебя эта макулатура? – Коллеги по работе надали. – Читаешь? – Знаешь, как-то времени не могу выделить. Жалко. – Да, *писали* твои дружки, *не гуляли*. Запись 1994 г.*

К «Войне и миру» восходит и оборот *дубина народной войны*. В главе 1-й 3-й части тома 4-го Л. Толстой пишет: «Несмотря на жалобы французов о неисполнении правил <...> дубина народной войны поднялась со всею грозною и величественною силой и, не спрашивая ничьих вкусов и правил, поднималась, опускалась и гвоздила французов до тех пор, пока не погибло всё нашествие». Ис-

²⁷ Виноградов 1939, 160.

²⁸ Берков, Мокиенко, Шулежкова 2000, 371.

пользуется КВ дубина народной войны в публицистическом стиле, когда говорят о справедливом стихийном сопротивлении народа захватнической войне²⁹: Нелепо было думать, что «**дубина народной войны**», проломив череп наполеоновского «самовластия», только этим и ограничит своё действие и что хотя бы у некоторой части крепостных крестьян, живо помнивших «пугачёвщину», не проснётся желание обрушить эту дубину и на «своих» угнетателей народа. В. Ермилов. Наш Пушкин. Литературная газета, 28.05.1949.

Прочие три толстовских оборота порождены текстом романа «Анна Каренина» (1875). Так, КВ *Всё образуется* — это слова, которыми камердинер ободряет своего барина, Степана Аркадьевича Облонского, огорчённого ссорой с женой (ч. 1, гл. 2). Лексема *образуется* народно-просторечная. Л. Толстой употребил её в одном из своих писем к жене ещё в 1866 году, убеждая её не волноваться из-за разных житейских невзгод. Софья Андреевна в ответном письме повторила эти слова: «Вероятно, *всё образуется*».оборот *Всё образуется* используется в значении ‘Всё уладится, всё будет хорошо’³⁰. Напр., *Итак... я люблю. Пока это секрет, ничего не говорите там известной вам «особе». Это, я думаю, само собой уладится, или, как говорит лакей у Толстого, **образуется***. А. П. Чехов. Три года.

КВ *Всё смешалось в доме Облонских* — одна из начальных фраз романа «Анна Каренина», которая сразу вводит читателей в запутанную ситуацию семьи Облонских: «*Всё смешалось в доме Облонских*. Жена узнала, что муж был в связи с бывшею в их доме француженкою-гувернанткой, и объявила мужу, что не может жить с ним в одном доме... Жена не выходила из своих комнат, мужа третий день не было дома. Дети бегали по всему дому, как потерянные; англичанка поссорилась с экономкой и написала записку приятельнице, прося поискать ей новое место; повар ушёл ещё вчера со двора, во время обеда; чёрная кухарка и кучер просили расчёта». *Всё смешалось в доме Облонских* — одно из самых востребованных толстовских выражений. Оно, в исходном или трансформированном виде, всплывает в памяти журналистов и критиков всякий раз, когда речь заходит о большой путанице, сумятице³¹: — *Как вы оцениваете наше время, время парадоксов? — **Всё смешалось в доме Облонских**... Нет уверенности в будущем, и в настоящем тоже*. Беседа журналиста Н. Задумёной с доктором наук Зельциным. Казахстанское ТВ, 15.07.1992; *А вот в старой доброй Англии, которой мы завидуем, всё это было по самому первому разряду: именно там взорвался в 53-м крупнейший скандал XX века, в коем **смешались, как в доме Облонских**, две юные проститутки, пара уголовников, военный министр и его жена-кинозвезда, костоправ-художник, он же и содержатель салона-притона, аристократы и — какой же пирог без изюминки? — помощник военно-морского атташе советского посольства в Лондоне*. Огонёк, №22, 1992; — *Какова, по-вашему, основная причина начала новой войны? — За чеченским противостоянием кроются не одни лишь кавказские проблемы. **В Чечне, как в доме Облонских, смешалось** буквально **всё**. Международный интерес в кавказских коммуникациях, московский капитал...* С. Герасименко. «Бей Чечню, спасай Россию!» Комсомольская правда, 02.10.1999; ***Всё смешалось на празднике жизни под названием «Кинотавр»**. Кто раньше пел, теперь игра-*

²⁹ Берков, Мокиенко, Шулежкова 2000, 151.

³⁰ Берков, Мокиенко, Шулежкова 2000, 101.

³¹ Берков, Мокиенко, Шулежкова 2000, 103.

ет. Бывший участник ансамбля «Секрет» Николай Фоменко переквалифицировался в актёра, и его можно было наблюдать в фильме «Лунный папа». В. Бродский, О. Сапрыкина. Певцов запел, Салтыкова заиграла. Комсомольская правда, 16.06.2000; «**Всё смешалось в доме Облонских**» — реклама миксера (в январе 2002 года в Москве состоялась выставка рекламных проектов, в которых использованы крылатые фразы из русской литературы). Т. Чередниченко. Саундтреки. Миксер от Толстого. Новый мир, №5, 2002.

Не меньшей популярностью пользуется и толстовская сентенция *Все счастливые семьи похожи друг на друга, каждая несчастливая семья несчастлива по-своему* — начальная фраза романа «Анна Каренина»: Как известно, **каждая несчастливая семья несчастлива по-своему**. Назвав Англию и 48 других членов Содружества «одной большой **несчастной семьёй**», здешняя пресса внимательно следила за конференцией глав правительств стран Содружества, которая только что закончилась в столице Малайзии. Правда, 25.10.1989; «**Все счастливые семьи похожи друг на друга, каждая несчастливая семья несчастлива по-своему**». Дружная семья советских народов пошла на развод со своим парламентом. Д. Травин. Вступаем в переходный период. По-прежнему без штанов. Час пик, 09.09.1991; **Все счастливые семьи похожи друг на друга, каждая несчастливая семья несчастлива по-своему**. С. Маслов. Переписать Толстого, спасти Анну Каренину. Комсомольская правда, 14.02.1995; *Классик сказал, что все счастливые семьи похожи. А кое-кто полагает, что все похожие люди счастливы. Правда, нет правил без исключений*. Эпиграф к публикации о конкурсе двойников. Комсомольская правда, 30.07.1997.

Особую группу среди КВ Л. Н. Толстого составляют обороты, восходящие к названиям его драматических произведений: *плоды просвещения*, *От ней все качества, власть тьмы, живой труп*. Все эти КВ описаны в современных словарях КЕ.

КВ *плоды просвещения* не стало широкоупотребительным. Комедия с таким названием была написана Толстым в 1891 году и способствовала тому, что у оборота развилось дополнительное значение — «невежество, ограниченность, которые проявляются в поступках и мыслях людей, несмотря на их внешнюю образованность»³². Весь текст комедии насыщен штрихами, деталями, которые способствовали формированию у ранее известного словосочетания нового метафорического содержания. Так, сведения о микробах и боязнь заразы, по словам лакея, приводят к тому, что господа «даже бога забыли»: у них умирающая «дочка плакала, звала проститься, — не вошли!» (д. 4, явл. 10). Завидев прыщи на лице одного мужика, Барыня восклицает: «Да смотрите: у него сыпь на носу, сыпь! Он больной, он резервуар заразы!!» И в то же время деньги от заразного мужика она приказывает взять. Так заголовок, концентрируя главную мысль комедии, «становится притяжением разбросанных в тексте деталей образа»³³, и ассоциативные связи с источником поддерживают сложившееся метафорическое значение у КВ *плоды просвещения*. Как правило, это КВ используется с шутливо-ироническим оттенком при оценке результатов обучения, образования, политической про-

³² Костючук 1984, 92.

³³ Костючук 1984, 93.

паганды³⁴. Напр., в «Известиях» за 5-е января 1990 года читаем: *Станут ли наши просвещённые «конституционалисты-демократы» отрицать, что, например, Плеханов, ещё в 1902 году писавший о самоопределении, понимал под ним именно политическое самоопределение? Пожалуйста, объяснитесь поподробнее, господа, не скрывайте от «черни» плодов вашего «просвещения»*. В.И. Ленин. Национал-либерализм и право наций на самоопределение; *Поскольку Москва была объявлена образцовым коммунистическим городом, приходилось соответствовать выставке и по части плодов просвещения. Качество этих плодов, думаю, известно*. Известия, 05.01.1990.

Фраза *От ней все качества* — название комедии Л.Н. Толстого 1911 года. В самой пьесе эту фразу произносит прохожий, имея в виду водку: *«От ней все качества, все катастрофы от алкогольных напитков»*. КВ носит просторечный характер и встречается по преимуществу в речи представителей интеллигенции старшего поколения, которые с помощью толстовского оборота могут выразить своё отношение к источнику всяческих зол, в том числе и к водке. В словарях оно помещается с пометой *Устар.*³⁵: *Религии у Вас отведено так много места, как будто от ней все качества, тогда как она «производное»*. М. Горький. О религиозно-мифологическом моменте в эпосе древних; *Не из соображений отвлечённого морализирования надо бороться против построения клубов на пивном фундаменте, а именно по той причине, что надо прежде всего побудить клуб привлекать своими собственными качествами, а не теми, которые имел в виду Толстой, когда говорил: «От ней все качества»*. Л. Троцкий. Речь, произнесённая 17.07.1924.

Но особый интерес для нас представляют толстовские выражения: *власть тьмы* и *живой труп*. Оба они имеют библейские корни.

Власть тьмы — название пьесы Л. Толстого, написанной в 1886 г. и имеющей подзаголовок «Коготок увяз — всей птичке пропасть». Кстати, именно по поводу названия драмы известный остролов своего времени — дядя Гиляй (В.А. Гиляровский) — сочинил доживший до наших дней экспромт: «В России две напасти: / Внизу — *власть тьмы*, / А наверху — *тьма власти*»³⁶.оборот *власть тьмы* восходит к Евангелию от Луки (Лк 22: 53), где Иисус обращается к пришедшим взять его под стражу: «Каждый день бывал Я с вами, и вы не поднимали на Меня рук, но теперь ваше время и *власть тьмы*». В самом тексте, оборот *власть тьмы* не употреблён ни разу. А его компонент *власть* встречается лишь один раз, в д. 3, явл. 11, где молодой работник Никита, который руководствуется в жизни только своими желаниями («Что хочу, то и делаю»), произносит: «Моя *власть*». Одним из проявлений власти тьмы оказывается непреодолимая, всепоглощающая страсть к деньгам, из-за которой и совершается страшное преступление. Содержание пьесы Л. Толстого способствовало закреплению в русском языке оборота *власть тьмы* в значении «торжество зла, невежества, злобы, отсталости»³⁷: *Дух столичного большого «света» для Л. Толстого — тоже «дух тьмы», «власть тьмы»*. Д. Мережковский. Лев Толстой и Достоевский; *Он [Ми-*

³⁴ Берков, Мокиенко, Шулежкова 2, 2009, 193.

³⁵ Берков, Мокиенко, Шулежкова 2, 2009, 156.

³⁶ Берков, Мокиенко, Шулежкова 1, 2008, 214–215.

³⁷ Грушко, Медведев 2000, 72.

люков] умер в 1943 году. И с ним умер русский либерализм начала XX века — политическое течение, пытающееся облагородить и примирить извечные российские «власть тьмы» и «тьму власти», но потерпевшие трагическую неудачу. Огонёк, №14, 1990; Трудно это объяснить. Но «стиляги» были почти враги народа, их преследовали за внешность, они были, короче говоря, между двумя огнями: властью сверху и властью тьмы снизу... О. Носов. Письмо старого дембеля. Магнитогорский рабочий, 04.10.1991.

Более сложные ассоциативные связи со второй частью Библии прослеживаются у толстовского оборота *живой труп*. Впервые на это обратил внимание С. Г. Займовский. В своей книге «Крылатое слово. Справочник цитаты и афоризма» он писал: «При склонности Л. Н. Толстого к цитатам и образам из Евангелия, возможно, что заглавие драмы навеяно было на него Новым Заветом...»³⁸. Через сорок с лишним лет после выхода в свет справочника С. Г. Займовского Н. М. Шанский в книге «Лексикология русского языка» высказал предположение о том, что «фразеологическое единство *живой труп* Л. Н. Толстым» образовано «по модели, но уже с использованием одной структуры именных конструкций оксюморонного характера типа *белая ворона*»³⁹. В. К. Петров в статье «Из истории крылатых выражений в русском языке» косвенно усомнился в евангельском происхождении оборота *живой труп*⁴⁰. Известный славист В. М. Мокиенко возводит толстовский оборот *живой труп* к французскому *un mort vivant*, освоенному в первой половине XIX в.⁴¹. Более подробно различные точки зрения на происхождение толстовского КВ *живой труп* изложены автором этой статьи в работе «К истории одного из толстовских крылатых выражений (ещё раз об обороте *живой труп*)»⁴². Воспоминания о создании пьесы «Живой труп» и данные истории русского языка позволяют нам присоединиться к точке зрения С. Г. Займовского: связь толстовского оборота *живой труп* с библейским текстом всё-таки существует.

В 5-й главе Первого послания апостола Павла к Тимофею есть выражение *жива оумерла* (в церковнославянском тексте), или *заживо умерла* (в каноническом русском переводе), напоминающее толстовское КВ *живой труп*. Правда, в евангельском тексте речь идёт о сластолюбивых молодых вдовицах, которые, «впадая в роскошь в противность Христу, желают вступить в брак» и «подлежат осуждению потому, что отвергли прежнюю веру», «будучи праздны, приучаются ходить по домам и бывают не только праздны, но и болтливы, любопытны, и говорят, чего не должно» (1 Тим 5: 6, 11–13). Таких вдовиц апостол Павел советует своему молодому адресату опасаться, так как они преступили божьи заповеди, а значит, их погубленные души не обретут жизни вечной: в христианском понимании эти вдовицы умерли, хотя их телесная греховная оболочка продолжает существовать. Именно эта комплексная сема ‘человек, продолжающий естественное существование, будучи опустошённым духовно’, легла в основу толстовского КВ *живой труп*.

³⁸ Займовский 1930, 138.

³⁹ Шанский 1972, 233.

⁴⁰ Петров 1974.

⁴¹ Берков, Мокиенко, Шулежкова 2000, 168.

⁴² Шулежкова 2002.

Заглавие «Живой труп» пьеса, называвшаяся поначалу «Труп», получила спустя несколько лет после её завершения. Вряд ли образцом для этого заглавия послужил омонимичный ему фразеологизм *живой труп*, входящий в лексико-синонимический ряд *живой (ходячий) труп*, *живой (ходячий) скелет*, *живые мощи* и отмеченный в значении ‘хилый, больной человек’, ‘человек, находящийся в состоянии между жизнью и смертью’ «Словарём русского языка» 1898 г.⁴³ В русском языке ещё с XVII века было известно другое выражение с такой же оксюморонной структурой, но со значением, близким к тому, которое сформировалось под влиянием пьесы Л. Н. Толстого, – *живой мертвец*. Встречается оно уже в сочинениях протопопа Аввакума. В «Послании «верным», которое датируется 1673 годом, Аввакум создаёт впечатляющий образ человека, оторванного от своей социальной среды, от семьи, друзей, страдающего духовно и телесно в заточении: «Миленькие мои! Аз сижу под спудом тем засыпан. Несть на мне ни нитки, токмо крест с гойтаном да в руках чотки — тем от бесов боронюся. Да что Бог пришлёт, и аз снем, а коли нет — ино и так добро. О Христе Иисусе питайся наш брат, *живой мертвец*, воздыханием и слезами, донеле же душа в теле. А егда разлучится, ино и так добро: *жив погребен*. Воистинну и на свободе люди те в нынешнее время равны с погребенными»⁴⁴.

Судьба оборота *живой мертвец*, приобретшего в текстах Аввакума значение ‘человек, оторванный от привычной социальной среды, лишённый привычных земных радостей (свободы, общения с близкими, бытовых удобств, возможности заниматься любимым делом и т. д.)’, нуждается в особом рассмотрении. И всё же, есть основание предположить, что протопоп Аввакум сыграл роль посредника между евангельским оборотом *вживе умерла* и толстовским заголовком «Живой труп». Именно протопоп Аввакум, брошенный в студёную яму Пустозёрского острога, оторванный от семьи и друзей, дал толчок развитию у оборота *живой мертвец* / *живой труп* комплексной семы ‘человек, выключенный из общественной жизни’.

Под воздействием драмы Толстого новое метафорическое значение ‘человек, выключенный из общественной жизни’ обогатилось семой ‘чуждый той социальной среде, в которой находится; человек опустившийся, нравственно опустошённый’. Герой драмы Толстого «Живой труп» (1900), Фёдор Протасов, симулируя самоубийство, скрывается от жены и людей своего круга и живёт среди подонков общества, являясь в собственных глазах *живым трупом*.

Реальные условия для закрепления в языковой системе толстовского КВ *живой труп* появились лишь после 1911 г., когда драма Толстого была опубликована и начала своё триумфальное шествие по театрам России и других стран мира и когда вокруг этой драмы началась ожесточённая полемика. К 1930 г. — времени выхода в свет справочника цитаты и афоризма С. Г. Займовского, крылатость оборота *живой труп*, его связь с драмой Л. Н. Толстого в «литературно-образованных кругах» России никакого сомнения уже не вызывала.

К названиям произведений Толстого других жанров восходит два КВ: *Не могу молчать* и *Чем люди живы*. *Не могу молчать* — заглавие статьи 1908 г., в которой писатель выражает гневный протест против смертных казней. Не все уже пом-

⁴³ СРЯ 2, 1898, 426.

⁴⁴ Робинсон 1991, 155.

нят, что после аграрных волнений в России при председателе совета министров П. А. Столыпине эти казни производились в массовом порядке. Отклик Толстого — пронзительный документ эпохи, услышанный во всём мире. Фраза *Не могу молчать* — принадлежность публицистического стиля. Она звучит, как правило, в устах человека, который считает своей гражданской обязанностью выразить протест против чего-либо, для него неприемлемого: *Здравствующие писатели оттого и здравствующие, чтобы делить дачи, квартиры, кабинеты, кресла и прочее неоприходованное с должной тщательностью имущество, вызывая для данных целей разнообразных охранников, сжигая собственные чучела во дворе дома Ростовых на глазах у бронзового Льва Николаевича, который уже не воскликнет: «Не могу молчать»*. Э. Шевелёв. Одиночество. Аврора, №3, 1993; ... Путин также понимает, как много собственной информации он не добавил соотечественникам, а также и то, как корреспонденты излагают услышанное. И потому — два часа прямого эфира без заранее подготовленных вопросов. И воинственное желание «идти на грозу», на самые острые темы. Что называется, достали человека <...> В общем, тот случай, когда «не могу молчать». И это хорошо. Честное слово, наш терпеливый народ заслуживает, чтобы лидер страны почаще раскрывал ему свою душу. А. Юрков. Президент «идёт на грозу». Санкт-Петербургские ведомости, 21.07.2001; *Согласитесь: ситуация вокруг станицы Куцёвской и Гусь-Хрустального развивалась бы по-другому, если бы местные власти не «фильтровали базар», не контролировали поступающую оттуда информацию. Но информация попала в Интернет, разлилась по сёлам и весям, и Россия громко возопила: «Не могу молчать!»* В. Костилов. Платок на русский роток. Аргументы и факты, №50, 2010.

Чем люди живы — название рассказа Толстого 1885 г., своеобразной вариации на тему евангельского оборота *Не хлебом единым жив человек*. Используется в значении 'то, что является насущным, важным и актуальным в жизни людей'⁴⁵. Ответ на вопрос, *чем люди живы*, искали люди все века существования христианства, ищут и сегодня люди разных исповеданий, разных убеждений, как герои романа А. Солженицына «Раковый корпус»:

Поддубев захрахтел и осторожно повернул себя направо. «Вот, — объявил и он громко. — Тут рассказ есть. Называется: «Чем люди живы», — и усмехнулся. — Такой вопрос, кто ответит? Чем люди живы?» Сибгатов и Ахмаджан подняли головы от шашек. Ахмаджан ответил уверенно, весело, он выздоравливал: «Довольствием. Продуктовым и вещевым». До армии он жил только в ауле и говорил по-узбекски. Все русские слова и понятия, всю дисциплину и всю развязность он принёс из армии. «Ну, ещё кто?» — хрипло спрашивал Поддубев. Загадка книги, неожиданная для него, была-таки и для всех нелёгкая. «Кто ещё? Чем люди живы?» Старый Мурсалимов по-русски не понимал, хоть, может, ответил бы тут лучше всех. Но пришёл делать ему укол медбрат Тургун, студент, и ответил: «Зарплатой, чем!» Ефрем, кряхтя, повернул себя налево. У окон были койки пусты и оставался один только курортник. Он объедал куриную ножку, двумя руками держа её за концы. Так и сидели они друг против друга, будто чёрт их назло посадил. Прищурился Ефрем: «Вот так, профессор: чем люди живы?»

⁴⁵ Берков, Мокиенко, Шулежкова 2000, 540.

Ничуть не затруднился Павел Николаевич, даже и от курицы почти не оторвался: «А в этом и сомнения быть не может. Запомните. Люди живут: идейностью и общественным благом», – и выкусил самый тот сладкий хрящик в суставе. После чего, кроме грубой кожи у лапы и висящих жилок ничего на костях не осталось. И он положил их поверх бумажки на тумбочку. Ефрем не ответил. Ему досадно стало, что хилак вывернулся ловко. Уж где идейность – тут заткнись. И раскрыв книгу, уставился опять. Сам для себя он хотел понять – как же ответить правильно. А. Солженицын. Раковый корпус, гл. 8. Своеобразный ответ на этот вопрос содержится в песне К. Вайля и Б. Брехта из «Трёхгрошовой оперы»: **Чем люди живы?** / А люди живы тем, что раздевают, / Терзают, мучат, душат, гонят, бьют плетью / Других людей, а сами забывают, / Что и они являются людьми. / Вот, господа, вся правда без прикрас: / Одни лишь преступленья кормят нас (Перев. С. Апта и Ю. Михайлова).

К числу крылатых следует отнести ещё два оборота Л. Н. Толстого, которые, однако, не имеют непосредственного отношения к его художественным текстам, — *непротивление злу насилием* и *Он пугает, а мне не страшно*. *Непротивление злу насилием* — одно из важнейших положений философско-религиозного учения Л. Н. Толстого, провозглашённое им в 1880-е годы, основной принцип толстовства, восходит к Нагорной проповеди: «... не противься злему. Но кто ударит тебя в правую щеку твою, обрати к нему и другую» (Мф 5: 39). В повседневной жизни этот оборот употребляется, когда речь идёт о ком-либо слишком слабовольном или слишком робком, чтобы постоять за самого себя⁴⁶: Лев Толстой, как известно, проповедовал **непротивление злу насилием**. Но когда его спросили, что он сделает, если увидит, как некий субъект мучает ребёнка, Лев Николаевич ответил, что субъекта убьёт. О. Бакушинская. Интервью с вампиром. Комсомольская правда, 06.08.2005; «Избиения чеченцев — сигнал власти задуматься» [В тексте:] Причина в духовной слабости русских противостоять веками насаждаемой философии **непротивления злу насилием**, отсутствием чувства хозяина — вот на этом паразитируют чеченцы, да и не только они. Один из откликов на случившееся. Комсомольская правда, 24.08.2005; Я оглядела стокилограммовую тушу, сидевшую с самым несчастным видом на табуретке. Так, понятно, Вован не желает связываться с оборзевшими бабами и избрал тактику **непротивления злу насилием**. Если помните, такой же позиции придерживался Лев Николаевич Толстой. Уж не знаю, был ли он счастлив в семейной жизни, но Вовану надо научиться стучать кулаком по столу, иначе ничего хорошего его не ждёт. Д. Донцова. Микстура от косоглазия, 2006.

Он пугает, а мне не страшно — фрагмент отзыва Л. Н. Толстого на произведение Л. Андреева «Бездна»: «По поводу Леонида Андреева я всегда вспоминаю один из рассказов скульптора Гинзбурга, как картавый мальчик рассказывал другому: «Я шой гулять и вдюг вижю войк... испугайся?.. испугайся? — Так и Андреев всё спрашивает меня: «испугайся?.. испугайся?» А я нисколько не испугался»⁴⁷. В современном русском языке фраза **Он пугает, а мне не страшно** используется, когда речь идёт о человеке, который безуспешно пытается напугать своего собеседника, слушателя, читателя и т. п. каким-либо рассказом, сообще-

⁴⁶ Берков, Мокиенко, Шулежкова 2000, 318.

⁴⁷ Гольденвейзер 1959, 114.

нием, новостью: *Читая статью канадского профессора Пола Саймона, ловишь себя на странном ощущении. Вроде бы и заголовок в традиции западной прессы драматический, и затрагиваются наши реальные и больные проблемы. И тем не менее чувства тревоги по поводу тех грозных кризисов, которые статья предсказывает, не возникает. Выражаясь словами Л. Толстого: «Он хочет напугать, а мне не страшно».* Почему так? Московские новости, 06.09.87.

Помимо КЕ, есть в памяти каждого носителя русского языка отдельные слова, которые можно считать осколками национального представления о великом мудреце, к чьему слову прислушивалась когда-то вся образованная Россия, чей образ жизни и внешность вызывали неизменный интерес. Это слова *толстовство, толстовка, толстолец, непротивление, непротивленец, непротивленка, изюминка*. Толстовством называют общественное течение в России конца XIX — начала XX в., возникшее под влиянием религиозно-философского учения Л. Н. Толстого о преобразовании общества путём нравственного усовершенствования; *толстолец и толстовка 1* — последователи этого учения; *толстовка 2* — широкая, длинная мужская блуза в складку с поясом (именно такие блузы из мягкой простой ткани шила своему мужу Софья Андреевна Толстая; в такой блузе он запечатлён на многочисленных семейных фотографиях и на портретах). *Непротивление* — осколок КВ *непротивление злу насилием; непротивленец, непротивленка* — последователи религиозно-философского учения Толстого, призывающие к отказу от активного, насильственного подавления зла и к преодолению его покорностью, смирением.

Краткий обзор языковых единиц, связанных с именем Л. Н. Толстого свидетельствует о том, что богатейшее его наследие недооценено ни в России, ни за рубежом. Множество высказываний Толстого, его афоризмы могли бы стать крылатыми, но так и остались невостребованными. Большинство из них сосредоточено в произведении «Путь жизни», выдающемся памятнике философско-религиозной и этической мысли. Толстой собрал в этой книге из мировых религий, философских систем и литературных произведений то, что, по его мнению, выражает сущность человеческой природы, нравственные законы её совершенствования, осмыслил и переработал этот духовный опыт всех времён и народов, создав оригинальное произведение, не имеющее аналогов в мировой культуре. Здесь мы найдём ответы на множество вопросов, которые каждому из нас приходится в муках решать в различных жизненных ситуациях. Как относиться к браку? Что делать, когда тебя обуревают желания? Как распорядиться властью, которая вдруг выпала тебе на долю? В чём смысл жизни? Что есть добро и что есть зло? Как сохранить друга и как следует относиться к недругу, к врагу? Пессимизм и оптимизм, правда и ложь, добродетель и порок, искренность и притворство, сила и слабость, труд и праздность, ум и глупость, великодушие и эгоизм, победа и поражение, пьянство и трезвость, ненависть и любовь, свобода и рабство, одиночество и солидарность, невежество и образование, вера и безверие, совесть и стыд... Этот список можно было бы продолжать и продолжать. Вот только некоторые из высказываний Толстого: *Нет величия там, где нет простоты, добра и правды; Власть одного человека над другим губит прежде всего властвующего; Чтобы поверить в добро, надо начать делать его; Знание без нравственной ос-*

новы — ничего не значит; Удовольствия богачей добываются слезами бедняков; Лучший ответ безумцу — молчание и т.д.

Почему же кладовая замечательных высказываний Толстого оказалась почти не востребованной? Возможно потому, что в наш прагматичный век призыв жить по законам добра и справедливости кажется слишком неуместным, слишком наивным? Толстой «отпугивает» наших современников своей проповеднической настойчивостью, этической чистотой, глубиной душевных переживаний. У Н. Болдырева были достаточно веские основания, чтобы сказать: «в современной России голос Толстого звучит тихо <...> Не оттого ли, что в Толстом нет ничего “пикантенького” <...> Ныне подавай пикантенького, а иначе как бы и рассуждать не о чем <...> Любая моральная особица и цинизм, любая девиация вызывают повышенный философско-эстетический интерес, а все “маргинальные” темы и наклонности обслуживаются гуманитариями с молниеносной быстротой и изысканнейшим сервисом <...> В этой парадигме Толстой, конечно, не актуален, более того — он враждебен этой парадигме, ибо его понимание культуры насквозь этично...»⁴⁸. И, тем не менее, нам, живущим в XXI в., стоит прислушаться к совету Х. Гарленда: «Даже лучшим из нас отнюдь не бесполезно пересмотреть свою жизнь в свете его (Толстого. — С. Ш.) проповеди. И если нам не достичь тех высоких идеалов, которые в ней выражены, мы, по крайней мере, сумеем почувствовать всё благородство целей, которыми был движим этот великий русский писатель...»⁴⁹.

ЛИТЕРАТУРА

- Айхенвальд Ю. 1994: Лев Толстой // Силуэты русских писателей. М., 217–241.
- Афонькин Ю. Н. 1985: Русско-немецкий словарь крылатых слов. М.; Лейпциг.
- Ашукин Н. С., Ашукина М. Г. 1966: Крылатые слова. Литературные цитаты, образные выражения. М.
- Берков В. П. 1980: Русско-норвежский словарь крылатых слов. М.
- Берков В. П., Мокиенко В. М., Шулежкова С. Г. 2000: Большой словарь крылатых слов русского языка. М.
- Берков В. П., Мокиенко В. М., Шулежкова С. Г. 2008–2009: Большой словарь крылатых слов и выражений русского языка: в 2 т. Магнитогорск; Greifswald.
- Болдырев Н. 1999: Болезнь-к-жизни. О пути Льва Толстого с постоянной оглядкой на Киркегора // Лаврин Я. Лев Толстой, сам свидетельствующий о себе и о своей жизни. — Челябинск, 259–301.
- Виноградов В. В. 1939: О языке Толстого (50–60-е годы) // Литературное наследство. Л. Толстой. Ч. I. М., 35–36; 117–220.
- Гарленд Х. 1965: Толстой-реформатор Толстой и зарубежный мир. Кн. 1-я. — Лит. наследство. Т. 75: в 2-х кн. М., 162–165.
- Гладышева Л. А. 1978: «Гладко вписано в бумаги...» // Рус. речь. 2, 13–17.
- Гольденвейзер Б. В. 1959: Вблизи Толстого / К. Н. Ломунова (пред.), В. С. Мишина (прим.). М.
- Грушко Е., Медведев Ю. 2000: Современные крылатые слова и выражения. М.
- Дрюон М. 1965: Как творил этот гигант Толстой и зарубежный мир. Кн. 1-я. Лит. наследство. Т. 75: в 2-х кн. М., 174–183.
- Займовский С. Г. 1930: Крылатое слово. Справочник цитаты и афоризма. М.; Л.

⁴⁸ Болдырев 1999, 281, 284–285.

⁴⁹ Гарленд 1965, 164.

- Кожин А. Н.* 1979: Язык Л. Н. Толстого. Пособие по истории русского литературного языка: для филол. фак. ун-тов / А. П. Кожин (ред.). М.
- Костючук Л. Я.* 1984: Образ-символ как возможное условие фразеологизации отдельных выражений в языке Л. Н. Толстого // Функционирование фразеологических единиц в художественном и публицистическом тексте / С. Г. Шулежкова (ред.). Челябинск, 86–95.
- Крылатые слова.* 2001. Мн.; М.
- Мережковский Д.* 1995: Л. Толстой и Достоевский // Мережковский Д. Л. Толстой и Достоевский. Вечные спутники: М., 7–350.
- Михельсон М. И.* 1912: Русская мысль и речь. Свое и чужое. Опыт русской фразеологии: Сборник образных слов и иносказаний. СПб.
- Петров В. К.* 1974: Из истории крылатых выражений в русском литературном языке (Живой труп) // Материалы XII Толстовских чтений (республ. сб.). Проблемы языка и стиля Л. Н. Толстого. Тула, 103–111.
- Робинсон А. Н.* (сост.) 1991: Житие протопопа Аввакума и другие его сочинения. М.
- Серов В. В.* 2003: Крылатые слова: Энциклопедия. М.
- Словарь русского языка.* 1898: Т. 2. Вып. 2. СПб.
- Срезневский В. И.* 1928: О севастопольских песнях, приписываемых Л. Н. Толстому // Известия по рус. яз. и словесности АН СССР. Т. 1. Кн. 2. Л., 558–579.
- Толстой Л. Н.* 1993: Путь жизни. М.
- Уолли И. А., Берков В. П.* 1984: Русско-английский словарь крылатых слов. М.
- Фейхтвангер Л.* 1965: Еретические мысли о Льве Толстом // Толстой и зарубежный мир. Кн. 1-я. Лит. наследство: в 2-х кн. Т. 75. М., 190–191.
- Филин Ф. П.* (ред.) 1982: Словарь русского языка XI–XVII вв. Т. 9. М.
- Шанский Н. М.* 1972: Лексикология современного русского языка. М.
- Шулежкова С. Г.* 1993: Песенные крылатые выражения (XVIII в. — Великая Отечественная война): Материалы к словарю «Крылатые выражения из области искусства». Вып. 2. Магнитогорск.
- Шулежкова С. Г.* 2002: К истории одного из Толстовских крылатых выражений (ещё раз об обороте «Живой труп») // Слово. Фраза. Текст: сб. науч. статей к 60-летию М. А. Алексеенко / В. М. Мокиенко (гл. ред.). М., 335–350.
- Шулежкова С. Г.* 2003: Словарь крылатых выражений из области искусства: Более 10000 крылатых выражений. М.
- Büchmann G.* 1990: Geflügelte Worte. — 37 Aufl. — Frankfurt a/M; Berlin
- Chlebda W., Mokijenko W. M., Szulezhkova S. G.* 2003: Rosyjsko-polski słownik skrzydlatych słów. Łask.

NON-RESISTANCE TO EVIL AND I CANNOT BE SILENT (L. N. TOLSTOY'S WINGED PHRASES)

S. G. Shulezhkova

The article presents the shaping of L. Tolstoy's winged phrases and their lexicographic presentation, among them units of biblical origin. The author makes an attempt to find the answer to the question concerning the discrepancy between the rich heritage of the classical author of the 19th century and relatively few of his winged phrases that were adopted by the Russian linguistic system.

Key words: winged unit, winged unit lexicography, aphoristic character, dictionary, by Tolstoy, linguistic system

АСПЕКТЫ ИЗУЧЕНИЯ СИСТЕМНЫХ СВЯЗЕЙ ДРЕВНЕРУССКОЙ ВОЕННОЙ ЛЕКСИКИ

Автор рассматривает синтагматические и парадигматические связи в лексико-фразеологическом поле «Древнерусское войско» на материале памятников восточнославянской письменности XI–XIV вв. При анализе вербализаторов поля акцент делается на выявлении отличительных и схожих черт, что является важным звеном для описания военного словаря древнерусской эпохи. Такой подход дает возможность всесторонне описать наименования военных реалий XI–XIV вв., которые отличаются разнообразием форм словесного выражения и активно вступают в системные отношения, отражая складывающиеся формы военного мышления.

Ключевые слова: древнерусская литература, лексико-фразеологическое поле, антонимия, синонимия, полисемия, военная лексика

Особой задачей исторической лексикологии является изучение системных связей лексико-фразеологической системы языка конкретного исторического периода. Языковые единицы отражают взаимосвязь элементов определенной системы на различных основаниях. Анализ вербализаторов лексико-фразеологического поля «Древнерусское войско» позволяет установить ближайшие системные связи, описание которых основывается на анализе каждой языковой единицы поля, определении ее места в семантической системе, выявлении синтагматических и парадигматических связей внутри поля вербализаторов концепта «Древнерусское войско». Изучение семантических связей между языковыми единицами основывается на предварительном отборе материала. Материалом для исследования служат летописные своды, воинские повести, памятники деловой письменности восточнославянского периода XI–XIV вв.

Слова и устойчивые словесные комплексы (УСК), вербализаторы лексико-фразеологического поля (ЛФП) «Древнерусское войско», вступают в древнерусском языке в различные синтагматические и парадигматические отношения. Широко представлена в ЛФП «Древнерусское войско» полисемия. Многозначные слова могут входить в поле одним из своих значений или входить в зависимости от значения в разные группы ЛФП «Древнерусское войско». Например, лексема *рать* входит в группы «Общее наименование войск» и «Наименование вооруженной борьбы»: *Приидоша же имъ вѣсти, яко татарове приидоша къ нимъ по-смотряти роускихъ полковъъ Данило же Романовичъ и нини князи, вѣдше на конъ», погнаша видѣти рати татарския (Пов. о татаро-монг. нашествии 1223¹); Пришедшоу бо емоу на нь ратню, Костантинъ отъиде къ Костромѣ и тоа съжже (Пов. о татаро-монг. нашествии, 1223).*

Было выявлено, что ЛФП «Древнерусское войско» в древнерусском языке характеризуется необычайно широкой синонимией. Так, например, слова, со-

Ходиченкова Дарья Александровна — аспирантка Магнитогорского государственного университета. E-mail: solncalu4@mail.ru

¹ ПСРЛ 1927, 445–470. Здесь и далее цит. по <http://lib.pushkinskijdom.ru/Default.aspx?tabid=4962>.

ставляющие группу «Общие наименования войск» (*воиско, воинство, сила, дружина, рать, пълкъ, пълчице*) могли обозначать войско без указания на его численный состав или его назначение: *Князь великий Юрий стоаше подъ Ростовомъ, въ Поужбалѣ, а воиско сто»ше за двѣ версты отъ Ростова, по рѣцѣ Ишнѣ, внахотѣ бо сѧ вмѣсто острога обѣ рѣкоу Ишню* (Пов. о татаро-монг. нашествии, 1223); *Тоу оубиен бысть благовѣрный князь великии Георгий Ингорович, брат его князь Давыд Ингорович Моуромской, брат его князь Глѣб Ингорович Коломенской, брат их Всеволод Проньской, и многа» князи мѣсныи, и воеводы крѣпкыи, и воинство оудалцы и резвыцы резанскии* (Пов. о разорении Рязани Батыем, 1237²); *И начаша събчи силоу татарскою, и многих тоут нарочитых багатырен Батыевых побил, ових на полы пресекоша, а иных до седла кра»ше* (Пов. о разорении Рязани Батыем, 1237); *В лѣто ѡлааѡ–е. Побиваша Литва межи собою нѣкии ради ноужа, блаженни же князь Домантъ съ друженою своею и съ всѣм родомъ своимъ оставь отечество свое, землю Литовскою, и прибѣже в Пльсков* (Сказ. о Довм., 1266³); *И стражи же, видѣвше рать великоу, пригнавше, поведавше Домонтоу рать перебродилася» Двиноу* (Сказ. о Довм., 1266); *Тако състоупишася полкы, и напередъ их на татарове и Данило Романовичъ, и Семень Олюевичъ, и Василко Гавриловичъ* (Пов. о татаро-монг. нашествии, 1223).

Исследуя развитие «военных» значений у слова *пълкъ*, Ф. П. Сороколетов обращал внимание на семантические возможности, которые были заложены в слове и реализовались в общем, неспециальном, употреблении и наоборот. В связи с этим в поле его зрения попало слово *пълчице*, обычным значением которого, по мнению исследователя, было ‘место битвы, сражения’. Очень редки примеры употребления слова в значении ‘стан, стоянка’, а в значении ‘войско’ слово встречается всего один раз в Новгородской 1-й летописи: *«і тако всѣпатившеся отъ города, і оузреша іныи полчици свинью великою, котораи бѣша вразилася въ возники Новгородскыѣ»* (Новг. I, С., 1268 г.)⁴.

Встречающаяся в «Повести о разорении Рязани Батыем» лексема *господьство*, вероятно, также обозначала войско, но в данный синонимический ряд не вступала, т.к. употреблялась с указанием на принадлежность только к вооруженным силам Рязани: *Царь Батый и посла по моурзы, и по князи, и по санчакеѣи, и начаша дивитиса храбрости, и крѣпости, и моужествоу резанскомоу господствоу* (Пов. о разорении Рязани Батыем, 1237); *Преседоша с кон» на кони, и начаша битиса прилѣжно, многиа сильны» полкы Батыевы проежд»», а храбро и моужественно бѣ»шес», «ко всѣм полкомъ татарским подивитис» крѣпости и моужествоу резанскомоу господствоу* (Пов. о разорении Рязани Батыем, 1237). Здесь же следует обратить внимание на лексемы *пълкъ, рать* и *сила* которые в определенных сочетаниях также указывали на принадлежность к воюющей стороне, называя противопоставляющие воинства и тем самым вступая в отношения противопоставления. Так в различных письменных источниках

² Лихачев, Дмитриева 1969, 344–361. Здесь и далее цит. по <http://lib.pushkinskijdom.ru/Default.aspx?tabid=4956>.

³ Нассонов 1955, 82–87. Здесь и далее цит. по <http://lib.pushkinskijdom.ru/Default.aspx?tabid=4974>.

⁴ Сороколетов 1970, 47–48.

XI–XIV вв. встречаются *половецьстии полъци* (ПВЛ, 1111⁵), *полъци роусьстии* (ПВЛ, 1111), *пълкы касожьскнии* (Сл. о п. Иг.⁶), *немецкнии пълкы* (Сказ. о Довм, 1268), *сила татарска*» (Пов. о Кулик. битве⁷), *сила литовска*» (Пов. о Кулик. битве), *рать татарска*» (Пов. о побоище на р. Пьяне⁸) и др.: *О, како не оубо»с», ни оусоумнѣс» толика множества народа ратныхъ! Се бо всташа на нь три земли, три ратинь первое — татарскаа, второе — литовскаа, третие — рязанскаа* (Пов. о Кулик. битве). Такое употребление *сила*, *рать* какая-либо, по замечанию Л. А. Гараевой, «...свидетельствует о том, что в составе данной единицы актуализируются связи “военного” значения слова *сила* с его “бытовыми” значениями ‘мощь’, ‘могущество’, ‘большое количество’ <...> Таким образом, для воинских повестей XII–XVII вв. характерно “неравнодушное” русских и неприятельских вооруженных сил. Враги воспринимались древнерусскими писателями как грозная, нерасчлененная, обезличенная масса, стремящаяся раздавить русских воинов своей мощью»⁹.

Собственно, само слово *рать* могло означать ‘неприятельское войско, враг, неприятель’¹⁰. Однако чаще в исследуемых памятниках встречается лексема *ратьнын* в том же значении ‘враг, неприятель’: *Половцѣ воеваша много и възвратишася к Торъческомуѡ изнемогоша людье въ градѣ от глада и предашася ратнымъ* (ПВЛ, 1093). Группу с общей семой ‘враг’ составляют также лексемы *врагъ*, *иноплемьникъ*, *противникъ*, *сооупостатъ*, *сооупротивникъ*: *И поможе Богъ князю великому Дмитрею Ивановичю, одолѣ ратным и повѣди врагы сво», и прогна поганых татаръ* (Пов. о битве на р. Воже, 1378¹¹); *Бѣ же тогда ноужда велика от иноплемьникъ, и гон»хотъ христианъ, веляще с собою воньствовати. Князь же великий Александръ понде к цареви, дабы отмолити людии от бѣды то»* (Жит. Ал. Невского¹²); *И не обрѣтес» противникъ емоу въ брани никогда же* (Жит. Ал. Невского); *Не сии ли ангелъ вожь бы на иноплемьники, сооупостатъ бысть, «коже речен «Ангелъ предъ тобою предъидеть», и пакым «Ангелъ твой боуди с тобою»»* (ПВЛ, 1110); *И оттоудоу послы сво» отпусти къ князю Дмитрию и къ всѣм княземъ роускимъ, повѣда» имъ свои приход, и како въцарис», и како соупротивника своего и нх врага Мамаа повѣди, а самъ, шед, сѣде на царствѣ Волжскомъ* (Пов. о Кулик. Битве).

Особенно широко синонимия представлена в сфере «Наименования действий древнерусских воинов». Так, в значении ‘пленить, взять в плен’ функционировали древнерусские лексемы *полонити* / *пльнити*, *поплънити*: *Князи же полци гнаша съдомлян, бьюще, до стана нх, и полониша богатства много, и вс»*

⁵ ПСРЛ 1926, 1–286. Здесь и далее цит. по http://lib.pushkinskijdom.ru/Default.aspx?tabid=4869#_edn140.

⁶ Слово о полку Игореве, 1983. Здесь и далее цит. по <http://lib.pushkinskijdom.ru/Default.aspx?tabid=4941>.

⁷ ПСРЛ 1848, 75–83. Здесь и далее цит. по <http://lib.pushkinskijdom.ru/Default.aspx?tabid=4981>.

⁸ ПСРЛ 1913, 118–119. Здесь и далее цит. по <http://lib.pushkinskijdom.ru/Default.aspx?tabid=4978>.

⁹ Гараева 1997, 34.

¹⁰ Срезневский 1912, 106.

¹¹ ПСРЛ 1913, 126–127. Здесь и далее цит. по <http://lib.pushkinskijdom.ru/Default.aspx?tabid=4979>.

¹² Нассонов 1955, 11–16. Здесь и далее цит. по <http://lib.pushkinskijdom.ru/Default.aspx?tabid=4962>.

имѣниа ихъ, и всѣ» стада содомская (Пов. о Кулик. Битве); *Понде князь Дмитрий в силѣ велицѣ, и плѣни землю Нѣмецкою, и взѣ град Юрьевъ, и възвратиса к Новоугородоу съ многымъ полоном и с великою корыстию* (Жит. Ал. Невского); *И мы слышахомъ, «ко многы страны поплѣнишау сы, Овезы, Касогы, и половець безбожныхъ множество избиша, а инѣхъ загнаша* (Лет. пов. о татаро-монг. нашествии, 1223 г.). Многозначный глагол *изимати* входит в этот ряд одним из своих значений ‘схватить, захватить, взять в плен’¹³: *... и бысть сѣча зла, такоже николиже не бывала оу Пскова, и раниша самого менаѣр» по главѣ, а вельневици, изъймавѣ, посла к великому князю Андрѣеви, а прочии вскорѣ повергъша оружиа и оустрѣмишася на бѣгъ страхомъ грозы храборства Домонтова и моужь его псковичь* (Сказ. о Довм., 1299). В «Сказании о князе Довмонте» встречается УСК *въ работоу въвести*, вероятно, в том же значении ‘пленить’¹⁴: *Слышав же мейстеръ землѣ Ризския моужество Домонтово, ополчивсѣ в силѣ тяжцѣ без Бога, и прииде ко Пскову в корабляхъ и в лодь»хъ и на конехъ, и с пороки, хотя плѣнити домъ Святыхъ Тронца, а князъ Домонта роуками гати, а моужь псковичь мечи иссѣчи, а иныя люди плесковския в работоу въвести* (Сказ. о Довм., 1268). Для повестей о побоище на реке Пьяне и битве на реке Воже характерно сочетание *въ полонъ повести*, также употребляющееся в значении ‘взять в плен’: *Татарове же пришедше и град Пере»славль и прочии грады взяша и огнемъ пожгоша, и волости и села повоеваша, а людемъ много посѣкоша, а ины» в полонъ поведоша, и възвратишася въ страну свою, много зла сътворивше земли Р»занской* (Пов. о битве на р. Воже, 1378); *Отъидоша же поганини от града в п»тницю иноплеменици, волости новгородстии воюючи, а села жгоучи и множество людей посѣкоша, а жены и дѣти и дѣвици в полонъ без числа поведоша* (Пов. о побоище на р. Пьяне, 1377).

Таким образом, анализ лексем и УСК, включенных в ЛФП «Древнерусское войско» в памятниках XI–XIV вв., позволяет выявить особенности военной организации исследуемой эпохи. Большинство языковых единиц, имея специализированное военное значение, вступают в синтагматические и парадигматические отношения. Некоторые же лексемы получают специализированное военное значение в составе устойчивых словесных комплексов или реализуют военное значение в определенных контекстах.

ЛИТЕРАТУРА

- Гараева Л. А. 1997: Устойчивые словесные комплексы древнерусских воинских повестей XII — начала XVII века (структурный и идеографический аспекты). Магнитогорск.
- Лихачев Д. С., Дмитриева Л. А. (ред.) 1969: Сборник произведений литературы Древней Руси. М.
- Насонов А. Н. (ред.). 1955: Псковские летописи М.
- ПСРЛ 1848: Полное собрание русских летописей. СПб.
- ПСРЛ 1913: Полное собрание русских летописей. СПб.
- ПСРЛ 1926: Полное собрание русских летописей. Л.
- ПСРЛ 1927: Полное собрание русских летописей. Л.

¹³ Срезневский 1893, 1058.

¹⁴ Срезневский 1893, 327.

Рыбаков Б. А. (ред.). 1998: Памятники Куликовского цикла. СПб.

Сороколетов Ф. П. 1970: История военной лексики в русском языке (XI–XII вв.). Л.

Срезневский И. И. 1893–1912: Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам: в 3 т. СПб.

SOME ASPECTS OF OLD RUSSIAN MILITARY VOCABULARY SYSTEMATIC RELATIONS

D. A. Khodichenkova

The author analyzes paradigmatic and syntagmatic connection within a lexico-phraseological field “Old Russian army” on the basis of the East Slavic languages manuscripts of the 11th — 14th centuries with an emphasis on similar and different features that provide an important link in describing Old Russian military vocabulary. Such an approach makes it possible to give a thorough description of the 11th — 14th centuries military realia that had manifold verbal expression and were active in establishing systematic connections thus reflecting an emerging military thought pattern.

Key words: Old Russian literature, lexico-phraseological field, antonymy, synonymy, polysemy, military vocabulary

© 2013

Л. Н. Третьякова

ВОЕННАЯ КОНЦЕПТОСФЕРА И КОНЦЕПТ «САБЛЯ» В ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ МИРА РУССКОГО ЧЕЛОВЕКА НА ФОНЕ ДРУГИХ ЛИНГВОКУЛЬТУР

Статья посвящена военной концептосфере и концепту «сабля». В работе определяются сущность и признаки военного концепта-символа «сабля», рассматривается эволюция концепта.

Ключевые слова: военная концептосфера, военный концепт-символ «сабля»

Данная статья посвящена анализу концепта «сабля» в военной концептосфере русского человека. Исследование опирается на основную идею когнитивной лингвистики о том, что мышление человека оперирует определёнными ментально-когнитивными структурами — концептами, а знания организованы с помощью когнитивных моделей типа фреймов, сценариев, метафорических и антонимических моделей. Вследствие того, что процессы и формы мышления носят общечеловеческий характер, а содержание мышления обусловлено национально, каждый язык объективирует собственную картину мира¹.

Третьякова Людмила Николаевна — кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка Российского университета дружбы народов. E-mail: ltretyakova@rambler.ru

¹ Арутюнова 1988, 341.

В данной статье мы продолжаем доказывать следующую гипотезу: материальный концепт «холодное оружие», в данном случае «сабля», является лингвокультурным концептом и, следовательно, должен обладать понятийной, образной и ценностной характеристиками.

Обозначение концепта — это выделение того, что актуально для данной лингвокультуры, и присвоение этому фрагменту осмысливаемой действительности специального знака. В предметном мире при обозначении концепта выделяется тот или иной предмет и определяется его место в окружающей действительности.

Описание концепта — это специальные исследовательские процедуры толкования значения его имени и ближайших обозначений. В нашем случае это:

дефинирование как процесс выделения смысловых признаков предметного знака «сабля»;

контекстуальный анализ, выделяющий ассоциативно связанные смысловые признаки;

этимологический анализ;

паремиологический анализ;

интервьюирование, комментирование.

Этимологический анализ, по мнению Ю.С. Степанова, необходим, чтобы познать внутреннюю форму концепта.

Русское слово «сабля» по М. Фасмеру: «укр., блр. шабля, др.-русск. саблѧ, («Повесть временных лет», СПИ), болг. сабя, сербохорв. сабља, слов. sâblja, чеш. savle, словц. šabl'a, польск. szabla. Эти слова считаются элементами восточного происхождения. За источник принимают венг. szablya «сабля» от szabni «резать». С востока приходит и нем. Säbel «сабля» [Клюге-Гётце]. Следует отклонить этимологию из греч. Σαβος «вывернутый, выкрученный». Ставился также вопрос о тюркском происхождении [Маценауэр].

«Сабля» в словаре В.И. Даля: «Сабля» ж. немецк. ручное холодное оружие, однолезая, кривая, стальная полоса, с рукоятью и ножнами, носимая на левом бедре...»².

«Сабля» по Д.Н. Ушакову представлена уже прямым и переносным значением: САБЛЯ, сабли, р. мн. сабель (блей простореч.), ж. 1. Холодное оружие с изогнутым стальным клинком и одним лезвием. Саблями звуча, сшибаясь, рубятся с плеча. Пушкин. Сабли наголо! (команда; см. наголо в 1 знач.), отпустить саблю (см. отпустить в 8 знач.). 2. перен., только мн. Употр. в знач. кавалерист при указании количества бойцов (воен.). Отряд в составе тысячи штыков и пятисот сабель³.

С.И. Ожегов дает определение уже различных видов сабель: «Сабля, -и, род. п. мн. ч. -бель, ж. Рубящее и колющее оружие с длинным изогнутым клинком. Кавалерийская с. Эскадрон в двести сабель (т. е. состоящий из двухсот кавалеристов). Спортивная с. (эспадрон)»⁴.

Феномен-концепт «сабля» живет на перекрестке различных военных лингвокультур. Специфику поля «виды сабель» определяет большая группа прилагательных, характеризующих национальные формы сабель и военную культуру изготовления холодного оружия. Это среднеазиатские сабли: киргизские сабли (узкие

² Даль 4, 1955.

³ Ушаков 1940, 1342.

⁴ Ожегов 1985, 772.

и длинные), бухарские и хивинские сабли (украшенные бирюзой и эмалью бирюзовых оттенков), кокандские сабли (украшены растительным орнаментом), таджикские сабли (украшены тонким серебром с крупным цветочным орнаментом), афганские сабли (в орнаменте часто встречаются военные сюжеты или оружейная арматура), турецкие сабли (имеют массивную костяную или роговую рукоять), персидские сабли (шамшер — основной тип сабли для всего мусульманского региона), кавказские сабли (изготавливались и украшались по национальным, исторически сложившимся образцам): легкая кавказская сабля (имеет очень широкий короткий клинок слабой кривизны), тяжелая кавказская сабля (имеет тяжелый широкий длинный клинок); грузинские сабли (XVI–XVII вв.) (орнамент растительно-стилизированный, преимущественно состоящий из виноградных гроздьев); хевсурские сабли (тип легкой кавказской сабли); армянские сабли (в центре орнамента — изображение животных (тигров или львов)); азербайджанские сабли (в орнаменте сильны элементы мусульманского искусства — разные сильно стилизованные лепестки на извивающихся ветках); дагестанские сабли (отличаются большим изяществом форм и украшений от кубачинских мастеров); польские сабли.

Русская сабля: ГУСАРСКАЯ САБЛЯ, КАЗАЧЬЯ САБЛЯ, МОРСКАЯ САБЛЯ На Руси сабля известна с IX века, с XIV века она стала господствующим видом холодного оружия в русской армии (в Западной Европе — с конца XVI века). В XV–XVII веках саблями вооружались воины русской поместной конницы, стрельцы, казаки. С XVIII века в европейских и русской армиях сабля состояла на вооружении личного состава легкой кавалерии и офицеров в других родах войск; например, сабле посвящена песня Уланского полка:

Сабля острая моя,
С тобою всех сильнее я
На коне лечу с тобой
Богатырскою стрелой
[Автор поручик Люце].

В 1881 году в русской армии сабля была заменена шашкой и сохранилась лишь в гвардии как парадное оружие, а также у некоторых категорий офицеров для ношения вне строя. В иностранных армиях сабля была на вооружении до конца II мировой войны, а после нее сабли стали использоваться как парадное оружие.

До 1874 года на русском флоте использовалась морская полусабля — сабля с укороченным до 60 см клинком. Затем полусабля была заменена на морскую саблю с длиной клинка около 82 см.

Ценностные характеристики данного концепта выражены в паремиях.

Под паремией в работе понимается единица надъязыкового семиотического яруса, которая обладает свойствами клишированности, афористичности и сентенциозности. Например, в нашем случае — призыв к осторожности: «С соседом дружись, а за саблю держись!»; осуждение нерешительности: «Идет воевать, а не хочет сабли вынимать!», «Шел бы воевать, да лень саблю вынимать»; предупреждение врагу: «Постой, татарин, дай саблю выхватить!»; размышление о возможностях оружия: «И сабля остра, и шея толста!» (что пересилит), «Топором против сабли ничего не сделаешь», «Сабля острее, так и дело спорее»; применение сабли: «Не вынимай не вовремя своей сабли, но коли вынул ее, не клади обратно,

не заслужив похвалы»; историческое наполнение пословицы: «Еще казацка matka не умерла» (имеется в виду сабля Богдана Хмельницкого); о храбрости и смерти: «Смерть бежит от сабли и штыка храброго» (использовал А. В. Суворов); сабля — любимое оружие казаков: «Береженого Бог бережет, а казака — сабля»; о пустословии: «Кто развязал язык, тот вложил саблю в ножны» (казацкая пословица); о глупости: «Сабля остра, да голова пуста»; о бренности мира: «Сабля — сталь, и та ржавеет»; о силе слова: «Сабля ранит голову, а слово — душу». Сабля в XVI–XVIII веках увековечила себя как символ мужества и независимости казаков. Например, на крестинах мальчика «посвящали в казаки»: надевали на него саблю и сажали на коня.

Ценностные характеристики концепта-символа отражены в поговорках других лингвокультур: «Женский язык острее турецкой сабли» (болгарская); «Если сабля твоя светла, молодец, то твоим глазам темно не будет» (татарская); «Саблей управляет мужество» (абазинская); « Не беда, что сабля коротка: вперед шагни — до врага достанет» (грузинская); «Сабля кривая, а в ножны лезет прямо» (узбекская); «Долг надолго не откладывай, саблю дома не оставляй» (башкирская); «Сабля свои ножны не режет» (туркменская). Ценностный положительный компонент является доминантным в структуре данного концепта.

Кроме деления на положительную и отрицательную оценку (общеоценочные значения), выделяются семь категорий оценок (частные значения), образующие три группы: сенсорные оценки (психологические), сублимированные (эстетические и этические) и рационалистические (утилитарные, нормативные и телеологические].

В тексте «Сабельный этикет» концепт «сабля», помимо положительного аксиологического статуса выражает широкий спектр оценочных значений в зависимости от референтной ситуации владельца сабли.

«Этикет сабли» считается пришедшим с Востока, где младший, салютуя саблей, одновременно прикрывает поднятой рукой глаза, как бы «ослепленный» величием старшего (психологическая оценка). По другой версии, происхождение «этикета сабли» возводят к крестоносцам. Изображение распятия и креста на рукоятке меча и на эфесе сабли было обычным явлением во времена рыцарства. На кортике у английских моряков он сохранился до сих пор. Обычай целования креста или распятия перед боем был распространен в большинстве стран христианского мира.

В современном отдании воинской чести саблей или шашкой отражается древняя традиция. Поднятие сабли «подвысь», то есть эфесом к подбородку, — отражение старинного обряда целования креста на рукоятке. Опускание клинка острием вниз — знак признания своего подчинения.

В Англии сохранился еще один обычай, связанный с саблей. При суде над морским офицером обвиняемый, войдя в помещение суда, отстегивает саблю и кладет ее на стол перед судьями. Перед вынесением приговора он удаляется и, когда возвращается назад, по положению сабли узнает результат: если сабля лежит острием к нему — значит, он признан виновным, а если эфесом к нему — значит, он оправдан.

Образная сторона концепта «сабля» представлена в метафорических моделях, классифицированных по области источника, согласно типологии А. П. Чудинова⁵:

1. Антропоморфная метафора: модель: САБЛЯ (рукоять, острие, эфес) — ЛЮБОВЬ; фрейм «Чувства человека», слот «Безжалостность».

В стихотворении дана сенсорная характеристика концепта.

Сабля-любовь

Любовь стараясь удержать,
Как саблю тянем мы ее:
Один — к себе — за рукоять,
Другой — к себе — за острие.
Любовь стараясь оттолкнуть,
На саблю давим мы вдвоем:
Один — эфесом — другу в грудь,
Другой — под сердце — острием.
А тот, что лезвие рукой
Не в силах больше удержать,
Когда-нибудь в любви другой
Возьмет охотно рукоять.
*И рук, сжимающих металл,
Ему ничуть не будет жаль,
Как будто он не испытал -
Как режет сталь, как ранит сталь!*

(1955) [Евгений Агранович]

В русской народной песне «Чёрный ворон» — модель САБЛЯ — ОБВЕНЧАЛЬНА СВАХА: «Обвенчальна была сваха — сабля вострая моя»; «А видите вот эту саблю! Вот ваша матерь!» [Н. В. Гоголь «Тарас Бульба»], модель САБЛЯ — МАТЕРЬ, фрейм «Семья», слот

«Родители»; «Наши сёстры — сабли наши востры», модель САБЛЯ — СЕСТРА, слот «Близкие родственники».

2. Политическая метафора — «Затем появился Козак с саблей: «Затем появился Козак (Дмитрий Козак — нынешний полпред президента — Л. Т.) и, размахивая «саблей», стал требовать присоединиться (к Краснодарскому краю — Л. Т.)» (из газет).

3. Зооморфные метафоры, отражённые в названии рыб: «Сабля — рыба — рыба сем. волосохвостовых отр. Окунеобразных. Длина до 2 м, масса свыше 1 кг. Тело голое, вытянутое, серебристое (напоминает саблю). Хвост с нитевидным придатком. Спинной плавник от головы до хвостового стебля»⁶/ Народные названия рыбы: Сабляница — чехонь; Саблянка — меч-рыба. Модель САБЛЯ — ЖИВОТНОЕ; фрейм — «Состав царства животных»; слот — надкласс челюстноротых позвоночных. Сабля — форма зубов: саблезубый тигр.

⁵ Чудинов 2001, 238.

⁶ Гиляров 1986, 553.

4. Фитометафора: трава — сабельник; модель: сабельник — трава: фрейм «Состав царства растений»;

5. Метафора в топонимике: модель САБЛЯ — ГОРА:

«Сабля, горный массив на Приполярном Урале ... На склонах — горная тайга, выше — горная тундра» ⁷. Модель САБЛЯ — РЕКА: река Сабля в Воронежской области; топоним в Ставропольском крае: посёлок Сухая Сабля.

6. Отражение концепта в антропонимике: русские фамилии Саблин, Востросаблин. В болгарской антропонимике: фамилия Сабльов; в монгольском языке существует имя личное — Сэлэм (Сабля).

Итак, концепт «сабля» является лингвокультурным концептом, образная сторона которого представлена в метафорических моделях, отождествляющих саблю с чувствами человека, с природными и общественными явлениями. В результате эволюции концепта на первый план выходит символический компонент.

ЛИТЕРАТУРА

- Арутюнова Н. Д.* 1988: Типы языковых значений: Оценка. Событие. Факт. М.
Гиляров М. С. (ред.) 1986: Биологический энциклопедический словарь. М.
Даль В. И. 1955: Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 4. М.
Ожегов С. И. 1986: Словарь русского языка. М.
Трешников А. Ф. (ред.) 1986: Географический Энциклопедический словарь. М.
Ушаков Д. Н. 1940: Толковый словарь русского языка. Т. 4. М.
Чудинов А. П. 2001: Россия в метафорическом зеркале: Когнитивное исследование политической метафоры (1991–2000). Екатеринбург.

MILITARY CONCEPTUAL SPHERE AND CONCEPT “SABRE” IN RUSSIAN WORLD IMAGE AGAINST THE BACKGROUND OF OTHER LINGUISTIC CULTURES

L. N. Tretyakova

The article deals with military conceptual sphere and concept “Sabre”. It identifies the essence and properties of the military conceptual symbol “Sabre” and considers concept development.

Key words: military conceptual sphere, military conceptual symbol “Sabre”

⁷ Трешников 1986, 368.

КОНЦЕПТ «РУКА» В ТАБАСАРАНСКОЙ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ МИРА

Статья посвящена лингвокультурологическому описанию концепта «рука» в табасаранской языковой картине мира. Характеризуемый соматизм рассматривается с точки зрения функционального и физического аспектов. При актуализации значений меры и ориентира наблюдается совмещение функционального и физического планов. Рука в различных ритуалах и обрядах табасаранцев может наделяться магической силой. Активная презентация в речевой деятельности, фразеологии и паремиологии свидетельствует о ключевой роли концепта «рука» в языковой картине мира табасаранского языка и в сознании его носителей.

Ключевые слова: табасаранский язык, концепт, соматизм, рука

Табасаранский язык — один из государственных языков Дагестана. Он относится к лезгинской подгруппе нахско-дагестанской группы иберийско-кавказской языковой семьи.

Табасаранский язык является младописьменным языком, по своему морфологическому строю является «ярко выраженным агглютинативным языком с хорошо разработанной системой словообразовательных аффиксов». Табасаранская лексика «наряду с исконной лексикой включает в себя много заимствований из арабского, персидского и тюркского языков (преимущественно из азербайджанского)», которые прочно вошли и ассимилировались в табасаранском языке¹.

Соматическую лексику принято считать исконной и самой древней группой слов. Паремиологические и фразеологические образы с соматическим кодом культуры свидетельствуют об особенностях концептуализации мира в языковом сознании древнего человека. В табасаранской фразеологической и паремиологической картинах мира наиболее частотными являются такие соматизмы, как *юкв* «сердце» *ул* «глаз», *кул* «голова», *хил* «рука», *лик* «нога», *ушв* «рот», *маш* «лицо», *мелз* «язык».

Но именно с моторной деятельностью человека связана категоризация действительности. Познание мира базируется на восприятии его органами чувств, на физическом опыте, то есть тело выступает своего рода инструментарием мировосприятия. *Рука* в этом познавательном механизме выступает главным орудием, и реализация концепта происходит через призму человеческой деятельности. Таким образом, концепт «рука» актуализирует два основных аспекта: функциональный и физический.

Гасанова Марина Аюбовна — кандидат филологических наук, доцент кафедры теоретической и прикладной лингвистики Дагестанского государственного университета. E-mail: gas.marina@mail.ru

Казимагомедова Жанна Джамаловна — аспирант кафедры языкознания Дагестанского государственного педагогического университета. E-mail: gas.marina@mail.ru

¹ Ханмагомедов, Шалбузов 2001, 30

Физический, материально-чувственный аспект актуализирует базовое значение — рука как часть тела человека. Данный аспект репрезентирует следующие компоненты содержания:

1. внешний вид (величина, толщина, форма, строение, цвет): бицли хилар «маленькие руки», лизи хилар «белые руки», ацу хилар «толстые руки» хиларин спи хам «шершавые руки»;

2. свойства (сила, физическая активность): гужли хилар «сильные руки», фягъла хилар «рабочие руки»;

3. физическое состояние рук: мани хилар «теплые руки», ищру хилар «больные руки».

Практически все действия человека во всех сферах его жизнедеятельности связаны с *руками*, это один из самых активных органов человека. Функциональный аспект концепта *рука* реализует значения различного рода деятельности, предметное обладание чем-либо, орудия, средство для достижения цели: *Саб хли кьуб хумурзаг мидисан* «В одной руке двух арбузов не держи», *Сад йигъан изниз кьан гъапиш, йисди хилиз дяргъюр* «На день опоздаешь пахоту, в этот год в руки ничего не придет», *Фунуб илмиз вушра, фягъла хилар герек ву* «Для любой науки нужны рабочие руки»; *Увуз узу завук туб куч гъаппу кури, кучуз шулин?* «Если я тебе скажу до неба пальцем дотронуся, разве ты сможешь?», *Унтаъ ул имиди карк илив* «Пока глаз во лбу цел, рукой прикрывай» *Хил 'ан адабхъуб, хъана хъадабкнуб, хилиз гъюрдар* «Что с рук упало, в руки не вернется», *Хлиъ айиб идипну, завуъ айибдихъ мехъерган* «Что в руке выкинув, за тем, что в небе не подпрыгивай», *Хиларихъ улар хъуркъудар* «За руками глаза не поспевают» [= быстро работать], *Жибдиъ хил ивуб* «Положить руку в карман» [= расходовать, тратить деньги].

Совмещение физического и функционального аспектов наблюдается при обозначении рассматриваемым концептом значений меры и ориентира: *Ляхнигъан бахтнагъна юкьуб чибтан адар* «От работы до счастья четыре чиб» (*чиб* — расстояние между кончиками большого пальца и мизинца), *Рубкърубси хил гъачбккуну* «Настолько, чтобы достать, руку протягивает».

Соматизм *рука* в табасаранском языке при актуализации качественной оценки лица может репрезентировать понятия «воровство», «лень»: *ярхи хилар хъайир* (букв. «длинный руку имеющий») «нечистый на руку», *хилин тул кайир* (букв. «руки привычку имеющий») «вороватый»; *Лизи хилариз жарарин зегъмет ккун шул* «Белые руки чужой труд любят», *Ушив дюбхну гъул ипуру, хил дюбхну хал хъди-пуру* «Рот сбережешь — селом завладеешь, руки сбережешь — дом разоришь».

Посредством данного соматического компонента репрезентируются морально-этические качества, эмоциональные состояния человека: *хилар керхуб* «руки свесить» [= потерять надежду, отчаяться]; *хилар ктатуб* «руки потирать» [= радоваться, предвкушать]; *жумарт хил* «щедрая рука», *жандилан хил алдабгъуб* «тела руку убрать» [= проявить безразличие к жизни], *гъатIарцину хилар* «протянув руки» [= радостно встречать, гостеприимно], *хилар хъудуршуб* «руки ломать» [= отчаяние или гнев]; *Хилар марциди дарурин юкв затра марциди даршул* «У кого руки нечистые, сердце и подавно нечистым будет», *Хил ачухъурин, юквра ачухъуб шулу* «У человека с открытой рукой и сердце бывает открытым».

В фольклорной лирике посредством образа руки актуализируется образ равнодушного возлюбленного: *Жибдиъ хилар мииван, Гъяжибег, Йишивну ахникк ма-*

ахан, Гьяжибег! «Не клади руки в карман, Гаджибег [= не бездействуй], В постели ночью ты не спи, Гаджибег!».

Исследуемый соматический компонент может служить индикатором психологической и поведенческой характеристик человека, актуализируя такие качества как сплоченность, единство (*хилиъ хил ивну* «вложить руку в руку», *хил хили жибкуру* «Рука руку моет»), *Дифар гъушину гъюлериз, Нивгъар гъафну улериш, Нигар ханум гъахура, Хилар дисай дуствари* «Туманы ушил к морю, Слезы затуманили глаза, Красавицу Нигар забираем, Возьмемся за руки, друзья!»; решительность (*ижми хлихъди* «твердой рукой»), щедрость (*жумарт хил* «щедрая рука»), ловкость, мастерство (*турфан хилар* «ураганные руки» [= быстрые], *Устайин хилар, шаирин гафар гъизилар ву* «У мастера — руки, а поэта — слова золотые»), безопасность, уверенность (*ужудар хилариъ* «в хороших руках»), неблагодарность (*Хилин гагъниин аварши гъатишира, аьгъю даришур* «Не оценивающий даже изготовление халвы на ладони»), безобидность (*Ушвиъ туб ивиш, гъанц апуз аьгъюр дар* «Палец в рот положишь, не сможет укусить»).

С древних времен *рука* осознавалась как символ власти: держатъ во власти, в подчинении, под котролем или иметъ власть, влияние, связи (*хиликк ккауб* «держатъ под рукой»), сила, власть (*хил иливуб* «руку поставить»).

Рука традиционно символизирует опору, поддержку во многих языковых картинах мира (ср. в русском языке *рука помощи, чувство локтя*). Например, в таком жанре обрядового фольклора, как *плачи*, смерть мужа воспринимается как утрата опоры:

<i>Жан, жилир!</i>	Милый мой муж!
<i>Ургур йитим дитну,</i>	Оставил ты семерых сирот,
<i>Вари гъюлягъ гъитну,</i>	Оставил просить их милостыню,
<i>Узура йитим дап!ну,</i>	И меня оставил ты вдовой,
<i>Дюн'йи гъарайнаъ итну.</i>	Одну на свете на свете бросил меня.
<i>Шли учу уърхиди, хил тувди?</i>	<u>Кто о нас будет заботиться и протянет нам руку?</u>
<i>Жан, ккуни жилир!</i>	Милый, любимый мой муж!

При возможности актуализации различных семантических аспектов концепта *рука* мы полагаем, что функциональный аспект является приоритетным, что подтверждается и метафорической символикой табасаранской загадки, в которой *рука* образно представлена как группа мастеров: *Саб цал'ин хъуб уста* «Пять мастеров на одной стене». Но функциональный подход не отменяет возможность наполненности качественно — образной семантикой рассматриваемый концепт: *Фу варитан дюн'йиъ гъюдлиб ву?* «Что на свете самое мягкое?» [Ладонь материнской руки].

Рука может противопоставляться соматизмам *рот/ губы, язык*, которые в этой оппозиции наделяются отрицательной коннотацией: *Лал хилари гъапуб, лагълагъ квантари ип!ру* «То, что немые руки сделали, болтливые губы скушают», *Ляхин мелзниинди ап!руб дар, — хилариинди апруб ву* «Дело не языком делают, а руками», *Ушв дюбхну гъул ипуру, хил дюбхну хал хъдипуру* «Рот сбережешь — селом завладеешь, руки сбережешь — дом разоришь».

Рука может олицетворять силу, физическое воздействие и противопоставляться *голове/ уму* как умственному, интеллектуальному воздействию: *Хлин гужну*

сар ккагъру, аькъвлин гужну кьушум «Сила руки — одного победит, а сила ума — войско», *Шли саб гурд гъивии, чак кьуб кубкур* «Кто один раз кулаком ударит, в ответ два [удара] получит».

В табасаранской паремиологической картине мира *мулла* однозначно представлен как негативный персонаж народного фольклора. В формировании отрицательной коннотации принимает участие компонент *рука*: *Маллайиз «ча» карва* — *деребхъур*, «*ма*» *карва* — *дишла хил гъачабккур* «Мулле «дай» скажешь — он не слышит, а «на» скажешь — сразу руку протягивает», *Маллайихъна хил тувган, яв тубахъ тубланар хъмиш лиг* «Подав руку мулле, проверь на месте ли кольца».

Рука в различных ритуалах и обрядах табасаранцев может наделяться магической силой. Например, до сих пор сохранились традиции свадебной обрядности, когда невеста, перед тем как переступить порог дома жениха, предварительно взяв в руки горсть муки, трижды бьет о дверной косяк, так, чтобы остался отпечаток ее руки. Одну горсть невеста кидает через плечо со словами *Ул апрурин, ул кур ибири* «Кто с дурным глазом, чтоб ослеп». Изображение *руки* на фасадах домов табасаранцев можно часто встретить как оберег от бед и сглаза.

На табасаранских свадьбах несколько родственников назначают ответственными за организацию свадебного торжества их называют *хлихъаюрар* «подручные» (букв. «под рукой»). Брат или дядя невесты, выводя ее из дома и передавая родственникам жениха, бьют ее трижды рукой по спине со словами *Бахт ибири увуз ва кьяляхъ мягъян!* «Счастья тебе и назад не возвращайся!». Жених, дабы продемонстрировать свою власть над невестой, брал ее правую руку в свою, а правой ногой наступал на ее ногу².

Паремии с соматическим компонентом по функционально-смысловому характеру могут быть оформлены в виде побуждения, носить инструктивный, назидательный характер: *Душман зяиф гъахъишра, ихтият хил'ан миидипан* «Даже если враг станет слабым, осторожность не выпускай из рук», *Унтаъ ул имиди карк илив* «Пока глаз во лбу цел, рукой прикрывай», *Хилариинди тувну, ликариинди михъиван* «Отдав руками, ногами не преследуй» [= давая в долг, сразу назад не требуй], *Хили гъибису ляхин кулиз адабгъ* «Взял работу в руки, доведи ее до головы», *Хлиъ айиб идипну, завуъ айибдихъ мехъерган* «Что в руке выкинув, за тем, что в небе, не подпрыгивай».

Фразеологические единицы с соматическим компонентом реализуются в двух структурных типах: «существительное + глагол» и «наречие + глагол». Одной из самых больших групп фразеологических единиц с компонентом соматизмом в табасаранском языке являются фразеологизмы со структурой «существительное + глагол». В зависимости от того, в форме какого падежа стоит именной компонент, единицы этого структурного типа можно членить на следующие подтипы:

1. Существительное в именительном падеже + глагол: *куллан хил алдатуб* «гладить рукой по голове»;
2. Существительное в эргативе + глагол: *хили иливуб* «руку поставить»;
3. Существительное в родительном падеже + глагол: *хилин тул кайир* (букв. «руки привычку имеющий») «вороватый»;

² Булатов, Гашимов, Сефербеков 2004, 152–155.

4. Существительное в дательном падеже + глагол: *хилиз* гъюб (букв. «в руку прийти» = получить доход).

В структурном типе «существительное + глагол» существительное может быть представлено и в форме местных падежей: *хилиъ хил ивну* «вложить руку в руку», *хиликк ккауб* «держат под рукой».

Фразеологизмы с соматизмом *рука* в табасаранском языке могут быть представлены не только двухкомпонентной структурой (*кIуллап хил алдатуб* «по голове рукой погладить» = простить, не призвать к ответственности), но и многокомпонентными: *юкв хуйири ипурайиганси хъуб* (букв. «сердце собаки едят» = тревожиться, волноваться, переживать).

Для фразеологических единиц с соматическими компонентами может быть характерна многозначность. Например, *хил'ан адахъуб* (букв. «выпасть из руки»): 1) потерять близкого человека; 2) ослабеть, стать слабым из-за болезни.

Итак, исследуемый концепт *рука* занимает важное место в языковой картине мира табасаранского языка и сознании его носителей, о чем свидетельствует его активная репрезентация в речевой деятельности, фразеологии и паремиологии.

ЛИТЕРАТУРА

Булатов Б. Б., Гашимов М. Ф., Сефербеков Р. И. 2004: Быт и культура табасаранцев в XIX–XX веках. Махачкала.

Гасанов М. М. 1978: Табасаранские пословицы, поговорки, загадки. Махачкала, Дагучпедгиз.

Гасанова М. А., Казимагомедова Ж. Д. 2011: Лингвокультурологический анализ соматизмов во фразеологических и паремиологических единицах табасаранского языка // Проблемы жанра в филологии Дагестана. Вып. 7. Махачкала.

Гасанова С. Н. 2000: Сравнительный анализ соматических фразеологических единиц восточно-лезгинских языков. Махачкала.

Ханмагомедов Б. Г.-К., Шалбузов К. Т. 2001: Табасаранско-русский словарь. Москва.

CONCEPT “HAND” IN TABASARAN LINGUISTIC WORLD-IMAGE

M. A. Gasanova, Zh. D. Kazimagomedova

The article deals with linguocultural presentation of the concept “a hand” in Tabasaran linguistic world image. The somatism under analysis is regarded from the viewpoint of its functional and physical aspects. Measure and direction meaning realization reveals the overlapping of functional and physical aspects. The hand is endowed with magic force in Tabasaran rituals ceremonies. Frequent occurrence of the concept “a hand” in speech, phraseology, and paremiology points to the its key role in the linguistic world image of the Tabasaran language and in the minds of Tabasaran people.

Key words: linguistics, the Tabasaran language, concept, somatism

К ВОПРОСУ О ЛИНГВОКУЛЬТУРНОМ КОНЦЕПТЕ

В статье рассматриваются различные подходы к изучению концептов, особое внимание уделено лингвокультурным концептам, рассматриваются их отличительные признаки и семантическая структура.

Ключевые слова: лингвокультурологические исследования, лингвоконцептология, аксиология

Постановка вопроса об актуальности изучения концептов связана со всплеском интереса к когнитивным наукам, в частности когнитивной лингвистике. Когнитивная лингвистика исходит из того, что язык является наглядным внешним проявлением познавательной деятельности человека. Из этого следует вывод, что изучить мыслительные процессы можно путем исследования языковых единиц.

Одним из главных вопросов, на которые пытается найти ответ когнитивная лингвистика является вопрос: какие структуры знаний находятся в основе значений языковых единиц? К таким структурам знаний относят, прежде всего, концепты и их объединения — категории.

В русском языке слово «концепт» возникло как калька латинского *conceptus*, что означает буквально «понятие, зачатие» (от глагола *concupere* — зачать). Этимологически они восходят к глаголу «поить», что означает «схватить, взять в собственность, взять женщину в жены». Таким образом, понятие, познание есть нечто взятое и удержанное. Употребление термина «концепт» восходит к средневековой философии. В широком понимании концепт — это смысл. Одним из первых эту точку зрения сформулировал немецкий логик и математик Готтлоб Фреге¹.

Разные научные дисциплины рассматривают концепты под различными углами зрения. Существование различных подходов к толкованию концепта свидетельствует о сложности и многогранности этого понятия.

В философии концепт является содержанием понятия в отвлечении от языковой формы его выражения². В логико-философском анализе языка концепт соотносится с абстрактной сущностью как объективным содержанием мыслительного процесса³. В психолингвистике под концептом понимают объемное психоментальное образование, состоящее из ряда компонентов, интегрируемое с помощью слова и имеющее полевую структуру, ядро которого образует понятие, а языковая единица выступает его знаком⁴. Считается, что базовый образ концепта выявляется непосредственно экспериментальными психолингвистическими способами⁵.

Козько Наталья Александровна — кандидат филологических наук, доцент кафедры английской филологии и перевода Магнитогорского государственного университета. E-mail: kozko_natalia@mail.ru

¹ Зинченко 2003, 66–68.

² Грицанов 1998, 331.

³ Павленис 1983, 42.

⁴ Коровина 2003, 128.

⁵ Стернин 2001, 62.

В семиотике концепт — знаковая система, которая получает свое вербальное или невербальное выражение.

С когнитивных позиций концепт определяется как «оперативная единица памяти, ментального лексикона, концептуальной системы и языка мозга, всей картины мира, отраженной в человеческой психике»⁶. Такой точки зрения придерживаются З. Д. Попова, И. А. Стернин и другие представители воронежской школы.

Когнитивная трактовка этого понятия выявляет прежде всего его ментальную природу и нечеткость его границ. Согласно этому подходу концепты отражают содержание человеческой деятельности и познания мира в виде некоторых квантов знания и понимаются как посредники между словами и экстралингвистической действительностью.

Исследователи подчеркивают важность когнитивного подхода к языку, который представляет собой «область коммуникативных взаимодействий организма с миром». Именно эти взаимодействия порождают опыт и знания, для сохранения и передачи которых язык необходим⁷.

Концепты возникают в процессе построения информации об объектах и их свойствах, причем эта информация может включать как сведения об объективном положении дел в мире, так и предположения по поводу их качеств и свойств. Таким образом, концепт отражает не просто существенные признаки того или иного объекта или явления, а все те признаки, которые в данном языковом коллективе ассоциируются с данным объектом. Характер отражения знаний об окружающем мире предопределен не только особенностями социума и культуры, в которых человек сформировался, но и личным опытом и знаниями индивида⁸.

Концепт в лингвистике — смысл языкового знака, актуально или потенциально соотносимый с множеством замещаемых им явлений и предметов, сообщение, смысл которого раскрывается в процессе коммуникации⁹. Основной характеристикой концепта в лингвистике является его закреплённость за определенным способом языковой реализации.

Лингвистический подход подразумевает сопряжение концепта со значением слова. В этом случае его содержание рассматривается как равноценное семантике языкового знака. Задача исследователей — выявление различных способов объективации того или иного концепта в языке. По их мнению, конечной задачей лингвокогнитивного исследования является моделирование исследуемого концепта, то есть упорядоченное, структурированное описание содержания концепта в когнитивных терминах¹⁰. Именно язык обеспечивает доступ к концептам и дает возможность их реконструировать. Лингвистический подход к изучению концептов представлен, в частности, в работах Д. С. Лихачева и В. Н. Телии.

При культурном подходе подчеркивается, что культура входит в ментальный мир человека в виде концепта. Концепт — то, посредством чего человек сам входит в культуру, а в некоторых случаях и влияет на нее. Культурный аспект концепта — базисный в его понимании как составляющей языковой картины мира, здесь

⁶ Кубрякова 1996, 92.

⁷ Кравченко 2000, 32.

⁸ Кубрякова 1996, 30–31.

⁹ Зинченко 2003, 84.

¹⁰ Попова, Стернин 2003, 6.

концепт — это то, посредством чего слово вовлекается в языковую картину мира и функционирует в ней, приходя во взаимодействие с другими лексическими единицами, составляющими концептуальное поле и концептуальное пространство в целом. Самый яркий представитель этого направления — Ю. С. Степанов.

Давая определение концепту, Ю. С. Степанов подчеркивает, что концепт является основной ячейкой культуры в ментальном мире человека. Концепт как единица ментальных ресурсов человека способствует поступлению в сознание культурной информации, которая в нем перерабатывается и систематизируется. Сознание является своеобразным хранителем концепта¹¹. Функционирование концептов представляет собой двусторонний процесс. С одной стороны, культура входит в ментальный мир человека в виде концептов, это сгусток культуры в сознании человека; а с другой — с помощью концептов человек сам оказывает влияние на культуру, входит в нее¹².

Обобщая различные точки зрения и взгляды на концепт и его определения, С. Г. Воркачев предлагает следующее определение концепта: это единица коллективного знания или сознания, которая имеет языковое выражение и обладает лингвокультурной спецификой¹³.

В. И. Карасик и Г. Г. Слышкин выделяют лингвокультурный концепт (или лингвоконцепт) и считают, что он представляет собой условную ментальную единицу, направленную на комплексное изучение языка, сознания и культуры; при этом сознание является областью пребывания концепта, культура детерминирует концепт, а язык (речь) представляет собой сферу «опредмечивания» концепта¹⁴.

Необходимо заметить, что существуют определенные различия между концептом как базовым понятием когнитологии и лингвокультурным концептом, который прежде всего отличается наличием ценностной составляющей. Значимость этого компонента определяется природой человека. Оценка является одним из важнейших компонентов культурной семантики и часто оказывается более весомой по сравнению с языковой семантикой, так как она играет важную роль в формировании культурного значения того или иного концепта¹⁵.

С. Г. Воркачев считает, что следствием аксиологической окраски концептов является «семиотическая плотность», которая представлена в плане выражения значимыми для человека единицами: языковыми синонимами, пословицами, тематическими рядами, поведенческими стереотипами, литературными сюжетами и т.д.¹⁶

Первоначально под лингвокультурными концептами понимали только слова, значимые для той или иной культуры. Такие слова обычно встречаются во всех языках и обладают низкой частотностью из-за их малого использования в разговорно-бытовой речи¹⁷.

¹¹ Степанов 2001, 43.

¹² Степанов 2001, 51.

¹³ Воркачев 2001, 70.

¹⁴ Карасик, Слышкин 2001, 75–80.

¹⁵ Толстая, 2002, 16.

¹⁶ Воркачев 2002, 14.

¹⁷ Артемова 2004, 63.

В. А. Маслова соотносит культурные концепты с именами абстрактных понятий, в которых культурная информация прикрепляется к понятийному ядру¹⁸.

По мнению С. Г. Воркачева, лингвокультурный концепт является семантическим образованием высокой степени абстрактности и представляет собой продукт абстрагирования семантических признаков, принадлежащих определенному множеству значимых языковых единиц.

Вслед за С. Г. Воркачевым мы считаем, что главной функцией лингвокультурного концепта является «способность отражать в своей семантике национальный менталитет как совокупность мировоззренческих и поведенческих особенностей этноса и национальный характер как относительно устойчивый и целостный склад духовной жизни языковой личности, определяющий ее качественное своеобразие»¹⁹.

В лингвокультурном концепте отражается то, как общество освоило данную лексическую единицу, как отразило окружающую действительность, какие стороны концепта продемонстрировало наиболее полно и какие черты внесло в его содержание. На развитие лингвокультурных концептов оказывают влияние и экстралингвистические факторы, такие как исторический опыт этноса, геополитические факторы, тенденции глобализации²⁰.

Рассматривая лингвокультурную специфику концепта, В. В. Красных использует термин «национальный концепт», который она определяет как общую, максимально абстрагированную, но конкретно представленную языковому сознанию, когнитивно обработанную идею «предмета» в совокупности всех валентных связей, отмеченных национально-культурной маркированностью²¹.

Именно лингвокультурный концепт признается исследователями единицей лингвокультурологического исследования. Изучение любого лингвокультурного концепта как единицы языковой картины мира представляет ценность для выявления особенностей культуры и мировидения конкретной лингвокультурной общности.

Суммируя существующие определения лингвокультурного концепта, представительница казанской лингвистической школы М. А. Солдатова делает вывод, что лингвокультурные концепты представляют собой базовые единицы картины мира, в которых фиксируются ценности как отдельной языковой личности, так и лингвокультурного общества в целом²².

Таким образом, можно утверждать, что концепт приобретает статус лингвокультурного концепта при его культурной или национальной окрашенности, а также при наличии ярко выраженной ценностной составляющей в его структуре.

Актуальность аксиологических исследований для культурологически ориентированной лингвистики не вызывает сомнения. Ценности выступают основным принципом культуры, «определяя отношения человека с социумом, окружающим миром и самим собой»²³. Своеобразие той или иной лингвокультурной среды

¹⁸ Маслова 2001, 48.

¹⁹ Воркачев 2002, 82.

²⁰ Декленко 2004, 29.

²¹ Красных 2002, 184.

²² Солдатова 2003, 110–112.

²³ Питина, Щербов 2003, 120.

обусловлено определенным набором ценностей, существующих в данном обществе. Ценностные ориентации «пронизывают ткань повседневной коммуникативной практики», будучи интегрированными «в тот или иной индивидуальный или коллективный образ жизни». Обеспечивая «тождественность действующих субъектов», ценности, уплотняясь, «образуют исторические и биографические узлы ценностных ориентации, а групповая и индивидуальная тождественность выражается в них настолько, что они образуют интегральную составную часть той или иной культуры или личности»²⁴.

Говоря о системе ценностей в лингвокультурологическом аспекте, следует отметить, что не может быть единой, совпадающей во всех деталях иерархии духовных ценностей для всех людей, говорящих на данном языке. Есть доминирующие ценностные ориентации, которые, в свою очередь, детерминированы «национально-культурными традициями и господствующей в обществе идеологией»²⁵. С другой стороны, существуют определенные ценности, присущие каждому социуму независимо от национальной идентификации: истина, добро, красота, справедливость, трудолюбие и т.д.

Ценности являются базовой категорией при построении картины мира²⁶, а их конфигурация, в свою очередь, определяет культурный тип той или иной общности²⁷.

Благодаря тому, что в каждой культуре формируется своя специфическая система ценностей, в мире существует огромное количество лингвокультурных сообществ²⁸. Соответственно, в каждом отдельном лингвокультурном сообществе возникают свои особые, этноспецифичные лингвокультурные концепты, обладающие определенными признаками.

Рассматривая отличительные признаки лингвокультурного концепта, С.Г. Воркачев выделяет следующие:

1 — переживаемость — концепты не только мыслятся, но и эмоционально переживаются, так как являются предметом симпатий и антипатий и способны интенсифицировать духовную жизнь человека: менять ее ритм при попадании в фокус мысли;

2 — семиотическая или номинативная плотность — представленность в плане выражения рядом языковых синонимов (слов и словосочетаний), тематических рядов и полей, пословиц, поговорок, фольклорных и литературных сюжетов и синонимизированных символов (произведений искусства, ритуалов, поведенческих стереотипов, предметов материальной культуры), что напрямую связано с важностью этого концепта в глазах лингвокультурного социума, аксиологической либо теоретической ценностью явления, отраженного в его содержании;

3 — ориентированность на план выражения — включенность имени концепта в ассоциативные парадигматические и синтагматические связи, сложившиеся

²⁴ Хабермас 2000, 268–269.

²⁵ Караулов 1987, 36–37.

²⁶ Караулов 1987, 79.

²⁷ Карасик 1996, 5.

²⁸ Артемова 2004, 27.

в лексической системе языка, а также наличие специфической языковой метафоры²⁹.

В связи с отсутствием единого четкого определения лингвокультурного концепта С. Г. Воркачев считает, что существует «узкое» и «широкое» понимание этого термина.

В узком «содержательном» понимании лингвоконцепты — это «понятия жизненной философии», «обыденные аналоги мировоззренческих терминов», закрепленные в лексике естественных языков и обеспечивающие стабильность и преемственность духовной культуры этноса.

В узком «формальном» понимании лингвоконцепты — это семантические образования, стоящие за словами, которые не находят однословных эквивалентов при переводе на другие языки.

К лингвоконцептам в широком «содержательном» понимании можно отнести любой вербализованный культурный смысл, в какой-то мере отмеченный этнической спецификой вне зависимости от ее значимости для национального характера.

Лингвоконцепты в широком «формальном» понимании — это культурные смыслы, закрепленные за именем, обладающим специфической «внутренней формой» — признаком, положенным в основу номинации, в реализации которого наблюдается серийность, массовидность.³⁰

В связи с тем, что лингвокультурный концепт является культурным смыслом, отмеченным этнической специфичностью и находящий языковое выражение, он становится основным объектом изучения лингвоконцептологии — научной дисциплины, изучающей опредмеченные в языке культурные концепты³¹.

ЛИТЕРАТУРА

- Артемова О. Е. 2004: Лингвокультурная специфика текстов прецедентного жанра *лимерик*: дис. канд. филол. наук. Уфа.
- Воркачев С. Г. 2001: Лингвокультурология, языковая личность, концепт: становление антропоцентрической парадигмы в языкознании // *Филологические науки*. 1, 64–72.
- Воркачев С. Г. 2002: Концепт счастья в русском языковом сознании: опыт лингвокультурологического анализа. Краснодар.
- Воркачев С. Г. 2005: Лингвоконцептология и межкультурная коммуникация: истоки и цели // *Филологические науки*. 4, 76–83.
- Грицанов А. А. 1998: Новейший философский словарь. Минск.
- Декленко Е. В. 2004: Лингвокультурологический и психолингвистический аспекты патриотического дискурса: дис. канд. филол. наук. Челябинск.
- Зинченко В. Г. 2003: Межкультурная коммуникация. Системный подход. Нижний Новгород.
- Карасик В. И. 1996: Культурные доминанты в языке // *Языковая личность: культурные концепты*. Волгоград; Архангельск.
- Карасик В. И., Слышкин Г. Г. 2001: Лингвокультурный концепт как единица исследования // *Методологические проблемы когнитивной лингвистики*. Волгоград.
- Караулов Ю. Н. 1987: Русский язык и языковая личность. М.

²⁹ Воркачев 2005, 76–83.

³⁰ Воркачев 2005, 76–83.

³¹ Воркачев 2005, 76.

- Коровина Н. А.* 2003: Проблемы концептуального изучения национальных менталитетов. Роль фразеологии в процессе концептуализации действительности. Landau.
- Кравченко А. В.* 2000: Методологические основания когнитивного анализа значения // Когнитивный анализ слова. Иркутск.
- Красных В. В.* 2002: Этнопсихолингвистика и лингвокультурология. М.
- Кубрякова Е. С.* 1996: Краткий словарь когнитивных терминов / Е. С. Кубрякова, В. З. Демьянков, Ю. Г. Панкрац, Л. Г. Лузина (ред.). М.
- Лихачев Д. С.* 1997: Концептосфера русского языка. М.
- Маслова В. А.* 2001: Лингвокультурология. М.
- Павиленис Р. И.* 1983: Проблема смысла: современный логико-философский анализ. М.
- Питина С. А., Щербов А. Д.* 2003: Лингвокультурологический аспект американского английского в зеркале глобализации // «Свое» и «чужое»: Межкультурные коммуникации в полипарадигмальном аспекте / Л. А. Шкатова (ред.). Челябинск.
- Попова З. Д., Стернин И. А.* 2003: Проблема моделирования концептов в лингвокогнитивных исследованиях // Мир человека и мир языка. Кемерово.
- Солдатова М. А.* 2003: Понятие лингвокультурного концепта в лингвистических исследованиях // II Международные Бодуэновские чтения: Казанская лингвистическая школа: традиции и современность: Труды и материалы: в 2 т. / К. Р. Галиуллин, Г. А. Николаев (ред.). Казань.
- Степанов Ю. С.* 2001: Константы: словарь русской культуры. М.
- Стернин И. А.* 2001: Методика исследования структуры концепта // Методологические проблемы когнитивной лингвистики. Воронеж.
- Толстая С. М.* 2002: Категория признака в символическом языке культуры // Признаковое пространство культуры / С. М. Толстая (ред.). М.
- Хабермас Ю.* 2000: Моральное сознание и коммуникативное действие. СПб.

ISSUES ABOUT LINGUOCULTURAL CONCEPT

N. A. Kozko

The article considers different approaches to concept study, with emphasis on linguocultural concepts within the context of their distinctive properties and semantic structure.

Key words: linguocultural study, linguistic conceptology, axiology

А. А. Мильбрет

ПРИЛАГАТЕЛЬНЫЕ, ХАРАКТЕРИЗУЮЩИЕ ВНЕШНЕ ПРИВЛЕКАТЕЛЬНОГО ЧЕЛОВЕКА, В РУССКОЙ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ МИРА

В статье рассматриваются прилагательные, дающие общую положительную оценку внешности человека в русской языковой картине мира. Статья посвящена особенностям функционирования анализируемых прилагательных в различных типах дискурса, представленности анализируемых единиц в языковом сознании носителей русского языка, выявлению прагматического компонента их значения. Проводимый лингвокультурологический анализ прилагательных, характеризующих внешне привлекательного человека, позволяет описать наивные языковые представления носителей русского языка, сложившиеся под воздействием национального мировидения и мировосприятия.

Ключевые слова: лингвокультурология, лингвокультурологический анализ, ассоциативный эксперимент, когнитивный тест, прагматический компонент значения

На данный момент в научной лингвистической литературе существует множество дефиниций языковой картины мира. Е. С. Яковлева понимает под языковой картиной мира (далее — ЯКМ) «зафиксированную в языке и специфическую для данного языкового коллектива схему восприятия действительности, своего рода мировидение через призму языка»¹. По мнению О. А. Корнилова, языковая картина мира — «результат отражения объективного мира обыденным (языковым) сознанием того или иного языкового сообщества», «система ценностных ориентаций, закодированная в ассоциативно-образных комплексах языковых единиц и восстанавливаемая исследователем через интерпретацию ассоциативно-образных комплексов посредством обращения к обусловившим их знакам и концептам культуры»². С. Г. Воркачёв считает понятие ЯКМ условным, объясняя это тем, что «образ мира, воссоздаваемый по данным одной лишь языковой семантики, скорее карикатурен и схематичен... и для адекватности языковой образ мира корректируется эмпирическими знаниями о действительности, общими для пользователей определенного естественного языка»³. Мы согласны с данным мнением, так как, вслед за О. А. Корниловым, считаем, что понятие ЯКМ не может «претендовать на абсолютную истинность, поскольку это не объективно существующая реалья, а умозрительное построение, используемое его создателями для решения каких-либо теоретических или практических задач»⁴.

Опираясь на приведённые выше точки зрения, в своём исследовании мы принимаем следующее определение языковой картины мира: ЯКМ — это реконстру-

Мильбрет Алина Александровна — аспирантка кафедры русского языка как иностранного и методики его преподавания филологического факультета СПбГУ. E-mail: alina_stepanova@mail.ru

¹ Яковлева 1996, 47.

² Корнилов 2003, 30, 32.

³ Воркачёв 2001, 67.

⁴ Корнилов 2003, 4.

ируемая исследователем схема восприятия действительности. Реконструкция, осуществляемая исследователем при моделировании того или иного фрагмента ЯКМ, заключается в извлечении и экспликации ассоциативно-образных комплексов языковых знаков, прагматического компонента их значений, задающих систему ценностных ориентаций представителей национально-лингво-культурного сообщества.

Необходимость использования портретного описания постоянно возникает в процессе коммуникации, так как общение людей предполагает прежде всего идентификацию объекта, фиксацию представлений об участнике коммуникативного акта. Воспроизведение «физических формул узнавания» (по Л. Гинзбург)⁵ вызвано практическими и вместе с тем эстетическими потребностями индивидуализации коммуниканта. С точки зрения психологии, в первую очередь, возникает общее впечатление о человеке — привлекательности или непривлекательности его внешнего облика. Эта особенность восприятия при взаимодействии и коммуникации людей универсальна для представителей любой национальности. Но представление о красоте человека различно у представителей разных культур, что обуславливает и использование различных языковых средств при оценке внешности человека.

Лексические единицы русского языка со значением общей оценки внешности человека требуют специального исследования в аспекте лингвокультурологии, так как их анализ дает возможность описать наивные языковые представления носителей русского языка, сложившиеся под воздействием национального мировидения и мировосприятия. Данные представления вербализуются в различных контекстах художественных произведений, публицистики и разговорной речи, актуализируя те или иные дифференциальные признаки понятий, выявляя особенности синтагматических связей лексем, их способность функционировать для характеристики лиц разного возраста и пола, требовать конкретизации внешности человека или выражать общее эмоциональное впечатление воспринимающего, эксплицируя прагматический компонент значения единиц.

Для выявления представленности анализируемых единиц в языковом сознании носителей русского языка был проведен эксперимент. В проведенном опросе приняли участие 43 человека в возрасте от 18 до 55 лет. Предложенную анкету заполнили 23 женщины и 20 мужчин. Подавляющее большинство опрошенных составили молодые люди с высшим образованием (как гуманитарным, так и техническим) или студенты.

Испытуемым предлагалось 2 задания: 1) написать ассоциации, возникающие у них в связи со словом-стимулом и 2) дать определение понятию (например, *Красивый(-ая) мужчина (женщина) для меня — это...*).

Первое задание представляет собой свободный ассоциативный эксперимент, в ходе которого информантам предлагается отвечать на слово-стимул первыми пришедшими в голову словами, представляющими собой ассоциаты. Второе задание представляет собой когнитивный тест, в котором испытуемые должны семантизировать понятия, выраженные интересующими нас (и предъявляемыми) им лексемами.

⁵ Гинзбург 1979.

Использование двух заданий, призванных активизировать разные аспекты ментальной деятельности человека, позволяет более объемно охарактеризовать материал. Теоретическим обоснованием подобного эксперимента явилась для нас работа В. Ждановой «Русская культурно-языковая модель пространства и особенности индивидуальной ориентации в ней»⁶.

Специфика эксперимента заключалась в том, что частично он проводился через Интернет, в связи с чем опрашиваемые могли выражать также свои оценки, эмоции и ироническое отношение посредством графических знаков (например, «смайликов»).

Детальному лингвокультурологическому анализу были подвергнуты 10 прилагательных со значением общей положительной оценки внешности: *красивый, симпатичный, хорошенкый, привлекательный, интересный, милый, миленький, миловидный, приятный, смазливый*.

Проведенный лингвокультурологический анализ позволяет констатировать следующее.

С точки зрения возрастной характеристики, прилагательное *милый* может быть употреблено по отношению к лицам любого возраста. То же касается формы мужского рода прилагательных *красивый, симпатичный, приятный* и формы женского рода прилагательного *миленький*. Не употребляются применительно к лицам пожилого возраста такие прилагательные, как форма женского рода прилагательных *красивый* — *красивая*, *симпатичный* — *симпатичная*, форма мужского рода прилагательных *миленький, интересный*; а также прилагательные *хорошенкый / хорошенкая, привлекательный / привлекательная, миловидный / миловидная, смазливый / смазливая*.

Миленьким/миленькой в большинстве случаев называют людей детского возраста, что обусловлено уменьшительно-ласкательным суффиксом данной формы.

Конкретизация внешности *красивого(-ой), симпатичного(-ой), хорошенкого(-ой), интересного (-ой), милой, миленькой, миловидного (-ой), смазливого* допускает широкое варьирование. Например: «А малая Светланка, как и положено, была ещё ангелочком в тёмных кудрях, с нежной кожей лица, с лёгким румянцем — *красивая девочка*»⁷; «Девушку я выделил вмиг. *Очень миленькая, молодая. В нарядной шубке, с сумочкой и книжкой в руках. И с таким черным вихрем над головой, какого я уже года три не видел!*»⁸. Называя человека *хорошенким*, оценивают внешние данные, которыми человек наделён от рождения, например: «Уже когда мы вернулись из Ташкента, к нам поступила учиться на первый курс дочь Г. М. Маленкова, *хорошенкая, с роскошными каштановыми волосами, с тонкой талией* — настоящая статуэтка»⁹. При восприятии внешности *симпатичного* важна общая эмоциональная оценка, например: «В жизни Уля *симпатичная* и общительная девушка»¹⁰. Отметим попытки дать подробное толкование понятия «симпатичный»: *Когда не можешь сказать «красивый», говоришь — «симпатичный». Опять же — милый, привлекательный, располагающий к себе*.

⁶ Жданова 2006, 336.

⁷ Екимов 1996, www.ruscorpora.ru/search-main.html.

⁸ Лукьяненко 1998, www.ruscorpora.ru/search-main.html.

⁹ Архипова 1996, <http://ruscorpora.ru/search-main.html>.

¹⁰ Зуев 2002, <http://ruscorpora.ru/search-main.html>.

Всё, что можно сказать о «симпатичном», принадлежит к «красивому», но не наоборот, потому что нет симпатичнее красивого; симпатичный, может не обязательно быть красивым; милый, приятный, но уже не такой красивый, как в первом случае. Восприятие внешности хорошенького зависит от личных предпочтений оценивающего. Поэтому как хорошенький может быть воспринят и бледный, и женственный, и толстенный и т.п. человек.

Важными атрибутами красивого/красивой, хорошенького/хорошенькой, милого/милой, миленького/миленькой, миловидного/миловидной являются предметы одежды, стиль.

Не конкретизируется внешность *привлекательного*, более важной оказывается общая оценочность прилагательного.

Образы *привлекательной* и *интересной* отличает сексуальная привлекательность. При этом человек может и не восприниматься как «красивый», например: «Все-таки Марина очень *сексуальная женщина*. *Не красивая*, а какая-то... Черт ее знает, но штучка зажигательная. Да, не красивая, но чертовски *привлекательная*... Выглядела она замечательно, слов нет, и это при том, что смотреть-то там, откровенно говоря, особо не на что»¹¹.

Смазливый является привлекательным для женского пола, при этом его образ не лишён неестественности и часто оценивается отрицательно, например: «Еще, по слухам, дали в местном Белом доме кабинет актеру Тушкину, *смазливому*, с *ослепительной фальшивой улыбкой пареньку*, который будет ездить и задавать из зала вопросы губернатору, представляясь независимым журналистом. Глупейшие вопросы. К тому же народ не любит *смазливых*»¹²; «Особенно отличался кокетливый, *не по-деревенски смазливый* паренек — почтальон из сельсовета, до того *смазливый*, что казался *подкрашенным, напомаженным*»¹³.

Следует также отметить частотность обращения к мотиву детской невинности при употреблении прилагательного *миловидный*. Например: «Лихонин для верности сам сел рядом с приват-доцентом, обняв его за талию, а на колени к себе и соседу посадил маленького Толпыгина, розового *миловидного мальчика*, у которого, несмотря на его *двадцать три года*, еще белел на щеках *детский* — *мягкий и светлый* — *пух*»¹⁴.

Прилагательное *приятный* гораздо реже своих синонимов употребляется применительно к общей оценке внешности человека. В основном употребляется при общей оценке эмоционального восприятия человека, когда человек вызывает положительные эмоции благодаря его целостному восприятию: голос, поведение, манера говорить, двигаться, поступки и т.д. Если имеется в виду внешность, то в контексте или конкретизируются черты внешности, которые нравятся, или прилагательное используется в сочетании с существительным *внешность* и подобными.

Можно отметить гендерные различия: среди ассоциаций на форму женского рода прилагательного красивый — *красивая* больше реакций-характеристик свойств личности, преимущественно положительных: *естественная, влюблен-*

¹¹ Валеева 2002, <http://ruscorpora.ru/search-main.html>.

¹² Солнцев 2002, <http://ruscorpora.ru/search-main.html>.

¹³ Яшин 1962, <http://ruscorpora.ru/search-main.html>.

¹⁴ Куприн 1915, <http://ruscorpora.ru/search-main.html>.

ная, влюбчивая, светящаяся; светлая, как изнутри, так и снаружи; уверенная, добрая, открытая, немного возвышенная, интересная, внешне и внутренне красивая, а также номинаций внешнего проявления внутреннего состояния: улыбчивая, с чистым взглядом, интересом в глазах к окружающему миру.

Употребление прилагательных *милый* и *миленький* в значении общей оценки внешности человека не является частотным в отличие от этих же прилагательных в форме женского рода.

Среди эталонных представителей внешне привлекательных людей информантами названы актёры, певцы, модели, деятели сферы искусства и культуры. Например, *хорошеньким*, по мнению информантов, можно назвать следующих лиц: *Николай Басков, Энди Джиглет, Леонардо ди Каприо (но смазливый), Антонио Бандерас, Джуд Лоу, Давид Вилья* и др.. А *хорошенькой* — *Зара, Рейни Янг, Джессика Альба, Анджелина Джоли, Варя Черноус, Анна Михалкова, Наталья Водянова* и др..

Рассмотренные прилагательные могут взаимозаменяться: прилагательное *интересный* может заменяться синонимичным прилагательным *симпатичный*, о чём свидетельствует анализ иллюстративного материала, а прилагательное *миленькая* может заменяться синонимичными прилагательными *милая* и *миловидная*. Но прилагательные *смазливый* и *красивый* противопоставляются в проанализированном материале: «— Ну, это дураки, и она прекрасно знала им цену; правда, к Толе Найману она была равнодушна. — Ну конечно, он *красивый* был. — Абсолютно *некрасивый*, он *смазливый*»¹⁵.

Наряду с полной активно функционируют краткие формы прилагательных *красивый(-ая), привлекательный(-ая), милый(-ая), миловидный(-ая), смазливый(-ая), приятный(-ая)*. Например: «Чёрный был несказанно *мил*: ребячье сорокалетнее лицо, такая отрада»;¹⁶ «Ей было лет сорок, и она была толста и жирна, черноброва и черноглаза, добра от толстоты и лени; и собою даже очень *смазлива*»¹⁷. Крайне редко употребляется краткая форма прилагательного *интересный*. Прилагательные *хорошенький* и *миленький* не употребляются в краткой форме. Степень проявления признака выявляется при сочетании прилагательных *красивый(-ая), интересный(-ая), милый(-ая), миленький(-ая), миловидный(-ая), смазливый(-ая), приятный(-ая)* с наречиями, обозначающими интенсивность. Кроме того, такие прилагательные, как *красивый(-ая), симпатичный(-ая), хорошенький(-ая), привлекательный(-ая)* имеют степени сравнения.

Прецедентные феномены были выделены среди ассоциаций на прилагательные *красивая, хорошенький, привлекательная, милый(-ая), миленький, приятная*. Например, «Зачем вы, девушки, красивых любите?», «Самая обаятельная и привлекательная» и т.п.

Таким образом, в ходе проведенного исследования было выявлено, что анализ прилагательных, описывающих внешне привлекательного человека в русской языковой картине мира, должен учитывать следующие параметры: возраст описываемого человека, детализацию внешнего описания; свойства личности, приписываемые носителю признака; наличие краткой формы прилагательного; степень

¹⁵ Герштейн 1999, <http://ruscorpora.ru/search-main.html>.

¹⁶ Грекова 1975, <http://ruscorpora.ru/search-main.html>.

¹⁷ Достоевский 1866, <http://ruscorpora.ru/search-main.html>.

проявления признака; аксиологическую характеристику прилагательного; прецедентные феномены, связываемые с исследуемыми лексемами, эталонные носители признака среди известных личностей.

ЛИТЕРАТУРА

- Архипова И.* 1996: Музыка жизни. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://ruscorpора.ru/search-main.html>.
- Валеева В.* 2002: Скорая помощь. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://ruscorpора.ru/search-main.html>.
- Воркачев С. Г.* 2001: Лингвокультурология, языковая личность, концепт: становление антропоцентрической парадигмы в языкознании // Филологические науки. 1, 64–72.
- Герштейн Э.* 1999: На фоне всех ревизий века. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://ruscorpора.ru/search-main.html>.
- Гинзбург Л. Я.* 1979: О литературном герое. Л.
- Грекова И.* 1975: Без улыбок. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://ruscorpора.ru/search-main.html>.
- Достоевский Ф. М.* 1866: Преступление и наказание. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://ruscorpора.ru/search-main.html>.
- Екимов Б.* 1996: Фетисыч // Новый Мир. 2. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://ruscorpора.ru/search-main.html>.
- Жданова В.* 2006: Русская культурно-языковая модель пространства и особенности индивидуальной ориентации в ней // Русские и русскость: Лингво-культурологические этюды / В. В. Красных (ред.). М., 7–178.
- Зуев Н.* 2002: Девчонки, которых клюшки не пугают. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://ruscorpора.ru/search-main.html>.
- Корнилов О. А.* 2003: Языковые картины мира как производные национальных менталитетов. М.
- Куприн А. И.* 1915: Яма. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://ruscorpора.ru/search-main.html>.
- Лукьяненко С.* 1998: Ночной дозор. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://ruscorpора.ru/search-main.html>.
- Солнцев Р.* 2000–2002: Полураспад. Из жизни А. А. Левушкина-Александрова, а также анекдоты о нем // Октябрь.
- Яковлева Е. С.* 1996: К описанию русской языковой картины мира // Русский язык за рубежом. 1, 2, 3, 47–56.
- Яшин А.* 1962: Вологодская свадьба. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://ruscorpора.ru/search-main.html>.

RUSSIAN LINGUISTIC WORLD-IMAGE ADJECTIVES DESCRIBING A GOOD-LOOKING PERSON

A. A. Milbret

The article considers Russian adjectives that give an overall positive assessment of a person's appearance in the Russian linguistic world-image. It describes some features of the adjectives functioning in different types of discourse, their representation in native Russian speakers' linguistic consciousness, and reveals the pragmatic component of their meaning.

Linguocultural analysis of adjectives characterizing people with appealing appearance makes it possible to describe naive linguistic conceptions of Russian native speakers, which formed under the influence of national worldview.

Key words: linguocultural studies, linguocultural analysis, association experiment, cognitive test, pragmatic component of meaning

© 2013

О. В. Томберг

ЛИНГВОАКСИОЛОГИЧЕСКАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ РЕЧЕВОГО ПОРТРЕТА

Исследование речевого портрета является одним из способов интродукции художественного образа. При этом исследование ценностно-смыслового аспекта речевого портрета открывает перспективу лингвокультурологического исследования образа. Данная работа сфокусирована на исследовании лингвоаксиологической составляющей речевого портрета англосаксонского национального героя. В качестве методики исследования предлагается анализ ключевых слов — концептов англосаксонской культуры в сочетании с лингвостилистическим анализом, в результате чего выявляются доминантные ценности и лингвистические способы их объективации.

Ключевые слова: лингвокультурология, аксиология, лингвоаксиология, концепт, англосаксонский национальный герой, речевой портрет

В ракурсе данного исследования — речевой портрет в ценностно-смысловом аспекте. В целом воплощенная в речевом портрете языковая личность представляется как комплекс составляющих: национальных, социальных, антропологических, психоэмотивных, возрастных, гендерных. На наш взгляд, важнейшей составляющей языковой личности, репрезентируемой речевым портретом, является аксиологическая. Более того — ценностное самоопределение личности является «сквозным», в каждой из вышеупомянутых составляющих присутствует аксиологический компонент. Ценности становятся значимыми и эксплицированными в индивидуальных контекстах, однако при этом они непосредственным образом манифестируют не просто систему индивидуальных ценностных координат личности, но шире — определяют ценностный вектор культуры в целом. Языковая личность — всегда продукт той или иной культуры, она национально специфична, поэтому культуроспецифичная система ценностей во многом определяет ее образ. Соотношение общезначимого и индивидуального в ценностном освоении действительности, по мнению М. М. Бахтина, происходит на основе взаимопроникновения: не только индивид выражает общекультурные ценности, но и «вся

Томберг Ольга Витальевна — кандидат филологических наук, доцент кафедры германской филологии Российского государственного профессионально-педагогического университета. E-mail: olgatomberg@yandex.ru

культура в целом интегрируется в едином и единственном контексте жизни...Интегрируется и культура в целом, и каждая отдельная мысль, и каждый отдельный продукт живого поступка в единственном индивидуальном контексте действительного событийного мышления»¹.

Таким образом, общеэстетические и общефилософские определения ценности могут быть дополнены культурологической интерпретацией как «идеального образования, представляющего особую важность предметов и явлений реальной действительности для общества и индивида и выраженное в различных проявлениях деятельности людей»². Подчеркнутый в определении деятельностный подход приложим к различным видам человеческой деятельности в рамках культуры, в том числе — к речевой — созданию и воспроизведению текстов культуры. Основным способом экспликации ценностных категорий культуры является язык. По мнению Н. Ф. Алефиренко, представление культуры и лингвокультуры в ценностно-смысловом пространстве языка является методологической доминантой лингвокультурологии³. Это открывает пути к исследованию аксиологической составляющей речевого портрета в лингвокультурологической перспективе: каким образом и на каких уровнях речь индивида эксплицирует систему национально-культурных доминант, возможно ли говорить об иерархии ценностей, воспроизводимых в речи, проанализировать хронотопичность ценностной составляющей культуры и ее динамический характер, темпоральную и пространственную подвижность лингвоаксиологических средств в лингвокультуре и т.д.

Направления исследований речевого портрета многоаспектны. С лингвоперсонологической точки зрения — это воплощенная в речи языковая личность, которая отражает не только языковые и речевые коммуникативные характеристики отдельной личности, но и социума в целом на определенном историческом этапе⁴. С прагматической точки зрения речевой портрет — это манифестант речевых стратегий и тактик в определенных коммуникативных ситуациях. С точки зрения лингвопоэтики речевой портрет является одним из способов интродукции художественного образа. Исследование речевого портрета литературного персонажа также интересно с лингвокультурологической точки зрения, и в этой связи изучение способов и уровней дискурсивной актуализации ценностей культуры и лингвокультуры является очень продуктивным.

Особенно это релевантно для культурно значимых образов, таких, как, например, образ национального героя. В английской лингвокультуре народная идея о национальном герое впервые была эксплицирована в литературе в образе Беовульфа — героя англосаксонского периода. Это эпический герой высокого миметического модуса, в образе которого отражаются основные ценностные установки англосаксонской культуры. При этом необходимо также учитывать, что аксиологическая составляющая речевого портрета фольклорного героя производна не только от ценностных установок эпохи, но также от специфики жанро-родовой принадлежности литературного текста. Речевой портрет Беовульфа — это проекция общенациональных и жанровых картин мира, это «дискурсивное во-

¹ Бахтин 2003, 34–35.

² Виноградов 2007, 93.

³ Алефиренко 2010, 99.

⁴ Нерознак 1996, 113.

площение когнитивных основ национальной картины мира, миромоделирующего потенциала жанра и языка»⁵. Иначе говоря, пропускная способность элементов национальной картины мира и способов их актуализации является жанрово обусловленной, а язык в этой взаимоотношении является основным репрезентантом различных элементов общекультурной и жанровой картин мира. Каждая эпоха развития языка вырабатывает свои средства их репрезентации: нередко они панхроничны, нередко динамичны. Например, модальность как императив поведения национального героя. Обилие в речи Беовульфа модальных конструкций, в том числе в сильных текстовых позициях согласуется с основной жанрово-функциональной задачей эпоса — описать деяния героя, способного и готового защитить человечество от жесточайшей угрозы. Таким образом, триада «язык — культура — жанр» моделирует образ героя, который в наивысшей степени воплощает опыт и ценностные установки культуры.

Интересным представляется изучение лингвоаксиологической составляющей речевого портрета Беовульфа: выявление доминантных способов и уровней эксплицирования ценностей на лингвистическом уровне.

Первым этапом исследования является анализ на уровне эпического слова. По выражению В.П. Зинченко, «ценностный слой введен в структуру сознания назывным образом»⁶, соответственно, слово как номинативная единица языка так же, как и высказывание в целом, является носителем аксиологической информации. Однако не все слова могут быть вовлечены в исследование ценностно-смыслового пространства языка и культуры. Прежде всего, исходя из определения А.С. Гулыги, что ценностная эмоция всегда положительна и «ценностей со знаком «минус» не бывает»⁷, в орбиту изучения аксиологической составляющей на уровне лексемы включаются слова с положительной коннотацией. Далее — лексемы анализируются на основе принципов культурной разработанности, частотности и отнесением к ключевым словам — концептам культуры (данные принципы разработаны А.Вежицкой как ключи к пониманию культур⁸). Разработанность словаря в отношении какого-либо объекта, понятия, феномена (принцип культурной разработанности), частотность этих слов в дискурсивной практике культуры, способность этих слов выступать в роли ядра фразеологических семейств, несомненно, делает их культурно-значимыми и аксиологически маркированными.

Нам показалось целесообразным объединить частотные лексемы в семантико — тематические группы. В целом речевой портрет англосаксонского народного героя представлен пятнадцатью высказываниями, при этом можно выделить восемь основных семантико-тематических групп, эксплицирующих ценностные установки англосаксов. Прежде всего, это тема родства и племени, лексически представленная наиболее разветвленным образом. Более того, в большинстве мотивов представления себя наблюдается самоидентификация Беовульфа именно в терминах племени и рода: *We synt gumcynnes Geata leode ond Higelaces heorðgeneatas* (260–261); *Ic eom Higelaces mæg ond magoðegn* (407–408); практически каждое высказывание Беовульфа предваряется формулой: *Biowulf mædelode, bearn*

⁵ Эмер 2009, 270.

⁶ Зинченко 2011, 90.

⁷ Гулыга 2000, 64

⁸ Вежицкая 2001, 27–38.

Ecgðioes. Практически все лексемы — этнонимы на основе родства, характерные для древнеанглийского языка, присутствуют в речи Беовульфа: *maeg*, *cyn*, *sib*, *folc*, *leod*, *theod*, *faeder*, *brothrum*, *modor*. Однако три из них являются доминантными: *maeg* (*mago-thegn*), *leod* и *theod*.

Наиболее частотной является лексема *maeg*: *Ic eom Higelaces mæg ond magoðegn* (407–408); ... *þeoden Hroðgar, þæt ic þe sohte, forþan hie mægenes cræft minne* (417–418); *Mæg þonne on þæm golde ongitan Geata dryhten* (1484); ... *Ealle wyrð forsweor mine magas to metodsceafta* (2814–2815) и т.д..

Второй по частотности является лексема *leod*: *We synt gumcynnes Geata leode* (260); ... *atole ecgþræce eower leode swiðe onsittan*... (596–597); ... *ond þegna gehwylc þinra leoda*... (1673) и т.д..

Коннотативный фон этнонимов в тексте поэмы очень положительный. На наш взгляд, это объясняется мировоззренческими и социальными особенностями эпохи начала становления этнической общности, когда слишком сильна инерция восприятия общества на основе прежних кровно-родственных отношений. Тот факт, что для обозначения новых социальных отношений употребляются привычные слова, этимологически восходящие к сфере родства, еще более способствует положительной стилистической тональности данных этнонимов. Родное не может быть плохим, оно наделено только самыми позитивными и ценными качествами: *min fæder folcum gecyþed, æþele ordfruma* (262–263); *mære mæga; frod folces weard; freowine (A noble friend) folca; wes þu us god (leodgebyrgen — larena аллитерация); min mægas/minum leodum/suna minum/usses cynnes* и т.д. Отнесение данных лексем к ключевым словам-концептам культуры подтверждается тем, что они обладают большим фразеобразующим потенциалом: *mæg ond magoðegn heafodmægum leodgebyrgen freowine leód-sceaða leód-fruma mæg-wine sel- mæg leód-scipe* и т.д.

Второй по частотности употребления является семантико-тематическая группа «известность, слава». В большинстве случаев она представлена лексемами “*mærða*” и “*dom*”: ... *hæbbe ic fela mærdða* (408); *mærðo deme* (687); *mærðo fremede* (2134), *mærðu fremman* (2514); *ic me mid Hruntinge dom gewyrce, orðe mec deað nimeð* (1490–1491), *sunu Healfdenes, on mine sylfes dom* (2147), ... *wyrce se þe mote domes ær deaþe* (1387–1388) и т.д. Данные лексемы репрезентируют разные стороны англосаксонского концепта «слава»: если “*mærða*” означает славу, известность, почитание за славные поступки и имеет ярко выраженный положительный коннотативный фон, то несколько иные оттенки значения отражены в древней лексеме “*dom*”: слава как судьба, рок, приговор (ср. значение современной английской лексемы *doom*). Поэтому в большинстве случаев данная лексема аллитерирует с лексемой *deaþ* — смерть: *dryhtnes dome se þe hine deað nimeð* (441), ... *dom gewyrce, orðe mec deað nimeð* (1491), *domes ær deaþe; þæt bið drihtguman*... (1388) и т.д. Лингвопоэтический потенциал древней аллитерации как версификационного средства проявляется в том, что она «искони обладает мотивирующей силой, представляя связь звучаний как выражение семантической связи слов»⁹. Соположение слов с глубинными корневыми созвучиями подсказано и предустановлено поэтической традицией, в результате чего образуется так называемая поэтическая этимология: смысловая сопринадлежность созвучных слов. Данное значение лек-

⁹ Смирницкая 1989, 12.

семьи характерно не только для древнеанглийского: в «Старшей Эдде» в строфе 77 из «Речей Высокого» данная лексема ярко воплощает идеологию древнего общества Северной Европы: *ek veit einn at aldrei deyr: dómr um dauðan hvern* — но знаю одно, что вечно бессмертно: умершего *слава*.

Это согласуется с мнением медиавистов, что не богатство возвышало человека, но слава, которая оставалась в памяти людей и после его смерти¹⁰. По замечанию О. А. Смирницкой, др.-исл. *domr* имеет значение «слава» как «молва, общее мнение, известность по качеству»¹¹. Таким образом, англосаксонское *dom* — это известность, слава, которые остаются в памяти людей после смерти героя, отсюда поэтическое родство и смысловая сопринадлежность лексем *dom* и *deáþ* в эпической традиции.

Концепт «слава, известность» также актуализирован англосаксонскими лексемами «*rof*» (известный), «*tir*» (слава, честь): *leod Scyldinga, lustum brohton tires to tacne...* (1653–1654), ...*ac he mægnes rof min costode* (2084). Контекстуальный анализ выявляет следующие оттенки значений данных лексем: *rof* — известность за что-то, чаще всего — определенную черту характера или поведения: *ellen-rof* (известный за мужество), *mægnes rof* — известный за силу. Лексема *tir* — внешнее доказательство, атрибутика подвига, приносящего славу, отсюда англосаксонская аллитерируемая поэтическая формула *tires to tacne* — a token of glory. Беовульф приносит Хродгару голову Гренделя как доказательство (*tires to tacne*) его славного подвига (1644–1654).

Доминантной по частотности, культурной разработанности и сочетаемости является лексема-концепт *ellen* (мужество, смелость): *Ic gefremman sceal eorlic ellen...* (636–637), *We þæt ellenweorc estum miclum...* (958), ...*eorlscype efne. Ic mid elne sceall gold gegangan...* (2535–2536), *Ac ic him Geata sceal eafod ond ellen ungeara nu...* (601–602), *wigendra hleo, ellendædum he þæs ær onðah, siððan Heremodes hild sweðrode, eafod ond ellen* (899–902), *hyre bearn gewræc, beorn acwealde ellenlice...* (2121–2122). Во многих случаях данная лексема аллитерирует со словом *eafod* (сила), в результате этой поэтической аттракции возникает поэтическая формула *eafod ond ellen*, которая употребляется в метрически сильной позиции для характеристики сильного и мужественного героя. В речи Беовульфа она употребляется чаще. Именно эта лексема участвует в характеристике Беовульфа в начале поэмы: *Him þa ellenrof andswarode...* (340). *Ellenrof* — поэтический древнеанглийский композит, означающий «известный своим мужеством». Интересно, что когда король Херемод сравнивается с Беовульфом, также употребляется эта поэтическая формула: *siððan Heremodes hild sweðrode, eafod ond ellen* (901–902). Второй доминантный способ поэтического сближения посредством аллитерации — лексемы *ellen* и *eorl* (*вождь, герой*): герой ценится, прежде всего, за мужество. Именно это качество героя (*eorl*) отмечено в последних словах Беовульфа: *Ealle wurd forswear mine magas to methodsceafte, eorlas on elne...* (2814–2816). Интересны примеры сквозной аллитерации, когда в ней участвуют все три слова:

*he wið aglæcean eafodo dæle,
eorlscype efne. Ic mid elne sceall
gold gegangan...* (2535–2536).

¹⁰ Гуревич 1984, 246.

¹¹ Смирницкая 1989, 28.

Таким образом, ядерную зону концепта «мужество / *ellen*» образуют лексемы «герой» и «сила».

Аксиологически репрезентативной группой является также лексико-семантической группа со значением «ценности». Центральной лексемой в данной группе является древнеанглийская лексема “*máðum*” (ценности). Основанием причислять данную лексему — концепт к фрагментам аксиологической картины мира является, прежде всего, частотность ее употребления в речи Беовульфа.

1. Me þone wælræs wine Scildunga
fættan golde fela leanode,
manegum maðmum... (2101–2103)
2. morðres gylpeð, ond þone maðpum byreð... (2055)
3. ...swylce þu ða maðmas þe þu me sealdest... (1482)
4. ac me eorla hleo eft gesealde
maðma menigeo, maga Healfdenes. (2142–2143)
5. Nealles ic ðam leanum forloren hæfde,
mægnes mede, ac he me maðmas/ geaf... (2145–2146)
6. Ic him þa maðmas, þe he me sealde,
geald æt guðe, swa me gifeðe wæs,
leohtan sweorde; he me lond forgeaf,
eard, eðelwyn. (2490–2493)
7. þæt ic ærwelan,
goldæht ongite, gearo sceawige
swegle searogimmas, þæt ic ðy seft mæge
æfter maððumwelan min alætan
lif ond leodscipe... (2747–2751)
8. Nu ic on maðma hord mine bebohte
frode feorhlege... (2799–2800).

Ближайшее контекстуальное окружение выявляет ядерную зону лексемы-концепта “*máðum*”: ценности для Беовульфа имеют материальную, вещественную природу: золото (*gold*, *goldæht*), клад (*hord*, *maððumwelan*- кеннинг «сокровища», *ærwelan* — кеннинг «клад»). Аллитерация является важным лингвостилистическим средством репрезентации ядерной зоны: например, частые случаи аллитерирования лексем *manegum* — *maðmum* и *maðmas* — *me* указывают на то, что для Беовульфа важны именно им полученные и ему принадлежащие ценности (*maðmas* — *me*), при этом релевантным является даже их количество — их должно быть много (*manegum* — *maðmum*). Такой акцент в речи героя на материальных ценностях отражает отношение к ним в англосаксонскую эпоху: во-первых, ценности в виде добычи золота, клада — это признание заслуг и доблести героя. Как мы видим, Беовульф не уточняет, что именно он получил в дар от Хротгара — ему важно то, что эти ценностей много и они принадлежат ему. В этой связи интересен сакральный смысл мотива дарения ценностей воинам: древние германцы считали, что, когда король раздает драгоценности (ожерелья, кольца, гривны), он тем самым делится с воинами счастьем и удачей. Ценности считались материальным проявлением удачи, поэтому так важно было их количество. Аллитерирование лексемы — концепта *maðma* с такой ценностно нагруженной в англосаксонской лингвокультуре лексемой *mæg* делает ее, во-первых, аксиологически отмечен-

ной и, во-вторых, положительно окрашенной. Все то, что связано с понятиями кровного родства для англосаксов VII–X вв. являлось в высшей степени положительным. Данная аттракция выявляет и более глубинный, культуроспецифичный взгляд на богатство и драгоценности: богатство не столько увеличивало благосостояние воина, сколько приумножало могущество и славу рода. Как отмечает А. Я. Гуревич, подвиги и добыча питали «душу рода», увеличивали его счастье и внутреннее благополучие¹². Именно эта ассоциативная связь прослеживается в контекстуальном сопряжении лексем: *maðma* — *mæg*, *maðma* — *eard*, *eðelwun* (родина, земля предков). С другой стороны, такие текстуальные аллитерируемые сопряжения, как *gold* — *guð* (война) свидетельствуют о том, что драгоценности могли быть получены в ходе войны, в результате борьбы за них: *Is mid elne sceall gold gegangan, oððe guð nimeð...* (2535–2536). Аксиологически маркированным в речи Беовульфа является концепт «судьба», представленный ядерной лексемой «*wyrd*». Данная лексема не является частотной, однако позиционные текстологические характеристики наделяют ее аксиологическим потенциалом. Она употребляется в сильных позициях текста, которые трактуются как особый прием выдвижения наиболее значимой информации. Ссылки на судьбу являются преимущественно заключительными в речах Беовульфа, более в того — значимость данной лексемы в речи может быть усилена коммуникативным типом высказывания, когда оно является восклицательным: *Gæð a wyrd swa hio scel!* (455). В последней речи Беовульфа, состоящей всего из четырех строк, также есть ссылка на судьбу, которая является основным агентом действия данного высказывания: *Ealle wyrd forsweor mine magas to methodsceafte...* (2814–2815). Это также коррелирует с особенностями актуализации данного концепта на синтаксическом уровне, где «*wyrd*» — подлежащее и, следовательно, основной агент действия: *Wyrd oft nereð* (572), *Gæð a wyrd* (455), *wyrd forsweor* (2814). Принимая во внимание способность «самовыражения определенной национальной черты с помощью определенной грамматической категории»¹³, данные примеры указывают, на наш взгляд, на пациентивную позицию человека по отношению к судьбе в англосаксонский период. Согласно А. Вежицкой, «неагентивность — ощущение того, что людям неподвластна их собственная жизнь, что их способность контролировать жизненные события ограничена...»¹⁴. Судьба для англосаксонского национального героя — это предопределение, рок, обреченность: типичными являются такие поэтические сопряжения, как *wyrd* — *metod*, *wyrd* — *methodsceafte*. *Metod* — лексема, характерная только для поэтического языка, значение которой восходит к языческим временам «судьба, рок, смерть — *fate, destiny, death*» (интересно и то, что производное, более позднее значение этого слова — Бог (словарь Bosworth & Toller), *methodsceaft* — поэтический композит с производным значением «предопределение судьбы, обреченность на смерть — *Decree of fate, doom, fate after death*» (словарь Bosworth & Toller). Это соответствует языческим представлениям о судьбе, и их пережитки еще сильны в поэме. Однако речь Беовульфа эксплицирует один важный эпизод: проявление активной позиции по отношению к судьбе. Единственное, что, по его мнению, может противостоять силе судьбы,

¹² Гуревич 2005, 165.

¹³ Корнилов 2011, 103.

¹⁴ Вежицкая 2001, 34.

силе обреченности (сделать воина *unfægne* — not appointed to die / не обреченного на смерть) — это мужество (*ellen*): ...*Wyrd oft nered unfægne eorl, þonne his ellen deah* (572–573).

Функция и предназначение героя — спасение человечества от чудовищ и драконов — во определяет концепцию героического, отраженную в эпосе. Важными помощниками Беовульфа в этой борьбе являются не только воины и соплеменники — сородичи, но и предметы вооружения (*beadu-scruda*): прежде всего, меч (*sweord*), кольчуга (*lyc-syrce*), копье (*gar*), доспехи (*searwum*), щит (*bord*; *geololand*) и латы (*byrnan*). Из всех перечисленных предметов вооружения наибольшей культурной разработанностью отличается лексема «*gar*»: она является ядерным элементом (субстантивным эпитетом, поскольку, несмотря на свою субстантивную природу, является качественной характеристикой слова) большого числа сложных слов — древнеанглийских поэтизмов: напр., *gár-beám*, *gár-berend*, *gár-céne*, *gár-cwealm*, *Gár-Dene*, *gár-faru*, *gár-getrum*, *gár-gewinn*, *gár-heáp*, *gár-níþ*, *gár-secg*, *gár-þrac*, *gár-þrist*, *gár-torn*, *gár-wíga*, *gár-wígend*, *gár-wudu*. Однако в речевом портрете Беовульфа данная лексема и ее производные не являются настолько частотными, для него наибольшей ценностью обладает меч. Об этом свидетельствуют: во-первых, высокая частотность данной лексики в речи Беовульфа, во-вторых, лингвостилистические описания меча: *deoran sweorde* (561), *leohtan sweord* (2492), *fagum sweordum* (586), *wrætlic wægsweord* (1489), *eald sweord* (1663), *guðsweord geatolic* (2154), *aðsweord* (2064). Все вышеперечисленные эпитеты и поэтические перифразы, характеризующие меч — главное оружие героя, — являются положительными, указывающими на его превосходные качества (*wæpen dūge* 1660; *wini-gea* 1664) и область его применения (кеннинг *hildebil* — лезвие битвы (564, 1666). В-третьих, аксиологическая значимость меча для героя подтверждается также тем, что меч выделяется из общего ряда предметов вооружения наличием имени — знаменитый меч *Hrunting* (пронзающий), который подарил Беовульфу Унферт. При этом, в-четвертых, *Hrunting* аллитерирован со всеми положительными именами и названиями в поэме: *Hrothgar*, *Heorot*, *Half-Danes*, *Hrodulf*, *Higelac*, *Hredric*, *Hrodmund*. Все эти имена относятся к именам датской и гаутской королевских династий, а *Heorot* — «золотой зал», дворец датского короля Хротгара. Тем самым подчеркивается принадлежность меча к избранным и его исключительная важность.

Еще одним концептом, аксиологически релевантным для речевого портретирования национального героя, является концепт «война, битва» — в эпосе представлен ядерными лексемами «*gúþ*», «*beadu*», «*heaðu*», «*wig*». Самостоятельно данные лексемы в речи Беовульфа употреблены редко: 5 словоупотреблений лексемы «*gúþ*», 1 — «*beadu*», 1 — «*wig*», но они являются основой большого количества поэтических композитов (сложных слов именных классов) и кеннингов с семантической доминантой «битва, война». *Heaðu* — *grim* (very fierce), *heaðu* — *ræs* (a battle-rush), *heaðu* — *lac* (battle), *heaðu* — *swat* (blood shed in battle), *heaðu* — *mære* (illustrious in war), *gúþ* — *helm* (a helm), *gúþ* — *floga* (a dragon), *gúþ* — *sele* (a war-hall), *gúþ* — *wine* (a comrade, friend in war), *gúþ* — *ræs* (a warlike attack), *gúþ* — *wiga* (a warrior), *beadohrægl* (a war-garment). Генетически метафоризация посредством кеннинга — табуизация опасных для человека предметов и явлений, это также прослеживается на анализе семантической сферы англосаксонских поэ-

тизмов, поскольку кеннингами нередко обозначаются существа и предметы, в той или иной степени опасные для человека: чудовища (Грендель, его мать, дракон), война, кровь, море / корабль, золото. В эпосе кеннинг — характерная особенность поэтического стиля, представляющая певцу варьировать форму выражения в зависимости от содержательной и аллитерации. Это дает возможность рассматривать кеннинг с лингвокультурологической точки зрения. Во-первых, употребление кеннинга для обозначения лиц, явлений, предметов с положительной семантикой (или имеющих в своем семантическом объеме положительную семантику в том числе, как, например, золото, корабль, море): герой победа, меч — репрезентируют культурно важные понятия. Во-вторых, готовность определенных лексем конституировать ядро перифрастических названий (включая кеннинги) для обозначения предметов или явлений определенной семантической сферы, может свидетельствовать о ценностной маркированности этих лексем и их первичных значений в контексте культуры. Для Беовульфа битва — это место проявления его героизма, его основного жанрового предназначения — победы над чудовищами:

1. No ic me an herewæsmun hnagran talige
guþgeweorca, þonne Grendel hine (677–678);
2. geolorand to guþe, ac ic mid grape sceal
fon wið feonde ond ymb feorh sacan (438–439);
3. Ic eom on mode from
þæt ic wið þone guðflogan gylp ofersitte (2527–2528);
4. þæt ic aglæcan orde geræhte,
hildebille; heaþoræs fornam
mihtig meredear þurh mine hand (556–558).

Победа в битве с чудовищами сулит Беовульфу щедрые награды, которыми он так дорожит: Ic him þa maðmas, þe he me sealde, geald æt giðe, swa me gifeðe wæs (2490–2491) (geald — giðe связь между явлениями дублируется аллитерацией: золото как вознаграждение, полученное за героизм в ходе битвы). Более того, Беовульф учился военному делу с молодости (в тексте данная связь акцентируется посредством аллитерируемого сцепления) и для него ценно то, что он всегда выходил победителем:

1. Fela ic on giogoðe guðræsa genæs,
orleghwila; ic þæt eall gemon (2426–2427).

2. Ic geneðde fela
giða on geogoðe; gyt ic wylle... (2511–2512) (аллитерируемые лексемы gið — geogoðe (молодой).

Такие случаи аллитерации, как “Geata dryhtne, gið onsæge...” (2483) также подчеркивают аксиологическую значимость концепта «битва» для Беовульфа — гаута.

Речевой портрет Беовульфа также выявляет черты характера, представляющие ценность для англосаксов рассматриваемого периода, которые представлены следующими лексемами: snotor / brego (умный), modig / beald (храбрый), frod / wis (мудрый), eald/gamol (старый), hilde-strengo / очень сильный.

Таким образом, лингвокультурологическое исследование речевого портрета англосаксонского национального героя выявило следующие ценностные маркеры: родство, слава, мужество, материальные ценности, судьба, битва/война. При

выявлении лингвоаксиологических способов экспликации данных ценностных ориентиров релевантной является взаимосвязь концептуального и лингвостилистического исследований.

ЛИТЕРАТУРА

- Алефиренко Н. Ф.* 2010: Лингвокультурология. Ценностно-смысловое пространство языка. М.
- Бахтин М. М.* 2003: Собрание сочинений: в 7 т. Том 1. Философская эстетика 1920-х годов. М.
- Вежбицкая А.* 2001: Понимание культур через посредство ключевых слов. М.
- Виноградов С. Н.* 2007: К лингвистическому определению ценности // Русская словесность в контексте мировой культуры: Материалы Международной научной конференции РОПРЯЛ. Нижний Новгород, 93–97.
- Гулыга А. В.* 2000: Эстетика в свете аксиологии. СПб.
- Гуревич А. Я.* 1984: Категории средневековой культуры. М.
- Гуревич А. Я.* 2005: Индивид и социум на средневековом Западе. М.
- Зинченко В. П.* 2011: Ценности в структуре сознания // Вопросы философии. 8, 85–97.
- Корнилов О. А.* 2011: Языковые картины мира как производные национальных менталитетов. М.
- Нерознак В. П.* 1996: Лингвистическая персонология: к определению статуса дисциплины // Язык. Поэтика. Вып. 426, 112–116.
- Смирницкая О. А.* 1989: Индоевропейское в германской поэзии // Эпос Северной Европы. Пути эволюции / Н. С. Чемоданов (ред.). М., 7–34.
- Эмер Ю. А.* 2009: Коммуникация в фольклорном тексте: особенности речежанровой организации / / Картины русского мира: образы языка в дискурсах и текстах / З. И. Резанова (ред.). Томск, 265–314.

LINGUO-AXIOLOGICAL COMPONENT OF SPEECH PORTRAIT

O. V. Tomberg

Speech portrait is one of the ways to study a literary image and means of its introduction. Studying axiological aspect of a speech portrait paves the way to linguoculturological analysis of an image. Thus, the paper carries out a research on a speech portrait of the Anglo-Saxon national hero within linguistic axiological framework. Analysis of Anglo-Saxon key words — cultural concepts combined with linguostylistic approach is applied as a research methodology. The paper aims at revealing a hierarchy of values of the Anglo-Saxon national hero and their linguistic peculiarities.

Key words: linguoculturology, linguistic axiology, concept, speech portrait

SLANG OF SOCIAL NETWORKS

Статья посвящена описанию и анализу сленговых лексических единиц, употребляемых пользователями социальной сети Facebook. В работе доказывается, что сообщество пользователей Facebook образует уникальную сетевую субкультуру со специфическими внутренними правилами, интересами и проблемами, что приводит к возникновению новой разновидности интернет-сленга. Базой для исследования послужил специально собранный корпус интернет-текстов. Исследуемые сленговые лексические единицы были разделены на ряд семантических групп. Кроме того, были описаны тенденции в развитии и употребления данной разновидности сленга.

Ключевые слова: интернет-сленг, социальные сети, интернет-лингвистика

Slang is a type of language that consists of words and phrases that are regarded as very informal, are more common in speech than writing, and are typically restricted to a particular context or group of people¹.

Few linguists have tried to clearly define what constitutes slang. Bethany K. Dumas and Jonathan Lighter argue that an expression should be considered «true slang» if it meets at least two of the following criteria:

1. It lowers, if temporarily, «the dignity of formal or serious speech or writing»; in other words, it is likely to be seen in such contexts as a «glaring misuse of register».
2. Its use implies that the user is familiar with whatever is referred to, or with a group of people who are familiar with it and use the term.
3. It is a taboo term in ordinary discourse with people of a higher social status or greater responsibility.”
4. It replaces a well-known conventional synonym. This is done primarily to avoid the discomfort caused by the conventional item or by further elaboration².

Of course, this classification is problematic as it either requires a thorough research involving large groups of people including those from «higher social» strata, or depends entirely upon researcher’s interpretation of what is «well-know» or «conventional». However, it provides a good starting point for deciding whether something can be considered slang or not.

With the appearance and wide spread of Internet, a phenomenon that involves an enormous amount of people, Internet language or slang become a central point for research interest for scholars throughout the world³. In early research, Internet slang was described as a set of acronyms and abbreviations as used in websites, ICQ chat rooms, blogs, SMS, and Internet forums. Then, one of the integrated part of Internet slang

Кузнецов Андрей Владимирович — кандидат филологических наук, доцент кафедры лексики и фонетики немецкого языка Московского педагогического государственного университета. E-mail: elendil2003@mail.ru

¹ Dumas Lighter 1978, 14–15.

² Dumas Lighter 1978, 16–20.

³ Crystal 2001.

were considered to be new dialects such as LOLcat or Leet. There are a number of dictionaries and research works describing some aspects of Internet slang, like Internet acronyms, slang grammar etc⁴.

Over the past five years, the Internet has radically transformed the way people communicate, both locally and globally. This transformation is usually connected with the development of social networking sites.

Social network service is an online service, platform, or site that focuses on building and reflecting of social networks or social relations among people, e.g., who share interests and/or activities. *Facebook.com* is considered to be the main and the most developed social network in the English speaking. There are also many local social networks, like *Vkontakte.ru* in Russia and former Soviet Union. The main purpose of every social network is to let members communicate and share their interests and activities. From this point of view, all active Facebook users form a certain internet subculture with internal rules, interests, problems and their own “internet dialect”.

This article argues that the appearance of social networks caused the evolution of internet slang and aims to analyze the slang of Facebook users both quantitatively and qualitatively.

The source for this research were online slang dictionaries (www.urbandictionary.com, www.onlineslangdictionary.com). They consist of a considerable number of Facebook slang lexica. To verify this data, a corpus of about 2000 Facebook conversations was collected (from wall posts, comments and statuses). This corpus was analyzed to find the most used slang words. The list of slang terms in this article consists of 54 entries. Most of them refer to user communication on Facebook.

Quite all of Facebook’s features depend on the idea that there are people the user likes to stay in touch and connect with. Whether these people are friends, family, coworkers, or acquaintances, once the user connect to them, they are considered Facebook friends. Thus, there is a large number of slang verbs that refer to searching, adding and removing friends on Facebook:

to de-face: to remove a friend from your Facebook page

I just de-faced that girl from my Facebook page.

friend-surfing: surfing your friend’s friend lists on Facebook to find friends.

He is such a loser in the real social world, but has the longest friends list on Facebook thanks to ‘friend-surfing’ — mostly with fake pictures of himself.

to frignore: to accept a friend request from someone on Facebook and then proceed to ignore them.

I thought this would be the beginning of a beautiful friendship, but instead I’m being frignored.

to refriend: to add a friend in Facebook again, after having accidentally defriended them because you thought you misfriended them.

Dang, I had to refriend him on my Facebook account. I thought I had misfriended him but he turned out to be my Math professor.

to misfriend: to accidentally make a friend request on a Facebook. Usually it is for someone you don’t actually want to be a friend with.

⁴ Cummings, Williams 1993.

to defriend: to remove a friend from your Facebook because you misfriended them (accidentally “friended” them or added them as a friend).

I had to defriend this dude I thought I knew from my high school days, but it turned out I didn't. He was sending me all sorts of events spam!

to collect faces: to add new and old friends to your profile on Facebook.

to refreshbook: to refresh the Facebook page every 3 seconds in hopes that someone has been posted or added on your page.

Only 3 people have confirmed her party so she keeps refreshbooking to see if more accept. They wont.

frientourage: the aggregate of family members, friends, friends-of-friends, classmates, co-workers, admirers, etc.

eager-add: to find and add somebody on Facebook that you have just met (within 12–24 hours).

Jane just got home from the bar and checked her email. She couldn't believe Sam had added her on Facebook already. She thought this was a bit of an eager-add.

Many separate terms describe people the user doesn't know, but adds to his friend list for some reason:

Facebook Alzheimer's: when you get a friend's request from someone that you have no idea where you know them from.

pirate friend: the act of adding someone to Facebook who you do not know.

I have no idea, he's just my pirate friend.

pity add: the process of, out of pity, adding as your friend on Facebook, a person that is not exactly your friend.

profile candy: a highly attractive person who is your friend on Facebook.

John has like 600 friends on Facebook, what's with that?

Nah, they're not really friends, they're just Profile Candy. Didn't ya notice most of them were hotties?

picturefriend: someone hot you added as a friend on Facebook solely for the reason of looking at their pictures.

"I saw you added Maya on Facebook....I didn't know you knew her. She's pretty hot."

«I don't; she's just my picturefriend.»

Facebrick: the process of adding someone to your Facebook friends that you have no intention of contacting, interacting with or viewing in any way purely to grow the number of friends you have.

Your Friend: Wow you've got like 200 friends on Facebook

Me/You: Yeah but most of them are Facebricks.

A group of terms describes communication with friends on Facebook:

to faceject: when you send a message, wall post, or comment on someone else's Facebook page expecting a response, but you don't get one. Then you see them on Facebook for the next few days but they still never respond.

inbox rot: to neither accept, nor decline a friend request from someone on Facebook. Used in situations when you don't want to accept someone's friend request, but you also don't want to be rude by declining them.

to facebox: to send someone an inbox message on Facebook.

talked 'n blocked: when finding an old foe on Facebook and sending them an insulting message and then quickly blocking them so as to avoid any retaliation on their part.

There is a separate noun to differ Facebook friends and friends in real life:

irlfriend: a person who is your friend in real life, as opposed to a Facebook friend, who is most likely a complete stranger.

"Hey Jim, my buddy just hit me up to ask if I want to go to his party this Saturday night!"

"Is this 'buddy' another one of your Facebook friends?"

"No, man, he's my irlfriend."

Other slang terms describe all details of user communication on Facebook:

book-up: a group of friends on Facebook that are planning to meet up and use Facebook chat.

friendzy: the state one finds himself in when located at the "People you may know" section of Facebook, relentlessly requesting people on the instantly refreshing, never-ending list to be their «friend».

Desmond: Oh, snap! 8 new friends in 10 seconds! Now that's what I call a friendzy!

Wayne: It be for real!

like-out: to give a thumbs up to everything on someone's Facebook profile by using the "Like" function.

Red Cup Picture: photos, traditionally appearing on Facebook, which generally depict some sort of partying. The etymology of the term comes from the fact that most of these photos show one or more people holding red plastic disposable cups which are commonly used for alcoholic beverages at youth gatherings.

Rachel: I just looked through all of my Facebook "added by others" pictures. What a pleasant walk down memory lane!

Michael: How many Red Cup pictures?

Rachel: Too many.

Two terms describe the action, when a person doesn't want to be seen on Facebook and logs out shortly after logging in:

prairie dogging: logging into Facebook just long enough to check for updates before immediately logging back out. Usually done to prevent a boss, spouse, or child from observing your activities.

Sorry, can't chat right now. Just prairie dogging it so the boss doesn't catch me using Facebook on office time.

to hate click: when you are on Facebook and you see a person come online who you know is going to talk to you and you don't want to talk to them, so you sign off quickly and swiftly.

Eric: Hey, did you talk to Marc today?

John: Nope. He was gonna talk to me on Facebook, but I hate clicked him.

The next large group of Facebook slang terms describes the activities connected with Facebook status. Facebook status is a short line used to show other users what a

person is doing or thinking about right now. Most of the terms that refer to Facebook status actions describe the inappropriate use of this feature:

statiquette: to have proper etiquette when updating ones Facebook statuses.

Guy 1: Did you see Stacy's Facebook status?

Guy 2: Yeah how could i miss it, its updated every 5 minutes, she has the worst statiquette.

status commandeering: the act of two or more people taking over someone's status on Facebook to hold a conversation completely irrelevant to anything the status's owner was talking about.

has a PhD in chill'n: a good Facebook status, like having a PhD in science but cooler

twitbooking: the act of constantly updating your Facebook status.

status idiot: a person that updates their Facebook status with information readers know to be untrue, overtly obvious, or showing a lack of common sense.

to copystat: the act of planning with a group of friends to all have the same Facebook status during the same period of time

Hey fellas, during Barack Obama's inauguration, let's all copystat by writing "You'll all see when things don't change" on our Facebook statuses!

profile saga: An entry in the status box on a Facebook profile which is longer than one line and is attempting to sum up very complicated emotions and/or experiences that would make more sense in a blog posting.

Sarah just updated her Facebook page and from reading her profile saga it looks like she's been having a tough week.

sargoning:

The act of liking peoples status on Facebook regardless of what it may say or mean.

Joe- Hey man what are you doing?

Paul- Just liking everything on Facebook, I have been sargoning on Facebook all day.

The next two groups of slang words are connected with two important Facebook functions: wall posts and tagging.

The user can identify people in your photos by tagging the images. Some slang terms describe the process of tagging referring to particular situations when the use of tagging feature annoys other users:

crotchtagger: an obsessive compulsive disorder which is when a person (generally a guy) that tags all the females on Facebook around their crotch area. *Sophie: I was wearing that tight aerobics suit when tjark took that picture that later he crotchtagged me on Facebook.*

tag bomb: when a person is tagged in an ugly/awkward/compromising photo they obviously do not want other people seeing.

untagging Spree: the act of going on Facebook and untagging yourself from incriminating photos.

untagger: someone who untags himself from a photo on Facebook because they don't like the photo or don't want to be seen with the other people in the photo.

self-tag-fag: one who tags themselves on other people's posted photos on Facebook.

— *Yo Mike, did you see Logan's new uploaded Facebook album from spring break in cabo?*

— *Yea brah, he tagged himself in every picture! Even the ones he wasn't in.*

— *What a lame self-tag-fag.*

tagafull: A picture on Facebook where your friends tag you as a crazy character, and the character has a subtitle.

Dave: "Omg.. Yesterday, I was on Facebook, and Jan tagged me as the crazy one, and the little figure was a crazy clown! It was a weird Tagafull."

The next group describes the wall posts and abbreviations used in wall communication:

ghost post: A comment on a Facebook item (e.g. status, note, etc) that was removed by the author due to a) misspelling, b) stupid remark, c) awkward input, or d) other.

Facebook: XYZ commented on your note.

Me: ...where's the comment? Jeez, way to ghost post, XYZ.

wall squatter: People who only comment (or reply to comments) on their own Facebook wall while ignoring everyone else's.

Crystal is a wall squatter on Facebook who talks too much about what her kids are doing.

thffb: Acronym for "too hot for Facebook".

Said by those wishing to comment on revealing, sexually suggestive, or just plain sexy Facebook pictures that they're friends have posted.

npp: acronym for "nice profile picture" when making a comment on Facebook

wallee: The posting of a message on a public internet wall, such as Facebook.

boom boom boom: To blow up someone's wall on Facebook at least three times in a row before they respond back.

She boom boom boomed me on Facebook, so I replied back.

wall back: When somebody writes on somebody's wall on Facebook and prompts a reply on their own wall.

pull a corey: The action of removing one's own Facebook wall post when this one happens to be embarrassing.

The last two groups of slang terms describe Internet addictions Facebook can cause and security problems:

faced-out: When a person has spent so long on Facebook they can't take it anymore.

Facebookicide: Removing yourself from Facebook.

Jim: how come boris isn't on Facebook any more?

Rupert: Think it was a sad case of facebookicide

falking: To spend an undefined — but inordinate — amount of time going through the links, interests, friends, relationships, photos, profile, etc. of a person on Facebook.

retard: People who sit around on Facebook all day, poking each other or tagging friends in photos.

Hey what are those Retards doing on Facebook

TMF Syndrome: Too Much Facebook Syndrome is a condition when a person is very addicted to Facebook.

TMF Syndrome is contagious. Once a friend tags you, you'll be hooked.

FTD: Facebook Transmitted Disease, a virus that will send, and post, messages to your friends on Facebook.

I have NO idea my Facebook sent it out! I must have an FTD.

Overall, it can be seen that the largest group of slang terms describes friendship and user connections. It consists of 27 words (*pirate friend, Facebook Alzheimer's, Prairie Dogging, Facejected, frignore, irlfriend, facebox, Book-up, sargoning, friendzy, inbox rot, like-out, Collecting Faces, frientourage, Hate click, pity add, de-face, friend-surfing, refriend, misfriend, Defriend, eager-add, Facebrick, picturefriend, Talked 'n Blocked*).

The next group of slang terms refers to status feature of Facebook network — 7 words (*statiquette, status commandeering, to have a PhD in chill'n, Twitbooking, Refreshbooking, status idiot, copystat, Profile Saga*).

The last groups refer to other Facebook features — 20 words:

1. Wall entries and comments (*ghost post, wall squatter, thffb, npp, to wallee, boom boom boom, Wall Back, pull a corey*)
2. Internet addiction (*faced-Out, Facebookicide, falking, Retard, TMF Syndrome*)
3. Tagging (*crotchtagger, tag bomb, self-tag-fag, Untagger, Tagafull, Untagging Spree*)
4. Security (*FTD*)

This research based on a rather small corpus shows several tendencies in Facebook slang usage:

1. Most of analyzed Facebook slang terms refer to Facebook features and common problems of users (*tag bomb, boom boom boom, ghost post*).
2. Most of slang terms are particular to Facebook subculture and refer to certain Facebook realities.
3. The main function of Facebook slang is to name Facebook realities that don't have corresponding units in conventional lexica. Presumably, this can shorten Facebook messages and make users' communication easier. There is also a system of synonyms for most important terms: *Facebrick, pirate friend*.
4. The largest group of Facebook slang terms is connected with the most important Facebook functions, such as communication with friends.
5. There are very few slang synonyms for neutral Facebook lexica (wall, news feed etc.)

The main goal of this article was to give a description of a small part of most used Facebook slang terms, and analyze their use and connection with Facebook realities. The research of Facebook slang lexica is an inexhaustible research field for linguists. I suppose, Facebook slang vocabulary will become richer and will grow with the development of new Facebook features, and Facebook users will create new slang words to maintain their group identity.

BIBLIOGRAPHY

Crystal D. 2001: Language and the Internet. Cambridge.

-
- Dumas B. K., Lighter J.* 1978: Is Slang a Word for Linguists? // *American Speech* 53, 14–15.
Williams R., Cummings S. 1993: *Jargon: An Informal Dictionary of Computer Terms*. Michigan.
Soanes C., Stevenson A. (eds.) 2005: *Oxford Dictionary of English*. Oxford.

SOCIAL NETWORK SLANGUAGE

A. V. Kuznetsov

The article, presenting the analysis of slangue words in Facebook, proves that Facebook users form a unique network subculture with specific inside rules, interests, and problems, which entail a new variety of the Internet slangue. The study is based on a special Internet text corpus. Slangue words are divided into a number of semantic groups. The article also describes development and usage tendencies concerning the particular slangue.

Key words: the Internet slangue, social networks, the Internet linguistics

© 2013

Е. В. Пожидаева

КОНЦЕПТ «ПРОДУКТЫ ПИТАНИЯ» В АНГЛОЯЗЫЧНОЙ КАРТИНЕ МИРА: ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ И ЛИНГВОКОГНИТИВНЫЙ ПОДХОДЫ

В статье анализируются лингвокультурные особенности концепта «продукты питания» в английском языке. Предлагается модель одноименного концепта в англоязычной картине мира. Основной метод исследования — концептуальный анализ с привлечением метода анализа словарных дефиниций.

Ключевые слова: лингвокультурный концепт, концептуальный анализ, модель концепта

Ввиду обострения интереса к феномену культуры и проблемам личности в современной лингвистике актуален лингвокультурологический подход к изучению специфики языковых единиц (В. А. Маслова¹, В. В. Красных², В. В. Воробьев³ и др.), причём особое внимание уделяется лингвокультурному концепту (В. И. Карасик⁴, Г. Г. Слышкин⁵, Т. В. Евсюкова⁶ и др.).

Пожидаева Елена Валерьевна — кандидат филологических наук, доцент кафедры английской филологии и перевода Магнитогорского государственного университета. E-mail: elenabelenko@mail.ru

¹ Маслова 2001.

² Красных 2002.

³ Воробьев 1996.

⁴ Карасик 2004.

⁵ Слышкин 2000.

⁶ Евсюкова 2001.

Лингвокультурологический подход к пониманию концепта состоит в том, что концепт признаётся базовой единицей культуры, её концентратом. Ю. С. Степанов считает, что тогда в структуру концепта входит «всё, что делает его фактом культуры — исходная форма (этимология); сжатая до основных признаков содержания история; современные ассоциации; оценки и т.д.»⁷.

Термин «лингвокультурный концепт» признаётся исследователями единицей лингвокультурного исследования, так как основной его функцией, по мнению С. Г. Воркачёва, является «способность отражать в своей семантике национальный менталитет как совокупность мировоззренческих и поведенческих особенностей этноса и национальный характер, как относительно устойчивый и целостный склад духовной жизни языковой личности, определяющей её качественное своеобразие»⁸.

Концепт «продукты питания» является лингвокультурным концептом, одним из древнейших пластов материальной культуры и быта, представляющий собой исторически первую сферу возникновения и существования культурных ценностей.

В лингвокультурологии при выявлении национально-культурных семантических полей концепта широко используется когнитивный подход. В когнитивной лингвистике концепт признаётся единицей ментальности, мирозерцания в категориях и формах родного языка, которые соединяют в себе интеллектуальные, духовные и волевые качества национального характера в типичных его проявлениях⁹. Ментальность, в свою очередь, находит отражение в основных культурных концептах, к которым мы отнесли концепт «продукты питания».

Лингвокультурологический и лингвокогнитивный подходы к пониманию концепта не являются взаимоисключающими: концепт как ментальное образование в сознании индивида есть выход на концептосферу социума, т.е. в конечном счёте и на культуру, а концепт как единица культуры есть фиксация коллективного опыта, который становится достоянием индивида. Иначе говоря, эти подходы различаются векторами по отношению к индивиду: лингвокогнитивный концепт — это направление от индивидуального сознания к культуре, а лингвокультурный — от культуры к индивидуальному сознанию¹⁰.

Любой концепт обладает содержанием, которое может быть расчленено на концептуальные признаки, образующие содержание концепта. По мнению И. А. Стернина, путем анализа значений и употребления слов, их сочетаемости, логического анализа обозначаемых ими денотатов можно достаточно полно описать глубинные концепты, локализованные в сознании. Для решения данной задачи концептуальный анализ предлагает описание концепта, его ядра или базового слоя (на основе словарной дефиниции), и его периферии¹¹.

Среди исследователей нет общего мнения о том, какие признаки следует относить к ядру, а какие к периферии. Ядро определяют как такой непереносимый, постоянный компонент сложной, динамичной, многоуровневой структуры кон-

⁷ Степанов 1997, 41.

⁸ Воркачев 2003, 8.

⁹ Маслова 2001, 49.

¹⁰ Карасик 2004, 117.

¹¹ Попова, Стернин 2002, 49–52.

цепта, который распадается на две части, связанные родо-видовыми (или гиперонимическими) отношениями. Например, гиперонима «продукты питания» и гипонимов, составляющих таксономию английской кухни (*bacon and eggs* (яичница с беконом), *roast beef* (ростбиф), *steak* (стейк, бифштекс), *sausage* (сосиска, колбаса), *turkey* (индейка), *toast* (тост), *pie* (пирог), *pudding* (вид колбасы, запеканка), *cake* (пирожное, торт, лепёшка) и т.д.). Периферия содержит признаки, которые отражают второстепенные, дополнительные, необязательные характеристики обозначаемого объекта.

Базовый слой (ядро) совпадает со значением слова, как правило, отражается в словарных статьях, но концепт не тождественен значению слова, так как значение отражает лишь часть концепта. Подтверждением вышесказанного служит большое количество описаний одного и того же концепта в словарях. Рассмотрим синонимический ряд и значения лексемы «food» в англоязычных словарях.

В словаре **Collins Synonyms and Antonyms** представлены следующие синонимы слова **food** (еда, пища): *Aliment* (еда, корм, пища), *board* (питание, стол, харчи как оплата за работу, как часть такой оплаты, как вид дополнительной услуги), *bread* (хлеб, еда, корм, пища), *commons* (провизия и ежедневный рацион на человека, общий стол в колледже), *fare* (режим питания, диета, провизия, съестные припасы), *meat* (устаревшее пища), *nutriment* (пища; еда, корм, питание), *nutrition* (питание, еда, корм, пища), *provisions* (продовольственные товары), *rations* (провизия, пища), *substance* (питание, еда), *sustenance* (питание, пища), *viands* (еда, кушанье, яство), *victuals* (еда, корм, пища); *feed* (корм, питание), *fodder* (корм для скота, фураж), *forage* (еда, корм для животных), *provender* (корм, зерно, фураж; в переносном значении — пища, еда)¹². В данном словаре приводится небольшое количество синонимов — 14 названий продуктов питания, используемых человеком в пищу, и четыре существительных для обозначения пищи для животных. Обратимся к другим источникам.

Словарь-тезаурус **Merriam-Webster's Thesaurus 2005** указывает на 18 синонимов, включая сленговые, устаревшие, диалектные и шуточные варианты синонимов существительного **food** — *bread* (хлеб, еда, корм, пища), *chow* (вульгарное еда), *comestibles* (съестные припасы), *eats* (вульгарное еда, корм), *edibles* (съестное, пища), *feed* (корм), *foodstuff* (продовольствие, продукты питания), *grub* (сленг — хавка, жратва, жрачка), *meat* (пища устар.), *muckamuck* (пища, канадский сленг), *nurture* (питание, пища), *provender* (шуточное пища, еда), *provisions* (продовольственные товары), *scoff* (сленг — еда, корм, питание), *tuck* (сленг — еда, особенно сласти, пирожное), *viands* (еда, кушанье, яство), *victuals* (еда, корм, пища), *vivres* (шотландизм — пища, еда)¹³.

Словарь словосочетаний **Oxford collocations dictionary** указывает 39 синонимов, в том числе диалектные, устаревшие и разговорные варианты, что значительно расширяет границы основных значений: **food** — *nourishment* (кормление, питание, пища, еда, корм), *sustenance* (питание, пища), *nutriment* (пища; еда, корм, питание), *subsistence* (средство к жизни, пропитание), *fare* (режим питания, диета, провизия, съестные припасы), *bread* (хлеб, еда, корм, пища), *daily bread* (хлеб насущный); *cooking* (приготовление пищи), *baking* (выпечка), *cuisine* (кухня); *food-*

¹² Collins 1974, 141.

¹³ <http://www.britannica.com>.

stuffs (продовольствие, продукты питания), *edibles* (еда, пища, съедобное, съестное), *refreshments* (пополнение запасов продовольствия;), *meals* (прием пищи; еда), *provisions* (провизия; запасы провианта), *rations* (порция, рацион), *stores* (запасы, припасы), *supplies* (продовольствие, провиант); *solids* (твердая пища; сытная пища); шотландизм *vivers*; разговорный *eats* (еда, корм, питание, пища), *eatables* (еда, корм, пища, съестное), *nosh* (еда, пища), *grub* (жратва, жрачка, хавка), *chow* (есть, жевать), *nibbles* (откусывать, есть маленькими кусочками); британский сленг *scoff* (еда, корм, питание, пища), *tuck* (еда, особенно сласти, пирожное); американский сленг *chuck*; устаревшее *victuals* (еда, корм, пища; съестные припасы, провизия, продовольствие; запасы провианта), *vittles* (съестные припасы, провизия, продовольствие), *viands* (еда, кушанье, яство), *commons* (еда, кушанье, яство), *meat* (устар. пища, еда); *comestibles* (шутливое еда, съестные припасы), *provender* (шутливое пища, еда), *aliment* (еда, корм, пища), *commissariat* (система продовольственного снабжения армии), *viaticum* (устар. провизия на дорогу)¹⁴.

Таким образом, можно утверждать, что синонимический ряд многозначного существительного *food* как ядерного компонента концепта «продукты питания» весьма разнообразен и насчитывает порядка 40 синонимов.

Для выявления содержания концепта «продукты питания» обратимся к анализу других словарей: тематических, толковых, энциклопедических, этимологических.

В словаре **Longman Activator Dictionary** находим следующее определение слова **food** — *something that you eat* (то, что вы едите). Словарь приводит 4 значения¹⁵:

1. *smth that living creatures take into their bodies to provide them with strength to do things and help them to develop and to live* — пища для жизни,
2. *smth solid for eating* — продукты питания,
3. *subject matter that helps ideas to start working in the mind* — пища для мышления,
4. *If music be the food of love* — стимул любви.

В энциклопедии **Merriam-Webster 2005** указаны следующие значения лексемы **food**: 1) *material consisting essentially of protein, carbohydrate, and fat used in the body of an organism to sustain growth, repair, and vital processes and to furnish energy* — вещество, состоящее из протеина, углеводов, и жира, которые используются организмом для поддержания процессов роста, восстановления, и др. жизненных процессов, а также для получения энергии; 2) *nutriment in solid form* — питательное вещество в твердой форме; 3) *something that nourishes, sustains, or supplies* — то, что питает, поддерживает или снабжает. Приводятся дериваты: *foodless* (без еды), *foodlessness* (отсутствие пищи)¹⁶. Из вышеперечисленных значений для рассмотрения обозначенного концепта релевантным является: «то, что употребляет-ся (человеком) для поддержания жизнедеятельности».

В словаре **The World Book Dictionary** можно выделить следующие значения существительного **food**: 1. *what an animal or plant takes in to enable it to live and grow*; *nourishment* (питание для животных и растений) 2. *what is eaten* (то, что

¹⁴ Lea 2002,318.

¹⁵ Longman Language Activator 2002,498.

¹⁶ <http://www.britannica.com>.

едят) 3. *a particular kind or article of food* (определённый вид пищи) 4. *what helps anything to live and grow* (то, что помогает чему-либо жить и расти) 5. *what sustains or serves for consumption in anyway* (древне-английское *foda*) — то, что предназначено или служит для употребления в пищу. Синонимы *food* — *provisions, rations*. **Food** *the general word for anything that is taken in by men, animals, or plants to keep alive and help them grow* (общее понятие для обозначения всего, что употребляют люди, животные или растения, чтобы жить и расти). **Provisions** (провизия, запасы провианта) — *usually having to do with human food only, means a supply of food, either for immediate use or store way* (обычно значение связывают с питанием людей — еда для непосредственного употребления или хранения). **Rations** — (порции, рацион, питание). *Also usually restricted to human food, means fixed allowances of food for a particular period or that amount of food allowed under some system of rationing* (также имеет отношение к питанию человека, означает ограничение питания в определённый период в соответствии с системой нормирования)¹⁷.

В соответствии с этимологическим словарём **The Oxford Dictionary of English Etymology food** — *what is taken to support life* — то, что употребляют для поддержания жизни¹⁸.

В результате анализа словарных дефиниций внутреннюю форму, или содержательный минимум, рассматриваемого концепта можно определить как **то, что едят, употребляют в пищу (what is eaten)**: 1) названия естественных продуктов (растительных *cabbage* (капуста), *onion* (лук), *lettuce* (салат-латук) и животных *eggs* (яйца), *meat* (мясо), *fish* (рыба)); 2) наименования продуктов питания, созданных человеком (блюда, кушанья): *soup* (суп), *porridge* (каша, овсянка), *stew* (пагу). В качестве второстепенного значения можно рассматривать значение слова *food* в переносном смысле, например, пища для ума, размышлений, разговоров, перекусов (*food for thought*).

К актуальному слою концепта можно отнести следующие значения концепта «продукты питания»: 1) *material consisting essentially of protein, carbohydrate, and fat used in the body of an organism to sustain growth, repair, and vital processes and to furnish energy* (вещество из протеина, углеводов и жира, которое используется организмом для поддержания роста, жизненных процессов, для обновления и получения энергии) 2) *a particular kind or article of food or eatables* (определённый продукт питания, съестное) 3) *cooking / cuisine / meals* (процесс приготовления / кухня / приём пищи).

При описании сложной многоуровневой системы (структуры) лингвокультурного концепта включают рассмотрение лексем (семантического поля), сочетания которых составляют содержание национального языкового сознания и формируют картину мира носителей языка.

Англо-русский тематический словарь описывает структуру семантического поля «food» в английском языке, лежащего в основе концепта «продукты питания», следующим образом: *Bakery Goods* (Хлебо-булочные изделия); *Confectionary and Pastry* (Кондитерские изделия); *Groceries* (Бакалейные изделия); *Dairy Products* (Молочные продукты); *Meat* (Мясо); *Smoked meat and Sausage* (Ветчинно-колбасные продукты); *Fish and Caviar* (Рыба, икра); *Vegetables (Greengrocer-*

¹⁷ Barnhart 1974, 818.

¹⁸ Onions 1992, 125.

ies) (Овощи); *Fruit* (Фрукты); *Spirits* (Спиртные напитки); *Wine. Beer. Soft Drinks*. (Вино. Пиво. Безалкогольные напитки.); *Meals* (Еда)¹⁹.

В этом словаре состав семантического поля представлен достаточно подробно (12 доминант), что значительно расширяет наше представление о значении слова *food*. Каждая доминанта возглавляет классы поля. Необоснованно выделены, на наш взгляд, 2 класса поля: *Spirits* (спиртные напитки) и *Wine* (вино). *Beer* (пиво). *Soft Drinks* (безалкогольные напитки), которые можно было вполне объединить в одном классе под общим названием *Drinks* (напитки). Также можно было бы объединить кондитерские и хлебобулочные изделия. Этот словарь не учитывает разные уровни абстракции и отражает лишь обыденные представления человека.

В тезаурусе **Collins Paperback Thesaurus** учтён деривационный принцип²⁰, например, дериват — *foodie* (разг.) *любитель готовить еду, гурман* — представляет собой суперординатный уровень.

The new Roget's Thesaurus : Eatables (еда, корм, пища, съестное), victuals (еда, корм, пища), *edibles* (еда, пища, съедобное), *grub* (сленг — жратва, жрачка, хавка), *meat* (устар. пища), *bread* (хлеб), *viands* (еда, кушанье, яства), *delicacy* (деликатес), *dainty* (деликатес, лакомство, угощение), *creature comforts* (военный термин — мелкие предметы личного потребления), *ambrosia* («пища богов», нечто очень вкусное), *good cheer* (то, от чего приходит хорошее настроение, особенно еда), *good living* (хорошие средства к существованию). **Meal (прием пищи; еда), repast** (еда, легкая закуска, трапеза; пиршество), *feed* (кормление, питание, пища, еда (особенно обильная), *spread* (обильное угощение, пир горой), *mess* (похлебка, болтушка, месиво, варево, стряпня), *refreshment* (подкрепление), *entertainment* (угощение); *refection* (закуска), *collation* (легкая закуска), *picnic* (пикник), *feast* (банкет, пир, званый обед (ужин), деликатес), *banquet* (банкет; званый обед, торжественный обед; пиршество, пирушка), *pot luck* (все, что имеется на обед), *mouthful* (полный рот, кусок; глоток), *tidbit* (лакомый кусок), *morsel* (маленький кусочек (пищи), легкая закуска). **Eat (есть; поглощать, поедать), feed** (кормить), *fare* (есть, принимать пищу, питаться), *devour* (жадно есть, жрать; глотать, давясь), *swallow* (проглатывать), *take* (глотать, есть), *gulp* (быстро глотать, хватать (пищу); заглатывать; проглатывать), *bolt* (лопать не разжевывая, запихивать в рот пищу кусками и с большой скоростью), *dispatch* (быстро есть; пожирать), *tuck in* (жадно есть, давиться), *dine* (угощать обедом, давать обед), *gormandize* (объедаться, обжираться), *crunch* (грызть с хрустом), *chew* (жевать), *masticate* (жевать), *nibble* (откусывать, есть маленькими кусочками), *gnaw* (грызть, глодать), *tumble* (шамкать, жевать беззубым ртом); *live on* (находить достаточно пищи), *feed upon* (питаться) чем-л.), *browse* (бьедать, ощипывать листья, молодые побеги), *graze* (пастись, кормить), *crop* (щипать, объедать (о животных), *bite* (кусать), *champ* (чавкать, причмокивать), *munch* (жевать, чавкать; шамкать), *ruminare* (жевать жвачку). **Eatable (съедобный), edible** (съедобный; годный в пищу), *esculent* (съедобный), *dietetic* (дие(те)тический), *culinary* (кулинарный; кухонный), *nutritive* (питательный, пищевой), *nutritious* (питательный), *succulent* (мясистый, сочный), *underdone* (недожаренный), *rare* (сырой), *well done* (хорошо прожаренный), *overdone* (пережаренный), *high* (подпорченный, с душком (о дичи), *ripe* о сыре (выдержанный,

¹⁹ Хмилёв 1995, 377–386.

²⁰ Collins 1996, 144.

готовый к употреблению), *omnivorous* (всеядный, всепожирающий), *carnivorous* (плотоядный), *flesh-eating* (мясоядный), *herbivorous* (травоядный), *graminivorous* (травоядный), *piscivorous* (рыбоядный)²¹.

В данном словаре кроме синонимов и производных от слова *food* указаны и другие части речи (глаголы, прилагательные) и смежные понятия. Наполняемость этого тезауруса больше, чем у предыдущего.

Т. А. Комова представляет семантическое поле концепта «продукты питания» в английском языке следующим образом: *Meal* — приём пищи, еда, *drink* — напиток, *eat* — есть, кушать, *hungry* — голодный, *cook* — готовить, *thirsty* — испытывающий жажду, *taste / y* — вкусный, *fat* — толстый, *thin* — худой²². Основной акцент в классификации, предложенной Т. А. Комовой, можно назвать антропоцентрическим, т.е. отправная точка рассмотрения — человек и его состояния, ощущения: вкусный / голодный, толстый / худой. Далее Т. А. Комова в семантическое поле включает деривационный ряд, в котором описываются особенности кормления / питания животных: *forage* (грубые корма), *forage stop* (фуражная культура), *forage fodder* (корм для скота), *forage grass* (зеленый корм), *fodder* (пища для животных (коров или лошадей)), *to foster* (воспитывать, выхаживать, вскармливать, лелеять); *feed* (еда для животных)²³. Эти слова стали основой для образования многих слов, описывающих наши представления о пище и кормлении. Рассмотренные лексические единицы имеют отношение к различным сферам жизнедеятельности, с одной стороны, человека, с другой стороны, животных.

Лингвокультурологическое описание осуществляется на основе изучения функционирования лексических единиц, а не только по данным словарей. Анализ отдельных культурно маркированных языковых единиц приведет лишь к частным выводам. Представляется наиболее приемлемым построение образных моделей (совокупности образных лексических единиц, имеющих общие компоненты в значении). Необходимо отметить, что такое моделирование носит вероятностный характер, так как оно всегда основывается на ограниченном материале и в значительной степени носит индивидуальный характер²⁴.

Рассмотрим ядро *английской национальной лингвокультурологической модели кулинаронимов*, предлагаемой А. И. Леоновой, в основе построения которой лежат следующие 3 признака: 1) интегрированность в языковую систему; 2) вхождение в литературно-поэтический фонд; 3) способность к словообразованию. **Ядро** модели включает: *cake* (кекс, пирожное), *pudding* (пудинг), *pie* (пирог). Среди них центральное место в английской парадигме занимает многозначное существительное *cake*, которое может обозначать *пирог, пирожок, кекс, пряник* и т.д.²⁵.

Для построения лингвокультурологической модели «продукты питания» в англоязычной картине мира следует в ядро включить названия национальных блюд: *beefsteak* (говяжий стейк, кусок говяжьего мяса для жарки)²⁶, *Christmas pud-*

²¹ Roget 1976, 83–84.

²² Комова 2003, 47.

²³ Комова 2003, 48–52.

²⁴ Попова, Стернин 2003, 6.

²⁵ Леонова 2003, 9–25.

²⁶ WE 1996, 187.

ding (рождественский пудинг)²⁷, *fritter* (оладья с фруктами или мясом)²⁸, *hotpot* (рагу из баранины с картофелем и луком)²⁹, *plum pudding* (плам-пудинг, изюмный пудинг, традиционное рождественское блюдо)³⁰, *porridge* (поридж, овсянка (из овсяной крупы или геркулеса, обыкн. на воде; подаётся на завтрак с маслом, молоком и сахаром; в Шотландии считается национальным блюдом)³¹), *spotted dog* (вареный пудинг с изюмом)³², *scone* (скон, пшеничная или ячменная лепёшка из дрожжевого теста; обыкн. разрезается и намазывается маслом; популярна на севере Англии и Шотландии)³³ и др.

В ядро следует включить национальные блюда и других англоговорящих стран, а именно: **Америки**, например, *clam chowder* (чаудер из крупных морских моллюсков)³⁴, *harsh brown* (картофельные оладьи, часто подаваемые на завтрак)³⁵, *angel cake* (angel cake «ангельский бисквит» из муки, сахара и взбитых белков, назван по светлому цвету)³⁶ и др.; **Канады**, например, *pemmican* — пеммикан (сушёное мясо, спрессованное маленькими кусочками), *Winnipeg goldeye* (смоченные в бульоне сухарики с солёной треской, подаваемые с мелассой и солёной свиной) и др.; **Австралии** *Grabben Gullen pie* (гребен галлен — мясо опоссума, запеченное в тыкве), *vegemite* — веджемит (национальное австралийское блюдо, «дрожжевой экстракт»: сельдерей, лук и соль; его можно намазывать на хлеб, а можно употреблять в качестве готового блюда) и др.; **Новой Зеландии**, например, *Hangi* — Маорийское Ханги (еда, приготовленная под паром в земляной печи с одноимённым названием)³⁷.

К **промежуточному сектору** отнесем наименования продуктов питания: *fool* (фруктовое или ягодное пюре со взбитыми сливками)³⁸, *haggis* (телячий рубец с потрохами и приправой)³⁹, *omelette* (омлет)⁴⁰ и др. Этот сектор необходимо расширить региональными блюдами, например, *Irish stew* (ирландское рагу (из баранины, тушённой с луком и картофелем; заправляется мукой)⁴¹), *Yorkshire pudding* (йоркширский пудинг — жидкое пресное тесто, которое запекается под куском мяса на рашпере и впитывает стекающий соки растопленный жир)⁴² и др.

К **лимитированным периферийным названиям** в английском языке отнесём такие наименования, как *flap-jack* — флапджек (горячий блинчик со сладким сиропом; выпекается в вафельнице)⁴³, *seed cake* (мучное кондитерское изделие

²⁷ Рум 2000, 120.

²⁸ WE 1996, 769.

²⁹ Рум 2000, 246.

³⁰ Рум 2000, 376.

³¹ Рум 2000, 379.

³² Collie 2000, 35.

³³ Рум 2000, 30.

³⁴ Barnhart 1974, 68.

³⁵ Леонтович, Шейгал 2000, 173.

³⁶ Рум 2000, 45.

³⁷ Ощепкова 2004, 234–238.

³⁸ Рум 2000, 199.

³⁹ Barnhart 1974, 943.

⁴⁰ WE 1996, 1351.

⁴¹ Рум 2000, 258–259.

⁴² Рум 2000, 529.

⁴³ Рум 2000, 197.

с тмином)⁴⁴ и др., а также английские пословицы и поговорки, например, *life is not all cakes and ale (beer and skittles)* — досл. жизнь не все пирожки да эль (пиво да кегли) (т. е. не всё забавы да развлечения); *литер. жизнь прожить — не поле перейти*) или *hunger breaks stonewalls* — досл. голод ломает каменные стены; *литер. нужда научит и калачи есть*.⁴⁵ Несомненно, что пословицы и поговорки отражают особенности менталитета, специфику мировосприятия, но они сформированы на высоком уровне абстракции и отражают дополнительные характеристики объекта, поэтому их относят к периферии несмотря на тот факт, что они являются богатым источником информации об языковой картине мира.

К периферии также следует отнести **историзмы**, например, *chitterlings* (свинные рубцы)⁴⁶, *shepherd's pie* (пирог из мелкорубленого мяса или фарша покрытого сверху картофельным пюре)⁴⁷ и **архаизмы** — *black pudding* (кровяная колбаса)⁴⁸, *sweetbreads* сладкое мясо (блюдо из поджелудочной, ребе зобной, железы, особ. телячьей) < букв. сладкий хлеб⁴⁹. Архаизмы и историзмы часто употребляются в пословицах и поговорках, а также в художественной литературе для передачи национально-культурных традиций народа.

Обращение к методам исследования, используемым в лингвокультурологии и когнитивной лингвистике, позволило описать специфику и структуру концепта «продукты питания», в котором отражена уникальность лингвокультурной ситуации англоязычного сообщества.

ЛИТЕРАТУРА

- Буковская М. В., Вяльцева С. И., Дубянская З. И. 1990: Словарь употребительных английских пословиц. М.
- Воркачёв С. Г. 2003: Концепт как «зонтиковый термин». Язык. Сознание. коммуникация. Вып. 24. М.
- Воробьёв В. В. 1996: Теоретические и прикладные аспекты лингвокультурологии: дис. ... д-ра филол. наук. М.
- Евсюкова Т. В. 2001: Словарь культуры как проблема лингвокультурологии. Ростов на Дону.
- Карасик В. И. 2004: Языковой круг: личность, концепты, дискурс. М.
- Красных В. В. 2002: Этнопсихоллингвистика и лингвокультурология. М.
- Леонова А. И. 2003: Лингвокультурологическая специфика кулинаронимов: дис. ... канд. филол. наук. Тверь.
- Леонтович О. А. 2000 Жизнь и культура США: Лингвострановедческий словарь / О. А. Леонтович, Е. И. Шейгал (ред.). Волгоград.
- Комова Т. А. 2003: Концепты языка в контексте истории и культуры. М.
- Маслова В. А. 2001: Лингвокультурология. М.
- Ощепкова В. В. 2004: Язык и культура Великобритании, США, Канады, Австралии, Новой Зеландии. М.

⁴⁴ WE 1996, 1732.

⁴⁵ Буковская 1990, 13, 75.

⁴⁶ Этимологический словарь он-лайн, <http://www.etymonline.com>.

⁴⁷ WE 1996, 1763.

⁴⁸ Рум 2000, 74.

⁴⁹ Рум 2000, 471.

- Попова З.Д. 2003: Проблема моделирования концептов в лингвокогнитивных исследованиях // Мир человека и мир языка / М. В. Пименова (ред.). Кемерово.
- Попова З.Д., Стернин И.А. 2002: Язык и национальная картина мира. Воронеж.
- Рум А.Р.У. 2000: Великобритания: лингвострановедческий словарь. М.
- Слышкин Г.Г. 2000: От текста к символу: лингвокультурные концепты прецедентных текстов в сознании и дискурсе. М.
- Хмилъ О. 1995: Англо-русский тематический словарь. Харьков.
- Barnhart L. C. 1974: The World Book Dictionary. London; Glasgow.
- Collie J., Martin A. 2000: What's it like? Life and culture in Britain. Cambridge.
- Collins G. 1974: Synonyms & Antonyms / J. B. Foreman (ed.). Glasgow.
- Lea D. 2002: Oxford Collocations dictionary for students of English. Oxford University Press.
- Roget 1976: The New Roget's Thesaurus. New York.
- Longman Language Activator/ 2002. Pearson; London
- Onions C. T. 1992: The Oxford Dictionary of English Etymology. Oxford.
- Webster's Encyclopedic Unabridged Dictionary of the English Language. 1989. New York.
- Русские поговорки и пословицы о еде [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.domovodstvo.fatal.ru>
- Этимологический словарь он-лайн [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.etymonline.com>

CONCEPT 'FOOD' IN THE ENGLISH WORLD IMAGE: LINGUOCULTURAL AND LINGUOCOGNITIVE APPROACH

Ye. V. Pozhidayeva

The article presents analysis of linguistic and cultural peculiarities of the concept "Food" in the English language and introduces a model of the English-language world-image concept of the same name. The principal investigation technique consists in conceptual and word definition analysis.

Key words: linguistic cultural concept, conceptual analysis, model of the concept

ТИПОЛОГИЯ И ПОЭТИКА ГЛАГОЛЬНЫХ ВРЕМЕН В РУССКОЙ НАРОДНОЙ ЛИРИЧЕСКОЙ ПЕСНЕ

В статье анализируются темпоральные формы глаголов, функционирующие в русском песенном фольклоре. Несмотря на то, что ядро песенного хронотопа составляют формы настоящего времени, прошедшее время активно участвует в развитии лирического сюжета. Будущее время по своему значению часто сближается с ирреальными наклонениями (прежде всего желательным) и составляет периферию поля темпоральности в лирической песне.

Ключевые слова: русская народная песня, песенный фольклор, хронотоп, темпоральность

Едва ли есть в мире народ певучее русского.
Во всех почти минутах жизни русского крестьянина,
одиноких и общественных, участвует песня...
Он поет, когда ему весело; поет, когда ему грустно...
Ни один день не пройдет для русского крестьянина
без песни; все замечательные времена его жизни,
выходящие из ежедневной колеи, также сопровождаются
особенными песнями. На все времена года, на все главные
события семейной жизни есть особые песни, носящие
на себе печать глубокой древности...

П. В. Киреевский

По верному замечанию М. М. Бахтина, хронотоп как художественно освоенное «времяпространство», континуум, «имеет существенное жанровое значение. Можно прямо сказать, что жанр и жанровые разновидности определяются именно хронотопом, причем ... ведущим началом в хронотопе является время. Хронотоп как формально-содержательная категория определяет (в значительной мере) и образ человека...»¹. В структуре художественного произведения оказываются взаимосвязаны такие универсальные смыслы-константы, как «человек», «событие», «время», «пространство»².

Время как универсалия бытия, природы, общества и индивида в наивной картине мира, отраженной в языке, как бы присваивается человеческим сознанием, антропологизируется, представая в качестве «поры жизни» человека (сообщества) человечества. Исторически сложившиеся бытовые, обыденные представления о времени (циклическое, линейное, их синтез) находят свое воплощение

Патроева Наталья Викторовна — доктор филологических наук, профессор, зав. кафедрой русского языка филологического факультета Петрозаводского государственного университета. E-mail: nvpatr@list.ru

¹ Бахтин 1975, 235.

² См. подробнее: Чернухина 1987, 3–9.

в фольклорных и художественных текстах различных жанров, формируя ту или иную модель воображаемого (идеального) мира, образную картину мировоззрения во вторичной знаковой системе, в разной степени приближенную к действительности с ее реальными и познаваемыми в формах языка и поэзии временем и пространством.

По мнению Д. С. Лихачева, «проблема изображения времени в словесном произведении не является проблемой грамматики»³, морфологические темпоральные формы и художественное время (героя, сюжета, автора и т.д.) могут существенно расходиться. Однако, отмечает далее Д. С. Лихачев, «расхождение грамматики с художественным замыслом при этом, конечно, только внешнее: само по себе грамматическое время произведения входит часто в художественный замысел высшего ряда — в метахудожественную структуру произведения»⁴. Как категория более высокого ранга, художественное время подчиняет себе грамматическое, выступающее в качестве одного из средств выражения хронотопа, однако и поэтический хронотоп, и морфологическая категория темпоральности многомерны (с точки зрения координат, необходимых для характеристики временной локализации события), обратимы (в отличие от реального времени), воплощают собой единство непрерывности и прерывности (дискретности) временного потока, выражая отдельные процессы. Но если «для видо-временной системы точкой отсчета является векторный нуль ось ориентации настоящего времени», для художественного хронотопа, такая точка отсчета не обязательна»⁵.

В лирическом роде время имеет свои особые границы и связанные с ними способы экспликации. Поскольку лирика лишена фабульного начала и о «сюжете» здесь можно говорить только условно (как о небольшом количестве слабо развитых событийно и во времени эпизодов, служащих целям не повествования, а описания и самовыражения, как об организации развиваемых в стихотворении мотивов, смене переживаний лирического «я»), этот литературный род тяготеет к настоящему и строится на потоке актуальных, пусть и связанных с прошлым, событий, эмоций. В научной литературе широко распространено суждение о «неощутимости» (Ю. Тынянов⁶) и неупорядоченности лирического времени с точки зрения хронологической последовательности ситуаций. При этом исследователи зачастую ссылаются на известную формулу А. А. Потебни («лирика — это настоящее»), которая, однако, воспроизводится зачастую вне раскрывающего ее подлинный смысл контекста: «Настоящее — постоянно нарождающееся и тут же исчезающее мгновение — неуловимо. Вся область сознания, следовательно, и область поэзии есть объективно прошедшее. Сознанию (апперцепции) подлежат лишь восприятия, опустившиеся на дно души. Это прошедшее по степени удаления от объективно настоящего и вместе с тем по характеру влияния на него есть менее отдаленное (субъективно настоящее) и более отдаленное (субъективно прошедшее). Принадлежностью к одному из этих двух отделов восприятий опре-

³ Лихачев 1979, 215.

⁴ Лихачев 1979, 215.

⁵ Тураева 1979, 211.

О времени лингвистическом и художественном см. также: Логический анализ языка. Язык и время 1997; Широкова 2010; Широкова 2012.

⁶ Тынянов 1924, 119.

деляется разница между эпосом и лирикой. Лирика — *praesens*. Она есть поэтическое познание, которое, объективируя чувство, ...отодвигает его в прошедшее и таким образом дает возможность возвыситься над ним. Лирика говорит о будущем и о прошедшем... лишь настолько, насколько оно волнует, тревожит, радует, привлекая, или отталкивает»⁷.

Таким образом, будучи обращена к настоящему лирического «я», лирика не игнорирует, а, напротив, художественно осваивает прошедшее и будущее в их субъективном восприятии внутренним адресантом и в их отношении к моменту переживания. Формула лирического времени в трактовке А.А. Потебни, следовательно, отнюдь не снимает проблему соотношения грамматической и художественной темпоральности в поэзии, а лишь подчеркивает приоритет презентивного времени в образной структуре поэтического текста.

Предметом нашего специального рассмотрения стали морфологические формы глагола, функционирующие в жанре русской народной лирической песни, с ее поджанрами (любовные, хороводные, игровые, плясовые, шуточные и некоторые др. песни) — всего 5013 вербальных репрезентаций, выбранных из 430 песен⁸. Соотношение форм времени и наклонения представлено в таблице (в %):

Поджанр песни	Изъявительное наклонение ВРЕМЯ			Сослагательное	Повелительное
	прошедшее	настоящее	будущее		
Наборные	29.0	34.5	10.3	-	25.4
Хороводно-игровые	32.4	35.2	13.9	2.3	16.1
Хороводные	37.7	34.2	13.3	0.8	14.1
Разборные	16.0	20.0	40.0	16.0	8.0
Игровые	40.8	36.7	9.2	-	13.3
Плясовые	28.6	40.5	13.4	1.5	12.3
Шуточные	44.8	30.6	10.7	2.4	11.5
Любовные	35.5	33.0	15.0	2.0	14.5

Данные, извлеченные из большинства поджанров лирической песни, подтверждают мысль исследователей о том, что настоящее время «является доминирующим временем народной лирической песни. Прошедшее и будущее в любых своих формах подчинены этому настоящему»⁹.

Зачин и экспозиция песни могут оформляться в любом наклонении и времени:

Вострепещется сокол, на дубу сидячи...
 Что расплается девица, в терему сидячи... (290)
 Если б я была вольною пташечкой,
 Еще бы я была соловейкою, —
 Куда б вздумала, туда бы и полетела,
 Где бы вздумала, там бы я и села... (229)
 Укатилось колечко под крылечко... (304)

⁷ Потебня 1976, 448.

⁸ В дальнейшем песенные тексты цитируются по сб.: Лирические песни 1990.

⁹ Лихачев 1979, 18.

Ты подуй-ко, подуй,
Да мать-погодушка
Студеная! (308)
Из-под камешка из-под серого
Водица не течет.
Что за реченькой за быстрою
Зеленый садик цветет (323)

Максимально активны в качестве зачинов формы прошедшего времени (их удельный вес в этом случае в два раза превышает долю настоящего времени). В составе же концовок чаще встречаются формы настоящего времени (119 репрезентаций из 430), чуть реже — прошедшего (109 случаев), а будущее время здесь представлено 80 реализациями. Следовательно, наиболее продуктивным с точки временной организации и последовательности лирических событий является открывающий песню композиционный ход «раньше — позже» (1), менее регулярны последовательности «сейчас — раньше» (2) или «сейчас — потом» (2):

Я по бережку ходила...
Посылала меня маменька
В огород белу капусту полоть
Я полю, полю, не хочется ... (30)
По прокоосу, сенокосу мужики-то сено косят...
Сами бают про Дуняшу: «Ох, Дуня была дура!
Без дров печку истопила, без огня воды нагрела...» (143)
Летит птица, летит птица...
Птица села на крыльцо,
У девки дрогнуло сердцо... (31)

При этом таксисную связь последования могут выражать формы прошедшего времени по отношению к настоящему (предшествующему) или даже будущему:

В темном лесе, в темном лесе...
Распашу я, распашу я
Пашенку, пашенку...
Посею ль я, посею ль я
Лен-конопель, лен-конопель.
Уродился, уродился
Лен-конопель...
Повадился, повадился
Вор-воробей, вор-воробей...
Мою конопельку...клевати. (34)

В целом ряде песен формы настоящего времени вообще отсутствуют. Так, песня может оформляться с помощью форм только прошедшего «Жил у нашей бабушки черный баран» (165), «Молодой детинушка заломал калинушку» (237), «Уродилась Дуня...» (168), «У бабушки нашей Супрядка была...» (84), «Уж я улкой шла» (67) и нек. др. или будущего времени (например, *Государь ты наш Сидор Карлович, много ль тебе на свете пожить будет?* — (83–84), где разворачивается диалог, являющий собой предполагаемую программу жизни героя). В других песнях, лишенных форм настоящего, чередуются разные формы наклонений и прошедших либо будущих времен.

Разновременность и смена модальных планов, переход от я -, к ты — или он — модусной рамке¹⁰ может производить впечатление неупорядоченности, хаотичности, неопределенности событийного потока:

...ходила красна девка по лугам,
Потеряла трое золото ключи...
Кто отыщет мои трое золото ключи,...
За того замуж пойду (64–65)
Уж я улкой шла,
Переулком шла,
В решете овса тяжело несла
Тяжелее того
Девка всплакала...
По милу дружку...
Уж я Ваню своего
Провожала далеко... (67–68)
Ой, ты, зимушка-зима,
Холодна очень была...
Все дорожки замела.
Я дорожку размету...
Сама к молодцу пройду...
Меня милый подхватил,
Вдоль деревни прокатил (115)
Я посею траву-мяту...
Уродися, трава-мята...
Не топчи, бел-кудреват,
Зеленую мяту.
Я не для тебя садила... (76)

Чередование разных модально-временных форм, представляющих лирическое событие то как реальное, то как ирреальное, смена лиц, «очуждение» («остранение») лирического субъекта способствуют максимальной обобщенности события или эмоционального состояния с точки зрения категорий темпоральности и персональности, предопределяет отнесенность переживания потенциально любому субъекту и адресату и в любом времени и пространстве.

Однако даже при отсутствии презентивных форм события (лирические ситуации) организуются в строй векторный линейный ряд от прошлого к будущему либо перемещаются в разные временные планы волей лирического героя благодаря их значимости с точки зрения настоящего, осмысляются, интерпретируются исходя из нынешнего внутреннего состояния и актуального переживания, объясняют его прошлое, будущее, предполагаемое, желаемое, существует в сознании адресанта, в умозрительной реальности¹¹ и свободно перемещаются на темпо-

¹⁰ О взаимопроникновении форм 1-го и 3-го лица в лирической песне см.: Артеменко 1988, 123–134.

¹¹ Ср. с суждением Б. А. Успенского: «Когда мы говорим о прошлом «было», это, в сущности, равносильно тому, чтобы сказать, что оно «есть в иной действительности, недоступной непосредственному восприятию» (Успенский 1994, 16).

ральной оси субъективного (модусного), индивидуального, перцептивного лирического времени.

Поскольку в устной народной лирике, в отличие от книжной, нет автора, (и фактического (внешнего), и изображаемого (внутреннего) адресанта), а ее лирический герой — сам исполнитель, поющий о себе, отождествляющий себя с лирическим «инкогнито»¹², в песне, по мнению Д. С. Лихачева, «нет разрыва между изображаемым временем автора, временем читателя» — исполнителя, как это характерно для «личностных» произведений литературы. Время автора и время читателя в народной лирике слиты во времени исполнителя. В каком бы грамматическом времени ни была сложена песнь — исполнитель — ищет в ней соответствие своему «теперешнему», одновременному с исполнением, душевному состоянию. Это настоящее время — обобщение «всегдашнего» в человеческой жизни, настоящее время каждого данного исполнителя песни¹³. Это замкнутое, до предела обобщенное, подчеркивающее бесконечную «повторяемость» (при каждом исполнении и слушании) ситуаций и состояний время.

В хороводных и игровых песнях формы прошедшего или будущего времени на самом деле совпадают с актуальными, в момент исполнения песни производимыми в «карагоде» действиями исполнителей.

Ай, за тыном было, ... Взойду я на сени...

Да за зеленой было сосенкой, Ударю, млада, в гусли...

Да за серебряной решётоцкой, На ладу они звенят...(161)

Дак девки мылись, умывались,

Да белы лебеди спряжались Где сойдемся — поклонимся,

Дак обойду двоужжан да троужжан, Разойдемся — распростимся...(159)

Дак любого себе выберу,

Дак за собой парня выведу... (28)

В лирической песне перекрещивается множество индивидуальных временных систем (координат) событий, сосуществуют параллельные разные ситуативные линии ролевых персонажей (в том числе в результате так называемого «психологического параллелизма» картин природы и человеческой жизни), переносятся в настоящее время исполнителя, время предстает в субъективном восприятии лирического героя (и певца), в связи с реконструкцией его жизненного опыта и установлением причинно-следственных и психологических связей между биографическими событиями. В результате время движется в разных направлениях (предстает как разновекторное¹⁴, многомерное), прерывается, возвращается вспять, даже останавливается, сжимается и ускоряется, то замедляется.

По желтому песку

Бежит реченька в Москву,

¹² По словам Е. Б. Артеменко, первое лицо («я») песни — персонифицированный ролевой герой, обобщенный образ. Его мысли и переживания созвучны чаяниям и чувствам реального лица ... — певца, исполнителя песни и используются им для выражения соответственного настроения... опосредованно, через сообщение об эмоциональном настрое ролевого героя» (Артеменко 1988, 128–129).

¹³ Лихачев 1979, 16–17.

¹⁴ Время предстает как «разом данное», в терминологии Ю. С. Степанова, т.е. «когда настоящее, прошлое и будущее мыслятся как бы разом, одновременно присутствующими в определенной его действительности» (Степанов 1997, 124).

Через эту реченьку
 Положу я лавинку,
 Переведу сударушку.
 Перевел хорошую
 На мою сторонушку...
 Молодец ходил-гулял,
 Молодицу выбирал (29)
 Летел сокол высоко и далеко,
 Из долицы во долицу,
 Ронил перье золото
 Я перышко подниму,
 Грамоточку напишу
 И батюшке отошлю.
 Велит ли мне батюшка
 Скакать, плясать, тешиться?
 «Скачи, пляши, дитятко,
 Пока молодость не прошла,
 Пока старость не пришла» (52)

Немало стихотворений, где модально-временные формы располагаются и чередуются в рамках лирического континуума абсолютно симметрично. Как и хаотичное чередование вербальных форм, так и морфологический повтор и параллелизм в их расположении соответствуют потребностям устной песенной импровизации. Поддержанная параллелизмом грамматическая симметрия оптимизирует восприятие, обуславливает автоматизм слушательского внимания, а также облегчает запоминание текста певцом:

Что по морю, морю синему...
 ...там плавало серых гусей стадо...
 Что на улице на зеленой муравце...
 ...там гуляла красных девок хоровод...(60)

Симметрия, морфологическое подобие глагольных форм наблюдается не только в зачине, но и нередко распространяется на целый текст песни (см. напр., «Ах, по речке, ах, по Казанке...» (66); «Уж ты сей-ко, дочка, лен...»(44), «Ходила, гуляла...» (220); «Ивушка, ивушка зеленая моя...» (236); «За первой за реченькой огоньки горят...» (326) и мн. др.).

Лирическое событие в среднем в 70% репрезентаций представлено как реально происходящее или происходившее. Ирреальные наклонения, выражающие действие предполагаемое, возможное, требуемое песенным героем, чаще представлены в диалогических, чем монологических композиционных формах. Функцию желательного наклонения нередко выполняют формы будущего времени, а также повелительного наклонения:

...ты, подуй, подуй, ветер низовой,
 ... надуй, тучу черную (301)
 Я пойду, млада, за ровняшку,
 Пропадайте, мои золоты ключи...(64)
 Я на вдовушку взгляну,
 Тяжелешенько вздохну,

Пухову шапку сниму,
Против вдовушки брошу:
«Ах, ты, вдовушка, подай,
Горя — горькая, подними» (69)
Ты ли, брателка, светел месяц,
Ой, просвети-ко, во всю ночь! (327)
Раскинусь я яблонью... (176)

Иногда наблюдается нейтрализация и контаминация модально-временных оппозиций, их соприсутствие в составе предиката:

Есть у меня, было у меня
Черные, черные брови (147)
Ветерок подуй, да подувает ... (340)
Ах, дак ты прощай-ко ли, прости,
Мол разлюбезная, простимся на век,
Ах, простимся на век мы с тобой (344).

Подводя итоги, отметим, что соотношение модально-временных форм участвует не только в композиционном членении песни, но и в формировании внутритекстовой когезии (связей по «горизонтали» и по «вертикали»), а также текстовых категорий модальности и темпоральности, что в целом обуславливает особенности представления хронотопа в поэтическом произведении. Несмотря на то, что ядро песенного хронотопа составляют формы настоящего времени (героя и исполнителя песни), прошедшее время активно участвует в развитии лирического сюжета (в связи с тем, что фольклорная лирика в целом более событийна, чем книжная). Будущее время по своему значению часто сближается с ирреальными наклонениями (прежде всего желательным) и вместе с сослагательным наклонением составляет периферию полей модальности и темпоральности в лирической песне. Повелительное наклонение, помимо выражения прямого своего значения в структуре диалога или монолога, может приобретать переносную семантику, сближаясь с индикативным или оптативным.

ЛИТЕРАТУРА

- Артеменко Е. Б. 1988: Принципы народно-песенного текстообразования. Воронеж.
Бахтин М. М. 1975: Формы времени и хронотопа в романе. Очерки по исторической поэтике // Вопросы литературы и эстетики. М., 234–407.
Лирические песни. 1990. М.
Лихачев Д. С. 1979: Поэтика древнерусской литературы. М.
Логический анализ языка. Язык и время. 1997. М.
Потебня А. А. 1976: Из записок по теории словесности // Потебня А. А. Эстетика и поэтика. М.
Тураева З. Я. 1979: Категория времени. Время грамматическое и время художественное. М.
Тынянов Ю. Н. 1924: Программа стихотворного языка. Л.
Широкова Е. Н. 2010: Темпоральный код языка и его эмотивный субкод. Нижний Новгород.
Широкова Е. Н. 2012: Текстовая категория «художественное время». Нижний Новгород.

- Степанов Ю. С. 1997: Константы. Словарь русской культуры: опыт исследования. М.
Успенский Б. А. 1994: История и семантика. Т. 1. М.
Чернухина И. Я. 1987: Общие особенности поэтического текста (лирика). Воронеж.

TPOLOGY AND POETICS OF VERBAL TENSES IN RUSSIAN FOLK LYRIC SONG

N. V. Patroyeva

The article analyzes temporal verb forms functioning in Russian folklore songs. Though the core of song chronotype consists of present tense forms, past tense is also active in developing lyric plot. The future tense in its meaning becomes closer to oblique moods thus making up the temporal periphery of a lyric song.

Key words: Russian folk song, song folklore, chronotype, temporal property

© 2013

О. В. Лебедева

ПОЭТИКА ИНТЕРМЕДИАЛЬНЫХ СВЯЗЕЙ В НОВЕЛЛЕ ДЖУЛИАНА БАРНСА «GNOSIENNE»

В статье рассматривается механизм формирования интермедиальных связей в рамках интертекстуального пространства новеллы Джулиана Барнса «Gnosienne». Исследуется характер и природа живописных аллюзий в контексте переосмысления писателем сюжетов картин французского художника Пьера Боннара.

Ключевые слова: интертекстуальность, интермедиальность, живописные аллюзии, новелла, ирония.

В современном литературном пространстве наблюдаются художественные тенденции, которые, с одной стороны, находятся в активном взаимодействии с традицией, а с другой — свидетельствуют о поиске авторами новых форм выражения и о новых явлениях в художественном дискурсе¹.

Проблема взаимодействия художественных языков, возникшая в сфере изучения категории межтекстовых взаимодействий, в исследовательской литературе получила различные терминологические обозначения: «взаимодействие искусств», «синтез искусств» и «интермедиальность». Термин «интермедиальность», наиболее распространенный в настоящее время, был введен немецким ученым О. Хан-

Лебедева Ольга Владимировна — кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков Новгородского государственного университета им. Ярослава Мудрого. E-mail: olgalebedeva79@mail.ru

¹ Гавенко 2010, 63.

сен-Леве в 1983 г. и получил детальную разработку в трудах Н. Г. Крауклис, Н. С. Олизько, И. П. Смирнова, А. Тимашкова, Н. В. Тишуниной и др. и в большей степени соответствует специфике филологических исследований, так как «акцентирует идею взаимодействия разных семиотических систем, в том числе в вербальном контексте»². Важно отметить, что в рамках настоящего исследования обращение к интермедиальности предполагает рассмотрение ее в рамках теории интертекстуальности — «как отсылки к «текстам» иных семиотических систем, как интертекстуального знака, обеспечивающего диалог текстов, их вхождение в коммуникативное пространство»³.

Интермедиальность — отличительная черта дискурса современной английской новеллы. В частности, анализ новеллистических текстов Джулиана Барнса позволяет утверждать, что одним из центральных приемов, позволяющих автору выявить сущностные идеи произведения, оказывается интермедиальный метатекст. Тенденция к взаимодействию с разными невербальными системами свойственна многим новеллам прозаика («Помехи», «Молчание», «Gnosienne» и др.). Среди них совершенно особое место принадлежит произведению «Gnosienne» из цикла «По ту сторону Ла — Манша».

Событийный ряд произведения довольно прост. Герой — рассказчик (писатель) отправляется из Англии во Францию на литературную конференцию, где с ним происходят полу — реальные, полуфантастические события. Они и составляют основу повествования. Безусловно, внешний сюжет — лишь «верхушка айсберга». Истинный смысл произведения заложен в познании базовых в творчестве прозаика категорий английскости и французскости. В анализируемой новелле Барнс выводит на первый план «французскую тему». Окутывая Францию аурой загадочности, писатель преподносит читателю свою Францию, складывающуюся из его собственного, оригинального, понимания духа страны и самой сути французскости. Такой подход актуализирует метафору познания, заявленную в заглавии, и обнажает ход мыслей писателя, непрерывно стремящегося преодолеть некую «инакость» страны, проявляющуюся во всем — от бытового уклада до особенностей менталитета»⁴.

Так, в новелле возникают два повествовательных плана: реальный (английский) и фантастический (французский). Соотношение между событиями, принадлежащими к ним, основано на связях ассоциативного характера, которые выстроены за счет интертекстуального переосмысления сюжетов картин Пьера Боннара, известного французского живописца, увлекавшегося написанием интерьеров жилых комнат с фигурами людей и пейзажей. Пространство его картин заполнено светом, интерьер часто сочетается с открытым пространством — окно или дверь распахнуты в сад.

При первом поверхностном чтении новеллы читатель, очевидно, идентифицирует в произведении картину Боннара «Обнаженная натурщица в контрапосте» (1908): на полотне в центре комнаты повернутая в направлении света стоит, подобно изваянию, Марта (возлюбленная художника); «контраст между монументальным телом и легкими, касаниями кисти, которые соединяют остальные эле-

² Гавенко 2010, 63.

³ Гавенко 2010, 64

⁴ Бондарчук 2011.

менты, поражает»⁵. Над туалетным столиком висит зеркало, в котором отражается тело Марты и стул. Эта «картина в картине» «дает художнику дополнительную возможность увеличения пространства и рассеивания света. Эффект отражения подчеркнут также игрой света на воде в тазу»⁶.

При пристальном прочтении описания комнаты в гостинице, где заночевал герой Барнса, аналогия с картиной художника становится весьма очевидной. Несмотря на то, что никакой натурщицы в описании Барнса нет, ее отсутствие более чем красноречиво: «Жалюзи на окне были предусмотрительно полуприподняты, пропуская достаточно света, чтобы я мог увидеть кувшин с тазиком на мраморной доске умывальника, латунную кровать, пузатый комод. Интерьер в духе Боннара — не хватало только кошки или, пожалуй, мадам Боннар...»⁷. Безусловно, при создании новеллы прозаик работал с вышеупомянутой картиной, но не только с ней. В произведении «прорисовываются» и «Открытое Окно», и «Обнаженная натурщица в ванне», и «Голубая гармония», и многие другие. По мере углубления в текст новеллы становится понятно, что Барнс не столько воспроизводит сюжеты картин, сколько перенимает приемы живописи, используемые Пьером Боннаром, и, видоизменяя, вводит их в литературный текст.

Парадокс произведений Боннара, как отмечают критики, состоит в том, что, изображая мимолетные позы, он умеет придать им вневременной характер, и благодаря этому его ню и сцены туалета являются одними из лучших в своем жанре⁸. Джулиан Барнс также прибегает к особым приемам создания эффекта мимолетности и спонтанности, которые, в свою очередь, способствуют конструированию многомерного пространства литературного текста. Мотив женского обнажения и тема купания у художника, связанная с подглядыванием и приоткрыванием, заимствуется писателем и образует в литературном произведении определенную форму игры и дает повод для множества интерпретаций. «Не лишенная эротизма и свободной поэтики; лукавых взглядов из-под опущенных ресниц»⁹, эта тема переосмысливается Барнсом на свой лад. Сложившийся визуальный иронический образ мадам Боннар, «обтирающейся губкой в ванной», превращается в повторяющийся сквозной символ новеллы, лавирующей на грани правды и вымысла.

Подобно тому, как художники постимпрессионисты придерживались не только зрительных ассоциаций, но и стремились передавать материальность мира, прибегая к декоративной стилизации, пользуясь по преимуществу яркими красками и создавая ассиметричные свободные композиции на своих картинах, Барнс дает образец необычного слияния литературы и живописи, когда известный картинный персонаж превращается в литературного героя. При этом писатель не просто ссылается на известные источники, чтобы донести до читателя нужную мысль, но и постоянно находит повод для ненавязчивой иронической интонации. Парадоксальным образом прозаик вспоминает о мадам Боннар там, где по закону жанра она должна была появиться, но, ни разу на протяжении новеллы читатель не сталкивается с доказательствами ее реального существования. Ускользающая

⁵ Кириченко-Мелецкая 2005, 14.

⁶ Кириченко-Мелецкая 2005, 14.

⁷ Барнс 2005, 130.

⁸ Кириченко-Мелецкая 2005, 20–21.

⁹ Богданов, Богданова 2012.

и манящая героиня олицетворяет для писателя образ Франции, познать которую он стремится всю свою жизнь. Ирония «как метаязыковая игра, выступающая как универсальный и необходимый атрибут, сущностная характеристика и доминанта, без которой невозможно передать сущность постмодернистского общества»¹⁰, находит воплощение в художественной практике писателя, предложившего новую повествовательную технику, типичным выражением которой является яркая ироническая окраска интермедиальности.

Живописные аллюзии в целом придают тексту Барнса мощный эффект визуальности. Писатель при помощи свойственной только ему техники построения слов и словосочетаний, как будто художник несколькими мазками делает набросок сиюминутного впечатления или передает еле уловимые движения или позы, которые не длятся долго. Это может касаться описаний природы, пищи или людей. Надо заметить, что в подобного рода отступлениях Джулиан Барнс придает особое значение цвету описываемых явлений. Для литературных полотен Барнса (как для живописных полотен Боннара) характерен отказ от жестко очерченного контура и резких цветовых контрастов, а больше присуща мягкая, построенная на тонких отношениях цветовая гамма: «бледная смазанная фиолетовость»¹¹, опавшие листья, «припудренные»¹² сахарным инеем, мэр «с землистым цветом лица»¹³, «светло-коричневые каменные стены»¹⁴, «серая шиферная крыша»¹⁵ и т.д.

При описании пейзажей в новелле очевидна ассоциация с картиной Пьера Боннара «Лето». Для художника, мечтавшего «раствориться в природе»¹⁶, этот пейзаж очень характерен. Фигурки людей почти незаметны на фоне пышной растительности. «Группу отдыхающих» на переднем плане можно разглядеть, только внимательно присмотревшись¹⁷. У Барнса встречаем похожую по настроению картину: «Маленькие, цвета красного дерева коровы бродят на склонах погасших вулканов под музыку местных волюнок»¹⁸.

Если пейзажи давали Пьеру Боннару возможность по-своему решить проблему пространства, то натюрморты («Фрукты», «Виноград», «Красный шкаф») — показа формы предметов. Обратим внимание на то, как воспроизведение Джулианом Барнсом цветовой палитры импрессионистов придает повествованию выразительность, рельефность и реалистичность. С помощью прилагательных цветовой семантики писатель рисует объемные, выразительные натюрморты, создавая отчетливо зримые образы: «Тарелка розового gigot (баранья ножка) в подливке цвета жидкой крови. Округлая крупная haricots verts (зеленая фасоль), сваренная до полного размягчения и купающаяся в сливочном масле»¹⁹. Таким образом, оба художника — один в слове, другой в изобразительном искусстве —

¹⁰ Фомичева 2011, 167.

¹¹ Барнс 2005, 121.

¹² Барнс 2005, 123.

¹³ Барнс 2005, 127.

¹⁴ Барнс 2005, 128.

¹⁵ Барнс 2005, 128.

¹⁶ Всемирная энциклопедия искусства 2012.

¹⁷ Всемирная энциклопедия искусства 2012.

¹⁸ Барнс 2005, 122.

¹⁹ Барнс 2005, 131.

используют похожие приемы, благодаря чему возможно говорить об общности их техник.

Живописные аллюзии формируют фабулу новеллы, которая делится на два плана — реальный и фантастический. Подобное деление носит условный характер, поскольку обе линии переплетаются, взаимопроникая друг в друга. Кроме того, автор строго не маркирует границы взаимосвязи своего текста и текста виртуального пространства, хотя в новелле и присутствуют символические переходы из реального в виртуальный мир. Одним из них становится аллюзия на французского художника Доминика Энгра, живопись которого привлекала к себе импрессионистов и постимпрессионистов: «Внезапно я вырвался из сырого тумана под солнечный свет и небо, по-энгровски синее»²⁰. Дверь, окно, полуприподнятые жалюзи, словно сошедшие с картин Пьера Боннара, также принимают участие в моделировании поэтики, подразумевающей многовариантный выбор. Оказавшись во Франции, герой, подобно фантазирующему ребенку, постоянно проигрывает в своем воображении тот или иной вариант возможных событий. Текст новеллы выстроен так, что допускает возможность домысливания и составления читателем собственной версии:

шоссе, по которому ехала машина, «обрывалось в неизвестность...»²¹;

«за полуоткрытым окном» слышались «коровьи колокольцы, коза и повизгивание волюнок, но, впрочем, это могли быть и свиньи»²²;

мэр, или, «во всяком случае, человек, выглядящий как мэр»²³, внезапно исчез без видимых на то причин;

черный ситроен, проезжавший мимо, оказался без водителя;

оркестр, встречавший героя, мало походил на традиционный оркестр: «... один корнет, одна труба и один серпент...»²⁴.

Такое композиционное построение произведения сталкивает читателя с необходимостью выбора и принятия решений в процессе расшифровки сюжетных линий. Постоянное переключение между повествовательными планами к тому же отражают идею относительности времени, которое как точка отсчета событий перестает быть значимым, оно «затуманивается и превращается в неподвижное бесконечное «сейчас», вмещающее в себя как прошлое, так и будущее»²⁵.

Итак, механизм формирования интермедийных связей в новелле обуславливается атрибутивной связью с картинами французского художника Пьера Боннара. Писатель перенимает приемы живописи, используемые Боннаром и, видоизменяя, вводит их в литературный текст, конструируя многомерное пространство художественного произведения. Живописные аллюзии участвуют в оформлении фабулы новеллы, воспроизведение цветовой палитры импрессионистов придает повествованию выразительность и рельефность. В процессе написания новеллы Джулиан Барнс формирует повествовательную технику, характерным выражением которой является ироническая окраска интермедийности.

²⁰ Барнс 2005, 126.

²¹ Барнс 2005, 125.

²² Барнс 2005, 125–126.

²³ Барнс 2005, 127.

²⁴ Барнс 2005, 127.

²⁵ Можяева 2011, 67.

ЛИТЕРАТУРА

Барнс Дж. 2005: Gnosienne // По ту сторону Ла-Манша. М., 119–135

Богданов П. С., Богданова Г. Б. 2012: Пьер Боннар. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.ikleiner.ru/lib/painter/painter-0006.shtml>

Бондарчук Д. 2011: Через Ла-Манш и обратно // Круглый стол «Феномен Джулиана Барнса». [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.philol.msu.ru/~forlit/Pages/Biblioteka_JulianBarns_RT.htm

Всемирная энциклопедия искусства. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.artprojekt.ru/gallery/bonnard/Bon23.html>

Гавенко А. С. 2010: Интермедиаальная метатекстовая специфика современного русского рассказа (на материале рассказа А. Волоса «Moon») // Мир науки, культуры, образования. 4 (23), 63–65

Кириченко-Мелецкая Н. (ред.) 2005: Великие художники. Их жизнь, вдохновение и творчество. Пьер Боннар. Ч. 149. Киев.

Можаяева Т. Г. 2011: Время и пространство в литературе и живописи: в поисках общего знаменателя // Филология и человек. 4, 67–69

Российский общеобразовательный портал. 2012: Пьер Боннар. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://artclassic.edu.ru/catalog.asp?ob_no=22797

Фомичева Ж. Е. 2011: От модернизма к постмодернизму: некоторые аспекты смены литературно-художественной парадигмы // Научные ведомости. Серия Гуманитарные науки. 12, 107. Вып. 10, 160–169.

POETICS OF INTERMEDIAL CONNECTIONS IN JULIAN BARNES' STORY
“GNOSIENNE”

O. V. Lebedeva

The article deals with intermedial-connections-forming mechanism within intertextuality framework of Julian Barnes' story “Gnosienne”. It analyzes the origin and character of vivid allusions in the context of reconsidered images of the pictures by Pierre Bonnard, a French artist.

Key words: philology, intertextuality, intermediality, vivid allusions, novella, irony

Н. П. Глинская

ИСТОРИЯ ФОРМИРОВАНИЯ ТЕРМИНА «POLICE POWER» В ДИСКУРСЕ ВЕРХОВНОГО СУДА США

В статье обсуждаются особенности развития юридического термина “police power” в корпусе судебных решений Верховного суда США за период с 1791 по 2011 гг. Автор исследует специфику концептуализации изучаемого термина, анализирует изменения терминологического значения и прослеживает ключевые этапы формирования семантики термина в изучаемый период времени.

Ключевые слова: диахроническое исследование, дискурс Верховного суда США, концептуализация, юридический термин “police power”

Изучение истории понятий и терминов на материале длительного хронологически зафиксированного дискурса одного коллективного субъекта, характеризующегося понятийной и языковой избирательностью, дает возможность реконструировать процесс концептуализации и категоризации нового знания. Предпосылкой для данной работы является понимание термина как системно-динамического явления, диалектически сочетающего в себе «стабильную знаковую систему и ее постоянное переосмысление»¹.

Новизна данного исследования заключается в изучении эволюции юридического термина *police power* на материале диахронического корпуса судебных решений Верховного суда США примерно за 220 лет (с 1791 по 2011 гг.)². Выбор именно этого концепта для терминологической рефлексии обусловлен его привлекательностью в силу его своеобразной американской национально-культурной специфики по причине его роли в дискурсе Суда и значимости для понимания судебных решений Верховного суда США. Кроме того, требует осмысления и исправления неточный перевод этого термина в англо-русских словарях³.

Проведенное нами лексико-статистическое исследование показало, что термин *police power* демонстрирует многократно переменный (восходяще-нисходящий) профиль абсолютной частотности в дискурсе Суда (см. рис. 1). Всего зафиксировано 2437 терминопотреблений в единственном числе и 489 — во множественном числе, профиль частотности показывает четыре пика: в 1849, 1905, 1981 и 2008 гг.

Понятие и термин “*police power*” не представлены в Конституции США. Нежелание отцов-основателей перечислять конкретные полномочия власти штата⁴

Глинская Нелли Петровна — кандидат филологических наук, доцент кафедры английского языка для естественных факультетов МГУ имени М. В. Ломоносова. E-mail: glinskaya_nelly@mail.ru

¹ Алексеева, Мишланова 2000, 15.

² Методологию лексико-статистического исследования см. подробно в: Глинская 2010а, 2010б.

³ В частности, в Англо-русском полном юридическом словаре А. С. Мамуляна, С. Ю. Кашкина в качестве переводческого соответствия предлагается «право осуществлять охрану порядка, право полиции» (Мамулян, Кашкин 2008, 559). В Англо-русском юридическом словаре С. Н. Андрианова, А. С. Берсона, А. С. Никифорова: «1. Право осуществлять охрану порядка, право полиции, 2. Полицийская власть» (Андрианов, Берсон, Никифоров 1993, 334).

⁴ Amar 2006, 320.

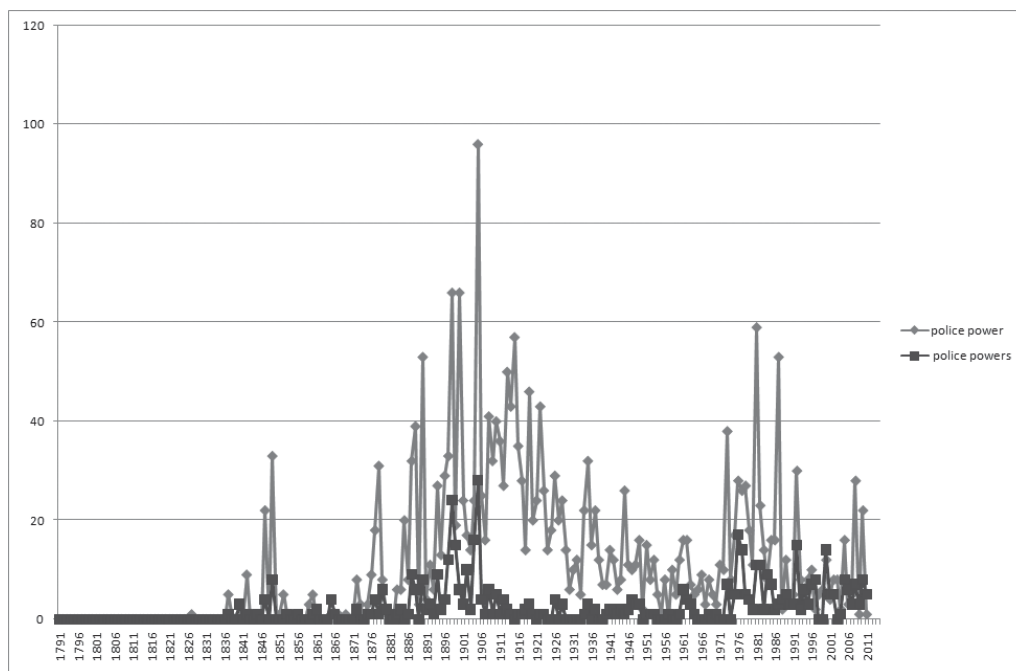

Рис. 1. График абсолютной частотности термина police power в форме ед.ч. и мн.ч.

привело к формированию открытого концепта police power, содержательное наполнение которого происходит уже около двухсот лет в дискурсе Верховного суда США.

Впервые в американской юриспруденции термин *police power* был введен судьей Джоном Маршаллом (J. Marshall) в 1827 г. в судебном решении по делу *Brown v. Maryland*⁵. По данным этимологического словаря, лексема *police*, означавшая в XV веке то же самое, что и лексема *policy*, пришла в язык права в XIV веке из старофранцузского *policie*, восходя к лат. *politia* «civil administration», греч. *πολιτεα* «state, administration, government, citizenship»⁶. Поскольку «словообразовательным аналогом греч. *πολιτεα* в русском является слово «гражданство» (образованное не от слова *град*, а от слова *гражданин*)»⁷, термин Д. Маршалла означал суверенную гражданскую власть органов штата. Фактически идея суверенной власти штата появилась у Д. Маршалла задолго до появления собственно термина, поскольку концепт, репрезентированный знаком police power, может быть четко прослежен в более ранних судебных решениях. Так, в решении по делу *Trustees of Dartmouth College v. Woodward*⁸ судья Джон Маршалл подчеркивал, что авторы Конституции не намеревались ограничить власть штата в отношении собственных органов гражданской власти. В решении по делу *Gibbons v. Ogden*⁹ Маршалл

⁵ *Brown. Maryland* 1827, 25, 419.

⁶ Этимологический словарь, [http:// www.etymonline.com/index.php?allowed_in_frame=0&search=police&searchmode=none](http://www.etymonline.com/index.php?allowed_in_frame=0&search=police&searchmode=none)

⁷ Маслов 2012, 5.

⁸ *Trustees of Dartmouth College v. Woodward* 1819, 17 U.S. (4 Wheat.) 518.

⁹ *Gibbons v. Ogden* 1824, (9 Wheat) 22 U.S. 1.

утверждал право штата регулировать публичный порядок, собственную внутриштатную торговлю и право управлять собственными гражданами («power of a State to regulate its police, its domestic trade, and to govern its own citizens»).

Терминотворческая инициатива Маршалла могла бы остаться незамеченной, если бы именно в 1847 году судья Роджер Тэни (R. Taney) не дал термину дефиницию, которая определила первую категоризацию понятия в конституционном праве:

«But what are the police powers of a state? They are nothing more or less than the powers of government inherent in every sovereignty to the extent of its dominions. And whether a state passes a quarantine law, or a law to punish offenses, or to establish courts of justice, or requiring certain instruments to be recorded, or to regulate commerce within its own limits, in every case it exercises the same powers -- that is to say, the power of sovereignty, the power to govern men and things within the limits of its dominion»¹⁰.

Принимая во внимание этимон термина и авторские дефиниции судей Маршалла и Тэни, можно предполагать, что термин *police power* до середины XIX века — это «суверенная власть граждан штата», или «гражданская власть, приобретаемая в силу суверенитета штата». Как справедливо пишет М. Маковский, «язык представляет собой образование, чуждое единоличной воле индивидуума или воле каждого индивидуума, и все же как мельчайшие, так и крупнейшие изменения, возникающие в языке, всегда зависят и от инициативы одного индивидуума, и от того, какую поддержку находит эта инициатива у других индивидуумов, которые могут подражать вновь возникшему явлению или модифицировать его в соответствии со своими языковыми привычками и вкусами»¹¹. Приведенная выше трактовка термина *police power* разделяется и другими членами суда, и при сопоставлении объема полномочий *police power* и *sovereign power* Верховный суд приходит к выводу, что это тождественные понятия: «Police powers, then, and sovereign powers are the same, the former being considered so many particular rights under that name or word collectively placed in the hands of the sovereign»¹².

Ниже на рис. 2 показаны графики абсолютной частотности терминов *state power*, *sovereign power*, *police power*, показывающие высокую востребованность термина *sovereign power* в начале XIX века, а также примерную равную частотность термина *state power* наряду с термином *police power*. Примечательно, что термины *sovereign power* и *state power* сохранили свою семантику, тогда как история термина *police power* характеризуется изменением терминологического значения в конце девятнадцатого и двадцатого века.

По полученным данным, примерно в 80-е годы девятнадцатого века члены Суда стали придерживаться политики сужения объема полномочий, фиксируемых термином *police power*. Основу для ограничительного толкования термина создало отсутствие термина *police powers* в тексте основного закона, а стимулом для новой трактовки термина при прочтении Десятой Поправки к Конституции США стало смещение акцента на остаточный характер власти. Действительно, Десятая Поправка устанавливает, что полномочия, не запрещенные и не делегированные федеральной власти, сохраняются за штатами либо за народом («The

¹⁰ License Cases 1847, 46 U. S. 504

¹¹ Маковский 2006, 126

¹² Passenger Cases 1849, 48 U. S. 283, 424.

powers not delegated to the United States by the Constitution, nor prohibited by it to the States, are reserved to the States respectively, or to the people»¹³). В результате новой категоризации концепт *police power* понимается судьями как «полномочия органов штата, не предусмотренные Конституцией» и соответственно требующие конституционного контроля. Отметим, что перекаатегоризация понимается, вслед за Н. Н. Болдыревым, как «переосмысление слова в результате его соотнесения с другой категорией за счет реализации признаков другой категории или другого концепта»¹⁴.

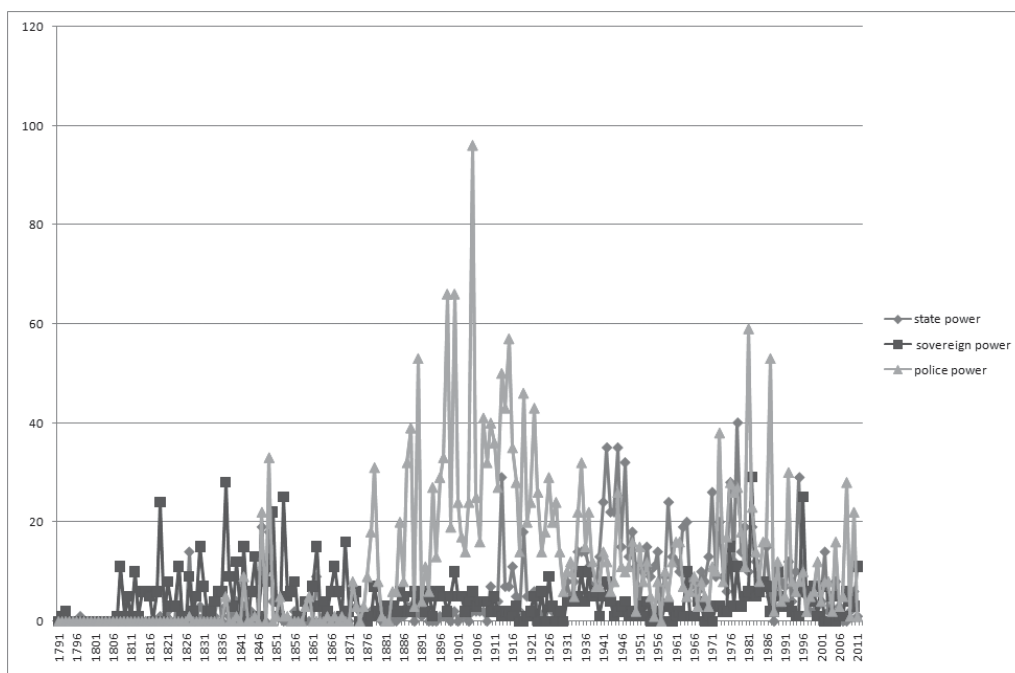

Рис. 2. График абсолютной частотности терминов *state power*, *sovereign power*, *police power*

Принципиально, что судьи не отказываются от применения термина, более того, в это время термин становится очень частотным (см. второй пик на рис.1). Термин *police power* используется как инструмент пресечения, а не создания новых возможностей, тщательно дифференцируется от смежных понятий — полномочий для принудительного изъятия собственности в общественных целях (*power of eminent domain*) и полномочий налогообложения (*power of taxation*). Суд выступает цензором законодательных инициатив штатов, особенно касающихся предпринимательской сферы¹⁵. Подчеркнем, что в то время штаты сохраняли свою власть в вопросах, связанных со здоровьем, социальной стабильностью, моралью и предотвращением преступлений на территории штата, но не имели права влиять на свободу договора. Однако в судебном решении по делу Локнера факт наличия термина *liberty* в тексте Конституции обеспечил судьям возможность рас-

¹³ The United States Constitution, <http://constitutionus.com>.

¹⁴ Болдырев 2000, 98.

¹⁵ *Barbier v. Connolly* 1885, 113 U.S. 27, 337.

ширительного толкования понятия свободы договора в рамках Четырнадцатой Поправки к Конституции США¹⁶. В результате право на свободу договора стало распространяться на место работы и проживания, на любой заработок в пределах законности, на любой образ жизни и договорные обязательства. Таким образом, период начала XX века — это напряженный период разделения законодательных полномочий и постепенной утраты объема полномочий в рамках *police power*. Тем не менее, в результате существенных изменений в составе Верховного суда после принятия Нового курса с середины 30-х гг. прошлого века объем власти, предусмотренный термином *police power*, начал постепенно расширяться на вопросы невмешательства в частную жизнь, расовой десегрегации, свободы слова, прессы, вероисповедания.

В восьмидесятые годы произошла следующая перекаатегоризация термина, когда объем полномочий в рамках *police power* был поставлен в зависимость от решений законодательных органов¹⁷. Хотя в 1987 г. решением по делу *Nollan v. California Coastal Commission*¹⁸ суд расширил полномочия *police power* при условии связи между регулятивным постановлением органов штата и разумной законодательной целью, тем не менее, объем полномочий штатов, обусловленный политическими решениями, постепенно сужается. В это время нормативные акты штатов, принимаемые в рамках концепта «*police power*», регулируют вопросы зонирования и землепользования, лицензирования и строительства. По-видимому, переводческим соответствием термина *police powers* в этот период является термин «полномочия органов власти штатов».

В конце первой декады двадцать первого века термин *police power* снова стал частотным в связи с акцентом внимания судей к вопросу разделения полномочий между федеральным уровнем и уровнем штата¹⁹. В результате обсуждения появились такие составные термины, как *general police power*, *federal police power*, *state's police power*. Иными словами, термин становится родовым, означая какие-либо контролирующие, инспекционные полномочия, а терминыэлементы *federal / state / general* конкретизируют уровень сферы применения полномочий. Инспекционные полномочия в рамках *police power* призваны обеспечить контроль соблюдения морали, сохранения правопорядка, обеспечения безопасности граждан.

Более двухсот лет истории термина *police power* в дискурсе Верховного суда США — это история противостояния интересов и полномочий законодательных органов федерального уровня и уровня штатов. Квантитативное отражение процессов обсуждения представлено в виде графика с разными трендами функционирования терминов *police power* и *federal power* (рис. 3).

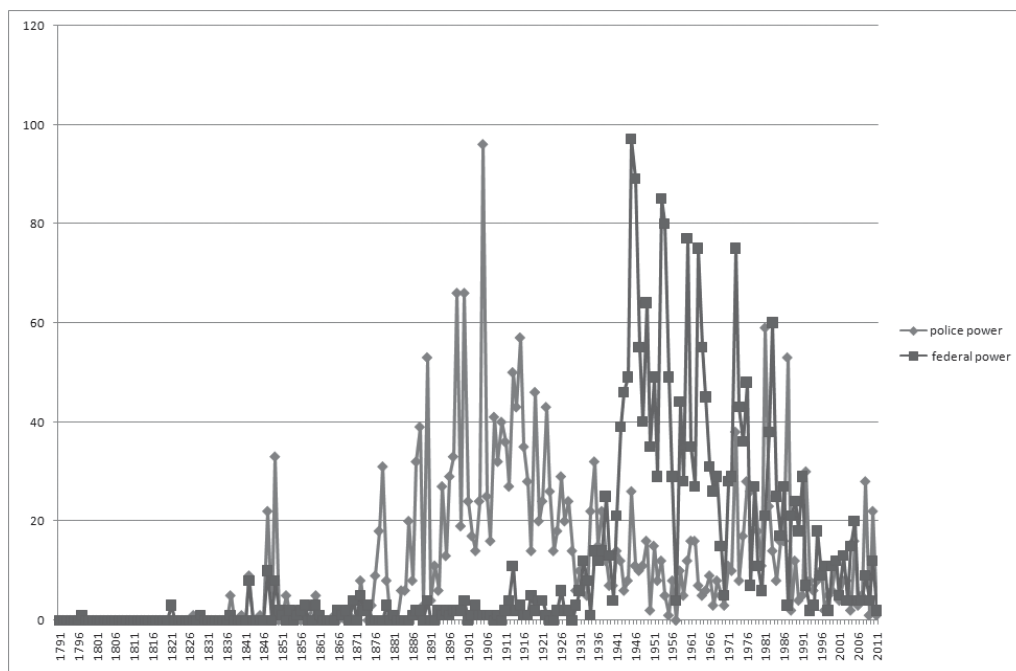
Последняя тенденция роста терминопотребления *police power* свидетельствует о том, что данное понятие будет продолжать использоваться в дискурсе, поскольку судьи Верховного суда все чаще прибегают к расширительному толкованию, сохраняя открытый и неисчерпывающий характер объема инспекционных полномочий в рамках концепта *police power*.

¹⁶ *Lochner v. New York* 1905, 198 U.S. 45.

¹⁷ *Garcia v. San Antonio Metropolitan Transit Authority* 1985, 469 U.S. 528.

¹⁸ *Nollan v. California Coastal Commission* 1987, 483 U.S. 825.

¹⁹ *McDonald v. Chicago* 2010, 561 US 3025.

Рис. 3. График абсолютной частотности терминов *police power* и *federal power*

Подводя итог, можно сказать, что диахроническое терминологическое исследование на материале дискурса одного языкового коллектива, члены которого объединены профессиональным взаимодействием в рамках общественно важной социальной функции, создает возможности для выявления этапов формирования семантики ключевых терминов. Юридическая терминология является уникальным отражением историко-культурной и политико-правовой динамики, обусловленной взаимодействием объективных и субъективных факторов правотворчества, уровнем развития концептуальной системы и ключевых категорий в рамках профессионального дискурса. По словам Р. Козеллека, «основные понятия всегда действуют внутри дискурса, стержня, вокруг которого они вращаются и который приводит в движение все аргументы. ... Дискурсу необходимы основные понятия, для того чтобы выразить, о чем идет речь. А анализ понятий требует обладания как лингвистическим, так и неллингвистическим контекстом, включая тот, что поставляется дискурсом. Только при таком знании контекста можно установить, что в каждом конкретном случае стоит за многозначностью понятий, за их содержанием и значением, как перераспределяется пространство, которое они друг у друга отвоёвывают»²⁰.

ЛИТЕРАТУРА

Алексеева Л. М., Мишланова С. Л. 2002: Медицинский дискурс: теоретические основы и принципы анализа. Пермь.

²⁰ Цит. по: Бёдекер 2010, 64.

Андреанов С. Н., Берсон А. С., Никифоров А. С. 1993: Англо-русский юридический словарь. М.

Бёдекер Х. Э. 2010: Размышления о методе истории понятий // История понятий, история дискурса, история менталитета / Х. Э. Бёдекер (ред.). М., 34–65.

Болдырев Н. Н. 2000: Когнитивная семантика: (Курс лекций по англ. филологии). Тамбов.

Глинская Н. П. 2010а: Юридический термин «privacy» как предмет системно-динамического исследования // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19. 2, 33–50.

Глинская Н. П. 2010б: Основные тенденции развития лексической системы развития системы судебного дискурса (на материале корпуса судебных решений Верховного суда США за период с 1789 по 2009гг.) // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19. 4, 28–38.

Мамулян А. С., Кашкин С. Ю. 2008: Англо-русский полный юридический словарь. Академическое издание. М.

Маслов Б. П. 2012: Житие как гражданство: о метафорике политического в поздней античности и Византии // Социологическое обозрение. Т. 11. 1, 3–18.

Маковский М. М. 2006: Системность и асистемность в языке: Опыт исследования антиномий в лексике и семантике. М.

Amar A. R. 2006: America's Constitution: a Biography. New York.

THE TERM “POLICE POWER” THROUGHOUT THE US SUPREME COURT DISCOURSE

N. P. Glinskaya

The article aims at discussing main evolution features of the legal concept “police power” in the US Supreme Court records of judgment over the period of 1791–2011. The author studies aspects of the term conceptualization, analyzes the changes of the terminological meaning, and traces key stages of the semantic development of the term “police power” within the period under study.

Key words: diachronic study, US Supreme Court discourse, conceptualization, legal term “police power”

КУЛЬТУРА

ЭТНОЛОГИЯ

© 2013

И. И. Дрёмов

КАЛМАКИ XIV–XVI ВЕКОВ МЕЖДУ ВОЛГОЙ И ИРТЫШОМ И КАЛМЫЦКИЙ ЭПОС «ДЖАНГАР»

В статье анализируется ряд не привлекавшихся для изучения истории калмыков средневековых источников, свидетельствующих, что в XIV–XVI вв., задолго до начала продвижения ойратов на запад, на Руси было распространено имя Калмак, западноевропейские картографы и географы помещали калмаков к востоку от Волги, а в среднеазиатских хрониках содержатся сведения о калмаках задолго до начала продвижения ойратов в XVII в. на запад. Можно предположить, что происхождение волжских калмыков и их эпоса Джангар связано не только с ойратами Монголии и Джунгарии, но и с калмаками Средней Азии и Казахстана. Священная страна Бумба калмыцкого эпоса Джангар может быть сопоставлена с географическими реалиями восточного Дешт-и Кипчака.

Ключевые слова: калмаки, калмыки, ойраты, Дешт-и Кипчак, XIV–XVI вв., Джангар

Современные калмыки являются потомками ойратских племён, продвинувшихся в начале XVII в. на территорию юго-западной Сибири и современного Казахстана, а в 1650-х гг. занявших Поволжье. Этот факт подтверждается монгольскими, ойратскими, калмыцкими и русскими источниками. Известно, что до начала XVII в. ойраты кочевали в Западной Монголии и Джунгарии, поэтому в глазах монголоведов дата, указанная в названии данной статьи, может выглядеть спорно. Однако существует значительный ряд русских, западноевропейских и восточных источников, свидетельствующих, что задолго до первой встречи русских первопроходцев Сибири с ойратскими послами в 1606–1608 гг. на Руси был известен народ, именуемый в ранних источниках «калмаками» и обитавший к востоку от Волги и Яика.

Ойратское происхождение калмыков предполагает поиски источников по их ранней истории (до начала XVII в.) в китайских, монгольских, тибетских и частично в среднеазиатских материалах¹. В связи с этим русские и западноевропейские сообщения о калмыках, а точнее, о «калмаках», как звучал этот этноним в ранних

Дрёмов Игорь Иванович — кандидат исторических наук, с.н.с. отдела комплексного мониторинга ГУ «Институт комплексных исследований аридных территорий». E-mail: iid57@yandex.ru

¹ Показательно, что в последнем трёхтомном обобщающем коллективном труде по истории Калмыкии раздел II называется «Ойраты — предки калмыков в XII — XVI вв.», далее рассматриваются русско-ойратские отношения первой половины XVII в., а история калмыков начинается с середины XVII в. (Деревянко 2009/1).

документах, как правило, не попадали в поле зрения специалистов. Отдельные упоминания о калмаках в документах XVI в., связанных с Казахской и Ногайской Ордами, были известны ещё из дореволюционных трудов В. В. Вельяминова-Зернова², но в связи с историей калмыков исследователи обратили на них внимание, главным образом, уже в XXI в. после выхода монументального труда В. В. Трепавлова «История Ногайской Орды»³.

В 1535 г. ногайские мурзы всю зиму ожидали нападения калмаков «в заставе за Яиком, на реке на Еме» (Эмбе)⁴. В 1556 г. ногайский бий Шейх-Мамай, основатель Алтыульской орды, которая занимала восточный форпост ногайских владений, извещал Ивана IV об отражении нападения калмаков. В 1560 г. уже астраханские стрельцы встретили и пленили «калматских людей многих» в районе Сарайчука, т.е. в низовьях Яика⁵.

В 1578 г. на «коронационном» съезде ногайской знати была подтверждена задача Ногайской Орды, ставшая к этому времени уже постоянной заботой, «стояти против колмаков»⁶. В 1595 г. казахский хан Тевекель подчинил кочевников калмыков и казахов и стал именоваться «царём казахов и калмыков»⁷.

Столь ранние сведения о калмаках противоречат общеизвестному факту, подтверждаемому многочисленными источниками, о приходе ойрат-калмыков на юг Западной Сибири в начале XVII в., а на Южный Урал и в Поволжье — в 1630-х гг. Поэтому они обычно рассматриваются как свидетельства начала откочёвки ойратов от Джунгарии⁸ и редкого эпизодического появления ойратов во второй половине XVI в. в пределах казахских и ногайских кочевий. Постоянно же ойраты обитали к западу от Монгольского Алтая, т.е. в Западной Монголии и Джунгарии⁹.

Однако ряд средневековых документов, в том числе русских и западноевропейских, позволяет сделать вывод, что о калмаках не только знали на Руси задолго до знакомства с ойратами, но и обитали они не рядом с Китаем, а где-то по соседству с Москвией. Имеется немало свидетельств, что имя Калмак было широко распространено в русских землях уже в XVI в. В «Ономастиконе» академика С. Б. Веселовского значатся: «Калмак, поп, 1545 г., Новгород; Калмак Власьев, помещик, 1568 г., Ярославль; Федор Иванович Колмак Овцын, XVI в; Петр и Исаак Колмаковы, 1564 г., Олонец; Колмак и Неустрой Борисовичи Обрютины, 1568 г., Ярославль; Колмак и Домачной (Домачний) Михайловичи Васьковы, 1568 г., Ярославль»¹⁰. В Новгородской «Записной книге крепостным актам XV–XVI вв.» написано в 1597 г.: «Дал детей своих старинных крепостных: Левонтия Иванова сына, прозвище Калмак...»¹¹. В списке опричников Ивана Грозного 1573 г. имеется Иван Колмак¹². Известен рязанский казак Колмак, выполнявший царскую

² Вельяминов-Зернов 1864, 336.

³ Трепавлов 2002; Колесник 2003, 39–41; Деревянко и др. 2009, 254–259.

⁴ Трепавлов 2002, 122.

⁵ Трепавлов 2002, 20.

⁶ Трепавлов 2002, 371, 372.

⁷ Деревянко 2009, 254.

⁸ Златкин 1983, 75.

⁹ Колесник 2003, 39–40.

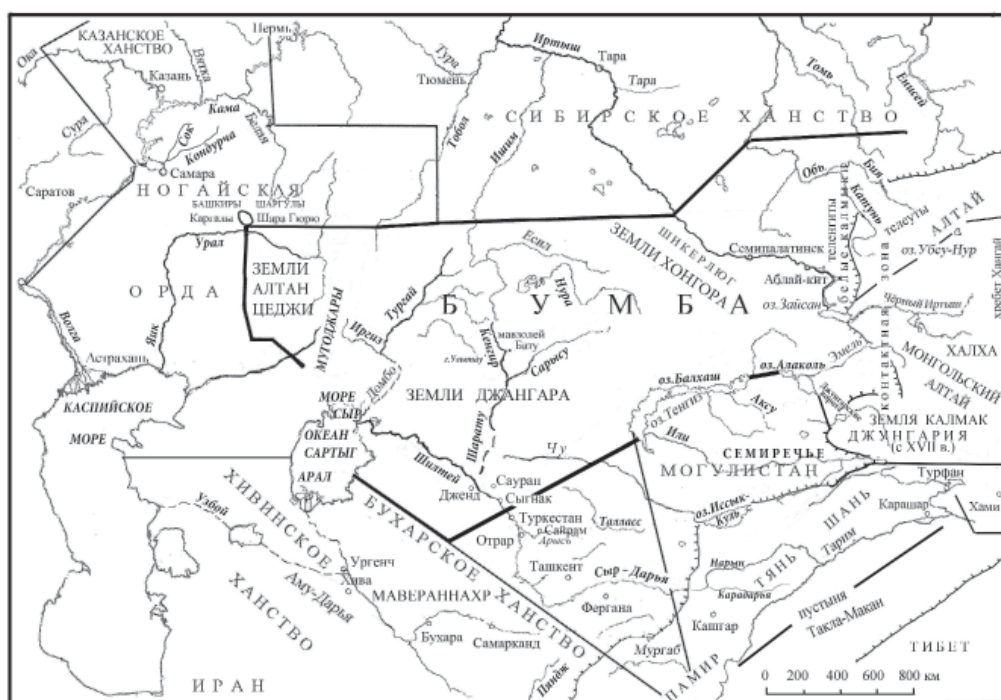
¹⁰ Веселовский 1974, 95.

¹¹ Лаппо-Данилевский 1898, 33.

¹² Список опричников 2003.

миссию в 1569 г.¹³ На Рязанщине фамилия Калмаков и Колмаков сохранялась и впоследствии: «Колмаков Мишка Микитин с. Глубокое на речке Глубокой, крестьянин 1628/29; Калмаков Ивашка Филиппов с. Олешна, Ефаново на речке Олешне, бобыль 1628/29»¹⁴. Даже далеко на северо-западных границах Руси в начале XVII в., когда ойраты лишь начинали своё продвижение к Волге с верховий Иртыша, в грамоте Кольского воеводы В. Т. Жемчужникова к варгавскому державцу Клаусу Гагге от 7 июля 1613 г. говорится о Микифоре **Колмакове**, выполнявшем правительственные поручения на территориях, смежных с датским королевством¹⁵. Из этого перечня следует, что отдельные представители калмаков и их потомков распространились по всей Руси, как минимум, к первой половине XVI в.

Интересное сообщение имеется в архиве Великого княжества Литовского в так называемой «Литовской Метрике». В документе, относящемся к 1511 г., в перечне различного инвентаря говорится о калмыцкой узде: «Господару его милости, великому королю Жикгимонту привёл есми, с Киева два кони, у двадцать коп гроше, а седла на них у шесть гривен; а узды на них **Колмацкие**, у гривну»¹⁶.

Карта-схема локализации эпической страны Бумба. и кочевий калмаков в XIV–XVI вв.

¹³ Садиков 1947, 155.

¹⁴ Сторожёв 1997.

¹⁵ Щербачёв 1897, 423.

¹⁶ Гильдебрандт 1903, 740.

Ряд источников, не привлекавшихся ранее в исследованиях по калмыцкой истории, позволяют установить, что основным местом обитания калмаков до XVII в. являлись степи Казахстана и Средней Азии, а не Джунгария, где кочевали ойраты. В Книге Большому чертежу (ок. 1600 г.) указано, что «Казачья орда, да калмыки» находятся на реках Сурсу (Сарысу) и Кендерлик (р. Кенгир), то есть в Казахском мелкосопочнике¹⁷. В сборниках Софийской библиотеки находится текст, датируемый 1506 и 1523 гг., содержащий перечень «татарских» земель, окружающих Каспийское море: «Татарьским землям имена: Самархант, Чагадаие, Хорусани, Голустани, Китай (кара-китаи Средней Азии — *И.Д.*), Синяя орда, Шираз, Испаган, Орначь, Гилян, Сизь, Шарбан, Шамахи, Савас, Арзуноум, Телфизи, Тевризи, Гурзустани, Обези, Гоурзии, Багдат, Темирьябы, рекше Железная врата, Орда Большая, Крым, Васьторокан, Сарай, Азов, **Калмаки**, Ногаи, Шибаны, Казань»¹⁸.

До настоящего времени первым сообщением о калмыках в русских летописях считается хрестоматийная фраза из Строгановской летописи, в которой цитируется указ от 30 мая 1574 г. Ивана XIV, предписывающий Строгановым торговать с калмыками и другими народами беспошлинно: «А когда станут в те крепости приходить к Якову и Григорию торговые люди бухарцы и калмыки и казанские орды и иных земель с какими товары, и у них торговати повольно беспошлинно»¹⁹. При традиционном толковании, этот документ сам по себе трудно объяснить, так как из него следует, что царь предписывает предпринимателям, начинающим ещё только освоение Урала, торговать с народом, который даже далеко на востоке, в Сибири, появится лишь через несколько десятилетий. Не убедительны в этом случае объяснения, что ойраты, именуемые калмаками или калмыками, в это время начинают изредка совершать на запад набеги и эпизодически проникать в Южную Сибирь. В этом случае требовалось бы остерегаться иноземных кочевников и обороняться от них.

Однако почти за столетие до указа Ивана Грозного имеется упоминание о калмаках в одной из ранних великокняжеских летописей, пока не попадавшей в поле зрения калмыковедов. В Лихачевском летописце (ок. 1487 г.), сказано, что во время стояния на реке Угре в 1480 г. был «...со царем братаничь его царь Касим, да б сынов царевых, и бесчисленное множество татар с ними, и **колмаки**, тогда бо бе той окаянный царь и тех за себе привел»²⁰.

Западноевропейские источники конца XV — начала XVI вв. свидетельствуют о проживании калмаков к востоку от Волги. Их авторы черпали сведения о прилегающих к Руси с востока территориях, которые в то время они именовали Тартарией, из русских источников и описаний иностранцев, путешествовавших в Московию. Приведём лишь краткий перечень западноевропейских источников о калмаках, переведённых и опубликованных на русском языке, но при изучении истории калмыков ранее не привлекавшихся.

Английский путешественник Антоний Дженкинсон в 1558 г. указал, что калмыки живут у истоков р. Эмба (т.е. в горах Мугоджары) и далеко к северу от

¹⁷ Макшеев 1880, 110–141.

¹⁸ Казакова 1979, 253–256. Ссылка на: ГПБ. Софийское собр. № 1465. Л. 238 об.

¹⁹ Цепков 2008, 54.

²⁰ Цит. по: Зайцев 2006, 45.

Средней Азии²¹. Матвей Меховский в 1521 году сообщал *о язычниках калмуках* с длинными волосами к востоку от Волги²²; Сигизмунд Герберштейн, посещавший Московию в 1517 и 1526 гг., отмечал, что «другие татары живут за рекой Ра; [так как] только они (среди татар) отращивают волосы, их называют *калмуками*»²³; Антонио Контарини в 1474–1475 гг., находясь в Астрахани, отметил, что «есть, говорят, ещё другое племя, живущее за Волгою, далее к северо-востоку. Оно отличается длинными волосами, висящими до самого пояса и носит название диких Татар... иногда, во время большой стужи и морозов, доходит до самой Цитрахани, но не причиняет жителям ни малейшего вреда»²⁴; Антоний Вид на своей карте, опубликованной в 1537 г., поместил калмыков к северо-востоку от дельты Волги и около Kalmusky написал, что они носят длинные волосы²⁵; Себастьян Мюнстер в 1550 г. помечал на своей карте калмыков между Яиком и Иртышом²⁶.

На карте Европы, составленной Меркатором в 1544 г., калмыцкие татары (*kalmucki tartari*) нанесены северо-восточнее ногайских татар (*nagai tartari*), рядом с казаками татарами (*kasakki tartari*), к востоку от Волги и Яика, к северу от Каспия, на месте современных Мугоджар. На картах начала XVII в. к востоку от Волги также помещены калмаки, которые не могли быть ойратами Джунгарии, т.к. ойраты к этому времени ещё не продвинулись так далеко на запад. На карте Хондиуса 1606 г. далеко на севере близ океана к востоку от Югории обозначены колмаки (*Colmak*), а к востоку от Волги и Яика в верховьях Эмбы показаны калмыцкие татары (*Kalmucki Tartari*) и они же — ещё восточнее. На карте Геритса 1613 г. калмаки (*kalmucki*) нанесены на севере Каспийского моря к востоку от р. Яик рядом с туркменами²⁷. На карте Фра-Мауро 1459 г. на р. Итиль в районе г. Камышин или Саратов имеется надпись «*calmuzi sara*»²⁸. Не исключено, что это самое раннее искажённое отображение названия калмаков на картах и в целом в европейских источниках. Это возможно, т.к. в сопоставимо близкое время калмаков отмечал у Астрахани Контарини, а Лихачёвский летописец в «стоянии на Угре».

Можно не сомневаться, что это неполный перечень западноевропейских свидетельств о калмаках, так как здесь приведены данные лишь из переведённых на русский язык письменных источников и самых известных опубликованных картографических материалов. Однако даже этого достаточно, чтобы усомниться, что в Европе XVI в. калмаками называли ойратов западной Монголии и Китая. До настоящего времени из всех этих материалов в поле зрения калмыковедов попало лишь сообщение о калмаках С. Герберштейна, которое Н.Н. Пальмов объяснял тем, что этим именем называли кочевых татар²⁹.

Происхождение волжских калмыков от ойратов Джунгарии подтверждается многочисленными свидетельствами как самих калмыков, так и окружающих народов. Простота и очевидность решения этого вопроса не требовала специаль-

²¹ Дженкинсон 1937, 175; Кордт 1888.

²² Меховский 1936, 62.

²³ Герберштейн 1988, 182.

²⁴ Контарини 1836, 98–99.

²⁵ Кордт 1889, 90.

²⁶ Кордт 1889, 7.

²⁷ Кордт 1889, 10–80.

²⁸ Пачкалов 2007, 311–318.

²⁹ Пальмов 2007, 398–399.

ной дополнительной проверки в русских летописях или в западных источниках. Исследователи русских и европейских древностей, не искушённые в калмыцкой истории, встречая упоминания о калмаках Дешт-и Кипчака в источниках до XVII в., не придавали этому особого значения. В то же время монголо- и калмыковедам эти редкие западные свидетельства могли не встречаться, так как они находились в источниках, слишком далёких от темы их научных интересов.

Но некоторая информация о калмаках XIV–XVI вв., которую сложно связать с ойратами Джунгарии, содержится и в восточных источниках у народов, живших по соседству с калмаками и имевших богатую письменную традицию.

И. Я. Златкин в написанном им разделе «Очерков по истории Калмыцкой АССР» (1967 г.) приводил свидетельства из трёх восточных источников, опубликованных В. Г. Тизенгаузеном, говорящие о калмаках Дешт-и Кипчака до прихода сюда ойратов, то есть до начала XVII в. Он отмечал, что первое упоминание о калмыках встречается в сочинении Шереф-ад-дина Йезди «Зафар-намэ», написанном в первой четверти XV в. В нём говорится о прибытии к Тимуру в 1397/98 г. послов из Дешт-и Кипчака от улуса Джучиева (т.е. из Золотой Орды), обитателей которого он именует калмыками. Второй случай упоминания калмаков в «Очерках...» принадлежит Абд-ар-раззаку Самарканди (1413–1482), который сообщал о послах из земли Калмыцкой и Дешт-и Кипчака, которые в 1459/60 г. прибыли к султану-Абу-Саиду. Наибольшее внимание уделено рассказу о калмаках в исторической хронике «Родословие тюрков» («Шаджарат ал-атрах»), написанной неизвестным автором не ранее середины XV в. В ней повествуется о распространении ислама в Золотой Орде в годы правления Узбек-хана (1312 — 1343). По мнению автора XV в., «калмаками» стали называть тех, кто не принял ислам и не последовал за обращёнными в мусульманство. По этой причине с того времени пришедшие люди стали называться узбеками, а люди, которые остались на месте и не приняли ислам — «калмаками»³⁰.

И. Я. Златкин писал, что название «калмык» связано с процессом исламизации Золотой Орды в первой половине XIV в. По его словам, калмыками «стали именовать тех, кто отказался присоединиться к исламу, остался верным старым религиозным верованиям, не захотел переселяться в Среднюю Азию и остался кочевать в степях Нижней Волги и Дешт-и-Кипчака. Исследователь считал, что часть монголо- и тюркоязычного населения Золотой Орды, не принявшая мусульманство, получила от правоверных мусульман название «калмык» в смысле «обреченный оставаться», «оставшийся», «отступник» и т. п. «Но все это не может объяснить нам, — пишет И. Я. Златкин, — почему указанное название было тюркоязычными соседями перенесено и на ойратов, обитавших в Западной Монголии и Джунгарии, не имевших никакого отношения к Золотой Орде, и, в частности, на ту часть ойратов, которая в XVI—XVII вв. переселилась в низовья Волги... Для окончательного решения вопроса необходимо дальнейшее изучение тюркоязычных, русских, монгольских и, возможно, китайских и тибетских источников. Лишь на этой основе можно будет пролить полный свет на историю термина «калмык», его происхождение и значение»³¹.

³⁰ Златкин 1967, 55–65.

³¹ Златкин 1967, 55–65.

Однако это высказывание исследователя о происхождении калмаков в недрах Золотой Орды в Дешт-и Кипчаке не получило дальнейшего развития и является исключением в историографии вопроса о происхождении калмыков. Как в дальнейшей части этого труда, так и в последующих работах других авторов, включая последнее обобщающее издание «История Калмыкии с древнейших времён до наших дней», т. I (2009 г.), концепция тождества калмаков и ойратов не ставится под сомнение и является аксиомой. Проблема заключается в том, что все калмыцкие и монгольские источники несомненно указывают на происхождение волжских калмыков от ойратов Монголии и Западного Китая, а название «калмаки» существовало в тюркоязычной среде далеко к западу от места обитания ойратов и применялось к ним западными народами.

Перечислим сообщения о калмаках, которые позволяют сделать вывод, что калмаки размещались в Дешт-и Кипчаке раньше, чем появилось общее самоназвание западномонгольских кочевников «дэрбен-ойраты» и раньше, чем они впервые столкнулись со среднеазиатскими народами в начале XV в., после вытеснения монголов из Китая в 1368 г.

Самым ранним упоминанием калмаков современниками, по мнению В. В. Бартольда, являются сведения из Зафар-Наме. Он писал, что «слово калмак, по-видимому, впервые появляется в Мукаддима (его нет в печатном издании — (прим. Бартольда) к Зафар-наме Шереф ад-дина Йезди как будто не как этнографический, а как географический термин. Говорится, что после изгнания монгольской династии из Китая в её владении остались только её коренные области, т. е. Каракорум и Калмак; позднее эмиры ойратов отняли у них и это»³². В отрывке из Зафар-Наме, переведённом В. Г. Тизенгаузенем, говорится, что в 1397/98 гг. к Тимуру Тамерлану, прибыло посольство Тайзи-оглана от калмыков из Дешта³³. Этот же эпизод звучит иначе в недавно изданном переводе «Зафар-намэ» А. Ахмедова: «И Тайзи Оглан в Великом Юрте взбунтовался против каана, бежал от **калмыков** и пришёл служить к Сахибкирану (Тимуру). Сахибкиран увиделся с ним, очень уважил его и хорошо расспросил... И Тайзи Оглан остался на службе у Сахибкирана».³⁴

Востоковед Е. Бретшнейдер отмечал самое раннее упоминание о калмаках у арабского автора первой половины XIV в. Ибн ал-Варди.³⁵ Вероятно, это утверждение ошибочно, т.к. в XIV в. жил Ибн ал-Варди, прославившийся своими произведениями литературно-поэтического и канонического характера, а географ с этой же фамилией писал в первой половине XV в.³⁶

В Тарих-и-Рашиди, написанном Мирзой Мухаммадом Хайдаром в 1541–1546 гг., сказано, что будущий хан Семиречья и Мавераннахра Туглук-Тимур

³² Бартольд 2002, 538.

³³ Тизенгаузен 1941, 112–113. «Зафар-Наме» («Книга Побед») была написана в начале XV в. Шереф-ад-Дином Йезди, который являлся современником описываемых событий. Следовательно, в Дешт-и Кипчаке калмаки появились не позднее конца XIV в., когда ойраты Монголии в степях Средней Азии ещё не оказывали заметного политического влияния. Поэтому сомнительно, что в данном случае автор XV в. назвал калмаками ойратов.

³⁴ Шараф ад-Дин Йезди. Зафар-Наме, 221.

³⁵ Bretschneider 1910, 167.

³⁶ Крачковский 2004, 490–495.

в 1329/30 гг. был привезён от калмаков³⁷. О том же сообщается в Шараф-наме-йи шахи (Книге шахской славы), написанной Хафизом-и Таныш Бухари в 1520-х гг.³⁸

В книге анонимного автора середины XV в. «Родословие Турок» («Шаджарат ал-атрах») говорится, что распространение в Средней Азии ислама при Узбеке в 1320-х гг. связано с уходом мусульман от язычников. За оставшимися якобы закрепилось название «калмаки»³⁹. Здесь, очевидно, речь идёт о калмаках Дешт-и Кипчака, т.к. из разных источников известно, что Узбек в молодости кочевал к востоку от Волги.

Из произведения автора первой половины XVI в. Утемиш-хаджи «Чингиз-намэ» следует, что после смерти Токта-хана в 1313 г. трон Золотой Орды захватил Узбек-хан с калмаками. По официальной версии Узбек имел законное право на престол Золотой Орды, так как являлся племянником Токты. Для подтверждения этого приведена история о чудесном спасении Узбека в младенческом возрасте. Следуя этой легенде можно даже предположить, Узбек являлся типичным узурпатором, распространявшим версию о своём родстве с ханом и чудесном спасении для придания легитимности своей власти. Вероятно, Узбек-хан тоже происходил из калмаков, так как из разных источников известно, что его молодость проходила в восточном Дешт-и Кипчаке, где, по словам Утемиш-хаджи, до сих пор (200 лет спустя) сохраняются обычаи и язык калмаков⁴⁰.

П. С. Паллас сообщал в XVIII в. о древнейших преданиях калмыков, говорящих, что их предки продвинулись на запад задолго до времён Чингисхана⁴¹. Правда, после XIV в. тюрко-, ирано- и арабоязычные авторы нередко называли калмаками всех язычников монгольского происхождения, но, тем не менее, известные источники свидетельствуют, что не позже чем с первой половины XIV в. и до конца XVI в. в Средней Азии и на северо-востоке современного Казахстана обитала монголоязычная этническая группа с обобщающим названием «калмаки», переносившимся среднеазиатскими народами на дербен-ойратов, а иногда и на монголов.

В рамках одной статьи невозможно осветить все аспекты проблемы соотношения терминов «калмаки», «ойраты» и «калмыки». Известные нам источники не содержат прямого ответа на вопрос, являются ли калмаки Дешт-и Кипчака какой-то группой ойратов или это самостоятельное этническое образование. Имеющиеся сведения о калмаках позволяют предложить следующую интерпретацию источников.

Несмотря на решительную исламизацию и тюркизацию городского населения, на глухих окраинах степного мира продолжали кочевать племена, сохранившие монгольские традиции в языке и культуре. Таким образом, калмаки — это остатки монголов, не растворившихся среди инородного населения после завоеваний Чингисхана и его потомков. По всей вероятности, язык и культура калмаков Дешт-и Кипчака и ойратов западной Монголии и Джунгарии были настолько близки, что среднеазиатские авторы не разделяли их и всех называли калмаками.

³⁷ Хайдар 1996, 38–39.

³⁸ Хафиз-и Таныш Бухари 1983, 100.

³⁹ Тизенгаузен 1941, 207.

⁴⁰ Утемиш-хаджи 1992, 105.

⁴¹ Pallas 1776, 68–70.

Вероятно, к концу XVI в. смысловое значение названия «калмаки» претерпело некоторые изменения, но суть осталась прежняя: это кочевники-язычники, которые, в отличие от мангытов, моголов и узбеков, вероятно, сохранили монгольский язык.

С приходом ойратов на территории Южной Сибири и Казахстана в XVII в., малочисленные и слабо организованные калмаки растворились в ойратской среде, главным образом среди торгутов.

В начале XVII в. русские первопроходцы Сибири встретились с продвигавшимися с востока ойратами, обитавшими ранее в западной Монголии и Джунгарии. В русских документах они именуются чаще всего калмаками или калмыками. В 1630-х гг. они достигли берегов Волги, и в 1650-х гг. ойрат-калмыки уже прочно обосновались в Нижнем Поволжье. В XVIII в. стало известно о существовании у калмыков героического эпоса Джангар, а в начале XIX в. появились его первые публикации. Во второй половине XIX в. были опубликованы первые переводы отдельных частей Джангара и началось изучение калмыцкого фольклора.

Исследователями отмечались самостоятельность и своеобразие калмыцкого эпоса при сравнении его с монгольским или тибетским фольклором. В то же время знаток русских былин Ю. М. Соколов, сопоставляя их с Джангаром, пришёл к выводу, что калмыцкий эпос по своему характеру и по своей жанровой природе имеет много общего с русскими былинами⁴².

Исследователи Джангара отмечали, что его очень сложно связать с известными историческими фактами истории ойратов, считающихся авторами калмыцкого эпоса. Его крупнейшие исследователи монголоведы академик С. А. Козин и профессор А. М. Позднеев в своих исследованиях пришли к выводу, что имена героев и эпизоды из Джангара невозможно сопоставить с конкретными историческими событиями. Объяснение этому они видели в особенностях эпического жанра в целом и калмыцкого эпоса в частности. В этом плане особенно трудно объяснить выявленные академиком Ю. М. Соколовым общие черты между русскими былинами и Джангаром, так как считается, что Джангар был создан ойратами — предками волжских калмыков, появившимися на границах с Россией лишь в XVII в., в то время как основное время формирования и становления как Джангара, так и былин приходится на более ранние периоды.

Наличие общих культурных элементов в фольклоре народов, имеющих разные языковые, территориальные и культурные корни, а главное — несопоставимые экономические условия (азиатские скотоводы-кочевники, с одной стороны, и европейская аграрная страна — с другой) вряд ли возможно объяснить закономерностями стадийного развития или наличием общих архетипов. Более вероятно, что наличие общих черт в фольклоре обусловлено непосредственными контактами его носителей. Если исходить из общепринятой в настоящее время теории, что предками волжских калмыков и создателями Джангара были ойраты, которые в конце XVI — начале XVII вв. продвинулись в степи Казахстана и Поволжья из Джунгарии, то такие контакты между создателями русских былин и Джангара практически необъяснимы.

От калмаков Дешт-и Кипчака письменные источники не сохранились, а немногочисленная калмыцкая историческая литература и ранние исследования на

⁴² Пашков 1991, 13–14.

европейских языках XVIII в. основаны на генеалогических списках и воспоминаниях ойрат-калмыцкой знати. Если предположить, что ойраты унаследовали от калмаков не только название, но включили в свой состав их представителей, можно предположить, что в эпосе Джангар могли сохраниться элементы культурных традиций калмаков, проживавших в Дешт-и Кипчаке и вошедших в состав ойратов.

Предпосылка, что Джангар был создан в Джунгарии или Монголии ойратами в середине XV в., не позволила сопоставить героев эпоса и его топонимику с реальными историческими фигурами и географическими объектами, занимаемыми ойратами в Монголии или Джунгарии. В то же время география священной страны Бумбы, воспетой в Джангаре, может быть сопоставлена с географическими реалиями Средней Азии и Казахстана.

В Джангаре описывается океан Ерген Шартыг или Сартыг, в который впадает река Шилтей-Зандан, в которую, в свою очередь, вливается река Шарту. Это центр священной страны Бумба. Океан Сартыг — это Аральское море, называемое в средневековье Сыр по впадающей в него Сыр-Дарье. Шилтей-Зандан — это Сыр-Дарья (Зандан — эпитет, означающий «грозный», «размахнувшийся» (от калмыцкого «зандх» — угрожать, размахивать руками). Река Шарту — это Сарысу, на которой размещали калмаков не только среднеазиатские авторы XVI в., но и «Книга Большому чертежу». Сейчас Сарысу не достигает Сыр-Дарьи, но Сыр-Дарья была в период создания эпоса по-настоящему полноводной, а Аму-Дарья в XIV–XV вв. впадала не в Арал, а в озеро Сарыкамыш и временами, по руслу Узбой, — в Каспий⁴³. Поэтому эквивалента Аму-Дарье в Джангаре нет. Форма Аральского моря с его трансгрессиями и регрессиями, возможно, отражена в словах: «Там океан Ерген *Шартыг* подобно синему кругу лежал, к северу и к югу бежал...»⁴⁴. К западу от Сыр-Дарьи и Аральского моря кочевья калмаков заканчивались, поэтому в Джангаре говорится: «Тот океан государство пересекал»⁴⁵. Герой эпоса, возвращаясь на родину, «переправившись через Арта-Зандан, въехал в пределы Бумбы своей»⁴⁶.

Сквозь туман блестит земля Шикерлюг — Прииртышье (древнее название земли богатыря Джангара), западная окраина страны Бумба. Джангар покидает Бумбу, скачет «восхода правей» — на юго-восток, затем, «перевалив через гору Гандиг-Алтай (священный Алтай), он поскакал на восток, неизвестно куда...»⁴⁷. Возвращаясь назад в северную Бумбу, он перевалил через горы, «переплыл моря быстротечные... и видит он земли свои, разлив Иртыша!» (Джангар, 1971. С. 302). Земли Джангара лежат на востоке Бумбы у подножья Алтая. Бумба — «страна, под восходящим солнцем лежит она...»⁴⁸. Эпос Джангар не оставляет сомнений, что земли Джангара находятся в Приаралье и на востоке Бумбы, на р. Иртыш. Земли Джангара и Джунгария разделены Алтаем.

Джангарчи всегда последователен в географических описаниях. Богатырь Хонгор едет из Бумбы через степи за невестой в царство Замбалхана, которое

⁴³ Бартольд 1902.

⁴⁴ Липкин 1971, 19.

⁴⁵ Липкин 1971, 255.

⁴⁶ Липкин 1971, 206.

⁴⁷ Липкин 1971, 285.

⁴⁸ Липкин 1971, 284–286.

находится «между востоком и югом» в Семиречье, за оз. Балхаш, между Алтаем и Тянь-Шанем. Здесь правит нойон Ном Тегис (Тенгис по-тюркски море — древнее название оз. Балхаш) и находится замбалханово царство. В другом месте говорится, что «за морем ханствовал славный Гюши Замба»... «Там неизвестна зима и всегда весна»⁴⁹.

Продолжая путь, герой минует горы, пустыню и попадает к морю Ганг у подножия горы ледяной (Тибет)⁵⁰. Из страны Замбалхана к морю Ганг богатырь скачет «левее полуденного солнца», то есть на юго-восток через горы Памир, пустыню Такла-Макан, Тибет и только чудом не погибает от голода и жажды⁵¹. Путь от Приаралья и Сары-Арки, где живут Джангар и Хонгор, до Ганга или Бенгальского залива описан вполне последовательно. При всей своей мифологической гиперболизированности, Джангариада оказывается весьма точной в географических описаниях, если считать страну Бумбу не поэтическим воображением и не Джунгарией, а территорией между Иртышом и Аральским морем.

Кроме дневного мира, в Джангаре имеется и подземная страна владыки «нечистых» Шара Гюрю (по-калмыцки «жёлтая руда», «медь», «владыка подземного мира»), расположенная под землёй Бумбы на северо-западе страны. В этот мир герой пробирается по огромной норе — штольне⁵², там имеются кипящий котел и молоты. Даже эта мифологическая территория имеет реальный прототип — громаднейшие Каргалинские рудники по добыче меди, появившиеся ещё в бронзовом веке. Площадь рудников впечатляет — более 500 кв. км. Количество шахт бронзового века, по предварительным подсчётам, более 3000. Исследована глубина до 42 м, длина ходов имеет сотни километров на многих уровнях⁵³. В средневековье эти рудники не разрабатывались, они были заброшены, по мнению археологов, в конце бронзового века. Работы в рудниках были возобновлены русскими промышленниками в середине XVIII в.⁵⁴ Первые рудокопы сообщали о наличии глубоких шахт, оставленных древним населением, так как в их время территория использовалась кочевниками только как пастбища, «однако ж штольни поныне нимало не осыпались, но так стоят, как бы в недавнем времени работа на них производилась», а в штольнях встречались бронзовые ножи, серпы и каменные молоты⁵⁵. Имеются как вертикальные, так и пологие штольни.

Дорога к Шара Гюрю (в прошлом Каргалы — это земли башкир) лежит «через провалы земли». Нигде больше в Джангаре провалы не встречаются, лишь в этом эпизоде. По всей территории рудников в Каргалах имеются провалы, один из которых, возникший над обрушившимся большим залом, представляет собой непересыхающее озеро⁵⁶. Шара Гюрю, хотя и является владыкой подземного мира, но живёт со своей свитой на поверхности. Царство Шара Гюрю находится в пограничном с Бумбой районе. Подземный мир имеет все атрибуты ада (кипящий котёл, молот, ведьмы, черти (шалмусы), колдовство, оживление волшебными

⁴⁹ Липкин 1971, 342, 349.

⁵⁰ Липкин 1971, 52–65.

⁵¹ Липкин 1971, 67.

⁵² Липкин 1971, 316–318.

⁵³ Каргалы 2002, 2004.

⁵⁴ Каргалы 2002, 39–40.

⁵⁵ Черных 2002, 79.

⁵⁶ Черных 2002, 23.

травмами и т.д.). Даже этот ад, аналог Аиду, в Джангаре имеет конкретную географическую локализацию на Южном Урале на границе с территорией обитания калмаков, определяемой по письменным источникам.

Кроме географических и исторических событий, эпос Джангар содержит сведения об архитектурных объектах земли Джангар, совпадающие со среднеазиатской архитектурой. В Джангариаде воспеваются загадочные башни разной конструкции (бумбалва). Кибитки кочевников в эпосе почти не упоминаются. В Джангаре имеются описания комплексов дворцового типа, оборонительных башен, каменных стен крепостных и хозяйственных сооружений. Отметим, что характеристика строений как созданных из камня и стекла может означать изразцовую отделку. Характерно, что руины таких сооружений, некоторые из которых имеют более раннее происхождение (до периода образования Джунгарского ханства), до настоящего времени казахи приписывают зодчеству калмыков⁵⁷. Упоминаются в Джангаре и каналы, которые сравниваются с водопроводами, что столь характерно для Средней Азии и нетипично для кочевников Монголии и Джунгарии: «Реки, подобно водопроводу, текут, Около юрт, ко всякому входу текут...»⁵⁸.

Приведённые материалы позволяют сделать вывод, что Средняя Азия и Казахстан в XIV–XVI вв. являлись местом обитания этнической группы монголоязычных народов, именуемой в средневековых источниках калмаками, название которых было впоследствии перенесено на родственные им племена ойратов. Калмаки были авторами калмыцкого эпоса Джангар, который является не только выдающимся литературным памятником, но и ценным историческим источником.

ЛИТЕРАТУРА

Бартольд В. В. 1902: Сведения об Аральском море и низовьях Амударьи с древнейших времен до XVII века. Ташкент.

Бартольд В. В. 2002: Работы по истории и филологии тюркских и монгольских народов. М.

Вельяминов-Зернов В. В. 1864: Исследование о Касимовских царях и царевичах. Ч. 2. СПб.

Веселовский С. Б. 1974: Ономастикон: Древнерусские имена, прозвища и фамилии / В. И. Буганов, Б. В. Левшин (ред.). М.

Галиев В. З. 2008: Противостояние Казахского и Джунгарского ханств во второй половине XVII века [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.iie.kz/pages/87.jsp>

Герберштейн С. 1988: Записки о Московии. М.

Гильтебрандт П. А. (ред.) 1903: Литовская Метрика // Русская историческая библиотека. СПб.

Крачковский И. Ю. 2004: Арабская географическая литература. М.

Липкин С. (пер.) 2007: Джангар // Калмыцкое устное народное творчество. Элиста.

Джонкинсон А. 1937: Английские путешественники в Московском государстве в XVI веке. М.

Деревянко А. П. (ред.) 2009: История Калмыкии с древнейших времён до наших дней: в 3 т. Т. 1. Элиста.

Зайцев И. В. 2006: Астраханское ханство. М.

⁵⁷ Галимов 2007, 78–87.

⁵⁸ Липкин 1971, 337.

- Златкин И. Я. (ред.) 1967: Очерки истории Калмыцкой АССР. Дооктябрьский период. М.
- Казакова Н. А. 1979: «Татарским землям имена» // Труды Отдела древнерусской литературы. Т. XXXIV. Л., 253–256.
- Контарини А. 1836: Библиотека иностранных писателей о России. И. Барбаро, А. Контарини, А. Кампезе, И. Иосий. Отделение первое. Т. 1. СПб.
- Кордт В. А. (ред.) 1899: Материалы по истории русской картографии // Карты всей России и южных ее областей до половины XVII века. Вып. 1. Киев.
- Крачковский И. Ю. (пер.) 1932: Материалы по истории Узбекской, Таджикской и Туркменской ССР. Ч. 1. Л.
- Лаппо-Данилевский А. С. (сост.) 1898: Записная книга крепостным актам XV–XVI вв, явленным в Новгороде дьяку Д. Алябьеву // Русская историческая библиотека. Т. 17 (сборный). СПб.
- Макиев А. И. 1880: Географические сведения Книги Большому Чертежу о киргизских степях и Туркестанском крае // Записки Русского географического общества по отделению этнографии. Т. 6. СПб, 110–141.
- Меховский М. 1936: Трактат о двух Сарматиях. М.; Л.
- Пальмов Н. Н. 2007: Материалы по истории калмыцкого народа за период пребывания в пределах России. Элиста.
- Пашков Б. К. 1991: «Джангариада» — величественный калмыцкий эпос // Джангар. Элиста.
- Пачкалов А. В. 2007: К вопросу о локализации топонима Calmuzi Sara на карте Фра-Мауро (1459 г.) // Annali di ca' Foscari. Rivista della facolta di lingue e letterature straniere dell'universita ca' Foscari di Venezia. XLVI. 1. Venezia.
- Прозоров В. В. (ред.) 2010: Литературоведы Саратовского университета 1917–2009 гг. Материалы к биографическому словарю. Саратов.
- Ромодин В. А. (ред.) 1973: Маджму ат-Таварих // Материалы по истории киргизов и Киргизии. Вып. I. М.
- Садиков П. А. 1947: Поход татар и турок на Астрахань в 1569 г. // Исторические записки. 22, 150–155.
- Цепков А. И. (ред.) 2008: Сибирские летописи. Рязань.
- Список опричников Ивана XIV. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://kdkv.narod.ru/Opr1573/Opr-1573-Spis.html>
- Сторожёв В. 1997: Писцовые книги Рязанского края. Т. 1. Рязань.
- Тизенгаузен В. Г. 1941: Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Извлечения из Персидских сообщений. Т. 2. М.
- Трепавлов В. В. 2002: История Ногайской Орды. М.
- Утемиш-хаджи 1992: Чингиз-наме. Алма-Ата.
- Хайдар Мирза Мухаммад. 1966: Тарих-и Рашиди. Ташкент.
- Хафиз-и Таныш Бухари. 1983: Шараф-наме-йи шахи (Книга шахской славы). М.
- Черных Е. Н. (ред.) 2002, 2004: Каргалы. Т. 1–3. М.
- Шараф ад-Дин Йезди 2008: Зафар-Наме / Пер. с персидского А. Ахмедова. Ташкент.
- Щербачёв Ю. Н. (сост.) 1897: Русские акты Копенгагенского государственного архива // Русская библиотека. Т. 17. СПб.
- Bretschneider E. 1910: Medieval Researches from Eastern Asiatic Sources: 2 vols. London.
- Pallas P. S. 1776: Sammlungen historischer Nachrichten über die mongolischen Völkerschaften. Bd 1. SPb.

KALMAKS OF 14th–16th CENTURIES OF THE VOLGA-IRTYSH AREA AND
KALMYK EPIC OF JANGAR

I. I. Dryomov (Saratov)

The article analyzes a number of medieval sources that have never before been used to study Kalmyk history. These sources testify that in 14th–16th centuries, long before the Oirats migration to the West, the name of Kalmak was common in Rus. West European cartographers and geographers believed that Kalmaks were located to the east of the Volga. Central Asian chronicles recorded information of Kalmaks before the Oirats migration to the West in the 17th century. One can assume that the Volga Kalmyks and their epic of Jangar descend from both Mongolia and Dzungaria Oirats and Kalmaks from Central Asia and Kazakhstan. The holy country Bumba of the Kalmyk epic of Jangar can be correlated with geographic realia of eastern Desht-i Qipchaq.

Key words: Kalmaks, Kalmyks, the Oirats, Desht-i Qipchaq, 14th–16th centuries AD, Jangar

© 2013

И. В. Антонов

ОБ АЛАНСКОМ КОМПОНЕНТЕ В ЭТНОГЕНЕЗЕ БАШКИР

В статье рассматривается концепция индоиранского происхождения башкир. Р. Г. Кузеев считал, что башкиры находились в составе печенегов, которые были тюркизированными иранцами (аланами). С аланами многие исследователи связывают памятники турбаслинской культуры V–VIII вв. на Южном Урале, но к башкирам эта культура непосредственного отношения не имеет.

Ключевые слова: башкиры, печенеги, аланы, турбаслинская культура, этногенез

Принято считать, что в науке сформировались две основные концепции происхождения башкир — тюркская и финно-угорская. Однако есть и еще одна концепция — индоиранского происхождения башкир, которая в последнее время находит все большее число сторонников. По мнению современных исследователей, именно «восточно-иранский компонент стал базовым в башкирском этногенезе и, несмотря на тюркизацию и исламизацию, он до сих пор определяет этническую идентичность народа»¹.

Известный башкирский историк-этнолог Раиль Гумерович Кузеев (1929–2005) в своих работах, в том числе и в лекциях, отмечал, что в названиях башкирских племен часто встречаются окончания –ан, –ян, что означает «душа; человек». Когда к какому-либо названию прибавляется восточноиранское окончание –ан,

Антонов Игорь Владимирович — кандидат исторических наук, доцент, старший научный сотрудник отдела археологии Института этнологических исследований Уфимского научного центра Российской академии наук. E-mail: igan73@yandex.ru

¹ Аминев, Ямаева 2011, 46.

-ян, это означает «человек такого-то племени». Например, тамьян — это «человек из племени тама». По такому же принципу образовались названия бурджан (бурзян), усерган, уран, сынрян и другие. Таким образом, целый пласт родоплеменных названий в составе древних башкир свидетельствует о том, что эти названия получили окончательное оформление в Средней Азии, а именно в Приаралье, в Двуречье, в низовьях Сырдарьи². Там произошел синтез тюркских и индоиранских племен и культур. Там же сформировались печенеги, в составе которых находились древние башкиры³.

Башкирский антрополог Р. М. Юсупов (1951–2011), исходя из индоиранской принадлежности кочевников Южного Урала эпохи раннего железа, высказал мнение об ираноязычной основе этнонима башкорт: «бачагург», где «бача» — «потомок, ребенок, дитя», а «гург» — «волк» или «бачгурд», где «бача» — «потомок», а «гурд» — «богатырь». Он же считал, что этноним «иштяк» и башкирские племена, для которых он является самоназванием, «своим происхождением восходят к одному из древнейших племен Южного Урала того времени — дахам, или дакам». «Иштяк» — тюркизированная форма названия хешдеков, или хешдаков (хешдахов), что переводится с иранского как «родственник», «потомок», «родня великих, могучих дахов, даков», где «хеш» — «родня, потомок», а «дах», «дак», «дау» — «великий»⁴.

Рассматриваемая концепция подтверждается данными лингвистики. Самые ранние фарсизмы в башкирском языке восходят к ираноязычным сарматам. Установлено, что «одним из важнейших компонентов при формировании башкирского языка действительно выступал иранский субстрат наряду с угро-финским и тюркским, но в дальнейшем, вследствие неоднократного и интенсивного воздействия тюркских языков, ассимиляционных процессов с тюрками, произошла его полная тюркизация»⁵.

В архиве Р. Г. Кузеева сохранились два уникальных документа. Один из них — это ксерокопия первой части книги «Историко-культурные контакты народов алтайской языковой общности (Тезисы докладов XXIX сессии постоянной международной алтаистической конференции (PIAC), Ташкент, сентябрь 1986 г.)». В статье С. Г. Агаджанова «Огузские и кимако-кипчакские племена: проблемы этнополитических и историко-культурных связей в IX–XII веках» Р. Г. Кузеев выделил следующую цитату: «Тесные политические связи огузов с кимаками начались уже в IX в., когда они сообща вытеснили печенегов из бассейна Сыр-Дарьи и Приаралья. Скорее всего, именно с той поры сложилась картина их смежного и чересполосного расселения на границе Европы и Азии»⁶ и сделал две приписки: 1) «Очень важно: таким образом, буржаны и другие это печенеги или тюркизированные иранцы. Они через Кавказ — попали в болгарский мир. Но с XI в. приток огузо-кипчакских групп (айле и др.), которые были общим компонентом башкир и татар»; 2) «Башкиры — печенеги. Остальные — огузо-кипчаки»⁷. В статье А. Н. Карсанова «Тюрко-аланские связи» Р. Г. Кузеев выделил целый

² НА ИЭИ УНЦ РАН. Ф. 2. Оп. 2. Д. 3. № 17. Л. 322.

³ Антонов 2011, 161.

⁴ Юсупов 2009, 307–309.

⁵ Гайсина 2007, 65.

⁶ Агаджанов 1986, 7.

⁷ НА ИЭИ УНЦ РАН. Ф. 2. Оп. 4. Д. 3. Л. 3–3 об.

абзац: «Бируни (973–1048) писал о приаральских и прикаспийских аланах, что «они — род аланов и асов, и язык их теперь составлен из хорезмийского и печенежского». В «Иудейской войне» Иосифа Флавия есть известие о нападении в 72 г. аланов, живших у Танаиса и Меотийского озера, на Мидию (Персию) и Армению. В древнерусском переводе труда Флавия, сделанном, вероятно, в XI в., написано: «Язык же ясеский (так на Руси называли алан. — А.К.) ведомо есть, яко от печениженска рода родися, живуще подле Тана и Меотскаго моря. В та же времена совещаща внити на Мидьскую землю на воевание...». Свидетельства Бируни и древнерусского переводчика говорят о близких, этнических связях между аланами и печенегами»⁸. По этому поводу Р. Г. Кузеев сделал приписку: «Хорошо доказано, что башкиры тюркизированные иранцы (может быть асы, аланы). А что такое хорезмийский язык? Аланы и печенеги были тесно связаны»⁹.

Второй документ — это частичная ксерокопия № 8 журнала «Вестник Академии наук Казахской ССР» за 1987 г. Это материалы дискуссии по теме «Этногенез и этническая история казахского народа», проведенной 17 марта Отделением общественных наук. В тексте выступления К. М. Байпакова «Взаимодействие оседлого и кочевого населения как фактор развития этнических процессов» Р. Г. Кузеев сделал многочисленные приписки на полях и на обороте. Рассматривая кангюйскую проблему, К. М. Байпаков пишет, что в начале I тыс. н. э. на средней и нижней Сырдарье, включая Фергану и Шаш, сложилось этнополитическое объединение Кангюй, этническую основу которого составляли североиранские племена. Автор выделяет две волны тюркизации кангюйского населения: 1) конец III — начало IV в.; 2) конец VI — начало VII в. Первую волну он связывает с гуннами и другими центральноазиатскими племенами, а вторую — с тюркскими племенами Центральной Азии. По поводу замечания К. М. Байпакова о существовании в VII–IX вв. Кангарского объединения Кангу-Тарбан, центр которого находился на средней Сырдарье в Отрарском оазисе, хотя кангары расселялись и на нижней Сырдарье¹⁰, Р. Г. Кузеев сделал приписку на полях: «Где-то здесь сформировались башкиры». Продолжение на обороте: «Кажется, имеется возможность более подробно разработать доприаральский и приаральский этапы происхождения башкир. Они были в волне VI–VII вв. из Центральной Азии. И они формировались в тюрко-иранской среде Сыр-Дарьи (см. литературу по Сыр-Дарье). Продолжение их истории в печенежско-иранской среде Приаралья»¹¹. Далее К. М. Байпаков пишет: «Кангары, как сейчас общепринято, отождествляются с печенегами. Они являлись ядром печенежской конфедерации племен, которая сложилась на основе местного ираноязычного населения и тюркоязычных племен»¹². Р. Г. Кузеев на полях сделал приписку: «Это прекрасно для этногенеза башкир»¹³.

Иранский компонент в этногенезе башкир можно связать с аланами, которые неоднократно фиксируются в среднеазиатском регионе в период раннего средневековья. По данным ал-Бируни, аланы и асы локализованы в низовьях Амударьи

⁸ Карсанов 1986, 35.

⁹ НА ИЭИ УНЦ РАН. Ф. 2. Оп. 4. Д. 3. Л. 17–17 об. Хорезмийский и аланский языки относятся к среднеиранским языкам IV в. до н. э. — XIII в. н. э. (Гарипов 2007, 68).

¹⁰ Байпаков 1987, 23.

¹¹ НА ИЭИ УНЦ РАН. Ф. 2. Оп. 4. Д. 3. Л. 119–119 об.

¹² Байпаков 1987, 23.

¹³ НА ИЭИ УНЦ РАН. Ф. 2. Оп. 4. Д. 3. Л. 119.

и в Южном Приаралье. Исследователями признано участие алан в этногенезе многих среднеазиатских народов¹⁴. Асов следует рассматривать как этническую единицу, составляющую общеаланский этнический массив¹⁵. В свою очередь аланский компонент ведет нас в ранний железный век. Союз сармато-аланских племен Приаралья и Прикаспия по китайским источникам известен как владение Яньцай¹⁶. В первые века н. э. аланские племена приобрели господствующее положение в сарматском союзе племен — «владение Яньцай переименовалось в Аланья»¹⁷.

«Корни аланов Средней Азии нужно искать в сарматизованной дахо-массагетской, сакской среде». Дион Кассий определяет аланов как массагетов; Аммиан Марцеллин характеризует их как «прежних массагетов». Птолемей помещает аланов в Приаралье и в низовьях Сырдарьи¹⁸.

Неоценимая и практически неиспользованная часть архивного наследия Р.Г. Кузеева — его конспективные выписки и заметки. Из книги Абдулкаримова Султана «Приаральский этап формирования» Р.Г. Кузеев выписал следующую фразу: «Древние башкирские племена, как и родственные им племена печенегов, очевидно, сложились на основе смешения автохтонных сако-массагетских племен с пришлыми тюркоязычными племенами»¹⁹. От себя на обороте Р.Г. Кузеев заметил: «Башкиры были по происхождению сако-массагетскими племенами или последние сыграли большую роль в их формировании»²⁰.

С массагетами связываются памятники кочевников Южного Урала конца VI–V вв. до н. э., которые копируют сакские могильники низовьев Сыр-Дарьи и связаны с ними не только в плане обряда и материальной культуры, но и в краниологическом отношении. Отождествляя массагетов античных авторов с саками-тиграхауда иранских источников, локализованных в Приаралье-Прикаспии, современные уфимские археологи полагают, что «в лице упомянутых южноуральских памятников мы имеем дело с частью населения этой могущественной кочевнической группировки». Дахи, частично ассимилировав, а частично вытеснив массагетов, к началу IV в. до н. э. создали в степях по Уралу (Даику), Илеку и Ори могущественный племенной союз. Часть дахов, осев в Нижнем Поволжье, в свою очередь была ассимилирована потомками савроматов — сирматами и сарматами²¹.

Говоря об аланах в Приуралье, Р.Г. Кузеев обратил внимание на три момента: 1) археологи связывают с аланами памятники турбаслинской культуры; 2) лингвисты связывают характерную для башкирского языка фонему h с участием восточноиранского (сармато-аланского) компонента в этногенезе башкир; 3) в исследованиях по этнонимии композиции ас, асс связываются с аланами. Множество названий с включением этой композиции сохранилось в топонимии и гидронимии Волго-Уральского региона²².

¹⁴ Габуев 1999, 117–118.

¹⁵ Габуев 1999, 128.

¹⁶ Кляшторный, Султанов 2009, 94.

¹⁷ Кляшторный, Султанов 2009, 96.

¹⁸ Мацулевич 1947, 141, 143.

¹⁹ НА УНЦ РАН. Ф. 116. Оп. 1. Д. 76. Л. 8.

²⁰ НА УНЦ РАН. Ф. 116. Оп. 1. Д. 76. Л. 2 об.

²¹ Васильев, Савельев 1993, 4–5.

²² Кузеев 1994, 69.

Автор раскопок Ново-Турбаслинского курганного могильника, давшего название турбаслинской культуре, Н. А. Мажитов отмечал: «По характеристике всего комплекса материала Ново-Турбаслинский могильник относится к числу типичных памятников аланских племен на территории Башкирии и Приуралья и имеет близкое сходство с памятниками аланских племен Поволжья и Северного Кавказа»²³. Мнение о сармато-аланском происхождении турбаслинской культуры получило поддержку и в работах других исследователей²⁴.

Ф. А. Сунгатов происхождение турбаслинского населения связывает с поздне-сарматскими племенами Приуралья, вошедшими в состав гуннов и увлеченными ими на запад. В Приуралье они вернулись с территории Волго-Донских степей²⁵. Е. П. Казаков прослеживает связь турбаслинской культуры с джетыясарской культурой Приаралья. Он полагает, что «в состав турбаслинского населения могли входить какие-то группы из племен хуни (хионитов), вар и огоров, разгромленных в 558 г. тюрками в Приаралье и вынужденных бежать на северо-запад в места летних кочевок»²⁶. Тем самым обнаруживаются приаральские истоки именковской культуры, которая якобы составляла единую общность с турбаслинской²⁷. Однако «между именковской и джетыясарской культурами нет абсолютно ничего общего»²⁸. Если принять такую гипотезу, получится, что в Приаральском регионе произошел демографический взрыв: кроме авар, ушедших на запад, была и другая часть населения, которая ушла на север и заселила регионы Среднего Поволжья и Приуралья. На самом деле, авары бежали от тюркютов, т. е. никаких условий для демографического взрыва не было. И, наконец, нижняя дата турбаслинской культуры — не VI, а V в.²⁹. Значит, миграция носителей турбаслинской культуры на Южный Урал была связана с какими-то другими событиями. Заключив договор с императором Феодосием в 434 г., Атила повел свою главную орду на Кавказ. Около 440 г. ему удалось установить полный контроль над Северным Кавказом³⁰. Туда ушла часть аланов во время гуннского вторжения³¹. Теперь какая-то часть из них, не желая терпеть господство гуннов, могла уйти на Южный Урал.

Р. Г. Кузеев отмечал, что часть иранских, финно-угорских и тюркских этнических групп, обитавших на территории Башкирии с древнейших времен до конца I тыс. н. э., «вошла в состав племен, положивших начало башкирскому этносу. В то же время среди изученных археологических памятников Башкирии I тыс. н. э. не удалось выделить культуру, носителей которой можно было бы считать непосредственными и прямыми предками башкир»³².

Принципиальным противником такого мнения является Н. А. Мажитов, который первоначально связывал этноним башкорт с турбаслинскими племенами³³. Однако в дальнейшем он отказался от мысли о том, что «среди сложного по этни-

²³ Мажитов 1959, 142.

²⁴ Васюткин 1968, 71; Матвеева 1971, 133.

²⁵ Сунгатов 1998, 104, 114.

²⁶ Казаков 1996, 48.

²⁷ Казаков 1996, 40–49.

²⁸ Матвеева 2008, 95.

²⁹ Сунгатов 1998, 113–114.

³⁰ Вернадский 1996, 157.

³¹ Вернадский 1996, 146.

³² Кузеев 1974, 24–25.

³³ Мажитов 1971, 14.

ческому составу населения Южного Урала V–VII вв. главенствующую роль сыграли турбаслинские племена, составившие ядро древнебашкирского этноса»³⁴. Н. А. Мажитов стал считать, что «кушнаренковско-кара-якуповским племенам принадлежала решающая роль в формировании древнебашкирского этноса на Южном Урале»³⁵. В последнее время он вновь вернулся к мысли о связи древних башкир с турбаслинской культурой. В предисловии ко второму изданию книги Р. Г. Кузеева «Происхождение башкирского народа» Н. А. Мажитов попытался дать собственную интерпретацию концепции этногенеза башкир. Он отмечает, что городище Уфа-II — памятник турбаслинской культуры — «возникло на рубеже IV–V вв. (может быть, даже раньше) и непрерывно существовало вплоть до XVI в.». Н. А. Мажитов полагает, что «этот город основан переселившимися из южных районов Казахстана, Средней Азии собственно башкирскими племенами с самоназванием «Башкорт». Как известно, мысль о приходе собственно башкирских племен с самоназванием «башкорт» впервые была высказана А.-З. Валиди, а затем поддержана Р. Г. Кузеевым»³⁶. Тем самым Н. А. Мажитов относит приход башкирских племен на Южный Урал на пять столетий раньше, чем Р. Г. Кузеев. Думается, здесь мы наблюдаем ситуацию, о которой писал А. Х. Халиков: «Сквозное рассмотрение преемственности археологических культур во взаимосвязи с этническими образованиями возможно в двух вариантах: от археологической культуры к исторически известному этносу и от исторически известного этноса к археологической культуре. В этих случаях наименее доказанным является первый вариант, к сожалению, ввиду своей кажущейся легкости часто принимаемый исследователями. Как правило, такое рассмотрение приводит к трудно доказуемому и нередко ошибочному выводу»³⁷.

В одном из выступлений Р. Г. Кузеев говорил: «Какие только культуры не связывает Мажитов с башкирами, подчас самые противоречивые — Турбаслинскую. Датируется она VI–VII вв., но сармато-аланская... Безусловно прав Мажитов — что эти племена приняли участие, равно как и другие, но поиски прабашкир, ядра — обречены на неудачу»³⁸. В замечаниях к рукописи монографии Н. А. Мажитова «Южный Урал в VII–XIV веках» Р. Г. Кузеев особо выделил «мнение о том, что турбаслинские племена являются остатками сако-усуньского и сарматского населения южных степей, тюрками (или тюркизированными) по языку». «Откуда это все же видно?», — спрашивает Р. Г. Кузеев. «Хотя и вполне возможно», — замечает он при этом³⁹. Таким образом, вполне возможно, что турбаслинские племена были тюрками по языку, но никаких фактов, из которых это было бы видно, нет.

Н. А. Мажитов и А. Н. Султанова во втором издании своей книги по древней и средневековой истории Башкортостана встали на путь прямолинейного отождествления носителей турбаслинской культуры с башкирами. Авторы утверждают: «у нас есть ряд косвенных доказательств, указывающих на то, что уже в VII в. часть населения Южного Урала носила название «башкиры»». Они ссылаются на

³⁴ Мажитов 1977, 176.

³⁵ Мажитов 1977, 183.

³⁶ Мажитов 2010, 9–10.

³⁷ Халиков 1983, 15.

³⁸ НА УНЦ РАН. Ф. 116. Оп. 1. Д. 56. Л. 301–301 об.

³⁹ НА УНЦ РАН. Ф. 116. Оп. 1. Д. 117. Л. 299.

труды китайских авторов VII в., «где **близко** (выделено мной. — И.А.) к Южному Уралу упоминается народ ба-шу-ки-ли» («башкорт»). Этот народ принадлежал к числу народов, «плотно заселивших территорию Западного Туркестана и Нижнего Поволжья». Далее Н. А. Мажитов и А. Н. Султанова ссылаются на мнение М. И. Артамонова «о том, что башкиры упомянуты в «Армянской географии» VII в. под именем «бутки» или «бушки». В источнике бушки-башкиры названы как народ, приходящий в Северный Прикаспий на зимние пастбища с северных краев»⁴⁰. Однако «турбаслинские племена, придя в Западное Приуралье, переходили к оседлости», о чем свидетельствует возникновение следов оседлых поселений и земледелия⁴¹. Следовательно, они жили здесь постоянно и их нельзя отождествлять с кочевыми башкирами, летние пастбища которых в то время находились где-то поблизости от Южного Урала.

На мой взгляд, оптимальное решение вопроса о соотношении турбаслинской культуры с башкирами было предложено Н. А. Мажитовым уже давно: «Прямое отношение к ранним тюркоязычным башкирам, вероятно, имеют племена турбаслинской культуры, которые своим происхождением тесно были связаны с южным кочевым миром. Но турбаслинские племена, очевидно, составили только далеко продвинувшуюся северную группу башкирских племен, основная часть которых в середине и конце I тысячелетия кочевала в южноуральских степях»⁴². Очевидно, эта группа оторвалась от основной части печенежских племен и мигрировала сначала на Северный Кавказ, а затем на Южный Урал.

К VIII в. большинство турбаслинских могильников прекращают свое функционирование, а территория их распространения была занята кушнареновско-каракуповскими племенами⁴³. Очевидно, под натиском угорских племен носители турбаслинской культуры отошли на юг. В таком случае расселение башкир на Южном Урале после ухода караякуповских племен на запад в IX в. можно рассматривать как вторую волну башкирской миграции на север.

Один из последователей Н. А. Мажитова Б. С. Ильясов возникновение турбаслинской культуры связывает с миграцией прабашкирского племенного союза во главе с болгарами-куртугурами из Приазовья. В V–VI вв. в Центральной и Северной Башкирии складывается турбаслинско-бахмутинский военно-политический союз (протогосударство), якобы объединенный под этнонимом башкорт. Нашествие в конце VI–VII вв. кушнареновских (тюрко-самодийских по мнению автора) племен и их включение в состав древнебашкирского объединения привело к оформлению древнебашкирской народности⁴⁴. Сама мысль о связи турбаслинской культуры с болгарами, территориально, а может быть и этнически, близкими аланам, представляется интересной. Но мнение о сложении в V–VI вв. на территории Башкирии башкирского протогосударства недоказуемо из-за отсутствия письменных источников. А если кушнареновские племена пришли на Южный Урал как завоеватели, которые сокрушили протогосударство башкир, то трудно представить, как же они могли войти в состав того самого «протогосударства».

⁴⁰ Мажитов, Султанова 2009, 185.

⁴¹ Мажитов, Султанова 2009, 145–146.

⁴² Мажитов 1964, 110.

⁴³ Сунгатов 1998, 111.

⁴⁴ Ильясов 2004, 165–166.

В. А. Иванов считает, что место и роль «турбаслинцев» в этнокультурной истории Приуралья определяется двумя факторами: узкой локализацией памятников турбаслинской культуры не небольшом «пятачке» северной периферии приуральской лесостепи по левобережью среднего течения р. Белой и отсутствием турбаслинского следа в расогенетических процессах на Южном Урале в последующее время. «То есть, приход и пребывание носителей турбаслинской культуры в Южном Приуралье — кратковременный эпизод, не оставивший сколько-нибудь осязаемых и фиксируемых последствий в этнокультурной истории региона»⁴⁵. Отмечая, что «историческая судьба «турбаслинцев» остается загадкой»⁴⁶, В. А. Иванов ссылается на высказанное Г. Н. Гарустовичем «предположение о том, что «турбаслинцы» были вытеснены уграми-«кушнаренковцами» в горы Южного Урала, где они и стали этническим ядром башкир-бурзян, в этнографической культуре которых отчетливо прослеживаются индоиранские компоненты. Основанием для подобного предположения явились отдельные находки сосудов турбаслинского типа в некоторых пещерах современного Бурзянского района Республики Башкортостан»⁴⁷. Плоскодонные сосуды XIII–XIV вв. предгорной зоны Южного Урала, несущие на себе явные пережиточные традиции турбаслинской керамики, встречаются на памятниках по обеим сторонам Урала и отнесены к так называемому «селеукскому типу». Памятники этого типа еще слабо изучены. Предполагается, что они оставлены бурзянами⁴⁸. Такому предположению не противоречит мнение о происхождении бурзян от приазовских болгар, именуемых бурджанами⁴⁹. Р. Г. Кузеев считал, что бурзяне — болгарское по происхождению племени⁵⁰. При этом «бурджаны и болгары были разными, хотя и родственными этническими образованиями»⁵¹. Бурджаны еще оставались на Сырдарье, в то время как болгары ушли из Азии в Европу⁵². Можно предположить, что бурджанами называлась какая-то часть болгар, оторвавшаяся от их основного массива, либо отставшая, либо, наоборот, опередившая их на пути движения в Европу.

Вопрос о происхождении бурзян, очевидно, еще ждет своих исследователей. По нашему мнению, к потомкам носителей турбаслинской культуры, испытавшим влияние кушнаренковской культуры, можно отнести башкирское племя сынрян, происхождение которого связывается с сармато-аланами, смешавшимися с местными приуральскими уграми, впоследствии тюркизированными⁵³.

Таким образом, аланский компонент в этногенезе башкир восходит к индоиранским кочевникам Южного Урала эпохи раннего железа. Их потомки в III–VII вв. н. э. были тюркизированы. Возможно, именно они и составили этническую основу древних башкир.

⁴⁵ Иванов 2011, 110.

⁴⁶ Иванов 2011, 114.

⁴⁷ Иванов 2011, 122–123, прим. 38.

⁴⁸ Гарустович 2010, 146–147.

⁴⁹ Шакурова 2009, 35–38.

⁵⁰ НА УНЦ РАН. Ф. 116. Оп. 1. Д. 72. Л. 63.

⁵¹ Кузеев 1974, 148.

⁵² Кузеев 1974, 150.

⁵³ См.: Кузеев 1974, 239–241.

Агаджанов С. Г. 1986: Огузские и кимако-кипчакские племена: проблемы этнополитических и историко-культурных связей в IX–XII веках // Историко-культурные контакты народов алтайской языковой общности (XXIX сессия PIAC, Ташкент, 1986). Ч. 1 / В. М. Солнцев и др. (ред.). М., 5–7.

Аминев З. Г., Ямаева Л. А. 2011: Древнеиранский компонент в традиционной культуре башкир // Панорама Евразии. 1 (7), 41–47.

Антонов И. В. 2011: Р. Г. Кузеев о периодизации этнической истории башкир // Вестник Челябинского государственного университета. История. Вып. 48. 34 (249), 158–163.

Байпаков К. М. 1987: Взаимодействие оседлого и кочевого населения как фактор развития этнических процессов // Вестник Академии наук Казахской ССР. 8, 21–24.

Васильев В. Н., Савельев Н. С. 1993: Ранние дахи Южного Урала по письменным источникам. Уфа.

Васюткин С. М. 1968: Некоторые спорные вопросы археологии Башкирии I тысячелетия нашей эры // Советская археология. 1, 56–72.

Вернадский Г. В. 1996: История России. Древняя Русь. Тверь; М.

Габуев Т. А. 1999: Ранняя история алан (по данным письменных источников). Владикавказ.

Гайсина Г. Р. 2007: Исторические корни башкирско-персидских языковых взаимоотношений // Гуманитарные науки в Башкортостане: история и современность: Материалы Международной научно-практической конференции, посвященной 75-летию Института истории, языка и литературы Уфимского научного центра РАН / И. Г. Илишев и др. (ред.). Уфа, 65.

Гарипов Т. М. 2007: Иранские языки и их судьба в Башкортостане // Гуманитарные науки в Башкортостане: история и современность: Материалы Международной научно-практической конференции, посвященной 75-летию Института истории, языка и литературы Уфимского научного центра РАН / И. Г. Илишев и др. (ред.). Уфа, 67–68.

Гарустович Г. Н. 2010: Находки эпохи средневековья в пещерах Южного Урала // Культурное наследие Южного Урала как инновационный ресурс: Материалы Всероссийской научно-практической конференции «Природное и культурное наследие Южного Урала как инновационный ресурс» 27–29 октября 2009 г. / В. Г. Котов (ред.). Уфа, 135–156.

Иванов В. А. 2011: Динамика этноландшафтной карты Южного Урала и Приуралья в эпоху средневековья // От древности к новому времени (Проблемы истории и археологии). Вып. XV / Е. А. Круглов и др. (ред.). Уфа, 105–123.

Ильясов Б. С. 2004: Куртугуры, турбаслинцы, башкурты — возможна ли связь? // Народы Южного Урала и их соседи в древности и средневековье. Материалы международной научной конференции, посвященной 70-летию Н. А. Мажитова / М. М. Кульшарипов (ред.). Уфа, 155–168.

Казаков Е. П. 1996: К вопросу о турбаслинско-именьковских памятниках Закамья // Культуры евразийских степей второй половины I тысячелетия н. э. / Д. А. Сташенков и др. (ред.). Самара, 40–57.

Карсанов А. Н. 1986: Тюрко-аланские связи // Историко-культурные контакты народов алтайской языковой общности (XXIX сессия PIAC, Ташкент, 1986). Ч. 1 / В. М. Солнцев и др. (ред.). М., 34–36.

Кляшторный С. Г., Султанов Т. И. 2009: Государства и народы Евразийских степей: от древности к Новому времени. СПб.

Кузеев Р. Г. 1974: Происхождение башкирского народа: этнический состав, история расселения. М.

- Кузеев Р. Г. 1994: О характере присоединения народов Волго-Уральского региона к Русскому государству и некоторые вопросы их средневековой истории // Этнологические исследования в Башкортостане / И. М. Габдрафиков и др. (ред.). Уфа, 62–74.
- Мажитов Н. А. 1959: Курганный могильник в деревне Ново-Турбаслы // Башкирский археологический сборник / А. П. Смирнов, Р. Г. Кузеев (ред.). Уфа, 114–142.
- Мажитов Н. А. 1964: К изучению археологии Башкирии I тысячелетия нашей эры // АЭБ. Т. II / Р. Г. Кузеев, К. В. Сальников (ред.). Уфа, 101–110.
- Мажитов Н. А. 1971: Происхождение башкир (историко-археологический анализ) // АЭБ. Т. IV / Ю. В. Бромлей, Р. Г. Кузеев (ред.). Уфа, 11–16.
- Мажитов Н. А. 1977: Южный Урал в VII–XIV вв. М.
- Мажитов Н. А. 2010: Предисловие // Кузеев Р. Г. Происхождение башкирского народа: этнический состав, история расселения. Уфа, 5–11.
- Мажитов Н. А., Султанова А. Н. 2009: История Башкортостана. Древность. Средневековье. Уфа.
- Матвеева Г. И. 1971: Лесная и лесостепная Башкирия во второй половине I тысячелетия н. э. // АЭБ. Т. IV / Ю. В. Бромлей, Р. Г. Кузеев (ред.). Уфа, 129–134.
- Матвеева Г. И. 2008: Именьковская культура: некоторые итоги и перспективы исследования // Археологическая экспедиция: новейшие достижения в изучении историко-культурного наследия Евразии: Материалы Всероссийской научной конференции, посвященной 35-летию Камско-Вятской археологической экспедиции / Р. Д. Голдина и др. (ред.). Ижевск, 94–103.
- Мацулевич Л. А. 1947: Аланская проблема и этногенез Средней Азии // Советская этнография. VI–VII, 125–147.
- Сунгатов Ф. А. 1998: Турбаслинская культура (по материалам погребальных памятников V–VIII вв. н. э.). Уфа.
- Халиков А. Х. 1983: Преемственность в развитии археологических культур Волго-Камья // Этнические процессы на Урале и в Сибири в первобытную эпоху / В. Е. Майер и др. (ред.). Ижевск, 15–20.
- Шакурова Ф. А. 2009: Кочевое наследие в истории и культуре Башкортостана. Уфа.
- Юсупов Р. М. 2009: Антропология населения в эпоху раннего железа // История башкирского народа. Т. I / В. В. Овсянников и др. (ред.). М., 296–309.

ALAN COMPONENT IN BASHKIR ETHNOGENESIS

I. V. Antonov (Ufa)

The article considers Indo-Iranian conception of Bashkir origin. R.G. Kuzeyev thought Bashkirs to be integrated into the Pechenegs who were Turkic Iranians (Alans). Many scholars associate Turbaslin-culture monuments of the 5th-8th centuries AD in South Urals with the Alans, which has no direct relation to the Bashkirs.

Key words: the Bashkirs, the Pechenegs, the Alans, Turbaslin culture, ethnogenesis

КАЗАКИ-«КРЕСТОХОДЦЫ»: ОСОБЕННОСТИ КОНСТРУИРОВАНИЯ РЕЛИГИОЗНЫХ ПРАКТИК*

Предметом исследования стала современная форма крестного хода с Табынской иконой Божьей Матери, возрожденная оренбургскими казаками в 2010-х гг. Автор наблюдает изменение модели взаимодействия религиозных институций и религиозных практик в сравнении с дореволюционной традицией и делает вывод о сознательном конструировании нового казачьего мифа с применением PR-технологий.

Ключевые слова: религиозные практики, крестный ход, конструирование традиции, современный миф, PR-технологии

В процессе возрождения казачества происходит «не столько воссоздание феномена, сколько конструирование культурных характеристик казачества» путем «выборки исторических элементов, казавшихся участникам возрождения наиболее важными, и экстраполяции их в современность»¹. Поддерживая эту точку зрения, мы полагаем, что представление о казаках как «рыцарях православия»² определило включение религиозности в комплекс культурных характеристик, возрождаемых в современной казачьей культуре. Статья посвящена анализу крестного хода с Табынской иконой как значимой для южноуральского региона религиозной практики в разных формах ее бытования. Методологической базой исследования стала авторская теория «религиозных практик» А. А. Панченко. Согласно его концепции религиозные практики включают в себя «традиционные типы ритуализованного поведения, корпус фольклорных мотивов и сюжетов, готовых текстуальных форм, а также норм и правил построения устных текстов»³. Религиозные практики находятся «в динамическом взаимодействии с религиозными институциями», которые понимаются как «устанавливаемые и поддерживаемые обществом официальные формы религиозной жизни»⁴.

Очевидно, что внутри отдельных социальных групп вырабатываются собственные формы религиозной жизни. Мы полагаем, что в казачьей среде формировалась своя модель взаимодействия религиозных практик и религиозных институций, в которой могли быть заметны региональные особенности. А. И. Конюченко к основным факторам формирования религиозного мировоззрения оренбургского и уральского казачества отнес церковь, семью, школу, социальный статус, этно-конфессиональное и социальное окружение⁵. Соотношение этих

Филиппова Ирина Александровна — кандидат филологических наук, старший научный сотрудник лаборатории народной культуры Магнитогорского государственного университета. E-mail: irina0422@mail.ru

* Работа выполнена в рамках проекта № 6.2693.2011 «Антропологический потенциал фольклорных исследований в современном мире: культурные смыслы, дискурсы, ритуальные практики» Министерства образования и науки РФ.

¹ Рвачева 2010, 308.

² Маркедонов 2006, 13.

³ Панченко 2002, 75.

⁴ Панченко 1999, 199.

⁵ Конюченко 2001, 57.

факторов определяло конфессиональную обстановку в крае периода XIX–XX вв.: уральские казаки оставались приверженцами «старой веры», на территории войска действовали многочисленные секты, ситуация в Оренбургском войске была относительно стабильной. А. И. Конюченко доказывает, что на территории Оренбургского войска существовали необходимые условия для формирования основ православного мировоззрения, но в массовом сознании элементы подлинного вероучения соседствовали с предрассудками и язычеством⁶. Привлекая к анализу в качестве источника ежегодные отчеты епархиальных архиереев, исследователь отмечает, что документы носят «достаточно общий характер со слабовыраженной социальной дифференциацией характеристик», и делает вывод о том, что религиозно-нравственные качества казаков «не всегда обращали на себя особенное внимание <...> в силу схожести с характеристикой основной массы проживающих на территории епархии православных»⁷. Такого рода нивелирование представляется в значительной мере упрощенным подходом к проблеме. Отсутствие социальных характеристик в отчетах архиереев связано с установкой на обобщение обширного материала, благочинные и приходские священники подробнее описывали религиозную жизнь округа/прихода. Так, иерей С. Семенов, служивший в Благовещенской церкви г. Верхнеуральска в 1896 г., характеризуя религиозную жизнь прихожан, писал, что «их религиозная самодеятельность во многом связана с их же гражданским разделением — на горожан и казаков»⁸. Рассуждения священника свидетельствуют о «размытой» религиозности (термин Н. Митрохина) казачества: «Горожанин — это человек, склонный более к жизни религиозной, православной <...>; казак же, наоборот, это человек, смотрящий на свой храм каким-то своим особым взглядом <...>. Кто же всего менее помнит свой храм и свои духовные нужды? Это только казак»⁹. Выводы священника основаны на «цифровых данных исповедных росписей», которые обличают казаков в пренебрежении таинства исповеди («кладут на него невзрачную тень нерадения о самом себе и своих <...> духовных нуждах»). «Казак — это человек, который скорее, кажется, скажет спасибо за то, если его оставят в карауле для слушания разного рода сказок о уличных новостях дня, чем за то, если ему предложат пойти в храм Божий помолиться Господу Богу. Дух казака — это дух какой-то непонятной и необъяснимой лени, переее всего в отношении своих религиозных обязанностей и особенно бытия у Исповеди и Святого Причастия»¹⁰. Благочинный Л. Русанов, разбирая конфликт казаков Магнитского прихода со своим священником, пишет о низком уровне религиозно-нравственного состояния казаков, не желающих обеспечить содержание священника, прослужившего в приходе семнадцать лет¹¹. Озабоченность другого благочинного вызывают прихожане казачьих поселков Верхнекизильского и Урлядинского, «большинство которых не так усердно к церкви, первые — по невежеству, вторые — по укоренившейся холодности к церкви»¹². Емкая характе-

⁶ Конюченко 2001, 71–72.

⁷ Конюченко 2001, 59.

⁸ ГАОО. Ф. 173. Оп. 3. Д. 5262. Л. 212.

⁹ ГАОО. Ф. 173. Оп. 3. Д. 5262. Л. 212 об.

¹⁰ ГАОО. Ф. 173. Оп. 3. Д. 5262. Л. 212 об.

¹¹ ГАОО. Ф. 173. Оп. 4. Д. 6346.

¹² ГАОО. Ф. 173. Оп. 3. Д. 4682. Л. 9.

ристика такого отношения казаков к церкви дана одним из наших информантов И. А. Жоховым (1918 г.р.): «*Казак отлынивали от церкви*»¹³.

Полевые материалы, собранные сотрудниками лаборатории народной культуры Магнитогорского государственного университета в фольклорно-этнографических экспедициях 1997–2011 гг. в южных районах Челябинской области, позволяют сделать ряд наблюдений о современном состоянии традиции. В интервью информантами преимущественно используется слово «вера» и производные от него. Отвечая на вопросы собирателей, наши собеседники обычно сами расставляют смысловые, значимые для них, акценты: «*Понятие «верующие» я понимаю так, если верующий человек — не матерится, водку не пьет, ласково разговаривает. А я так, туда сюда*» (А. Н. Синябрюхов, 1938 г.р.; зап. в п. Сыртинский Кизильского р-на)¹⁴. «*Всю жизнь я верю! Верю. Но молиться я не хожу. А верить — я верю. Я вот выхожу утром из дома, всегда говорю: «Господи, благослови!» Я сажусь на машину, поехал, я говорю: «Господи, благослови!» Вот. Я верю в Бога, но в церковь я не хожу*» (А. М. Жильцов, 1935 г.р.; зап. в п. Карагайский Верхнеуральского р-на)¹⁵. Информанты часто вспоминают о времени, когда нельзя было открыто молиться: «*Я прятала всё икону, [когда]丈夫 вышла. Мы были в Бога верующие. Из-за стола вылезем, мне надо же молиться, Бога поблагодарить. Я в сарай иду, там помолюсь. А отделили нас от родителей, ему [мужу] не надо эту иконку. Я уж везде прятала-прятала... Он и в окошко у меня её выкидывал*» (П. А. Черепанова, 1929 г.р.; зап. в п. Янгельский Агаповского р-на)¹⁶. «*Нас силом, у меня вот по работе заталкивали в партию, я не хотел. <...> Я верил душой, а только не молился, не ходил. Вот у нас даже партийным не разрешали иконку. Если у меня мать молится, чтобы у меня дома не было иконки. Это вот советская власть так нас. Ну, она [мать] где-нибудь спрячет всё равно. А нас, вот в партию я как зашёл, так вообще, чтобы ничего божественного не было. Праздники божественные запрещали нам*» (В. М. Фокин, 1925 г.р.; зап. в п. Карагайский Верхнеуральского р-на)¹⁷. Представители старшего поколения семьи традиционно выступают как хранители веры: «*Они все были допоследку верующие. Иконы были, да, несмотря ни на что. У меня вот дед и коммунистом был, два ордена Ленина имел, орден Трудового красного знамени, а иконка всегда дома висела. Всегда иконы были в доме*» (А. А. Егоров, 1964 г.р.; зап. в г. Верхнеуральск)¹⁸; «*В доме у нас было несколько икон. Помню случай, у нас в доме была одна икона, я ее повернул лицом к стенке, чтобы мальчишки не дразнили «боговерующим». А дед увидел это безобразие, заставил меня целовать ее и просить у Бога прощения. В придачу выпорол*» (Ю. И. Савин, 1948 г.р.; зап. в г. Магнитогорск)¹⁹. В отдельных текстах подчеркивается сдержанность мужчин: «*Они верующие были с бабушкой, но он [дед] это не показывал, не афишировал. Бабушка, я помню, всё время молилась, а он молился, честно говоря, украдкой*

¹³ Архив ЛНК МаГУ. ЗС–2006.10 (г. Магнитогорск). Л.6.

¹⁴ Филиппова, Рожкова, Моисеева 2010, 52.

¹⁵ Филиппова, Рожкова, Моисеева 2010, 49.

¹⁶ Филиппова, Рожкова, Моисеева 2010, 99.

¹⁷ Филиппова, Рожкова, Моисеева 2010, 32.

¹⁸ Филиппова, Рожкова, Моисеева 2010, 69.

¹⁹ Филиппова, Рожкова, Моисеева 2010, 56.

от нас» (А. Л. Фефелов, 1951 г.р.; зап. в г. Верхнеуральск)²⁰; «Ни разу не видел, чтобы дед Илья крест ложил на себя, дед или отец, ни разу. Матери, старухи — эти молились» (А. Н. Синебрюхов, 1938 г.р.; зап. в п. Сыртинский Кизильского р-на)²¹. Фольклорно-этнографические материалы в целом свидетельствуют о противоречивых тенденциях. Мир прошлого в воспоминаниях потомков казаков идеализируется, и в круг традиционных представлений о предках-казаках наряду с другими характеристиками включаются религиозно-нравственные качества. Но православный уклад жизни удалось сохранить немногим семьям. В ходе полевых исследований мы чаще встречаем людей, которых на церковном сленге называют *захожане*²²: *подавляющее большинство респондентов, объявляя себя православными, редко посещают храмы. Феномен «размытой» религиозности осложняет любые исследования этой темы, в науке до сих пор не выработаны единые критерии определения религиозности населения. Участники возрождения казачества связывают этот процесс с «укреплением позиций православия, определяя веру и православную культуру как базовые элементы возрождения»²³, но на представителей современных казачьих организаций вполне можно распространить выводы социологов о незначительном проценте воцерковленных прихожан Русской Православной Церкви (2–4% населения России)²⁴.*

В контексте этих размышлений научный интерес представляет возрожденный оренбургскими казаками в 2010–2011 гг. крестный ход с Табынской иконой Божьей Матери, который вначале именуется «большим» (пресс-релиз от 24 ноября 2010 г.), «полным историческим Крестным ходом» (пресс-релиз от 09 июня 2010 г.) или «Великим» (пресс-релиз от 19 мая 2010 г.)²⁵. Уточняющие эпитеты оказались необходимы для того, чтобы развести разные формы одной религиозной практики, поскольку на рубеже XX–XXI вв. крестный ход с Табынской иконой возрожден в отдельных локальных традициях и совершается в день явления иконы — в Девятую Пятницу по Пасхе.

Краткий экскурс в историю поможет понять значение крестного хода с Табынской иконой Божьей Матери для духовной культуры региона. Интенсивное экономическое освоение русскими переселенцами территории Южного Урала началось со второй половины XVI в. Включение православных сакральных ценностей в «чужое» пространство означало его духовное освоение. Не случайно первое обретение Табынской иконы Божьей Матери (названной так по месту своего явления — с. Табынское Стерлитамакского уезда Уфимской губернии) состоялось на рубеже XVI–XVII вв.: православным, оказавшимся в иноэтническом окружении, необходима была «своя» святыня. Это отмечали и первые исследователи культа Табынской иконы. Р. Г. Игнатьев в 1868 г. писал, что икона «была новою святынею почитаемую благословением нового края, возникшего среди магометан и язычников»²⁶. Крестный ход с чудотворной иконой возник после третьего ее обретения в первой половине XVIII в. как локальный обычай с. Табынского. В конце

²⁰ Филиппова, Рожкова, Моисеева 2010, 62.

²¹ Филиппова, Рожкова, Моисеева 2010, 52.

²² Митрохин 2004, 39.

²³ Рвачева 2009, 468.

²⁴ Митрохин 2004, 39.

²⁵ Оренбургское Окружное казачье общество, <http://www.orenburgkazak.ru/>

²⁶ Игнатьев 1868, 170.

1840 — начале 1850-х годов в связи с эпидемией холеры происходит расширение территории крестного хода, он обретает статус региональной традиции. По классификации Г. А. Романова²⁷, это благодарственный крестный ход, повторяющийся ежегодно. В маршрут крестного хода включались населенные пункты Оренбургской губернии и сопредельных территорий (Самарской губернии, Уральского казачьего войска и др.). Действительный член Оренбургской ученой архивной комиссии священник Н. Модестов назвал Табынскую икону «религиозным флагом», объединяющим всех православных жителей Оренбургского края. Он считал, что «благотворное влияние» крестного хода состоит в возвышении религиозных чувств, указывал на миссионерское значение крестного хода, уничтожавшего «вековую рознь между старообрядцами и православными»²⁸.

Ведущую роль в организации крестного хода в дореволюционной России играли религиозные институты. Маршрут крестного хода разрабатывался при этом Вознесенской церкви села Табынского, затем утверждался в епархии. При составлении маршрута крестного хода учитывались обстоятельства встречи и проводов иконы в прошлые годы, поступившие от верующих ходатайства и общественные приговоры с просьбой о приносе святыни в поселок/станцию. Священники решали вопрос о времени нахождения иконы в конкретном месте, сопровождали ее в пути, распределяли кружечные сборы и т.д.

Информационное поле святыни в XIX — начале XX вв. формировалось с помощью разных каналов коммуникации. Проповеди священников носили просветительно-назидательный характер, способствовали выработке «правильного», с точки зрения церкви, эмоционального состояния человека. Из «Поучения по встрече Табынской иконы Божией Матери в селе Субботино»: «Для Пресвятой Владычицы нет и не может быть лучшей и приятнейшей от нас жертвы, как припасть к ней с сердцами, полными горячей любви и благодарности, с искренним и глубочайшим сознанием своего недостойнства и ничтожества, с полным раскаянием во грехах, со смирением и страхом перед Ея величием, со всеусердием и детскою преданностью, припасть с твердой надеждою на Ея всеильную помощь, а главное — с несомненною верою ... в Ея матернее могущество пред Сыном Божиим и неизреченную любовь к нам»²⁹. Дореволюционные периодические издания подчеркивали многолюдность крестного хода, трудности, которые приходилось преодолевать верующим. Так, газета «Оренбургский листок» сообщала читателям: «Не только старцы и старицы, но и юницы здоровыя намозолили себе ноги дальней дорогой в такой степени, что ползли в город на четвереньках и приползли лишь к вечеру, все-таки славя Господа Иисуса и Пресвятую Богородицу... эти массы сгрудились к святой иконе до такой степени, что нужна была полицейская сила, чтобы дать возможность иконе и владыке двинуться в путь... народу было не менее 20 000 душ. Кто не мог взглянуть на лик Богоматери вблизи, те лезли на возвышенные места, и не было крыши дома, забора или ограды, где не примостился бы православный человек в жажде взглянуть, хотя издали на святой лик Приснодивы»³⁰. Благодаря использованию ярких эпитетов, сравне-

²⁷ Романов 1999.

²⁸ Модестов 2001, 28–29.

²⁹ Оренбургские епархиальные ведомости. 1873. №18. С. 701.

³⁰ Оренбургский листок. 1889. №37.

ний, гипербол в подобных заметках создается ощущение молитвенной сплоченности верующих, слитности их умонастроений в едином порыве. Народная повествовательная традиция в этот период обогащается текстами, передающими религиозный опыт верующих. Субъективный опыт переживания сакрального оказывается важнее религиозных институций, он транслируется в разных формах религиозного фольклора, независимо от отношения церкви к тому или иному событию. Показательно, что из семи выявленных нами дел о расследовании чудесных происшествий только один случай признан таковым на самом высочайшем уровне — исцеление слепой Акулины Пискуновой³¹. В резолюции епископа от 7 июня 1865 г. отмечалось, что об этом событии «как видимо служащем к славе Божией и к прославлению честныя иконы Божьей Матери необходимо «донести Святейшему Правительствующему Синоду», который может «признать оное достойным обнародования чрез напечатание в журнале Духовной Беседы; при чем присовокупить благотворное влияние и на раскольников, так как чудодейственная сила Божия явилась в оном над бывшею раскольницею <...> после обращения ея к православию»³².

Местонахождение явленного образа Табынской иконы в настоящее время неизвестно. В подавляющем большинстве источников ее исчезновение связывается с судьбой последнего атамана Оренбургского казачьего войска А. И. Дутова (1879–1921). Именно это обстоятельство определило особенности позиционирования современных оренбургских казаков: для них Табынская икона — «святыня Оренбургского казачьего войска», «войсковая реликвия», которую необходимо найти и вернуть (см.: пресс-релизы от 02 июня 2010 г., 13 июля 2010 г.). С целью возвращения иконы и перезахоронения праха атамана организованы поездки в Китай, этим вопросам посвящены переговоры с представителями МИД.

Анализ публицистических материалов позволяет нам предположить, что образ Табынской иконы сознательно включается в одну из PR-мифологем (термин П. Н. Барышникова) современного дискурса. Организаторы «великого» крестного хода убеждены, что его восстановление «будет способствовать духовному возрождению», что «по молитвам верующих Богородица <...> вернет Свой Образ в Россию», а с его возвращением будут связаны «великие славные события для России и всего мира»³³. Таким образом, у казаков появляется новая миссия: они приближают некий «золотой век» российской истории, спасают мир от катастрофы («Если мы не начнем расставлять все на свои места <...> нас постигнет кара Божья. Будут великие жертвы на нашей земле...»)³⁴. Обретенная функция позволяет гармонизировать отношения с социумом, связать узелки прошлого и будущего в настоящем и придает глубокий духовный смысл существованию группы в целом. Казаки ставят перед собой задачу — осуществлять «миссионерскую деятельность по продвижению (!) православного вероучения, духовно-нравственных начал и культурно-исторических ценностей, лежащих в основе традиционного

³¹ Филиппова 2010.

³² ГУ ГАОО. Ф. 173. Оп. 4. Д. 6790. Л.36 об.

³³ Концепция Крестного хода с Табынской иконой Божьей Матери, <http://крестный-ход.рф/2011/07/концепция-крестного-хода-с-табынской-иконой-божьей-матери/> 18.10.2011.

³⁴ Обращение 27 августа 2011, <http://my.mail.ru/community/tabinska/4F3ABD45D3590AB.html>. 16.11.2011.

русского уклада жизни»³⁵. По справедливому замечанию Н. А. Мининкова, мифологемы на тему прошлого не только расходятся с реальностью, в них содержится идеализация, романтизация и заметная «тенденция к преувеличению исторической значимости «своего» прошлого по сравнению с прошлым других культурно-исторических сообществ»³⁶. Опасность «сознания, искаженного мифами», заключается в неусвоении уроков прошлого: при отсутствии четкой исторической ретроспективы невозможно составить перспективу своего развития³⁷.

Сравнивая дореволюционный крестный ход с его возрожденной формой, мы обнаруживаем, что взаимодействие казачества и церкви в рамках указанной религиозной практики строится на новых принципах церковно-светского диалога. Казаки получили благословение архиереев Русской Православной Церкви на проведение крестного хода с Табынской иконой, но в ходе его восстановления они значительно обновили содержание традиции.

В речевом обиходе появляется новое слово — «крестоходцы» — так именуют казаков-участников «великого» крестного хода (ср. *богомальцы* в дореволюционной традиции). По словам руководителя крестного хода (новая должность!) К. В. Крылова, крестоходцы «стоят на денежном и вещевом довольствии»³⁸, их труд оплачивается из благотворительных пожертвований. Любопытно, что первый «круг» возрожденного крестного хода (2010 г.) нередко обходился без священнослужителей, представители церкви выступали «переменной» составляющей крестного хода, в то время как казаки-крестоходцы возвращали населению забытые модели поведения (учили молиться, прикладываться к иконе и т.д.). Только в опубликованной летом 2011 г. концепции крестного хода с Табынской иконой Божьей Матери было заявлено об обязательном участии в нем священника (из монашествующих или назначенных епархиальными управлениями на время прохождения по территории епархии)³⁹.

Концепция крестного хода как программный документ требует особого внимания исследователя. Структура текста определяется разделами: «Историческая справка», «Общие положения», «Цели и задачи», «Организационная структура», «Мероприятия», «Информационное обеспечение», «Источники финансирования», «Внутренний Устав крестного хода». Первый раздел отличается высокой степенью насыщенности сакральными смыслами. «Различных чудес от Табынской Иконы Божьей Матери было такое великое множество, что описать их все не представляется возможным. <...> Документально зафиксировано, что там, где проходила Табынская Икона Божьей Матери прекращались засуха, эпидемии и болезни. Многие верующие получали исцеления от различных болезней. Во многих местах, где останавливалась Икона, начинали бить источники»⁴⁰. Конструкции с однородными членами предложениями, частотность ряда лексем (например, чу-

³⁵ Концепция Крестного хода с Табынской иконой Божьей Матери, <http://крестный-ход.рф/2011/07/koncepciya-krestnogo-xoda-s-tabynskoj-ikonoy-bozhej-materi/> 18.10.2011.

³⁶ Мининков 2010, 35–36.

³⁷ Мининков 2010, 35.

³⁸ Гревцева 2011.

³⁹ Концепция Крестного хода с Табынской иконой Божьей Матери, <http://крестный-ход.рф/2011/07/koncepciya-krestnogo-xoda-s-tabynskoj-ikonoy-bozhej-materi/> 18.10.2011.

⁴⁰ Концепция Крестного хода с Табынской иконой Божьей Матери, <http://крестный-ход.рф/2011/07/koncepciya-krestnogo-xoda-s-tabynskoj-ikonoy-bozhej-materi/> 18.10.2011.

десный, различный, много) усиливают воздействие на читателя/слушателя, в сознании которого формируется предельно обобщенное представление о святыне: авторы концепции не стремятся к точности изложения исторических фактов. В то же время они ведут строгий учет пройденных километров, отслуженных молебнов, распространенных информационных материалов⁴¹, фиксируют случаи исцеления от болезней (пресс-релиз от 20 октября 2010 г.).

Среди нововведений отметим создание некоммерческой организации, учредителями которой выступают Благотворительный фонд с весьма громоздким названием («Содействие организации мероприятий, связанных с проведением Крестного хода с Табынской иконой Божьей Матери»), Синодальный комитет по взаимодействию с казачеством РПЦ МП, Союз войсковых казачьих обществ и Оренбургское, Волжское, Сибирское войсковые казачьи общества. Согласно концепции, в рамках крестного хода, помимо церковных богослужений, возможны освящения источников, установка поклонных крестов, тематические выставки, концерты, лекции, летние детские лагеря. Казаки активно используют современные каналы коммуникации: созданы официальный сайт (<http://крестный-ход.рф>), сообщество в Мой Мир@mail.ru.

Маршрут крестного хода разрабатывается членами оргкомитета, казаками. Составители маршрута руководствуются правилами, выработанными дореволюционной традицией, главное из которых — соблюдение календарных сроков: к Девятой Пятнице по Пасхе икона должна прибыть на родину, в с. Табынск республики Башкортостан, к концу сентября — в город Оренбург. Но, выполняя это требование, казаки находят возможность существенно расширить маршрут крестного хода. Они отправляются в Сербию для «поддержки сербского народа в его стремлении к воссоединению с Россией в мистическом пространстве СВЯТОЙ РУСИ»⁴². «Кавказский поход» «Иверия — часть святой Руси» способствовал «установлению стабильности» в Абхазии (пресс-релиз от 27.06.2011 г.). Забывая о том, что Табынская икона являлась местночтимой святыней Южного Урала, крестоходцы создают современный миф, в котором сохраняются структурно-функциональные особенности мифа архаичного. Казачий миф организует система бинарных оппозиций, в сюжете «Россия — Сербия» казаки оказываются на взрывоопасном рубеже православного мира и заявляют о своей потенциальной готовности выступить против чужих: «Прямо во время молебнов, проводившихся под открытым небом, вертолёт KFOR неоднократно пытался помешать православному шествию. <...> Албанцы и натовцы попросту негодовали: как это казаки осмелились проникнуть на территорию Косово без их ведома? — комментирует ситуацию непосредственный участник событий К. В. Крылов. — Тут же к баррикадам были выдвинуты солдаты KFOR и многочисленные «вертушки». Кроме того, к месту событий даже прибыл командующий натовским контингентом немецкий генерал Эрхард Древе. Но мы дали чётко понять, что оренбургские казаки поддерживают своих собратьев — коренное сербское население этого края в их правоте и не намерены уступать» (пресс-релиз от 31.10.2011 г.). Важной ха-

⁴¹ Справка по Крестному ходу 2010–2011 годы, <http://крестный-ход.рф/2011/07/spravka-po-krestnomu-xodu-2010-2011-gody/#more-380>. 18.10.2011

⁴² Обращение духовника Оренбургского войска Ильи Ретинского, <http://my.mail.ru/community/tabinska/17C38E94571C02BE.html>. 16.11.2011.

раактеристикой современного мифотворчества, по мнению П. Н. Барышникова, являются социальные ареалы употребления (ранее миф функционировал в границах родоплеменной группы)⁴³. Казачество как особая социальная группа остро нуждается в «точках опоры», оправдывающих ее существование, поэтому миф утверждает одну из функций современных казаков — быть «авангардом патриотических сил России», «стать духовным противовесом присутствия в регионе враждебных натовских сил» (пресс-релиз от 31.10.2011 г.). Сконструированный казачий миф, по мнению С. М. Маркедонова, живет по своим внутренним законам, не зависящим от реальности, но он «зачастую играет определяющую роль в судьбах исторически реального казачества»⁴⁴. Пока рано судить о том, как мифологизированный образ казака-крестоходца повлияет на культурно-историческую ситуацию. Интерес филологов к деятельности крестоходцев обусловлен актуализацией народного сакрального знания в современной культуре, цель полевых исследований фольклористов состоит в фиксации устных рассказов (легенд, преданий, регулятивов и др.), внимание к интернет-фольклору объясняется потенциальной возможностью взаимовлияния разных типов коммуникации. Но мы вынуждены признать, что по ряду объективных причин карта полевых исследований фольклористов никогда не будет сопоставима с маршрутом «великого» крестного хода.

В рамках изучаемой региональной религиозной традиции вырабатывается новая модель взаимодействия религиозных институций и религиозных практик. Военизированная структура казачьих обществ, высокая социальная активность и мобильность определили ведущую роль казаков в организации масштабного крестного хода с Табынской иконой Божьей Матери. Опираясь на дореволюционные религиозные практики и повествовательные модели, используя PR-технологии, казаки конструируют современный миф о высоком духовном предназначении казачества.

ЛИТЕРАТУРА

- Барышников П. Н. 2010: Миф и метафора: Лингвофилософский подход. СПб.
- Гревцева В. 2011: Святым словам молитвы вторя // Красный уралец. 83, 3.
- Игнатьев Р. Г. 1868 Заметки о иконе Божия матери Табынская // Оренбургские губернские ведомости. 36, 167–170.
- Конюченко А. И. 2001: Основные факторы формирования религиозного мировоззрения Оренбургского и Уральского казачества // Оренбургское казачье войско: религиозно-нравственная культура / А. П. Абрамовский (ред.). Челябинск, 56–75.
- Маркедонов С. М. 2006: Казачество: единство или многообразие? Проблемы терминологии и типологизации казачьих сообществ // Казачество России: прошлое и настоящее: Сборник научных статей. Ростов на Дону, 7–24.
- Мининков Н. А. 2010: Великая Отечественная война как место российской исторической памяти и основа самоидентификации общества // Великая Отечественная война в пространстве исторической памяти российского общества: Материалы Международной научной конференции (28–29 апреля 2010 г., Ростов-на-Дону — Таганрог) / Г. Г. Матишов (ред.). Ростов на Дону, 33–40.

⁴³ Барышников 2010, 124.

⁴⁴ Маркедонов 2006, 20–21.

Митрохин Н. 2004: Русская православная церковь: современное состояние и актуальные проблемы. М.

Модестов Н. 2001: Село Табынское и Вознесенская пустынь. Табынская икона Божией Матери и крестный ход из села Табынского в Оренбург и другие места Оренбургской епархии. Историко-археологический очерк. Составил действительный член Оренбургской ученой архивной комиссии *священник Н. Модестов* (Репринтное издание 1914 года). Оренбург.

Панченко А. А. 2002: Христовщина и скопчество: фольклор и традиционная культура русских мистических сект. М.

Панченко А. А. 1999: Религиозные практики: к изучению «народной религии» // Мифология и повседневность. Вып. 2. Материалы научной конференции 24–26 февраля 1999 г. СПб, 198–218.

Рвачева О. В. 2009: Всемирные конгрессы казаков: Рождение традиции // ПИФК. 23, 464–472.

Рвачева О. В. 2010: Казачество юга России в конце XX — начале XXI вв.: возрождение или конструирование социального феномена? // Казачество в социокультурном пространстве России: исторический опыт и перспективы развития: Тезисы Всероссийской научной конференции (28–29 сентября 2010 г., Ростов-на-Дону) / Г. Г. Матишов (ред.). Ростов на Дону 307–310.

Романов Г. А. 1999: Русские крестные ходы // Исторический вестник. 1, 20–24.

Филиппова И. А. 2010: О расследовании чудесных исцелений: к проблеме становления культа Табынской Божьей Матери на Южном Урале (по материалам второй половины XIX — начала XX вв.) // Духовно-нравственная культура России и Болгарии: православное наследие: материалы Всероссийской научно-практической конференции. VIII Славянский научный собор «Урал. Православие. Культура». Вып. II. Часть I. / И. Н. Морозова (сост.). Челябинск, 94–99.

Филиппова И. А., Рожкова Т. И., Моисеева С. А. (сост.) 2010: Казачество: образы культурной идентичности: сборник фольклорно-этнографических материалов. Магнитогорск.

COSSACK ICON-BEARERS (RELIGIOUS PROCESSION FORMATION PECULIARITIES)

I. A. Filippova

This is a study of present-day cross procession with the icon of Our Lady of Tabyn, which was revived by Orenburg Cossacks in the 2010-s. The author notes a changed pattern of interaction between religious institutions and religious practices in comparison with pre-revolutionary tradition and draws a conclusion regarding a conscious creation of a new Cossack myth with PR techniques.

Key words: religious practice, cross procession, tradition creation, modern myth, PR techniques

ГОРОД КАК МУЛЬТИКУЛЬТУРНЫЙ СОЦИУМ: ПРОБЛЕМЫ ПОЛЕВЫХ ЭТНОГРАФИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

В статье рассмотрены вопросы теории и практики этнологического исследования российского города. Отмечен недостаточный уровень развития городской этнологии в рамках отечественной исследовательской традиции. Показаны специфические черты городского социума как объекта этнологического исследования. Проанализирована доступная источниковая база городской этнологии. Выделены важнейшие методологические особенности полевой работы этнолога в городской среде.

Ключевые слова: городская этнология, культурная и социальная антропология; городской социум; городская этнокультурная среда; полевая этнография в условиях города

В настоящее время важной представляется проблематика научных исследований города с точки зрения социально-культурной антропологии и в частности такой ее субдисциплины, как этнология. В этом контексте большой интерес представляет город как особая социо-культурная среда, рождающая феномен массовой культуры, распространяющейся далеко за пределы городских агломераций. Высокую значимость сегодня имеют основные характеристики городской среды с точки зрения текущих этнических процессов, этнического состава населения городов и факторов его изменения, характера межэтнических отношений и этнокультурного взаимодействия в городских сообществах.

Большинство из перечисленных вопросов на материале российского города исследовано не достаточно. Анализ имеющейся литературы заставляет отметить, что в отечественной научно-исследовательской традиции они не нашли столь широкого освещения, как за рубежом. К примеру, в англо-саксонских странах исследования в области городской антропологии (в т.ч. затрагивающие этнические аспекты городской культуры и структуры населения) ведутся уже более половины столетия¹. За это время накоплены значительные массивы данных, сформирован ряд исследовательских направлений, подобран и апробирован необходимый инструментарий, подходы и методы. Полученные результаты исследований по городской проблематике широко используются в практической деятельности в области городского управления, разработки предвыборных платформ политических партий, социальных программ и многих других сферах.

Российская этнология не располагает подобным опытом и разработками, поскольку традиционно сориентирована на исторические реконструкции и эмпирическое описание «исконных» этнокультур, под которыми понимаются комплексы этнических традиций в области духовной, материальной и соционормативной культуры, характерные для этносов и этнических групп, в минимальной степени подверженных культурным новациям XX века. Города, а точнее их влияние на эт-

Поддубиков Владимир Валерьевич — кандидат исторических наук, зав. лабораторией этносоциальной и этноэкологической геоинформатики Кемеровского государственного университета. E-mail: poddub@gmail.com

¹ Fox 1977; Basham 1978; Gmelch 2002.

нические культуры, как раз признаются одним из факторов такого рода новаций. Это предопределило известное невнимание советских, а вслед за ними и российских этнографов к городской проблематике.

Лишь последнее десятилетие было отмечено началом целенаправленного этнологического изучения российских городов. Хотя и в этом случае приходится говорить лишь о единичных исследовательских проектах, направленных на изучение этнического состава города, текущих в городской среде этнических процессов и этнокультурной ситуации на пространстве российского города. Среди них — комплексная научно-образовательная программа «Мегаполис», реализованная в 2000-х гг. в Москве, Санкт-Петербурге, ряде городов европейской части страны и Сибири, а также разработки специалистов из г. Краснодара по изучению этнических миграций на территории Южного Федерального округа².

По объему проведенных исследований и перечню поднятых вопросов этого вряд ли достаточно в общероссийских масштабах, особенно если учесть, что первый из упомянутых проектов не был прямо ориентирован на этнологический анализ социальной ситуации в российских городах, а отводил на эти цели всего один из своих разделов. Вместе с этим, потребность в развитии подобных исследований, безусловно, есть. Процессы урбанизации общества, роста численности городского населения и усложнения его этнической структуры к настоящему времени требуют научного осмысления широкого спектра проблем, многие из которых отличает высокий уровень практической значимости.

Постараемся выделить и кратко охарактеризовать наиболее, по нашему мнению, важные аспекты этнологического исследования российских городов и связанные с этим исследовательские проблемы. Отметим также, что многие приводимые по тексту материалы, примеры, факты и наблюдения автора относятся к городам Сибири, что в некоторых случаях не препятствует обобщениям и некоторым выводам, которые могут быть перенесены на проблемы городской этнологии других регионов страны.

Прежде всего, важной представляется методологическая сторона городских этнологических исследований, а также проблемы используемых методов и источников данных. Город — несравненно более сложный объект для изучения, чем привычные для отечественных исследователей сельские этнические группы. Традиционные для этнографии подходы и инструментарий не всегда здесь могут применяться с одинаковым успехом.

Во-первых, важной особенностью города, затрудняющей его этнографическое изучение, является дисперсный характер расселения этнических групп в пределах городской черты. В большинстве российских городов отсутствуют национальные анклавы, в такой степени выраженные, как, например, китайские или латиноамериканские кварталы в городах Северной Америки. Компактного расселения отдельных этнических групп в пределах российского города зачастую не наблюдается. Известное исключение здесь, пожалуй, могут составить цыганские общины, которые иногда образуют, например, в городах Сибири, единые места поселения, как правило, в пределах городской периферии. Или же города Кавказа и Закавказья, где в различной степени все еще сохраняются элементы пространственной дивергенции населения по этническому признаку. Типичной для российского го-

² Белозеров 2006, 8–9.

рода, включая крупнейшие мегаполисы, все же является дисперсное расселение этнонациональных групп. Все они, по сути, могут считаться этнодисперсными (кроме численно доминирующей части населения). Это обстоятельство затрудняет задачу исследователю, скажем, в выборе места наблюдения или проведения опроса. В данном случае, вероятно, потребуются предварительный анализ материалов статистического учета населения в целях определения мест проживания (территориального размещения) исследуемых этнических групп. Однако большая часть необходимых для этого материалов недоступна для исследователей.

Во-вторых, особенности городских сообществ как объекта этнологического исследования предопределяют неоднозначность положения самого исследователя. В отличие от практики полевых исследований в сельской местности, в данном случае он всегда погружен в этнокультурную среду, поскольку зачастую сам является городским жителем. Он проводит исследовательскую работу не в инокультурном окружении, а у себя дома, в привычных для него условиях, даже, если место проведения работ не совпадает с местом жительства: сам окружающий антураж в общих чертах схож во многих городах. В такой ситуации имеются как свои преимущества, так и очевидные затруднения и недостатки.

Плюс, пожалуй, состоит в доступности некоторых аспектов поведения людей, их повседневных практик и отношений для наблюдения, в т.ч. включенного (участвующего), к которому этнографы всегда испытывали особое доверие. В случае этнографического исследования в «чужой» среде, среди сельских этнических групп, часто приходится тратить большое количество времени и сил на «вхождение» в эту среду, т.е. на снятие первой реакции отчуждения (а иногда и раздражения от присутствия чужака), прежде чем исследователю удастся установить необходимый контакт со своими информаторами. И даже когда такой контакт установлен, это еще не означает, что исследователю удастся принять участие в одной из интересующих его культурных практик. В городской среде многие из этих практик открыты для участия, поэтому есть все возможности увидеть их «изнутри». К примеру, вполне достаточно выступить в роли покупателя фруктов на городском рынке, и у вас уже появляется шанс поучаствовать в процессе розничной торговли — одного из характерных занятий, скажем, части азербайджанской общины.

Что касается сложностей полевой этнографической работы в городских условиях, то они, по сути, связаны с теми же обстоятельствами — полной и непрерывной погруженностью исследователя в изучаемое этнокультурное пространство города. Он рискует попасть под влияние феномена, который условно можно обозначить как аберрацию близости культурной дистанции, отделяющей исследователя с его жизненным (социокультурным) опытом от наблюдаемых в городских условиях реалий. Многое из наблюдаемого в городе нам хорошо известно и встречается повседневно. Мы также как и остальная часть городского населения подвержены действию стереотипов, клише в суждениях и навязанных оценок наблюдаемой действительности, в т.ч. и сконструированных при участии средств массовой информации, нашего повседневного окружения и прочих факторов. Все это лишает исследователя преимущества «свежего глаза» и может затруднять его способность увидеть, беспристрастно оценить и адекватно трактовать происходящее.

Существенную проблему при этнологическом исследовании города составляют имеющиеся сложности доступа к необходимым источникам данных и проблемы их достоверности. Как уже было отмечено, без использования массовых количественных данных трудно представить себе результативное исследование в области городской этнологии. Однако получить эти данные — не всегда простая проблема. Материалы муниципальной статистики практически недоступны для исследовательских целей. Даже к материалам ЗАГС, в недавнем прошлом свободно предоставлявшимся по официальному запросу от научно-исследовательских организаций, в настоящее время нелегко получить доступ. Что касается ведомственной статистики, то она доступна еще менее. Автор этих строк, к примеру, неоднократно на собственном опыте испытывал крайнее нежелание руководящих медицинских работников выдавать для научного использования статистические сводки по заболеваемости и смертности населения. Причем категорические отказы следуют, как правило, сразу после разъяснения целей и задач выполняемой работы, состоящей в сравнении уровня заболеваемости, характерного именно для различных этнических групп. Аналогичным образом дело обстоит и с возможностью использовать статистические данные иных ведомств. Даже в том случае, когда их удастся получить, велика вероятность того, что они не вполне точно, полно и корректно отражают интересующую исследователя ситуацию. Часто приходится иметь дело с цифрами второго и даже третьего уровня обобщения, «нормализованными» из соображений «успешной» отчетности.

Некоторые из отмеченных недостатков (или близкие к ним по содержанию) присущи даже таким официальным источникам данных, как материалы переписи населения. Подробная их критика уже нашла свое отражение в этнологической литературе³. Заметим здесь лишь, что данные переписи 2002 года в ряде случаев не адекватно отражают даже национальный состав населения как страны в целом, так и отдельных регионов и городов — в частности. Из-за несовершенства переписной технологии и использованного инструментария многие этнические группы оказались учтены далеко не в полном объеме. Это касается в основном групп т.н. «трудного контингента» (рабочий термин переписи 2002 г.), включая обширные группы нелегальных мигрантов, присутствие которых в российских городах в настоящее время требует внимания этнологов. Таковы в общих чертах сложности и проблемы, связанные с проведением этнологических исследований в городе на основе традиционного для этнографии инструментария и методов.

Не менее интересен вопрос о том, что считать особенно важным в характеристиках города как объекта этнологического исследования и какой круг проблем при этом исследовании должен быть поднят. Нам думается, что основная особенность города с точки зрения его этнологических характеристик — полиэтничность состава городского населения. Гомогенных по этническому составу населения городов в настоящее время не существует. Как крупные мегаполисы мира, так и городские агломерации в России отличаются сложным этническим составом населения, который, к сожалению, изучен недостаточно.

Имеющиеся данные позволяют лишь отметить, что городское население в России неуклонно (и весьма стремительно) растет с начала XX века. В начале XX столетия доля городского населения в России не превышала 13%. По данным

³ Арутюнян 1983, 112–119; Филлипова, Арель, Гусеф 2002.

всероссийской переписи населения 2002 г., оно по численности превзошло сельское более чем в 3 раза (73,3% против 26,7%). Хотя, как отмечено в отчете Росстата от 21.05.2004 г. «Итоги всероссийской переписи населения 2002 года», за последний межпереписной период соотношение городского и сельского населения в стране несколько не изменилось, а процесс урбанизации населения остановился еще в 1989 году⁴. По-видимому, с этого времени снизилось влияние тех факторов, которые ранее способствовали концентрации населения в крупных городах.

Как параллельно с нарастающим трендом урбанизации в течение истекшего столетия изменялась этническая структура российского города? На этот счет практически нет достоверных данных, доступных для исследователей. Вероятно, по этой причине вопрос остается не изученным до сегодняшнего дня. Возможны лишь качественные оценки ситуации, основанные на прямых наблюдениях, анализе материалов СМИ и экспертных оценках. Но даже данной, не вполне точной фактической базы достаточно для того, чтобы констатировать этническую неоднородность городского населения России в настоящее время.

Во-первых, с известной степенью условности в составе городского населения можно выделить численно доминирующую группу коренных горожан титульной национальности. Однако понятие «титульной» национальной группы в подобном контексте представляется не вполне однозначной категорией. Для большинства российских городов это преимущественно группы русского населения, если речь не идет об административных центрах национальных республик и автономий.

Впрочем, и в последнем случае в составе городского населения иногда преобладают русские, хотя статус титульной национальности признается за представителями иных, коренных для данной территории народностей. Примером сказанному может служить столица Республики Хакасия г. Абакан, где титульный этнос — хакасы — значительно уступает по численности русскому населению (8,8 % против 79,5 %). Схожая ситуация характерна для г. Горно-Алтайск.

Отмеченные обстоятельства настолько важны для понимания современной этносоциальной ситуации в национальных окраинах России, что заслуживают отдельного рассмотрения. В целом здесь прослеживается фиксируемая исследователями пространственная дивергенция этнических групп, характерная для большинства национальных автономий и республик в составе Российской Федерации. Титульное (коренное) население здесь в основном расселено в пределах сельских территорий, в то время как в городах численно преобладают русские и представители иных нетитульных народностей. В формировании данной ситуации, по-видимому, свою роль сыграли исторические особенности процесса образования городских поселений на территориях традиционного проживания коренного населения, например, Сибири.

При хозяйственном освоении национальных окраин страны города неизбежно становились центрами сосредоточения ресурсов, развития промышленности, социально-экономической инфраструктуры, рабочих мест и административно-управленческих структур. При этом развитие городов, поселков городского типа и рабочих поселков часто было связано с концентрацией здесь массы мигрантов

⁴ Доклад Госкомстата России «Об итогах Всероссийской переписи 2002 года» на заседании Правительства Российской Федерации 12 февраля 2004 года, http://www.gks.ru/PEREPIS/osn_itog.htm

из других регионов, т.е. групп «пришлого» населения, которое было задействовано в строительстве и обслуживании промышленных объектов, трудилось в сфере услуг и административно-управленческой сфере.

Коренное население в городских поселениях национальных окраин России изначально было представлено в гораздо меньшей степени. Оно в основном сосредотачивалось в сельских районах, продолжая сохранять элементы традиционной хозяйственной специализации, т.е. специализации в аграрной сфере. Этому способствовало несколько важных обстоятельств, среди которых не последнюю роль сыграло выраженное нежелание ряда аборигенных групп интегрироваться в систему социально-экономических связей города. Так, в 1920-е гг. известны случаи добровольного переселения шорцев из мест активной городской застройки и трудовой колонизации со стороны групп пришлого населения — в отдаленные таежные районы. Аналогичные процессы отмечались в то же время в Хакасии и горных районах Алтая. В итоге территория расселения коренных этнонациональных групп становилась все более компактной в пространственном отношении, а его представительство в городских сообществах было незначительным. На протяжении XX столетия эти диспропорции несколько сгладились за счет частичной интеграции групп коренного населения в городскую среду, начала его участия в экономической и политической жизни республиканских и административно-территориальных центров. Однако во многих регионах ситуация пространственной дивергенции этнических групп населения в плоскости город — село, отмеченная выше, продолжает сохраняться и в настоящее время.

По сути, большая часть коренного населения национальных республик и автономий сегодня лишь в малой степени вовлечена в орбиту городской инфраструктуры и занимает качественно отличные от остальной части населения экологические, экономические и пространственные ниши. Если принять во внимание, что для сельских территорий повсеместно в России характерен низкий уровень жизни и материальной обеспеченности населения, а национальное село с 1990-х гг. по сей день находится в состоянии глубокого социально-экономического кризиса, становится более ясной фактическая подоплека этнополитической манифестации со стороны этнических групп коренного населения. В выступлениях национальных элит, к примеру, малых народов в последние десятилетия нередко просматривается определенное недовольство фактом недоступности для коренного населения материальных благ, сосредоточенных в городах национальных республик и автономий, где коренные жители составляют численное меньшинство. На этой почве возникают некоторые политические проекты, направленные на усиление роли и статуса коренных народностей в городах, расположенных на их этнических территориях (т.е. территориях традиционного проживания). Приведем лишь один известный нам пример.

В 1990-е гг. на волне общего роста политической активности национальных меньшинств в России широко обсуждалась идея о признании города Новокузнецк (Кемеровская область) столицей Горной Шории — т.е. территории исконного проживания коренной и ныне малочисленной народности — шорцев. Опустим здесь рассуждения об экономической подоплеке проекта, которая вполне очевидна, заметит только, что с исторической точки зрения сама постановка вопроса не лишена оснований. Город действительно расположен в месте, где до

прихода первых русских поселенцев проживали предки современных шорцев — этнотерриториальные группы абинцев. Что касается правовых оснований подобных выступлений, то они заключались в признании в 1993 году шорцев коренным малочисленным народом Сибири и принятии первой редакции перечня мест их компактного проживания. Именно под эту категорию, по мнению национальных лидеров, и должен был попасть г. Новокузнецк, что дало бы коренному населению право на получение определенных льгот в получении, к примеру, жилья или льготного налогообложения традиционных видов экономической деятельности, к которым, кстати говоря, некоторые участники дискурса предлагали отнести и розничную торговлю.

В 1990-х гг. вопрос не нашел своего разрешения, и ничего в данной области практически предпринято не было. Однако в последние годы ситуация изменилась. В последней редакции перечня мест компактного проживания и традиционной хозяйственной деятельности коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока, разработанного при участии Министерства регионального развития РФ, присутствует г. Новокузнецк. Этот факт вызывает недоумение у чиновников региональной администрации, а именно департамента культуры и национальной политики Кемеровской области. По их мнению, ситуация угрожает возникновением серьезных правовых коллизий. Во-первых, в черте города с полумиллионным населением невозможен сам факт компактного проживания коренной национальности. Численность ее городских групп не может здесь достигать необходимого для этого уровня. Ни в одном из городских районов, разумеется, шорцы не составляют не только большинства, но и сколько-нибудь однородной группы населения. Напротив, имеет место исключительно дисперсный характер расселения представителей коренной национальности в пределах городской черты. Во-вторых, город является крупным промышленным центром региона. На его территории и в прилегающих районах сосредоточена производственная база горнодобывающих и перерабатывающих производств. В этих условиях объективно отсутствуют любые возможности для традиционного природопользования коренного населения. Его локальные группы глубоко интегрированы в систему социально-экономических связей города. По преобладающим формам жизнеобеспечения, формам экономической активности и образу жизни они крайне несущественно отличаются (если вообще отличаются) от основной части городского населения. Между тем, логика, заложенная в перечень мест компактного проживания малых народов, предполагает определение именно замкнутых территориальных анклавов, где компактно проживающие этнические группы могли бы сохранять исконный образ жизни и элементы этнической культуры, основанные на практике традиционного хозяйствования. В этой связи представляется неоправданным отнесение городской территории регионального промышленного центра к числу мест компактного проживания и традиционного природопользования коренного населения. Думается, что подобные коллизии возникают во многом из-за недостаточной изученности вопросов этнонационального состава городов, а также особенностей этносоциальной ситуации и текущих в городской среде этнических процессов. Города пока еще не стали объектом широкомасштабных исследований с участием специалистов-этнологов, хотя практическая потребность

в подобных разработках, как видно, уже сформировалась в практике регионального и муниципального менеджмента.

Еще менее изученными в составе городского населения, пожалуй, являются этнические группы мигрантов. В их числе могут быть выделены как диаспоральные сообщества, относительно стабильные в плане миграционной подвижности, так и неустойчивые группы, представленные в основном трудовыми (в т.ч. и нелегальными) мигрантами из стран ближнего зарубежья и Юго-Восточной Азии. Обе данные категории городского населения представляют большой интерес с точки зрения исследования этносоциальных процессов на пространстве города и межэтнических взаимоотношений. Здесь изучения требуют, к примеру, вопросы экономической специализации, характера пространственного размещения и взаимодействия представителей этнических сообществ мигрантов с остальной частью городского населения. Интересны и важны для изучения также проблемы сохранения (или трансформации) их этнической идентичности, этнокультурных традиций и участия в смешанных браках. Однако перспективы проведения исследований в данной этнической среде неравнозначны. Если городские диаспоры, скажем, кавказских или среднеазиатских народов относительно доступны для общения, имеют свои общественные организации, национально-культурные организации и общины, то этнические группы нелегальных мигрантов представляют собой крайне закрытые сообщества, и достоверной информации по ним практически нет.

Другой важной частью сообщества городских мигрантов является категория т.н. «новых горожан», т.е. лиц, выехавших в города из сельской местности или же в крупные мегаполисы из окраин (в т.ч. национальных). Здесь важное значение имели бы исследования в области личной мотивации при смене места жительства, проблемы социально-культурной адаптации переселенцев в условиях крупных городов, а также вопросы их этнического самосознания в городской среде. Последний вопрос для этой категории мигрантов представляется особенно важным, поскольку миграция в город (мегаполис) как личный выбор предполагает известную степень открытости и готовности личности к возможным культурным воздействиям со стороны изменившейся среды. Это нередко приводит к культурной ассимиляции мигрантов, особенно, если речь идет о малых по численности сообществах, не имеющих устойчивых форм объединений в виде общин и/или диаспор.

Интересен также сам феномен диаспоры/национальной общины/национально-культурной общности в контексте этнологии современного города. Диаспора способствует культурному плюрализму городского сообщества, рисуя поликультурную картину городской реальности. Диаспоры не только выполняют функции консолидации этнических групп на национально-культурной основе в условиях инокультурного окружения, но и много работают на внешнюю среду, осуществляя презентацию этнических форм культуры для остальной части городского населения. Нередко это происходит на фоне активного межкультурного сотрудничества и диалога культур. Эта важная характеристика диаспоры как механизма транскультурной коммуникации в настоящее время изучается этнологами не в полном объеме. Думается, что в условиях, когда предметом широкого общественного дискурса становятся проблемы толерантности в межэтнических отношениях, без

вдумчивого изучения самого процесса этого взаимодействия на уровне городских этнонациональных сообществ эти проблемы навсегда останутся лишь предметом бесплодных дискуссий теоретического характера.

Ограниченные рамки формата настоящей статьи не позволяют в полном объеме очертить весь круг проблем, связанных этнологическим изучением современного российского города. Все же думается, что сказанного выше достаточно для характеристики города как исключительно сложного, но от этого не менее интересного объекта этнологических исследований, чем сельские этнические сообщества, традиционно изучаемые в рамках отечественной исследовательской традиции. Многие в российской городской антропологии еще только формируются. Это касается и поиска новых исследовательских методов, и тематического содержания возможных исследований, и определения областей практического применения результатов. Несомненно лишь одно: городская этнология в России представляет собой весьма перспективное направление исследований с большим не только фундаментальным, но и научно-практическим потенциалом.

ЛИТЕРАТУРА

- Арутюнян Ю. В., Сусоколов А. А.* 1983: Переписи населения СССР как источник количественного анализа этнокультурных процессов // Советская этнография. 5, 112–119.
- Белозеров В. С., Панин А. Н.* 2006: Мониторинг этнодемографических и миграционных процессов в Южном Федеральном Округе // ArcReview. 3(38), 8–9.
- Филиппова Е., Арель Д., Гусеф К.* (ред.) 2003: Этнография переписи 2002. М.
- Basham R.* 1978: Urban Anthropology. The Cross-Cultural Study of Complex Societies. Mayfield.
- Gmelch G.* 2010: Urban Life: Readings in the Anthropology of the City. Waveland.
- Fox R.* 1977: Urban Anthropology. Cities in their Cultural Settings. Prentice-Hall.

TOWN AS MULTICULTURAL SOCIUM (ETHNOGRAPHIC FIELD STUDY ISSUES)

V. V. Poddubikov

The article deals with practical and theoretical issues of ethnological study of a Russian town. It points out inadequate town ethnographic study within the framework of Russian research tradition. It also reveals specific features of urban socium as an object of ethnological study based on the analysis of available urban ethnology sources and gives particulars of ethnologist field work in town environment.

Key words: town ethnology, cultural and social anthropology, urban socium, urban ethnocultural environment, urban fieldwork ethnography

ИНСТИТУЦИАЛИЗАЦИЯ РОССИЙСКОЙ ЭТНОГРАФИЧЕСКОЙ НАУКИ (ПОСЛЕДНЯЯ ЧЕТВЕРТЬ XIX — НАЧАЛО XX В.)

В статье впервые в российской и историографии освещается научная деятельность Н. Н. Харузина, В. Н. Харузиной и В. Ф. Миллера в деле становления и организации преподавания этнографии как специальной научной дисциплины в российских вузах. На строго документальной основе (материалы архива ГАРФ, ОПИ ГИМ, РГАЛИ) продемонстрирован сложный и длительный процесс учреждения кафедр этнографии и подготовки первых систематических курсов лекций. Статья послужит расширению и углублению источниковедческой базы российской этнографической науки. Ее материалы могут быть использованы при чтении курсов лекций по этнографии/этнологии в российских вузах.

Ключевые слова: история этнографической науки, институциализация этнографии, Харузины

Систематическое преподавание этнографии как специальной учебной дисциплины и введение курсов лекций по этнографии в российских вузах неразрывно связано с именами Н. Н. Харузина, его сестры В. Н. Харузиной и В. Ф. Миллера. Эта сфера их деятельности осталась не освещенной в науке.

Прежде чем охарактеризовать деятельность Николая и Веры Харузиных на поприще организации преподавания этнографии необходимо сказать об их семье. Семья Харузиных — феноменальное явление в том смысле, что трое сыновей Николая Ивановича Харузина, московского купца I гильдии: Михаил (1860–1888), Николай (1865–1900), Алексей (1864–1932) — и его дочь Вера (1866–1931) не пошли по стопам своего отца, а избрали нелегкий путь в науке, став известными учеными.

В центре исследовательских интересов Михаила Харузина была юридическая антропология. Будучи студентом второго курса юридического факультета Московского университета, он в 1886 г. отправляется на русский Север, чтобы лучше понять и узнать быт и нравы аборигенов — вотяков (удмуртов) и русского населения. После завершения факультета, он серьезно интересуется историей казачества («Сведения о казацких общинах на Дону» М., 1885), политикой и этноконфессиональной ситуацией Прибалтийских провинций, где некоторое время работает в канцелярии Эстляндского губернатора. Успешный ученик известного ученого, профессора М. М. Ковалевского, Михаил Харузин, еще будучи студентом, занимает почетную должность секретаря Императорского Общества естествознания, антропологии и этнографии (ИОЛЕАЭ) при Московском университете. За год до смерти, по поручению ИОЛЕАЭ, он составил подробную «Программу для собирания сведений об юридических обычаях» (М., 1887), одна из глав в которой — «Артель» — принадлежала перу брата Николая Харузина. Влияние Михаила, светлой личности и серьезного исследователя — этнографа и юриста, сполна испытали на себе его братья и сестра Вера.

Керимова Мария Мустафаевна — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института этнологии и антропологии РАН. E-mail: mkerimova@yandex.ru

Николай Харузин, не доживший до 35 лет, был человеком недюжинного исследовательского дарования, невероятной работоспособности, удивительной смелости в решении сложных научных задач. Он рано проявил себя не только в этнографии, но и в археологии, истории, архивном и музейном деле. Николай прожил чрезвычайно насыщенную трудами и событиями жизнь, посвященную любимой науке и «занял почетное место в истории русской этнографии»¹.

Многие его работы посвящены изучению быта и нравов горцев Кавказа: «Заметки о юридическом быте чеченцев и ингушей», «По горам Северного Кавказа»². В свете современных сложных этнических процессов, происходящих в кавказском регионе, эти работы остаются весьма актуальными, став классикой этнографической литературы.

В 1887 г. Николай, студент второго курса юридического факультета Московского университета, по заданию ИОЛЕАЭ совершает экспедицию на русский Север. Результатом стала обстоятельная монография «Русские лопари. Очерки прошлого и современного быта» (М., 1890), за которую он получил золотую медаль этого общества и удостоился высокого отзыва о новаторском вкладе в создание «систематического исследования, которого еще не было в новейшее время»³. Вместе со своим профессором В. Ф. Миллером Николай Харузин стоял у истоков создания журнала «Этнографическое обозрение», до самой кончины безотказно выполняя работу редактора, руководителя отдела критики и библиографии и автора многочисленных статей, обзоров и рецензий.

Много усилий, нервов и трудов стоило Н. Н. Харузину осуществление мечты серьезно заниматься этнографией. Из-за болезни он не раз прерывал обучение, хотя с самого начала активно включился в экспедиционную и исследовательскую деятельность под руководством своих профессоров — М. М. Ковалевского и В. Ф. Миллера. В годы учебы (1885–1889) Николай обратил на себя внимание преподавателей увлеченностью и трудолюбием, написал несколько замечательных очерков, статей и заметок по следам своих поездок на Кавказ, в Крым и на Север и уже в 1890 г. удостоился золотой медали ИОЛЕАЭ. Много дала Николаю Николаевичу поездка во Францию и Германию (1892–1893), где он тщательно изучал музейные собрания, труды западных этнографов и социологов, посещал их лекции. Учебу, экспедиции, исследовательскую работу он сочетал со службой чиновника по особым поручениям при губернаторе Эстляндии, архивариуса в Московском архиве Министерства юстиции и помощника хранителя Императорского Российского исторического музея (1891–1895). Николай Харузин вел и большую организаторскую работу секретаря Этнографического отдела ИОЛЕАЭ и редактора журнала «Этнографическое обозрение», принимал участие в подготовке археологических съездов⁴.

В январе 1894 г. он получил степень кандидата географии и этнографии. Наконец-то открывалась возможность подумать о преподавании этнографии. Но прошло еще два долгих года до тех пор, пока наконец в 1896 г. при содействии В. Ф. Миллера Ученый совет историко-филологического факультета Московского

¹ Миллер 1900, 1.

² Харузин 1888.

³ Анучин 1891, 209.

⁴ См. Ведомственный архив ГИМа. Формулярный список Н. Н. Харузина.

университета утвердил Н. Н. Харузина в звании приват-доцента⁵ и разрешил ему преподавать этнографию в Московском университете. Здесь с 1896 по 1900 г. он читал курсы по этнографии⁶. Помимо этнографии, Харузин читал в Московском университете курс по доисторической археологии.

Ученый много сил отдавал написанию лекций и процессу преподавания, старался всячески расширить кругозор студентов, помогал им советами и книгами, заботился об улучшении материального положения малоимущих студентов и нередко делился с ними своими личными средствами. Вот что писал о Харузине студент Лазаревского института С. П. Олферьев: «Те, кто слушал эти лекции, никогда, — я уверен, — не забудут Николая Николаевича, этого честного труженика, который не жалел ни труда, ни сил для блага дорогой ему науки... Необыкновенно добрый, отзывчивый, всегда слишком близко к сердцу принимавший горести и несчастья близких, Николай Николаевич являлся редким, счастливым исключением в наш серенький, эгоистический век»⁷.

После скоропостижной смерти Михаила и Николая опорой Веры Николаевны Харузиной оставался Алексей Николаевич Харузин, человек яркой и в то же время трагической судьбы.

После окончания физико-математического факультета Московского университета в 1889 г. и получения степени магистра зоологии Дерптского университета (1892) А. Н. Харузин был определен на службу чиновником особых поручений при Эстляндском губернаторе. В Санкт-Петербургском Российском государственном историческом архиве (РГИА) хранится оригинал послужного списка А. Н. Харузина, который дал нам возможность уточнить даты разных лет его службы в той или иной должности. Его карьера блистательна: с 1893 по 1913 гг. он сменяет одно звание на другое — от титулярного советника, коллежского асессора, доходит до надворного советника и гофмейстера двора его императорского величества; возглавляет секретариат Эстляндского губернского статкомитета. В 1902 г. он становится чиновником Государственной канцелярии, помощником начальника переселенческого управления Министерства внутренних дел, где знакомится с В. К. Плеве; в 1904 г. — камергером Николая II, а с 1906 по 1908 гг. А. Н. Харузин — губернатор Бессарабии, затем директор Департамента духовных дел иностранных вероисповеданий, пишет по заказу П. А. Столыпина записку о положении разных конфессий в Российской империи; в 1909 г., — в ранге действительного статского советника он был назначен (1911) товарищем министра внутренних дел А. А. Макарова⁸.

За несколько лет до революции 1917 г. Алексей Николаевич подал в отставку из-за несогласия с царской политикой того времени и, в частности, с политикой

⁵ См. Ведомственный архив ГИМа. Формулярный список Н. Н. Харузина.

⁶ ЦИАМ. Ф. 459. Оп. 2. Д. 4813. Л. 1, 1об. (Канцелярия попечителя Московского учебного округа). О принятии в число приват-доцентов историко-филологического факультета Московского университета Харузина Н. Н. с приложением его автобиографии и списка трудов. № 13369 от 1 июля 1896 г.

23 февраля 1896 г. Харузин прочитал пробную лекцию по этнографии с оценкой «удовлетворительно», после чего был зачислен на факультет; 31 июля издан указ о его зачислении. См. также: ЦИАМ. Ф. 418. Оп. 65. Л. 1, 12, 183.

⁷ ОР ИРЛИ. Венгеров С. Ящик с вырезками из газет № 98. XX.

⁸ РГИА. Ф. 1409. Оп. 9. Д. 281. Л. 1–15.

министра внутренних дел А. А. Макарова. Так закончилась стремительная карьера высшего государственного чиновника. «Спасло» А. Н. Харузина от вынужденного бездействия начало Первой мировой войны. В сентябре 1914 г. он был назначен уполномоченным Красного Креста на австрийскую границу. Позднее к отцу присоединился сын Мстислав. После окончания войны Харузин работал в Тульской губернии на Шатиловской опытной сельскохозяйственной станции. В 1924 г. он возвратился в Москву, работал консультантом в Сельхозгизе, опубликовал около 20 работ по садоводству и огородничеству.

Жизнь А. Н. Харузина закончилась трагически. В 1927 г. ГПУ арестовало его в числе так называемых «бывших» людей, в прошлом связанных с царской администрацией. Через некоторое время его отпустили, так и не предъявив обвинения. Вторично А. Н. Харузина арестовали 21 февраля 1932 г. по обвинению в антисоветской агитации. 3 апреля 1932 г. постановлением Особого совещания при коллегии ОГПУ он был осужден по статье 58–10 УК к высылке на три года и 8 мая этого же года умер от сердечной недостаточности в больнице при Бутырской тюрьме.

Его основные антропологические и этнографические труды были посвящены неславянским народам Российской Империи. В результате двух поездок в Букеевскую степь он опубликовал семь статей и монографию «Киргизы Букеевской орды» (в 2-х тт. 1889, 1891), которая была удостоена золотой медали Императорского Русского географического общества (ИРГО). Вторую золотую медаль он получил от ИОЛЕАЭ в 1890 г. за активную деятельность в качестве секретаря антропологического отдела Общества и редактирования его «Дневника». Начало своей государственной службы в Ревеле (Таллинн) А. Н. Харузин умело использовал для занятий наукой. В 1895 г. выпустил в свет 500-страничный двухтомный труд «Крестьянское землевладение в Эстлянской губернии» (1895), построенный на большом историко-статистическом материале. За последний труд он получил золотую медаль от Российской Академии наук в Санкт-Петербурге.

В середине 90-х гг. XIX в. завершается значительный этап в научной деятельности А. Н. Харузина, ознаменованный серьезным сравнительным анализом истории, быта, культуры, а также антропологии нерусских народностей Российской Империи. В его творчество входит славянская проблематика.

В 1899 г. он отправился в научную командировку от ИРГО в Боснию и Герцеговину, а в 1901 г. вместе с сестрой Верой Николаевной Харузиной совершил поездку в словенские земли Австро-Венгрии. Результатом этих поездок стали значительные труды по этнической истории, конфессиональному составу, этническому самосознанию и жилищу Боснии, Герцеговины и Словении⁹.

«Университетом» для Веры Харузиной были ее братья (она не имела высшего образования). Несмотря на множество болезней и утрат близких, благодаря необыкновенной силе духа и ума, огромному мужеству и любви к науке Вера Николаевна стала первой русской женщиной, получившей звание профессора этнографии.

Спектр ее этнографических интересов чрезвычайно велик. Это историческое развитие этнографии как науки в России и на Западе, материальная и духовная культура народов мира, обряды и верования русских и инородцев. Вдохновленная примером своих братьев Михаила и Николая, она составила две ценные этногра-

⁹ Харузин 1901; 1902; 1903.

фические программы: «К вопросу о почитании огня» и «Программа для собирания сведений о родильных и крестильных обрядах у русских крестьян и инородцев». Вместе с братом Николаем Вера в конце 80-х гг. посетила Русский Север. Много времени отдавая изучению быта и нравов малых народностей Севера и Сибири, она в разные годы публикует яркие живописные очерки: «Лопари», «Вотяки», «Тунгусы», «Юкагиры».

Веру Николаевну привлекали также «примитивные формы драматического искусства», народная словесность, игры и игрушки, постановка музейного дела и преподавание этнографии в средней школе. Фольклор и мифология занимали немалое место в ее творческой биографии. Она составила и издала «Сказки русских инородцев», «Африканские сказки», в рукописи остались ее «Мифы Южной Америки», «Предания разных народов о вхождении смерти в мир» и др.

Не будет преувеличением назвать Харузину даровитым прозаиком: она автор рассказов и сказочных повестей: «Царевна — каменное сердечко», «Оцзи и Олесь. Рассказ из жизни лопарей», «Тунгусенок Михайло», «Картинки из жизни словенских детей» и др.

До конца жизни у Харузиной, человека блестящего ума и талантливого стилиста не угасал живой интерес к любимой науке: она продолжала следить за развитием этнографических исследований, общалась и переписывалась с ведущими российскими и зарубежными этнологами — П. Ф. Преображенским, А. Н. Максимовым, Е. Н. Елеонской, В. Г. Богоразом, Л. Я. Штернбергом, Л. Нидерле, Б. Пилсудским, Ф. Гребнером. До 1929 г. выходили ее статьи. Мемуары В. Н. Харузиной «Прошлое», опубликованные только в конце 90-х гг. XX в., и так и оставшийся в рукописи «Дневник»¹⁰ прекрасно запечатлели «историческую эпоху» перелома веков, взгляды самой Веры, ее родных и друзей, ее собственные печали и тревоги за судьбу России.

Итак, мы подошли к вопросу об организации этнографического образования в России и роли в этом процессе Н. Н. Харузина, В. Н. Харузиной и В. Ф. Миллера, Д. Н. Анучина. В 1876 г. по инициативе А. П. Богданова была создана кафедра антропологии на физико-математическом факультете Московского университета. 23 августа 1884 г. по решению Министерства народного просвещения и на основании нового Устава российских императорских университетов на историко-филологических факультетах было учреждено одиннадцать кафедр по гуманитарным наукам, в том числе: философии, классической филологии, истории искусств, а также объединенной кафедры географии и этнографии¹¹. Таким образом, с 1 ноября 1884 г. из Устава царского правительства была вычеркнута кафедра антропологии и введена кафедра географии и этнографии на историко-филологических факультетах. В 1888 г. она была переведена на физико-математический факультет.

Вопрос о необходимости отдельного этнографического образования в XIX в. дискутировался в университетских кругах с 1860-х годов, но тогда он казался не столь важным по сравнению с преподаванием географии как более устоявшейся учебной дисциплины. Такое положение сохранялось до середины 80-х годов, хотя уже в 1876 г. профессор Московского университета А. П. Богданов высказы-

¹⁰ Харузина 1999, 5–557.

¹¹ Устав Императорских Российских университетов 1884, 23, VIII; Дело Департамента народного просвещения 1884, № 59. Ч. I; См. также: Сборник постановлений по МНП. Т. 9. Царствование Александра III 1884, 1983, Ст. 55–59, 1001.

вал мысль о том, что этнография как наука об изучении племен и народов должна преподаваться отдельно, в связи с вопросами наук философских и социальных¹². Да и само преподавание географии, этнографии и физической антропологии на одной кафедре не удовлетворяло многих ученых. Так, выдающийся географ и антрополог Д. Н. Анучин, бессменно возглавлявший кафедру географии и этнографии сначала на историко-филологическом, а затем (с 1888 г.)¹³ на физико-математическом факультете Московского университета, с 1884 по 1919 г. sporadически читал лекции по этнографии России (в рамках курса географии), но большее время отводил лекциям по общему землеведению, истории землеведения, древней географии, географии России, физической антропологии¹⁴. Д. Н. Анучин с возмущением писал в 1885 г.: «Мой предмет оказывается необязательным... и в соображение при зачете семестров не принимается»¹⁵. А профессор Петербургского университета Э. Ю. Петри остроумно замечал, что новая кафедра (с 1888 г., после возвращения из Швейцарии, он заведовал кафедрой географии и этнографии естественного отделения физико-математического факультета¹⁶) «подобно гнезду какой-нибудь птички, оказалась прикрепленной к громадной и недоступной скале установившегося веками и освященного традициями факультетского порядка»¹⁷. В первый том своего учебника «Антропология» он включал и этнографические темы, которые затрагивал в своих лекциях: труд и частная собственность, первобытный человек, переход от неупорядоченного брака к индивидуальному, зачатки духовной жизни, религия, мифология, изящные искусства, язык. Анучин и Петри (поскольку являлись представителями естественных дисциплин), а также многие члены Ученых советов Новороссийского (Одесского) и Казанского университетов ратовали за перенос кафедры географии и этнографии на физико-математический факультет.

Когда в 1907 г. на кафедре географии и этнографии Московского университета была введена специализация, Д. Н. Анучин добился введения специальности «антропология». Основными курсами по этой специальности были: физическая антропология с практическими занятиями, география, общая этнография и археология, сравнительное народоведение. Эти курсы читали Д. Н. Анучин, А. А. Ивановский, А. Н. Колмогоров.

Борьба за учреждение самостоятельной кафедры этнографии в Московском университете и других вузах России была упорной и продолжительной. Много сил и энергии отдали ей профессор Московского университета В. Ф. Миллер и приват-доцент Н. Н. Харузин, которому, однако, не довелось дожить до осуществления своей мечты — издания учебника по этнографии. Его сестре Вере больше улыбнулась судьба — она с 1907 г. читала курс этнографии в Археологическом

¹² Устав Императорских Российских университетов 1884, 23. VIII; Дело Департамента народного просвещения 1884, № 59. Ч. I; См. также: Сборник постановлений по МНП. Т. 9. Царствование Александра III 1884, 1983, Ст. 55–59, 1001.

¹³ Левин 1947.

¹⁴ Урысон 1995, 158; например, в 1893–1894 гг. Анучин читал всего по две лекции по географии и этнографии в первом и втором полугодии. См.: Отчет о состоянии и действиях Московского университета за 1894 г. М., 1896, 121, 194.

¹⁵ Алексеева 1983, 56.

¹⁶ Сирин 2002, 58.

¹⁷ Петри 1887, 23. Петри является автором учебника «Антропология» (Т. I–II). 1890, 1895. СПб.

институте в Москве и Смоленске и на Высших женских курсах (ВЖК) в Москве, а затем с 1919 г. по 1924 г. включительно — в I МГУ и при жизни издала два тома учебника «Этнография». Как же возникла самостоятельная кафедра этнографии в Московском университете?

В 1911 г., после расправы министра просвещения Л. А. Кассо с революционно настроенными учеными и студентами Московского университета, специализация по антропологии была упразднена. Курс этнографии исключался из программы, а на чтение курса по физической антропологии было выделено всего лишь два часа в неделю. Дальнейшее развитие кафедры антропологии относится уже к послереволюционному времени. В ноябре 1918 г. Д. Н. Анучин подал декану физико-математического факультета «записку», в которой предлагал разделить кафедру географии, этнографии и антропологии на две самостоятельные: географии и антропологии. Кафедра антропологии стала существовать как самостоятельное подразделение лишь в 1919 г., ее возглавлял Анучин, продолжавший читать курсы и на кафедре географии. С образованием кафедры антропологии в Московском университете преподавание этнографии как общественной науки вновь оказалось оторванным от этих дисциплин¹⁸.

В 1919 г. на основе бывшего юридического факультета и исторического отделения историко-филологического факультета был образован факультет общественных наук I МГУ (ФОН) с отделениями политико-юридическим, экономическим, историческим. В рамках исторического отделения ФОНа в 1921 г. было создано общественно-педагогическое отделение с кафедрой этнографии, осенью 1922 г. кафедра этнографии была переведена на вновь образованное этнологическое-лингвистическое отделение. В 1925 г. ФОН был преобразован в факультет советского права и этнологический. Этнологический факультет имел отделения: этнографическое, историко-археологическое, литературное, изобразительных искусств. В 1931 г. ФОН был упразднен. И лишь в 1939 г. в рамках исторического факультета МГУ была создана кафедра этнографии.

При ФОНе кроме кафедры этнографии были открыты этнографо-археологический музей и историко-этнологический кабинет¹⁹. Как мы видим, из этой «перетряски» названий в послереволюционное время наряду с термином «этнография» утверждается и термин «этнология».

С 1921 г. этнография (этнология) как специальная и равнозначная другим общественным дисциплинам наука окончательно утверждается в российских вузах в рамках вновь созданной кафедры. Издание же в начале XX столетия первых систематических курсов по этнографии, авторами которых были Николай Николаевич Харузин и Вера Николаевна Харузина, стало важной вехой в процессе становления и развития этнографического образования в России.

Будучи страстным и убежденным борцом за основание кафедр этнографии в вузах России и одним из инициаторов введения специальных курсов по этому, на его взгляд, важнейшему предмету, Н. Н. Харузин наконец получает возможность с 1896 г. читать лекции по этнографии сначала в Московском университете, а затем и в Лазаревском институте восточных языков. Читает с увлечением и пол-

¹⁸ Подобное положение этнографии в связи с антропологией предусматривалось ИОЛЕАЭ с момента основания этого общества в 1864 г., а также было узаконено в вузах западных стран.

¹⁹ Иванова 1999, 244.

ной отдачей, вызывая одобрение студентов. К сожалению, Харузин при жизни успел издать лишь малую часть своих лекций («Очерки первобытного права. Семья и род». М., 1898. Т. I). В 1900 г. А. Н. и В. Н. Харузины начинают готовить к публикации посмертное издание лекций брата. Благодаря их огромным стараниям увидела свет четырехтомная «Этнография» (СПб., 1901–1905. Вып. I–IV)²⁰ По сути дела, это был блестящий итог всей исследовательской и преподавательской деятельности талантливого ученого. Свидетельствующий о колоссальной эрудиции автора, этот завершающий труд Н. Н. Харузина в его трагически оборвавшейся жизни, мог служить и служит до сих пор ценным пособием начинающим специалистам. И в свое время он вызвал огромный интерес среди российских и иностранных ученых, информаторов с мест и просто любителей этнографии. Все просили Веру прислать лекции ее брата, что она и делала безвозмездно и с удовольствием.

Итак, с 1894 по 1896 г. Харузину пришлось вести утомительную борьбу за разрешение читать лекции по этнографии в московских вузах. Сохранившиеся в ОПИ ГИМ и РГАЛИ уникальные документы иллюстрируют эту трудную борьбу. В письме к этнографу В. В. Богданову от декабря 1895 г. Харузин пишет: «На заседании комиссии „Домашних чтений“ было единогласно постановлено выделить этнографию в качестве самостоятельной науки: этим результатом мы исключительно обязаны Всеволоду Федоровичу (Миллеру. — М.К.) и Чупрову, которые достигли, наконец, „повышения“ этнографии»²¹.

Николай Николаевич сетовал на то, что из-за отсутствия кафедр этнографии может получить только степень магистра географии или других естественных наук. Этнография в то время была включена в курс физической антропологии, который в Московском университете читал Д. Н. Анучин, а в Петербургском — Э. Ю. Петри. В письме к сестре Елене в 1896 г. Николай замечает: «В программе для магистерского экзамена по географии нет этнографии и в помине, если не считать антропологию, в которую может входить и известная часть этнографии... Я могу сделаться только магистром по географии, а не географии и этнографии, и все мои этнографические работы ни к чему не послужат, т.к. диссертация на магистра или доктора должна быть по географии или другим естественным наукам»²². В связи с этим Н. Н. Харузин даже хотел переехать из Москвы в Петербург, чтобы сдать экзамен по этнографии, который там принимал Э. Ю. Петри, и затем защитить диссертацию. Но Миллер отговорил его от поездки в Санкт-Петербург для сдачи магистерского экзамена у Э. Ю. Петри, на-

²⁰ Вера Николаевна писала про подготовку издания лекций брата: «18. VI. 1902. Вчера кончила вторую корректуру лекций... Коли... работаю по 2–3 часа в день неторопливо. Конечно, до окончания еще долго». «2. VII. 1902. Вчера кончила раздел „Тотемизм“. Пустота врывается в душу. Тоска, одиночество»; «30. X. 1902. В пятницу сообщение (на отделе Этнографии ИОЛЕАЭ. — М.К.) об „Этнографии“. Я опять не буду спать ночь сегодня: так хочется быть и страшно — вдруг станут разносить книгу Коли. Но я знаю, что книга Коли первая в своем роде и долго будет полезна... С одной стороны, мне интересна и полезна всякая серьезная критика, с другой — мне страшно слышать ее публично». «1. I. 1903. За мамину болезнь просматривала „ЭО“ до тотемизма и программы по обрядам при рождении ребенка. Теперь на расстоянии стольких лет эти статьи кажутся мне детскими. Дорогие мне буквы Н. Х. всюду, всюду. И мне так грустно... Надо бы написать рецензии (много новой литературы на Западе), а у меня нет сил и времени... Завтра разошлю 31 экземпляр лекций Коли по учреждениям и редакциям». — ОПИ ГИМ. Ф. 81. Д. 68. Л. 19об., 21об., 55, 70об.

²¹ А МГУ. Ф. 61. Д. 507. Оп. 1. Л. 9.

²² ОПИ ГИМ. Ф. 81. Д. 11. Л. 30об.

пугав возможностью «попасть впросак» из-за неумеренных требований последнего. Кроме того, если бы Харузин уехал из Москвы, то В. Ф. Миллер не стал бы поднимать вопрос о реформе Лазаревского института восточных языков, связанной с введением курса этнографии и мусульманского права, так как считал, что, кроме Харузина, их некому читать²³. Мнение Миллера обрадовало Николая Николаевича и вселило в него надежду о преподавании этнографии прежде всего в Московском университете. Сохранился документ архива Министерства юстиции — «Уведомление Министерства народного просвещения и начальства Московского учебного округа» о том, что ему «разрешено с 31 июля 1896 г. читать лекции по этнографии в Московском университете в качестве приват-доцента»²⁴.

Интересна информация о том, каким же образом присуждалось звание приват-доцента. В Санкт-Петербургском филиале архива РАН²⁵ сохранилась запись о новшествах, введенных университетским уставом 1884 г. «Устав 1884 г. предоставлял магистранту, после прочтения двух пробных лекций, одной — на тему по собственному выбору, другой — по поручению факультета, искать звания приват-доцента, то есть стать университетским преподавателем..., но сложное и ответственное дело университетского преподавания... не давало ему еще права получать профессию, т.е. зачисляться в штат. Да и для материального обеспечения приват-доцента не давала почти ничего, так как лишь незначительная часть приват-доцентов имели так называемые курсы по поручению факультета (...самое вознаграждение приват-доцента не превышало 100 руб., что заставляло приват-доцента искать себе заработка на стороне)»²⁶.

Итак, с ноября 1896 г. Н. Н. Харузин начал читать курсы по этнографии в Московском университете в должности приват-доцента. Преподавание Николай Николаевич сочетал с работой в должности помощника хранителя (без содержания) в Императорском Российском историческом музее в Москве²⁷. Также он состоял членом Императорского Московского археологического общества, ИОЛЕАЭ, Императорского Русского исторического общества, Императорского общества распространения технических знаний, Рязанской архивной комиссии, Эстляндского губернского статистического комитета и Academie nationale de Reims, Société nationale des antiquaires des France (имел серебряную медаль этого общества)²⁸. В 1898 г. Миллер предлагает ему стать товарищем председателя Этнографического отдела ИОЛЕАЭ. «Я чувствую честь и доверие, которое Вы оказали мне этим, и прошу Вас верить, что я употреблю все усилия, чтобы оправдать Ваше доверие», — был ответ Харузина²⁹.

²³ ОПИ ГИМ. Ф. 81. Д. 11. Л. 15об., 19, 28об., 32.

²⁴ РГАДА. Ф. 337 (МАМЮ). Оп. 1. Ед. хр. 1136. Д. 18/984. Л. 29. (Дело управляющего Московским архивом Министерства Юстиции по распорядительному делопроизводству). Харузин в 1896–1900 гг. читал по 5–7 лекций (с практическими занятиями) в год на историко-филологическом факультете; на отделении географии и этнографии физико-математического факультета единичные лекции по этнографии параллельно с ним (и затем вплоть до 1929 г.) читал Анучин Д. Н. // Отчет о состоянии и действиях Московского университета за 1897 (М., 1899). То же за 1898 (М., 1900). То же за 1900 (М., 1901); МГУ за 50 лет Советской власти. М., 1967, 564.

²⁵ ПФ АРАН. Ф. 729. Оп. 1. Д. 27. Л. 6об.

²⁶ Цит. по: Решетов 2004, 147.

²⁷ Ведомственный архив ГИМ. Формулярный список Н. Н. Харузина. Л. 30.

²⁸ ЦИАМ. Ф. 459. Оп. 2. Д. 4813. Л. 1.

²⁹ ОПИ ГИМ. Ф. 451. Л. 7, 117об.

Одновременно В. Ф. Миллер предложил Харузину читать лекции по общей этнографии, мусульманскому праву и этнографии Востока в возглавляемом им с 1897 г. Лазаревском институте восточных языков. Харузин читал эти курсы (внештатно) с 1897 по 1899 г. включительно³⁰.

«Миллер, — отмечал Николай в письме к сестре Елене в 1899 г., — представил меня приват-доцентом Московского университета, известным этнографом. Всего в Лазаревском институте 35 студентов. Я читал 2 часа. Миллеру лекция очень понравилась, он наговорил много лестного. Теперь хочу повести лазаревцев в Исторический музей, чтобы на коллекции прочесть им об археологии России... В Румянцевском этнографическом музее в течение 1½ часа объяснял им этнографические экспонаты»³¹. «...Лекции мне доставляют удовольствие, — писал Николай в другом письме к Елене (1898 г.), — и теперь на третьем году чтения все больше в них втягиваешься. Все было [бы] хорошо, если бы давали что-нибудь порядочное за работу. Без денег очень скверно... Нужно написать 167 лекций о верованиях для лазаревцев, переделать университетский курс „Семья и род“ и еще кое-какие мелкие работы приготовить для себя»³².

Высоко ценя осведомленность своего ученика, В. Ф. Миллер просит Николая написать докладную записку в Министерство народного просвещения о намерении открыть кафедру этнографии в Лазаревском институте, где будут читаться курсы по этнографии и географии Востока. «Радуюсь этой мечте... — писал Николай сестре Вере в 1896 г., — для санкции этнографии как науки нужна кафедра, для санкции меня как этнографа нужна кафедра, я готов к ней, следовательно, устраивайте кафедру для науки и для меня... Миллер считает меня достойным, это я и по совести чувствую, но, с другой стороны, невольно страшно думать, что мои мечты могут осуществиться или хотя бы начать осуществляться»³³. К лекциям Николай Николаевич готовился очень серьезно. Благодаря прекрасному знанию иностранных языков он читал литературу по Китаю, Японии, Ирану, Афганистану и Малой Азии. «Сегодня (10.X.1898), наконец, кончил изложение первобытного строя и в следующий раз перейду к первобытным верованиям. Этого курса студенты ждут с нетерпением. Поэтому особенно сильно чувствуешь свою ответственность. Пока было, кажется, хорошо»³⁴. Студенты очень тепло отзывались о молодом преподавателе, отмечая, что его лекции всегда отличались своей строгой научностью, глубоким интересом и обилием материала.

До конца жизни Харузин надеялся осуществить мечту быть полноправным преподавателем специальной кафедры этнографии. В ряде писем за 1898–1899 гг. он с облегчением отмечал, что его проект о введении кафедры в университете по-

³⁰ О чтении лекций в Лазаревском институте см.: ЦИАМ. Ф. 213. Оп. 1. Д. 1045. Л. 42. В Отчете Лазаревского института за 1899 г. имеется постановление о выдаче Харузину выплаты в размере 150 руб. за лекции по этнографии; см. также: Памяти Н. Н. Харузина // Русские ведомости. 1900. № 87.

³¹ ОПИ ГИМ. Ф. 81. Д. 11. Л. 111об.; Д. 102. Л. 37.

³² ОПИ ГИМ. Ф. 81. Д. 102. Л. 64, 77об. Труд Н. Н. Харузина «Очерки первобытного права. Семья и род» (М., 1898) вошел позднее во второй выпуск его учебника «Этнография». Харузин просит Миллера сообщить его мнение по поводу «Очерков первобытного права. Семья и род»: «...черкните мне Ваше мнение, коим я глубоко дорожу... Ваши замечания заставляют меня внимательнее относиться к отмеченным Вами недостаткам». РГАЛИ. Ф. 323. Д. 429. Л. 58об.

³³ РГАЛИ. Ф. 323. Д. 102. Л. 104.

³⁴ РГАЛИ. Ф. 323. Л. 25.

лучил движение, и это уже было шагом вперед. В одном письме он сообщал своей сестре Елене: «Сегодня был у Миллера. Прочел ему свою записку об этнографии. Миллеру понравилось, с окончанием записки у меня словно гора с плеч свалилась. Теперь будь что будет — по крайней мере, мой долг я исполнил перед своей злосчастной наукой...»³⁵. «Сегодня день прошел в хлопотах о многих лазаревцах. Удалось благодаря Довнару (М. В. Довнар-Запольский. — *М.К.*) наметить два заработка для них: 1) написание книжек по русской истории и 2) работа в редакции „Русского слова“... прошу Миллера устроить им единовременное пособие по 50 руб... Миллер меня поблагодарил от имени студентов. Конечно, это лучшая награда и сознание, что читаешь с результатом...»³⁶.

После этих слов Н. Н. Харузину оставался только год жизни для чтения лекций и подготовки их к изданию. Скоропостижная кончина оборвала все. Одно из главных дел его жизни — борьба за утверждение этнографии в качестве самостоятельной научной дисциплины и открытие кафедр этнографии в вузах России — так и не завершилось. Но тем не менее Харузина можно безоговорочно назвать организатором этнографической науки в России, поставив его имя рядом с именами А. П. Богданова, Д. Н. Анучина, В. Ф. Миллера, В. Г. Богораза, Л. Я. Штернберга, П. Ф. Преображенского и многих других деятелей российской научной мысли того времени.

Велика роль Николая Николаевича Харузина и его сестры Веры Николаевны Харузиной в утверждении и развитии лекционной деятельности, прежде всего в дореволюционный период (1896–1900) и в начале нового столетия (1907–1924).

Невероятная увлеченность любимой этнографией выражалась и в чтении разных курсов лекций по многим проблемам, как общей этнографии, так и различных аспектов материальной и духовной культуры народов земного шара и прежде всего русского населения и инородцев Российской империи. Подобно их предшественникам и современникам, они следовали основному направлению в гуманитарных науках второй половины XIX в. и первых десятилетий XX в., а именно изучению истории первобытного общества на разных континентах, однако включали в курсы лекций свои новые экспедиционные материалы и данные из новейшей литературы по народам России и зарубежья.

Основу лекций Николая Харузина и Веры Харузиной составляли их многочисленные аналитические труды, созданные в течение исключительно трудоемкой научной и преподавательской деятельности. Они понимали: чтобы их огромный педагогический опыт не пропал втуне, необходимо закрепить его в специальном издании, которое в будущем послужит основой для преподавания в вузах России этих знаний, развивающихся, эволюционирующих, никогда не стоящих на месте. И действительно, посмертное издание лекций Н. Н. Харузина «Этнография» (Вып. I–IV. СПб., 1901–1905)³⁷, а также лекций В. Н. Харузиной «Этнография» (Вып. I–II. 1909, 1914), посмертное издание ее лекций «Введение в этнографию. Описание и классификация народов земного шара» (1941) обозначили процесс

³⁵ ОПИ ГИМ. Ф. 81. Д. 11.

³⁶ ОПИ ГИМ. Д. 102. Л. 38.

³⁷ Российский этнолог Т. В. Станюкович справедливо указывает, что «первый систематический курс по этнографии в Московском университете был прочитан Н. Н. Харузиным». См.: Станюкович 1971, 122.

появления новых учебных пособий по этнографии. В них проявился широкий кругозор русских ученых, стремление продемонстрировать преемственность знаний, отразить нелегкий путь становления западной и российской научной мысли. В своих лекциях они использовали огромное количество как этнографических исследований, так и данных смежных наук, архивных и музейных фондов и др. Все это, помноженное на недюжинное исследовательское дарование, умение четко расположить фактические сведения колоссального диапазона, прекрасный стиль, определило немалый вклад Харузиных не только в преподавание молодой перспективной науки — этнографии, но и в закрепление их лекционного опыта в дальнейших российских изданиях, что имело поистине огромное значение для развития всего образовательного процесса в России на переломе веков — до и после революции 1917 года.

Выполнив за четыре года преподавания огромный объем работы по написанию четырех книг «Этнографии» в 1500 страниц, Николай Харузин при жизни успел издать лишь малую часть своих лекций — «Очерки первобытного права. Семья и род» (М., 1898. Т. I)³⁸. После смерти Николая в том же, 1900 г. Алексей и Вера начинают готовить к публикации издание лекций брата³⁹. Первый выпуск включал общую часть и раздел о материальной культуре, во втором выпуске речь шла о семье и роде, третий был посвящен проблеме собственности и государства, четвертый верованиям разных народов.

Титанический труд выпал на долю редакторов — Алексея и Веры Харузиных. Вера Николаевна взяла на себя наибольшую часть работы — кроме редактуры всех четырех выпусков лекций брата, она составила списки источников и алфавитные указатели в конце каждой книги. Завершила она четвертый выпуск своими уникальными для того времени «Материалами для библиографии этнографической литературы» (295 с.). А. Н. Харузин составлял алфавитный указатель имен и предметов только в первом выпуске «Этнографии», посвященном памяти старшего брата Михаила.

Важным, на наш взгляд, является предисловие («От редакторов») к первому выпуску «Этнографии» Н. Н. Харузина. В нем А. Н. Харузин и В. Н. Харузина сумели не только раскрыть значение и особенности лекций своего брата, но и показать множественность принципов и приемов, использовавшихся им в подаче конкретного материала. Касаясь оценки учебника Николая, они справедливо

³⁸ Вера переживает по поводу публикации этого труда: «12. X. 1897 г. Нет никакой надежды, что Колина работа о первобытном праве будет пропущена московской цензурой... Вероятно, сведения о матриархате, первобытном браке и т.п. могут подорвать веру в таинство брака?» — ОПИ ГИМ. Ф. 81. Д. 66. Л. 32.

³⁹ Вера Николаевна писала про подготовку издания лекций брата: «18. VI. 1902. Вчера кончила вторую корректуру лекций... Коли... работаю по 2–3 часа в день неторопливо. Конечно, до окончания еще долго». «2. VII. 1902. Вчера кончила раздел „Тотемизм“. Пустота врывается в душу. Тоска, одиночество»; «30. X. 1902. В пятницу сообщение (на отделе Этнографии ИОЛЕАЭ. — М.К.) об „Этнографии“. Я опять не буду спать ночь сегодня: так хочется быть и страшно — вдруг станут разносить книгу Коли. Но я знаю, что книга Коли первая в своем роде и долго будет полезна... С одной стороны, мне интересна и полезна всякая серьезная критика, с другой — мне страшно слышать ее публично». «1. I. 1903. За мамину болезнь просматривала „ЭО“ до тотемизма и программы по обрядам при рождении ребенка. Теперь на расстоянии стольких лет эти статьи кажутся мне детскими. Дорогие мне буквы Н. Х. всюду, всюду. И мне так грустно... Надо бы написать рецензии (много новой литературы на Западе), а у меня нет сил и времени... Завтра разошлю 31 экземпляр лекций Коли по учреждениям и редакциям». — ОПИ ГИМ. Ф. 81. Д. 68. Л. 19об., 21об., 55, 70об.

считали, что явления жизни русских и инородцев на огромной территории Российской империи разнообразны и сложны и представляют собой «одно из важнейших культурных явлений на Европейско-Азиатском материке... Изучая их, русские исследователи вносят драгоценные вклады в общую сокровищницу знаний. Кроме того, этнография на нашей почве приобретает сверх чисто научного и общественно-государственного значения, так как без знания народной жизни парализована всякая работа по ее устройству, служащему залогом ее развития. В связи с этим этнография в России не должна составлять удел только ученых. Она требует и заслуживает общего внимания; она должна входить в число общеобразовательных знаний»⁴⁰.

Авторы предисловия считали нужным обратить внимание читателей на интерпретацию Харузиным целей и задач этнографической науки, переживавшей во второй половине XIX в. период становления и упрочения, выработки методов и приемов исследования. Разнообразие появившихся в странах Запада — Германии, Англии, Франции и Америке — этнографических школ и плеяды их талантливых представителей, утверждение наряду с народоведением (*Völkskunde*) таких областей знания, как языкознание, география, археология, физическая антропология, социология, статистика, справедливо считали редакторы, дали этнографии мощный рычаг для углубленного исследования истории материального и духовного развития человека⁴¹ на всем пространстве не только России, но и всего земного шара. Ценность же лекций Харузина, по мнению редакторов, заключалась в том, что они являлись «первым трудом на русском языке, приводящим в систему изучение этнографических явлений. Одна из особенностей, отличающих его от подобных трудов иностранных ученых, заключается во введении многочисленных фактов из жизни русского племени и наших инородцев. Иностранные авторы, плохо вооруженные в области знания нашей жизни и незнакомые, по незнанию языка, с нашими литературными источниками, лишь мало, как бы попутно захватывают этнографические данные России»⁴². Некоторые редакционные дополнения были сделаны составителями в связи с постоянным ростом научной литературы.

Важно и то, что Н. Н. Харузин, в первом выпуске учебника одним из первых в России поднял вопрос о предмете этнографической науки. По этому поводу развернулись две дискуссии⁴³.

Педагогическая деятельность В. Н. Харузиной в высших учебных заведениях Москвы и Смоленска, начавшаяся в 1907 г., продолжалась с небольшими перерывами до конца 1924 г. Этнографический опыт, полученный во время экспедиций, знания по истории и этнографии, приобретенные во Франции и Германии, редактирование четырехтомного курса лекций «Этнография» Н. Н. Харузина и, прежде всего, огромный багаж разного рода исследовательских работ — все это послужило основой для написания и преподавания самых разных лекционных курсов, которые Вера Николаевна с 1907 г. начала читать в Московском археологическом институте (на археологическом и археографическом отделениях) и в его филиа-

⁴⁰ Харузин 1901, VIII.

⁴¹ Харузин 1901, IX.

⁴² Харузин 1901, IX.

⁴³ Могиланский 1909.

ле в г. Смоленске⁴⁴, а с 1909 г. — на историко-филологическом отделении Высших женских курсов в Москве⁴⁵. В советское время — с 1919 по конец 1924 г. — она читала лекции в ИМГУ в звании профессора⁴⁶. Здесь и в первых двух вузах В. Н. Харузина читала следующие курсы: «Этнография: малокультурные народы (культура материальная и духовная)», «Верования и словесность малокультурных народов», «Приемы изучения явлений материальной культуры (жилище, одежда, украшения, пища)», вела семинар «Методы изучения обрядов», планировала читать лекции по фольклору и этнографии России. Она никогда не останавливалась на достигнутом, постоянно шлифовала и дорабатывала тексты своих лекций⁴⁷.

В. Ф. Миллер после смерти Николая Харузина наблюдал за научной карьерой его талантливой сестры, вселяя уверенность в успех, которой ей как раз не хватало.

Веру Николаевну обуревали сомнения, как она, не имевшая высшего образования и ученой степени, сможет посвятить себя столь ответственной работе. Ее дневник пестрит признаниями о том, что она-де отстает от других преподавателей, не владеет, как они, глубокими знаниями по этнографии, не успевает следить за новейшими достижениями в гуманитарных науках, без чего невозможно достичь необходимых высот для передачи знаний молодежи. Она понимала, что без участия и помощи профессора В. Ф. Миллера не сможет преодолеть все трудности. Его совет о целесообразности начать читать лекции на ВЖК вдохнул мечты о продолжении дела Николая, но и возродил беспокойство. Первого апреля 1907 г. в дневнике появляется запись о том, что «новое начинающееся дело» воскрешает мысли о Коле, заставляет почувствовать свою незначительность вместе с радостным чувством свершившегося чуда⁴⁸.

Волнения Веры Николаевны были не напрасны: предстояло обсуждение ее кандидатуры на заседании Совета историко-философского факультета ВЖК по рекомендации В. Ф. Миллера. В связи с этим она представила ему программу и предварительный конспект своих лекций. Совет факультета принял решение о прочтении ею пробной лекции. После нее она была временно принята на ра-

⁴⁴ В. Н. Харузина предлагает М. К. Тенишевой идею создания в Смоленском отделении Императорского Археологического института этнографической библиотеки, что та с радостью принимает и сообщает об этом Харузиной в письме от 1912 г. См.: Стрижова 1992; ОПИ. ГИМ. Ф. 81. Д. 37.

⁴⁵ Отчет о состоянии и действиях Императорского Московского археологического института за 1911–1912 гг. М., 1913.

⁴⁶ После революции 1917 г. декретом Совнаркома РСФСР от 1 октября 1918 г. «О некоторых изменениях в составе и устройстве государственных ученых и высших учебных заведений Российской республики» (ст. № 789) упразднялись ученые степени доктора и магистра, ученые звания адъюнкта и приват-доцента, отменялась иерархия профессорских званий — заслуженный, ординарный, экстраординарный, адъюнкт-профессор и доцент. Всем лицам, самостоятельно ведущим занятия в вузах, звание профессора присваивалось автоматически, остальным — звание преподавателя (Собрание узаконений и распоряжений Рабочего и Крестьянского Правительства РСФСР. М., 1918. № 72); на ФОНе для утверждения ученого звания в 1919 г. на заседании президиума факультета проводилось голосование закрытой баллотировкой шарами. — ЦАГМ. Ф. 1609. Оп. 6. Д. 4. Л. 15.

⁴⁷ Об этом свидетельствуют найденные нами две публикации: Программа к лекциям В. Н. Харузиной (60 экзаменационных билетов к 24 лекциям) // Отчет о состоянии Московского археологического института за 1908/09 академический год. М., 1910–1911; Программа к лекциям В. Н. Харузиной, читанным в Императорском Московском археологическом институте на II курсе в 1913–1914 гг. М., 1914. См. Приложение 3.

⁴⁸ ОПИ ГИМ. Ф. 81. Д. 71. Л. 18, 18об.; Д. 73. Л. 2–2об.

боту в качестве ассистента Миллера. В сентябре 1907 г. директор Московского археологического института проф. А. И. Успенский дал согласие на преподавание Веры Николаевны, утвердив ее прошение о зачислении в преподаватели⁴⁹.

Успех первых лекций В. Н. Харузиной в Археологическом институте возымел свое действие. Д. Н. Анучин «был мил со мной и внимателен по отношению к моему чтению... Что Анучин читает (лекции по этнографии и географии в Московском университете. — *М.К.*) я очень рада, потому что это настоящая крупная сила», — писала она 21 сентября 1907 г., а 24 сентября 1907 г., на следующий день после открытия учебного года в Археологическом институте, состоялась ее первая лекция, на которой царило «бодрое, хорошее учебное настроение среди сидящих в зале»⁵⁰.

Постепенно она втянулась в учебный процесс, по восемь часов посвящала подготовке к занятиям, но волновалась всякий раз, поднимаясь на кафедру. «Меня затянула работа, в одной комнате у меня лекции по тотемизму, в другой о фетишизме, ее надо переработать, в третьей — я готовлюсь к семинарам, к лекциям...»⁵¹. Через некоторое время Вера Николаевна признается себе: «...так приятно излагать то, что мною продумано; мне самой лекции доставляют большее удовольствие, чем им (слушателям. — *М.К.*)». 29 ноября 1907 г. она записала в дневнике: «На курсах холодно... но на всех трех лекциях была полная аудитория. После лекции — прения... В воскресенье водила курсисток и студентов в Румянцевский музей, чтобы показать им экспонаты материальной и духовной культуры народов мира. Нововведение было принято с большой радостью»⁵². Вера Николаевна счастлива — она живет с ощущением своей нужности и успеха.

1908/09 учебный год оказался особенно удачным. Преподаватель Харузина избирается действительным членом Императорского Московского археологического института⁵³. В 1909 г. произошли еще три знаменательных события в преподавательской деятельности Харузиной. Был напечатан первый выпуск ее учебника «Этнография», в который вошли два раздела лекций: I. Введение и II. Верования малокультурных народов. Отныне тексты этого тома с небольшими коррективами на протяжении последующих лет легли в основу лекционных курсов Веры Николаевны. На Совет Археологического института ею были представлены и одобрены четыре темы для итоговых студенческих работ: 1) похоронные обряды русского крестьянства сравнительно с обрядами инородцев; 2) обряды при рождении ребенка у русских крестьян и инородцев; 3) хлеб в верованиях и обрядах русских крестьян и инородцев; 4) вода в верованиях и обрядах русских крестьян и инородцев⁵⁴.

⁴⁹ ЦИАМ. Ф. 376. Оп. 3. Д. 14. Л. 160. — Отношение Министра народного просвещения № 21332 от 27 сентября 1907 г. об утверждении В. Н. Харузиной в должности преподавателя

⁵⁰ ОПИ ГИМ. Ф. 81. Д. 71. Л. 47об., 75.

⁵¹ ОПИ ГИМ. Ф. 81. Д. 72. Л. 4.

⁵² ОПИ ГИМ. Ф. 81. Л. 60об., 61, 75.

⁵³ Отчет о состоянии Императорского Московского археологического института за 1908–1909 гг. М., 1910. С. 6. (Здесь же есть сведения, что ординарный профессор В. Ф. Миллер числится в почетных членах института.) Подробная программа лекций В. Н. Харузиной на тему «Малокультурные народы и их верования» (25 лекций), прочитанных в 1908–1912 гг., и 34 экзаменационных билета к ним опубликованы на с. 1–18 указанного выше отчета.

⁵⁴ Отчет о состоянии Императорского Московского археологического института в 1910–1911 гг., 1911, 47.

В том же году Харузина получила приглашение Распорядительного комитета XII съезда русских естествоиспытателей и врачей, подписанное Д. Н. Анучиным, с предложением участвовать в работе этого мероприятия. Как и А. Н. Максимов, она была избрана помощником заведующего подсекцией этнографии, председателем которой был В. Ф. Миллер. Съезд проходил в Москве с 28 декабря 1909 г. по 6 января 1910 г., на нем Харузина выступила с докладом «Роль детей в религиозно-обрядовой жизни». Построенный на огромном фактическом материале, он был успешно принят аудиторией съезда. Вот что записала она в дневнике: «6.I.1910. Съезд кончился. Сегодня торжественное заседание. Такое наслаждение слушать других этнографов, слышать в Москве громкие требовательные предъявления нашей науки. Съезд был моей проверкой... Я нашла подтверждения своим взглядам»⁵⁵. Она пишет о том, что на съезде ее окружали Максимов, Богданов, Штернберг, Богораз, Изюмов, Карпинцев и др., и о том, что больше всего она сблизилась с петербуржцами, и в частности со Штернбергом: «...так хорошо они отнеслись ко мне... меня не столько радовал успех доклада, хотя мне было бы неприятно провалиться, сколько это милое сердечное отношение ко мне... Съезд открыл во мне реалии работать для этнографии. Больше, сильнее, упорней...». После заседания, «идя с Богдановым по Моховой... я чувствовала задор, желание, одинаковое с ним, поднять этнографию в России. Господи, помоги мне!.. Весь смысл жизни — в работе, в работе для милой и слабой еще в России науки»⁵⁶.

При содействии В. И. Герье и В. Ф. Миллера Харузина 30 марта 1909 г. была зачислена в штат историко-филологического факультета ВЖК как преподаватель обязательного курса по предмету сравнительная география и этнография со сдачей итогового экзамена и для чтения курса «Этнография: малокультурные народы, культура духовная и материальная», а также курса «Этнография: верования и словесность малокультурных народов» и ведения семинара для изучения источников⁵⁷.

1 октября 1910 г. курс лекций по этнографии был объявлен Смоленским отделением Археологического института. На археографическом факультете чтение лекций по этнографии было поручено В. Н. Харузиной⁵⁸. К перечисленным выше курсам в 1910–1914 гг. был добавлен цикл из 18 лекций по теме «Руководство по собиранию этнографических материалов. Культура материальная (жилище, одежда, пища, украшения)»⁵⁹.

В ЦИАМе сохранился интересный документ о заслугах Харузиной как лектора. В нем говорилось: «Почетный член и преподаватель Археологического института, дочь купца православного вероисповедания Вера Николаевна Харузина с выдающимся усердием и аккуратностью относится к исполнению преподава-

⁵⁵ ОПИ ГИМ. Ф. 81. Д. 73. Л. 2, 2об.

⁵⁶ ОПИ ГИМ. Ф. 81. Л. 4об.; Д. 72. Л. 63об., 65

⁵⁷ Отчет о состоянии Императорского Московского археологического института в 1909/10 г., 1911, 16; Московские Высшие женские курсы. Историко-филологическое отделение. Примерные учебные планы 1910, 3; Обзор преподавания на историко-филологическом факультете ВЖК в 1913–1914 гг., 1914, 15; Обзор преподавания... за 1914/15 г., 1915, 15; Обзор преподавания... за 1915/16 г., 1916, 19.

⁵⁸ В это же время Харузина пишет, что стремится попасть в Цюрих, чтобы усовершенствовать знания и изучить различные научные направления. — ОПИ ГИМ. Ф. 81. Д. 73. Л. 58.

⁵⁹ Программа лекций, читанных в Императорском Московском археологическом институте. Курс II (1913/14). 1914, 31–53.

тельских обязанностей по институту. Напечатала 2 тома своих лекций. По поручению Совета института изучала постановку музееведения за границей и представила Совету отчет о результатах своих наблюдений. К Пасхе 1911 г. высочайше помилована нагрудной медалью на Станиславской ленте за отличия по институту. Представлена к нагрудной золотой медали на Аннинской ленте»⁶⁰. За этот же год находим заявление приват-доцента Московского университета А. Н. Колмогорова на имя директора института А. И. Успенского с предложением читать лекции по этнографии в Императорском Археологическом институте параллельно с Харузиной. В ответ на это заявление преподаватель С. К. Кузнецов дает следующее заключение: «Читаемый приват-доцентом Колмогоровым курс этнографии ниже всякой критики, ибо основан не на знакомстве с литературой предмета, а лишь на статьях Энциклопедического словаря Брокгауза и Ефрона... Янчук Н. А. — хранитель Этнографического отделения Румянцевского музея... выразил столь глубокое недоверие и презрение к возникающему Институту, что теперь даже одно предложение о его кандидатуре было бы оскорбительным... По отношению же к курсу В. Н. Харузиной хорошо известно мое мнение: ее курс очень обстоятелен, она отличный лектор и руководитель... Постановили: Сообщить приват-доценту Колмогорову, что Совет Института не нашел возможности принять его предложение и выражает ему благодарность за предложение своих услуг институту»⁶¹.

В 1911 г. В. Ф. Миллер был избран ординарным академиком по Отделению русского языка и словесности Императорской Академии наук и переехал жить в Петербург. В 1911–1912 гг. Харузина постоянно отчитывалась перед ним о подготовке курсов лекций. «Вы всегда для нас останетесь москвичом, которого у нас отняли и которого мы не желали отдавать... Так тесна Ваша связь с Отделом этнографии (ИОЛЕАЭ — *М. К.*) и, в частности, для меня так много связано воспоминаний о Вашем живом в нем участии... Я начала читать на курсах (ВЖК. — *М. К.*) старый прошлогодний курс — отчасти потому, что не хватило у меня сил на новый курс, отчасти потому, что лекции были изданы комиссией при курсах в таком количестве экземпляров, чтобы хватило на 2 года. План семинарских работ тот же, что и в прошедшем году, но материал будет другой. Мы разбирали произведения народной словесности, также обряды, и в этом году мне хотелось бы обратить внимание больше на изучение обрядов... В Институте я тоже читаю курс прошлого года, но... готовлю новый курс. В этом курсе я задаю себе такую цель: познакомить слушателей с приемами собирания этнографических сведений, как в области материальной, так и в области культуры духовной. Но помимо приемов собирания мне хотелось бы дать сведения, которые помогли бы сознательно отнестись к собиранию: например, перед тем как говорить о собирании сведений по жилищу, говорю о развитии жилища и т. п. ... Для этого курса будет снято много диапозитивов... Есть у меня заветная мысль: написать курс по народной словесности... Я не знаю, хватит ли у меня на это сил, но мне очень хочется, пока смогу работать для дорогой нам этнографии»⁶².

⁶⁰ ЦИАМ. Ф. 376. Оп. 2. Д. 216. Л. 1.

⁶¹ ЦИАМ. Ф. 376. Оп. 3. Д. 14. Л. 159, 159об.; ОПИ ГИМ. Ф. 81. Д. 74. Л. 34об.

⁶² РГАЛИ. Ф. 323. Д. 428. Л. 3, 4 (запись от 10.X.1912 г.). О подготовке курса по собиранию этнографических сведений и предметов и курса по народной словесности. См. также: ОПИ ГИМ. Ф. 81. Д. 75. Л. 3

Эти высказывания Веры Николаевны очень созвучны с мнением Николая Харузина, который учил сестру правильно подходить к полевому материалу: «...этнографы, по-моему, делают крупную ошибку, когда, найдя какой-нибудь мало изученный народ, ограничиваются указаниями, что „городская культура“ — де уничтожила старину и что тут делать-де нечего. Мне кажется, что этнография как наука не должна ограничиваться отыскиванием только стародавней старины для того, чтобы иметь возможность проверять, а даже чаще просто подтверждать существующие уже положения. Она должна, вникая в условия современной жизни народа, отыскивать в них законы дальнейшего развития»⁶³. В этом же, 1912 г. Миллер отвечал ей с одобрением: «Посмотрев Ваш курс лекций по этнографии, убеждаюсь, что он значительно выиграл в новой переработке. Вы отлично сделали, что расширили вторую часть, распределили материал по материальной и духовной культуре многих народов земного шара и познакомили слушателей с научной классификацией... Ваш курс очень ценен. Он в настоящее время служит единственной связью с вопросами общей этнографии, которую я по недостатку времени не могу включить в курс моих занятий. Прочитал Вашу статью „Игрушки у малокультурных народов“ и подивился обилию Ваших сведений даже в такой специальной области этнографии. Она в высшей степени полезна для наших этнографических музеев. Вообще, мне приходится только удивляться Вашей энергии и трудоспособности...»⁶⁴.

Как указывалось выше, изучение народного словесного творчества было мечтой Харузиной. Она хотела воплотить свой интерес к фольклору также и в лекционной деятельности. Миллер, в частности, писал Вере Николаевне: «Уверен, что при Вашей обширной эрудиции в этнографии и фольклоре Вы успешно справитесь с этой задачей и введете в изучение этой области новые точки зрения»⁶⁵. При подготовке курса народной словесности Харузина посещает заседания Комиссии по народной словесности Этнографического отдела ИОЛЕАЭ, слушает лекцию П. Г. Богатырева о новых книгах по народной словесности⁶⁶, переписывается с историком литературы, этнографом и фольклористом Н. С. Ашукиным (письма за 1912–1914 гг.)⁶⁷.

7 апреля 1913 г. — последнее перед окончанием учебного года факультетское заседание на ВЖК, и Вере Николаевне жаль расставаться с курсистками и близкими ей по духу профессорами — Сперанским, Виноградовым, Кубицким. Она словно предчувствует, что изменяется и жизнь в целом. Надвигалась война, добровольцами собирались стать родные ей люди. Смерть любимой мамы, В. Ф. Миллера. Очень переживает она потерю любимого профессора, пишет много теплых слов его жене Е. В. Миллер и сыну В. В. Миллеру. Первую лекцию после похорон Миллера Вера посвящает его памяти и курсистки понимают горестное состояние своего лектора, хвалят ее лекцию, отличающуюся глубиной и ясностью. И в порыве отчаяния... неожиданный отказ читать доклад по этнографии. Казалось, что все рушится, но нужно было продолжать занятия в Археологическом институте

⁶³ ОПИ ГИМ. Ф. 81. Д. 104. Л. 54 (письмо Н. Н. Харузина из Сарапула от 1890 г.).

⁶⁴ ОПИ ГИМ. Ф. 81. Д. 37. Л. 18, 19.

⁶⁵ ОПИ ГИМ. Ф. 81. Д. 38. Л. 112об. А в другом месте добавлял, что ее новый курс по фольклору поможет «дальнейшему процветанию... этнографического курса» (там же. Л. 115об.).

⁶⁶ ОПИ ГИМ. Ф. 81. Д. 44. Л. 13.

⁶⁷ ОПИ ГИМ. Ф. 81. Д. 44. Л. 13.

в Москве и Смоленске, хотя мучило ощущение, что «чувство любви к делу парализовано... Почему нет людей, нет подъема в обществе? Почему культурная, интеллигентная буржуазия ждет от других слоев деятельности?» — задавалась вопросом Вера Николаевна и сама отвечала: «...интеллигенция всегда и везде была бродилом — это ее роль»⁶⁸.

При всех трудностях этого периода Харузину радуют экспедиции ее учеников, молодых этнографов С. К. Просвиркиной, А. В. Анохина, выборы Д. Н. Анучина председателем Этнографического отдела ИОЛЕАЭ (1914), окружение дорогих ей друзей и коллег: Е. Н. Клетновой, Е. Н. Елеонской, В. В. Богданова, Ф. А. Фиельструпа, А. Н. Липского, Н. Н. Хмелева, П. С. Усова, Н. А. Бронникова, Н. Н. Хмелева, Д. Т. Яновича, графинь С. А. и М. А. Бобринских, П. И. Астрова, И. Ф. Барщевского, А. И. Успенского, Б. Н. Боева, С. Ф. Фортунатова, Г. А. Кожевникова, П. М. Преображенского, М. Н. Сперанского, Д. Д. Языкова, Д. Н. Ушакова, Д. В. Цветаева и др.

В 1914 г. из-за пароксизма и ревматизма, печальных событий в ее семье Харузина не раз спрашивает себя: «Имею ли я право преподавать?», но все-таки через силу продолжает читать лекции, участвует в создании этнографического кружка на ВЖК, занятия которого вскоре переносит домой.

2 июня 1914 г. и 16 января 1915 г. находим в дневнике такие записи: «Экзамен в Археологическом институте. Я очень боялась экзамена, ведь это был новый курс (это мой курс по собиранию этнографического материала), который я готовила и писала с такой любовью... Экзамен — это нам проверка: если нехорошо будут отвечать, значит я недостаточно хорошо излагала. Но вышло очень хорошо, ответы были сознательные, мне показалось, что курс заинтересовал... Нельзя заниматься верованиями и народной словесностью без знания психологии. А это мне уже недоступно. Я знаю, я обязана работать, пока могу. Борьба с Германией дает еще больше сил для работы. Но как-то уходит почва под ногами. Смерти я теперь, кажется, не боюсь, даже желаю ее. Я боюсь, что скоро не смогу ничего делать...»⁶⁹.

Летом 1915 г. лечащий врач и близкий друг Веры Николаевны П. С. Усов одобряет ее мысль оставить преподавание, но она продолжает бороться и рассуждает об углубленных исследованиях по этнографии и о новых путях в науке, об этнографическом кружке. А в канун Нового года, 31 декабря 1914 г., Харузину посещает Б. Э. Петри. Он и Д. К. Зеленин сообщают о присуждении ей золотой медали Императорского Русского географического общества: «Изношенное сердце мало может радоваться, и все же это радость», — пишет Вера Николаевна⁷⁰.

1919–1929 гг. — последнее десятилетие преподавательской и научной деятельности Веры Николаевны — трагический период в судьбе всей ее семьи. В апреле 1920 г. ее племянник Мстислав Алексеевич Харузин, бывший сотрудником контрразведки деникинской армии, убил в Константинополе начальника штаба Вооруженных сил Юга России генерала Романовского и пропал без вести⁷¹.

⁶⁸ ОПИ ГИМ. Ф. 81. Л. 99.

⁶⁹ ОПИ ГИМ. Ф. 81. Д. 76. Л. 4, 40.

⁷⁰ ОПИ ГИМ. Ф. 81. Л. 37, 37об., 45.

⁷¹ ОПИ ГИМ. Ф. 81. Д. 50. Л. 47. Об этом см. подробнее: Гуль 1984; Лехович 2000.

В 1922 г. в доме Харузиных в Борисоглебском переулке в Москве случился пожар. Чудом спасенная горничной Варей (завернув хозяйку в ковер, та скатила ее по лестнице со второго этажа), Вера Николаевна навсегда осталась, по свидетельству родственницы Харузиных И. Е. Огневой, «в устрашающих шрамах от ожогов». В течение двух лет, пока продолжался ремонт дома, она бедствовала: сгорели личные вещи, записи, книги. Харузина была вынуждена переселиться в дом жилищного товарищества научных деятелей, где на время получила комнату. 23 июля (5 августа) 1924 г. скоропостижно скончалась сестра, Елена Николаевна Арандаренко, в июне 1927 г. произошел первый арест А. Н. Харузина.

Это время было переломным, сложным периодом и в жизни страны, и в истории российской науки. Как мы уже отмечали, задолго до революции и в первые послереволюционные годы в Московском, С.-Петербургском, Казанском, Новороссийском, Дерптском (Тартуском) и других университетах существовали кафедры географии и этнографии. В Петроградском географическом институте (основан в 1918 г.) было создано этнографическое отделение⁷². В начале XX в. ученые-этнографы, антропологи, историки культуры, расходившиеся во взглядах на предмет и задачи этнографии, все чаще признавали, что вступает в права и этнология как наука, призванная изучать в теоретико-аналитическом плане общую культуру народов земного шара на всех ступенях ее развития. Эти основополагающие принципы были положены в основу создания в 1919 г. в I МГУ факультета общественных наук (ФОН) и в его рамках (с 1921 г.) — этнолого-лингвистического и общественно-педагогического и других отделений (всего их было восемь).

С 1919 г. по конец 1924 г. Харузина числилась в должности сверхштатного профессора на ФОНе I МГУ. На втором курсе общественно-педагогического, а затем этнолого-лингвистического отделения она читала лекции «Этнография малокультурных народов» и вела семинары «Приемы изучения обрядов», «Народная словесность в связи с верованиями малокультурных народов», «Проблемы изучения материальной культуры»⁷³. Среди ее публикаций за 1922–1924 гг. значатся «Программа для собирания сведений о женском крестьянском труде», статьи в Энциклопедическом словаре «Гранат» и в «Малом энциклопедическом словаре Брокгауза и Ефрона»⁷⁴.

Многочислен обнаружен документ о том, что 16 декабря 1924 г. приказом № 1814 «деканат ФОНа ходатайствует перед правлением об отчислении из личного состава лиц (№ 33) Харузиной В.Н.»⁷⁵. Таким образом, снимается вопрос о расхождении по поводу сроков ее преподавательской деятельности в советское время. Надо сказать и о том, что после революции 1917 г. Вера Николаевна получила возможность окунуться в сферу новых проблем этнологии и общаться с видными учеными: П. Ф. Преображенским, А. Н. Максимовым, С. А. Токаревым, С. П. Толстовым, В. К. Никольским и многими другими. В 1929 г., незадолго до кончины,

⁷² В 1925 г. Географический институт был преобразован в географический факультет Ленинградского университета.

⁷³ ЦАГМ. Ф. 1609. Оп. 5. Д. 23. Л. 5; Оп. 6. Д. 39. Л. 13.

⁷⁴ Отчет I МГУ за 1923 г. М., 1923. С. 32.

⁷⁵ ЦАГМ. Ф. 1609. Оп. 5. Д. 120. Л. 3. В 1925 г. был образован этнологический факультет I МГУ и на нем Этнографическое отделение. Курс этнографии после В. Н. Харузиной читал А. Н. Максимов.

она печатает свои исследования в журнале «Этнография» (с 1926 г. его возглавлял академик С. Ф. Ольденбург), состоит в секции этнологии Ассоциации научно-исследовательских институтов общественных наук⁷⁶.

С 1907 г. Вера Николаевна начинает готовить свои лекции к публикации. Огромный опыт, приобретенный ею при подготовке к печати четырех книг «Этнографии» Н. Н. Харузина, несомненно, помог ей в издании курса лекций, названных, как и у брата, «Этнография» (Вып. I–II. М., 1909, 1914). В 1941 г. издательством Московского университета было опубликовано посмертное издание лекций Харузиной «Введение в этнографию. Описание и классификация народов земного шара», представлявшее собой переиздание большой печатью литографированных лекций, записанных со слов слушательниц Высших женских курсов. Эти лекции были изданы посмертно с постраничными комментариями доцента Московского университета А. М. Золотарева. Их отличительной особенностью является соединение теоретического и практического начал в занятиях этнографией. Студенты получали не только глубокий сравнительный анализ первобытного общества на всех континентах, но и увлекательный рассказ о необходимости развивать память, научиться делать записи полевых наблюдений, готовить рисунки и фотографии виденного и изучаемого, учитывать разницу религий, нравов, местных преданий и наречий, т. е. предварять практику экспедиций серьезной научной подготовкой.

Курс лекций в Археологическом институте, на ВЖК и в Московском университете она начинала с лекции по истории развития этнографической науки. Свою первую вступительную лекцию «Историческое развитие этнографии», прочитанную на ВЖК в 1907 г., Харузина печатает в журнале «Этнографическое обозрение» за тот же год⁷⁷.

В предисловии к первому выпуску курса лекций «Этнография» (591 с.), прочитанных в Московском археологическом институте и на ВЖК в Москве, Харузина считает нужным пояснить, что в настоящем издании сохранен лекционный характер изложения. Но, «желая... в этом издании дать пособие занимающимся по моему предмету, — добавляет автор, — я в некоторых случаях вводила здесь не сообщаемый моим слушателям материал, если он мог служить всестороннему освещению вопроса»⁷⁸. Расширение текста лекций шло за счет введения трудов иностранных и российских ученых, малодоступных русскому читателю, а также библиографических сведений. Из этого пояснения видно, сколь серьезно относилась она к публикации лекций, так как видела в них учебное пособие, прежде всего для своих слушателей. Учебник В. Н. Харузиной, также как и ее брата, стал одним из первых специальных систематических курсов этнографии в российских высших учебных заведениях.

Первый выпуск курса лекций «Этнография» Харузина делит на две части: I. Введение и II. Ветования малокультурных народов. Введение включает семь глав: 1) Исторический путь развития этнографии; 2) Задачи и пределы этнографии; 3) Материал этнографии и вспомогательные источники ее; 4) Разработка этнографического материала; 5–7) Методы этнографии. Второй выпуск посвящен приемам изучения материальной культуры.

⁷⁶ Об этом см.: Этнография 1926, 349.

⁷⁷ Харузина 1907.

⁷⁸ Харузина 1909, 1.

Итак, мы показали, каким длительным и сложным был процесс становления преподавания этнографии в российских вузах и какую неопенимую роль в институционализации этнографии как учебной дисциплины сыграли Н. Н. Харузин и В. Н. Харузина. Колоссальный труд этих ученых феноменален не только с точки зрения характеристики его разнообразного научного наследия, но и как вклад первых вузовских учебных пособий по этнографии в историю достижений гуманитарных наук России.

ЛИТЕРАТУРА

- Алексеева Л. Д.* 1983: Московский университет и становление преподавания этнографии в дореволюционной России // Вестник МГУ. Сер. 8, 26–56.
- Анучин Д. Н.* 1891: [Рец. на:] Н. Н. Харузин. Русские лопари // ЭО. IV, 209–217.
- Гуль Р. Б.* 1984: Я унес Россию. Апология русской эмиграции. Т. 2. Ч. 6. Нью-Йорк.
- Иванова Ю. В.* 1999: Петр Федорович Преображенский: жизненный путь и научное наследие // Репрессированные этнографы. Вып. I, 235–264.
- Левин М. Г.* 1947: Дмитрий Николаевич Анучин (1843–1923) // Труды Института этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая. Новая серия. Т. I, 1–25.
- Лехович Д. В.* 2000: Белые против красных. Генерал Деникин. Нью-Йорк.
- Миллер В. Ф.* 1900: Николай Николаевич Харузин // ЭО. 2, 1–35.
- Петри Э. Ю.* 1887: Задачи научной географии // Известия ИРГО. Т. 22, 288–231.
- Могиланский Н. М.* 1909: Этнография и ее задачи (По поводу одной книги). Реферат, читанный в Антропологическом обществе при С.-Петербургском университете // Ежегодник русского антропологического общества при Императорском Санкт-Петербургском университете. СПб.
- Сирин А. А.* 2002: Забытые страницы сибирской этнографии: Б. Э. Петри // Репрессированные этнографы. Вып. I, 57–80.
- Урысон М. И.* 1995: Патриарх российской антропологии // ЭО. 1, 156–159.
- Харузин А. Н.* 1901: Босния-Герцеговина. Очерки оккупационной провинции Австро-Венгрии. СПб.
- Харузин А. Н.* 1902: Австрийская Крайна. СПб.
- Харузин А. Н.* 1902: Национальная эволюция словинцев // РВ. Т. 280, 7, 76–100; 8, 537–560.
- Харузин А. Н.* 1903: Материалы по истории развития славянских жилищ. Жилище словинца Верхней Крайны // ЖС. Отд. I. Вып. III, IV.
- Харузина В. Н.* 1909: Этнография. I. Введение. II. Верования малокультурных народов. Курс лекций, читанных в Императорском Московском археологическом институте и на Высших женских курсах в Москве. М.
- Харузина В. Н.* 1999: Прошлое. Воспоминания детский и отроческих лет. М.
- Харузин Н. Н.* 1888: Заметки о юридическом быте чеченцев и ингушей // Сборник материалов по этнографии, издаваемый при Дашковском этнографическом музее. Вып. III, 115–157.
- Харузин Н. Н.* 1888: Свадебные обычаи и обряды чеченцев и ингушей, записанные В. Н. Акимовым в 1886 г.; Сказки, записанные в ингушском ауле Цори // Сборник материалов по этнографии, издаваемый при Дашковском этнографическом музее. Вып. III, 115–142.
- Харузин Н. Н.* 1888: По горам Северного Кавказа // ВЕ. Т. 5. 10, 483–530; Т. 6. 11–12, 168–179.
- Харузин Н. Н.* 1901: Этнография. СПб.

RUSSIAN ETHNOGRAPHY INSTITUTIONALIZATION
(the late 19th — early 20th century)

M. M. Kerimova

This is the first documentary-based article – (the materials of the State Archive of Russian Federation, the Department of Field Researches of the State Historical Museum, etc.) – to cover academic role of N. N. Kharuzin, V. N. Kharuzin and V. F. Miller in introducing ethnography into Russian university curriculum as a special academic subject. It traces a long complex process of founding ethnography departments and preparing first systematic courses of lectures. It will help to enhance Russian ethnography source basis. The material can be used in lecture courses on ethnography and ethnology at Russian universities.

Key words: ethnography history, ethnography institutionalization, the Kharuzins

ИСКУССТВОВЕДЕНИЕ

© 2013

А. А. Ернджакян

ОТ ΜΥΣΤΗΝΣ К ΘΕΑΤΗΝΣ: К ИСТОРИИ СТАНОВЛЕНИЯ ТЕАТРАЛЬНОЙ ПУБЛИКИ

Автор обращается к истории становления античного театра в малоисследованном ключе: в аспекте формирования зрительской массы. При этом зритель рассматривается не с позиций социологии театра, но с позиций истории культуры и религии. Автор приходит к выводу о том, что греческая трагедия, сформированная на основании мистерий, сохраняет мистерияльный смысл для ее зрителей и что именно в этом контексте рождается понятие катарсиса.

Ключевые слова: мистерия, театр, трагедия, зритель, Дионис, Дионисии, хор, менады

Вопрос о возможностях коммуникации со зрителем восходит к проблеме происхождения театра и к тому состоянию зрителя, когда он не был собственно еще зрителем, но был скорее *μύστης*, *мистом*, участником некой мистерии, которой только предстояло еще стать театром.

Сегодня исследование происхождения драмы неотделимо от интерпретации фактов; как точно отмечает исследователь генезиса драмы, «когда разговор идет об эстетическом феномене, тут невозможно не «внести» себя: осуществляется и представленческое освоение изучаемого материала»¹. Поэтому, не ставя задачей воспроизвести объективные условия становления драмы в античности, остановимся на вопросах субъективного восприятия предтеатрального действия.

В аспекте зрительского участия вопрос о происхождении театра неразрывно связан с проблемой изменения формы участия и причастности публики, толпы, зрителя, аудитории. Справедливо замечание В. И. Максимова: «Так как результатом трагедии является катарсис, логично предположить, что подобный результат достигался ранее посредством иных форм»².

Мистерии и мисты Диониса

История культа Диониса в его развитии, в его уровневой открытости и закрытости для посвященных различных уровнях достаточно полно освещена в исследованиях Вяч. Иванова и К. Кереньи. Для нас же наиболее важен аспект взаимодействия праактера с празрителем.

Ернджакян Ара Арутюнович — кандидат искусствоведения, заслуженный деятель искусств, главный режиссёр Ереванского государственного Камерного театра. E-mail: a-editor@yandex.ru

¹ Овчарова 1984, 3.

² Максимов 2009, 8.

В Дельфах минойская по происхождению мистерия Диониса, «культ *ночной и женский*»³, являлась формой драмы для посвященных. «Менады образовывали кольцо — хоровод — вокруг чествуемого бога. Хоровод сопровождался пением и плясками. В центре так возникшего круга был Дионис, точнее, тот, кто навлекал на себя маску Диониса»⁴. В отличие от ритуала дельфийских фиад, взбравшихся в экстагическом танце на льдистый Парнас, менады и их обряд имел более глубокие культурные корни, восходящие к основам индоевропейской мифологии.

Формы кровавого ритуала жертвоприношения могут быть восстановлены по сохранившимся изображениям, на которых менады разрывают жертвенное животное (как правило, козленка, «заместителя» рогатого Диониса); однако это относится, вероятно, только к экзотерической части, предритуалу; в то время как сам тайный ритуал, вероятно, представлял собой варение мяса козленка в молоке — и тем самым пресуществление жертвы в божественную сущность, как о том свидетельствует орфический текст:

Здравствуй, о ты, перенесший страданье, какого раньше не ведал:

*Богом ты стал из человека, козленком пал в молоко!*⁵

Здесь немаловажна параллель с ветхозаветным запретом подобных ритуалов: «Не вари козленка в молоке матери его» (Исх. 23:19; 34:26; Втор. 14:21) — в той культуре, которая с очевидностью не породила явлений, подобных театру, и считала его проявлением идолопоклонства — это отношение отчасти было воспринято и христианством.

Таким образом, дельфийский ритуал, отголоски мифологии которого привели к становлению драматической формы искусства, имел отношение к наиболее древнему пласту индоевропейской мифологии, атрибутами которого являлись козленок, молоко (а также связаны образы козла-сатира, виноградной лозы и пр.), а глубинный смысл сохранял семантику возрождения после смерти, которая, в частности, была неприемлема для древних иудеев, однако являлась преимущественной областью интереса в древнеегипетской религии.

Смысл причастности зрителя подобному действию был весьма глубок. Естественно, здесь зритель не мог быть просто наблюдателем, он был участником и вовлеченным в мистирию, мистом, который вместе со жрицами переживал таинство смерти и рождения: «Посвященный делается сотрапезником богов, участником брачного торжества Диониса и Великой Богини; он имеет воскреснуть, вернуться к жизни вместе с Дионисом и Персефоной»⁶. Мир богов и мир космоса виделся мифологическому сознанию как мир абсолютно реальный, однако доступный, видимый только в реальности мистерий. Это не суровая реальность религиозной догмы, к примеру, христианства, достижимая только после смерти и то при особых условиях; это реальность, к которой надо сделать лишь несколько шагов вверх (на Олимп) или вниз (к Персефоне)⁷.

С. Н. Трубецкой не сомневается, что посвященный испытывает очищение, то есть результат мистерий был таким же, как в трагедии, — катарсис: «Грек совер-

³ Анненский 2003, 55.

⁴ Павленко 2006, 80.

⁵ Цит. по: Кереньи 2007, 162.

⁶ Трубецкой 2010, 127.

⁷ Максимов 2009, 9.

шал таинства натурализма: он приобщался непосредственно производящим силам природы, он верил непосредственно в богов хлеба и вина и думал жить и возрождаться их внутренней силой»⁸.

Важно отметить, что прародиной театра стал именно культ Диониса, божества не греческого, скорее азиатского по происхождению; исследователи истории религии неоднократно указывают на возможность культурных связей крито-минойской культуры с египетской, где параллелью смертного пути Диониса могла служить судьба Осириса, части которого собирала для оживления Исида. Этот миф в определенный период стал основой не только погребального ритуала, но и всей религии египтян; в Греции же миф о возрождении, о сопричастности природе, оргиастическое и карнавальное начала Диониса были осмыслены эстетически.

Интересно отметить, насколько с готовностью греческая культура приняла это новое божество, щедро снабдив его новыми, «местными» атрибутами — очевидно, человек древней античности нуждался в некоем новом влиянии, о чем выразительно писал Вяч. Иванов: «Мы видим, что экстатическая религия Диониса, с ее возродительными таинствами и озаряющими душу оргиями, с ее верою в нисхождение божества в сыновнем лике, страстном, как участь земнородных, и все же божественно победном, с ее просвещением темного царства душ светочем умершего и воскресающего бога, с ее идеалами мистической чистоты и святости (*hosiotes*), запредельного блаженства (*makaria*), героического страдания (*pathos*) и милосердия (*eleos*), наконец — с ее новой, общительной и вдохновенной, всенародной и опьянительной радостью бытия, поднимающей со дна души в вольных, буйных проявлениях все Скрытое богатство ее плодотворящей силы, — мы видим, что эта религия была удовлетворением крайней потребности, что она была необходима эллинизму как спасительный перелом болезни, как выздоровление»⁹. Интересно, что причины происхождения драмы от культа Диониса и мистерий вообще могут быть связаны именно с не-греческим происхождением мистерийности: «экстатичность, чуждая эллинскому богопочитанию, была свойством лишь одного из них — Диониса, и что именно она-то отличала Вакха от всех других бессмертных»¹⁰.

Конечно, культ Диониса не единолично привел к рождению драмы. К. Кереньи возводит трагедию к смешению героической традиции дифирамба с драматическими традициями Великих Мистерий. И. Анненский пишет о сочетании дионисийского культа с сельскими праздниками: «Культ Диониса, чужой, заносный, скрестился в северном Пелопоннесе и, может быть, отчасти в Аттике с сельскими хороводами *сатиров* и *силенов*. Вот где получился узел трагедии»¹¹.

Несомненна давняя связь между культами Диониса и Аполлона. Ф. Ницше говорил о трагедии как сочетании дионисийского (в «лирике» хора) и аполлонического (в «эпических» диалогах) начал. Вместе с тем К. Кереньи, по всей видимости, абсолютно справедливо указывает на глубинное родство культов «темного» Диониса и Аполлона: могилу Диониса показывали в святой святынь Аполлонова

⁸ Трубецкой 2003, 129.

⁹ Иванов 1994, 199–200.

¹⁰ Анненский 2003, 63.

¹¹ Анненский 2003, 79.

храма, а Эсхил и Еврипид в некоторых отрывках текстов допускали отождествление «лавролюбивого Вакха» с Аполлонов-Пеаном¹². И если экстаз общего единения, от античных историков до Ницше, связывался с Дионисом — как «мужским» ли богом вина, или «женским» мистериальным божеством, — то катартический эффект, по самому своему действию, логически связан с аполлоническим влиянием: «Религиозная сфера «очищений», или «катартика», под могущественным воздействием которой созидался эллинский мир, признается достоянием преимущественно Аполлоновой религии»¹³. О катарсисе как аполлоническом явлении писал и В. И. Максимов: «В мистерии реализовалась дионисийская стихия, стихия хора, и именно она была духом будущей трагедии, но для возникновения трагической формы необходимо было философское и художественное осмысление личности. И уже эта аполлоновская личность преодолевает свою отчужденность от природы в катарсисе»¹⁴. Таким образом, именно из мистерий Дельф и Аттики, с учетом влияния «эстетического» аполлонического начала, мы должны вести происхождение понятия катарсиса, актуального и до наших дней.

Да и само понятие мистериального театра не утратило своей актуальности: так, Антонен Арто писал: «Орфические Мистерии, столь удручавшие Платона, в моральном и психологическом смысле, должно быть, обладали характерным трансцендентальным свойством *алхимического театра* и, видимо, благодаря моментам необычайной психической насыщенности могли вызвать, в обратном порядке, алхимические символы, которые служат для духа средством отфильтровывать и переливать материю, отчаянно и дерзко процеживать материю через дух»¹⁵. В. И. Максимов все поиски театра начала XX века, от Мейерхольда до Брехта, считал проявлением той же мистериальной линии развития театра¹⁶.

Мистериальное и наследовавшее ему театральное является одним из немногих эволюционировавших проявлений того, что называется термином «мистическое», — ведь, по точному определению археолога Б.Швейцера, «Мистическим» мы называем такую форму миропознания, одну из основных форм взаимодействия с вещами, которую, в соответствии с ее особым содержанием, можно охарактеризовать только при помощи ключевого слова «дионисийское»¹⁷.

Вряд ли можно точно сказать, как выглядел изначальный герой мистерий — были ли он человеком, надевшим маску Диониса, как в указанной выше реконструкции А.Павленко, или выглядел иначе. Однако, вероятно, можно принять как верное утверждение Ф.Ницше о том, что «Диониса, доподлинного героя сцены и средоточия видения <...> в наидревнейший период трагедии, в действительности нет налицо, он лишь предполагается как наличный, т. е. первоначально трагедия есть только «хор», а не «драма»¹⁸. Мистерия, тайное действо, является только в виде своих служителей (а поначалу, как показывают источники, только служительниц), предтечи хора. Движения хора, отраженные в строении суперстрофы: строфа — антистрофа — эпод — типологически родственны шествию

¹² Кереньи 2007, 149–151.

¹³ Иванов 1994, 200.

¹⁴ Максимов 2009, 14.

¹⁵ Арто 2000, 142.

¹⁶ Максимов 2009, 3–15.

¹⁷ Цит. по: Кереньи 2007, 37.

¹⁸ Ницше 1996, 87.

служительниц Диониса, фиад, когда женщины, не прекращая пляски, уверенно шествовали по горным тропам — на ледяной Парнас¹⁹. Предтечей зрительской массы тут могли служить только жители окрестных поселений, которые признавали священность ритуала, но, как правило, в нем не участвовали.

Рождение трагедии

Впоследствии заложенный в песнях диалогизм — обращение к богу — привел к выявлению, выделению героя. Вначале, по выразительной реконструкции Вяч. Иванова, выделенный из хора запевала «еще не окончательно отделился от хора, но все же исполняет уже самостоятельную роль, так что он и хор взаимно реагируют один на другого, хотя поют и движутся в тех же ритмах»²⁰. К. Кереньи описывает выделение солиста, предшественника протагониста, следующим образом. До первого из трагиков, Феспида (о котором упоминает Аристотель в одном из утраченных произведений) драматическое представление во время Великих Дионисий выглядело следующим образом: кто-то просто поднимался на стол, на котором расчленили жертвенное животное, и отвечал хору; так развивался диалог²¹. Здесь уже налицо грядущее разделение на актера и зрителя, хотя в роли зрителя, свидетеля таинства, пока выступает хор.

Впоследствии, с появлением собственно театра и как совокупности зрителей, и как помещения, протагонист исполнял различные роли. Но Ф. Ницше считал, что «все знаменитые фигуры греческой сцены — Прометей, Эдип и т.д. — являются только масками этого первоначального героя — Диониса»²²; Карл Кереньи резко возражал его мнению: «В действительности старейшим героем трагедии был враг Диониса. Чтобы сам бог мог воплотиться через заменяющее его жертвенное животное, его заместитель должен был умереть, а перед этим еще и возжелать уничтожить бога, то есть самого себя. За это он должен был поплатиться»²³. Одна из трагедий Феспида, под названием «Пенфей» (Страдалец), рассматривается К. Кереньи в качестве прототипа трагедий вообще. На героя, как на зайца, была устроена охота, и дионисийские женщины — и среди них его мать — разорвали его на части, приняв за льва. «Пенфей был темой и героем «пратрагедии». Страдающий Дионис некогда звался «Пенфей» («Страдалец»). Как герой, это имя мог носить только враг бога и одновременно его жертва»²⁴.

Так или иначе, протагонист действительно воплощал некую типологически единую судьбу и, как правило, — судьбу жертвы Рока. В.И. Максимов свидетельствует: «Жертвенность и «религия страдающего бога» и стали той основой, на которой развивалось основополагающее для европейской эстетики понятие трагического»²⁵. Достижение катарсиса было бы, вероятно, невозможным без указания на живой еще мистериальный ритуал и без ощущения сопричастности зрителей страданий и смерти невинного — бога.

¹⁹ Кереньи 2007, 143.

²⁰ Иванов 1994, 240.

²¹ Кереньи 2007, 205.

²² Ницше 1996, 93.

²³ Кереньи 2007, 204.

²⁴ Кереньи 2007, 207.

²⁵ Максимов 2009, 8.

Впоследствии пути мистерии и драмы разошлись: «Из оргий Диониса рождаются и мистерии — драмы богов, и драмы — мистерии героев»²⁶. Трагедия стала делать героями простых смертных; а круг из менад, фиад, а позже и сатиров обратился в хор, олицетворяющий народ, граждан.

С началом становления «сценографии», появлением амфитеатра, круговой хор распадается на полукруг либо две группы хоревтов; из хора уходят женщины, что, по мнению Вяч. Иванова, свидетельствует о превалировании аполлонического начала. И. Анненский писал о начале участия мужчин в культе Диониса: «культ переходил в другие руки — в него вносилось культурное начало творчества; экстаз сменялся игрой, целесообразность действий проявлялась мягче, интеллектуальнее»²⁷; к этому периоду относится, вероятно, и рождение мифа о втором «рождении» Диониса из бедра Зевса.

Выделение хора, а затем и зрителей из единой толпы мистов выразительно охарактеризовано Ф. Ницше: «Охваченная такими настроениями и проникнутая такими познаниями, ликует и носится толпа служителей Диониса, могущество которого изменило их в их собственных глазах: они как бы видят в себе вновь возрожденных гениев природы — сатиров. Позднейший состав хора трагедии есть искусственное подражание этому естественному феномену; при этом, конечно, стало необходимым отделение дионисических зрителей от зачарованных Дионисом»²⁸. Таким образом, изначальный и единственный со-актер в драме Диониса, хор, носитель сокровенного знания, начал играть другую роль — роль посредника между зрителем-профаном, свидетелем действия, и героем.

Хор оставался хоро-водом, сопоставленным герою и отвечающим ему. «Хор — это одновременно и «народ», и «участник действия», и в определенном смысле «замкнутый цикл жизни», которую он собой символизирует»²⁹. Таким образом, хор по своей социальной окраске перестал отличаться от зрителей; это была своего рода квинтэссенция зрителей, причастная действию и оценивающая его.

Повторим справедливую мысль Ф. Ницше о том, что «публика аттической трагедии узнавала себя в хоре оркестры, что в сущности никакой противоположности между публикой и хором не было, ибо все являло собою лишь один большой величественный хор пляшущих и поющих сатиров или людей, которых представляли эти сатиры»³⁰. В классической аттической трагедии хор, будучи наследником ритуальной традиции, оказался «первичным» зрителем, а многотысячная толпа на зрительских сиденьях амфитеатра — зрителем «вторичным», однако отличающимся от хора главным образом количественно, а не качественно.

Хор по отношению к Дионису в первоначальной драме оставался «единым лицом», о чем пишет и Аристотель: Ἔστιν δὲ τοῦτο καὶ εἰκὸς ὥσπερ Ἀγάθων λέγει, εἰκὸς γὰρ γίνεσθαι πολλὰ καὶ παρὰ τὸ εἰκός. Καὶ τὸν χορὸν δὲ ἓνα δεῖ ὑπολαμβάνειν τῶν ὑποκριτῶν, καὶ μόνιον εἶναι τοῦ ὅλου καὶ συναγωνίζεσθαι μὴ ὥσπερ Εὐριπίδῃ ἀλλ' ὥσπερ Σοφοκλεῖ («Также и хор следует считать одним из актеров, чтобы он был

²⁶ 55 Трубецкой 2010, 135.

²⁷ Анненский 2003, 77.

²⁸ Ницше 1996, 84.

²⁹ Павленко 2006, 83.

³⁰ Ницше 1996, 84.

частицей целого и участвовал в действии не так, как у Еврипида, а так, как у Софокла» — пер. М. Гаспарова)³¹. Таким образом, хор как «единое лицо» оказывался в то же время и имплицитным, *идеальным* зрителем. В то же время и зритель из обращенного участника мистерий становится просто зрителем: «Драма требует публичности, этого не было в мистериях»³²; мистерии суть тайна, драма — публичность.

Так образовался «второй круг» свидетелей театральной мистерии, зрителей, некоторое время сосуществовавший с «первым кругом», хором.

Впоследствии роль хора (и лирически-дифирамбического начала) уменьшается, нисходит до роли интермедий: «В конце V века и в начале IV, у Агафона, хор участвует уже определенно в музыкальных антрактах; лирические номера теряют связь с действием — это вставные пьесы (*эмболима*)»³³. Непонимание роль хора демонстрирует А. Н. Веселовский: «Хор является лишь привеском, архаизмом и не имеет *raison d'être*»³⁴.

Катарсис и Дионис

Афиняне говорили пренебрежительно, если им не нравилась трагедия: «Это не имеет отношения к Дионису!»³⁵. Трактовка этой фразы узко-тематически (каждая трагедия должна быть о Дионисе) является свидетельством непонимания той роли, которую дионисийское начало играло в трагедии вообще; в этих словах отвергалось не содержание трагедии, а ее поверхностность, отделенность от бога, в священном месте которого она исполнялась.

Сущностное единство хора как наследника мистов и зрителя как свидетеля совершающейся мистерии проливает свет на генеалогию сущности катарсиса. Переживание зрителя греческой драмы несомненно имело нечто общее в происхождении с переживанием участника оргии: «оргазм, по крайней мере, смягченный на греческой почве, имеет некоторые черты, общие с пафосом, т. е. основным признаком трагедии <...> Как в оргазме, так и в переживании трагедии было нечто экстатическое, нечто *искусственно* возбуждающее душу, отторгающее ее от обыденности и тем самым ее освящающее. Сколь ни различны *отражение пафоса* у зрителя и *переживание оргазма* одержимого, но их все же сближает общая им обоим *страстная фиктивная жизнь*»³⁶.

Таким образом, само понятие катарсиса, вероятно, было рождено с учетом религиозного содержания трагедий. Как писал Х. Ортега-и-Гассет, «афинская трагедия была богослужением. Таким образом, произведение осуществлялось скорее не на театральных подмостках, а в душе зрителя»³⁷. Вероятно, не будет сильным преувеличением сказать, что именно в греческой трагедии «тайное становилось явным» и актеры (словно бы сообщая, что у *царя Мидаса* фригийского, к слову, правителя — *ослиные уши*) разыгрывали для зрителей «священную повесть»,

³¹ «Поэтика» Аристотеля цитируется здесь и далее, если не оговорено иное, по оригиналу и переводам, опубликованным уфимским филологом Борисом Ореховым на сайте nevmenandr.net

³² Веселовский 1940, 438.

³³ Анненский 2003, 98.

³⁴ Веселовский 1940, 444.

³⁵ Кереньи 2007, 207.

³⁶ Анненский 2003, 63.

³⁷ Цит. по: Кереньи 2007, 199.

или даже «слово неизреченное» (hieros logos, arrbltos logos)»³⁸ мистерий смерти и возрождения, несомненно, связанных с последующим пониманием *страстей Господних* и с дальнейшими ступенями развития мистерийного театра (Средневековые, рубеж XIX–XX вв.). И в эпоху рубежа XIX–XX веков — эпоху кризиса трагедии и рождения новых форм — тема мистерии вновь стала актуальна³⁹.

Именно культовой, культурной подоплекой, недавней историей театра как искусства обуславливалось соучастие многотысячной аудитории в спектакле, — соучастие, подобного которому не знала позднейшая история театра. К. Кереньи акцентировал уникальность мистико-эстетического переживания античного зрителя: «Восприятие и усвоение трагедии афинским народом — с имманентным для нее отношением к мрачному трагедийному божеству — является величайшим чудом в истории культуры. <...> Восприятие и усвоение трагедии означало одновременно самое глубокое религиозное чувство (однако не в смысле христианской или какой-либо спиритуалистически-мистической религии), когда-либо достигнутое массой народа»⁴⁰. Вместе с тем такое глубокое понимание влекло за собой и требование к подготовленности зрителя к дешифровке языка спектакля: «О масштабности чуда свидетельствуют богатство и дифференцированность языка пьес, особенно партий хора. От публики ожидалось, что она будет прослеживать этот язык во всех его нюансах, и в большинстве своем она справлялась с такой задачей»⁴¹. Таким образом, если хор был *идеальным* зрителем, то многотысячный античный зритель в массе был *подготовленным*; и обусловлена была катартическая реакция не только, очевидно, эмоциональным сопереживанием, но и удовольствием от понимания семантики театрального языка, который был весьма специфичен.

Вместе с тем и эмоциональный фактор *единения*, или *отождествления*, нельзя сбрасывать со счетов. Как точно отмечала исследователь античной трагедии Д. Овчарова, «о древнем греке нельзя сказать: «А что ему Эдип!», так как «в античном театре трагических агонев осуществлялось некоторое, и по времени не непрерывное, слияние: смыкались судьбы тех, кто в зрительном ряду, с теми, кто на сцене»⁴². Именно такое слияние легло в основу понятия катарсиса — идеального взаимодействия театра и зрителя, зафиксированного в данном значении тем же первым теоретиком драмы Аристотелем.

ЛИТЕРАТУРА

- Анненский И. 2003: История античной драмы: курс лекций. СПб.
 Арто А. 2000: Театр и его Двойник. СПб.
 Веселовский А.Н. 1940: Историческая поэтика. М.
 Иванов В. 1994: Дионис и прадинасияство. СПб.
 Кереньи К. 2007: Дионис: Прообраз неиссякаемой жизни. М.
 Максимов В.И. 2009: Рождение трагической формы из духа мистерии. Актуальность трагедии // Театрон. 2, 3–15.
 Ницше Ф. 1996: Сочинения: в 2-х тт. М.

³⁸ Иванов 1994.

³⁹ Максимов 2009, 14.

⁴⁰ Кереньи 2007, 208.

⁴¹ Кереньи 2007.

⁴² Овчарова 1984, 5.

-
- Овчарова Д. А.* 1984: Эстетическая проблема генезиса античной классической трагедии и ее катартического воздействия: дис. ... канд филос. наук. М.
- Орехов Б.* (ред.) 2007–2013: Филология. Лингвистика. Литературоведение. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: nevmenandr.net
- Павленко А.* 2006: Теория и театр. СПб.
- Трубецкой С. Н.* 2003: Метафизика в Древней Греции. М.

FROM ΜΥΣΤΗΣ TO ΘΕΑΤΗΣ (THEATRE AUDIENCE FORMATION HISTORY)

A. A. Yernjakyán

The author attempts to tackle ancient theatre establishment in the context of little-studied issue concerning forming the audience from the viewpoint of culture and religion history rather than theatre sociology. The author concludes that Greek tragedy based on mystery plays preserves its mysterious purport for the audience, which brings forth the notion of catharsis.

Key words: mystery, theatre, tragedy, audience, Dionysus, Dionysia, chorus, maenads

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЯ

ИСТОРИЯ ДРЕВНЕГО МИРА

ДРЕВНЯЯ ГРЕЦИЯ И РИМ

<i>Венидиктова Е. А.</i> (Казань) — К вопросу о династической преемственности аргосских царей	3
<i>Краснобаева Ю. Е.</i> (Москва) — Терминология сакрального служения в произведениях Филона Александрийского	8
<i>Фридманн А. М.</i> (Москва) — Погребальная пелена из Музея Храма Христа Спасителя в Москве: итоги предварительного изучения	18

СЕВЕРНОЕ ПРИЧЕРНОМОРЬЕ

<i>Ярцев С. В.</i> (Тула) — Херсонес и Боспор в эпоху Константина Великого	27
<i>Седых Е. Е.</i> (Тула) — Благоустройство городища «Белинское»	44

ИСТОРИЯ СРЕДНИХ ВЕКОВ

<i>Куприенко С. А.</i> (Киев) — Историография общественно-хозяйственного устройства империи инков	57
<i>Талах В. Н., Куприенко С. А.</i> (Киев) — Календарь доколумбовых индейцев Анд по сведениям Фернандо де Монтесиноса и Бласа Валеры	65
<i>Фурцев Р. В.</i> (Москва) — Французский фактор в политике послов итальянских государств при дворе Максимилиана I в 1497–1498 гг.	75

ИСТОРИЯ НОВОГО И НОВЕЙШЕГО ВРЕМЕНИ

<i>Демичев К. А.</i> (Нижний Новгород) — Институт придворной охоты и её функции в сикхском государстве Ранджита Сингха	85
<i>Фильчиков С. С.</i> (Тюмень) — Путь доблести: индейцы в армии США	98

ИСТОРИЯ РОССИИ

<i>Гарустович Г. Н.</i> (Уфа) — Католическая пропаганда в Волго-Уральском регионе в эпоху средневековья	107
<i>Стародубова О. Ю.</i> (Магнитогорск) — Шведы на горно-металлургических заводах Урала: к проблеме источниковой базы	116
<i>Макарова Н. Н.</i> (Магнитогорск) — Шведские военнопленные на Урале в первой четверти XVIII века	122
<i>Фролова Н. С.</i> (Магнитогорск) — Специалисты — «на экспорт»: шведы на уральских заводах	130

ФИЛОЛОГИЯ

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

<i>Комар Н. Г.</i> (Казань) — Исследование древнерусской литературы в Казани: первый этап	137
<i>Ломакина Е. А.</i> (Магнитогорск) — Особенности функционирования художественного приема маски на примере личины остроумца эпохи Реставрации	143
<i>Абрамзон Т. Е.</i> (Магнитогорск) — «Разговор в царстве мертвых Ломоносова с Сумароковым» (1777): поэтика культурной роли Ломоносова	151
<i>Паикуров А. Н., Бакиров Р. А.</i> (Казань) — А. С. Пушкин в Казани: пролог мультимедийного проекта	162
<i>Сапченко Л. А.</i> (Ульяновск) — Пространственный образ церкви в произведениях Н. В. Гоголя	168
<i>Кожевников М. В., Абдулина А. М.</i> (Магнитогорск) — Проблема дегуманизации личности в пьесе Г. Гауптмана «Шлюк и Яу»	177
<i>Зайцева Т. Б.</i> (Магнитогорск) — Киркегоровская концепция труда, таланта и призвания в повести А. П. Чехова «Моя жизнь»	184
<i>Таянова Т. А.</i> (Магнитогорск) — Эстетические законы и их преодоление в литературе религиозной направленности	190
<i>Ливская Е. В.</i> (Калуга) — Эзотерическая составляющая ранней прозы С. Д. Кржижановского: Текст как часть посвяtitельного ритуала	199
<i>Янтилина Г. Г.</i> (Уфа) — Художественное воплощение образов современников в повести Талхы Гиниатуллина «Унылые дни»	211
<i>Макаров А. В.</i> (Новосибирск) — Итеративный принцип метатеатральности в русской драме 2000-х годов (на материале пьесы Э. Радзинского «Палач»)	215

ЛИНГВИСТИКА

<i>Шулежкова С. Г.</i> (Магнитогорск) — <i>Непротивление злу насилием и не могу молчать</i> (крылатые выражения Л. Н. Толстого)	225
<i>Ходиченкова Д. А.</i> (Магнитогорск) — Аспекты изучения системных связей древнерусской военной лексики	241
<i>Третьякова Л. Н.</i> (Москва) — Военная концептосфера и концепт «Сабля» в языковой картине мира русского человека на фоне других лингвокультур	245
<i>Гасанова М. А., Казимагомедова Ж. Д.</i> (Махачкала) — Концепт «рука» в табасаранской языковой картине мира	251
<i>Козько Н. А.</i> (Магнитогорск) — К вопросу о лингвокультурном концепте	256
<i>Мильбрет А. А.</i> (Санкт-Петербург) — Прилагательные, характеризующие внешне привлекательного человека, в русской языковой картине мира	263
<i>Томберг О. В.</i> (Екатеринбург) — Лингвоаксиологическая составляющая речевого портрета	269
<i>Kuznetsov A. V.</i> (Калуга) — Slang of social networks	279
<i>Пожидаяева Е. В.</i> (Магнитогорск) — Концепт «продукты питания» в англоязычной картине мира: лингвокультурологический и лингвокогнитивный подходы	286
<i>Патроева Н. В.</i> (Петразоводск) — Типология и поэтика глагольных времен в русской народной лирической песне	296
<i>Лебедева О. В.</i> (Новгород) — Поэтика интермедийных связей в новелле Джулиана Барнса «Gnosienne»	304

СОДЕРЖАНИЕ

393

<i>Глинская Н. П.</i> (Москва) — История формирования термина «police power» в дис- курсе Верховного суда США.....	310
---	-----

КУЛЬТУРА

ЭТНОЛОГИЯ

<i>Дрёмов И. И.</i> (Саратов) — Калмаки XIV–XVI веков между Волгой и Иртышом и калмыцкий эпос «Джангар».....	317
<i>Антонов И. В.</i> (Уфа) — Об аланском компоненте в этногенезе башкир	330
<i>Филиппова И. А.</i> (Магнитогорск) — Казаки-«крестоходцы»: особенности конструи- рования религиозных практик	340
<i>Поддубиков В. В.</i> (Кемерово) — Город как мультикультурный социум: проблемы по- левых этнографических исследований.....	350
<i>Керимова М. М.</i> (Москва) — Институционализация российской этнографической нау- ки (последняя четверть XIX — начало XX в.)	358

ИСКУССТВОВЕДЕНИЕ

<i>Ернджакян А. А.</i> (Ереван) — От <i>μυστήρ</i> к <i>θεατής</i> : к истории становления театраль- ной публики	382
---	-----

CONTENTS

HISTORY

ANCIENT HISTORY

ANCIENT GREECE AND ROME

<i>E. A. Venidictova</i> (Kazan) — On the Dynastic Succession of Kings of Argos	3
<i>Yu. S. Krasnobaeva</i> (Moscow) — The Idea of Ministry in Works of Philo of Alexandria ...	8
<i>A. M. Fridmann</i> (Moscow) — Funeral Cloth from the Museum of the Cathedral of Christ the Saviour (Preliminary Study Results).....	18

THE NORTHERN BLACK SEA REGION

<i>S. V. Yartsev</i> (Tula) — Chersonese and the Bosporan Kingdom in the Epoch of Constantine the Great	27
<i>Ye. Ye. Sedych</i> (Tula) — Improvement of the Ancient Settlement of Belinskoye	44

MIDDLE AGES

<i>S. A. Kuprienko</i> (Kiev) — Historiography of Social and Economic Structure of the Inca Empire	57
---	----

<i>V. N. Talakh, S. A. Kuprienko</i> (Kiev) — Calendar of the Andes Pre-Columbian Indians According to Fernando De Montesinos And Blas Valera.....	65
<i>R. V. Furtsev</i> (Moscow) — French Factor in the Policy of Italian Ambassadors at the Court of Maximilian I in 1497–1498	75

NEW AND MODERN HISTORY

<i>K. A. Demichev</i> (Nizhny Novgorod) — Sikh Royal Hunting Institution and its Functions in the Sikh State of Ranjit Singh.....	85
<i>S. S. Filchikov</i> (Tyumen) — The Path of Valor of Red Indians in the US Army	98

HISTORY OF RUSSIA

<i>G. N. Garustovich</i> (Ufa) — Catholic Church Propaganda in the Medieval Volga-Ural Region	107
<i>O. Yu. Starodubova</i> (Magnitogorsk) — Swedes at Ural Metallurgical Enterprises: Research Source Issues.....	116
<i>N. N. Makarova</i> (Magnitogorsk) — Swedish Prisoners of War in the Urals During the First Quarter of the 18 th Century	122
<i>N. S. Frolova</i> (Magnitogorsk) — ‘Import’ Experts: Swedes at the Ural Plants	130

PHILOLOGY

HISTORY OF LITERATURE

<i>N. G. Komar</i> (Kazan) — Kazan Old-Russian Literature Analysis (The First Stage).....	137
<i>Ye. A. Lomakina</i> (Magnitogorsk) — Restoration Wisecracker Embodiment as a Mask Technique Example	143
<i>T. Ye. Abramzon</i> (Magnitogorsk) — “Conversation in the Abode of the Dead by Lomonosov and Sumarokov” (1777): Poetics of Lomonosov’s Cultural Role.....	151
<i>A. N. Pashkurov, R. A. Bakirov</i> (Kazan) — A. S. Pushkin in Kazan (Prologue to Multimedia Project)	162
<i>L. A. Sabchenko</i> (Ulyanovsk) — Church Spatial Image in N. V. Gogol’s Works.....	168
<i>M. V. Kozhevnikov, A. M. Abdulina</i> (Magnitogorsk) — Dehumanization of the Individual in Bourgeois Society as Depicted in G. Hauptmann Comedy “Schluck and Jau”	177
<i>T. B. Zaitseva</i> (Magnitogorsk) — Kierkegaard’s Concept of Labor, Talent and Vocation in A. P. Chekhov’s Narrative “My Life”	184
<i>T. A. Tayanova</i> (Magnitogorsk) — Esthetic Laws and their Transformation in Religious Literature	190
<i>Ye. V. Linskaya</i> (Kaluga) — Esoteric Component of S. D. Krzhizhanovsky’s Early Prose: Text as a Part of Initiation Ritual	199
<i>G. G. Yantilina</i> (Ufa) — Literary Embodiment of Our Contemporaries in Talkha Giniatullin’s Short Novel “Cheerless Days”	211
<i>F. V. Makarov</i> (Novosibirsk) — Iterative Metatheatre Principle in Russian Drama of the 2000-s (based on E. Radzinsky’s Play “Executioner”)	215

LINGUISTICS

<i>S. G. Shulezhkova</i> (Magnitogorsk) — Non-Resistance to Evil and I cannot be Silent (L. N. Tolstoy's Winged Phrases)	225
<i>D. A. Khodichenkova</i> (Magnitogorsk) — Some Aspects of Old Russian Military Vocabulary Systematic Relations	241
<i>L. N. Tretyakova</i> (Moscow) — Military Conceptual Sphere and Concept "Sabre" in Russian World Image Against the Background of Other Linguistic Cultures.....	245
<i>M. A. Gasanova, Zh. D. Kazimagomedova</i> (Dagestan) — Concept "Hand" in Tabasaran Linguistic World-Image	251
<i>N. A. Kozko</i> (Magnitogorsk) — Issues About Linguocultural Concept	256
<i>A. A. Milbret</i> (St. Petersburg) — Russian Linguistic World-Image Adjectives Describing a Good-Looking Person	263
<i>O. V. Tomberg</i> (Yekaterinburg) — Linguo-Axiological Component of Speech Portrait.....	269
<i>A. V. Kuznetsov</i> (Kaluga) — Social Network Slangage	279
<i>Ye. V. Pozhidayeva</i> (Magnitogorsk) — Concept "Food" in the English World Image: Linguocultural and Linguocognitive Approach	286
<i>N. V. Patroyeva</i> (Petrozavodsk) — Typology And Poetics Of Verbal Tenses In Russian Folk Lyric Song.....	296
<i>O. V. Lebedeva</i> (Veliky Novgorod) — Poetics Of Intermedial Connections in Julian Barnes' Story "Gnosienne"	304
<i>N. P. Glinskaya</i> (Moscow) — The Term "Police Power" Throughout the US Supreme Court Discourse.....	310

CULTURE

ETHNOLOGY

<i>I. I. Dryomov</i> (Saratov) — Kalmaks of 14 th –16 th Centuries of the Volga-Irtysh Area and Kalmyk Epic Of Jangar	317
<i>I. V. Antonov</i> (Ufa) — Alan Component in Bashkir Ethnogenesis.....	330
<i>I. A. Filippova</i> (Magnitogorsk) — Cossack Icon-Bearers (Religious Procession Formation Peculiarities).....	340
<i>V. V. Poddubikov</i> (Kemerovo) — Town as Multicultural Socium (Ethnographic Field Study Issues).....	350
<i>M. M. Kerimova</i> (Moscow) — Russian Ethnography Institutionalization (the late 19 th — early 20 th century)	358

HISTORY OF ARTS

<i>A. A. Yernjakyan</i> (Yerevan) — From ΜÚστης To Θεᾶτης (Theatre Audience Formation History).....	382
---	-----

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АИК	—	Археологические исследования в Крыму. Симферополь.
А МГУ	—	Архив Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова
Архив ЛНК МаГУ	—	архив лаборатории народной культуры Магнитогорского государственного университета
АЭБ	—	Археология и этнография Башкирии. Уфа
БИ	—	Боспорские исследования. Симферополь; Керчь.
БФ	—	Боспорский феномен. СПб.
ВДИ	—	Вестник древней истории. Москва
ГАОО	—	Государственный архив Оренбургской области
ДБ	—	Древности Боспора. Москва
Жит. Ал. Невского	—	Житие Александра Невского.
ЖС	—	Живая старина. Санкт-Петербург
ЗАН	—	Записки Императорской академии наук. Санкт-Петербург
ЗООИД	—	Записки Одесского общества истории и древностей. Одесса.
ИОЛЕАЭ	—	Императорское Общество любителей естествознания, антропологии и этнографии. Москва
ИРГО	—	Императорское Русское географическое общество. Санкт-Петербург
КБКAM I	—	Абрамзон М. Г., Фролова Н. А., 2007–2008. Корпус боспорских кладов античных монет. Т. I (1834–2005 гг.) // Боспорские исследования. Supplementum 2. Симферополь; Керчь.
КБКAM II	—	Абрамзон М. Г., 2011. Корпус боспорских кладов античных монет. Т. II. Клады из новых поступлений в Керченский историко-культурный заповедник (2009–2010 гг.) // Боспорские исследования. Supplementum 7. Симферополь; Керчь.
КБН	—	Корпус боспорских надписей. Москва; Ленинград, 1965.
КСИА	—	Краткие сообщения Института археологии. Москва
Лет. пов. о татаро-монг. нашествии	—	Летописные повести о татаро-монгольском нашествии по Лаврентьевской летописи.
МАИЭТ	—	Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. Симферополь.
МИА	—	Материалы и исследования по археологии СССР. Москва; Ленинград
НА ИЭИ УНЦ РАН	—	Научный архив Института этнологических исследований Уфимского научного центра Российской академии наук
НА УНЦ РАН	—	Научный архив Уфимского научного центра Российской академии наук
НиС	—	Нумизматика и сфрагистика. Москва
НЛ	—	Никоновская летопись
НЭ	—	Нумизматика и эпиграфика. Москва
ОПИ ГИМ	—	Отдел письменных источников Государственного исторического музея. Москва
ПВЛ	—	Повесть временных лет.
ПИКГ	—	Памятники истории Киевского государства
ПИФК	—	Проблемы истории, филологии, культуры. Москва; Магнитогорск; Новосибирск
Пов. о битве на р. Воже	—	Повесть о битве на реке Воже
Пов. о Кулик. битве	—	Летописная повесть о Куликовской битве
Пов. о побоище на р. Пьяне	—	Повесть о побоище на реке Пьяне
Пов. о разорении Рязани Батыем	—	Повесть о разорении Рязани Батыем
ПСРЛ	—	Полное собрание русских летописей
ПФ АРАН	—	Санкт-Петербургский филиал Архива РАН
РА	—	Российская археология. Москва
РГАДА	—	Российский государственный архив древних актов. Москва
РГИА	—	Российский государственный исторический архив. Санкт-Петербург
Сказ. о Довм., 1268	—	Сказание о Довмонте
ФОН	—	Факультет общественных наук Московского государственного университета

ЦАГМ	— Центральный архив города Москвы
ЦИАМ	— Центральный исторический архив Москвы
ЭО	— Этнографическое обозрение. Москва
ENAWW	— Encyclopedia of Native American Wars and Warfare. 2005. New York.
EVA	— Encyclopedia of the Veteran in America. 2009. Santa Barbara.
IOSPE	— Латышев В. В. Inscriptiones antiquae orae septentrionalis Ponti Euxini Graecae et Latinae. Petropoli, 1885–1901. Vol I, II, IV; 2-е издание Том ^a I — 1916 г.
JRA	— Journal of Roman Archaeology. Portsmouth.
LdÄ	— Lexikon der Ägyptologie. Bd. I–VII. Wiesbaden. 1975–1986.
PGL	— A Patristic Greek Lexicon / G. W. H. Lampe (ed.) Oxford, 1961.
TWNT	— Theologisches Wörterbuch zum Neuen Testament / herz von G. Kittel Stuttgart, 1953.
WE	— Webster's Encyclopedic Unabridged Dictionary of the English Language

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ

Редакция журнала «Проблемы истории, филологии, культуры» обращается к авторам с просьбой присылать статьи, оформленные по новым правилам:

Статьи представляются в 1 экземпляре в электронной форме на CD или другом носителе (присылаются на e-mail: history@masu.ru; текст должен быть напечатан в формате WORD 2003 (doc.), иллюстрации в одном из распространенных форматов (jpg, tiff). Тексты на греческом языке рекомендуется набирать в формате Unicode.

Объем статей не должен превышать 1 авт. л., рецензии – 1 авт.л.

К статье необходимо прилагать краткое резюме (один абзац и список ключевых слов (не более восьми)), а также почтовый и электронные адреса авторов, место работы и должность.

Ссылки даются в подстрочных примечаниях (в конце каждой страницы) со сквозной нумерацией по следующей системе: фамилия автора и год публикации без запятой, номер страницы, прим. (n., Ann., ect.), рис. (fig., Abb., ect.) или табл. (pl., Taf., ect.).

Например: Иванов 1972a, 536, рис.2; 1972b, 56-59; Salvatori 1995, 67-68 fig.1.

Если в книге или статье не указан автор, обязательно указывается редактор или составитель.

Для литературных произведений, цитируемых в тексте статьи, даются ссылки в подстрочных примечаниях.

Ссылки на газеты:

Правда 21.05.1933.

Полевой материал автора:

ПМА 2010, РБ, Бакалинский р-н, д. Юльtimiровка, с. Ахманово.

Литература

Литература перечисляется в конце статьи в алфавитном порядке по следующей форме:

Для книг:

Галанина Л.К. 1997: Келермесские курганы (Степные народы Евразии, I). М.

Alexander C. 1928: The Metropolitan Museum of Art Jewelry. The Art of the Goldsmith in Classical Times. L.; New York.

Для литературных произведений:

Толстой Л.Н. 1980-1982: Полное собрание сочинений. М.

Пушкин А.С. 1960-1968: Собр.соч.: в 10 т. М.

Пушкин А.С. 1978: Избранное: в 3 т. М.

Для журнальных статей (обязательно указывается первая и последняя страницы статьи):

Ростовцев М.И. 1917: Надпись на золотом сосуде из с. Мигулинской // ИАК.63, 106-108.

Аннинский А.П. 2008: Беседа о странностях истории // Родина. 2, 18-26.

Salvatori S. 2000: Bactria and Margiana seals: a new assessment of their chronological position and a typological survey // East and West. 50, 97 – 145.

Для книг/статей без авторов:

Сайко Э.В. (ред.) 2001: Город в процессах исторических переходов, теоретические аспекты и социокультурные характеристики. М.

Волина С.Л., Ромаскевич А.А., Якобовский А.Я. (ред.) 1938: Материалы по истории туркмен и Туркмении. 1938: Т. I. Арабские и персидские источники. М.; Л.

Для статей/ глав в книгах и сборниках (обязательно указываются фамилия и инициалы редактора/ов книги или сборника, а также первая и последняя страница статьи).

Грантовский Э.А. 1981: О некоторых материалах по общественному строю скифов. «Родственники» и «друзья» // Кавказ и Средняя Азия в древности и средневековье /Б.А. Литвинский (ред.). М., 59-79.

Salvatori S. 1998: Margiana archaeological map: the Bronze age settlement pattern // The Archaeological Map of the Murghab Delta. Preliminary Reports 1990-95/ A. Gubaev, G. Koshelenko & M. Tosi (eds.). Rome, 57-65.

Для архивных документов:

ОР РНБ. Ф. 316. Д. 161. Л.1.

РО ИРЛИ. Ф. 568. Оп. 1. №. 196. Л. 18-19 об.

Для электронных документов:

Городецкий С. 2011: Письма с фронта. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.simonov.co.uk/biography.htm>.

Brooke R. 2010: His actual reaction to war. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.warpoetry.co.uk/brooke2.html>.

Сокращения

К статье должен прилагаться отдельный список сокращений в алфавитном порядке.

АО — Археологические открытия. М.

IGBR — Inscriptiones graecae in Bulgaria repertae / Ed. G. Mihailov. Sofia, 1956.

Статьи, оформленные не по правилам, к рассмотрению не принимаются. Решение о публикации принимается редколлегией на основе рецензирования рукописей; о принятом решении сообщается авторам. Присланные в редакцию материалы не возвращаются.

Проблемы истории, филологии, культуры. № 1. 2013

Сдано в набор 17.01.2013. Подписано в печать 4.04.2013.
Формат 70х100¹/₁₆. Печать офсетная. Усл. печ. л. 34,8. Уч.-изд. л. 33,9.
Бумага тип. №2. Тираж 440 экз. Заказ № .
Журнал распространяется бесплатно.

Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 11-0868 от 25.09.2006.
в Федеральной службе по надзору за соблюдением законодательства в сфере
массовых коммуникаций и охране культурного наследия.
Учредитель: Абрамзон М.Г.

Редакция: 455038, г. Магнитогорск, пр. Ленина, 114, каб. 514.
Издательство: 455026, г. Магнитогорск, ул. Правды, 79/3, каб. 308.
Типография: ЗАО МДП, 455023, г. Магнитогорск, пр. К. Маркса, 69.